Генералъ А. И. Деникинъ

Очерки Русской Смуты

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Вооруженныя силы Юга Россіи

1 9 2 5

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

ЭР1/535

Генералъ А. И. Деникинъ

323.2(47)"1918"

Очерки Русской Смуты

Томъ четвертый

Вооруженныя силы Юга Россіи

Библиотека Института Красной Профессуры
3697/4
С-ф. № 48

1 9 2 5

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО», БЕРЛИНЪ

Перепечатка и переводъ безъ разрѣшенія автора воспрещаются.

ГЛАВА I.

Крушеніе Германіи и его ближайшія послѣдствія для Россіи.

Эпилогъ міровой войны вызвалъ глубокіе сдвиги въ ходѣ русской смуты.

Паденіе центральныхъ державъ — неизбѣжное, намѣчавшееся давно уже цѣлымъ рядомъ зловѣщихъ признаковъ, явилось все же неожиданнымъ по своей стремительности и катастрофическимъ размѣрамъ. Не только реальныя послѣдствія его, но и сама грандіозность событія ошеломили и побѣдителей, и побѣжденныхъ, и тѣхъ, что стояли уже за сценой міровой трагедіи, но были еще связаны прочными цѣпями съ одной изъ сторонъ. Въ ближайшіе мѣсяцы послѣ окончанія войны мы станемъ, поэтому, свидѣтелями крайней неустойчивости и непонятныхъ на первый взглядъ противорѣчій въ политикѣ державъ-побѣдительницъ. Мы увидимъ также, что тѣ скрѣпы, которыя въ 1914 году искусственно связали міръ въ два взаимно враждебныхъ лагеря, начинаютъ понемногу рушиться, и пути народовъ расходятся вновь. Что, наконецъ, въ нравственный обликъ человѣчества конецъ борьбы не внесъ умиротворяющаго начала, но углубилъ еще болѣе послѣдствія войны и революцій: безбрежную ненависть, разлившуюся по всему свѣту, и бездонный эгоизмъ — государственный, классовый и личный.

Измѣнились «театры», средства и способы, но сама борьба не стихла.

* * *

Наиболѣе разительныя противорѣчія въ этотъ періодъ являетъ собою жизнь Россійскаго государства.

Въ теченіе 6—8 мѣсяцевъ отъ Балтійскаго моря до Азовскаго стояла сплошная стѣна нѣмецкихъ штыковъ, отдѣлявшая 19 губерній[1]) отъ совѣтскихъ владѣній. По одной сторонѣ этого рубежа шло неприкрытое расхищеніе или балканизація россійской территоріи и тяжелая экономическая эксплоатація ея. Но жизнь и достояніе населенія находились тамъ подъ защитой чужеземной власти, поскольку впрочемъ... полевая юстиція и широкія реквизиціи не попирали права.

По другой сторонѣ бушевала анархія...

Нѣмецкій кордонъ, создавая тѣсную блокаду совѣтской Россіи, отрѣзая ее отъ морей, житницъ и угля, ставилъ въ весьма тяжелое положеніе всю политико-экономическую жизнь страны. Но онъ имѣлъ и нѣкоторыя положительныя стороны для совѣтовъ: присутствіе нѣмцевъ и договорныя отношенія съ ними обезпечивали совѣтскіе предѣлы отъ вторженія съ запада какой-либо иной враждебной внѣшней силы[2]), и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ раіонѣ оккупаціи не допускали сколько-нибудь серьезной организаціи противобольшевицкихъ элементовъ. Ав-

[1]) Не считая Польши и Финляндіи.

[2]) На Западномъ фронтѣ для наблюденія большевики держали не болѣе 15 тысячъ шт., отъ Пскова до Минска.

стро-нѣмецкая оккупація давала совѣтамъ «передышку», столь необходимую, въ виду надвигавшейся съ Востока и Юга опасности.

Пораженіе центральныхъ державъ должно было въ корнѣ измѣнить это положеніе.

И по одну, и по другую сторону «стѣны» возникла продиктованная, гдѣ надеждой, гдѣ страхомъ, увѣренность въ томъ, что измѣнятся лишь внѣшнія декораціи; что австро-германцевъ смѣнятъ союзники, и военно-экономическая блокада совѣтской Россіи приметъ отнынѣ характеръ активной интервенціи. Русская общественность видѣла въ такой постановкѣ вопроса естественное продолженіе борьбы и морально связывающихъ союзническихъ отношеній, видѣла и существенные интересы самихъ державъ Согласія, для которыхъ распространеніе большевизма представляло прямую и явную угрозу. Такъ же думали и большевики: «опасность велика — говорилъ Троцкій — (тѣмъ болѣе), что у союзниковъ руки развязаны... Вся исторія сейчасъ, какъ въ одномъ комкѣ, сгустилась для насъ въ этомъ вопросѣ...»[1]). Но не только мотивы чисто умозрительные поддерживали это убѣжденіе: оно основывалось на письменныхъ актахъ державъ Согласія и, какъ увидимъ ниже, на офиціальныхъ заявленіяхъ отвѣтственныхъ ихъ представителей.

29 октября Германія приняла условія перемирія, продиктованныя ей побѣдителями. Въ части, касающейся Россіи, Согласіе потребовало: отхода австро-германскихъ войскъ Восточнаго фронта на государственную границу 1914 года, не опредѣляя, однако, срока; эвакуаціи портовъ Чернаго моря, съ выдачей союзникамъ всѣхъ судовъ и портовыхъ матеріаловъ — германскихъ, нейтральныхъ и русскихъ; аннулированія Брестъ-Литовскаго договора; возвращенія русскаго золотого запаса[2]); обезпеченія свободнаго прохода союзнаго флота черезъ Категатъ въ Балтійское море. Черезъ два дня общія условія перемирія были нѣсколько измѣнены въ пользу Германіи, причемъ очищеніе областей, «принадлежавшихъ передъ войной Россіи», было отложено до того момента, когда союзники признаютъ его возможнымъ, сообразно внутреннему положенію этихъ областей. Нѣмцы обязывались лишь прекратить реквизиціи и иныя принудительныя мѣры, имѣвшія цѣлью «добыть вспомогательныя средства въ Россіи», и открыть свободный доступъ союзникамъ на востокъ черезъ Данцигъ и Вислу «для обезпеченія населенія продовольствіемъ и поддержанія порядка».

Насколько серьезны были первоначальныя намѣренія союзниковъ въ этомъ отношеніи, русская общественность не отдавала себѣ яснаго отчета. Но отовсюду — изъ западныхъ областей, съ Украины, съ Юга и изъ Крыма отъ правительственныхъ круговъ, общественныхъ и политическихъ группъ, всѣми доступными путями текли просьбы къ союзникамъ объ интервенціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, объ оставленіи въ оккупированныхъ областяхъ германскихъ войскъ впредь «д о с м ѣ н ы». Эти пожеланія раздѣлялись отчасти и германскимъ командованіемъ на Востокѣ, хотя бы по техническимъ соображеніямъ: оно стояло передъ стихійнымъ напоромъ солдатской массы, стремившейся вернуться домой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, передъ полнымъ разстройствомъ — временами параличомъ — транспорта: на Востокѣ — отъ общаго неустройства, соціальной и экономической распри, повстанчества и бандитизма; въ Германіи — отъ первыхъ потрясеній революціи и хлынувшей съ фронта трехъ-милліонной арміи, затопившей всю желѣзнодорожную сѣть страны. Въ результатѣ, главная нѣмецкая квартира въ Кіевѣ давала успокоительныя завѣренія делегаціямъ кіевскаго населенія, что германская армія «не покинетъ края, такъ какъ явилась она сюда не для завоеванія, а по приглашенію украинскаго народа для его защиты...» И въ то же

---

[1]) Докладъ въ Воронежѣ 5/18 ноября 1918 г.

[2]) 27 ноября 1918 г. 320 милліоновъ рус. золотого запаса поступило въ Banque de France. Впослѣдствіи это золото раздѣлено и удержано англичанами и французами «въ обезпеченіе русскаго долга».

время въ приказѣ войскамъ опредѣлялся порядокъ начавшейся уже эвакуаціи — первоначально Крыма — съ требованіемъ сохраненія войсками дисциплины и порядка, безъ чего невозможно благополучное возвращеніе ихъ на родину... А злополучное украинское правительство, для котораго уходъ нѣмецкихъ войскъ знаменовалъ приближеніе конца, чтобы успокоить возбужденіе нѣмецкихъ солдатъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, снискать расположеніе союзниковъ, вынуждено было говорить, скрывая свое тяжелое положеніе: «слухи, будто правительство преднамѣренно задерживаетъ отправку германскихъ войскъ на родину... настолько безсмысленны, что только злонамѣренность могла ихъ придумать. Украинская держава ни въ какомъ отношеніи не можетъ быть заинтересована въ удержаніи на своей территоріи германскихъ войскъ...»[1]).

* * *

Отношенія совѣтской власти съ официальной Германіей долго оставались неопредѣленными. Въ октябрѣ берлинская полиція обнаружила въ багажѣ пріѣхавшаго совѣтскаго представителя тюки прокламацій, призывавшихъ нѣмцевъ къ убійствамъ и террору. Только тогда нѣмецкое правительство рѣшилось, наконецъ, принять мѣры въ отношеніи «русскаго посольства», гдѣ подъ защитой экстерриторіальности велъ разрушительную работу тѣсный комплотъ русскихъ большевиковъ, нѣмецкихъ спартаковцевъ и «независимыхъ». «Большевицкій ядъ— говоритъ Гельферихъ — черезъ русское посольство былъ привитъ нѣмецкому народному организму. Въ благодарность за спасительную помощь, оказанную нашимъ правительствомъ большевизму, онъ отблагодарилъ организаціей революціи въ Германіи, несомнѣнно способствовавшей нашей катастрофѣ». Это довольно распространенное мнѣніе страдаетъ, конечно, большой односторонностью: какъ весною 1917 года н е о д н о только нѣмецкое золото послужило причиной распространенія въ Россіи большевизма, такъ и въ концѣ 1918 года н е о д н а только агитація Іоффе и его сподвижниковъ вызвала возстаніе спартаковцевъ...

Отношенія съ совѣтами были порваны. Германское правительство потребовало отъѣзда изъ Германіи въ 24 часа всѣхъ находящихся въ Берлинѣ «русскихъ официальныхъ лицъ» и одновременно отзывало своихъ представителей изъ Москвы. Это выступленіе побѣжденной уже Германіи все же произвело въ Москвѣ извѣстное впечатлѣніе, и Чичеринъ предостерегалъ «всѣхъ военкомовъ, командировъ и совѣты»[2]), что «хотя нѣтъ признаковъ, заставляющихъ ожидать военнаго выступленія германцевъ, но слѣдуетъ быть наготовѣ, на случай всякихъ неожиданностей со стороны Германіи...» Въ то же время изъ Москвы по всѣмъ направленіямъ передавались призывы къ «нѣмецкимъ товарищамъ» — свергнуть «правительство принцевъ (Максъ Баденскій), капиталистовъ и предателей... Шейдемановцы съ Эрцбергеромъ продадутъ васъ... Они договорятся съ англійскими и французскими капиталистами о разоруженіи... и тогда обратятъ васъ въ рабовъ. Только съ оружіемъ въ рукахъ вы захватите власть въ свои руки и образуете рабоче-солдатско-матросское правительство съ Либкнехтомъ во главѣ...»[3]).

27 октября разразилась въ Берлинѣ революція, и власть въ Германіи перешла къ директоріи (по 3 члена отъ соц.-демократ. большинства и независимыхъ), во главѣ съ Эбертомъ. По образцамъ, выработаннымъ русской революціей, повсюду въ странѣ — въ городахъ, гарнизонахъ, на фронтѣ — возникли совѣты солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ. Въ Берлинѣ образовался главный совѣтъ, выдѣлившій изъ своего состава центральный исполнительный комитетъ изъ 27 членовъ. Совѣтъ и комитетъ дѣлали попытки правотворчества и декларированія

[1]) Официальное сообщеніе 26. XI. 18.
[2]) Радіограмма 24 октября № 1090..
[3]) Радіограмма отъ 28 окт.

максималистскихъ принциповъ, но, тѣмъ не менѣе, признали исполнительную власть директоріи.

Нѣмецкая революція возбудила въ совѣтскомъ станѣ безграничныя надежды. Волны радіо несли изъ Москвы «восторженныя привѣтствія», «оплакивали жертвы, павшія въ священной борьбѣ» и были полны такой плакатной пошлости и такого неприкрытаго эгоистическаго ликованія, что произвели, вѣроятно, гнетущее впечатлѣніе въ поверженной странѣ, переживавшей свой національный трауръ. Откликнулся берлинскій совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, но съ нимъ невозможно было технически установить прочную связь. Правительство же Эберта-Гаазе, «стоя на основахъ нормальныхъ правовыхъ взаимоотношеній», явно уклонялось отъ близкаго общенія съ московской властью, подъ предлогомъ оскорбленія германскихъ консуловъ Москвы и Петрограда, съ которыми совѣтъ комиссаровъ, «какъ съ представителями Гогенцоллерновъ», отказался продолжать сношенія. А главное — германское правительство подчеркивало, что оно «не въ состояніи устранить тѣ препятствія, которыя могло бы встрѣтить на пути своего возвращенія русское посольство (Іоффе)...»[1]).

И московское радіо начало мало-по-малу мѣнять ликующій тонъ своихъ сообщеній. Посыпались жалобы «всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ», что «русское правительство стремится вступить въ связь съ товарищами новаго германскаго государства, но тщетно, несмотря на искренне выраженное желаніе берлинскаго рабочаго народа....» Просьбы, встрѣчаемыя съ недовѣріемъ, «установить прямой проводъ Ковно — Берлинъ, во избѣжаніе кровавыхъ столкновеній въ оккупированныхъ областяхъ...» Щедрые посулы — въ уплату за возобновленіе дипломатическихъ отношеній: «... Два поѣзда съ зерновыми продуктами стоятъ наготовѣ для трудового нѣмецкаго народа... И это только лишь начало...»[2]). Пресловутые «два поѣзда» въ совѣтской политикѣ считались, очевидно, золотымъ ключомъ къ сердцу германскаго народа, такъ какъ о нихъ говорится въ нѣсколькихъ телеграммахъ Чичерина, наряду съ предложеніемъ другого важнаго предмета экспорта: Чичеринъ просилъ также о пропускѣ въ Берлинъ «всѣхъ представителей московскаго совѣта нѣмецкихъ солдатскихъ депутатовъ», и безпрепятственнаго распространенія въ странѣ «документовъ, изготовленныхъ въ Москвѣ... нѣмецкимъ революціоннымъ солдатствомъ...» Нетерпѣніе совѣтскаго правительства было такъ велико, что уже на 9-й день германской революціи московское радіо не могло побороть его: «Скорбь, раздраженіе усиливаются отъ доходящихъ до насъ свѣдѣній, что нѣмецкіе революціонные рабочіе и революціонные солдаты не пытаются вовсе проявить свою солидарность передъ лицомъ этой опасности...[3]). Правительство обращается съ призывомъ къ революціоннымъ массамъ въ Германіи...»

Въ это время германскій народъ самъ, безъ содѣйствія московскихъ правителей, вѣрнѣе, вопреки ему, разрѣшалъ вопросъ своего бытія. Группа Либкнехта (спартаковцы), поддерживаемая большевицкимъ золотомъ, въ концѣ декабря произвела возстаніе, кроваво подавленное войсками, вѣрными правительству; вожди независимыхъ — Либкнехтъ и Роза Люксембургъ были убиты; созванное на 6 января 1919 г. Національное Собраніе установило новую конституцію германской республики. Первому правительству ея пришлось скоро (въ февралѣ) напрячь большія усилія къ подавленію новаго возстанія спартаковцевъ, охватившаго Баварію, но это была уже послѣдняя серьезная вспышка воинственнаго коммунизма.

Революція охватила только страны побѣжденныя. Психологія побѣдителей оказалась не воспріимчивой къ проповѣди крушенія современнаго государственнаго строя. Но и тамъ, въ странѣ побѣжденныхъ событія протекали иначе, чѣмъ въ Россіи: Германія, за ней Венгрія, въ силу индивидуальныхъ чертъ народнаго

---

[1]) Радіограмма отъ 1 ноября.
[2]) Радіограмма отъ 12 ноября.
[3]) Начавшіяся столкновенія между герм. солдатами и русскими большевиками въ оккупаціонной зонѣ.

характера, особенностей соціально-экономическаго строя и не безъ вліянія наглядныхъ результатовъ русскаго опыта, избѣгли участи, предначертанной судьбою русскому народу.

Это обстоятельство похоронило надолго надежды московскихъ коммунистовъ на близкую возможность мірового пожара.

* * *

Не достигнувъ желательныхъ результатовъ въ сношеніяхъ съ центральной германской властью, совѣтское правительство обрушилось всѣми средствами агитаціи и пропаганды на войска Восточнаго австро-германскаго фронта. Делегаціи, воззванія, телеграммы внушали фронту идеологію и практику русскаго большевизма, въ томъ числѣ необходимость «расправиться со своими офицерами и генералами, такъ какъ только вступленіе во власть солдатъ и рабочихъ вызоветъ довѣріе въ пролетаріатѣ Англіи и Франціи, и онъ заставитъ свои правительства заключить почетный міръ...» Ставились общія задачи и болѣе активныя: «... Въ Россіи, на Украинѣ, на Дону и въ Кубанской области есть хлѣбъ для насъ и для васъ. Поэтому-то англичане спѣшатъ, чтобы помочь генераламъ Скоропадскому, Краснову и Деникину вырвать хлѣбъ у рабочихъ. Если вы хотите хлѣба, то спѣшите дѣйствовать. Германскіе рабочіе и солдатскіе и матросскіе совѣты должны немедленно по радіотелеграфу приказать находящимся на Украинѣ частямъ напасть на красновскія банды, въ то время, какъ Красная армія атакуетъ (ихъ) съ сѣвера... Совмѣстно мы можемъ въ двѣ недѣли раздавить ихъ...»

Всѣ эти призывы, вліяя на ускореніе общаго развала австро-германскаго фронта, безсильны были, однако, побудить къ дѣйствіямъ людей, всѣ помыслы которыхъ были направлены къ возвращенію на родину, объятую пожаромъ, къ своимъ очагамъ, затерянным въ его пламени и дымѣ. Этотъ моментъ въ психологіи оккупаціонныхъ войскъ на западѣ Россіи сыгралъ такую же рѣшающую роль, какъ и въ чехо-словацкомъ движеніи на Востокѣ.

Не достигнувъ результата въ привлеченіи на свою сторону германскихъ войскъ, совѣтская власть вскорѣ измѣнила тактику: московское радіо стало разносить по свѣту воззванія новоявленныхъ «рабочихъ и крестьянскихъ правительствъ Эстоніи, Латвіи, Литвы, Бѣлоруссіи» и проч., возникшихъ на стогнахъ Москвы и требовавшихъ скорѣйшаго ухода оккупаціонныхъ войскъ.

Развалъ разноязычной, разноплеменной австрійской арміи, съ потерей идеи общей государственности, проявился немедленно и окончательно. На пространствѣ отъ Елисаветграда до Одессы и до Новоселицъ, распущенныя банды австрійцевъ, при содѣйствіи темныхъ элементовъ русскаго населенія, иногда при участіи крестьянъ цѣлыхъ деревень, стекавшихся къ городамъ и станціямъ, жгли, грабили магазины, базисные склады, запасы спирта и въ пьяномъ угарѣ учиняли погромы. Австрійскіе офицеры, бросивъ свой походный скарбъ, бѣжали сотнями въ зону германской оккупаціи. Командующій австрійскими войсками въ Одессѣ покончилъ съ собой, не вынеся картины развала. Австрійскія оккупаціонныя войска сразу перестали играть роль внѣшняго военно-политическаго фактора въ «русскомъ вопросѣ», увеличивъ лишь собою ряды разбойной вольницы, поддерживавшей въ краѣ анархію.

Германскія войска не избѣжали общей участи, воспринявъ всѣ внѣшнія формы русской «революціонной арміи». Съ разныхъ сторонъ шли вѣсти о разложеніи нѣмецкихъ частей, о волненіяхъ, митингахъ, оскорбленіяхъ, убійствахъ офицеровъ, самовольномъ уходѣ частей изъ занятыхъ раіоновъ и повальномъ дезертирствѣ солдатъ, торопящихся на родину. Одновременно шла широкая спекуляція и распродажа военнаго имущества, лошадей, оружія и даже пушекъ.

Все это было.

Но было и другое: въ мятущейся солдатской массѣ шла внутренняя борьба анархическаго мятежнаго начала съ врожденной дисциплиной нѣмецкаго ума и духа, не позволившей переступить ту послѣднюю грань, за которой начинается самоубійство арміи и націи. Германская армія перестала существовать, но осталась все же вооруженная сила, хотя и не желавшая больше воевать, но достаточно еще крѣпкая и организованная, чтобы въ минуту отчаянія проложить себѣ путь на родину. Правительство Эберта-Гаазе-Шейдемана требовало отъ арміи, чтобы, «несмотря на всѣ обстоятельства, военная дисциплина и уголовный кодексъ сохранялись въ неприкосновенности». Изъ Ковно, Кіева и другихъ военныхъ центровъ, изъ высшихъ совѣтовъ солдатскихъ депутатовъ раздавался трезвый голосъ о поддержаніи порядка. «Мы твердо рѣшили удалить изъ своей среды всѣ элементы, могущіе вредить соціалистической идеѣ солдатскихъ депутатовъ, но... энергично протестуемъ противъ всякаго большевицкаго движенія въ нашей средѣ... Мы не допустимъ надъ собой насилія никакого террористическаго меньшинства» — писалъ въ воззваніи-приказѣ Ковенскій совѣтъ. Словно по внушенію, почти всѣ солдатскіе комитеты выносили резолюціи, сводившіяся къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) сохранить организацію планомѣрнаго очищенія оккупированной территоріи и правильной отправки войскъ въ Германію; 2) до своего ухода оказывать противодѣйствіе наступленію совѣтскихъ войскъ; 3) въ случаѣ внутреннихъ возстаній держать нейтралитетъ.

Въ ноябрѣ начался исходъ.

Даже въ техническомъ только отношеніи это была задача огромной трудности. Ибо на территоріи пылающей Россіи отъ Балтійскаго до Чернаго морей стояла еще полумилліонная армія — 36 австро-германскихъ дивизій, удаленныхъ отъ своихъ государственныхъ границъ отъ 600 [1]) до 3½ [2]) тысячъ верстъ.

ГЛАВА II.

Внутреннее и военно-политическое положеніе совѣтской Россіи къ концу 1918 года.

Къ 1919 году положеніе совѣтской Россіи во мнѣніи не только враговъ коммунистической власти, но и правителей ея, представлялось глубоко безотраднымъ. Въ странѣ не было свободной печати, но и казенная, и подневольная [3]) изо дня въ день рисовала картину полнаго и безнадежнаго развала всѣхъ сторонъ народной жизни. Совѣтскіе правители въ своихъ многочисленныхъ выступленіяхъ подъ маской офиціальнаго оптимизма не могли скрыть своей жгучей тревоги. Перечитывая теперь, спустя пять лѣтъ, всѣ эти поблекшія отъ времени и «проявленныя» въ нѣкоторой исторической перспективѣ страницы — свидѣтельства нашихъ тогдашнихъ настроеній, видишь, насколько далеки были и мы, и они отъ правильной оцѣнки мощныхъ туковъ россійской почвы, которую не можетъ обезплодить въ концѣ даже самое варварское, истребительное хозяйничанье; отъ оцѣнки неисчерпаемыхъ богатствъ, накопленныхъ вѣками трудомъ народа и расточаемыхъ трутнями и хищниками смутнаго времени; необыкновенной живучести народнаго организма, противостоящаго невзгодамъ ряда лѣтъ войны, голода, мора, моральнаго и физическаго рабства; наконецъ, какъ далеки мы были отъ пониманія того безграничнаго долготерпѣнія и непротивленія русскаго народа, съ которымъ онъ несетъ свое постылое ярмо!..

Всѣ отрасли народной хозяйственной жизни шли къ окончательному упадку, ведя къ продовольственному и товарному голоду и къ параличу транспорта. Го-

---

[1]) Псковъ — Вержболово.
[2]) Тифлисъ — Калишъ.
[3]) «Правда», «Извѣстія», «Сѣв. Коммуна», «Экономич. Жизнь» и т. д.

сударственные финансы держались только мощностью печатныхъ станковъ[1]) и инерціей общественнаго довѣрія къ государственнымъ денежнымъ знакамъ *стараго* образца. Достойно вниманія, что съ 25 октября 1917 г. до апрѣля 1919 г. совѣтское правительство не рѣшалось подвергнуть испытанію довѣріе страны къ «рабоче-крестьянской власти» и печатало фальшивые билеты Временнаго и Царскаго правительства — по старымъ клише, со старыми годами, дублируя нумерацію, и за подписью «царскаго» министра и управляющаго государственнымъ банкомъ Шипова...

Немногочисленный правящій классъ—коммунисты, составлявшіе едва ½% населенія совѣтской Россіи, изображали изъ себя въ странѣ осажденный лагерь. Московская власть кромсала по живому тѣлу страны «новыя, небывалыя формы организаціи», издавала и отмѣняла декреты и одновременно вела борьбу противъ *всѣхъ*. Борьбу противъ самовластья мѣстъ, гдѣ комиссары, комитеты, совѣты съ ихъ чрезвычайными комиссіями «расхищали власть центра», проявляя нетерпимый областной (мѣстный) партикуляризмъ... Гдѣ, по выраженію Ленина, «правила не коммунистическая партія, а просто трехвостка...» Откуда, съ низовъ общественной іерархіи, изъ волости доносился вопль: «члены совѣтовъ губятъ насъ, насилуютъ нашу волю, надъ нами издѣваются, какъ надъ безсмысленными скотами...»[2]). Борьбу съ фабрично-заводскими комитетами, отстаивавшими свои элементарныя права противъ кабальной системы, введенной коммунистической администраціей фабрикъ и заводовъ, права на личную свободу, на «вольный трудъ» и голодный паекъ, низведенный въ первую треть 1919 года до размѣровъ 30% минимальной потребности... Борьбу съ кооперацією, которая декретомъ 20 марта 1919 г. была обращена въ государственный аппаратъ, съ мертвящей рутиной совѣтскаго бюрократизма... Продолжалась борьба — широкая, вооруженная — власти и города противъ деревни... Вооруженный пролетаріатъ шелъ походомъ на деревню не только за хлѣбомъ, но и за землей: удержаніе въ рукахъ государства значительной земельной площади (совхозы), официально объяснявшееся соображеніями государственнаго порядка, имѣло обоснованіемъ чисто классовыя соображенія: «надо закрѣплять и поддерживать движеніе рабочихъ на землю безъ разрыва съ фабрикой» — комментировалъ Ларинъ совѣтскій декретъ. «Рабочій заинтересованъ въ производительности завода, несущей ему освобожденіе отъ невыносимаго гнета продовольственной диктатуры деревни...» Деревня оборонялась по своему: пассивно — уменьшеніемъ общей запашки до 40% и сокращеніемъ посѣвовъ техническихъ растеній до 75%; активно — «голодными бунтами» въ уѣздахъ сѣверной и центральной Россіи, непрекращавшимися крестьянскими возстаніями, охватившими Московскую, Тамбовскую, Смоленскую, Рязанскую, Костромскую и друг. губерніи. Наконецъ, борьба жестокая, истребительная продолжалась противъ русской буржуазіи, нителлигенціи, людей науки и литературы, служителей церкви, бывшаго офицерства. Словомъ, «борьба противъ Бога, человѣка и природы». Терроръ «Че-ка» попрежнему не зналъ границъ въ числѣ своихъ жертвъ и въ жестокости мучителей.

Не избѣгли гоненія совѣтской власти и соціалистическія партіи, бывшія на полулегальномъ положеніи до февраля 1919 г., когда имъ былъ нанесенъ большой ударъ многочисленными арестами видныхъ членовъ. Съ тѣхъ поръ прекратилась всякая легальная дѣятельность въ совѣтской Россіи соц.-рев. и соц.-дем. и органы ихъ ушли въ подполье. Тѣмъ болѣе страннымъ представлялся тотъ поворотъ въ партійныхъ взглядахъ и тактикѣ этихъ партій, который привелъ ихъ къ безрезультатнымъ попыткамъ *соглашательства* и къ *отказу отъ вооруженной борьбы съ большевиками*.

---

[1]) До большевицкаго переворота всѣхъ денежныхъ знаковъ въ обращеніи страны было до 25 милліард. руб. Въ 1917 г. большевики выпустили 29 милліардовъ.

[2]) № 15 «Извѣстій» 19 г.

Офиціально въ постановленіи московской конференціи соц.-рев., состоявшейся 6—9 февраля 1919 г., мотивы такого рѣшенія приведены были слѣдующіе[1]):

« ... 4. Все болѣе объединяющаяся буржуазно-помѣщичья реакція, питаясь методами большевицкой власти и опираясь на поддержку союзнаго имперіализма, стремится возстановить въ Россіи до-революціонные порядки и ввергнуть страну во власть монархической реставраціи. Непримиримая борьба съ ней трудящихся классовъ диктуется ихъ жизненными интересами...»

« ... 8. Конференція рѣшительно отвергаетъ попытки сверженія совѣтской власти путемъ вооруженной борьбы, которая при распыленности и слабости трудовой демократіи и все растущей силѣ контръ-революціи служитъ только на пользу послѣдней и используется реакціонными группами въ цѣляхъ реставраціи...»

Позиція соц.-дем. меньшевиковъ въ этомъ вопросѣ была болѣе туманной, хотя и приводила къ тѣмъ же результатамъ. Лидеръ меньшевиковъ Данъ говорилъ обратившемуся къ нему представителю Національнаго центра: « ... Мы не считаемъ возможнымъ сохранить нашъ прежній нейтралитетъ по отношенію къ той или иной части демократіи, которая связываетъ себя съ союзниками, потому что объективно эта часть демократіи теперь становится врагомъ революціи... Мы стоимъ за такое Учредительное Собраніе, которое рождено революціонной волей. А чтобы создать такую волю, необходимо прекратить, прежде всего, гражданскую войну между двумя частями демократіи — крестьянствомъ и пролетаріатомъ. Навязать эту волю силой пролетаріату нельзя. Поэтому наша тактика должна быть направляема къ тому, чтобы рабочіе большевики сами бы пришли къ необходимости соглашенія съ другими частями демократіи. Вотъ почему, мы являемся рѣшительными противниками сверженія большевиковъ вооруженной силой въ союзѣ съ имущими классами...»

Безъ сомнѣнія, такая мотивировка была не искренней. Она прикрывала моральное и политическое безсиліе и одиночество революціонной демократіи. Историческіе и соціальные процессы привели къ созданію на территоріи Россіи трехъ разнородныхъ вооруженныхъ силъ: Бѣлой, Красной и Зеленой армій. Ни въ одной изъ этихъ силъ революціонная демократія не могла создать себѣ не только политическаго главенства, но и сколько-нибудь прочнаго вліянія. Ходомъ событій она была отброшена поэтому въ сторону отъ поля битвы, не переставая, однако, и затѣмъ наносить извнѣ удары, направленные по преимуществу въ сторону бѣлаго движенія.

* * *

Тяжело было положеніе совѣтской власти и въ области международныхъ отношеній: послѣ паденія центральныхъ державъ измѣнился составъ внѣшнихъ фронтовъ, но блокада — политическая, экономическая, моральная и стратегическая замкнулась окончательно, отрѣзавъ совѣтскую Россію отъ внѣшняго міра.

Въ октябрѣ 1919 г., давая отчетъ о внѣшней политикѣ совѣтовъ за два минувшихъ года, Чичеринъ характеризовалъ ее, какъ отчаянныя попытки «вырваться изъ изолированнаго положенія». До осени 1918 г., въ періодъ полной неналаженности государственнаго аппарата и арміи, это было достигнуто цѣною Брестъ-Литовска, используя противоположеніе интересовъ Согласія и центральныхъ державъ. Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось близкое крушеніе Германіи, совѣтъ комиссаровъ началъ всевозможныя попытки сближенія съ державами Согласія, впослѣдствіи и съ западными новообразованіями, цѣною хотя бы тяжелыхъ матеріальныхъ и территоріальныхъ компенсацій.

Совѣтская власть отнеслась съ серьезнымъ безпокойствомъ къ новой военно-политической конъюнктурѣ. Въ своемъ докладѣ 6-му съѣзду совѣтовъ въ концѣ октября Бронштейнъ говорилъ: «въ связи съ зимнимъ временемъ, на сѣверѣ намъ

[1]) Позднѣе, во второй половинѣ іюня подтверждено 9-мъ совѣтомъ партіи.

опасность не грозитъ, (но) на южномъ фронтѣ до сихъ поръ дѣла обстоятъ плохо... На югѣ намъ грозитъ объединеніе нѣмецко-красновскихъ бандъ съ французско-бельгійско-алексѣевскими...» Въ началѣ октября Чичеринъ опубликовалъ въ московскихъ «Извѣстіяхъ» свою ноту президенту Вильсону, составленную въ обычномъ стилѣ большевицкаго лживаго пафоса: «... мы готовы... заключить перемиріе, если вы намѣрены удалить войска съ Мурмана, Архангельска и Сибири. Мы согласны заключить миръ, но ставимъ слѣдующій вопросъ: намѣрены ли правительства Согласія перестать требовать крови русскаго народа, если онъ согласится уплатить и откупиться отъ нихъ... Если да, то какую дань требуютъ союзники концессіями, рудниками, пріисками и территоріей. Если вы не дадите отвѣта, то народъ русскій пойметъ, что условія Согласія столь тяжелы, что вы не желаете даже сообщить ихъ русскому правительству...»

Нота эта, предназначенная, очевидно, исключительно для агитаціи, осталась безъ отвѣта.

21 октября Чичеринъ вновь уже въ болѣе корректныхъ выраженіяхъ обратился по радіо къ державамъ Согласія, «желая положить конецъ враждебнымъ дѣйствіямъ», съ запросомъ — когда и куда должны прибыть совѣтскіе представители для переговоровъ...

Въ то же время (конецъ октября) всероссійскій ц. и. к. принялъ резолюцію объ аннулированіи Брестъ-Литовскаго мира...

Наконецъ, въ нотѣ отъ 4 февраля совѣтское правительство пошло на полную капитуляцію: оно предлагало за миръ «признать свои финансовыя обязательства по отношенію всѣхъ кредиторовъ, какъ государствъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ союзныхъ державъ», выражало готовность «предоставить концессіи на рудники, лѣса и т. д. гражданамъ союзныхъ державъ», и даже... «вести переговоры съ союзными державами по вопросу о территоріальныхъ уступкахъ».

Эти попытки чередовались, впрочемъ, съ рѣзкими призывами московскаго радіо отъ имени III интернаціонала[1]), коммунистической партіи и отдѣльныхъ представителей совѣтской власти — призывами къ низложенію буржуазныхъ правительствъ Европы, для которыхъ персонально и огульно въ большевицкомъ лексиконѣ находились самыя презрительныя опредѣленія. Въ то же время между совѣтомъ комиссаровъ и германскимъ правительствомъ по офиціальной большевицкой терминологіи — «соціалъ-предателями и палачами» — шли также переговоры: тайно — о политическомъ и военномъ соглашеніи и открыто — о возстановленіи экономическихъ отношеній обоихъ государствъ. Особенности новаго «пролетарскаго» языка и пріемовъ большевиковъ перестали, повидимому, смущать реальныхъ политиковъ запада, привыкшихъ по традиціи облекать въ изысканную форму даже тягчайшіе акты насилія и теперь искавшихъ безнадежно выхода въ игрѣ, небывало запутанной и осложненной грубымъ политическимъ и соціальнымъ шантажемъ.

Всѣ эти многократныя попытки сближенія съ державами Согласія оставались безъ результата, свидѣтельствуя лишь о томъ, въ какомъ тяжеломъ внутреннемъ и международномъ положеніи находилась тогда совѣтская Россія, и какія, поэтому, огромныя о б ъ е к т и в н ы я возможности имѣли союзники для разрѣшенія русскаго вопроса.

Эти неудачи, по словамъ Чичерина, поставили передъ большевиками вопросъ о рѣшеніи в о с т о ч н о й п р о б л е м ы, какъ единственнаго способа борьбы съ сильными имперіалистическими державами.

«Революція на западѣ замедлилась. Мы должны зажечь востокъ, поднять бѣдноту Турціи, Персіи, Индіи, поднять Афганистанъ!..»[2]).

---

[1]) Образовался на съѣздѣ въ Москвѣ въ мартѣ 1919 г.
[2]) Подвойскій.

Тѣмъ временемъ въ началѣ 1919 года завершилась и стратегическая блокада совѣтской Россіи. Намѣренія противниковъ были совершенно не ясны совѣтской власти, силы ихъ оставались невыясненными. Въ сохранившемся боевомъ расписаніи большевицкаго ген. штаба въ серединѣ января онѣ опредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1. Сѣверный фронтъ (отъ Мурмана до Печоры) 57 955 штыковъ.
2. Финляндскій фронтъ 55 800 штыковъ.
3. Западный фронтъ (отъ Финскаго залива до Риги и до Мозыря) 20¾ пѣх. дивизіи и 1 кавал. дивиз., изъ которыхъ 12 пѣх. и 1 кав. — германскія, прочія —«бѣлогвардейскія».
4. Германо-украинскій фронтъ (отъ Мозыря до Азовск. моря) 17 пѣх. дивиз. и 4 кав. дивиз.
5. Донской и Добровольческій фронтъ (по совѣтскимъ границамъ Донск. обл. и между Азовскимъ и Каспійскимъ морями) 51 пѣх. див. и 32 кав. дивиз.
6. Восточный фронтъ (отъ Верхотурья до Гурьева) 35½ пѣх. див., 17½ к. д.

Число дивизій у враговъ совѣтской власти, какъ увидимъ ниже, было фактически меньше, внушительныя названія «дивизія» нерѣдко на русскихъ фронтахъ носили части не свыше тысячи штыковъ... Но, тѣмъ не менѣе, въ тѣсномъ кольцѣ, сжимавшемъ со всѣхъ сторонъ совѣтскую Россію, стояло подъ ружьемъ до полумилліона враговъ; всѣ пять морей и два океана находились во власти флота Согласія, а въ портахъ Бѣлаго и Чернаго морей и Великаго океана высаживались международные десанты союзниковъ...

Предстояла борьба тяжелая, борьба за самосохраненіе и за власть коммунистической партіи, роковымъ образомъ ставившая на карту судьбы всего русскаго народа.

* * *

Одно изъ могучихъ средствъ борьбы — пропаганда — велась большевиками въ размѣрахъ небывало широкихъ. Она проникала всевозможными путями въ ряды оккупаціонныхъ и бѣлыхъ войскъ и въ занятые ими раіоны. По мнѣнію совѣтскихъ военныхъ авторитетовъ эта работа «играла рѣшающую роль въ организаціи побѣды красной арміи».

«Буржуазію мы не находили нужнымъ привлекать на свою сторону, — говоритъ совѣтскій офиціозъ[1]). — Правда, дѣлались попытки разложить буржуазію, вѣрнѣе, тѣхъ, кто находился у нея въ услуженіи: части офицерства дѣлались предложенія о переходѣ на сторону совѣтской власти...» Весь центръ тяжести агитаціи и пропаганды былъ перенесенъ въ рабочую и крестьянскую среду.

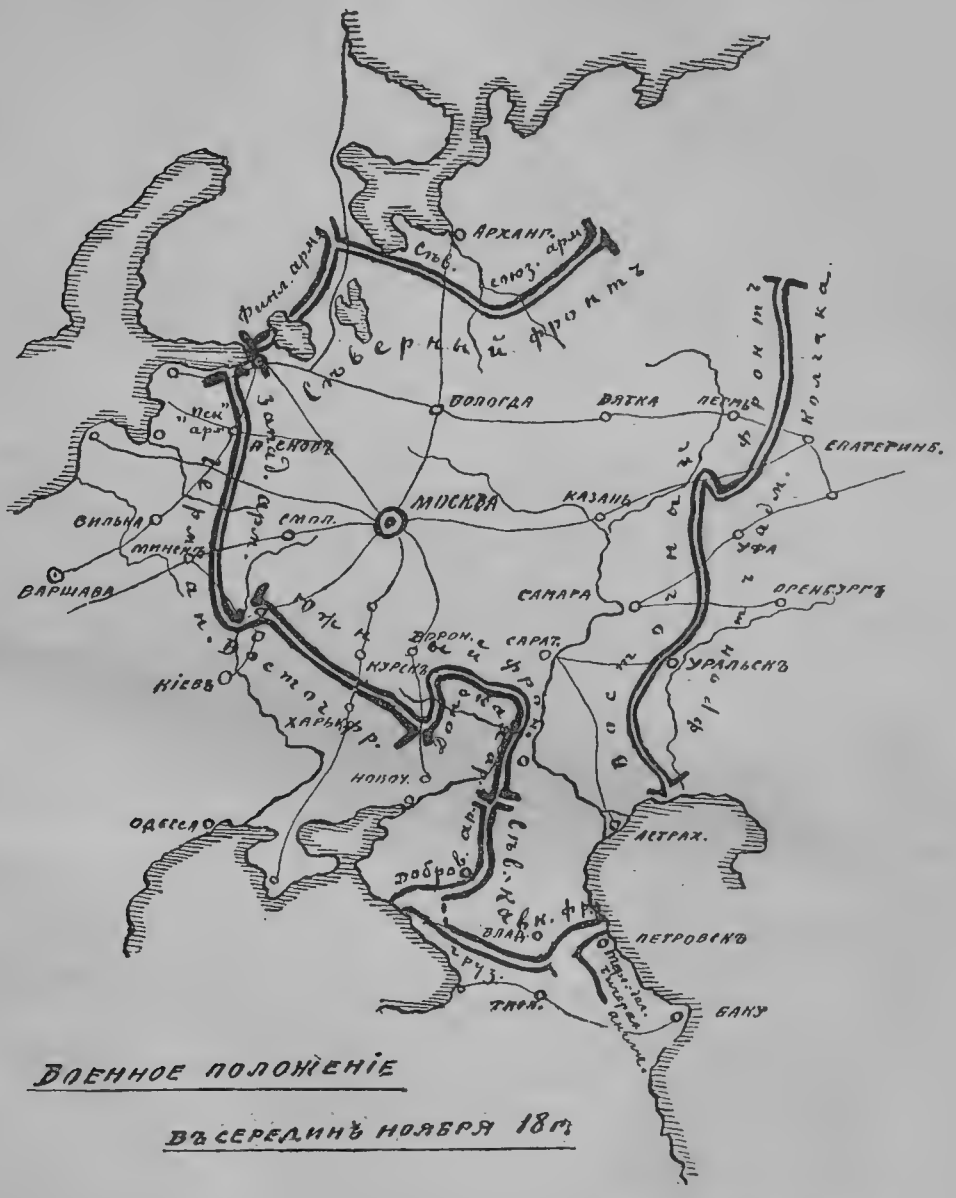
Отдавая пальму первенства въ техникѣ веденія пропаганды буржуазнымъ государствамъ и, въ частности, Франціи, передъ которой «мы жалкіе пигмеи», Бронштейнъ поясняетъ: «дѣло не въ томъ, что мы выдумали пропаганду... дѣло даже не въ методахъ, которые значительно болѣе совершенны у нашихъ противниковъ, а дѣло въ классовомъ содержаніи, въ той идеологіи, которой мы насытили свою пропаганду». И хотя, по словамъ Ленина, круто мѣнявшаго въ 1919 г. крестьянскую политику, «классы нельзя обмануть», хотя суровая дѣйствительность стояла въ разительномъ, вопіющемъ противорѣчіи съ обольстительными посулами большевицкой пропаганды, но она имѣла дѣйствительно извѣстный успѣхъ, не только въ силу ошибокъ, проявленныхъ противниками совѣтской власти, но и потому, что не встрѣчала равноцѣнныхъ по демагогической сущности обѣщаній съ другой стороны, потому, что не улеглась еще вырвавшаяся изъ береговъ народная стихія.

---

[1]) Офиц. сборникъ «Высш. воен.-революц. совѣта».

Народъ жилъ еще миражами, хотѣлъ быть обманутымъ и поддавался соблазну.

Сфера дѣятельности большевицкой пропаганды выходила далеко за предѣлы Россіи. Въ мартѣ 1919 г. во французскихъ и швейцарскихъ газетахъ появилась «инструкція» совѣтскаго правительства представителямъ и агентамъ совѣтской



республики за границей, выработанная въ Кремлѣ въ началѣ ноября 1918 г. Она давала указанія для революціонной работы въ грандіозномъ міровомъ масштабѣ. Въ области международныхъ отношеній указывалось поддерживать шовинистическія движенія и національные конфликты; въ области внутренней политики — вызывать противоправительственныя движенія; въ экономической — поддерживать забастовки, дезорганизовать транспортъ, создавать финансовыя затрудненія — между прочимъ и наводненіемъ рынка фальшивыми деньгами; въ военной

области — разлагать армію пропагандой и возбужденіемъ солдатъ противъ офицеровъ. Всѣ эти дѣйствія должны были способствовать внутреннимъ переворотамъ и волненіямъ въ «буржуазныхъ имперіалистическихъ странахъ», подготовляя почву для пришествія всемірной революціи.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ о подлинности этого документа, нельзя не признать объективной его правды: всѣ его положенія соотвѣтствуютъ въ полной мѣрѣ заявленіямъ совѣтскихъ правителей и служебнаго органа совѣтской власти — III интернаціонала, соотвѣтствуютъ дѣятельности ихъ, поглащающей огромныя средства — послѣдніе финансовые рессурсы обнищавшей страны.

Передъ міромъ встала новая угроза, симптомы которой начали вскорѣ появляться въ самыхъ отдаленныхъ углахъ земного шара.

* * *

Принимались чрезвычайныя мѣры и къ созданію Красной арміи.

Въ началѣ 1919 г. большевицкая власть почти окончательно ликвидировала прежнія добровольческую и партизанскую системы комплектованія, перейдя повсюду къ общеобязательной воинской повинности и къ регулярнымъ нормамъ организаціи. Къ октябрю 1918 г. призваны были уже «всѣ трудящіеся» въ возрастѣ отъ 18 до 35 лѣтъ. Собранный въ декабрѣ 1918 г. въ Москвѣ «военный конгрессъ» вынесъ постановленіе о «всеобщемъ военномъ обученіи», которое по заявленію Подвойскаго должно было къ веснѣ 1919 г. поставить въ ряды Красной арміи до 3-хъ милліоновъ бойцовъ. «Конгрессъ» призывалъ Россію «бороться съ протягивающимися къ ней руками чернаго интернаціонала трудами непобѣдимой арміи пролетаріевъ краснаго интернаціонала». Такимъ образомъ, національный моментъ въ предстоящей борьбѣ былъ исключенъ вовсе. «Наша борьба — говоритъ одинъ изъ совѣтскихъ дѣятелей — шла подъ лозунгомъ не защиты Россіи, какъ таковой, а защиты власти крестьянъ и рабочихъ. Наша борьба была не борьбой противъ какого-либо государства, какъ такового, а борьбой противъ буржуазіи, гдѣ бы она ни находилась...»[1]).

Не разъ, впрочемъ, большевики отойдутъ отъ этого принципа, когда это имъ будетъ выгодно или необходимо. Такъ они поведутъ подъ національнымъ лозунгомъ красные эстонскіе и латышскіе полки въ Прибалтику. «Повстанческую Украинскую армію» Антонова-Овсѣенко противъ нѣмцевъ и петлюровцевъ на Украину; наконецъ, въ 1920 г. въ критическій моментъ войны съ поляками трагичнымъ и недоумѣннымъ диссонансомъ прозвучитъ призывъ Брусиловымъ всей націи къ патріотизму... Призывъ, родившійся по иниціативѣ терявшаго почву правительства и командованія, «несмотря на борьбу (съ этимъ) руководящей партіи»[2]).

Красная армія, въ значительной степени, утратила тотъ сословный характеръ, который имѣла Красная гвардія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она стала слабѣе морально. Въ ней не было никогда того пафоса, того энтузіазма, о которыхъ слагаютъ легенды совѣтскіе историки. Она была скована только силой государственнаго аппарата, террора и принужденія и до нѣкоторой степени примирена тѣмъ привилегированнымъ положеніемъ, въ которомъ находился солдатъ въ голодной, нищей странѣ. Въ составъ ея входили, вѣдь, въ огромномъ числѣ, элементы, чуждые коммунистической идеологіи: на верхахъ — старый генеральный штабъ и многочисленные представители «царскаго» офицерства, внизу — въ преобладающей массѣ крестьянство — по словамъ совѣтскихъ авторитетовъ — «въ громадномъ большинствѣ мелко-собственническое, не имѣвшее ярко сознанныхъ классовыхъ интересовъ», крестьянство, которое «безъ большого труда комплектовало и тѣ массы, которыя буржуазія направляла противъ (совѣтской власти)»[3]).

---

[1]) Офиц. сборникъ «Высш. военно-революц. совѣта».
[2]) Idem.
[3]) Idem.

Красная армія сдѣлала извѣстные успѣхи въ организаціи, обученіи и устройствѣ технической и матеріальной части. Потому ли, что не было времени на пріисканіе новыхъ пролетарскихъ формъ организаціи, потому ли, что военная наука такихъ формъ не знаетъ, а во главѣ арміи фактически стоялъ старый командный составъ — Красная армія строилась всецѣло по образу и подобію арміи императорской. Исключеніе представляли лишь коллегіальная форма верховной военной власти, институтъ комиссаровъ и ком-ячейки, въ рукахъ которыхъ находился надзоръ за команднымъ составомъ и политическое воспитаніе массы. Во главѣ вооруженной силы поставленъ былъ «Высшій военно-революціонный совѣтъ» съ предсѣдателемъ Бронштейномъ и членами Подвойскимъ, Антоновымъ, Сталинымъ и друг. Фактически, однако, вся власть была въ рукахъ Бронштейна. Центральное Управленіе снабженій, созданное въ іюлѣ 1918 г., имѣло также коллегіальный составъ — во главѣ «спеціалистъ» и при немъ два комиссара. Въ такомъ видѣ управленіе просуществовало до декабря, когда перешло окончательно къ единоличному возглавленію.

Къ началу 1919 года вооруженныя силы совѣтской Россіи сведены были въ 12 армій, состоявшихъ изъ отдѣльныхъ пѣхотныхъ и кавалерійскихъ дивизій, насчитывавшихъ вмѣстѣ съ внутренними резервами номинально до 800 тыс. бойцовъ. Главнокомандующимъ былъ офицеръ генеральнаго штаба, латышъ Вацетисъ.

Въ половинѣ ноября 1918 г. на соединенномъ засѣданіи Совѣта народныхъ комиссаровъ и Совѣта народнаго хозяйства было выяснено отчаянное экономическое положеніе страны, отрѣзанной отъ источниковъ питанія сырьемъ.

Въ общихъ рессурсахъ государства имѣлось не болѣе трехмѣсячной потребности желѣза, 14% чугуна и почти полностью отсутствовала мѣдь; запасы хлопка на фабрикахъ и заводахъ опредѣлялись къ октябрю 1918 г. въ 775 тыс. пудовъ, противъ 3-хъ милліардовъ, имѣвшихся къ октябрю 1917 г.; нефти было всего 30 милл. пудовъ; каменнаго угля — треть минимальной потребности и т. д. Единственное спасеніе совѣтской Россіи совѣщаніе видѣло въ расширеніи ея предѣловъ и, главнымъ образомъ, въ походѣ за донецкимъ углемъ и ташкентскимъ хлопкомъ. Эти основанія, наряду съ военно-политическими соображеніями, въ частности, безсиліемъ Украины и стремленіемъ Бронштейна «просунуться между уходящимъ германскимъ милитаризмомъ и приближающимся англо-французскимъ» — легли въ основу выработаннаго тогда же совѣтскимъ командованіемъ плана зимней кампаніи 1919 года.

Въ февралѣ[1]) и апрѣлѣ 1919 г. я получилъ два варіанта этого плана, нѣсколько различавшихся въ деталяхъ, но по существу тождественныхъ. Красной арміи ставилась задача:

1. На Сѣверномъ фронтѣ (VI отд. армія ген. Самойло, 16½ тыс.)[2]) — активная оборона Архангельскаго направленія.
2. На подступахъ къ Петрограду отъ Олонца, Выборга, Нарвы и Пскова (40—50 тыс.) — также активная оборона.
3. На Западномъ фронтѣ (ген. Снѣсаревъ: VII и Западн. арміи, позднѣе и XVI, 50—60 тыс.) ставилась задача — захватить важнѣйшіе желѣзнодорожные узлы — Валкъ, Ригу, Двинскъ, Ковно, Брестъ-Литовскъ и др.
4. На Украинскій фронтъ подъ командой Антонова-Овсѣенко были двинуты только небольшіе кадры, сведенные въ двѣ регулярныхъ дивизіи (16 тыс.), пополнявшіяся исключительно мѣстнымъ элементомъ по мѣрѣ продвиженія и выросшія затѣмъ въ «Повстанческую Украинскую армію». Назначеніе дивизій Антонова — поднять Украину и возсоединить ее съ совѣтской Россіей.

---

[1]) Отъ 17 января.
[2]) Ранѣе въ составъ фронта входила и VII армія.

5. На Южномъ фронтѣ (ген. Сытинъ — группа Кожевникова, позднѣе XIII армія, VIII, IX, X арміи и отрядъ Терехова, свыше 100 тыс.) указано было первоначально овладѣть Донецкимъ каменно-угольнымъ бассей-

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ НА ЗАПАДѢ И ЮГѢ РОССІИ.

номъ и отбросить Донское войско за Донъ, нанеся ударъ въ трехъ главныхъ направленіяхъ: отъ Воронежа, Балашова и Царицына.

6. На Восточномъ фронтѣ (полк. Каменевъ: I, II, III, IV и V армій, свыше 100 тысячъ), активная оборона по Уралу и наступленіе въ Ташкентскомъ направленіи.

На Кавказѣ въ началѣ 1919 года происходила окончательная ликвидація Добровольцами XI и XII совѣтскихъ армій, насчитывавшихъ еще до 75 тыс. штыковъ.

Командующій 10-й совѣтск. арміей, Егоровъ.

Штабъ 10-й сов. арміи.

Такимъ образомъ, по распредѣленію силъ и стратегическимъ директивамъ совѣтскаго командованія, главный ударъ заносился на Южномъ фронтѣ, надъ многострадальнымъ Войскомъ Донскимъ, волею судебъ стоявшимъ на путяхъ къ углю и нефти и преграждавшимъ связь центральной Россіи съ Сѣверо-Кавказской красной арміей, которой угрожала окончательная гибель.

— На южномъ фронтѣ, — говорилъ Бронштейнъ, — бьется пульсъ совѣтской республики. Мы кликнули кличъ Петроградскимъ и Московскимъ совѣтамъ. Послѣдніе дни туда посланы сотни новыхъ работниковъ... Все на южный фронтъ: работниковъ, автомобили, винтовки, орудія... Намъ нужно занять Донъ, Сѣверный Кавказъ, Каспій, поддержать Украину... Въ Донской области мы должны разрубить завязывающійся узелъ контръ-революціи [1]).

ГЛАВА III.

Эвакуація австро-германскихъ войскъ. Измѣненіе политической карты Россіи и организація противобольшевицкихъ силъ на Западѣ. Финляндія. Сѣверо-Западная область. Эстонія. «Сѣверный корпусъ». Ген. Юденичъ.

По требованію державъ Согласія германскія войска въ серединѣ декабря покинули Финляндію. Уходили они провожаемыя сожалѣніями и добрыми пожеланіями. Но создавшаяся въ странѣ обстановка исключала возможность продолженія германофильской политики: англійскій флотъ въ концѣ декабря появился въ Финскомъ заливѣ; разрывъ съ Россіей, являвшейся почти исключительнымъ рынкомъ сбыта финляндской промышленности и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хлѣбнымъ источникомъ Финляндіи, вызвалъ глубокій экономическій кризисъ; нужны были свободныя руки, новые рынки, кредиты и, прежде всего, хлѣбъ. И реальные политики новаго государства легко перемѣнили оріентацію, получая англійскіе товары, американскій хлѣбъ и даже французское вооруженіе, снаряженіе и инструкторовъ для организаціи своей арміи.

Державы Согласія, имѣя въ этотъ періодъ неограниченное вліяніе на финляндское правительство, не оказывали на него давленія въ смыслѣ направленія русской политики. Отъ Финляндіи требовались лишь лояльность въ отношеніи Согласія и прекращеніе всякихъ обязательствъ въ отношеніи Германіи.

Отдѣленіе Финляндіи отъ Россіи, не обезпеченное никакими стратегическими гарантіями, ставило въ невыносимое положеніе нашу сухопутную и морскую государственную оборону. Но новая держава съ первыхъ же шаговъ своихъ проявила настойчивое стремленіе къ дальнѣйшему округленію своихъ границъ за счетъ метрополіи, по мотивамъ весьма противорѣчивымъ:

Аландскіе острова, населенные шведами [2]) и пріобрѣтенные Россіей по Фридрихсгамскому миру, требовались Финляндіей по условіямъ... географическимъ, какъ составляющіе естественное продолженіе Финскаго побережья, и историческимъ, какъ включенные въ составъ Финляндіи актами императора Александра 1-го въ 1809 г. Этотъ архипелагъ является ключомъ къ обладанію Ботническимъ заливомъ и преграждаетъ всѣ внутренніе шхерные пути къ побережью Финляндскаго залива отъ Петрограда...

Восточная Карелія [3]) причислялась къ Финляндіи по принципу «самоопредѣленія народовъ», на основаніи атавистическихъ признаковъ племеннаго родства... Къ тому же захватъ этой территоріи, вмѣстѣ съ частью

---

[1]) Изъ рѣчи въ годовщину октябрьской революціи.

[2]) По переписи 1910 г. — лицъ, признававшихъ роднымъ языкомъ шведскій, было 96% всего населенія.

[3]) Часть Олонецкой губ. между Ладожскимъ и Онежскимъ озерами.

Мурманской жел. дор. и рѣкой Свирью, отрѣзалъ отъ Россіи единственный выходъ къ незамерзающему порту и лишалъ ее свободнаго плаванія по сѣверной рѣчной системѣ...

Печенгская губа, гдѣ еще въ XII столѣтіи ходили суда Великаго Новгорода и гдѣ поселенія — по преимуществу русскія, требовалась финляндцами просто по соображеніямъ экономическимъ, какъ выходъ къ океану.

Наконецъ, Финляндія присвоила себѣ уже безъ всякихъ основаній огромное многомилліардное русское имущество — казенное и общественное, запасы, арсеналы и склады Сѣвернаго фронта и морскихъ базъ, военныя и коммерческія суда и т. д., и т. д. Безъ соглашенія, безъ войны, просто въ силу безпомощности, или вѣрнѣе, отсутствія законной русской власти. Этотъ вопросъ также долженъ стать неминуемо когда-нибудь на очередь...

Какая же Россія, какое русское правительство могло пойти навстрѣчу всѣмъ вожделѣніямъ финляндцевъ?

Даже совѣтская власть, такъ легко поступающаяся и національнымъ достоинствомъ, и экономическими интересами Россіи, противилась имъ. Но она, по крайней мѣрѣ, признала безоговорочно независимость Финляндіи, давъ тѣмъ прочную политическую базу для дальнѣйшихъ переговоровъ. Организаціи, представлявшія въ то время противобольшевицкую Россію — поборники національной идеи — не шли такъ далеко. Русскій посланникъ въ Парижѣ Маклаковъ выступилъ съ декларацією [1]) «отъ имени русскаго правительства» (?), въ которой, между прочимъ, обѣщалъ Финляндіи «возстановленіе временнымъ правительствомъ конституціонныхъ правъ (ея) и готовность Россіи итти навстрѣчу стремленіямъ (Финляндіи), при условіи соблюденія военныхъ и экономическихъ интересовъ Россіи...» «Русскій комитетъ» въ Гельсингфорсѣ, возглавляемый Карташевымъ, и военная партія ген. Юденича — эмбріоны будущей гражданской и военной власти на Западѣ Россіи — «стояли на почвѣ лояльнаго признанія независимости Финляндіи», но окончательное рѣшеніе вопроса ставили въ зависимость отъ Россійскаго Учредительнаго собранія. Такого же взгляда придерживался Омскъ, поручавшій Сазонову «содѣйствовать установленію дружественныхъ отношеній съ Финляндіей», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, «дать понять, что признаніе независимости должно быть отложено до Національнаго собранія» [2]).

Я лично вначалѣ не исключалъ возможности содѣйствія финляндской арміи въ противобольшевицкой борьбѣ и велъ по этому поводу бесѣды съ полковникомъ ген. штаба Энкелемъ, занявшимъ впослѣдствіи высокій постъ въ финляндской арміи. Но подъ впечатлѣніемъ финляндскихъ требованій, гоненій тамъ на русскихъ людей и болѣе чѣмъ двусмысленной политики державъ Согласія, съ конца 1918 г. я сталъ окончательно на точку зрѣнія, что помощь Финляндіи была бы куплена нами слишкомъ дорогой цѣной и что, поэтому, вступленіе финляндскихъ войскъ на русскую территорію недопустимо.

По поводу признанія независимости Финляндіи правительствами Англіи и Соединенныхъ Штатовъ, я обратился къ этимъ державамъ съ заявленіемъ:

> «Россія относится съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли о самостоятельномъ развитіи Финляндіи; однако, высшіе интересы обоихъ народовъ повелительно требуютъ, чтобы будущія ихъ взаимоотношенія были основаны на принципахъ, способныхъ обезпечить обоюдное ихъ преуспѣяніе и огражденіе жизненныхъ потребностей. Съ этой точки зрѣнія, рѣшеніе финляндскаго вопроса, принятое независимо отъ Россіи и безъ соображенія съ ея первостепенными государственными интересами, въ первую голову стратегическими, является для русскаго народа непріемлемымъ» [3]).

Подобное же офиціальное заявленіе въ твердой и категорической формѣ было сдѣлано Парижскимъ совѣщаніемъ. Неофиціально, однако, совѣщаніе не было

---

[1]) Телеграмма въ январѣ 19 г. № 137.
[2]) Телеграмма отъ начала марта 19 г.
[3]) Май 1919 года.

такъ непримиримо. И когда въ маѣ 1919 г. до Парижа дошли слухи, что ген. Юденичъ цѣною безоговорочнаго признанія Финляндіи желалъ купить помощь ея для похода на Петроградъ, В. А. Маклаковъ писалъ на Югъ[1]): «Въ этомъ вопросѣ у насъ здѣсь (полное) разнообразіе мнѣній... Мы не благословляемъ Юденича дѣлать подобное заявленіе, но и не рѣшаемся его властно и грозно остановить. Грубо — я бы сказалъ, что мы предоставляемъ ему сдѣлать это для насъ, а въ случаѣ неудачи сломать себѣ шею одному...»

Такимъ образомъ, передъ финляндскимъ правительствомъ стояла дилемма: совѣтская власть и перспектива длящейся смуты и безсилія русскаго государства, дающая время и возможность новообразованію сложиться и окрѣпнуть — или противобольшевицкія силы и вѣроятность скораго возстановленія Россіи... Съ одной стороны — безусловное признаніе самостоятельнаго бытія Финляндіи, съ другой — условное, поставленное въ зависимость отъ Всероссійскаго Собранія, ни политическій обликъ, ни рѣшенія котораго нельзя было предвидѣть.

Была еще одна чисто объективная данная — грозная опасность, вытекавшая изъ длительнаго сосѣдства съ большевицкимъ очагомъ... Московское радіо увѣряло о миролюбіи совѣтовъ и настойчиво напоминало финляндцамъ, что «только союзъ съ совѣтской Россіей можетъ гарантировать Финляндіи ея самостоятельное существованіе». Тогда какъ Колчакъ и руководимыя имъ правительства собираются уничтожить самостоятельность балтійскихъ государствъ... Но, въ то же время существовавшая въ Москвѣ «Финская коммунистическая партія» проявляла оживленную дѣятельность въ дѣлѣ пропаганды и военной организаціи. Центральный комитетъ ея издавалъ и переправлялъ черезъ границу двѣ газеты на финскомъ языкѣ, журналъ для солдатъ и агитаціонную литературу, побуждавшую къ вооруженному перевороту въ Финляндіи и присоединенію ея на федеральныхъ началахъ къ совѣтской республикѣ... Но финляндская власть считала, очевидно, свой народъ мало податливымъ къ воспріятію коммунистическихъ идей, свою армію, составленную изъ элементовъ городской и крестьянской буржуазіи, вполнѣ надежной, а крайнія лѣвыя группы, послѣ кроваваго подавленія большевицкаго возстанія ген. Маннергеймомъ весною 1918 г., совершенно разгромленными. Настолько, что финляндское правительство сочло возможнымъ дать широкую амнистію находившимся въ заключеніи участникамъ коммунистическаго выступленія.

Что касается стратегическаго положенія въ отношеніи совѣтской Россіи, оно представлялось финляндцамъ, и было на самомъ дѣлѣ, чрезвычайно благопріятнымъ для нихъ. Финляндія владѣла укрѣпленнымъ побережьемъ и шхерными путями Финскаго залива; ея армія состояла изъ 3-хъ, 4-хъ дивизій, силою въ 40—50 тыс. и располагалась передовыми частями въ 25 верстахъ отъ Петрограда и въ 60—80 верстахъ отъ Мурманской жел. дороги, западнѣе Петрозаводска, составляя прямую угрозу русской столицѣ и тылу большевицкой арміи, стоявшей противъ войскъ генераловъ Айронсайда и Миллера. Противъ себя финляндская армія имѣла парализованный русскій балтійскій флотъ и слабыя численно красногвардейскія части, прикрывавшія столицу и Петрозаводскъ.

Вся эта совокупность политической и стратегической обстановки предрѣшала направленіе русской политики Финляндіи: она до конца[2]) сохранила «вооруженный нейтралитетъ», одинаково поддерживаемый и руссофобами Свинховудомъ и Стольбергомъ, и руссофиломъ Маннергеймомъ — тремя главами государства, смѣнившимися въ теченіе 1917—1919 г.г. Только, однажды, въ правленіе послѣдняго, въ маѣ 1919 года, когда началось наступленіе русскаго Сѣвернаго корпуса Родзянки[3]) на Лугу съ сѣвера ударилъ на большевиковъ не безъ вѣдома правитель-

[1]) Изъ письма В. А. Степанову.
[2]) До заключенія мира съ большевиками.
[3]) См. ниже.

ства, финскій «партизанскій отрядъ» Эльвенгрейна. Отрядъ считался «повстанческимъ» и дѣйствовалъ формально по призыву бутафорской «Карельской делегаціи»[1]). Отъ него финляндскому правительству ничего не стоило отказаться при неудачѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, можно было использовать его въ случаѣ успѣха. Ибо направленіе удара Эльвенгрейна на Петрозаводскъ и Лодейное Поле[2]) о д и н а к о в о соотвѣтствовало и отвлеченію силъ петроградской группы красной арміи, и... оккупаціи восточной Кареліи... При отрядѣ находилось, между прочимъ, и «временное правительство», имѣвшее цѣлью, кромѣ управленія занимаемой территоріей, подготовить созывъ «національнаго собранія» (!), которое должно было объявить присоединеніе восточной Кареліи къ Финляндіи...

Достойно вниманія, что все это предпріятіе подготовлялось в т а й н ѣ отъ русскихъ организацій.

Отрядъ Эльвенгрейна силою не болѣе 1½ тыс. человѣкъ имѣлъ въ началѣ успѣхъ, но вскорѣ былъ разбитъ большевиками и разсѣялся.

* * *

Періодъ междувластья оказался трагическимъ для оккупированной нѣмцами С ѣ в е р о - З а п а д н о й о б л а с т и[3]).

Такъ называемая Сѣверная или Псковская армія[4]), къ декабрю 1918 г. достигнувъ численно 4½—5 тыс. человѣкъ, не получила дальнѣйшаго развитія. Въ ней не былъ даже разрѣшенъ вопросъ о возглавленіи. Непормальность такого положенія отзывалась на успѣхѣ набора, и поэтому въ Псковѣ временами появлялись плакаты съ именами видныхъ генераловъ, въ качествѣ предполагаемыхъ командующихъ арміей, повидимому, безъ ихъ вѣдома и согласія. Такъ военный представитель арміи въ Кіевѣ въ серединѣ октября телеграфировалъ въ Псковъ: «... Безсмысленно ждать командующимъ Драгомирова, который находится (въ) Добровольческой... Точное имя командующаго необходимо для вербовки людей... На этой почвѣ много отказовъ. Вандамъ не популяренъ. Келлеръ въ Кіевѣ. Уполномочиваете ли вступить (съ нимъ) въ переговоры»[5]).

И военное представительство, и псковскія общественныя организаціи въ лицѣ Дерюгина обратились къ ген. графу Келлеру съ просьбой принять на себя командованіе Сѣверной арміей, арміей безъ средствъ, находившейся въ полной зависимости отъ нѣмцевъ. Гр. Келлеръ поручилъ генералу Розенштильдъ-Паулину отправиться въ Яссы просить матеріальной помощи у союзниковъ. Придавая огромное политическое и стратегическое значеніе прибалтійскому раіону и направленіямъ Ревель—Петроградъ и Либава—Петроградъ, онъ считалъ необходимыми предпосылками успѣха формированія арміи и ея операцій: 1) Занятіе союзнымъ флотомъ Ревеля и Либавы; 2) отпускъ широкихъ кредитовъ; и 3) передачу нѣмцами арміи богатыхъ русскихъ складовъ Пскова, Двинска, Вильны и друг. городовъ оккупаціонной зоны.

И въ началѣ ноября, послѣ крушенія центральныхъ державъ, въ періодъ расцвѣта надеждъ на союзническую помощь, гр. Келлеръ рѣшился принять командованіе, поставивъ Сѣверную армію въ зависимость отъ Екатеринодара. 2 ноября онъ прислалъ мнѣ телеграмму:

«Признаете ли Вы меня командующимъ Сѣверной Псковской монархической арміей или мнѣ слѣдуетъ сдать эту должность. Если признаете, то съ какими полномочіями. Необходимо разрѣшеніе принять мѣры къ охранѣ разграбляемыхъ въ Малороссіи военныхъ складовъ, воспользоваться украинскими кадрами и про-

---

[1]) О прибытіи ея въ Гельсингфорсъ была широко оповѣщена европейская пресса.
[2]) Ж. д. станція Мурманск. ж. д. на берегу Свири.
[3]) Псковская губ. и Бѣлоруссія.
[4]) См. Т. III, гл. III.
[5]) Телегр. Линде отъ 15 окт.

должать формированіе, для чего необходимъ немедленный отпускъ денегъ, которыя можно добыть въ украинскомъ правительствѣ».

Я отвѣтилъ принципіальнымъ согласіемъ. Хотя первые шаги новаго командующаго, политическое окруженіе и декларативныя заявленія его вызывали нѣкоторое смущеніе...

Но прошло всего три дня и обстановка въ корнѣ измѣнилась: гр. Келлеръ телеграфировалъ[1]) мнѣ, что «... по настоянію общественныхъ круговъ, гетмана Украины и его правительства (онъ) принялъ на себя всю полноту военной и гражданской власти на Украинѣ...»[2]).

Сѣверная армія осталась безъ главы[3]). Въ силу внутренней распри, за нѣсколько дней до ухода нѣмцевъ, оставилъ свой постъ замѣститель командующаго генералъ Вандамъ, и его мѣсто занялъ полк. Нефъ. Полувооруженные добровольческіе отряды начали стягиваться къ желѣзнодорожнымъ узламъ и Пскову, въ надеждѣ при нѣмецкой помощи остановить наступленіе слабыхъ совѣтскихъ силъ. Во Псковѣ объявлена была мобилизація 12 возрастовъ (18—30 лѣтъ), которая не имѣла никакого успѣха.

Въ то же время собравшійся вновь въ концѣ ноября въ Ревелѣ Національный эстонскій совѣтъ[4]), правительство[5]) и «главнокомандующій» полк. Лайдонеръ, приступили, въ свою очередь, къ формированію вооруженной силы: въ Ревелѣ, Перновѣ, Нарвѣ и друг. городахъ, собирали по мобилизаціи небольшіе отряды, преимущественно, изъ бывшихъ эстонскихъ батальоновъ, которые Лайдонеръ началъ развертывать въ двѣ дивизіи.

Южнѣе, въ губерніяхъ Бѣлоруссіи, раздавались безнадежно призывы Минской, Виленской и другихъ радъ и правительствъ, къ формированію «національной арміи для защиты суверенныхъ правъ Бѣлорусскаго народа». Члены ихъ частью остались на мѣстахъ, частью попали въ волну всевозможныхъ эвакуацій, создавая затѣмъ «полномочныя» и «всенародныя» органы бѣлорусской власти въ Минскѣ (коммунистич.), въ Вильнѣ, Гроднѣ, Ковнѣ, Кіевѣ, Одессѣ... Всѣ — одинаково немощные и всѣ — враждебныхъ другъ другу оріентацій. Одно изъ такихъ «правительствъ» — инженера Бахановича, обосновавшееся въ Одессѣ, въ январѣ — февралѣ 1919 г. серьезно мистифицировало Екатеринодаръ. Не зная тогда всѣхъ этихъ деталей и придавая большое значеніе созданію противобольшевицкой организаціи и вооруженной силы въ западной Россіи, я по докладу военнаго управленія согласился поддержать это движеніе матеріально и послать туда кадръ военнаго командованія. Но вскорѣ выяснились самозванный и авантюристическій характеръ «правительства» и безнадежность положенія въ Бѣлоруссіи. Кредитъ былъ во время закрытъ, и связь Юга съ Западомъ, въ смыслѣ явной или тайной совмѣстной работы такъ до конца и не налаживалась.

Делегаціи ото всѣхъ этихъ правительствъ появились въ Берлинѣ, въ Ліссахъ, Парижѣ, и Сазоновъ[6]) безнадежно добивался отвѣта отъ Екатеринодара — кто же является истиннымъ представителемъ Бѣлоруссіи?..

* * *

Эвакуація германскими войсками Эстляндіи и Сѣверо-Западной области проѣкала при совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ въ Финляндіи. Нѣмцы уходили провожаемые сожалѣніемъ небольшой лишь части нѣмецкой и русской буржу-

---

[1]) 5 ноября № 1.

[2]) Какъ увидимъ ниже, понятіе о предоставленіи ему «неограниченной власти» составилось у ген. Келлера ошибочно.

[3]) Совершенно номинально гр. Келлеръ въ своихъ приказахъ именовалъ себя «главнокомандующимъ Украинской и Сѣверной арміи».

[4]) Совѣтъ образовался въ 17 году. 24 февраля 18 г. провозгласилъ Эстонскую республику.

[5]) Умѣренно соціалистическаго состава.

[6]) Представитель Екатеринодара и Омска въ Парижѣ.

азіи, равнодушіемъ широкихъ слоевъ русскаго населенія и враждебнымъ злорадствомъ эстонцевъ, безразлично—большевиковъ и націоналистовъ—пасынковъ нѣмецкаго оккупаціоннаго режима. Желѣзныя дороги были забиты, и потому конница и артиллерія потянулись походнымъ порядкомъ; хлынули безпорядочными толпами и дезертиры. Уходя, германскія войска по частной иниціативѣ и организованно, съ вѣдома высшихъ властей и комитетовъ, увозили «военную добычу», подводя подъ это понятіе не только всякаго рода базисные запасы, казенное русское имущество, но и подвижной желѣзно-дорожный составъ и частное добро русскихъ гражданъ — частью безпризорное, частью реквизированное. Ограбленіе Минска, напримѣръ, достигло такихъ размѣровъ, что вызвало серьезныя волненія въ городѣ, частную забастовку желѣзнодорожниковъ и протестъ совѣта комиссаровъ. Послѣдній, впрочемъ, отнесъ эти событія за счетъ «нѣмецкихъ контръ-революціонеровъ», стремящихся «поссорить между собой революціонныя народныя массы Германіи и Россіи»[1]).

Желаніе уѣхать домой и увезти добро доминировало надъ политическими симпатіями. Германцы относились равнодушно и къ большевикамъ, и къ русскимъ, и къ мѣстнымъ національнымъ формированіямъ. Временами у нѣмцевъ происходили съ ними столкновенія, чаще, однако, — съ большевиками, выступленіе которыхъ въ Ревелѣ, Клинцахъ и другихъ пунктахъ окончились для послѣднихъ весьма плачевно. Комитеты отмѣнили офиціально выдачу средствъ и боевого снаряженія противобольшевицкимъ организаціямъ, затруднивъ до крайности возможность дальнѣйшаго ихъ формированія. Одновременно неофиціально происходила широкая распродажа «по вольнымъ цѣнамъ» и русскаго, и нѣмецкаго военнаго снаряженія, попадавшаго, по преимуществу, въ руки красногвардейцевъ...

Большевики силами, первоначально не превышавшими 2—3 слабыхъ дивизій, слѣдовали почти безпрепятственно за нѣмецкими войсками, захватывая одинъ за другимъ западные города, вводя въ нихъ совѣтскую власть и жестоко расправляясь съ буржуазіей. Почти безъ сопротивленія они прошли по Бѣлоруссіи, занявъ Вильну, Минскъ, Лиду, Барановичи. 25 ноября, послѣ краткаго боя, палъ Псковъ, и Сѣверная армія стала отходить въ двухъ направленіяхъ — на Валкъ и Юрьевъ. Большевики, тѣсня эстонско-русскіе отряды, къ серединѣ января достигли линіи Везенбергъ — Юрьевъ — Валкъ, угрожая Ревелю и отрѣзавъ сухопутное сообщеніе между Эстоніей и Латвіей.

На этомъ успѣхи ихъ замерли.

Въ Эстоніи борьба приняла скоро характеръ исключительно національный —подъ лозунгомъ независимости страны отъ Россіи... Въ такомъ политическомъ аспектѣ въ борьбѣ приняли участіе и внѣшнія силы — Англія и Финляндія по разсчету, и русская Сѣверная армія — въ силу роковой необходимости.

Англійское правительство проявило большой интересъ къ прибалтійскимъ новообразованіямъ. Англійскій флотъ появился въ Ревелѣ, англійскіе военные и дипломатическіе представители пріобрѣли рѣшительное вліяніе на политику эстонскаго правительства. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Англія начала оказывать серьезную экономическую помощь Эстоніи и доставлять ей военное снабженіе. Цѣна такой дружеской услуги, помимо установившагося въ скрытомъ видѣ англійскаго протектората надъ Эстоніей, оказалась не малой: Ллойдъ Джорджъ велъ настойчивые переговоры съ эстонскимъ правительствомъ о долгосрочной арендѣ острововъ Эзеля и Даго, и только вмѣшательство французскаго правительства остановило возникновеніе новаго Гибралтара въ Балтійскомъ морѣ.

Въ то же время, въ серединѣ января, по иниціативѣ Финляндіи, начались переговоры между нею и Эстоніей объ уніи этихъ двухъ новообразованій, какъ «наилучшей гарантіи противъ русской опасности». Обращенная въ разгаръ взаимныхъ конвенансовъ, просьба Эстоніи о помощи нашла широкій откликъ: финляндскіе добровольцы потекли въ Эстонію, и сформированные изъ нихъ отряды

[1]) Нота Чичерина. Радіограмма 7 декабря 18 г.

подъ начальствомъ финскаго генерала приняли въ январѣ и февралѣ видное участіе въ бояхъ на юрьевскомъ направленіи. Но надменность начальниковъ и безчинства финскихъ добровольцевъ въ краѣ, на который они смотрѣли, какъ на покоренный, вызвали вражду между народностями и серьезное столкновеніе между правительствами. Къ тому же англо-американская комиссія, имѣвшая большое вліяніе на эстонское правительство, отнеслась къ проекту уніи сдержанно, «не находя въ такомъ соединеніи достаточно серьезной экономической базы...» Эти причины похоронили надолго планы военнаго сотрудничества[1]) и идею политической уніи сосѣднихъ новообразованій. Идею, остріемъ своимъ направленную всецѣло въ сторону б у д у щ е й Россіи.

Наконецъ, большую роль въ освобожденіи края отъ большевиковъ сыграла Сѣверная армія, переименованная въ С ѣ в е р н ы й к о р п у с ъ. Попавъ при отступленіи на территорію «независимой» Эстоніи, командиръ его, полк. Нефъ заключилъ съ эстонскимъ правительствомъ договоръ[2]), въ силу котораго устанавливались «общія дѣйствія, направленныя къ борьбѣ съ большевиками и анархіей». Корпусъ подчинялся эстонскому военному командованію, поступалъ на содержаніе эстонской казны, получалъ право комплектованія не-эстонскими гражданами, ограниченное, однако, условіемъ, чтобы численность его не превышала 3½ тыс. человѣкъ...

Такимъ образомъ, идея борьбы въ государственномъ масштабѣ временно падала, русскіе контингенты обращались въ служебное начало для частныхъ цѣлей, въ которыхъ пораженію большевиковъ неизмѣнно сопутствовало углубленіе и закрѣпленіе разрыва государственной связи окраины съ Россіей... Естественно, что въ психологіи командованія и офицерства это положеніе воспринималось только какъ тягостный этапъ, на которомъ за временный пріютъ оно платило честно своею кровью. Ведя борьбу за свою н е з а в и с и м о с т ь, эстонцы требовали безоговорочнаго признанія ея. Русское командованіе не хотѣло брать на себя такой отвѣтственности... «На одномъ изъ засѣданій старшихъ чиновъ въ Ревелѣ—говоритъ ген. Родзянко[3]) — я заявилъ, что признаніе является совершенно необходимымъ, если русскіе люди хотятъ въ борьбѣ своей съ большевиками опираться на Эстонію, и предлагалъ объявить... о признаніи Сѣвернымъ корпусомъ независимости Эстоніи». Командиръ корпуса полк. Дзерожинскій[4]) отвѣтилъ, что «въ принципѣ онъ совершенно согласенъ, но не знаетъ, какъ посмотрятъ на это русскіе люди, и что, поэтому, онъ сдѣлаетъ эстонскому правительству такое заявленіе, какое найдетъ для себя, какъ для русскаго офицера, болѣе пріемлемымъ»[5]).

Такая неопредѣленность вызывала взаимную подозрительность и недовѣріе, хотя образъ дѣйствій Сѣвернаго корпуса оставался строго лояльнымъ и въ политическомъ, и въ военномъ отношеніи за все время пребыванія его на территоріи Эстоніи.

Какъ бы то ни было, соединенными усиліями и русскихъ, и финляндскихъ, и эстонскихъ войскъ большевики были остановлены и отброшены къ Чудскому озеру; къ концу февраля они начали новое наступленіе, болѣе серьезными силами, въ общемъ направленіи отъ Пскова на Валкъ, но были разбиты вновь. И къ веснѣ армія Лайдонера прочно занимала оба берега Наровы, западный берегъ Чудского и далѣе по границѣ Псковской губерніи на Маріенбургъ, прикрывая этнографическіе предѣлы Эстоніи.

Англійскій флотъ имѣлъ небольшое столкновеніе съ совѣтской эскадрой въ Финскомъ заливѣ, но отъ участія въ операціяхъ противъ большевиковъ рѣшительно уклонился.

---

[1]) Въ концѣ февраля финляндскіе добровольцы покинули Эстонію.
[2]) 6-го декабря 1918 года.
[3]) Впослѣдствіи четвертый командиръ Сѣвернаго корпуса.
[4]) Третій по счету командующій.
[5]) Родзянко. «Воспоминанія о Сѣверо-Западной арміи».

А въ то же время, начиная съ весны 1919 г., Москва настойчиво предлагала Эстоніи миръ...

* * *

Стратегическое значеніе Сѣверо-Западнаго противобольшевицкаго фронта было чрезвычайно велико. Близость Петрограда[1]), возможность организаціи обезпеченной союзнымъ флотомъ базы по Балтійскому побережью и боевого содѣйствія флота; удобство морскихъ сообщеній съ союзными державами и легкость снабженія ими противобольшевицкихъ армій; богатые склады русскихъ и нѣмецкихъ боевыхъ припасовъ въ прифронтовой полосѣ бывшаго театра міровой войны; наконецъ, огромный запасъ людскихъ контингентовъ, который представляла изъ себя милліонная армія русскихъ плѣнныхъ, собранная въ концентраціонныхъ лагеряхъ Германіи и бывшей Австро-Венгріи[2]) — масса, подорванная морально и неустановившаяся въ политическомъ отношеніи, но могшая все же выдѣлить большое число здоровыхъ, пригодныхъ элементовъ. Воздѣйствіе въ этомъ направленіи на правительства Согласія, на печать и общественное мнѣніе Европы велось долго и настойчиво частными и официальными русскими организаціями, проявившими въ этомъ вопросѣ полное единомысліе.

Вопросъ о военномъ возглавленіи движенія прошелъ съ нѣкоторой внутренней борьбой и впослѣдствіи сталъ роковымъ на почвѣ столкновенія германской и союзнической оріентацій... Одно время на постъ главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ выдвигался ген. Вас. Іос. Гурко. Съ вѣдома ли англійскаго правительства, или по собственной иниціативѣ съ нимъ вступилъ въ частные переговоры по этому поводу англійскій военный представитель въ Прибалтикѣ. Ген. Гурко поставилъ весьма рѣшительно три основныхъ вопроса, отъ правильнаго разрѣшенія которыхъ, по его убѣжденію, зависѣлъ успѣхъ предпріятія: 1) какія политическія или экономическія цѣли преслѣдуютъ союзники въ видѣ компенсаціи за помощь? 2) какія средства — денежныя и матеріальныя, намѣрены они предоставить? 3) и будетъ ли русскій главнокомандующій облеченъ полною мочью? Отвѣта не послѣдовало, и переговоры прекратились. Въ дальнѣйшемъ на авансценѣ западно-русскихъ событій фигурировало исключительно имя ген. Юденича. Но, по совокупности различныхъ обстоятельствъ, движеніе на Западѣ, развиваясь совершенно самостоятельно, было поставлено все же въ моральную, позже въ официальную зависимость отъ Востока и Юга. Такъ относилось къ вопросу высшаго возглавленія офицерство, такъ гласили заявленія составныхъ частей фронта — Сѣвернаго корпуса, отряда кн. Ливена и др.; союзники во время переговоровъ ставили открытіе кредитовъ въ зависимость отъ согласія адмирала Колчака; также, наконецъ, смотрѣли и прибалтійскія новообразованія, выражая опасеніе, что бы «панрусскія правительства Колчака и Деникина и русская Сѣверо-Западная армія, сражающаяся подъ ихъ знаменами... не нарушили бы (нашей) независимости»[3]).

21 января 1919 г. ген. Юденичъ послалъ адмиралу Колчаку телеграфный докладъ, рисующій ту первоначальную военно-политическую базу, на которой строился Сѣверо-Западный фронтъ:

> «... Съ паденіемъ Германіи открылась возможность образованія новаго фронта для дѣйствія противъ большевиковъ, базируясь на Финляндію и Прибалтійскія губерніи... Около меня объединились всѣ партіи отъ кадетъ и правѣе. Программа тождественна съ Вашей. Представители торговаго класса, находящіеся въ Финляндіи, обѣщали финансовую поддержку. Реальная сила, которою я располагаю въ настоящее время — Сѣверный корпусъ (3 тыс.)[4]) и

[1]) Отъ Финляндск. раіона — 25 в., отъ Нарвскаго — 136 в., отъ Псковскаго — 256 в.

[2]) Всѣхъ плѣнныхъ, вмѣстѣ съ разсѣянными по средней Европѣ, было до 3-хъ милліоновъ.

[3]) Изъ меморандума Эстонскаго правительства въ 1919 г.

[4]) Сѣверный корпусъ не былъ еще въ то время подчиненъ ген. Юденичу.

Генералъ Юденичъ.

3—4 тыс. офицеровъ, находящихся въ Финляндіи и Скандинавіи...[1]). Я разсчитываю также на нѣкоторое число — до 30 тысячъ — военно-плѣнныхъ офицеровъ и солдатъ... Безъ помощи Антанты обойтись нельзя и въ этомъ смыслѣ я велъ переговоры съ союзниками, но положительнаго отвѣта еще не имѣется. Необходимо воздѣйствіе союзниковъ на Финляндію, дабы она не препятствовала нашимъ начинаніямъ и вновь открыла границу для русскихъ бѣженцевъ, главнымъ образомъ, офицеровъ. То же въ отношеніи Эстляндіи и Латвіи... Необходима помощь... вооруженіемъ, снаряженіемъ, техническими средствами, финансами и продовольствіемъ не только на армію, но и на Петроградъ... Вооруженная сила не требуется — достаточно флота для обезпеченія портовъ. Но, если таковая будетъ, то это упроститъ и ускоритъ рѣшеніе. Благоволите поддержать мое ходатайство передъ Антантой...[2]).

Посылая мнѣ копію этой телеграммы, ген. Юденичъ писалъ: «... Я обращаюсь къ Вамъ съ просьбой — помогите мнѣ. Не можете удѣлить изъ имѣющихся у Васъ средствъ — я знаю, до послѣдняго времени Вы сами во всемъ нуждались — убѣдите нашихъ представителей въ Парижѣ, убѣдите союзниковъ. Если моя личность не угодна адмиралу Колчаку, Вамъ или союзникамъ, сообщите — я отойду въ сторону, передавъ дѣло другому, но не губите самое дѣло»[3]).

Послѣдняя фраза вызвана была, повидимому, слухами, что южное правительство относится отрицательно къ формированіямъ на Сѣверо-Западѣ и лично къ ген. Юденичу. Англійское военное министерство дѣйствительно запрашивало мое мнѣніе о ген. Юденичѣ. Я зналъ его весьма мало, но, считая, что уклоненіе отъ отвѣта можетъ повредить дѣлу снабженія западныхъ формированій, далъ отзывъ благожелательный[4]).

Моральная, дипломатическая помощь и отчасти облегченіе прохожденія вопросовъ комплектованія и снабженій — это все, что могъ сдѣлать и дѣлалъ Югъ — непосредственно и черезъ военнаго представителя въ Парижѣ ген. Щербачева.

Время проходило. Прошла зима и весна 1919 года, событія шли своимъ чередомъ, а ген. Юденичъ и русскій комитетъ, возглавляемый Карташевымъ, все еще оставались въ Гельсингфорсѣ, продолжая малорезультатные переговоры съ представителями державъ Согласія, съ правительствами Финляндіи и Эстоніи.

Пока, такимъ образомъ, въ Гельсингфорсѣ находился въ потенціальномъ видѣ главнокомандующій Сѣверо-Западнымъ фронтомъ, полупризнанный англичанами, но не проявляющій своей власти и руководства, Сѣверный корпусъ жилъ независимо отъ него своею жизнью. Подъ командой сначала полковника Дзерожинскаго, потомъ, послѣ мирнаго переворота, учиненнаго ген. Родзянко[5]), корпусъ въ серединѣ мая перешелъ въ наступленіе въ Петроградскомъ направленіи, разбилъ 7-ю армію большевиковъ и при содѣйствіи одной дивизіи эстляндцевъ, занявшей Псковъ, продвинулся къ Красной горкѣ и къ востоку отъ Пскова, серьезно угрожая Гатчино и Лугѣ. Большевицкія войска цѣлыми полками переходили на сторону бѣлыхъ и, корпусъ, возросши въ числѣ бойцовъ, былъ переименованъ въ Сѣверную, потомъ въ Сѣверо-Западную армію, независимую уже въ командномъ отношеніи отъ эстонскаго главнокомандующаго Лайдонера.

Между тѣмъ, въ серединѣ іюня послѣдовало утвержденіе адмираломъ Колчакомъ въ званіи главнокомандующаго Сѣверо-Западнымъ фронтомъ генерала Юденича, которому, вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлено было «осуществлять верховную власть именемъ Верховнаго Правителя въ губерніяхъ, освобожденныхъ (его) войсками...»[6]).

---

[1]) Серьезной организаціи тамъ не существовало.
[2]) Телегр. 21 янв. 19 г. № 65.
[3]) Письмо 30 янв. 19 г. № 76.
[4]) Письмо Брит. воен. миссіи 22 февр. 1919 г. и отвѣтъ штаба 28 февр. № 02947.
[5]) Ген. Родзянко «уговорилъ» полк. Дзерожинскаго сдать ему командованіе, послѣ чего Дзерожинскій принялъ командованіе бригадой и былъ произведенъ Родзянкой въ ген.-маіоры.
[6]) Телеграмма отъ 14-го іюня.

Ко времени, когда ген. Юденичъ переѣхалъ со штабомъ въ Эстонію (іюль), Сѣверо-Западная армія стояла на фронтѣ отъ Копорскаго залива (Пейпія) до станціи Молосковицы (въ полъ пути между Нарвой и Гатчиной) и оттуда въ сорока верстахъ западнѣе Луги и въ 20 верстахъ восточнѣе и южнѣе Пскова, до р. Великой. На этомъ фронтѣ располагалось два корпуса, общею численностью въ 12 460 штыковъ и сабель. Эта армія лишена была самаго необходимаго, ходила въ отрепьяхъ, до осени снабжалась почти исключительно средствами, отбитыми отъ большевиковъ, и денежное довольствіе, сначала весьма скудное, получала отъ эстонскаго правительства, потомъ, за пенмѣніемъ иныхъ источниковъ — отъ перепродажи американской муки, предназначенной для населенія западной Россіи. Щедрые, въ отношеніи эстонцевъ, англичане пока ничего не давали арміи. А постоянныя тренія съ эстонскимъ правительствомъ и не прекращавшіеся мирные переговоры между Эстоніей и Латвіей съ совѣтской Россіей, ставили весь тылъ арміи въ положеніе тяжелой и опасной неопредѣленности.

Большевики рѣшительно не вѣрили въ серьезность угрозы своему западному фронту. Даже майскіе успѣхи Родзянко не заставили ихъ перемѣнить свое отношеніе къ нему. Переговоры о мирѣ съ эстонцами и латышами, по выраженію Бронштейна, «имѣли характеръ опіума, поселивъ увѣренность, что война на этомъ фронтѣ близится къ концу... Мы снимали, поэтому, съ фронта 7-ой арміи и хорошія части, и лучшихъ работниковъ, и командировъ, и опытныхъ военно-политическихъ работниковъ...»[1]).

Все шло на Югъ!..

Только осеннее наступленіе генерала Юденича вызоветъ панику въ Петроградѣ — у Зиновьева и совѣтовъ — и побудитъ совѣтское командованіе «съ лихорадочнымъ напряженіемъ» возвращать на Западный фронтъ и силы, и людей.

ГЛАВА IV.

Латвія. Группа ген. фонъ деръ Гольца. Литва. Польша. Идея объединеннаго «Сѣверо-Западнаго фронта».

Если въ сѣверной Прибалтикѣ всецѣло и безраздѣльно царило вліяніе союзниковъ, преимущественно Англіи, то въ южной оно боролось еще долго съ вліяніемъ германскимъ. Эта борьба — первная, непослѣдовательная и лишенная какой-либо иной идеи, кромѣ неприкрытаго и грубаго соперничества — наложила свой рѣзкій отпечатокъ на всѣ военно-политическія событія въ краѣ.

На основаніи требованій союзниковъ германскіе войска спѣшно очищали Прибалтику. За ними слѣдомъ отъ Полоцка, Пскова и Орши шли совѣтскіе полки, численностью до 10—12 тысячъ, направляя главныя силы черезъ Ригу къ нѣмецкой границѣ... Такая перспектива не безъ основанія встревожила германское командованіе и правительство, и эвакуація подъ предлогомъ закупорки желѣзныхъ дорогъ нѣсколько замедлилась.

Тѣмъ не менѣе, къ концу декабря большевики подошли къ Ригѣ. Латышскій народный совѣтъ, возгласившій 18 ноября 1918 г. самостоятельность Латвіи, не имѣлъ въ своемъ распоряженіи никакихъ силъ и средствъ для обороны края. Большинство латышскихъ полковъ находилось на совѣтской службѣ и теперь 6—7 изъ нихъ наступали противъ Риги; небольшой добровольческій отрядъ полковника Замитанисса былъ отрѣзанъ отъ Риги и находился на службѣ Эстоніи; другой отрядъ полк. Колпака не превышалъ тогда 400 штыковъ; русскій элементъ края, преимущественно офицерство, сталъ собираться въ отрядъ князя Ливена,

[1]) Изъ рѣчи 6-го октября 19 г. въ петроградскомъ совдепѣ.

къ январю представлявшій изъ себя одну только роту; въ свою очередь нѣмецкое балтійское дворянство приступило къ организаціи Балтійскаго ландвера, который, въ силу классоваго своего состава и неприкрытаго максимализма въ аграрномъ вопросѣ, представлялся опаснымъ въ глазахъ латышскаго народнаго совѣта и правительства Ульманиса.

При такихъ условіяхъ правительство обратилось за помощью къ нѣмцамъ, прося продолжить оккупацію края до созданія имъ собственной арміи. Между латвійскимъ правительствомъ и совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ 8-й германской арміи былъ заключенъ договоръ въ Ригѣ 29 декабря 1918 г.[1]), въ силу котораго Германія соглашалась формировать для защиты Латвіи добровольческіе отряды и снабжать латвійское правительство денежными средствами и военнымъ снаряженіемъ для организаціи собственной арміи. За эту услугу «Временное правительство Латвіи... (соглашалось) признать, по ходатайству о томъ, всѣ права гражданства за всѣми иностранцами (германцами?), состоящими въ арміи и прослужившими не менѣе 4-хъ недѣль въ добровольческихъ частяхъ, сражавшихся за освобожденіе латвійской территоріи отъ большевиковъ». Это тяжелое обязательство, дѣлавшее германскихъ солдатъ участниками будущаго земельнаго раздѣла, и впослѣдствіи нарушенное Латвіей, одинаково соотвѣтствовало планамъ и курляндскихъ помѣщиковъ, и германскаго правительства, которые совмѣстно съ конца 1916 года принимали рядъ мѣръ для нѣмецкой колонизаціи Прибалтійскаго края. Первымъ результатомъ этого договора явилось формированіе крупнаго добровольческаго отряда изъ трехъ родовъ оружія подъ названіемъ «Желѣзной дивизіи», во главѣ которой сталъ маіоръ Бишофъ.

Къ январю, когда большевики подступили къ Ригѣ, всѣ эти силы были еще въ стадіи формированія; германскія линейныя части наотрѣзъ отказались сражатся противъ большевиковъ; Согласіе настойчиво требовало скорѣйшаго очищенія Прибалтики, и мѣстные представители его въ формахъ грубыхъ и надменныхъ, возмущавшихъ одинаково и мѣстные правительства, и русскій элементъ, и германское командованіе, распоряжались на побережьи, какъ въ своихъ колоніяхъ.

22 декабря Москва передавала «всѣмъ» радіо, полученное ею изъ Берлина: «наканунѣ новаго года (18 дек. ст. стиля). Желѣзная дивизія должна была очистить свою позицію у Хинценберга... Когда большевицкіе войска достигнутъ позиціи Эгеля, очищеніе Риги станетъ неизбѣжнымъ. Англійскій флотъ (Адмиралъ Синклеръ) заявилъ, что онъ не можетъ оказать помощи... Рѣшено очистить Ригу въ теченіе этой недѣли».

Послѣ такого болѣе чѣмъ страннаго предупрежденія совѣтскія войска 2 января заняли Ригу. Разстроенныя добровольческія части 8 января отдали и Митаву, задержавшись затѣмъ на линіи р. Виндавы. Правительство Ульманиса, германскіе и добровольческіе штабы и организаціи перешли въ Либаву.

Къ этому времени наступилъ поворотъ во взглядахъ правящихъ круговъ Лондона и Парижа. Быстрое продвиженіе совѣтскихъ войскъ къ Нѣману и возможность соединенія ихъ съ германскими спартаковцами сильно обезпокоили союзниковъ. По иниціативѣ, главнымъ образомъ, Клемансо возникла идея барьера, предохраняющаго Европу отъ вторженія русскаго большевизма — идея, воспринятая и использованная въ сугубый вредъ Россіи Ллойдъ-Джорджемъ. Первоначально роль такого барьера должны были въ силу необходимости играть германскія войска, покуда не организуются національныя арміи русскихъ окраинъ.

Въ этомъ смыслѣ даны были Согласіемъ указанія германской главной квартирѣ, эвакуація задержалась, и большевицкое наступленіе на западѣ было пріостановлено къ серединѣ января на линіи Виндава—Шавли—Ковно—Гродно—Лунинецъ и по р. Припяти.

---

[1]) По другимъ источникамъ, 19 декабря. Договоръ, впослѣдствіи и наличіе котораго оспаривалось латышами, былъ подписанъ со стороны Латвіи министрами Ульманисомъ, Паэгле и Залитомъ, со стороны Германіи политическимъ комиссаромъ 8-й арміи Виннигомъ.

Въ Курляндіи и частью въ сѣверной Литвѣ въ ближайшіе два мѣсяца исключительно на германскія средства была сформирована сильная добровольческая группа генерала гр. фонъ деръ Гольца. Въ составъ ея вошли: нѣсколько пополнившійся русскій отрядъ кн. Ливена, латышскій полкъ Баллода (до 2-хъ тыс.), Балтійскій ландверъ, пополненный нѣмецкими офицерами и солдатами и обращенный въ чисто германскую часть (2—3 тыс.); наконецъ, состоявшіе исключительно изъ германскихъ добровольцевъ, Желѣзная дивизія и 6-й резервный корпусъ. Боевой составъ этихъ войскъ не превышалъ вначалѣ 20 тысячъ, а къ лѣту достигъ 40 тысячъ. Номинально группа фонъ деръ Гольца считалась на службѣ у латвійскаго правительства, фактически-же была совершенно автономна.

Въ началѣ марта фонъ деръ Гольцъ предпринялъ успѣшное наступленіе противъ большевиковъ въ рижскомъ направленіи, отбросилъ 10—15 тыс. армію красныхъ, захватилъ Виндаву, Тукумъ и Митаву. На линіи рѣки Курляндской Аа пришлось, однако, остановиться на цѣлыхъ два мѣсяца: организація корпуса была еще не закончена, а подозрительная и ревнивая политика Согласія вновь ставила всевозможныя препятствія къ перенесенію «барьера» вглубь страны. Къ этимъ внѣшнимъ затрудненіямъ присоединились и внутренне-политическія: офицерство Балтійскаго ландвера 16 апрѣля свергло соціалистическое правительство Ульманиса и поставило новый кабинетъ германофила, праваго, пастора Недра. Одновременно части ландвера разоружили и ограбили въ Либавѣ латвійскій отрядъ. Вражда между латышами и нѣмцами еще болѣе усилилась; представители Согласія не признали правительства Недра; Ульманисъ бѣжалъ въ Эстонію и тамъ, опираясь на латышскій отрядъ Замитаниса, при содѣйствіи эстонскаго правительства и представителей Согласія, сталъ готовить почву для вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла Латвіи...

Только 22 мая послѣ вторичнаго наступленія взята была Рига.

Въ этомъ углу Россіи весной 19 года завязывался узелъ нитей, исходившихъ изъ глубинъ міровой политики и перепутанныхъ въ мѣстной жизни взаимной ненавистью и старыми политическими и соціальными счетами. Во всякомъ случаѣ курляндскіе бароны, обладавшіе 50% всей земли Латвіи, и нѣмецкіе добровольцы, мечтавшіе о колонизаціи ея — въ роли защитниковъ самостоятельности латышскаго народа представляли картину весьма своеобразную.

Здѣсь на периферіи затихавшей европейской бури боролась политика французская, англійская, германская, балтійско-нѣмецкая, латышская. И только русская политика, русскіе интересы не находили никакого отраженія. Ибо не было въ краѣ ни организованной русской общественности, ни сколько-нибудь серьезной военной силы, съ которыйъ считались-бы союзники и враги.

А между тѣмъ территорія Латвіи лѣтомъ и осенью 19 г. станетъ ареной событій, разыгравшихся вокругъ именъ Гофа[1]), Марча[1]), фонъ деръ Гольца, Бермонта — событій, отразившихся роковымъ образомъ на судьбѣ Сѣверо-западнаго противобольшевицкаго фронта.

* * *

Далѣе на востокъ германскія войска, какъ упоминалось выше, къ серединѣ января остановились на линіи Ковно—Гродно—Лунинецъ—р. Припять, располагаясь на территоріи Литвы и Бѣлоруссіи и прикрывая западную часть Литвы и Польшу.

Литву оккупировалъ 7-ми тысячный отрядъ вестфальскихъ добровольцевъ Пфейфера. Германское правительство, стараясь создать противовѣсъ Польшѣ, отнеслось съ большимъ вниманіемъ къ литовскому правительству, гарантируя самостоятельность государства и доступъ къ морю подъ германскимъ контролемъ, предоставивъ крупную денежную помощь, и обѣщавъ вооруженіе и снаряженіе на

[1]) Англійскіе военные представители.

50 тыс. армію. Начался наборъ и формированіе литовской арміи, проходившіе, впрочемъ, весьма вяло. Согласіе, не проявляя большого интереса къ Литвѣ, тормозило, однако, германскую помощь, категорически воспрещая вывозъ предметовъ военнаго снабженія за границу Германіи...

Положеніе новообразованія было весьма труднымъ: давленіе большевиковъ, своекорыстная помощь нѣмцевъ, немилость Согласія и бурно проявлявшіяся захватныя стремленія Польши, добивавшейся въ Версалѣ присоединенія къ ней Литвы. Отношенія къ послѣдней становились все болѣе враждебными, находя откликъ и въ столкновеніяхъ на общемъ фронтѣ, и въ сношеніяхъ правительствъ, и въ постоянныхъ жалобахъ ихъ Верховному союзному совѣту. Но, негодуя на алчность польскихъ шовинистовъ, ковенское правительство руководствовалось также не слишкомъ идеалистическими соображеніями... Когда польская армія занимала западно-русскіе города и области, литовскіе дипломатическіе представители обращались съ горячимъ протестомъ къ державамъ Согласія, претендуя сами на Бѣлостокъ, Гродну, Лиду, часть Минской губ. и т. д.

Безпризорный Бѣлорусскій край становился объектомъ вожделѣній всѣхъ сосѣдей...

Какъ бы то ни было, литовскій фронтъ, въ составъ котораго кромѣ германской группы входила литовская дивизія полковника Беньяшевича и нѣсколько мелкихъ русскихъ и польскихъ партизанскихъ отрядовъ подъ общимъ польскимъ командованіемъ, успѣшно отражалъ наступленіе большевиковъ.

* * *

Польша въ концѣ 18 и началѣ 19-го годовъ представляла кипящій котелъ.

Внутри страны шла ожесточенная борьба между правыми и лѣвыми политическими партіями, проявившаяся вначалѣ выступленіемъ образованнаго въ Люблинѣ «Временнаго народнаго правительства»[1]) противъ Варшавскаго регентскаго совѣта, потомъ съ особой напряженностью — вокругъ выборовъ въ Сеймъ. Съ трудомъ налаживалась внутренняя связь между отдѣльными частями государства, гдѣ сложившіяся теченіемъ событій власти — «Ликвидаціонная комиссія» въ Галиціи, «Главный народный совѣтъ» въ Познани, даже такія, какъ «Народный совѣтъ княжества Тешинскаго», стремились сохранить нѣкоторую обособленность и въ военномъ, и въ экономическомъ отношеніи. Также плохо налаживались взаимоотношенія между регентскимъ совѣтомъ и польскимъ парижскимъ комитетомъ.

По всей русской Польшѣ, Познани, верхней Силезіи шли непрерывно кровавыя столкновенія между германскими гарнизонами и польскими войсками, которыя, не дожидаясь рѣшеній и санкцій Версаля, спѣшили закончить «Odbudowanie ojczyzny», — «Ойчизны», охваченной бурнымъ подъемомъ и подлиннаго патріотизма, и близорукаго, исторически взращеннаго шовинизма... Галиція, гдѣ еще съ конца октября 18 г. польская «ликвидаціонная комиссія» принимала бразды правленія отъ австрійскихъ властей, была объята всеобщимъ возстаніемъ, въ которомъ всеукраинское теченіе соперничало съ всероссійскимъ, но оба объединялись въ общей ненависти къ польскому владычеству[2]). Война сопровождалась неслыханными жестокостями съ обѣихъ сторонъ, отражала вѣками накопившіеся историческіе счеты, напоминая времена Сагайдачнаго и Наливайки... Въ началѣ января изъ-за спорной части Силезіи дошло до вооруженнаго столкновенія и съ Чехіей...

Державы Согласія, обезпокоенныя разгорающимся на востокѣ пожаромъ, принимали мѣры воздѣйствія на враждующія стороны дипломатическимъ путемъ и

---

[1]) Правительство, возглавлявшееся Дашинскимъ, говорило якобы отъ имени «народныхъ и соціалистическихъ партій Галиціи и Польши». Въ 18 г. распря завершилась передачей обѣими сторонами диктаторской власти (14 нбр.. н. с.) ген. Пилсудскому.

[2]) 9 января 1919 г. въ Кіевѣ былъ торжественно оглашенъ актъ о соединеніи Украины съ Галиціей.

посылкой комиссій отъ Верховнаго союзнаго совѣта въ пораженныя междуплеменной распрей области. Въ отношеніи Галиціи эти мѣры оставались безрезультатными. Въ польско-германское столкновеніе онѣ внесли нѣкоторое, внѣшнее по крайней мѣрѣ, успокоеніе: польское правительство умѣрило свое стремленіе къ насильственному разоруженію германскихъ войскъ и вступало въ соглашенія относительно обоюдно пріемлемыхъ формъ эвакуаціи нѣмцевъ.

Наиболѣе легкимъ оказался вопросъ «na kresach wschodnich»[1]). Въ февралѣ между польскимъ и германскимъ командованіемъ состоялось соглашеніе о передачѣ Польшѣ оккупированной нѣмцами части Бѣлоруссіи и Волыни. Двѣнадцать русскихъ уѣздовъ, въ которыхъ польское населеніе едва достигало 5%, были включены въ предѣлы польскаго государства, составивъ въ военно-административномъ отношеніи три округа: Гродненскій[2]), Подляско-Палецкій[3]), и Волынскій[4]). Для успокоенія общественнаго мнѣнія Европы, которая, впрочемъ, отнеслась къ русскимъ дѣламъ съ большимъ равнодушіемъ, заграничной печати было сообщено, что при дальнѣйшемъ продвиженіи по территоріи Россіи, занимаемыя области не поступятъ въ общее управленіе польскаго кабинета министровъ, а черезъ особаго комиссара будутъ подчинены «начальнику государства»[5]).

Этотъ первый захватъ, вмѣстѣ съ занятой еще осенью 1918 г. Холмской Русью, составлялъ частичное выполненіе плана умѣреннѣйшей части польскаго общества — такъ называемой «программы minimum», включавшей въ польскія вожделѣнія, кромѣ перечисленныхъ земель, губернію Виленскую и два уѣзда Подольской. Ибо общественное мнѣніе страны въ своемъ представленіи національныхъ задачъ шло гораздо дальше — вплоть до «границы 1772 года» — плодъ въ равной мѣрѣ историческаго романтизма, какъ и національнаго шовинизма, раздвигавшихъ предѣлы Польши «od morza (балтійское) do morza (Черное), до Двины и Днѣпра, со включеніемъ Курляндіи, части Лифляндіи, губерній Витебской, Могилевской, Кіевской и Подольской. Только судьба Новороссійскаго края великодушно предоставлялась «третейскому международному суду»...

Генеральный комиссаръ восточныхъ «крессовъ» въ своемъ приказѣ объявилъ[6]), что «правительственнымъ языкомъ (является) языкъ польскій. На этомъ языкѣ ведутъ переписку городскіе органы между собой, съ властями и частными лицами. Внѣ этого всѣ мѣстные языки равноправны». Черезъ день послѣдовало разъясненіе: «какіе-же языки считаются м ѣ с т н ы м и ?.. Въ общественныхъ и самоуправляющихся учрежденіяхъ, такъ же какъ и въ школахъ, допускаются наряду съ польскимъ языкомъ языки литовскій, бѣлорусскій и малорусскій»... Звуки р у с с к а г о языка, по комментаріямъ тогдашней польской «крессовой» прессы, будутъ восприниматься «какъ свидѣтельство враждебнаго отношенія къ польскости»...

Версальскій высшій совѣтъ, ввиду остроты пограничныхъ споровъ и, можетъ быть, стѣсняясь еще въ ту пору такъ рѣзко нарушать интересы своего бывшаго союзника — Россіи, медлилъ съ разрѣшеніемъ вопроса о восточныхъ границахъ. 5 іюля была указана имъ лишь военная разграничительная линія между Литвой и Польшей по теченію Нѣмана и далѣе параллельно ж. д. Гродно—Вильно—Двинскъ; а въ концѣ 1919 г.[7]) послѣдовало частичное исправленіе границъ суверенной Польши присоединеніемъ къ ней Бѣлостокскаго уѣзда, а къ Литвѣ сѣверной части Сувалкской губ.

Такъ начинались новыя взаимоотношенія между родственными народами. Съ тѣхъ поръ прессъ полонизаціи въ школѣ, судѣ, въ религіозной, общественной,

---

[1]) Восточная окраина.
[2]) Уѣзды: Гродненскій, Сокольскій, Бѣлостокскій, Бѣльскій, Волковысскій, и Слонимскій.
[3]) Уѣзды: Брестъ-Литовскій, Пружанскій и Пинскій.
[4]) Уѣзды: Ковельскій, Владимиръ-Волынскій и Луцкій.
[5]) Генералъ Пилсудскій.
[6]) 3 марта 19 года.
[7]) Постановленіе отъ 19 ноября 19 года.

даже хозяйственной жизни занятыхъ русскихъ окраинъ сталъ давить все сильнѣе и нестерпимѣе, въ стремленіи вытравить все, что было связано съ представленіемъ о русской культурѣ и гражданственности. Безправіе, тюрьма, мученія и издѣвательства стали удѣломъ новыхъ «польскихъ гражданъ», не хотѣвшихъ забыть свое русское происхожденіе. Ослѣпленіе и ненависть становились основными двигателями польской политики на Востокѣ.

* * *

Съ огромнымъ напряженіемъ польская власть стремилась къ организаціи національной арміи. Въ командномъ составѣ и въ обученныхъ контингентахъ, послѣ крушенія трехъ армій — германской, австрійской и русской, въ рядахъ которыхъ сражались поляки, недостатка не было; существовали также и кадры, ввидѣ организованной нѣмецкимъ командованіемъ «Wehrmacht», польско-американскихъ формированій Галлера[1]), возникшихъ во Франціи, австро-польскихъ «легіоновъ» Пилсудскаго, укомплектованныхъ по преимуществу буржуазной молодежью, стрѣлковой бригады, сформированной Добровольческой арміей въ Екатеринодарѣ, и т. д. Боевое снабженіе, вначалѣ крайне разнообразное, составилось изъ богатыхъ складовъ трехъ армій, сражавшихся на территоріи Польши, и постепенно замѣнялось доставляемымъ въ большомъ изобиліи французскимъ. Французская помощь вообще, во всѣхъ отрасляхъ народно-хозяйственной жизни Польши, была велика[2]), и столь же велико было тамъ политическое вліяніе Франціи. Во всякомъ случаѣ, французская военная миссія ген. Генри, находившаяся въ Варшавѣ, руководила всецѣло польскимъ штабомъ и, слѣдовательно, если не въ политическомъ, то въ стратегическомъ отношеніи у нея была полная возможность направлять дѣйствія польской арміи на Востокѣ во вредъ или на пользу Россіи. По крайней мѣрѣ, когда войскамъ Галлера французами было воспрещено принимать участіе въ войнѣ за восточную Галицію, это ихъ требованіе было исполнено.

Но французская политика и польская стратегія не считались къ сожалѣнію съ интересами Россіи.

Постепенно развертывая свою армію, къ веснѣ 19 г. Польша имѣла на внѣшнемъ фронтѣ, кромѣ войскъ Познани, 8—9 пѣх. дивизій и 4 кавалерійскихъ, болѣе или менѣе организованныхъ, подъ верховнымъ командованіемъ ген. Пилсудскаго. Армія располагалась на большомъ пространствѣ, раздѣляясь на отдѣльныя группы: Польско-литовскую (Виленское направленіе), Бѣлорусскую (Минское и Мозырское), Волынскую и Галиційскую. Опасность съ запада все еще висѣла надъ страной: Гинденбургъ не торопился съ демобилизаціей имперской арміи, обнаживъ совершенно западный фронтъ и сосредоточивъ для прикрытія сѣверныхъ и восточныхъ границъ Германіи 9 корпусовъ, личный составъ которыхъ понемногу начиналъ отходить отъ революціоннаго угара. Въ силу этихъ обстоятельствъ, необходимости организаціонной работы и условій зимняго времени, военныя дѣйствія поляковъ противъ совѣтскихъ войскъ не отличались вначалѣ большой активностью. Только весною 19 года поляки совмѣстно съ литовцами перешли въ наступленіе въ сѣверномъ направленіи, въ серединѣ апрѣля взяли Вильну и пододвинулись къ Минску; въ началѣ мая, искусно пользуясь войной совѣтовъ съ директоріей, прошли по тыламъ отступающихъ украинскихъ войскъ Петлюры къ востоку отъ Луцинца и Луцка.

Ни явнымъ, ни скрытымъ мотивомъ польскаго вторженія въ предѣлы Россіи никогда не была борьба съ совѣтской властью. Оно вдохновлялось исключительно тѣмъ двуличнымъ лозунгомъ, который, отражая взгляды польской общественности, провозгласилъ Пилсудскій 10 февраля при открытіи Сейма:

---

[1]) Генеральный штабъ и командный составъ въ большомъ числѣ — французы.
[2]) Америка снабжала хлѣбомъ

«Наши сосѣди, съ которыми мы желали бы жить въ дружбѣ, не хотятъ забыть временную слабость Польши... Мы не хотимъ вмѣшательства во внутреннія дѣла нашихъ сосѣдей... Но мы не отдадимъ ни одной пяди польской (?) земли и не позволимъ урѣзывать наши границы, на которыя имѣемъ право».

* * *

Вопросъ объединенія всего широкаго фронта внѣшнихъ противобольшевицкихъ силъ — отъ Ботническаго залива до Припяти — въ русскихъ кругахъ никогда серьезно не ставился: слишкомъ противорѣчивы были интересы окраинныхъ государствъ и подчасъ слишкомъ неумѣрены ихъ національныя устремленія.

Что давала имъ нарождавшаяся національная власть въ Россіи? Я ограничусь приведеніемъ выдержки изъ отвѣта адмирала Колчака на обращеніе Верховнаго совѣта союзныхъ державъ. Онъ составленъ былъ позднѣе, 4 іюня 19 г., но заключалъ въ себѣ существенные мотивы многократныхъ заявленій — его, моихъ, Юденича, парижскаго совѣщанія, отражая взгляды широкихъ слоевъ русской общественности самыхъ разнообразныхъ политическихъ оттѣнковъ[1]), кромѣ «самостійныхъ», наконецъ огромнаго большинства командного состава и офицеровъ бѣлыхъ армій.

«... 3. Признавая, что естественнымъ и справедливымъ слѣдствіемъ войны является созданіе единаго Польскаго государства, русское правительство считаетъ себя вправѣ подтвердить независимость Польши, объявленную въ 1917 году Временнымъ Правительствомъ Россіи, всѣ распоряженія и обязательства котораго мы приняли на себя. Но окончательная санкція опредѣленія границъ между Польшей и Россіей, въ соотвѣтствіи съ выше приведенными основаніями, должна быть отложена до Учредительнаго Собранія.

Мы готовы также нынѣ признать настоящее правительство Финляндіи, но окончательное рѣшеніе финляндскаго вопроса должно принадлежать Учредительному Собранію.

4. Мы готовы теперь же подготовить рѣшеніе вопросовъ по отношенію къ національностямъ Эстоніи, Латвіи, Литвы, Кавказскихъ и Закаспійскихъ странъ. Мы имѣемъ полное основаніе предполагать, что дѣло скоро уладится, какъ только правительство обезпечитъ различнымъ народностямъ автономіи. Изъ этого слѣдуетъ, что границы и формы этихъ автономій будутъ опредѣлены особо для каждой народности. Въ томъ же случаѣ, если при разрѣшеніи этихъ разнообразныхъ вопросовъ возникнутъ затрудненія, то въ цѣляхъ достиженія удовлетворительнаго рѣшенія ихъ, правительство готово прибѣгнуть къ содѣйствію и помощи Лиги Народовъ.

5. Выше изложенныя основанія, предусматривающія утвержденіе Учредительнымъ Собраніемъ всѣхъ соглашеній, очевидно, должны быть примѣнены и къ Бессарабіи».

Такая постановка вопроса ни одно изъ новообразованій совершенно не удовлетворила.

Если бы, однако, руководители бѣлаго движенія, вопреки опредѣленно сложившемуся тогда общественному мнѣнію, отъ имени Россіи дали свою санкцію всѣмъ требованіямъ новообразованій, является еще большой вопросъ: имѣло ли бы это самопожертвованіе непререкаемую цѣнность въ глазахъ окраинныхъ правительствъ и побудило ли бы окраинныя народности жертвовать своею кровью и рисковать своей судьбой для дѣла освобожденія Россіи? Вся дальнѣйшая исторія восточной Европы даетъ отвѣтъ ярко отрицательный[2]).

Но и другіе внѣшніе факторы далеко не способствовали объединенію западныхъ фронтовъ. Французское вліяніе въ Финляндіи, англійское въ Эстоніи и сѣверной Латвіи, германское въ южной Латвіи и Литвѣ, французское въ Польшѣ — таковъ пестрый переплетъ политической жизни окраинъ. Державы Согласія, въ силу давленія своей демократіи не же-

[1]) По крайней мѣрѣ въ 1919 году.

[2]) Гинсъ передаетъ фразу адм. Колчака, сказанную по этому поводу: «мы ихъ признаемъ, а они все таки не помогутъ».

лавшія и не могшія принять участія въ вооруженной борьбѣ, не оказывавшія въ то же время и сколько-нибудь серьезнаго давленія въ этомъ направленіи на окраинныя правительства... зимою 18 г. требующія ухода нѣмецкихъ войскъ изъ Прибалтики, въ началѣ 19-го, наоборотъ, требующія усиленія ихъ для созданія «кордона», и лѣтомъ, изъ-за опасенія все возрастающаго вліянія Германіи, разрушающія ея военныя организаціи въ Прибалтикѣ — таковы непослѣдовательные этапы русской политики союзниковъ. Наконецъ, Германія — въ теоріи, въ лицѣ военной партіи и даже отчасти соціалистическаго правительства своего въ то время допускавшая возможность выступленія въ роли спасительницы Россіи — въ чаяніи моральной реабилитаціи и будущихъ политическихъ и экономическихъ перспективъ, но въ корнѣ отвергающая мысль, чтобы эта помощь шла въ той или другой формѣ подъ флагомъ Согласія... Германія — на практикѣ развертывающая широко добровольческій корпусъ фонъ деръ Гольца, какъ предлогъ обойти стотысячную норму, ограничившую развитіе ея военныхъ силъ, какъ способъ сохраненія баронскихъ латифундій и вмѣстѣ съ ними своего вліянія въ Прибалтикѣ, какъ барьеръ противъ совѣтской арміи и вооруженный кулакъ, нависшій на флангѣ оперативныхъ путей польской арміи въ Восточную Пруссію — таковы внутренніе мотивы германской частичной интервенціи.

«Русско-германское сближеніе» въ теченіе долгаго времени было однимъ изъ главныхъ мотивовъ, которыми англійское правительство сдерживало напоръ оппозиціи, требовавшей прекращенія вооруженій и матеріальной помощи врагамъ совѣтской власти. Въ возрожденіи Россіи англичане не сомнѣвались. Но съ чьей помощью? «Я никакъ не могу отдѣлаться отъ мысли — говорилъ въ парламентѣ Черчиль — о страшной опасности, которая произошла бы, если бы ставшая врагомъ нашимъ Россія и жаждущая мести Германія пришли бы къ убѣжденію, что всѣ ихъ несчастья произошли оттого, что онѣ другъ съ другомъ враждовали и что онѣ могли бы вновь стать могущественными, если бы соединились вмѣстѣ» [1]).

Какими же методами правительство Англіи, при непротивленіи Клемансо, осуществляло идею пріоритета въ возсозданіи Россіи? Близкій къ французскому министерству иностранныхъ дѣлъ «Temps» осенью 19 года въ рядѣ статей, констатируя, что общественное мнѣніе Франціи порицаетъ политику державъ Согласія, подводилъ ея итоги:

> «Въ теченіе 11 мѣсяцевъ послѣ перемирія, что сдѣлали союзники въ Балтикѣ? Они поддерживали — и временами эксплоатировали — вожделѣнія эстовъ и латышей, которыя они не могутъ осуществить. Они противодѣйствовали стремленіямъ русскихъ, которымъ они не смогутъ помѣшать осуществиться.
>
> Нѣтъ сомнѣнія, что Ревель — великолѣпный портъ и что ленъ латышскихъ землевладѣльцевъ весьма пригоденъ для британскихъ ткачей. Но никакія соглашенія, никакой флотъ въ мірѣ не въ силахъ помѣшать Россіи возстановить рано или поздно свое прежнее положеніе на берегахъ Балтійскаго моря. Обѣщать эстамъ и латышамъ, что имъ будетъ обезпечена подходящая автономія въ децентрализованной Россіи, вполнѣ резонно; со стороны Антанты это было бы обязательствомъ, на выполненіе котораго союзники могутъ надѣяться. Но итти дальше и заманивать эти мелкія группы людей призракомъ независимости, значитъ сѣять невозможное: изъ такихъ сѣмянъ вырастаютъ одни лишь разочарованія».
>
> «Вы желаете болѣе существенныхъ плодовъ? Тогда нужно смотрѣть открыто въ лицо дѣйствительности: въ Балтійской авантюрѣ — весь русскій вопросъ».
>
> «Два направленія политики могутъ быть приняты по отношенію къ Россіи — первое заключается въ расчлененіи россійскаго государства, второе въ его возстановленіи. Союзники должны рѣшиться разъ навсегда избрать одно изъ двухъ направленій, а именно второе, тогда какъ до сихъ поръ мы колебались между обоими».
>
> «Если бы мы хотѣли расчлененія Россіи, то предоставляя ей гноиться въ большевизмѣ, то примѣняя на сѣверѣ и на югѣ противоположные методы дѣйствія — и въ томъ и въ другомъ случаѣ всѣ преимущества были бы на сторонѣ

[1]) Изъ рѣчи въ палатѣ общинъ 29 іюля 19 года.

КРАСНОЙ

Германіи. Германія обладаетъ гораздо большими возможностями въ техникѣ пользованія противоположными крайностями. Она поставляла инструкторовъ и деньги большевикамъ. Сегодня она поставляетъ ихъ сторонникамъ абсолютнаго царизма[1]). Въ Россіи, равно какъ и во всей Европѣ, во время войны и до ея возникновенія, она спеціализировалась въ дѣлѣ разложенія, и всякое разложеніе идетъ на пользу Германіи...»

«Напротивъ, наша задача — строить».

И въ то время, когда глава англійскаго правительства, Ллойдъ-Джорджъ проводилъ настойчиво планъ расчлененія Россіи, другой государственный дѣятель Англіи, членъ его кабинета Черчиль, всей силой своего слова ополчался противъ такой близорукой политики. Въ своемъ вѣдомствѣ онъ принималъ и рядъ доступныхъ мѣръ, чтобы путемъ матеріальной поддержки бѣлыхъ армій ослабить явную для него опасность опытовъ Ллойдъ-Джорджа. Какъ могли сотрудничать эти «двѣ руки» — одна дающая, друга отъемлющая — это тайна британской политики.

Черчиль говорилъ[2]):

«Война вызвала къ жизни цѣлую цѣпь небольшихъ и слабыхъ государствъ, которыя сами до извѣстной степени проникнуты большевицкими идеями, подавлены гнетомъ банкротства и голода и лишены дисциплинированныхъ армій. И на этотъ-то колеблющійся, трескающійся оплотъ мы здѣсь разсчитываемъ для предотвращенія наступательнаго движенія на Западъ большевицкихъ войскъ и большевицкой анархіи; на него же мы разсчитываемъ и для предотвращенія объединенія этихъ войскъ и этого ученія съ недовольствомъ могучей германской націи!

Шесть мѣсяцевъ тому назадъ никто не вѣрилъ, чтобы эти новыя слабыя державы могли удержаться безъ могущественной поддержки союзническими деньгами и союзническими войсками. Но къ нашему великому облегченію, онѣ удержались безъ обращенія къ намъ за какой-либо непосредственной поддержкой[3]).

Эстонія, Литва, Польша, Чехо-Словакія, Румынія все еще выступаютъ жизненными факторами міровой общественной и національной жизни, и вся Западная Европа въ настоящее время укрывается за ихъ слабымъ оплотомъ. Но почему же онѣ оказались способными поддержать свое существованіе? Потому, что никто на нихъ серьезно не нападалъ. Усилія большевиковъ захватить ихъ были слабыми, и съ ними онѣ справились. Но почему же они были слабы?

А по той причинѣ, что по меньшей мѣрѣ двѣ трети всей большевицкой арміи, по меньшей мѣрѣ двѣ трети всѣхъ силъ, были заняты борьбой съ силами Колчака и Деникина, которыхъ не существовало совсѣмъ годъ тому назадъ и которыя теперь борются, но съ основательной надеждой на побѣду противъ трехъ сотъ тысячъ организованныхъ большевицкихъ боевыхъ войскъ.

И если бы эти арміи были разбиты и уничтожены, и вся Россія со всѣми своими рессурсами попала подъ неоспоримую власть Ленина и Троцкаго, то вся сила большевицкаго войска могла бы обрушиться — и обрушилася бы — на линію еле держащихся небольшихъ государствъ — съ послѣдствіями, въ которыхъ никто изъ знакомыхъ съ ихъ пожеланіями не можетъ сомнѣваться».

* * *

Въ этомъ сплетеніи разнородныхъ, взаимно враждебныхъ интересовъ рисовалась только одна объективная возможность, грозившая быстрымъ крушеніемъ совѣтской власти, по существу, однако, ирреальная, противорѣчащая психологіи побѣдителя и побѣжденнаго въ первый острый періодъ расплаты:

Примиреніе державъ Согласія съ Германіей...

Нѣкоторые политическіе круги обѣихъ группировокъ еще съ 17 года выдвигали и такое положеніе, едва ли не наиболѣе грозное для судебъ Россіи. Въ немъ напрасно было бы искать моральныя обоснованія или стремленіе къ спасенію нашей Родины. Обнаженный національный эгоизмъ ставилъ вопросъ гораздо болѣе реально:

Миръ за счетъ Россіи...

---

[1]) Рѣчь шла о Бермонтѣ.

[2]) Рѣчь на банкетѣ британско-русскаго клуба 4 іюля 1919 г.

[3]) Это, какъ мы видѣли, не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

ГЛАВА V.

Появленіе союзниковъ на Югѣ Россіи и ихъ первые шаги. Планы интервенціи.

— Salut à nos Alliés!

— Wellcome dear friends!

Эти возгласы, выражавшіе искреннюю, непритворную радость, горячее дружественное чувство и безграничныя надежды на скорую перемѣну злосчастной судьбы, были неизмѣнными спутниками союзныхъ вымпеловъ, появлявшихся въ Черномъ морѣ. Никогда еще моральная связь между русской интеллигенціей, южнымъ казачествомъ и всѣми тѣми широкими слоями, которые связали себя съ національнымъ противобольшевицкимъ движеніемъ, и нашими союзниками не была такой крѣпкой. Никогда еще державамъ Согласія не представлялась лучшая возможность закрѣпить надолго и прочно эти узы со страной нищей, но таящей подъ спудомъ неисчерпаемыя сокровища, съ народомъ нынѣ безумнымъ, но въ нормальномъ состояніи своемъ наиболѣе честно относящимся къ выполненію международныхъ обязательствъ, великодушнымъ и помнящимъ добро.

Это радостное настроеніе, по мѣрѣ удаленія отъ портовъ Чернаго моря къ сѣверу, омрачалось только безпокойными мыслями: «успѣютъ ли придти»... и «какъ пережить переходное время, когда могутъ захлеснуть большевизмъ и анархія»...

По всему югу Россіи шла спѣшная перемѣна «оріентацій», измѣненіе программъ и широкая диференціація партій, группъ, организацій, которыхъ прежде раздѣляло германофильство. Перестраховывались спѣшно и правительства. Новые «Варяги» стали тѣмъ фундаментомъ, на которомъ строились политическія комбинаціи и утопіи, не разъ совершенно противорѣчивыя. Такъ польскій Регентскій совѣтъ взывалъ къ союзникамъ о помощи противъ «украинскихъ бандъ» — возставшаго народа Галицкой Руси, а правительства Галицкой и гетманской Украйны просили союзниковъ оградить Галицію отъ поглощенія Польшей. Въ Кіевѣ гетманское правительство давало союзникамъ завѣренія въ своей лойяльности и дружбѣ, указывая, что «войска центральныхъ державъ были призваны (не имъ, а) прежнимъ правительствомъ»[1]); а прежняя и будущая директорія, рожденная Брестъ-Литовскомъ, еще не выйдя изъ подполья, оперировала тѣми же аргументами въ пользу своего первородства и противъ «нѣмецкаго ставленника» — гетмана.

Украинская печать того времени обоихъ лагерей представляетъ разительные переливы всѣхъ тоновъ политическаго спектра по кривой линіи отъ Берлина къ Парижу. Донской атаманъ Красновъ, еще недавно писавшій о «дружбѣ, спаянной кровью на общихъ поляхъ сраженій воинственными народами германцевъ и казаковъ»[2]), устраивалъ теперь «достойную встрѣчу представителямъ тѣхъ государствъ, съ которыми вмѣстѣ въ продолженіе 3½ лѣтъ мы сражались за свободу и счастье Россійскаго государства», «на которыхъ мы и теперь смотримъ, какъ на своихъ союзниковъ»... «Безъ помощи союзниковъ освободить Россію невозможно» — писалъ онъ генералу Франше д'Эспре[3])... И при первыхъ-же извѣстіяхъ о проходѣ союзнымъ флотомъ Дарданеллъ обратился уже съ воззваніемъ къ «красному Вердену» — Царицыну, требуя сдачи города до 15 ноября и угрожая, въ противномъ случаѣ, что по приходѣ союзниковъ городъ будетъ сметенъ артиллерійскимъ огнемъ...

---

[1]) Вербальная нота отъ 2 ноября 1918 года.
[2]) Изъ письма императору Вильгельму 5 іюля 1918 года.
[3]) Приказъ войску № 1582 и письмо ген. Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.

Чтобы облегчить и ускорить выходъ союзнаго флота въ Черное море, которое находилось еще въ рукахъ нѣмцевъ, адмиралъ Ненюковъ въ серединѣ октября послалъ изъ Яссъ старшему союзному адмиралу всѣ документы, касавшіеся минныхъ заграждений портовъ Чернаго моря, числа и тоннажа военныхъ и коммерческихъ судовъ, а также «планы, описанія, статистическія данныя портовъ и рейсовъ всего Чернаго моря, обработанные нашимъ бывшимъ морскимъ генеральнымъ штабомъ»[1]). Помощь — союзному флоту весьма существенная, не знаю только — не были ли при этомъ, въ пылу увлеченія альянсомъ, перейдены предѣлы осторожности, необходимой даже въ отношеніи друзей...

На фонѣ разгоравшейся вокругъ появленія союзниковъ большой и малой политики не обошлось безъ элемента комическаго: 29-го октября наша радіостанція перехватила телеграмму, адресованную испанскому послу въ Софіи: «Совѣтъ министровъ Крымскаго правительства рѣшилъ просить Васъ сообщить представителямъ Соединенныхъ Штатовъ, Франціи, и Британіи, что (оно) обязуется соблюдать нейтралитетъ при входѣ въ Черное море флота державъ Согласія до заключенія перемирія между державами Согласія и Германіей»...

Флагманъ союзнаго флота могъ слѣдовательно дерзать!

* * *

10 ноября въ новороссійскую бухту вошла эскадра въ составѣ двухъ миноносцевъ и двухъ крейсеровъ — французскаго «Эрнестъ Ренанъ» и англійскаго «Ливерпуль». Почти одновременно на болгарскомъ пароходѣ подъ французскимъ флагомъ пришелъ, командированный мной на Балканы ген. Эрдели, привезя чрезвычайно цѣнный для насъ грузъ русскихъ патроновъ и ружей, и вмѣстѣ съ нимъ прибыли представители Салоникской французской арміи.

Новороссійскъ, затѣмъ Екатеринодаръ встрѣчали союзниковъ необыкновенно радушно, со всѣмъ пыломъ открытой русской души, со всей страстностью истомленнаго ожиданіемъ, сомнѣніями и надеждами сердца. Толпы народа запрудили улицы Екатеринодара, и ихъ шумное ликованіе не могло не увлечь своей непосредственностью и искренностью западныхъ гостей. 20 ноября пріѣхала англійская военная миссія во главѣ съ ген. Пулемъ, бывшимъ главнокомандующимъ союзными войсками на Сѣверномъ (Архангельскомъ) фронтѣ, и торжества повторились вновь.

Большинство союзныхъ военныхъ представителей всецѣло раздѣляло ту психологію, во власти которой находились мы всѣ — Добровольческая Армія, бѣлый Югъ. Въ ихъ сознаніи, какъ и въ нашемъ, взаимныя обязательства оставались непререкаемыми, война еще не кончена, и активная помощь армій несомнѣнна. Оторванные годами войны отъ политическихъ будней своихъ странъ, они жили еще эмоціями бранной славы и побѣды, располагавшими къ великодушію. Оттого въ словахъ ихъ было болѣе чувства, чѣмъ расчета, въ обѣщаніяхъ — болѣе личнаго убѣжденія, чѣмъ фактической освѣдомленности...

Застольныя рѣчи дышали широкимъ оптимизмомъ.

Я говорилъ «... Въ этотъ часъ возрожденія русской государственности вновь сомкнулся фронтъ и къ намъ протянулись дружескія руки... Я желаю отъ души счастья Франціи и Англіи. Но, если когда нибудь надъ Сеной и Темзой сгустятся тучи, знайте, что Россія — не эта лоскутная, безпомощная — а новая сильная, Единая Россія никогда не забудетъ безкорыстной дружественной помощи и свято исполнитъ тогда свой долгъ»... Генералъ Драгомировъ вспоминалъ фразу ген. Пуля, вѣдавшаго въ 17 году снабженіемъ русской арміи, сказанную въ октябрѣ, наканунѣ большевицкаго переворота, въ отвѣтъ на его «мрачныя предвидѣнія надвигающагося развала страны»:

— Черезъ десять лѣтъ вы будете самой могущественной страной въ мірѣ...

---

[1]) Изъ доклада ген. Эрдели отъ 23 окт. 1918 года.

Ген. Пуль въ медленномъ, внѣшне безстрастномъ, но согрѣтомъ внутренней теплотой словѣ, говорилъ намъ:

«... У насъ съ вами одни и тѣ же стремленія, одна и та же цѣль — возсозданіе Единой Россіи... Какъ представитель Великобританіи, я передаю вамъ отъ своей страны: мы ни одной минуты не забывали, что Россія нашъ старый и вѣрный союзникъ; мы радовались вашимъ успѣхамъ въ началѣ войны, мы горевали, когда вы были преданы, и русская армія оставила фронты, вынужденно закончивъ войну; мы не забыли и никогда не забудемъ, какъ вы героическими усиліями спасли насъ въ 14 году, когда положеніе было критическимъ. Мы никогда не забудемъ, что вы, будучи поставлены въ крайне тяжелое положеніе, не соединились, однако, съ нѣмцами, рискуя всѣмъ, и остались до конца вѣрными своимъ союзникамъ.

Я посланъ своей страной, чтобы узнать, какъ и чѣмъ вамъ можно помочь; съ большимъ удовольствіемъ, съ большою охотой мы вамъ эту помощь дадимъ»[1]) ...

Дипломатическій представитель Франціи, лейтенантъ Эрлишъ, будущій депутатъ французскаго парламента, прекрасный и съ большимъ темпераментомъ ораторъ, владѣющій свободно русскимъ языкомъ, пожиналъ восторги собранія, затрагивая больныя и трепещущія струны — словами тогда еще не захватанными, не опошленными.

— Вы можете разсчитывать безусловно на помощь великой Англіи и свободной Франціи. Мы съ вами. Мы за васъ... Я твердо вѣрю, что скоро на высокихъ башняхъ святого Кремля красный флагъ, забрызганный невинной кровью многочисленныхъ жертвъ насильниковъ, будетъ замѣненъ славнымъ трехцвѣтнымъ знаменемъ Великой, Единой, Недѣлимой Россіи»[2]) ...

Отзвуки этихъ событій и этихъ рѣчей разносились по Югу, по боевымъ линіямъ Добровольческой и Донской армій, проникали сквозь большевицкія позиціи на Терекъ, повсюду подымая духъ и волю къ продолженію борьбы.

Я долженъ отдать справедливость этимъ первымъ представителямъ союзниковъ: въ генералѣ Пулѣ, лейтенантѣ Эрлишѣ, Гокье[3]) и другихъ мы имѣли дѣйствительныхъ и дѣятельныхъ друзей Россіи. Но ихъ вліяніе и вѣсъ были недостаточны, чтобы измѣнить русскую политику державъ Согласія.

* * *

Являлась необходимость выяснить вопросъ, на какую же помощь союзниковъ могутъ разсчитывать арміи Юга?

Взаимоотношенія союзнаго командованія были неопредѣленны и осложнялись взаимнымъ соперничествомъ державъ. Въ Константинополѣ имѣлъ пребываніе «главнокомандующій союзной Салоникской арміей», французскій генералъ Франше д'Эспре; тамъ-же главная квартира «главнокомандующаго британской арміей на Балканахъ» — ген. Мильна; имъ были подчинены первоначально союзные представители въ Екатеринодарѣ. Командированный въ Константинополь ген. Эрдели привезъ оттуда весьма учтивое письмо ген. Франше д'Эспре и неопредѣленныя обѣщанія. Въ то же время въ Бухарестѣ находился штабъ ген. Бертело, именовавшагося «главнокомандующимъ союзными силами въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи». Вошедшій съ нимъ въ сношенія по моему порученію представитель Добровольческой Арміи въ Яссахъ, ген. Щербачевъ прислалъ мнѣ въ началѣ ноября подробную оріентировку[4]), бросающую свѣтъ на первоначальныя предположенія союзнаго командованія въ русскомъ вопросѣ:

---

[1]) Рѣчь 28 ноября на банкетѣ въ Кубанскомъ собраніи.

[2]) Idem.

[3]) Осенью 1918 г. пріѣхалъ изъ Кіевской французской миссіи въ качествѣ «дипломатическаго представителя при Добр. Арміи» и въ серединѣ ноября былъ отозванъ въ Яссы и замѣненъ Эрлишемъ.

[4]) Отъ 3 ноября 1918 года.

«Я посѣтилъ ген. Бертело въ его главной квартирѣ въ Бухарестѣ для предварительныхъ переговоровъ о своемъ проѣздѣ въ главную квартиру генерала Франше д'Эспре и далѣе въ Парижъ, съ цѣлью ускорить прибытіе союзныхъ войскъ и средствъ войны — въ Россію.

Въ Бухарестѣ мнѣ удалось достигнуть результатовъ, которые значительно превзошли мои предположенія. Путемъ непосредственнаго общенія и обмѣна мнѣніями съ Генераломъ Бертело, съ коимъ насъ связывала и прежняя общность идей и дѣйствій, нынѣ удалось придать переговорамъ въ Бухарестѣ форму исчерпывающе-рѣшительную настолько, что временно отпала надобность проѣзда въ Парижъ и къ Генералу Франше д'Эспре.

Генералъ Бертело, имѣющій личную идейную сильную поддержку г. Клемансо, предсѣдателя союзныхъ Версальскихъ совѣщаній, облеченъ полною мощью Главнокомандующаго арміями Союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на Югѣ Россіи» и въ качествѣ такового лица имѣетъ возможность проектировать и осуществлять всѣ вопросы политическіе и военные, касающіеся Юга Россіи и спасенія его отъ анархіи. Мнѣ удалось подвинуть этотъ вопросъ настолько, что нынѣ уже едва ли остается желать въ этомъ отношеніи чего-либо сверхъ предположеннаго на совѣщаніи моемъ съ генераломъ Бертело.

Рѣшено нижеслѣдующее:

1. Для оккупаціи Юга Россіи будетъ двинуто, настолько быстро, насколько это возможно, 12 дивизій, изъ коихъ одна будетъ въ Одессѣ на этихъ же дняхъ.

2. Дивизіи будутъ французскія и греческія.

3. Я буду состоять, по предложенію Союзниковъ и генерала Бертело, при послѣднемъ и буду участвовать въ рѣшеніи всѣхъ вопросовъ.

4. База Союзниковъ — Одесса; Севастополь будетъ занятъ также быстро.

5. Союзными войсками Юга Россіи первое время будетъ командовать генералъ д'Ансельмъ съ главной квартирой въ Одессѣ, гдѣ буду находиться и я съ состоящими при мнѣ Вамъ извѣстными лицами.

6. Генералъ Бертело, до времени, со своей главной квартирой остается въ Бухарестѣ.

7. По прибытіи союзныхъ войскъ, кромѣ Одессы и Севастополя, которые будутъ несомнѣнно заняты ко времени полученія Вами этого письма, Союзники займутъ быстро Кіевъ и Харьковъ съ Криворожскимъ и Донецкимъ бассейнами, Донъ и Кубань, чтобы дать возможность Добровольческой и Донской арміямъ прочнѣе сорганизоваться и быть свободными для болѣе широкихъ активныхъ операцій.

8. Подъ прикрытіемъ союзной оккупаціи, необходимо немедленное формированіе русскихъ армій на Югѣ Россіи, во имя возрожденія Великой, Единой Россіи. Съ этой цѣлью теперь же долженъ быть рѣшенъ и разработанъ вопросъ о способахъ и раіонахъ формированія этихъ армій по мѣрѣ продвиженія Союзниковъ. Только при такомъ условіи будетъ обезпечено скорѣйшее наступленіе всѣхъ русскихъ южныхъ армій подъ единымъ командованіемъ на Москву.

9. Въ Одессу, какъ главную базу Союзниковъ, прибудетъ огромное количество всякаго рода военныхъ средствъ, оружія, боевыхъ отнестрѣльныхъ запасовъ, танковъ, одежды, желѣзнодорожныхъ и дорожныхъ средствъ, аэронавтики, продовольствія и проч.

10. Богатые запасы бывшаго Румынскаго фронта, Бессарабіи и Малороссіи, равно какъ и таковые Дона, можно отнынѣ считать въ полномъ нашемъ распоряженіи. Для сего осталось сдѣлать лишь небольшія дипломатическія усилія, успѣхъ коихъ обезпеченъ, такъ какъ онъ опирается на все могущество Союзниковъ.

11. Относительно финансовой поддержки намъ, у Союзниковъ вырабатывается особый, спеціальный планъ».

Это письмо своей опредѣленностью выводило насъ, наконецъ, изъ области предположеній. Широкая и конкретная постановка вопроса открывала передъ нами новыя необычайно благопріятныя перспективы, ставила новыя задачи въ борьбѣ съ большевиками. На основаніи письма и затѣмъ предложенія французскаго представителя штабъ мой составилъ и послалъ генераламъ Бертело и Франше д'Эспре записку о политическомъ и стратегическомъ положеніи Юга Россіи и планъ совмѣстной съ союзниками кампаніи. Сущность его вкратцѣ сводилась къ слѣдующему:

Общей задачей русскихъ армій ставилось: «разбить совѣтскія войска, овладѣть центромъ — Москвой съ одновременнымъ ударомъ на Петроградъ и вдоль праваго берега Волги».

Ближайшая стратегическая задача... «1) Не допустить противника занять Украину и Западныя губерніи и, прикрывъ ихъ на протяженіи прежней германской демаркаціонной линіи, создать плацдармъ для будущихъ формированій и для наступленія вглубь Россіи». «2) Использовать фронтъ Донской и Добровольческой армій, съ той же цѣлью и для окончательнаго очищенія отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа».

Линія развертыванія русскихъ армій намѣчалась: Ямбургъ—Псковъ—Орша—Рогачевъ—Бѣлгородъ—Балашовъ—Царицынъ.

Такъ какъ сохраненіе областей, еще оккупированныхъ нѣмцами, отъ занятія и разгрома ихъ большевиками представлялось крайне необходимымъ, а задача эта для насъ непосильной, то къ выполненію ея привлекались союзныя войска. Составъ ихъ, включая обезпеченіе черноморскихъ базъ союзниковъ и коммуникаціонныхъ линій, опредѣлялся штабомъ въ 18 пѣх. и 4 кав. дивизіи [1]). «Силы эти — говорилось въ запискѣ — будутъ использованы исключительно для прикрытія линіи нашего развертыванія и для обезпеченія нашихъ формированій. Ни въ какихъ активныхъ дѣйствіяхъ имъ участвовать не придется... Намъ нужна не столько сила, сколько авторитетъ дружеской помощи».

Подъ прикрытіемъ союзныхъ войскъ и по окончаніи своего формированія, русскія арміи должны были начать наступленіе съ запада и юга къ Петрограду, Москвѣ и Казани.

Одновременно съ планомъ французскому командованію вручены были перечни необходимыхъ предметовъ и военнаго снабженія для армій Юга.

* * *

Время шло, всѣ хорошія слова были высказаны, а реальная помощь все еще не прибывала. Даже вопросъ о возглавленіи союзнаго командованія (Франше д'Эспре, Бертело, Мильнъ?) оставался спорнымъ въ теченіе трехъ съ половиной мѣсяцевъ, и только 11 марта я получилъ увѣдомленіе отъ ген. Франше д'Эспре, что «союзныя силы, оперирующія на югѣ Россіи, переходятъ подъ его командованіе» [2]). Сообщеніе — тотчасъ же и категорически опровергнутое англійской миссіей.

Цѣлый рядъ послѣдующихъ эпизодовъ вносилъ еще большую неясность въ общую политическую ситуацію и значительно понижалъ наше настроеніе.

Прежде всего телеграфъ принесъ намъ офиціальное извѣстіе о существованіи линіи «разграничивающей англійскую и французскую зоны дѣйствій» [3]). На востокѣ она проходила отъ Босфора черезъ Керченскій проливъ къ устью Дона и далѣе по Дону на Царицынъ [4]). Эта странная линія не имѣла никакого смысла въ стратегическомъ отношеніи, не считаясь съ меридіанальными оперативными направленіями къ Москвѣ и съ идеей единства командованія. Разрѣзая пополамъ область войска Донского, она не соотвѣтствовала также и возможности раціональнаго снабженія южныхъ армій, удовлетворяя скорѣе интересамъ оккупаціи и эксплоатаціи, чѣмъ стратегическаго прикрытія и помощи.

13 ноября союзный флотъ появился въ Севастополѣ и приступилъ къ принятію отъ германцевъ судовъ русскаго Черноморскаго флота. Командированный

---

[1]) Штабъ исходилъ изъ того, что центральныя державы послѣ Брестъ-Литовска держали на территоріи Россіи 49 пѣх. и 8 кав. дивиз. и что въ силу совершенно иной моральной и политической обстановки численность союзных войскъ можетъ быть уменьшена втрое.

[2]) Телеграмма 11 марта № 10317.

[3]) «L'accord franco-anglais du 23 Decembre 1917, définissant les zones d'action française et anglaise». Офиціальное подтвержденіе французскаго представителя полк. Корбейля въ сношеніи его на мое имя 27 мая 1919 г. № 1926.

[4]) Къ востоку англійская — къ западу французская.

мною въ Севастополь адмиралъ Герасимовъ встрѣтилъ со стороны союзнаго морского командованія обидное и жестокое отношеніе къ русскому достоянію. На томъ основаніи, что русскія суда находились въ распоряженіи германцевъ, старшій адмиралъ союзнаго флота (англ.) лордъ Кольсорнъ, по распоряженію изъ Константинополя, отказался передать ихъ русскому командованію. Лучшія изъ этихъ судовъ заняли иностранными командами и подняли на нихъ флаги — англійскій, французскій, итальянскій, и даже... греческій. Всѣ годные къ плаванію корабли приказано было отвести въ Измитъ для интернированія. На просьбу Герасимова отпустить хотя бы два, три миноносца въ Новороссійскъ для охраны и патрулированія внутреннихъ водъ раіона Добровольческой Арміи, смѣнившій Кольсорна французскій адмиралъ Леже отвѣтилъ рѣзкимъ отказомъ: «союзныя правительства не потерпятъ присутствія вооруженнаго русскаго судна на Черномъ морѣ, такъ какъ таковое, будучи отнято большевиками, можетъ надѣлать державамъ Согласія многочисленныя бѣды и хлопоты»[1]). На томъ же основаніи французскія и англійскія команды, по приказанію Леже, топили и взрывали боевые припасы, хранившіеся въ Севастопольскихъ складахъ, рубили топорами аккумуляторы и баки подводныхъ лодокъ, разрушали приборы управленія и увозили замки орудій....

Образъ дѣйствій союзниковъ походилъ скорѣе на ликвидацію, чѣмъ на начало противобольшевицкой кампаніи.

Въ то же время началась перепись и реквизиціи союзниками русскихъ торговыхъ судовъ подъ тѣмъ же фиктивнымъ предлогомъ, что на нихъ развѣвался временно германскій или австрійскій флагъ.

Эти обстоятельства вынудили меня съ первыхъ же дней соприкосновенія съ союзниками вступить съ ними въ длительную, упорную борьбу за сохраненіе русскаго достоянія и возсозданіе Черноморскаго флота.

Между тѣмъ волненія на Украинѣ, поднятыя соединенными усиліями Украинскаго національнаго комитета и Москвы разрастались все болѣе, а на сѣверныхъ рубежахъ ея готовилась ужъ ко вторженію большевицкая «повстанческая армія», формировавшаяся въ «нейтральной зонѣ...»[2]) Опираясь на планъ кампаніи, выработанный генераломъ Бертело, я обратился къ ген. Франше д'Эспре[3]): «чтобы сохранить югъ Россіи, богатый продовольствіемъ и военными запасами, необходимо, какъ можно скорѣе двинуть хотя бы двѣ дивизіи союзныхъ войскъ въ раіонъ Харькова и Екатеринослава»». Черезъ нѣсколько дней пришелъ отвѣтъ, что одна французская дивизія 5 декабря начнетъ высаживаться въ Одессѣ, т. е. въ раіонѣ, при создавшихся условіяхъ, второстепенномъ.

Вступленію французскихъ войскъ на русскую территорію предшествовало широко распространенное воззваніе отъ имени генерала Бертело «къ населенію юга Россіи»[4]). Въ немъ вспоминались заслуги Россіи въ міровой войнѣ и излагались цѣли интервенціи: «... Всѣ державы Согласія идутъ вамъ навстрѣчу, чтобы снабдить васъ всѣмъ, чѣмъ вы нуждаетесь, и чтобы дать вамъ, наконецъ, возможность свободно, а не подъ угрозами злоумышленниковъ, рѣшить, какую форму правленія вы желаете... Окажите добрый пріемъ войскамъ союзниковъ... Они покинутъ Россію послѣ того, какъ спокойствіе будетъ возстановлено...»

Въ этомъ обширномъ и дурно переведенномъ съ французскаго воззваніи, обращало на себя вниманіе полное отсутствіе такихъ понятій, какъ «большевикъ», «петлюровецъ», «украинецъ», «доброволецъ». Оно противополагало только «злоумышленниковъ», «благонамѣреннымъ жителямъ», давая широкій просторъ для всевозможныхъ догадокъ и слуховъ.

* * *

---

[1]) Изъ доклада адм. Герасимова 6 декабря 1918 года.

[2]) По условіямъ перемирія между Украиной и Совѣтской Россіей, туда не имѣли доступа войска обѣихъ сторонъ.

[3]) Телегр. отъ 24 ноября.

[4]) Подписано французскимъ консуломъ въ Кіевѣ Энно.

Генералъ Пуль.

Иностранные представители на мѣстѣ смерти ген. Корнилова.

Въ такомъ же неопредѣленномъ положеніи находился и вопросъ о матеріальной помощи.

Самая вопіющая нужда фронта — въ патронахъ и снарядахъ — удовлетворялась далеко не въ достаточномъ количествѣ и съ серьезными затрудненіями путемъ доставки изъ складовъ б. Румынскаго фронта.

Однажды къ генералу Романовскому зашелъ представитель англійской миссіи и сказалъ ему:

— Бросьте вы разговаривать съ французами — они только обѣщаютъ и ничего вамъ не дадутъ. Прикажите прислать намъ перечни необходимаго для армій снаряженія.

О томъ же писалъ мнѣ непосредственно ген. Мильнъ, заявивъ, что «безъ промедленія приготовитъ (намъ) все, что находится въ его власти»[1]).

Перечень былъ посланъ въ англійскую миссію — безъ большихъ надеждъ. Прошло два мѣсяца въ тяжелыхъ бояхъ, въ которыхъ рѣшалась судьба Сѣвернаго Кавказа. Доблесть и кровь Добровольцевъ по прежнему искупали недостатокъ, иногда отсутствіе боевыхъ припасовъ... 3 февраля я былъ въ Новочеркаскѣ, на Донскомъ кругу, когда получилъ телеграмму ген. Драгомирова[2]):

«Прибылъ ген. Бриггсъ, назначенный англійскимъ военнымъ министерствомъ начальникомъ миссіи при Добровольческой Арміи... При немъ будетъ штабъ изъ 60 офицеровъ разныхъ спеціальностей... За нимъ идутъ пароходы съ вооруженіемъ, снаряженіемъ, одеждой и другимъ имуществомъ, по разсчету на 250 тысячъ человѣкъ. Первый пароходъ уже пришелъ. Живой силы англійскими войсками не обѣщаетъ, вопросъ еще не разрѣшенъ Парижской конференціей... Бриггсъ выражаетъ полное желаніе работать всѣми силами на нашу армію и помогать (ей) дѣломъ, а не словами...»

Черезъ нѣсколько дней прибыли въ Новороссійскъ одиннадцать англійскихъ пароходовъ съ тоннажемъ до 60 тыс. тоннъ.

Екатеринодарская англійская миссія дѣйствительно оправдывала въ полной мѣрѣ свои обѣщанія и свое дружеское отношеніе къ Россіи. Но вскорѣ мы узнали, что есть якобы «двѣ Англіи» и «двѣ англійскихъ политики...» Что въ наличіи имѣлась и свободная англійская живая сила, направленная, однако, въ то время, когда назрѣвало крушеніе Украины и Дона, на театръ, совершенно второстепенный въ стратегическомъ отношеніи, но имѣющій міровое экономическое значеніе...

Въ серединѣ ноября войска ген. Томсона вступили въ Баку. Въ своемъ обращеніи къ населенію Азербейджана Томсонъ говорилъ: «Отъ имени союзниковъ Баку занимается великобританскими войсками. Меня сопровождаютъ представители Франціи и Соединенныхъ Штатовъ и мы здѣсь находимся съ вѣдома и полнаго согласія новаго русскаго правительства (?)... Мы не забываемъ великихъ услугъ, оказанныхъ русскимъ народомъ дѣлу союзниковъ въ первыя годины міровой войны. Союзники не могутъ возвратиться къ себѣ домой, прежде чѣмъ не возстановятъ порядокъ въ Россіи и не доставятъ ей возможность занять свое мѣсто въ ряду другихъ народностей міра...» Въ своемъ обращеніи «Къ народамъ Сѣвернаго Кавказа» Томсонъ давалъ обѣщанія еще болѣе конкретныя: «.... тѣ войска, которыя находятся въ данный моментъ подъ моимъ командованіемъ въ Баку, являются лишь первой частью союзной арміи, которая въ скоромъ времени займетъ Кавказъ».

Генералъ Форестье-Уокеръ, высадившійся 18 декабря съ дессантомъ въ Батумѣ, говорилъ короче, лапидарнѣе и безъ лирическихъ отступленій: «Британскія войска заняли Батумъ во исполненіе условій перемирія съ Турціей и для того, чтобы обезпечить сохраненіе порядка въ странѣ. Британское правительство не имѣетъ намѣренія занимать страну навсегда». Далѣе слѣдовалъ перечень на-

[1]) Письмо отъ 18 ноября № 1278.
[2]) 3 февраля № 197.

значенныхъ членовъ «Совѣта по управленію областью» и угрозы суровыми карами, до смертной казни включительно, всѣмъ, кто проявитъ враждебное отношеніе къ англичанамъ...

* * *

Мнѣ необходимо было остановиться на утомительномъ, быть можетъ, потокѣ рѣчей, обращеній, воззваній союзныхъ представителей, ибо они создали въ ту пору настроеніе на Югѣ Россіи. Легко было вѣрить въ то, во что такъ сильно хотѣлось вѣрить. «Слово», всѣмъ слышное, часто искреннее, будило подъемъ, надежды, иллюзіи; но «дѣло» — не всѣмъ видное, приводило въ смущеніе, въ печаль. Съ первыхъ же дней русская политика державъ Согласія приняла характеръ двойственный, неопредѣленный и побуждала меня къ особливой осторожности. Во всякомъ случаѣ никогда за все время моего правленія и командованія на Югѣ Россіи, я не давалъ державамъ Согласія ни письменно, ни устно никакихъ политическихъ, территоріальныхъ и экономическихъ обязательствъ за счетъ Россіи. Во всѣхъ сношеніяхъ съ ихъ представителями я проводилъ тотъ взглядъ, что помощь намъ является ихъ моральной обязанностью и вытекаетъ изъ ихъ же собственныхъ интересовъ.

Это обстоятельство должно быть учтено въ тотъ день, когда новая Россія будетъ сводить старые счеты со своими кредиторами.

ГЛАВА VI.

Кубань: правительство Быча и Чрезвычайная рада.

«Международное» положеніе Добровольческой Арміи осложнялось во внутренней жизни непрекращавшимися тягостными треніями между ея командованіемъ и кубанскимъ правительствомъ. Необходимо было во что бы то ни стало установить строго опредѣленныя взаимоотношенія и государственную связь съ Кубанью.

Каждый разъ, когда я пишу о Кубани, во мнѣ возникаетъ чувство глубокой грусти. О горестныхъ судьбахъ этой колыбели ранней славы Добровольчества, обильно орошенной его кровью... О кубанскомъ казачествѣ — храбромъ, привѣтливомъ и чуждомъ совершенно политиканства своихъ верховъ — казачествѣ, принесшемъ такія большія жертвы жизнью, кровью и достояніемъ въ общей нашей борьбѣ... И о нашей розни — Добровольческихъ и кубанскихъ правителей, не сумѣвшихъ за 1½ года совмѣстной жизни установить терпимыя взаимоотношенія — вопросъ, который сыгралъ роковую роль въ исходѣ южно-русскаго движенія.

21 сентября 1918 г. былъ окончательно подготовленъ проектъ конституціи, устанавливающей на территоріи Добровольческой Арміи единоличную диктатуру, съ предоставленіемъ особыхъ правъ Кубани: «Кубанская область — гласилъ раздѣлъ VI «Положенія»[1]) — пользуется правами автономіи, во внутреннихъ своихъ дѣлахъ управляется особыми установленіями на основаніи особаго законодательства».

Еще въ періодъ разработки «Положенія» составители его въ частномъ порядкѣ обсуждали основныя статьи совмѣстно съ нѣкоторыми видными представителями кубанской общественности и власти[2]), чтобы выяснить ихъ отношеніе. Впечатлѣніе отъ этихъ собраній получилось неблагопріятное: кубанцы не удовле-

[1]) «Временное положеніе объ управленіи областями, занимаемыми Добровольческой Арміей». Полный текстъ его въ Т. III, гл. XXXVII.

[2]) Каплинъ, Скобцовъ, Сушковъ, Д. Филимоновъ, Калабуховъ и друг.

творялись проектируемыми предѣлами автономіи и отстаивали свободу внѣшнихъ сношеній Кубани, самостоятельность ея въ области товарообмѣна и самостоятельную кубанскую армію; они совершенно непримиримо отнеслись къ идеѣ единоличной диктатуры, противопоставляя ей коллегіальную. При всемъ этомъ въ качествѣ неопровержимаго аргумента своихъ требованій кубанцы ссылались обыкновенно на... декларацію Вильсона о самоопредѣленіи народовъ.

Въ октябрѣ признано было необходимымъ ранѣе созыва Чрезвычайной рады вступить въ офиціальные переговоры объ организаціи власти съ кубанскимъ правительствомъ. Къ переговорамъ въ качествѣ «третьихъ лицъ» были привлечены донскіе к.-д-ты — предсѣдатель Донского круга Харламовъ, Зеелеръ и Воронковъ. 16 октября подъ предсѣдательствомъ ген. Драгомирова состоялось предварительное засѣданіе членовъ «Особаго Совѣщанія» [1]) съ донскими дѣятелями для установленія общности взглядовъ и, какъ предпослалъ ген. Драгомировъ, для «выясненія вопроса о возможности принятія нашего проекта въ основу переговоровъ съ кубанскимъ правительствомъ». «Быть можетъ — говорилъ онъ — мы ошибаемся, и власть должна быть сконструирована на какихъ то иныхъ началахъ» [2]) ... Совѣщаніе имѣло интимный и откровенный характеръ, сосредоточившись главнымъ образомъ вокругъ центральнаго вопроса — о диктатурѣ. Большинство членовъ совѣщанія высказывалось за единоличную диктатуру, при чемъ всѣ сошлись въ необходимости организаціи власти путемъ соглашенія. Зеелеръ такъ формулировалъ это положеніе:

— Диктатура возникаетъ не путемъ соглашенія, а просто путемъ объявленія. Въ нормальное время этотъ образъ правленія недопустимъ, но сейчасъ въ условіяхъ небывалой гражданской войны иначе конструировать власть не слѣдуетъ... Если имѣется власть и сила, то нечего спрашивать, а нужно дѣлать то, что является необходимымъ. Ну, а если (есть) колебанія и нѣтъ увѣренности въ томъ, что все пройдетъ гладко, тогда давайте разговаривать...

Только два члена совѣщанія склонялись къ коллегіальной диктатурѣ, но и то не по принципіальнымъ, а по тактическимъ соображеніямъ — Степановъ и Харламовъ. Первый, признавая эту форму власти «наиболѣе уродливой», останавливался на ней все-же потому, что «насиліе нежелательно, къ соглашенію мы не придемъ, а коллегіальная диктатура сама выльется... въ форму единоличной... если реальная сила будетъ находиться въ рукахъ главнокомандующаго». Второй — добавилъ, что соглашенія надо искать не съ главами правительствъ, а съ представительными учрежденіями и что соглашеніе съ донскимъ атаманомъ недопустимо.

26 окт. состоялось второе совѣщаніе уже совмѣстно съ кубанскими представителями [3]), подъ предсѣдательствомъ ген. Лукомскаго. Лица болѣе одіозныя для кубанскихъ дѣятелей — ген. Драгомировъ и Шульгинъ, участія въ немъ не приняли.

Предсѣдатель во вступительной рѣчи указалъ, что взаимныя трепія не только въ области гражданскаго управленія, но и въ чисто военныхъ вопросахъ достигли такого напряженія, что «жить стало невозможно». Что и другой факторъ — вѣроятность скораго окончанія войны и появленія союзниковъ въ Черномъ морѣ — повелительно требуетъ созданія такого представительства, которое бы могло говорить авторитетно отъ имени Юга Россіи... по крайней мѣрѣ того, который «не запятналъ себя связью съ непріятелемъ». Послѣ этого былъ оглашенъ проектъ «Положенія», и начался диспутъ, въ которомъ всѣ участники совѣщанія

---

[1]) Генералы: Лукомскій, Романовскій и Макаренко, г.г. Лебедевъ, Степановъ, Гейманъ, Нератовъ, Шульгинъ.
[2]) Протоколъ совѣщанія 16 окт. 1918 года.
[3]) Отъ Добр. Арм.: Лукомскій, Романовскій, Нератовъ и Степановъ.
Отъ Куб. правит.: Бычъ, Намитоковъ, Савицкій и Скобцовъ.
Отъ войск. атамана: Полк. Успенскій.
Особо приглашен.: Харламовъ, Зеелеръ, Воронковъ.

объединились противъ кубанской группы[1]), вѣрнѣе, противъ ея руководителя — Быча.

Я остановлюсь на основныхъ только мотивахъ взаимнаго расхожденія.

Одна сторона разсматривала Добровольческую Армію, какъ факторъ общегосударственнаго значенія, взявшій на себя задачу государственнаго строительства, къ чему, по признанію Харламова, «мѣстныя власти стремились очень мало»... Другая — видѣла въ Д. А. лишь «представительницу Ставропольской и Черноморской губерній», которая «не должна являться факторомъ политическимъ, управляющимъ страной».

Ген. Лукомскій, не считая возможнымъ въ силу соображеній внѣшней политики, теперь-же вступать въ соглашеніе съ новообразованіями, союзными Германіи, находилъ, однако, естественнымъ, что въ общую схему управленія войдутъ неизбѣжно и эти, и другіе раіоны Россіи «по мѣрѣ того, какъ они будутъ освобождаться отъ большевизма и отказываться отъ нѣмецкой оріентаціи». Во всякомъ случаѣ онъ считалъ необходимымъ, не дожидаясь созданія «широкаго фронта», теперь же, безотлагательно урегулировать отношенія Кубани съ Арміей. Бычъ протестовалъ: «Кубань и Ставропольская губернія, которую представляетъ Добровольческая Армія, слишкомъ ничтожны, удѣльный вѣсъ ихъ слишкомъ малъ; въ настоящій моментъ рѣчь должна идти о широкомъ фронтѣ отъ Закавказья до Бѣлоруссіи... Большая ошибка винить земли, «запятнавшія себя нѣмецкой оріентаціей»... И Донъ, и Грузія сдѣлали это, спасая свой народъ отъ физическаго истребленія»...

Одна сторона видѣла спасеніе страны только въ военной диктатурѣ, хотя и ограниченной мѣстными автономіями, но допускающей наибольшую концентрацію власти въ интересахъ вооруженной борьбы... Бычъ, отвергая диктатуру и признавая нецѣлесообразнымъ парламентаризмъ, предлагалъ въ качествѣ верховной власти сложную комбинацію: «представители договаривающихся государствъ должны образовать органъ съ рѣшающимъ значеніемъ и этотъ органъ выдѣлитъ другой органъ исполнительнаго значенія... назначитъ командованіе и опредѣлитъ организацію арміи»... «Мы должны — говорилъ онъ — заключить соглашеніе на такихъ основаніяхъ..., при которыхъ можно разсчитывать на присоединеніе безъ насилія другихъ государственныхъ образованій... Власть должна быть организована путемъ сложенія мѣстныхъ властей». Словомъ, на то «подчиненіе» Добровольческой Арміи, которое проектируется Положеніемъ, не пойдетъ ни Грузія, ни Азербейджанъ, ни Украина, ни Донъ. Не пойдетъ и Кубань, такъ какъ на это не согласятся прежде всего ея войска (?)...

Ни Бычъ, ни его противники ни однимъ словомъ не касались самаго главнаго мотива, препятствовавшаго объединенію и предрѣшеннаго уже главенствующей на Кубани черноморской группой — принципа суверенности края — не временной только, а во вѣки.

Бычу возражалъ Харламовъ: «... установленіе общегосударственной власти путемъ сложенія мѣстныхъ — путь очень сложный и длительный, а жизнь требуетъ быстраго рѣшенія... Мнѣ кажется, что Донъ пойдетъ на предоставленіе (командованію) полноты власти въ области военныхъ и дипломатическихъ вопросовъ, а въ отдѣлъ о мѣстной автономіи придется внести поправки»...

Это послѣднее предложеніе и было повторено предсѣдателемъ, который въ заключительномъ словѣ предъявилъ его, какъ conditio sine qua non Добровольческой Арміи.

Кубанская группа обѣщала подготовить и представить до созыва Рады свой контръ-проектъ, и совѣщаніе было закрыто. Контръ-проекта мы не увидѣли, а

---

[1]) Полк. Н. Успенскій — сторонникъ Д. А. и будущій атаманъ — воздержался отъ преній.

вопросъ о построеніи государственной власти былъ поставленъ кубанскимъ правительствомъ впослѣдствіи неожиданно на повѣстку Чрезвычайной рады.

* * *

Дѣловыя засѣданія Чрезвычайной рады открылись 28 октября. Составъ ея классовый опредѣлялся въ 89% казаковъ и горцевъ и 11% иногородныхъ [1]). По общественному положенію — 25% офицеровъ, 15% прочей казачьей и иногородней интеллигенціи и 60% рядовыхъ казаковъ и крестьянъ. Политической физіономіи Рада въ массѣ своей не имѣла никакой; отношеніе ея къ Арміи было вполнѣ благопріятнымъ, но преобладающее политическое теченіе среди кубанскихъ вожаковъ опредѣлилось съ первыхъ-же шаговъ Рады — избраніемъ въ предсѣдатели Рябовола [2]) — лидера черноморцевъ — соціалиста (въ казачьемъ смыслѣ слова), украинофила, самостійника и явнаго недоброжелателя Добровольческой Арміи.

Въ первый же день Рада обратилась съ «горячимъ привѣтствіемъ къ славной Добровольческой Арміи и роднымъ сынамъ Кубани, льющимъ свою кровь въ единомъ и совмѣстномъ подвигѣ тяжелой борьбы». А 30 октября «освѣдомившись о полномъ изгнаніи изъ предѣловъ Кубанскаго края полчищъ большевиковъ», обратилась и лично къ главнокомандующему: «... президіумъ съ гордостью свидѣтельствуетъ, что Вы до конца довели принятое рѣшеніе освободить Кубанскій край. Никакія невзгоды не поколебали этой рѣшимости. Ваше твердое и непоколебимое стремленіе къ намѣченной цѣли, завершившееся освобожденіемъ Кубани, внушаетъ полную вѣру въ Васъ и безпредѣльную надежду на доблестную армію».

1 ноября происходило торжественное открытіе Рады. Послѣ молебна въ войсковомъ соборѣ, мы отправились въ зданіе городского театра, заполненнаго до верховъ, кромѣ офиціальныхъ участниковъ торжества, многочисленными посѣтителями — кубанцами и «русскими людьми».

Атаманъ во вступительномъ словѣ привѣтствовалъ Добровольческую Армію, которая вмѣстѣ съ «Законодательной радой бережно, благоговѣйно разобрали (нѣкогда) стягъ власти и блюли его, чтобы въ этотъ радостный день передать его хозяевамъ кубанскаго края»... Послѣ этого слово было предоставлено мнѣ, и я произнесъ рѣчь, являвшуюся вмѣстѣ съ тѣмъ деклараціей Добровольческой власти [3]):

> «Съ полей Ставрополя, гдѣ много дней идетъ кровопролитное сраженіе, я пріѣхалъ къ вамъ на нѣсколько часовъ, чтобы привѣтствовать Кубанскую Краевую Раду и высказать, чѣмъ живетъ, во что вѣритъ, на что надѣется Добровольческая Армія.
>
> Завтра годовщина зарожденія Арміи. 2 ноября пріѣхалъ въ Новочеркасскъ ген. Алексѣевъ, собралъ вокругъ себя 200 офицеровъ — бездомныхъ, изгнанныхъ, голодныхъ, получивъ отъ Россіи первый взносъ, въ количествѣ 400 руб. на формированіе Арміи...
>
> Въ февралѣ мѣсяцѣ, видя полную невозможность оставаться и бороться на Дону, Добровольческая Армія, предводимая генераломъ Корниловымъ, двинулась на Кубань. Съ тѣхъ поръ судьбы ея тѣсно переплелись съ судьбами Кубани и въ боевомъ содружествѣ, и въ перенесенныхъ страданіяхъ, и въ тысячахъ братскихъ могилъ, и въ радости ратныхъ побѣдъ.
>
> Добровольцы шли въ жару и стужу, переносили невѣроятныя лишенія, гибли тысячами... Шли безкорыстно: деревянный крестъ или жизнь калѣки— были удѣломъ большинства.
>
> И только одна завѣтная мысль, одна яркая надежда, одно желаніе одухотворяло всѣхъ — спасти Россію.

---

[1]) Послѣдніе — представители городовъ. Въ составъ Рады входили также 4 представителя Добровольческой Арміи по моему назначенію: ген. Лукомскій и Харитоновъ, полк. Тунненбергъ и Науменко, нынѣшній кубанскій атаманъ (1924 г.).

[2]) 255-ю голосами противъ 5, при 88 воздержавшихся.

[3]) Рѣчь составлена была лично мною, но отражала всецѣло и взгляды «Особаго Совѣщанія».

Въ такой небывало-трудной обстановкѣ прошелъ весь первый Кубанскій походъ.

Когда въ маѣ принято было твердое рѣшеніе въ первую очередь приступить къ освобожденію Задонья и Кубани, командованіе Добровольческой Арміи встрѣтило осужденіе со всѣхъ сторонъ. Всѣ настойчиво требовали нашего движенія на сѣверъ. И Донское правительство, и кіевскіе военные и политическіе круги, и московскіе центры, и кадетскіе лидеры, и цѣлый рядъ общественныхъ политическихъ дѣятелей всѣхъ оттѣнковъ.

Но рѣшеніе наше осталось неизмѣннымъ. Добровольческая Армія начала операцію, которая увѣнчалась освобожденіемъ Задонья, Кубани, Черноморской и большей части Ставропольской губерніи отъ власти большевиковъ.

Это не было «частнымъ предпріятіемъ», а велѣніемъ совѣсти и сознаніемъ государственной необходимости. Командованіе Добровольческой Арміи взяло на себя за этотъ шагъ нравственную отвѣтственность передъ Родиной, глубоко вѣря, что на Кубани нѣтъ предателей, что, когда придетъ часть освобожденія, вольная Кубань не порветъ связи съ Добровольческой Арміей и пошлетъ своихъ сыновъ въ рядахъ ея вглубь Россіи, въ смертномъ томленіи ждущей избавленія.

Этого повелительно требуетъ не только долгъ передъ Родиной, не только честь, но и прямые интересы Кубани. Развѣ возможна мирная жизнь на Кубани, развѣ будутъ обезпечены ваши многострадальныя станицы отъ новаго еще горшаго нашествія большевиковъ, когда красная власть, прочно засѣвъ въ Москвѣ, отброситъ своими полчищами Поволжскій фронтъ, сдавитъ съ сѣвера и востока Донскую область и хлынетъ къ намъ? Развѣ могутъ жить спокойно кавказскія и линейныя станицы, когда у Ставрополя, Св. Креста и Минеральныхъ Водъ собираются десятки тысячъ красныхъ? А грозная опасность уже близка. Имѣются достовѣрныя свѣдѣнія о скопленіи массъ большевиковъ на огромномъ фронтѣ отъ Бѣлгорода до Царицына. На Украинѣ, при участіи нѣмцевъ, подготовляется совмѣстное выступленіе большевиковъ и самостійныхъ украинскихъ соціалистовъ, грозящее и этотъ край превратить въ Совдепію.

. . . . . .

При такомъ положеніи можетъ ли Кубань успокоиться и заняться только своими внутренними дѣлами?

Нѣтъ! Пора бросить споры, интриги, мѣстничество. Все для борьбы. Большевизмъ долженъ быть раздавленъ. Россія должна быть освобождена. Иначе не пойдетъ впрокъ ваше собственное благополучіе, которое станетъ игрушкой въ рукахъ своихъ и чужихъ враговъ Россіи и народа русскаго.

Добровольческая Армія, въ рядахъ которой доблестно сражается множество кубанскихъ казаковъ, явилась сюда не для завоеванія, а для освобожденія. И то освобожденіе, которое другимъ досталось цѣною національнаго униженія, потери политической самостоятельности и экономическаго рабства, — Кубань получила безъ цѣпей, безъ ярма, цѣною лишь святой крови добровольцевъ, слетѣвшихся со всѣхъ концовъ Россіи, и славныхъ Кубанскихъ казаковъ.

А стоило это крови не малой. Добровольческая Армія за два похода на Кубань потеряла своихъ вождей, великихъ русскихъ патріотовъ генераловъ Корнилова и Алексѣева, доблестнаго генерала Маркова, потеряла до 30 тысячъ добровольцевъ и казаковъ. Особенно тяжкія потери легли на старыя Добровольческія части — 1-й Офицерскій генерала Маркова полкъ и Корниловскій полкъ. Извѣстно ли вамъ, господа, что Корниловскій полкъ, насчитывающій сегодня едва 500 бойцовъ, провелъ черезъ свои ряды свыше 5 тысячъ!

Въ этихъ потокахъ крови, въ этихъ длинныхъ спискахъ павшихъ на полѣ брани, наиболѣе почетное мѣсто принадлежитъ великимъ страстотерпцамъ — русскому офицерству.

Я предлагаю Краевой Радѣ, еще разъ поднявшись, почтить тихимъ, молитвеннымъ молчаніемъ свѣтлую память тѣхъ, кто душу свою положилъ за спасеніе Россіи и за счастье Кубани...

По мѣрѣ роста силъ Добровольческой Арміи и боевыхъ успѣховъ, растетъ число ея друзей и крѣпнетъ злоба ея враговъ.

Я съ полнымъ удовлетвореніемъ долженъ признать, что повсюду по Кубанскому краю, среди роднаго намъ по крови и по духу славнаго, привѣтливаго, храбраго Кубанскаго казачества Добровольческая Армія встрѣчала и встрѣчаетъ радушный, сердечный пріемъ и гостепріимный кровъ. Но въ послѣднее время идетъ широкая агитація, отчасти оплачиваемая иноземными деньгами, отчасти подогрѣваемая людьми, которые жадными руками тянутся къ власти, не разбирая способовъ и средствъ. Хотятъ поселить рознь въ рядахъ Арміи и особенно между кубанскими казаками и добровольцами. Хотятъ привести Армію въ то жалкое состояніе, въ какомъ она была зимою 1917 года. Это тѣ самые люди,

которые смиренно кланялись большевикамъ, скрывались въ подпольѣ или прятались за Добровольческіе штыки.

И это дѣлается тогда, когда Добровольческая Армія, не зная дня отдыха, въ кровавыхъ бояхъ напрягаетъ огромныя усилія, чтобы сломить все еще сильное сопротивленіе врага, когда изо дня въ день льется кровь и гибнетъ цвѣтъ русской молодежи.

Мнѣ хочется сказать этимъ господамъ: Вы думаете, что опасность болѣе не угрожаетъ вашей драгоцѣнной жизни? Напрасно. Борьба съ большевизмомъ далеко еще не окончена. Идетъ самый сильный, самый страшный девятый валъ... И потому не трогайте Армію. Не играйте съ огнемъ. Пока огонь въ желѣзныхъ стѣнахъ, онъ грѣетъ. Но когда вырвется наружу, произойдетъ пожаръ. И кто знаетъ, не на ваши ли головы обрушатся расшатанныя вами подгорѣвшія балки?

Россіи нужна сильная, могучая армія.

Въ кровавой жестокой борьбѣ, близкаго конца которой еще не видно, нельзя итти врозь. Иначе, если все-таки несомнѣнна конечная побѣда, то праздновать ее мы будемъ только развѣ тризной на трупахъ безконечнаго числа загубленныхъ людей, на развалинахъ русскаго народнаго достоянія и русской государственности.

Не должно быть Арміи Добровольческой, Донской, Кубанской, Сибирской. Должна быть единая Русская Армія, съ единымъ фронтомъ, единымъ командованіемъ, облеченнымъ полной мощью, и отвѣтственнымъ лишь передъ русскимъ народомъ въ лицѣ его будущей законной верховной власти.

И теперь, когда близится часъ окончанія міровой войны, когда всѣ государства въ лицѣ лучшихъ своихъ «мужей совѣта», облеченныхъ довѣріемъ народовъ, будутъ рѣшать судьбу міра, кѣмъ будетъ представлена Россія? Тѣми ли, что надругались надъ всѣмъ святымъ нашимъ, которые плюнули въ душу русскаго человѣка и грязнымъ большевицкимъ сапогомъ растоптали ее? Тѣми ли, что предательски отвернулись отъ своей Родины и вражескими штыками создали себѣ временное и призрачное благополучіе? Тѣми ли, наконецъ, кто честно и беззавѣтно борются за спасеніе Родины, но говорятъ на разныхъ языкахъ и до сихъ поръ не могутъ никакъ столковаться другъ съ другомъ?

За шесть слишнимъ лѣтъ двухъ войнъ, за время русской революціи я достаточно часто смотрѣлъ въ глаза смерти и перенесъ достаточно тяжелыя нравственныя пытки. Но когда я подумаю о томъ позорѣ, о томъ страшномъ несчастіи, когда поверженную въ прахъ и раздерганную въ клочья Родину нашу на предстоящемъ судбищѣ народовъ некому даже защитить, мнѣ хочется рыдать отъ тяжкой, невыносимой боли...

Ее — Родную нашу, любимую, больную — мы должны поднять на свои плечи, должны довести до международнаго судбища, чтобы тамъ она могла хотя тихимъ и слабымъ голосомъ сказать, что требуетъ русскій народъ.

Да, требуетъ!

Ибо я вѣрую и исповѣдую, что великій русскій народъ, оправившись отъ болѣзни, стряхнувъ навожденіе, станетъ вновь страшною силою, которая никогда не забудетъ ни тѣхъ державъ, что въ дни его несчастья любовно, безкорыстно поддержатъ его, ни тѣхъ, что съ небывалой жестокостью и эгоизмомъ высасывали изъ него послѣдніе соки и толкали въ бездну анархіи.

Но для этого нужна единая временная власть и единая вооруженная сила, на которую могла бы опереться эта власть.

Добровольческая Армія, собирая вокругъ себя и вооруженныя силы, и людей государственнаго опыта, приглашаетъ всѣ части русскаго государства, признающія единую недѣлимую Россію, сомкнуться вокругъ насъ для совмѣстнаго государственнаго строительства, для общей борьбы съ врагами Россіи, для единаго представительства и защиты русскихъ интересовъ на будущемъ мирномъ конгрессѣ.

Такое единеніе всѣхъ государственныхъ образованій и всѣхъ государственно мыслящихъ русскихъ людей тѣмъ болѣе возможно, что Добровольческая Армія, ведя борьбу за самое бытіе Россіи, не преслѣдуетъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей и не предрѣшаетъ ни формы будущаго образа правленія, ни даже тѣхъ путей, какими русскій народъ объявитъ свою волю. Отъ насъ требуютъ партійнаго флага. Но развѣ трехцвѣтное знамя Великодержавной Россіи не выше всѣхъ партійныхъ флаговъ? Развѣ вы не видите, какъ въ кровавыхъ бояхъ, изо дня въ день, подъ этимъ знаменемъ самоотверженно борются «за Русь святую», умираютъ и побѣждаютъ доблестные воины Добровольческой Арміи? Единеніе возможно и по тому, что Добровольческая Арміи признаетъ необходимость и теперь, и въ будущемъ самой широкой автономіи составныхъ частей русскаго государства и крайне бережнаго отношенія къ вѣковому укладу казачьяго быта.

И съ чувствомъ внутренняго удовлетворенія я могу сказать, что теперь уже, невзирая на нѣкоторое расхожденіе, выяснилась возможность единенія нашего съ Дономъ, Крымомъ, Терекомъ, Арменіей, Закаспійской областью... Возможно единеніе и съ Украиной, когда, быть можетъ, цѣною тяжкихъ внутреннихъ потрясеній, она сброситъ съ себя иноземное иго и вспомнитъ о сыновнихъ обязанностяхъ передъ общей Родиной. Возможно и съ мирнымъ грузинскимъ народомъ, когда измѣнится политика его правительства, которое воздвигнуло гоненіе на русскихъ людей, присвоило себѣ русское государственное имущество, захватило въ свое незаконное и несправедливое управленіе Сочинскій округъ и толпами красноармейцевъ угрожаетъ русской Добровольческой Арміи.

Наконецъ, въ послѣдніе дни появилось новое государственное образованіе въ Сибири, правительство котораго объявило себя всероссійской государственной властью. Добровольческая Армія не имѣетъ рѣшительно никакихъ основаній признавать Уфимское правительство Всероссійской властью. Тѣмъ болѣе, что, судя по извѣстіямъ, проникшимъ въ печать, это правительство отвѣтственно и направляется Учредительнымъ Собраніемъ перваго созыва, возникшимъ въ дни народнаго помѣшательства, составленнымъ на половину изъ анархическихъ элементовъ и не пользующимся въ странѣ ни малѣйшимъ нравственнымъ авторитетомъ.

Но, наряду съ этимъ, Добровольческая Армія отъ души привѣтствуетъ мысль собиранія Русской земли, положенную въ основаніе Сибирскаго объединенія, признаетъ его исключительно важное значеніе и находитъ не только возможнымъ, но и необходимымъ, путемъ взаимныхъ соглашеній направить русскія силы востока и юга къ одной общей цѣли возрожденія Великодержавной Россіи.

Проходя свой крестный путь, считая себя преемницей Русской Арміи, Добровольческая Армія въ самыхъ тяжелыхъ, казалось, безвыходныхъ обстоятельствахъ своей жизни, оставалась вѣрной договорамъ съ союзными державами и ни на одну минуту не запятнала себя предательствомъ. Событія послѣднихъ дней доказали, что прямая и честная политика вѣрнѣе... И мы съ открытой душой шлемъ свои сердечныя пожеланія доблестнымъ войскамъ нашихъ союзниковъ.

Въ предвидѣніи близкихъ переговоровъ о перемиріи, представителю Добровольческой Арміи при союзныхъ посольствахъ предложено было еще 12 октября предъявить имъ слѣдующія основанія:

1. Единство представительства Россіи на мирной конференціи, съ исключеченіемъ изъ него делегатовъ большевицкихъ и тѣхъ территоріальныхъ образованій, которыя въ своихъ основныхъ принципахъ расходятся съ цѣлями Добровольческой Арміи, т. е. по вопросу объ единой, недѣлимой Россіи.
2. Упраздненіе договоровъ, заключенныхъ съ Германіей или ея союзниками. Возстановленіе нарушенныхъ такими договорами правъ, возмѣщеніе причиненныхъ этимъ путемъ убытковъ (возвратъ золота, военнаго и торговаго флота, предметовъ вооруженія, подвижного состава желѣзныхъ дорогъ и проч.) и прекращеніе вывоза изъ Россіи продовольствія и имущества.
3. Очищеніе Германіей и ея союзниками русской территоріи въ предѣлахъ границъ 1914 года, включая и Финляндію.

   Такое же требованіе признается необходимымъ и въ отношеніи Польши.
4. Занятіе на русской территоріи, оккупированной нынѣ германо-австро-турецкими войсками, главнѣйшихъ стратегическихъ пунктовъ русскими частями или же временно войсками державъ Согласія до момента сформированія достаточно сильныхъ русскихъ отрядовъ.
5. Немедленный обмѣнъ военно-плѣнными.
6. Обязательство Германіи и ея союзниковъ не препятствовать какимъ бы то ни было способомъ водворенію въ Россіи единаго прочнаго строя.

Въ такое исключительное, полное огромной исторической важности время, собралась Кубанская Краевая Рада строить жизнь Кубани. Собрались русскіе люди — Кубанскіе казаки, умудренные горькимъ опытомъ и тяжелыми испытаніями. Среди васъ я вижу много моихъ боевыхъ соратниковъ по славнымъ походамъ нашимъ, своими подвигами и кровью добывавшихъ свободу Кубани.

Позвольте же выразить вамъ отъ имени Добровольческой Арміи самый искренній, самый горячій привѣтъ.

. . . . . .

Дай Богъ счастья Кубанскому Краю, дорогому для всѣхъ насъ по тѣмъ душевнымъ переживаніямъ — и тяжкимъ и радостнымъ, которыя связаны съ безбрежными его степями, гостепріимными станицами и родными могилами».

Освѣдомительное бюро кубанскаго правительства, описывая торжество открытія Рады, между прочимъ сообщало: «... Рѣчь Деникина... вызвала бурные ап-

„Хлѣбъ-соль".

Почетный караулъ.

Встрѣча союзниковъ въ Новороссійскѣ.

Лейтенантъ Эрлишъ.

Генералъ Франше д'Эспре.

Генералъ Бертело.

плодисменты членовъ Рады, но такіе-же аплодисменты вызвала и рѣчь представителя Украинскаго національнаго союза — безусловнаго самостійника»...

Бычъ, впрочемъ, умѣрилъ горячій пылъ сѣдовласаго «батьки Левицкаго», выразивъ въ своей отвѣтной рѣчи увѣренность, что Украина и Кубань «побачатъ свiтъ сонца, спокій и сщастя подъ великою Всероссійскою хведеративною кришею»...

* * *

Послѣ взаимнаго обмѣна любезностями, Рада приступила къ работѣ. 11 ноября Бычъ внесъ проектъ декларацiи, опредѣлявшій основныя вѣхи кубанской политики:

«1. Образованіе на территоріи бывшаго государства Россійскаго самостоятельныхъ государственныхъ образованій и принятіе ими на себя верховной власти было актомъ неизбѣжнымъ и, въ то же время, актомъ самосохраненія.

2. Основной задачей всѣхъ этихъ государственныхъ образованій является борьба съ большевизмомъ, далеко еще не изжившимъ себя въ Центральной и Сѣверной Россіи.

3. Для успѣшной борьбы необходимо въ самое ближайшее время образованіе единаго боевого фронта и единаго командованія [1]).

4 Необходима организація единаго представительства отъ южно-русскихъ государственныхъ образованій на предстоящей мирной конференціи. Необходимо немедленно, не ожидая образованія федеративной власти въ освобожденныхъ отъ анархіи областяхъ, принять мѣры къ организаціи общаго международнаго представительства.

5. Для достиженія цѣлей, поставленныхъ §§ 3 и 4, необходимо образованіе южно-русскаго союза на федеративныхъ началахъ.

6. Возсозданіе Россіи возможно въ формѣ Всероссійской федеративной республики.

7. Кубанскій край долженъ войти въ составъ Россійской федераціи какъ членъ федераціи» [2]).

8. Кубанская Краевая Рада, ставя своей задачей борьбу съ большевизмомъ, стремится къ проведенію въ жизнь принциповъ широкаго народовластія.

9. Возстановленіе будущей формы правленія въ государствѣ Россійскомъ населеніе кубанскаго края ставитъ въ зависимость отъ волеизъявленія народа во Всероссійскомъ Учредительномъ собраніи новаго созыва.

Въ заключительномъ своемъ словѣ Бычъ повторилъ, что у Украины, Дона, Кубани, Грузіи и т. д. одна дорога и противоположности интересовъ нѣтъ. Что въ этомъ объединеніи должна участвовать и Добровольческая армія, какъ «носительница государственной идеи» [3]).

Напрасно ген. Лукомскій въ закрытой части засѣданія доказывалъ, что «такимъ путемъ создается коллегіальное, многоголовое собраніе, которому будетъ всецѣло подчинено командованіе и которое будетъ вмѣшиваться въ военныя дѣла; напрасно, признавая необходимость автономіи Кубани, просилъ повременить только съ рѣшеніемъ вопроса объ организаціи государственной власти до соглашенія съ Добровольческой Арміей... Рада, отвергнувъ необходимость государственной связи съ арміей и не сдѣлавъ никакой попытки къ соглашенію, почти единогласно приняла «тезисы Быча».

Ждать соглашенія столь разнородныхъ элементовъ, какъ Украина, Донъ, Кубань, Терекъ, Азербейджанъ, Грузія, Союзъ горскихъ народовъ, изъ которыхъ

---

[1]) Въ Радѣ Бычъ формулировалъ это положеніе подробно: «каждымъ членомъ союза организуются свои арміи, изъ которыхъ выдѣляются по особому распоряженію войсковыя части, всецѣло подчиненныя верховному командованію».

[2]) Изъ стенограммы засѣданія.

[3]) Засѣданіе 11 ноября 1918 года.

нѣкоторые были еще подъ властью большевиковъ, другіе порвали совершенно съ русской государственностью (Грузія, Азербейджанъ), значило отложить дѣло объединенія на долгое время, если не навсегда. Вручить судьбу національнаго противобольшевицкаго движенія и Русской арміи въ руки Петлюры, Быча, Хана Хойскаго, Ноя Жорданія и Топы Чермоева представлялось злой и неумѣстной шуткой. Я не говорю уже о томъ впечатлѣніи, которое должно было произвести въ арміи одностороннее предрѣшеніе государственнаго строя Россіи, отъ чего такъ долго и съ такимъ трудомъ мы предохраняли ея идеологію.

Въ тотъ же день, переговоривъ со мною, ген. Лукомскій сдѣлалъ въ Радѣ отъ моего имени заявленіе объ отозваніи представителей Арміи, указавъ, что «въ дальнѣйшихъ своихъ работахъ главнокомандующій не можетъ быть связанъ рѣшеніемъ Рады».

Это заявленіе, принятое Радой, казачествомъ и русской общественностью, какъ разрывъ, произвело большое впечатлѣніе. Въ самой Радѣ начались бурныя пренія, въ особенности послѣ горячей рѣчи полк. Шкуро, который говорилъ «о недовольствѣ и броженіи, глухо растущемъ среди строевого казачества и лицъ высшаго и низшаго командованія» и предостерегалъ: «знайте, если Добровольческая армія уйдетъ отъ насъ, то мы погибнемъ» [1]).

Это была несомнѣнная правда.

Черноморскіе лидеры пришли въ большое волненіе. Съ кафедры Чрезвычайной рады Бычъ убѣждалъ присутствующихъ не вѣрить «злонамѣреннымъ слухамъ о разрывѣ», утверждая, что «разрыва нѣтъ и его быть не можетъ», что всѣ вопросы должны быть разрѣшены по взаимному соглашенію». Лидеръ самостійниковъ И. Макаренко приписывалъ эти «слухи» «толпѣ, жадной до сенсаціи и разнесшей эту вѣсть по базарамъ, городамъ и селамъ».

Тревожныя событія, однако, назрѣвали не на шутку. Въ одинъ изъ ближайшихъ дней ген. Романовскій доложилъ мнѣ, что ген. Покровскій и полк. Шкуро, введя въ Екатеринодаръ свои конвойныя сотни, рѣшили произвести переворотъ, предполагая расправиться съ черноморскими лидерами и понудить атамана, полковника Филимонова, принять на себя всю полноту власти. Филимоновъ, къ которому они обратились съ этимъ предложеніемъ, пришелъ въ большое смущеніе и наотрѣзъ отказался.

Я приказалъ начальнику штаба вызвать ген. Покровскаго и передать ему, что категорически воспрещаю выступленіе.

Кубанскіе правители считали, тѣмъ не менѣе, несомнѣннымъ участіе въ предполагавшемся переворотѣ и Добровольческихъ частей. Позднѣе въ мои руки попала «диспозиція на случай тревоги», составленная кубанскимъ комендантомъ Екатеринодара, полк. Ледовскимъ, и кубанскимъ «военнымъ министромъ» полк. Савицкимъ. Въ ней указывалось подробно занятіе городскихъ кварталовъ «вѣрными правительству» кубанскими запасными частями, которымъ вмѣнялось въ обязанность встрѣчать пулеметами в с я к у ю воинскую часть, показавшуюся на улицахъ города. Такимъ образомъ, случайный выходъ на ученье ничего не вѣдавшаго Корниловскаго полка, расположеннаго тогда въ Екатеринодарѣ, могъ вызвать послѣдствія роковыя (или можетъ быть спасительныя?) для взаимоотношеній Добровольческой Арміи съ Кубанью и, слѣдовательно, отразиться весьма серьезно на судьбахъ движенія.

Довѣріе къ «вѣрнымъ» частямъ было, однако, не велико. 14-го или 15-го ноября меня посѣтили кубанскій атаманъ, Бычъ и Рябоволъ и въ присутствіи генераловъ Драгомирова и Лукомскаго изложили волнующія ихъ свѣдѣнія, прося защиты. Кубанскимъ правителямъ пришлось выслушать много горькихъ словъ по поводу ихъ работы во вредъ Арміи; особенно отъ генерала Драгомирова, который съ этого дня сталъ пользоваться особой ненавистью черноморскихъ круговъ.

---

[1]) Засѣданіе 16 ноября.

Въ заключеніе я требовалъ измѣненія кубанской политики въ отношеніи Арміи и завѣрилъ, что насильственныхъ мѣръ допущено не будетъ.

Въ тотъ же день состоялось бурное засѣданіе кубанскаго правительства. Представители оппозиціи обрушились на Быча, обвиняя его въ неискренности и самочинныхъ дѣйствіяхъ: вмѣсто поддержки арміи онъ выступилъ со своими «тезисами», «не обсудивъ своей рѣчи съ членами правительства» (Скобцовъ); благодаря такому отношенію его, не такъ давно «мы едва не сдѣлались подданными Украины (Сушковъ), «въ нашихъ дѣйствіяхъ не было искренности въ отношеніи Арміи, которая намъ братская; на всѣхъ засѣданіяхъ у насъ была только ругань ея» (Воробьевъ) и т. д. Бычъ оправдывался: онъ: «не предполагалъ, что представители Арміи могутъ уйти изъ Рады», его «ошибка, что онъ не представилъ «имъ» контръ-проекта, недоразумѣніе можно уладить»... Бычъ «бесѣдовалъ съ президіумомъ Рады, рѣшено создать согласительную комиссію... Рада встрѣтитъ оваціями всѣ «ихъ» заявленія»[1]...

Въ результатѣ переговоровъ начались засѣданія согласительной комиссіи въ составѣ 16 членовъ съ каждой стороны во главѣ съ И. Макаренко отъ кубанцевъ и ген. Лукомскимъ отъ Добровольческой Арміи. Вопросъ о «тезисахъ Быча» осложнился еще принятой уже Радой статьей «Положенія объ управленіи кубанскимъ краемъ» объ особомъ кубанскомъ гражданствѣ, обращавшемъ всѣхъ насъ въ иностранцевъ, проживаніе которыхъ на территоріи Кубани и юридическія права зависѣли всецѣло отъ усмотрѣнія кубанской власти. Комиссія не привела ни къ какимъ существеннымъ результатамъ, подтвердивъ лишь непримиримое внутреннее расхожденіе сторонъ. Прикрывая эту пропасть и свое безсиліе перекинуть черезъ нее мостъ, она внесла въ Раду явно безпомощное предложеніе, принятое 24 ноября единогласно, безъ преній: «первые два пункта постановленія Рады 11 ноября («тезисы Быча») должны разсматриваться, какъ удостовѣреніе существующаго политическаго положенія, а послѣдніе 7 пунктовъ — (только) какъ выраженіе мнѣній и пожеланій Рады»...

Непосредственные переговоры, однако, кубанское правительство болѣе не возобновляло. Рада позднѣйшими постановленіями подтвердила «тезисы Быча».

Въ этомъ направленіи кубанская власть получила большую моральную поддержку отъ донского атамана, ген. Краснова, который въ то время, когда еще не назрѣла окончательная катастрофа на сѣверномъ фронтѣ Дона, проявлялъ полную солидарность съ Кубанью во всѣхъ спорныхъ вопросахъ ея съ командованіемъ Добр. Ар. и обѣщалъ поддержку кубанскому правительству[2] — «Нужно, чтобы Добровольческая Армія смотрѣла болѣе жизненно на эти вопросы (о созданіи общей власти) — писалъ онъ, между прочимъ Кубанскому послу П. Макаренко[3] — и не требовала отъ донскихъ и кубанскихъ казаковъ невозможныхъ жертвъ. Торговаться мы не умѣемъ, и торговать кровью донскихъ, да, думаю, и кубанскихъ казаковъ не будемъ. Надо, чтобы Добровольческая Армія стала на практическій путь работы съ казаками, а не за счетъ казаковъ»...

Эта тирада въ отношеніи Добровольцевъ, приносившихъ несчетное число жизней въ борьбѣ за Россію, за Кубань, за Донъ, была глубоко оскорбительна.

Кубанскіе самостійники относились, впрочемъ, къ атаману Краснову съ большимъ недовѣріемъ и осторожностью («самовластіе и реакціонность»); но въ борьбѣ съ Добровольческой Арміей видѣли въ немъ естественнаго своего союзника. И то не до конца: донской атаманъ вѣдь все время призывалъ насъ бросить Кубань и идти на сѣверъ...

Все осталось по прежнему: двоевластіе, двѣ взаимно исключающихъ другъ друга конституціи (края и Арміи) и въ качествѣ единственнаго источника права

---

[1]) Секретный отчетъ о засѣданіи 15 ноября 1918 года.

[2]) Телеграфный разговоръ куб. посла на Дону П. Макаренки съ Бычомъ 26 ноября и стенограмма засѣданія Рады 30 ноября 1918 года.

[3]) № 074.

— принятое Добровольческой Арміей и оспариваемое кубанцами — «Положеніе о полевомъ управленіи войскъ».

* * *

И такъ во второй[1]) разъ я спасалъ «кубанское народоправство».

Въ своемъ рѣшеніи я не былъ одинокъ. Однажды на докладѣ генераловъ Драгомирова и Лукомскаго зашелъ разговоръ о томъ, что общественное мнѣніе обвиняетъ командованіе въ попустительствѣ воинствующему сепаратизму «черноморской группы». Я сказалъ: — Дѣло не въ степени рѣшимости, а въ холодномъ учетѣ такихъ факторовъ, какъ военно-политическое положеніе и составъ Арміи. Быть можетъ, однако, я ошибаюсь. И если вы скажете мнѣ сейчасъ, что насильственныя мѣры приведутъ къ положительнымъ результатамъ, я завтра же Корниловскимъ полкомъ разгромлю кубанское правительство...

Оба отвѣтили — «нѣтъ».

Были, однако, группы, задавшіяся цѣлью вызвать настолько серьезный разрывъ между кубанской и добровольческой властью, чтобы принудить командованіе къ рѣшительнымъ шагамъ. Однимъ изъ результатовъ ихъ дѣятельности безъ сомнѣнія было послѣдовавшее позднѣе убійство Рябовола. Цѣли своей эти группы не достигли. Но то, что не удалось имъ, къ концу 19 года будетъ сдѣлано руками самихъ кубанскихъ самостійниковъ, поставившихъ въ совершенно невыносимыя условія жизнь и дѣятельность Арміи.

ГЛАВА VII.

Кубань: атаманъ Филимоновъ, правительство Сушкова и Законодательная рада.

5 декабря Рада утвердила кубанскую конституцію[2]), предпославъ ей слѣдующую декларацію:

«Мысля себя неразрывно связаннымъ съ Россіей, единой и свободной, населеніе Кубани твердо стоитъ на прежней своей позиціи: Россія должна быть федеративной республикой свободныхъ народовъ и земель, а Кубань — отдѣльной составной ея частью.

Нынѣ же Кубанскій край, стоя на пути государственнаго строительства, сохраняетъ за собой всю полноту государственной власти въ предѣлахъ Края и управляется органами, поставленными его населеніемъ».

«Носителями законодательной власти» въ Кубанскомъ краѣ признаны были Краевая и Законодательная рада, а «носителями исполнительной» — безвластный атаманъ и отвѣтственное передъ Законодательной радой правительство. При обсужденіи текста присяги для атамана и членовъ радъ въ засѣданіи правительства Быча произошло разногласіе: часть членовъ настаивала на оставленіи употребленной въ проектѣ фразы — «нося въ сердцѣ своемъ любовь къ матери Россіи» (варіантъ — «къ Родинѣ»); Бычъ и большинство другихъ требовали исключенія приведенныхъ словъ, на томъ основаніи, что «присяга имѣетъ цѣлью связать человѣка въ отношеніи честнаго исполненія возложенныхъ на него опредѣленныхъ обязанностей; обязать же кого либо чувствомъ любви къ матери Россіи или къ родинѣ нельзя»[3])...

Въ результатѣ оба понятія были изъ текста изъяты, и кубанскіе правители обязывались направить свой путь къ «пользѣ Государственной и къ величію Кубанскаго Края».

---

[1]) Первый разъ въ Мечетинской 30 мая 1918 года. См. Т. III гл. XVIII.
[2]) «Вр. полож. объ управл. Куб. краемъ».
[3]) Протоколъ № 94 засѣданія совѣта куб. прав-ства 30 окт. 1918 года.

Атаманскій вопросъ составлялъ главное событіе, вокругъ котораго сосредоточились усилія борющихся группъ. Наиболѣе сильной по организованности и численности была «черноморская» группа, тѣмъ болѣе, что весь административный аппаратъ, денежныя средства, казенная печать и «освѣдомительный отдѣлъ» сосредоточивались въ рукахъ правительства Быча и направлены были всецѣло въ интересахъ его единомышленниковъ Оппозиція, по преимуществу депутаты линейныхъ отдѣловъ, была раздроблена, группируясь вокругъ отдѣльныхъ членовъ Рады, разбивая свои голоса въ пользу нѣсколькихъ кандидатовъ — полк. Филимонова, Ляхова, Покровскаго и другихъ генераловъ [1]), тогда какъ «черноморцы» единодушно проводили въ атаманы Быча. Только передъ самыми выборами по инициативѣ полковника Чекалова образовалась болѣе сильная организація, по преимуществу линейцевъ, принявшая названіе «казачій кругъ», основавшая газету и поставившая своей задачей «борьбу съ сепаратизмомъ и демагогіей правительственной группы и полное соглашеніе съ командным составомъ Добровольческой арміи».

Къ декабрю въ Радѣ шло состязаніе изъ-за атаманской булавы только уже между Бычомъ и Филимоновымъ — средствами весьма неразборчивыми, практикуемыми, впрочемъ, во всѣхъ парламентахъ міра. Въ числѣ интимныхъ деталей этой борьбы можно отмѣтить небезынтересный случай: лицо, близкое къ Бычу и вѣдавшее офиціально политической работой въ его кабинетѣ, вело кампанію за Филимонова, освѣщая и ему, и предсѣдателю Особаго Совѣщанія всю игру противной стороны...

Командованіе приняло также участіе въ атаманскихъ выборахъ, но вполнѣ лойяльное, оказавъ моральное содѣйствіе полк. Филимонову; заинтересованные круги были освѣдомлены, что избраніе Филимонова дастъ прочное основаніе для соглашенія Кубани съ Добровольческой арміей. Мнѣ указывали настоятельно еще на другую возможность — поддержать кандидатуру ген. Покровскаго... Покровскій сумѣлъ бы, вѣроятно, мѣрами суровыми и кровавыми подавить кубанскую оппозицію, но пошла ли бы за нимъ казачья масса и куда повелъ бы онъ ее — этого никто предугадать не могъ.

Въ разгарѣ предвыборной борьбы по распоряженію куб. военнаго прокурора Лукина былъ арестованъ помощникъ Быча по управленію вѣдомствомъ продовольствія — ген. Букретовъ по обвиненію въ рядѣ злоупотребленій. Оппозиція выдвинула и прямыя обвиненія противъ Быча — въ заключеніи имъ завѣдомо убыточныхъ для края договоровъ... Атмосфера обострялась до крайности, и въ Радѣ ораторы не жалѣли черныхъ красокъ для опозоренія противныхъ кандидатовъ. Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ Бычъ снялъ свою кандидатуру въ атаманы; Рада не приняла отказа; 5 декабря состоялась баллотировка, и полк. Филимоновъ 275-ю голосами былъ переизбранъ кубанскимъ атаманомъ.

Предсѣдателемъ правительства сталъ Сушковъ, членами такіе же умѣренные представители бывшей оппозиціи, въ томъ числѣ большіе доброжелатели Арміи — полковники Н. Успенскій (управ. внутр. дл.) и Науменко (воен. управл.). Создавалась, такимъ образомъ, какъ будто благопріятная обстановка для урегулированія нашихъ взаимоотношеній...

Но надъ правительствомъ довлѣла Законодательная рада, впитавшая въ себя наиболѣе активные элементы «черноморской группы». Еще въ послѣдніе дни Краевой рады (13 февр.), новая оппозиція — прежняя правительственная партія — показала, что она далеко не безсильна... Подъ ея ударами по вопросу о «недостаточно настойчивомъ и энергичномъ осуществленіи постановленій Рады» 13 марта Сушковъ и весь составъ правительства сочли себя вынужденными подать въ отставку. Подъ впечатлѣніемъ этого правительственнаго кризиса черезъ два

---

[1]) Одно время по инициативѣ покойнаго Н. Успенскаго «для согласованія дѣятельности Кубани и Добр. арміи» выдвигалась моя кандидатура въ атаманы. Я рѣшительно отклонилъ эту комбинацію, не вѣря въ ея цѣлесообразность.

дня состоялось закрытіе Краевой рады, которую атаманъ напутствовалъ словами: «... я разстаюсь съ вами, господа, съ чувствомъ неудовлетворенія... Смыслъ и цѣнность (вашихъ рѣшеній) заключаются въ томъ, чтобы вносить спокойствіе, порядокъ, единеніе... И вотъ мнѣ думается, что этого единенія нѣтъ. Слѣдующее наше свиданіе поэтому будетъ скорѣе, чѣмъ вы желали бы».

Рада обласкала всѣхъ: атамана Филимонова — линейца и автономиста — изъ полковниковъ произвела черезъ чинъ въ генералъ-лейтенанты; выразила желаніе о производствѣ въ генералъ-маіоры полковника Шкуро — инициатора предполагавшагося переворота, приверженца Добровольческой Арміи — «за выдающіеся военные подвиги»; и б. управляющаго военнымъ вѣдомствомъ, полковника Савицкаго — шовиниста и самостійника — «за самоотверженную защиту правъ и идей кубанскаго казачьяго войска и Краевой рады передъ высшимъ командованіемъ» [1]).

Всѣхъ почтила, и всѣмъ искренно рукоплескала.

Съ 13 февраля въ продолженіе почти трехъ мѣсяцевъ длился перманентный кризисъ правительства. Всѣ усилія атамана сформировать новое правительство оказались безрезультатными, и у власти оставалось «временно» старое. Не выражая формально недовѣрія правительству Сушкова, Законодательная рада подвергала его, какъ и командованіе, поношенію въ каждомъ своемъ засѣданіи, въ каждомъ номерѣ своего офиціоза «Кубанскій край», издававшагося къ тому же въ краевой типографіи, на счетъ казны... Газета въ политическомъ задорѣ, пороча всемѣрно кубанское правительство и Добровольческую Армію, дошла даже до восхваленія большевизма и призыва къ отказу исполнять распоряженія командованія [2]). Противъ Рады въ формахъ болѣе сдержанныхъ выступали правительственный органъ «Вольная Кубань» и листовки «культурно просвѣтительнаго отдѣла» и съ большой рѣзкостью — «россійская печать».

Создавалось положеніе, напоминавшее въ миніатюрѣ взаимоотношенія Временнаго правительства и Совѣта раб. и солдатск. депутатовъ, — положеніе, которое Сушковъ, не безъ основанія, такъ опредѣлилъ въ послѣдней своей рѣчи: «... Вы хотите свалить правительство до войскового атамана включительно, но взять власть вы боитесь. Вы протягиваете къ власти дрожащія руки. Дѣйствуйте прямо, не прикрываясь красивыми покровами. Берите власть, отъ которой правительство отказывалось открыто» [3]).

5 мая, послѣ резолюціи недовѣрія, вынесенной наконецъ Законодательной радой, правительство Сушкова ушло въ отставку. Его смѣнило правительство Курганскаго, составленное изъ лицъ «черноморской группы», враждебное Арміи.

Эта внутренняя рознь, поражавшая территорію войны и ближайшаго тыла, отражалась чрезвычайно вредно на интересахъ борьбы. Она накопляла горючій матеріалъ въ тылу и на фронтѣ, понижала воодушевленіе кубанскихъ войскъ и казачества, парализовала дѣятельность правительства, чувствовавшаго себя непрочнымъ, и тѣмъ вносила большое разстройство въ хозяйственно-экономическую жизнь края.

* * *

Междоусобная борьба кубанскихъ дѣятелей имѣла характеръ чисто политическій. Борьба за власть. Если не считать небольшой группы крупной кубанской буржуазіи (Бабкинъ, Маймулинъ и др.), преслѣдовавшей интересы своего класса и выдвигавшей своимъ орудіемъ ген. Покровскаго, то внѣ рамокъ общероссійскаго вопроса, въ области соціальнаго уклада и своеобразнаго казачьяго

---

[1]) Засѣданіе 30 ноября.

[2]) 7 марта «Кубанскій край» былъ закрытъ полк. Успенскимъ одновременно съ газетами противнаго лагеря — «Единая Русь» и «Кубанецъ», закрытыхъ за поношеніе «избранниковъ народа и Законодательной рады».

[3]) Стеногр. засѣдан. Закон. рады 2 мая.

демократизма, оба сектора кубанской общественности существенно не расходились. Главнѣйшія обвиненія, которыя предъявлялъ Рябоволъ и Законодательная рада правительству Сушкова, сводились къ тому, что оно не проводитъ немедленнаго объединенія новообразованій Юга и выдѣленія Кубанской арміи и не ведетъ борьбы, а наоборотъ поддерживаетъ дружбу съ Добровольческой Арміей [1]).

Командованіе и Особое Совѣщаніе въ свою очередь совершенно не вмѣшивались во внутреннія дѣла Кубани, поскольку они не затрагивали обще-національной идеи борьбы, единства Арміи и вопроса ея снабженія. Но и эти вопросы оказались почти неразрѣшимыми, ставя правительство Сушкова между молотомъ и наковальней, вызывая гнѣвъ оппозиціи и неудовольствіе командованія, не всегда считавшагося съ исключительной трудностью положенія и съ фактомъ подневольнаго бытія атамана и правительства. Не считая возможнымъ переходъ власти въ краѣ всецѣло въ руки самостійниковъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, избѣгая неизбѣжно кроваваго переворота, мы — и я, и Филимоновъ — выходили естественно на скользкій и зыбкій путь компромиссовъ.

13 февраля Рада постановила «не позже марта созвать въ Екатеринодарѣ конференцію изъ представителей Дона, Кубани, Терека, Дагестана, Крыма, Арменіи, Азербейджана и т. д.[2]) на предметъ составленія и принятія союзнаго договора и конституціи». Сушковъ во исполненіе этого постановленія рѣшилъ обратиться къ правительствамъ этихъ территорій съ приглашеніемъ прислать своихъ представителей на конференцію къ 5 мая. Такое же приглашеніе прислано было и мнѣ [3]). Предсѣдатель Особаго Совѣщанія ген. Драгомировъ отвѣтилъ отъ моего имени отказомъ [4]), мотивируя его слѣдующими положеніями: 1) командованіе можетъ участвовать только въ такой конференціи, которая приняла бы принципъ «возсозданія Единой и Недѣлимой Россіи съ предоставленіемъ самоуправленія отдѣльнымъ ея областямъ»; 2) командованіе отказывается входить въ соглашеніе съ тѣми новообразованіями, «которыя строятъ свое благополучіе на отторженіи отъ Россіи»; 3) въ частности Грузія находится въ состояніи войны съ Добровольческой Арміей, и пріѣздъ грузинскихъ представителей поэтому не допустимъ; 4) Горскіе народы Сѣвернаго Кавказа и Дагестана «находятся подъ верховнымъ управленіемъ главнокомандующаго, а потому посылка имъ приглашеній, минуя главнокомандующаго, будетъ разсматриваться, какъ дѣйствіе явно враждебное».

Конференція не состоялась. Я считаю своей ошибкой воспрепятствованіе ея осуществленію. Опасенія наши въ отношеніи усиленія такимъ путемъ центробѣжныхъ теченій были вѣроятно преувеличены. Между тѣмъ, картина, которую представила бы екатеринодарская конференція, преломивъ въ горнилѣ словопреній всѣ вожделѣнія окраинъ — я убѣжденъ въ томъ — была бы достаточно внушительна, чтобы разрушить въ конецъ легенду о спасительности въ то время лозунга о б щ е й «федераціи» или «конфедераціи» въ борьбѣ Юга за освобожденіе Россіи.

* * *

Въ перечнѣ «державъ», которыя приглашались на конференцію, на этотъ разъ отсутствовала Украина. Атаманъ Петлюра, потерявъ Кіевъ, велъ въ это время неудачную борьбу за послѣдній клочокъ украинской земли возлѣ Шепетовки. Офиціально Кубань съ начала выступленія Петлюры «сохраняла нейтралитетъ въ борьбѣ между правительствомъ гетмана и организаціями Петлюры и Винниченко». Тайно — связь кубанскихъ самостійниковъ съ петлюровскимъ штабомъ, начавшаяся задолго до переворота, не прекращалась, будучи направлена остріемъ своимъ противъ Добровольческой Арміи. Петлюра несомнѣнно имѣлъ основаніе

---

[1]) Засѣданіе Закон. рады 27 февраля 1919 года и др.

[2]) Добровольческая Армія не была упомянута. На вопросъ, гдѣ-же она — предсѣдатель Рады Рябоволъ пояснилъ: «сказано «и т. д.» — всѣхъ не перечислишь»...

[3]) 5 апрѣля. № 14.

[4]) 12 апрѣля. № 523.

тотчасъ по вступленіи въ Кіевъ обратиться съ привѣтомъ въ лицѣ Рябовола «къ братамъ по крови, украінскому, кубанскому лыцарству»...[1]) и говоритъ объ «объядпані украинского парида видъ Кубани по Сянъ...» На засѣданіи 15 ноября предсѣдатель перваго правительства Бычъ, по поводу предполагавшагося мною выдвиженія дивизіи Май Маевскаго въ Донецкій раіонъ для прикрытія лѣваго фланга Донской арміи и Ростовскаго направленія отъ вторженія большевиковъ, сдѣлалъ заявленіе[2]): «... Добр. Армія бросаетъ войска на Украину. И если она поддержитъ гетманское правительство, то намъ казакамъ это будетъ тяжело. Я это буржуазное правительство поддерживать не могу»...

Такимъ образомъ, государственныя по внѣшнему своему впечатлѣнію рѣчи Быча и «черноморцевъ» о «широкомъ фронтѣ», о «союзѣ отъ Закавказья до Бѣлоруссіи» оказались только тактическимъ пріемомъ. Всего мѣсяцемъ раньше, когда Украина твердо блюла идею суверенности, кубанскій атаманъ и правительство «привѣтствовали его свѣтлость (пана гетмана) и правительство державы украинской» и писали имъ: «буде на то воспослѣдуетъ согласіе Вашей Свѣтлости, (мы рѣшили) поставить вопросъ о заключеніи въ ближайшее время соглашенія... Питая увѣренность, что изстари связанныя... полной яркихъ примѣровъ борьбой за независимость Украины и Кубани, (обѣ страны) вновь явятъ примѣръ могучаго братскаго союза»[3])... Но когда 1 ноября гетманъ объявилъ грамоту о федераціи съ Россіей и вскорѣ послѣ этого у Бѣлой Церкви зашевелился Петлюра, отношенія измѣнились: въ кубанской политикѣ произошелъ крупный сдвигъ, какъ разъ обратный тому, который повернулъ Добровольчество въ сторону единенія съ Украиной. Кубанскіе самостійники строили «широкій фронтъ» не для этой цѣли. Это былъ фронтъ центробѣжныхъ силъ, на которомъ естественно Добровольческой Арміи мѣста не находилось.

Осенью 1918 г. въ Екатеринодаръ появился «министръ-резидентъ» гетманскаго правительства баронъ Боржинскій, оказавшійся тайнымъ сподвижникомъ директоріи, а въ концѣ года и другой агентъ — по ироніи судьбы «горячо рекомендованный гетманомъ Рябоволу»[4]) — полковникъ Блохинъ (псевдонимъ Здобутволя), съ нѣсколькими спутниками. Въ январѣ 1919 года чинами нашей контръ-развѣдки былъ задержанъ курьеръ Блохина, ѣхавшій въ Кіевъ съ большой корреспонденціей, въ томъ числѣ съ докладами на имя Петлюры и Грекова. Возникшее слѣдственное дѣло обнаружило большую агитаціонную работу украинцевъ на Кубани и тѣсный контактъ членовъ директоріи, при посредствѣ Боржинскаго и Блохина, съ кубанскими самостійниками — Бычомъ, Рябоволомъ, Макаренкой и друг.

По захваченнымъ письмамъ обрисовалась и колоритная фигура Блохина. Въ 1915 году онъ попалъ въ плѣнъ къ австрійцамъ, былъ начальникомъ солдатскаго лагеря въ Зальцведенѣ и затѣмъ командовалъ сформированной австрійцами дивизіей «синежупанниковъ». Появившись въ Кіевѣ во времена гетмана, онъ, поддерживая связь съ Украинскимъ національнымъ комитетомъ, вошелъ въ довѣріе къ гетману и командовалъ у него Черноморскимъ полкомъ, вскорѣ расформированнымъ за большевицкое настроеніе. При выступленіи Петлюры, Блохинъ былъ командированъ послѣднимъ «подымать Кубань». Мрачная ненависть Блохина къ Россіи сквозитъ въ каждомъ письмѣ[5]). «Готовься — пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ — къ кровавой борьбѣ съ проклятымъ москалемъ — представителемъ великой Руси, пускай въ послѣдній разъ умоется въ крови бѣдная наша мать Украина»...

---

[1]) Радіограмма 9 декабря 1918 года.

[2]) Изъ секретнаго отчета о засѣданіи 15 ноября.

[3]) Изъ посланія гетману, прочитаннаго ему чрезвычайной куб. миссіей на пріемѣ 8 окт. 1918 года.

[4]) Въ бытность послѣдняго съ первымъ посольствомъ въ Кіевѣ. Заявленіе Рябовола въ Радѣ 2 марта.

[5]) Всѣ выдержки приведены въ переводѣ съ украинскаго.

Въ докладѣ Блохина Петлюрѣ описана была подробно его дѣятельность [1]). По дорогѣ на Кубань Блохинъ «раздавалъ призывы уважаемой директоріи, а, пріѣхавъ въ Екатеринодаръ, немедленно явился къ Лукѣ Лаврентьевичу Бычу (мой родственникъ) [2]) и передалъ отъ Васъ (Петлюры) поклонъ. Информировалъ Л. Л. въ требованіяхъ и домоганіяхъ украинскаго народа и передалъ призывъ директоріи, который я съ великой опасностью довезъ до мѣста»... Пользуясь своими связями Блохинъ получилъ въ командованіе запасный кубанскій батальонъ на Тамани, но это не удовлетворяетъ его — онъ желаетъ попасть въ члены Рады: «Лука Лаврентьевичъ имѣетъ меня въ виду, Рябоволъ говоритъ, что все будетъ отлично»... Мечтаетъ о назначеніи «на великій постъ — атамана Черноморскаго отдѣла, если не перебьютъ добровольцы - черносотенцы».

Одновременно Блохинъ со своими спутниками велъ широкую пропаганду противъ Добровольческой Арміи и распространялъ брошюры по станицамъ и по отдѣленіямъ «Центральной Просвіты», во главѣ которой стоялъ одинъ изъ лидеровъ самостійниковъ — Безкровный, а въ числѣ членовъ — видные представители Законодательной рады. Эти брошюры (Изданія М. Грушевскаго, «катехизисъ украинца» и проч.) проповѣдывали единство «украинской націи» отъ Сана до Кавказа, ненависть къ Россіи и «изгнаніе чужеземцевъ — угнетателей».

Когда въ газетѣ «Кубанецъ» и на Армавирскомъ «Съѣздѣ уполномоченныхъ казачьяго круга» поднято было это дѣло и упомянуты фамиліи членовъ Рады — Шахимъ - Гирея, Рябовола и др. Законодательная рада выразила довѣріе своему предсѣдателю и его единомышленникамъ и потребовала отъ правительства рѣшительныхъ мѣръ противъ «клеветы и провокаціи «Кубанца» ..

Блохинъ исчезъ. Въ своемъ послѣднемъ докладѣ украинскому военному министру — докладѣ, носящемъ признаки истеріи и хлестаковщины, онъ явно преувеличивалъ результаты своей краткой работы, когда писалъ: «казаки симпатизируютъ, склоняются къ Украинѣ, вотъ, вотъ будетъ страшное возстаніе...» Но кое - что было сдѣлано дѣйствительно... 23 января пришедшій изъ Керчи къ Перекопу для дѣйствій противъ скопившихся въ сѣверной Тавріи большевицкихъ и махновскихъ бандъ 9-й пластунскій батальонъ (Таманскій) отказался выполнить приказъ, бросилъ фронтъ и самовольно двинулся на Кубань. Представители батальона заявили, что этотъ фронтъ — противъ Украины и что до полученія указанія Краевой рады пластуны драться съ «петлюровцами» не будутъ. Это былъ п е р в ы й с л у ч а й въ Добровольческой Арміи невыполненія цѣлой частью боевого приказа — случай, явившійся грознымъ предостереженіемъ не только для Арміи, но и для кубанскихъ властителей... Насколько мало значенія имѣлъ при этомъ элементъ національно - украинскій, видно изъ того, что тотъ же батальонъ, переброшенный въ февралѣ на царицынское направленіе, только въ пути далъ 50% дезертировъ... Вообще Таманскій округъ на почвѣ петлюровщины и ея всегдашняго спутника повторнаго большевизма представлялъ изъ себя опасный очагъ броженія, проявлявшагося пока сплошными разбоями и массовымъ дезертирствомъ таманцевъ изъ рядовъ Добровольческой Арміи. Кубанскій военный министръ полковникъ Науменко стремился подавить таманскія безчинства суровыми мѣрами, а Законод. рада, подъ предлогомъ злоупотребленій карательныхъ отрядовъ, бурно протестовала и сваливала министерство [3])...

Вообще украинскій вопросъ, въ особенности въ краткій періодъ второй директоріи, создавалъ чрезвычайно острую, напряженную атмосферу вокругъ отношеній Кубани и командованія. Происходило какое то сплошное «недоразумѣніе»... Директорія объявляетъ грамоту гетмана о ф е д е р а ц і и съ Россіей [4]) «здрадницкимъ актомъ Скоропадьского про скасуванні самостійности Украінскоі Держави», а

---

[1]) Докладъ отъ 10 января.
[2]) Т. е. родственникъ Блохина.
[3]) Засѣданіе 3—4 мая 1919 года.
[4]) 2 ноября 1918 года.

кубанскіе федералисты официально привѣтствуютъ директорію, и ихъ офиціозъ по поводу акта возсоединенія Галиціи съ Украиной съ пафосомъ восклицаетъ: «прекрасная сестра своего замученнаго брата — кубанца возвратилась къ своей горячо любимой матери-Украинѣ»[1]... Петлюровскія войска избиваютъ русскихъ офицеровъ, Петлюровскій универсалъ[2] призываетъ казаковъ «не служить продавцамъ, которые сами продались и хотятъ Украину продать — недобитымъ царскимъ министрамъ Россіи и ея буржуазіи, лѣнивому русскому офицерству, паразитамъ народнымъ, собравшимся въ контръ-революціонное гнѣздо на Дону»... А секретарь украинской миссіи Поливанъ при содѣйствіи предсѣдателя правительства Быча въ то же время ведетъ разговоры по прямому проводу съ повстанческими украинскими отрядами, сообщая имъ свѣдѣнія о положеніи на территоріи Добровольческой Арміи[3]... Посолъ гетмана, Боржинскій, сбросивъ маску, въ засѣданіи Чрезвычайной рады сообщалъ полученныя имъ извѣстія объ успѣхахъ Петлюры на Украинѣ и даже привѣтъ отъ никому невѣдомаго «командующаго войсками Екатеринославщины Горобця»: «відъ імені українськихъ республиканьскихъ війскъ, що повстали заразъ за незалежність і кращу будучину Матери Украіни на боротьбу зъ вікovічними ворогами, котрихъ репрезентуе на Кубані (?) Київській черносотонець Шульгінъ»...

И Рада бурно рукоплескала[4]...

Искушенные политики знаютъ цѣну всѣмъ этимъ патетическимъ фразамъ воззваній, декларацій и перемѣнчивому настроенію толпы, аудиторіи, парламента. Но рядовая русская общественность и въ частности добровольческое офицерство принимали всѣ украинофильскія проявленія горячо и непосредственно. Между ними и украинофилами — самостійниками вырастала острая ненависть. Въ печати, въ собраніяхъ, въ повседневномъ обиходѣ установились вульгаризованные пріемы отношеній и ходячіе эпитеты, изъ которыхъ «предатели» для одной стороны и «черное воронье» для другой — были не наихудшими.

Послѣ ухода правительства Быча официальныя отношенія съ украинской директоріей и Петлюрой прекратились; неофиціально же связь ихъ съ самостійной кубанской группой продолжалась все время при посредствѣ украинской миссіи въ Константинополѣ. При этомъ мы имѣли свѣдѣнія, что Екатеринодаръ снабжалъ Петлюру денежными средствами и въ періодъ борьбы его съ Добровольческой Арміей, лѣтомъ 1919 года.

* * *

Такъ же тяжело проходилъ вопросъ о выдѣленіи Кубанской арміи.

Желая дать нравственное удовлетвореніе кубанцамъ, я послѣ поворота на сѣверъ предполагалъ армію, предназначенную на Царицынское направленіе, именовать «Кубанской», безъ измѣненія существовавшаго порядка подчиненія. Но подъ давленіемъ Рады атаманъ Филимоновъ, послѣ освобожденія сѣвернаго Кавказа, безъ соглашенія со мною отдалъ приказъ по войску: «... Нынѣ настало время и является возможность выполнить постановленіе Чрезвычайной Краевой рады — образовать свою Кубанскую армію... Съ этого дня всѣ вооруженныя силы, выставляемыя Кубанскимъ краемъ, объединяются въ Кубанскую армію, подъ начальствомъ походнаго атамана (ген. Науменко), подчиненнаго непосредственно мнѣ... Для дальнѣйшей борьбы съ большевиками Кубанская армія будетъ выдѣлять части войскъ, сведенныя въ Кубанскій корпусъ, ... а остальныя части арміи будутъ заканчивать очищеніе, обезпеченіе и умиротвореніе края»[5]...

---

[1]) «Кубанскій край» 3 янв. 1919 года.
[2]) 15 ноября 1918 года.
[3]) Офиц. сообщеніе штаба отъ 22 ноября 1918 года.
[4]) Отчетъ о засѣданіи 20 ноября 1918 года.
[5]) Приказъ 1 февраля 1919 года. № 172.

Борьба требовала не ослабленія силъ, а полнаго ихъ напряженія и полнаго единства. Поэтому приказъ остался мертвой буквой. При молчаливомъ непротивленіи атамана, полковникъ Науменко вѣдалъ только тыловыми, учебными и гарнизонными частями, не вмѣшиваясь въ командованіе, добросовѣстно боролся съ дезертирствомъ, пополнялъ фронтъ и формировалъ для него новыя части.

Въ этомъ вопросѣ атаманъ лично раздѣлялъ пожеланія Рады, закрывая глаза на политическія послѣдствія выдѣленія самостоятельной арміи при условіи безвластія атамана, непрочности правительственнаго курса и враждебности къ Арміи главенствующей политической партіи. Во всѣхъ рѣчахъ ея членовъ, въ самостійной печати — цѣль овладѣнія арміей, какъ орудіемъ политики, ставилась совершенно открыто.

«Невыполненіемъ этой претензіи всѣхъ искренно расположенныхъ и преданныхъ дѣлу Добровольческой Арміи кубанскихъ казаковъ — писалъ онъ однажды — дается пища для самой вредной агитаціи и отнимается всякая почва у кубанцевъ — доброжелателей Арміи... Существованіе Кубанской Арміи не будетъ грозить интересамъ общаго дѣла и не можетъ вызвать никакихъ дурныхъ послѣдствій для русскаго оружія»[1]...

Оптимизмъ атамана не раздѣляла вовсе сама армія, въ лицѣ ея команднаго состава и офицерства. Въ одинъ изъ послѣдующихъ острыхъ періодовъ домогательствъ Рады, ген. Науменко послалъ запросъ четырнадцати старшимъ кубанскимъ начальникамъ о возможности выдѣленія особой Кубанской арміи и отъ 13 ихъ нихъ получилъ отвѣтъ рѣзко отрицательный[2]. Мотивы были разнообразны: организаціонные, стратегическіе, бѣдность кубанскаго войска въ командномъ составѣ и техникѣ, наконецъ главный — опасеніе, что «армія окажется орудіемъ въ рукахъ самостійниковъ и крайнихъ федералистовъ»[3]...

Что же касается рядового казачества, оно съ полнымъ равнодушіемъ относилось къ этому вопросу почти до осени, когда общее утомленіе и начавшіяся неудачи создали болѣе воспріимчивую почву для разрушительной пропаганды, исходившей отъ правительства Курганскаго и Законодательной рады, и съ особенной силой обрушившейся на Армію.

Наконецъ, крупный вопросъ — единства снабженія также не получилъ разрѣшенія. 12 и 13 марта подъ моимъ предсѣдательствомъ состоялось совѣщаніе представителей Д. Ар., Дона, Крыма, Терека и Кубани по вопросу объ объединеніи дѣла продовольствія и товарообмѣна на Югѣ Россіи въ одномъ коллегіальномъ органѣ при главнокомандующемъ[4]. Всѣ представители пришли къ соглашенію, кубанцы отказались. «Вопросъ затрагиваетъ самую суть нашей экономической жизни — говорилъ въ Радѣ Рябоволъ. — Они ничего не могутъ дать. Только мы можемъ дать». Дѣйствительно, Кубань имѣла въ своихъ рукахъ огромную силу: невзирая на большевицкое разореніе, въ ея закромахъ къ веснѣ 1919 года оставалось все же до 30 милл. пудовъ хлѣба четырехъ урожаевъ, богатые запасы растительныхъ маслъ и табаку — для товарообмѣна. Безъ кубанскаго хлѣба было бы до крайности затруднительнымъ существованіе Арміи и потребительныхъ раіоновъ.

26 марта было утверждено мною положеніе о «Совѣтѣ по продовольствію», фактически не осуществленное, благодаря противодѣйствію кубанцевъ. Между тѣмъ, съ весны 1919 года на Дону и на Терекѣ создалось тяжелое положеніе въ отношеніи продовольствія, и главному командованію приходилось путемъ длительныхъ

---

[1]) Письмо генералу Лукомскому 20 іюня 1919 года. № 27.

[2]) Генералы: Врангель, Улагай, Покровскій, Шкуро, Топорковъ, Крыжановскій, Бабіевъ и др. За выдѣленіе высказался одинъ ген. Гейманъ.

[3]) Изъ секретнаго отчета о засѣданіи куб. правительства въ началѣ сент. 1919 г.

[4]) Въ органъ этотъ должны были входить на равныхъ началахъ представители Дона, Кубани, Терека, Крыма и Особаго Совѣщанія.

переговоровъ, преодолѣвая сопротивленіе кубанскаго вѣдомства, производить нарядъ туда для армій и населенія кубанскаго и Ставропольскаго хлѣба [1]).

* * *

Такимъ образомъ, ни одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ взаимоотношеній Кубани съ Добровольческой арміей разрѣшенъ не былъ. Весь нашъ совмѣстный путь былъ усѣянъ крупными и мелкими столкновеніями, расчищался безконечными компромиссами и велъ къ неизбѣжному разрыву.

Причины, какъ мы видѣли, многообразны и питались источниками съ обѣихъ сторонъ. Оставимъ обвиненіе въ личномъ, своекорыстномъ стремленіи къ власти, которое печать и общество взводили на кубанскихъ дѣятелей-самостійниковъ. Эта область — больше психологіи, чѣмъ исторіи, и трудно поддается анализу. Остановимся на положеніяхъ чисто объективныхъ.

Кубанская революціонная демократія, хотя и лишила въ своей державѣ политическихъ и земельныхъ правъ иногородныхъ — половину населенія области, но въ отношеніи Россіи блюла демократическіе завѣты и не довѣряла Добровольческой власти, считая ее реакціонной, реставраціонной, монархической. Неудачное управленіе первоначальной территоріей нашей — Ставропольской и Черноморской губерніями — подрывало довѣріе къ государственному творчеству этой власти. Безвременье открывало соблазнительныя перспективы округленія границъ области за счетъ всей Черноморской и части Ставропольской губерній, главное — обладаніе черноморскими портами, ибо пока они въ «чужихъ» рукахъ (командованія, потомъ Россіи), невозможно свободное развитіе торговыхъ отношеній» [2]). Стремленіе къ максимальной самостоятельности естественно толкало Кубань къ союзу съ единомышленными образованіями, а не къ Добровольческой Арміи, которая исповѣдывала Единую и Недѣлимую Россію и говорила только о «широкой автономіи» и о «крайне бережномъ отношеніи къ вѣковому укладу казачьяго быта»...

Кубань хотѣла быть полнымъ хозяиномъ въ своемъ домѣ, а въ немъ распоряжался также нѣкто другой, и невыясненность правовыхъ взаимоотношеній порождала съ обѣихъ сторонъ въ повседневной жизни, въ практикѣ войскъ и администраціи цѣлый рядъ злоупотребленій, превышеній власти, столкновеній и обидъ.

Кубань хотѣла быть полнымъ хозяиномъ своихъ несмѣтныхъ богатствъ и вывозить ихъ въ Грузію — за равноцѣнный товарный эквивалентъ, за-границу за доллары и франки, а командованіе ограничивало экспортъ и требовало направленія хлѣба, жировъ и проч. въ армію и въ нуждающіеся раіоны вооруженныхъ силъ Юга въ обмѣнъ за малоцѣнные знаки ростовской экспедиціи... Извѣстное утомленіе и видимая безопасность самой Кубани вызывали у многихъ близорукій взглядъ на возможность отдохнуть и перейти къ мирному порядку, а командованіе требовало новыхъ призывовъ, новыхъ жертвъ для продолженія борьбы за Россію — борьбы, конца которой не видно было.

Но надъ всѣми этими причинами доминировала одна — главнѣйшая.

Официальный лозунгъ, выброшенный «черноморской» группой для успокоенія казачьей массы, гласилъ:

— Черезъ федерацію къ Единой Россіи.

Мы этому не вѣрили. И невѣріе наше получило компетентное и исчерпывающее подтвержденіе — правда, нѣсколько поздно — въ 1921 году. Вся соль кубанской революціонной демократіи, всѣ тѣ лица — Бычъ, Тимошенко, Воропи-

---

[1]) Въ іюнѣ, напримѣръ, для нуждъ армій Дона, Терека и Донецкаго раіона потребовалось болѣе 1½ милл. привозного хлѣба, который былъ разверстанъ между Кубанью (60%) и Ставропольск. губ. (40%).

[2]) Подымавшіяся не разъ въ Радѣ пренія и «Меморандумъ 4-хъ государственныхъ образованій» — Дона, Кубани, Украины и Бѣлоруссіи поданный державамъ Согласія и подписанный отъ Кубани — Бычомъ. Январь 1919 года.

новъ, Намитоковъ, П. Макаренко и проч., и проч., которые въ теченіе 1917—1920 г.г. держали въ своихъ рукахъ власть на Кубани, теперь послѣ крушенія всѣхъ фронтовъ, не связанные болѣе «тактическими соображеніями», открыли намъ свой символъ вѣры въ прошломъ, настоящемъ и будущемъ [1]).

«... Ровно 4 года тому назадъ народъ кубанскій [2]) ясно и твердо выразилъ свою волю къ государственной самостоятельности... Законодательная рада, на основаніи этого рѣшенія, въ январѣ 1918 года провозгласила землю Кубанскую — Кубанской народной республикой...

Съ того времени Краевая рада... неоднократно подтверждала государственную независимость земли кубанской...

Эти страшные 4 года прошли для населенія Кубани въ безпрерывной, истощающей ея силы борьбѣ за свою независимость... Въ теченіе трехъ лѣтъ Кубань боролась и противъ совѣтской Россіи, и противъ военныхъ организацій, пытавшихся представлять собою Россію антисовѣтскую, и вобравшихъ въ себя весь цвѣтъ великодержавной россійской контръ-революціи...

Борьба за независимость Кубани есть нашъ основной долгъ, наша первая задача».

На какія внѣшнія силы опиралась эта борьба?

«Успѣхъ борьбы за независимость Кубани намъ мыслится возможнымъ не только въ зависимости отъ усилій нашего народа, но въ значительной мѣрѣ и отъ тѣхъ отношеній, которыя будутъ установлены между Кубанью и ея естественными союзниками. Ихъ намъ указала Краевая рада въ ноябрѣ 1918 года на Сѣверѣ—суверенный Донъ, Украина, Бѣлоруссія; на Югѣ—Горская Республика, Грузія, Азербейджанъ, Арменія. Съ ними мы намѣрены установить или укрѣпить не только отношенія добрососѣдства и дружбы, но считаемъ необходимымъ войти съ ними въ самыя тѣсныя договорныя отношенія на базѣ взаимнаго признанія суверенности каждаго изъ этихъ государствъ и взаимной помощи военной, дипломатической, экономической и финансовой».

Какая же роль предназначается при этомъ русскимъ людямъ и Россіи?

«Мы будемъ искать себѣ союзниковъ также и въ средѣ демократическихъ русскихъ политическихъ группъ и теченій, при условіи, если эти группы вполнѣ опредѣленно и совершенно искренно будутъ признавать право Кубани, какъ и другихъ территорій и національностей бывшей Россійской Имперіи на полное самоопредѣленіе и политическую независимость. Со своей стороны, мы будемъ считать себя обязанными дать гарантіи, обезпечивающія законные экономическіе интересы Россіи при условіи ненанесенія этимъ ущерба суверенньмъ правамъ Кубани».

При такой политической идеологіи вопросы о личности главнокомандующаго [3]), «реакціонности» его правительства, о формахъ верховнаго возглавленія (диктатура или директорія), наконецъ о путяхъ сложенія власти (октропированіе свыше или сговоръ снизу) и т. д., и т. д. значенія имѣть не могли.

Кубанскій сепаратизмъ по существу ополчался противъ національной Россіи.

ГЛАВА VIII.

Донъ: событія на Донскомъ фронтѣ въ концѣ 18-го и въ началѣ 19 года. Борьба за единство военнаго командованія на Югѣ.

Паденіе Германіи поставило въ весьма затруднительное положеніе Донское войско. Во второй половинѣ ноября германскія части очистили территорію области, открывъ опаснѣйшее и кратчайшее къ ея столицѣ направленіе — Воронежское. Въ то же время нѣмцы, занимавшіе Украину, объявили нейтралитетъ, и въ

---

[1]) Декларація «конференціи кубанскихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей въ городѣ Прагѣ 11—20 октября 1921 года».

[2]) По теоріи П. Макаренко «кубанцы есть самостоятельная вѣтвь славянскаго племени».

[3]) Я имѣю основаніе считать, что личность главнокомандующаго не вызывала въ свое время особеннаго недовѣрія кубанскихъ правителей.

«пограничныхъ» раіонахъ Харьковской и Екатеринославской губерній появились петлюровскіе атаманы, ниспровергая власть гетмана, прервавъ снабженіе Дона боевыми припасами съ Украины и неизбѣжно подготовляя вторженіе большевиковъ съ не менѣе грознаго направленія — Харьковскаго.

Къ началу ноября фронтъ Донской арміи шелъ отъ Кантемировки на Таловую и далѣе, приблизительно по сѣверной и восточной границѣ области, подходя къ Камышину на 20—30 верстъ и къ Царицыну 30—40 в.; на юго-востокѣ фронтъ шелъ черезъ станцію Житово по большому Царицынскому шляху до Маныча, гдѣ онъ входилъ въ соприкосновеніе съ лѣвымъ флангомъ арміи Добровольческой. На этомъ фронтѣ Донъ располагалъ 52 тысячами противъ 100 съ лишнимъ тысячъ войскъ совѣтскаго Южнаго фронта.

Задача, данная арміи донскимъ командованіемъ, заключалась въ оборонѣ на юго-востокѣ и овладѣніи важнѣйшими ж. д. магистралями путемъ занятія станцій Лиски — Поворино — Елань — Камышинъ — Царицынъ.

Затихшія было въ октябрѣ военныя дѣйствія на Воронежскомъ направленіи въ началѣ ноября возобновились съ новой силой, начавшись блестящимъ дѣломъ ген. Гусельщикова въ раіонѣ Таловой и развившись затѣмъ въ большую операцію, завершившуюся пораженіемъ VIII совѣтской арміи и занятіемъ донцами линіи Лиски — Таловой — Новохоперска. Въ раіонѣ Луганска небольшой отрядъ «молодой» донской арміи стоялъ прочно и отбивалъ всѣ атаки противника.

Въ серединѣ ноября усилившіяся совѣтскія арміи вновь перешли въ наступленіе, нанося концентрическій ударъ на Воронежскомъ направленіи и съ сѣверо-востока на фронтъ Урюпинская — Усть-Медвѣдицкая. 9 совѣтская армія имѣла вначалѣ успѣхъ, проникнувъ глубоко въ Хоперскій округъ, но, благодаря подошедшему къ донцамъ съ царицынскаго и воронежскаго фронта подкрѣпленію, была опрокинута, и донскіе полки, преслѣдуя ее, доходили до Елани и Камышина. Это наступленіе, прервавъ ж. д. связь между Поворинымъ и Царицынымъ, поставило въ критическое положеніе совѣтскую 10-ю армію, вслѣдствіе прекращенія навигаціи по Волгѣ, оставшуюся безъ подвоза. Точно также успѣшно отражались всѣ настойчивыя атаки красныхъ на царицынскомъ направленіи, и войска ген. Мамонтова, съ конца ноября, сами перейдя въ наступленіе, къ 5 января подошли вплотную къ городу Царицыну на линію Сарепта — Воропоново — Гумракъ.

Весь ноябрь и декабрь на огромномъ фронтѣ отъ Луганска до Царицына, отъ Царицына до Маныча, въ морозъ и стужу, поставивъ въ строй поголовно всѣхъ казаковъ, способныхъ носить оружіе, изнемогая отъ потерь и лишеній, Донъ доблестно отстаивалъ свое существованіе противъ вдвое сильнѣйшаго врага. Донская армія неизмѣнно одерживала верхъ, брала тысячи плѣнныхъ и богатую военную добычу. По существу — стратегически побѣда была уже на сторонѣ донцовъ: зимняя операція красныхъ разстроилась, потеряла свой планомѣрный характеръ и продолжалась лишь по инерціи, безъ внутренней идейной связи.

Но въ гражданской войнѣ моральный элементъ болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, властвуетъ надъ всѣми прочими слагаемыми успѣха. То, что было выиграно въ теченіе многихъ мѣсяцевъ моральнымъ подъемомъ и оружіемъ, въ одинъ мигъ было потеряно упадкомъ духа. Въ казачьемъ настроеніи опять наступилъ переломъ, который умѣло использовала совѣтская пропаганда. Наиболѣе чувствительнымъ ея аргументомъ были обѣщанія совѣтской власти сохранить казачій укладъ и увѣренія въ тщетности надеждъ на иностранную помощь, о которой такъ часто и неосторожно говорилъ атаманъ колеблющемуся фронту.

Уже въ ноябрѣ, невзирая на успѣхи, въ арміи чувствовалась нѣкоторая моральная неустойчивость. Въ концѣ декабря сначала одинъ донской полкъ предался на сторону красныхъ, потомъ нѣсколько станицъ, и войска Верхне-донского округа заключили миръ съ большевиками и начали расходиться по домамъ. Пораженческое настроеніе ширилось по фронту, и одновременно ширились прорывы, въ которые безпрепятственно вливались волны красныхъ, выходя въ тылъ и угрожая окруженіемъ еще боровшимся войскамъ Хоперскаго округа.

Въ то же время большевики напрягали большія усилія, посылая для вразумленія войскъ 8 и 9 арміи карательные отряды, усиливъ Южный фронтъ четырьмя новыми дивизіями и направивъ изъ Харькова на линію Бахмутъ — Луганскъ армейскую группу Кожевникова.

И къ концу января Донская армія на сѣверномъ и сѣверо-восточномъ фронтѣ отхлынула за Донъ. «Прекрасно вооруженные, снабженные пулеметами и пушками отряды наши — говорилъ атаманъ Красновъ на Кругѣ[1]) — уходятъ безъ боя вглубь страны, оставляя хутора и станицы на поруганіе врагу. Теперь сдаются на милость красной сволочи цѣлыми сотнями и съ нею вмѣстѣ идутъ избивать своихъ отцовъ и братьевъ. Теперь арестовываютъ офицеровъ и старшихъ начальниковъ, выдаютъ ихъ на разстрѣлъ краснымъ и тѣмъ подрываютъ въ нихъ вѣру въ казаковъ и лишаютъ ихъ необходимаго мужества»...

Чѣмъ же объяснялся такой рѣзкій переломъ въ настроеніи казачества и такой глубокій, ничѣмъ не оправдываемый развалъ арміи?

Общество, армія, Кругъ искали прежде всего «виновныхъ». Ихъ назвалъ Кругъ, собравшійся въ февралѣ, осудилъ и удалилъ. Виновными сочтены были — командующій Донской арміей и начальникъ штаба ея, генералы Денисовъ и Поляковъ. Кругъ поставилъ имъ въ вину, косвенно и атаману, «недостаточную освѣдомленность о фронтѣ... легковѣсную самоувѣренность... тренія съ Добровольческой Арміей... убѣжденіе въ періодъ успѣховъ, что справятся собственными силами, и дѣлить побѣду съ кѣмъ бы то ни было не хотѣлось... оповѣщеніе фронта о скоромъ прибытіи (неприбывшей) союзной помощи»... Наконецъ, непосѣщеніе фронта командующимъ, «невниманіе къ нуждамъ фронта, злоупотребленіе реквизиціями, особенно въ Южной арміи» и т. д., и т. д.[2]). Ген. Денисовъ указывалъ причины иныя: 1) утомленіе казачества, 2) гибель вѣры въ союзниковъ, 3) возрастаніе силъ противника, 4) лютая зима при недостаткѣ одежды и теплыхъ вещей, 5) агитація большевиковъ, 6) агитація «общественныхъ дѣятелей» противъ атамана и противъ командующаго, 7) развалъ тыла[3]). Въ сущности обѣ стороны въ своихъ обвиненіяхъ изслѣдовали только нездоровую почву, на которой могло произрасти то явленіе чисто психологическаго характера, которое Красновъ и Денисовъ опредѣляли согласно «заболѣваніемъ фронта большевизмомъ». Опредѣленіе—вѣрное только въ отношеніи с и м п т о м о в ъ той болѣзни, которая поражала временами не одно донское, но и другія казачества, русскую интеллигенцію и русскій народъ. Болѣзни—в о л и и д у х а. Ибо Донское казачество, органически чуждое коммунистическому укладу, пріявъ внѣшнія формы и даже практику большевизма, какъ личину, какъ средство кого-то провести и отъ кого-то спастись, на другой-же день вступало съ нимъ въ глухую борьбу всѣмъ своимъ нутромъ, всѣмъ бытовымъ укладомъ, въ свою очередь встрѣчая со стороны совѣтской власти полное недовѣріе и прямое посягательство на жизнь казачью, бытъ и достояніе.

Эта двойственность казачьихъ настроеній чрезвычайно ярко проявилась въ красочной исторіи донского казака, войскового старшины М и р о н о в а. Демагогъ и честолюбецъ, мечтавшій объ атаманскомъ перначѣ, онъ съ самаго начала гражданской войны поступилъ на службу къ большевикамъ и, командуя бригадой, потомъ дивизіей, дрался весьма усердно на ихъ донскомъ фронтѣ. Но послѣ большевицкаго вторженія на Донъ въ началѣ 1919 г. звѣрства большевиковъ пробудили совѣсть въ немъ и въ его казакахъ. Мироновъ сталъ на защиту разоряемыхъ станицъ, былъ обвиненъ въ демагогіи и отправленъ на Западный фронтъ. Лѣтомъ, однако, ввиду тяжелаго положенія на Югѣ, его переводятъ обратно на Донской фронтъ и ставятъ во главѣ вновь сформированнаго «Донского корпуса», ядромъ котораго служили казаки сѣверныхъ округовъ. Въ августѣ Мироновъ поднялъ возстаніе, къ которому примкнули нѣсколько донскихъ совѣтскихъ полковъ. Въ приказѣ — воззваніи отъ 9 августа онъ говорилъ казакамъ:

[1]) Стенограмма засѣданія Круга 1 февраля 1919 года.
[2]) «Краткое сообщеніе о засѣданіи 1—8 февраля 19 года». Офиц. изд.
[3]) Отчетъ о вечернемъ закрытомъ засѣденіи Круга 1 февраля.

«... Что остается дѣлать казаку, объявленному внѣ закона и подлежащему безпощадному истребленію? Только умирать съ ожесточеніемъ.

Что остается дѣлать казаку, когда онъ знаетъ, что его хата передана другому, его хозяйство захватывается чужими людьми, а скотина выгнана въ степь въ загонъ? Только сжигать свои станицы и хутора. Такимъ образомъ, въ лицѣ всего казачества мы видимъ жестокихъ мстителей коммунистамъ за поруганную справедливость, что въ связи съ общимъ недовольствомъ трудящагося крестьянства Россіи, вызваннымъ коммунистами, грозитъ окончательной гибелью революціоннымъ завоеваніямъ и новымъ тяжкимъ рабствомъ народу. Чтобы спасти революціонныя завоеванія, остается единственный путь свалить партію коммунистовъ».

Возстаніе было подавлено въ нѣсколько дней полу-казачьими войсками Буденнаго. Мироновъ и его соучастники были преданы суду и приговорены къ смертной казни. Но всѣ они «выразили чистосердечное раскаяніе» и просили взять ихъ опять на службу въ красную армію... Миронова большевики помиловали, и въ 20 году мы видимъ его вновь командующимъ 2-й конной арміей, сражавшейся противъ крымскихъ войскъ ген. Врангеля. Зимою 1921 года онъ снова принимаетъ участіе въ организаціи возстанія въ Донской области и, не будучи болѣе нуженъ большевикамъ, использовавшимъ его популярность до конца, предается снова суду и кончаетъ свою жизнь подъ разстрѣломъ.

* * *

Взаимоотношенія наши съ донской властью съ мая и до конца 1918 г. опредѣлялись непримиримой позиціей ген. Краснова въ вопросѣ объ *единомъ командованіи*.

Если огромный вредъ, приносимый отсутствіемъ общаго плана и разрозненностью дѣйствій бѣлыхъ армій во всероссійскомъ масштабѣ (Сѣв., Вост., Югъ и Западъ), не всѣми сознавался достаточно отчетливо, то на общемъ, по существу, Доно-Кавказскомъ театрѣ эти тягчайшія нарушенія основъ военнаго искусства сказывались ясно и разительно на каждомъ шагу. Вопросъ этотъ раздиралъ Югъ, отражаясь крайне неблагопріятно на веденіи военныхъ операцій, вовлекая въ борьбу вокругъ него общественность, печать, офицерство, политическія организаціи, даже правительства Согласія. Ген. Красновъ суживаетъ теперь весь этотъ вопросъ больного прошлаго до размѣровъ «екатеринодарской интриги» и «борьбы Краснова съ Деникинымъ», котораго онъ «не хотѣлъ признать», отрицательно относясь къ его личнымъ качествамъ, какъ государственнаго дѣятеля и стратега... Наши взаимныя характеристики могутъ быть нѣсколько пристрастными. Но ясно одно: личная незаинтересованность и государственныя побужденія донского атамана въ этомъ вопросѣ теряютъ значительно свою цѣну, если принять во вниманіе, что однимъ изъ «наиболѣе желательныхъ вождей для объединеннаго командованія» онъ называлъ... ген. Н. І. Иванова [1]), на которомъ — по его же, Краснова, словамъ — отозвались «пережитыя потрясенія и немолодые уже годы и нѣсколько разстроили его умственныя способности»...

Отбросимъ личности. За ними стояло явленіе несравненно болѣе крупнаго масштаба: вопросъ шелъ о признаніи военнаго центра въ борьбѣ Юга: «Донъ» или «Добровольческая Армія»? Въ глазахъ огромнаго большинства русской общественности первый представлялся началомъ областнымъ, вторая — *общегосударственнымъ*; въ глазахъ правительствъ и командованія державъ Согласія Донъ былъ недавнимъ союзникомъ — пусть даже невольнымъ — нѣмцевъ, а Добровольческая Армія «сохранила вѣрность Согласію до конца». Эти двѣ предпосылки имѣли рѣшающее значеніе въ спорномъ вопросѣ.

Были, очевидно, объективныя причины — не только «интриги Екатеринодара» — которыя задолго до образованія мощной организаціи «вооруженныхъ силъ Юга», привлекали въ орбиту Добровольческой арміи спутниковъ изъ самыхъ отдален-

[1]) Письмо къ ген. Франше д'Эспре 6 ноября 1918 года.

ныхъ краевъ разваленной Россіи. Мы видѣли стремленіе къ объединенію съ нами «Волжской арміи» Чечека и даже «Арміи Учредительнаго Собранія»...[1]) Къ намъ тянулись «Псковская армія», Балтійскіе отряды и Терекъ. Крымъ просилъ о присылкѣ Добровольческихъ войскъ... Подложный приказъ отъ имени главнокомандующаго Добровольческой Арміей о подчиненіи ему украинскихъ войскъ достаточно выяснилъ отношеніе къ намъ русской общественности и офицерства Украины...[2]) Уральское войско сообщало, что «ожидаетъ съ большимъ нетерпѣніемъ» подхода къ Волгѣ Добровольческой Арміи, «имѣя желаніе въ общихъ интересахъ объединиться съ нами»[3]). Оренбургскій атаманъ Дутовъ писалъ мнѣ[4]): «... Наше войско сепаратическихъ стремленій не имѣетъ и борется за всю Россію. На Вашу Армію мы всѣ возлагаемъ большія надежды и полагаемъ, что только Вы и рѣшите окончательно судьбу Россіи. Ваша армія находится на югѣ и имѣетъ все подъ рукой. Въ Вашихъ рукахъ уголь, желѣзо, нефть, лучшіе пути сообщенія, сравнительно короткое разстояніе до Москвы. Кромѣ того, Вы имѣете возможность, владѣя Чернымъ моремъ, получить всевозможныя пополненія и припасы...»

Расходясь, подчасъ серьезно, въ вопросахъ государственнаго устройства, съ большимъ единодушіемъ относилась къ военному верховенству Добровольческой Арміи и организованная русская общественность (кромѣ крайней правой) до Союза Возрожденія включительно. Даже весьма демократическій «Съѣздъ земскихъ и городскихъ самоуправленій Юга»[5]), представленный такими столпами революціонной демократіи, какъ Рудневъ, Гоцъ, Вишнякъ, Гвоздевъ и друг., возлагалъ на Добровольческую Армію «отвѣтственную роль служить на Югѣ Россіи ядромъ для возсозданія россійской народной арміи...»

Только самостійные круги смотрѣли иначе... «Меморандумъ четырехъ государственныхъ образованій»[6]), представленный французскому командованію, отрицалъ самую идею необходимости единства арміи, допуская лишь созданіе «общаго генеральнаго штаба, для руководства всѣми операціями на основѣ соглашенія государственныхъ новообразованій...» «... Защита своего дома, своего очага, своей семьи, своего народа — таковы должны быть лозунги, къ которымъ слѣдуетъ апеллировать для искорененія большевизма...» Составитель «меморандума» Марголинъ разсказываетъ, что «настроеніе у всѣхъ (собравшихся для обсужденія этого «акта») было торжественное»; и единственный военный представитель совѣщанія, внесшій сей новый вкладъ въ военную науку, донской генералъ Черячукинъ «осѣнилъ себя даже крестнымъ знаменіемъ передъ подписаніемъ...»[7]).

Молилъ, должно быть, у Господа прощенія...

Въ этомъ отношеніи соединенное засѣданіе Донской законодательной комиссіи и кубанскихъ делегатовъ выказало бо́льшую широту взглядовъ. Требуя автономности Донской и Кубанской армій, оно считало, однако, необходимымъ «скорѣйшее подчиненіе Донск., Кубанск., Добров., и другихъ армій... въ предѣлахъ Россіи единому командованію» и допускало возможность борьбы съ большевизмомъ, «выходящей за предѣлы охраны Донской и Кубанской области».

Интересно, что такая же борьба за единство командованія, вызванная мотивами другого рода — боязнью бонапартизма, велась и въ совѣтской Россіи между Бронштейномъ, проникшимся идеями «военспецовъ», съ одной стороны, и большинствомъ коммунистической партіи — съ другой. Только послѣ пораженій, понесенныхъ большевиками на Востокѣ и Югѣ лѣтомъ 1918 года, совѣтская власть

---

[1]) Т. III, гл. XII.
[2]) Гл. XXI.
[3]) 16 окт. 18 г. № 200 и письмо отъ янв. 19 года.
[4]) 11 янв. 19 года № 1328.
[5]) Симферополь 30 ноября—8 декабря 18 года. Резолюція.
[6]) «Меморандумъ» Дона, Кубани, Украины и Бѣлоруссіи, подписанный Черячукинымъ, Бычомъ, Марголинымъ, Галипомъ, Бохановичемъ 5-го февраля 19 года въ Одессѣ.
[7]) «Украина и политика Антанты».

создала «Революціонный военный совѣтъ республики»[1]) съ единымъ главнокомандующимъ (Вацетисъ, потомъ Каменевъ) на всѣхъ фронтахъ. Это единство командованія, по словамъ Бронштейна[2]), спасло красную армію, давъ, наконецъ, возможность переброски, сосредоточенія и вообще использованія центральнаго положенія арміи для дѣйствія по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ. «Только послѣ установленія общаго оперативнаго руководства и строгаго исполненія боевыхъ приказовъ, идущаго сверху внизъ, всѣ почувствовали на дѣлѣ... огромное преимущество централизованной арміи надъ партизанствомъ и кустарничествомъ».

* * *

Въ вопросѣ единаго командованія, и притомъ возглавляемаго главнокомандующимъ Добровольческой Арміей, сошлись и союзные представители.

Въ началѣ ноября вернулся изъ Румыніи командированный туда Донскимъ атаманомъ за снабженіемъ ген. баронъ Майдель и представилъ докладъ[3]):

> «... съ 2 по 12 ноября (нов. ст.) я находился въ полномъ контактѣ съ представителями Согласія... Меня уполномочили увѣдомить: а) что Согласіе вѣритъ лояльности Дона, но требуетъ полнаго объединенія командованія всей русской арміи въ лицѣ ген. Деникина; б) ген. Красновъ скомпрометированъ все-таки своей дѣятельностью, письмомъ Вильгельму и рѣчами на Кругѣ... Поэтому, если общественное мнѣніе, ген. Деникинъ и Вы[4]) укажете, что Красновъ, согласившись на полное подчиненіе главнокомандующему, ген. Деникину, можетъ остаться, то пусть остается; а если нѣтъ, желательно, чтобы онъ добровольно ушелъ; в) если объединеніе произойдетъ и Донъ войдетъ въ Русскую армію, то союзники обезпечиваютъ помощь войсками, деньгами, всѣмъ. Мои требовательныя вѣдомости (на снабженіе) вручены румынамъ при вербальной нотѣ пословъ Согласія...»

6 ноября Донской атаманъ, очевидно, встревоженный этими свѣдѣніями, послалъ въ Яссы и Бухарестъ посольство въ составѣ генераловъ Сазонова и Янова и дипломатическаго чиновника Карасева. Посольству вмѣнено было въ обязанность, кромѣ провѣрки доклада Майделя, ознакомить союзниковъ съ положеніемъ Дона, убѣдить ихъ въ непріемлемости подчиненія мнѣ Донской арміи, указать наиболѣе желательныхъ вождей для объединеннаго командованія на Югѣ (генералы Н. І. Ивановъ и Щербачевъ) и просить непосредственной помощи — боевымъ снабженіемъ, деньгами и войсками.

Донское посольство, посѣтивъ ген. Бертело, русскаго посланника Поклевскаго-Козеллъ и ген. Щербачева, выяснило, что вопросъ объ единомъ командованіи рѣшенъ окончательно въ пользу главнокомандующаго Добровольческой Арміей. Генералъ Яновъ — человѣкъ крайне невоздержанный, по природѣ демагогъ, ненавистникъ Добровольческой Арміи — не жалѣлъ красокъ, чтобы очернить Армію и ея командованіе въ глазахъ союзниковъ, доказывалъ невозможность подчиненія ген. Краснова мнѣ и счелъ даже умѣстнымъ «запугивать ихъ (союзниковъ) возможностью соглашенія казаковъ съ большевиками, если будутъ настаивать на подчиненіи Краснова...»[5]).

Русская распря произвела тяжелое впечатлѣніе и въ русскихъ, и въ союзныхъ кругахъ и вызвала отповѣдь ген. Бертело Янову:

«Не хорошо бросать упрекъ въ сторону родственной вамъ арміи. Вы на первыхъ же порахъ затрудняете работу союзниковъ своими раздорами... Донская армія многочисленнѣе Добровольческой? Но если бы у генерала Деникина былъ даже одинъ солдатъ, то и тогда симпатіи наши будутъ все-таки на его

---

[1]) Учрежденъ 2 сентября 18 года. Объединеніе органовъ снабженія произошло значительно позже — декретомъ 9 іюля 19 года.

[2]) Изъ доклада 24 февраля 19 года.

[3]) Выдержки изъ доклада генералу Богаевскому отъ 4 ноября 19 года.

[4]) Т. е. ген. Богаевскій.

[5]) Докладъ К. Карасева отъ 16 августа 19 года.

сторонѣ: онъ былъ однимъ изъ немногихъ генераловъ, который при невѣроятно трудныхъ условіяхъ остался вѣрнымъ идеѣ союза?..»

Въ результатѣ Бертело остался при первоначальномъ рѣшеніи, сообщивъ его письмомъ атаману Краснову, а генералъ Щербачевъ категорически отказался участвовать въ этой сомнительной игрѣ.

Представители Согласія, прибывшіе въ Екатеринодаръ — Пуль, Эрлишъ, Фуке — также единодушно поддерживали идею объединенія русскихъ армій въ лицѣ Добровольческаго командованія. Въ видѣ протеста противъ политики Краснова они отвѣтили отказомъ на его приглашеніе посѣтить Новочеркасскъ... Пышными рѣчами и приказами населеніе и фронтъ были уже оповѣщены широко о союзникахъ, спѣшившихъ на помощь Дону, и отсутствіе представителей ихъ наносило большой уронъ атаманскому престижу. Съ большимъ трудомъ генералу Краснову удалось устроить непосредственнымъ обращеніемъ къ командовавшему союзными морскими силами въ Севастополѣ адмиралу прибытіе двухъ миноносцевъ — англійскаго и французскаго, шедшихъ въ Маріуполь за углемъ — въ Таганрогъ и визитъ затѣмъ ихъ экипажей въ Новочеркасскъ. Съ большой торжественностью были встрѣчены въ Новочеркасскѣ иностранные гости, рѣкою лилось вино и вдохновенныя патріотическія рѣчи; но среди нихъ диссонансомъ для недоброжелателей Добровольческой Арміи прозвучало отвѣтное слово французскаго гостя[1]):

«... Пусть будетъ дозволено солдату Франціи сказать вамъ: всѣ достоинства и доблесть не привели бы къ положительнымъ результатамъ, если бы не существовало самаго тѣснаго единенія между всѣми союзными арміями въ лицѣ славнаго маршала Фоша и такого же единаго командованія на морѣ подъ славнымъ англійскимъ флагомъ... Благородная и великолѣпная армія казаковъ и неустрашимая, героическая Добровольческая армія стануть (также) непобѣдимыми, тѣсно соединившись и образовавъ изъ себя гранитную скалу, страшную для враговъ...»

* * *

Ни въ вопросахъ политики, ни въ вопросахъ войны мы не могли понять, какія, собственно, конкретныя цѣли преслѣдуетъ атаманъ Красновъ. Его перо, его слово были полны такими внутренними противорѣчіями, въ нихъ такъ художественно переплеталась правда съ вымысломъ, что мы становились въ полнѣйшее недоумѣніе.

8 сентября 1918 г. онъ писалъ ген. Алексѣеву:

«Я не думаю о будущемъ Россіи — это не мое дѣло — это рѣшитъ Учредительное Собраніе, Земскій Соборъ, вѣрнѣе Господь Богъ, но я мечтаю объ одномъ — освободить Россію отъ большевиковъ...»

А въ октябрѣ (безъ даты, № 02) онъ писалъ ген. Драгомирову:

«Приближается время мирной конференціи народовъ... И думается мнѣ, что время Добровольческой Арміи, Дону, Украинѣ, Кубани, Грузіи и другимъ свободнымъ отъ большевицкаго террора частямъ Россіи собраться и сговориться... по слѣдующимъ вопросамъ:

1. Что будетъ представлять изъ себя бывшая Россійская Имперія въ политическомъ отношеніи (монархію, республику, федерацію и, если федерацію, то какого типа?)
2. Какія части бывшей Россійской Имперіи войдутъ въ это новое государственное образованіе и какія станутъ внѣ его (Финляндія, Прибалтійскій край, Бѣлоруссія, Польша, Украина, Крымъ, Закавказье?)
3. Кто поможетъ объединиться тѣмъ частямъ Россіи, которыя не заражены самостійностью?.. Помогутъ въ этомъ отношеніи союзники, которые кру-

[1]) Изъ рѣчи капитана Кошена 25 ноября.

гомъ должны намъ за 1914, 1915 и 1916 годы, или центральныя державы, какъ сосѣди?»

Рѣшеніе въ то время вопроса о будущемъ государственномъ устройствѣ Россіи Добровольческимъ командованіемъ, Скоропадскимъ, Красновымъ, Бычомъ и Жордапія представлялось мнѣ несвоевременнымъ и недостаточно компетентнымъ [1]).

«Выдвигать (этотъ вопросъ) на первый планъ теперь же — отвѣчалъ ген. Драгомировъ [2]), — это значило бы вносить раздоръ чрезвычайно остраго характера въ ту минуту, когда для спасенія Родины нужно, прежде всего, единеніе всѣхъ силъ...» «Что же касается «выбора оріентаціи», то «является совершенно невозможнымъ, чтобы въ ту минуту, когда союзники наши со дня на день могутъ прибыть въ Новороссійскъ и пожелаютъ опереться на Добровольческую Армію, послѣдняя стала бы на путь колебанія — на кого опираться».

А еще черезъ 2—3 дня глава Донского правительства, по порученію атамана, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ [3]) созвать совѣщаніе въ Екатеринодарѣ по вопросу объ единомъ представительствѣ на мирной конференеціи, на которой, «конечно, должны быть представители настоящей Россіи, желающіе ея возстановленія въ прежнихъ предѣлахъ и мощи...»

Я отвѣтилъ полнымъ согласіемъ, прибавивъ, что общность нашихъ задачъ властно требуетъ объединенія всего дѣла внѣшнихъ сношеній и полнаго взаимодѣйствія всѣхъ вооруженныхъ силъ путемъ объединенія командованія. «Если..., исходя изъ самаго искренняго желанія найти пути къ полному единству, намъ удастся сговориться по (этимъ) кардинальнымъ вопросамъ, — писалъ я [4]), — то въ недалекомъ будущемъ можно было бы выдвинуть на очередь объединеніе и въ тѣхъ отрасляхъ государственнаго устройства, которыя Донской атаманъ перечислилъ въ своемъ письмѣ отъ 3 сентября № 679» [5]): финансовыхъ, юстиціи, продовольственнаго дѣла и торгово-промышленной политики, путей сообщенія и телеграфа...

8 ноября [6]) ген. Драгомировъ вызвалъ въ Екатеринодаръ представителей Дона на совѣщаніе по слѣдующимъ вопросамъ:

«Первое — единое представительство на предстоящемъ мирномъ конгрессѣ, второе — объединеніе командованія всѣми вооруженными силами Юго-Восточной Россіи въ оперативномъ отношеніи и вмѣстѣ съ этимъ объединеніе всего дѣла военнаго снабженія всѣхъ фронтовъ этого раіона въ рукахъ Главного начальника снабженія Добровольческой Арміи, въ распоряженіе котораго отъ союзниковъ въ ближайшее время поступятъ громадные запасы».

Совѣщаніе подъ предсѣдательствомъ ген. Драгомирова состоялось 13 ноября [7]). Вопросъ о представительствѣ на мирномъ конгрессѣ былъ разрѣшенъ легко, возложеніемъ миссіи персонально на бывш. мин. иностр. дѣлъ Сазонова «съ тѣмъ, чтобы въ составъ техническихъ совѣтниковъ делегаціи вошелъ бы представитель отъ Дона». Прочіе вопросы были донцами сорваны. Ген. Поляковъ отъ имени Донского атамана заявилъ, что «для осуществленія единаго фронта и единаго командованія Донъ можетъ дать гвардейскую стрѣлковую бригаду (не казачью), конную казачью дивизію, 4—6 броневыхъ поѣздовъ, 4 брон. машины

---

[1]) Любопытно, что 18 декабря ген. Красновъ по аналогичному поводу писалъ кубанскому депутату Макаренко: «будущая Россія — федеративное или унитарное государство — праздный вопросъ... Гаданіе о будущемъ явится лишь пустыми разговорами, для чего у меня нѣтъ ни свободныхъ людей, ни времени».

[2]) 13 октября № 149.

[3]) Письмо 12 октября 18 года № 1145.

[4]) Письмо ген. Богаевскому 25 октября 18 года, № 318.

[5]) Письмо ген. Алексѣеву. См. Т. III, гл. XXXIV.

[6]) Телегр. № 517.

[7]) Участники со стороны Д. А.: генералы Драгомировъ, Лукомскій, Сапниковъ, Романовскій, Тихменевъ; Сазоновъ и Нератовъ. Со стороны Дона: ген. Поляковъ, Грековъ и Свѣчинъ.

и... Южную армію»[1]). И то только при условіи движенія Добровольческой Арміи на сѣверъ. Донская же армія оставалась внѣ подчиненія. Такую постановку вопроса ген. Лукомскій назвалъ «съ военной точки зрѣнія безграмотной», а ген. Драгомировъ «пасмѣшкой надъ идеей единаго командованія»[2]). Она находилась, однако, въ полномъ соотвѣтствіи съ тѣми взглядами, которые атаманъ внушалъ войску относительно будущаго характера борьбы: казаки скоро отдохнутъ отъ трудовъ бранныхъ, а ихъ с м ѣ н я т ъ на сѣверѣ «Народная» и Добровольческая арміи... Впушеніе — психологически опасное для стойкости Донского фронта и производившее тягостное впечатлѣніе на Добровольчество, разрушая идею о б щ е й борьбы з а Р о с с і ю.

Замѣчательно, что по возвращеніи въ Новочеркасскъ, ген. Поляковъ по порученію атамана, чтобы сгладить впечатлѣніе отъ совѣщанія, тотчасъ же вызвалъ къ аппарату донского посла въ Екатеринодарѣ ген. Смагина и приказалъ ему передать союзнымъ представителямъ, что атаманъ не отказывается отъ единаго командованія, но ставитъ, между прочимъ, «непремѣннымъ условіемъ, чтобы армія имѣла опредѣленную борьбу противъ большевиковъ (?) и чтобы войско Донское сохранило свою самостоятельность до образованія единой Россіи»[3]). Первое глубоко оскорбило насъ и вызвало горячій письменный протестъ ген. Драгомирова, второе весьма удивляло, такъ какъ вопросъ шелъ только объ арміи, а о «войскѣ» (области) ни на совѣщаніи, ни въ разговорахъ съ союзниками не подымался вовсе.

* * *

Изъ Новочеркасска обильно текли письма, рѣчи, заявленія, въ которыхъ крупица правды была переплетена съ вымысломъ.

Донской фронтъ начиналъ морально колебаться и въ виду закрытія границъ съ Украиной, терпѣлъ крайнюю нужду въ снабженіи...[4]) Ген. Красновъ писалъ горячія посланія союзнымъ представителямъ, прося о помощи, безъ которой считалъ невозможнымъ дальнѣйшее сопротивленіе Дона, и въ то же время заявлялъ горделиво полковнику Кизу: «Передайте ген. Пулю, что я являюсь выборнымъ главою свободнаго пятимилліоннаго народа, который для себя ни въ чемъ не нуждается. Ему не нужны ни ваши пушки, ни ружья, ни амуниція — онъ имѣетъ все свое и онъ убралъ отъ себя большевиковъ. Завтра онъ заключитъ миръ съ большевиками и будетъ жить отлично (!). Но намъ нужно спасти Россію, и вотъ для этого-то намъ нужна помощь союзниковъ...»[5]).

Я требовалъ нормальнаго подчиненія армій, чтобы имѣть возможность дивизіи и корпуса Донской, какъ и Добровольческой армій, перебрасывать на тотъ фронтъ, гдѣ это вызывается стратегической обстановкой... Въ художественномъ переложеніи атамана это требованіе преподносится казачеству въ такомъ видѣ: «..., полное подчиненіе вооруженныхъ силъ Дона, съ полученіемъ конницы казачьей съ фронта и перемѣшиваніемъ казачьихъ частей съ частями добровольческими, иными словами: нарушеніе образа служенія войска толикою славою покрытаго».

Замѣчательно, что въ то же время ген. Красновъ, не боясь перемѣшиванія, настойчиво просилъ о переброскѣ добровольческихъ частей на донской фронтъ, справедливо видя въ этомъ единственное спасеніе Дона.

---

[1]) Разлагающаяся организація.
[2]) Изъ протокола засѣданія.
[3]) Копія ленты разговора Смагина и Полякова.
[4]) 21 октября атаманъ Красновъ писалъ ген. Лукомскому: «у меня (въ арміи) двѣ трети не имѣютъ сносныхъ сапогъ, одна треть совсѣмъ не имѣетъ сапогъ, обута въ лапти, даже офицеры. Не только полушубковъ, не только тѣлогрѣекъ, но даже шинелей далеко не хватаетъ. Патроновъ осталось только 13 милліоновъ. А война идетъ страшно жестокая».
[5]) Со словъ ген. Краснова — «Всевеликое войско Донское», «Архивъ Рус. Рев.», т. V.

«Общерусскія» войска были желательнымъ гостемъ въ противоположность «общерусскимъ учрежденіямъ»... 9 января 1919 г. (№ 092) по поводу размѣщенія въ Ростовѣ отдѣла пропаганды атаманъ Красновъ писалъ генералу Драгомирову: «На землѣ войска Донского не можетъ и не должно помѣщаться ни одно изъ учрежденій общерусскихъ. Это требованіе автономіи Войска...»

«... Старшіе начальники и офицеры — говорилъ онъ ген. Щербачеву и внушалъ безъ сомнѣнія эту мысль арміи — будутъ бояться, что отъ нихъ отнимутъ всѣ высшія командныя должности и замѣнятъ ихъ лицами, угодными Деникину, и не казаками, и это можетъ вызвать упадокъ ихъ энергіи въ рѣшительныя минуты борьбы...»[1]).

Я добивался сосредоточенія всего военнаго снабженія въ однѣхъ рукахъ, для правильнаго распредѣленія снабженія, доставляемаго союзниками, для учета и регулированія потребности фронтовъ въ хлѣбѣ и стратегическихъ желѣзнодорожныхъ линій — въ нефти и углѣ. Это мое требованіе, проявившееся реально въ снабженіи Дона англійскими запасами и въ довольствіи края и арміи кубанскимъ и ставропольскимъ хлѣбомъ, въ стилизованномъ изложеніи атамана формулируется словами: «Снабженіе, находящееся въ распоряженіи войска Донского, хлѣбъ и уголь передаются въ распоряженіе Добровольческой арміи» (?) — «выгоды и угодія (войска), утвержденныя грамотами Императрицы Екатерины Великой, отъ него отходятъ».

Я писалъ Богаевскому о желательности объединенія нѣкоторыхъ отраслей государственнаго управленія, предложеннаго нѣкогда самимъ ген. Красновымъ, — это предложеніе превращалось въ «полное подчиненіе всего войска Донского съ его населеніемъ и арміей генералу Деникину...» Мои помощники, ведшіе непосредственно переписку съ атаманомъ, нервничали и положительно терялись отъ изумительныхъ оборотовъ въ посланіяхъ атамана, извращавшихъ самую элементарную сущность всякихъ вопросовъ.

Атмосфера, между тѣмъ, сгущалась все болѣе и болѣе. Ширился кругъ лицъ, принимавшихъ участіе во взаимной распрѣ военачальниковъ, осложняя своимъ вмѣшательствомъ и безъ того тяжелое положеніе. Печать принимала все болѣе рѣзкій, нервный тонъ. Атаманскій офиціозъ «Часовой» возбуждалъ казачество противъ Добровольческой Арміи... Кубанскіе самостійные органы, сохраняя въ отношеніи ген. Краснова «вооруженный нейтралитетъ», травили меня и Добровольческую Армію... Всѣ екатеринодарскія «россійскія» газеты, не исключая и соціалистическихъ, и кубанскія — «линейныя» травили атамана Краснова... И атаманъ жаловался на нихъ моему представителю въ Новочеркасскѣ, принималъ у себя, на Дону, рядъ драконовскихъ цензурныхъ мѣръ въ отношеніи екатеринодарской прессы и относилъ все это всецѣло къ работѣ своихъ недруговъ — Харламова, Парамонова, Сидорина и другихъ, «подъ крыломъ Добровольческаго командованія ведущихъ кампанію противъ него...» Предсѣдатель Особаго Совѣщанія ген. Драгомировъ, поставленный въ очень щекотливое положеніе въ отношеніи поддерживавшей армію печати, писалъ редакціямъ письма, прося ихъ воздержаться отъ выступленій противъ донского командованія и «использовать (свое) вліяніе для упроченія хорошихъ отношеній съ Дономъ, начало которыхъ уже положено...»[2]) Содѣйствіе союзниковъ принимало иногда недопустимыя формы, ставя меня въ чрезвычайно тягостное положеніе. Такъ, при посредствѣ телеграфнаго агентства, 20 ноября въ газетахъ появилось сообщеніе «изъ достовѣрныхъ источниковъ», что грузъ, привезенный первымъ транспортомъ и предназначенный совмѣстно для Добровольческой и Донской армій, по распоряженію французскаго командованія переданъ только ген. Деникину для Добр. Арміи..., что «Донская армія ничего не получитъ изъ транспортовъ, которые находятся уже въ

[1]) Я долженъ замѣтить, что эти мысли не прививались донскому офицерству и отношеніе его къ Добровольческой Арміи и ко мнѣ оставалось доброжелательнымъ.

[2]) Циркуляръ 14 декабря 18 года, № 1161.

пути или будутъ отправлены въ будущемъ... до тѣхъ поръ, пока Донъ не признаетъ ген. Деникина верховнымъ главнокомандующимъ». Ген. Драгомировъ сдѣлалъ серьезное внушеніе газетамъ, помѣстившимъ это ложное извѣстіе, и произвелъ разслѣдованіе, которое выяснило, что свѣдѣніе было прислано агентству непосредственно изъ... французской военной миссіи...

О ходѣ переговоровъ съ ген. Красновымъ ген. Драгомировъ освѣдомлялъ предсѣдателя Донского круга Харламова и при его посредствѣ законодательную комиссію Круга и донскую общественность. Иногда союзниковъ и прессу. Содержаніе этихъ переговоровъ было таково, что безъ всякаго злого умысла давало агитаціонный матеріалъ противъ ген. Краснова донской и «россійской» оппозиціи. Харламовъ и комиссія въ вопросѣ объ единомъ командованіи были на нашей сторонѣ. Они ставили вопросъ этотъ «внѣ связи съ вопросомъ о помощи извнѣ Донской арміи, руководствуясь, прежде всего, стратегической цѣлесообразностью»[1]). Это единомыслiе, естественно, сближало насъ съ донской оппозиціей, причемъ, во взаимоотношенія ея съ атаманомъ и во внутреннія дѣла, мы, конечно, совершенно не вмѣшивались. Комиссія не разъ пыталась устранить тренія съ Добровольческой Арміей, но совершенно безуспѣшно. Прибывшей къ нему 12 ноября делегаціи комиссіи ген. Красновъ заявилъ категорически, что «признаніе ген. Деникина для него является непріемлемымъ и что Донская армія ни въ чемъ, кромѣ развѣ танковъ, не нуждается».

Лично для меня эта борьба за пріоритетъ Добровольческой Арміи, веденная вокругъ моего имени, была до крайности тягостна. И въ душѣ я готовъ былъ не разъ помириться со всѣми недостатками разъединеннаго фронта, лишь бы окончилось это прискорбное соревнованіе, возбуждавшее общественныя страсти, отзывавшееся на фронтѣ и ронявшее насъ въ глазахъ союзниковъ. Положеніе мое было тѣмъ болѣе труднымъ, что ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ русскихъ общественныхъ группъ, ни одна область, ни одна армія, не исключая даже Донской, не выдвигали ген. Краснова на постъ главнокомандующаго соединенными силами Юга.

А другихъ претендентовъ на главнокомандованіе въ ту пору еще не было.

ГЛАВА IX.

Донъ: трагедія Донского фронта. Объединеніе вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Уходъ атамана Краснова.

Въ началѣ декабря ген. Пуль обратился ко мнѣ со словами:

— Считаете ли вы необходимымъ въ интересахъ дѣла, чтобы мы свалили Краснова.

Я отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Я просилъ бы только повліять на измѣненіе отношеній его къ Добровольческой Арміи.

— Хорошо, тогда будемъ разговаривать.

Черезъ день-два Пуль прислалъ ген. Драгомирову копію своего отвѣта ген. Краснову[2]), на письмо, полученное отъ него 7 декабря:

> «Я долженъ благодарить Васъ за помощь и откровенное выраженіе Вашей точки зрѣнія, хотя къ сожалѣнію я нашелъ, что Ваше мнѣніе несогласно съ моимъ по вопросу о назначеніи генералиссимуса для командованія всѣми русскими арміями, дѣйствующими противъ большевиковъ.
>
> Я также намѣренъ отвѣтить совершенно откровенно.

---

[1]) Изъ стеногр. засѣданія Круга 4 февраля.

[2]) Оставляю безъ измѣненія русскій переводъ письма, полученный изъ англійской миссіи.

Я долженъ указать Вашему Превосходительству, что я полагаю, по вопросу о назначеніи Главнокомандующаго, необходимымъ предварительно ознакомиться съ мнѣніемъ союзниковъ, ибо, какъ я понимаю изъ Вашего письма, только при условіи содѣйствія союзниковъ и полученія отъ нихъ снабженія, Вы считаете, что будете въ состояніи двигаться впередъ или даже только обороняться.

Въ полученныхъ мною инструкціяхъ моего Правительства, мнѣ указано было войти въ сношеніе съ генераломъ Деникинымъ, какъ съ представителемъ, согласно англійскому мнѣнію, Русскихъ армій, дѣйствующихъ противъ большевиковъ. Я сожалѣю поэтому, что для меня является невозможнымъ даже разсмотрѣніе вопроса о признаніи какого-либо иного офицера въ качествѣ такого представителя.

Я вполнѣ сознаю ту великолѣпную работу, которую Ваше Превосходительство такъ искусно выполняли съ Донскими казаками, и я смѣю поздравить Ваше Превосходительство со славными походами.

Я бы желалъ надѣяться, что Ваше Превосходительство проявите себя не только выдающимся воиномъ, но и великимъ патріотомъ.

Если я принужденъ буду возвратиться и донести своему Правительству, что между русскими генералами существуетъ зависть и недовѣріе, это произведетъ очень тяжелое впечатлѣніе и навѣрное уменьшитъ вѣроятность оказанія помощи союзниками. Я бы предпочелъ донести, что Ваше Превосходительство проявили себя столь великимъ патріотомъ, что готовы поступиться собственными желаніями для блага Россіи и согласиться служить подъ начальствомъ генерала Деникина.

Какъ я уже словесно изложилъ князю Тундутову, я былъ бы радъ встрѣтиться съ Вашимъ Превосходительствомъ неофиціально и обсудить все это дѣло, если бы Вы этого пожелали; и я мало сомнѣваюсь въ томъ, что мы могли бы придти къ удовлетворительному рѣшенію.

Въ случаѣ этой встрѣчи меня сопровождалъ бы ген. Драгомировъ — помощникъ Главнокомандующаго Добровольческой Арміей».

Свиданіе состоялось 13 декабря на границѣ двухъ областей, въ Кущевкѣ. Послѣ встрѣчи двухъ поѣздовъ и длительнаго, довольно оригинальнаго вступленія, когда между «суверенным главой пятимилліоннаго народа» и «представителемъ Великобританскаго правительства» шелъ споръ о первомъ визитѣ, состоялся, наконецъ, обмѣнъ мнѣній и намѣчены были общія основанія возможнаго соглашенія:

1. Не объявлять объ этомъ подчиненіи въ приказѣ до той поры, пока, по заявленію Атамана, — мысль о необходимости подчиненія Донской Арміи генералу Деникину не войдетъ въ сознаніе казаковъ.
2. Избѣгать на первыхъ порахъ отдачи категорическихъ приказовъ, касающихся Донскихъ казаковъ, а замѣнять ихъ «указаніями» о желательномъ направленіи операціи, съ предоставленіемъ права Донскому Атаману представлять на немъ свои соображенія.
3. Невмѣшательство высшаго командованія Добровольческой Арміи во внутреннее управленіе Донской Арміи, т. е. въ назначенія командного состава, производства въ чины, призыва казаковъ и т. п.

Эти условія, въ сущности, сводили на нѣтъ единство командованія, но, во всякомъ случаѣ, признавали идею его, сдвигали вопросъ съ мертвой точки и давали основанія для дальнѣйшихъ переговоровъ. Они состоялись на станціи Торговой 26 декабря[1]). Ихъ описалъ впослѣдствіи ген. Красновъ[2]), переплетая правду съ вымысломъ и внеся въ разсказъ обычныя особенности своего стиля: высокую самооцѣнку свою личную и своихъ помощниковъ — мудрыхъ, краснорѣчивыхъ и государственно-мыслящихъ — прямую противоположность противникамъ, которымъ приписываются наивныя по формѣ и содержанію рѣчи, циничные взгляды и побужденія...

Нѣтъ надобности повторять тѣ положенія и доводы, которые сводились съ одной стороны къ опредѣленію нормальныхъ формъ единаго командованія, съ другой — къ полному отрицанію ихъ на томъ главнѣйшемъ основаніи, что каза-

---

[1]) Участники: 1) со стороны Добр. Арм. — я, генералы Драгомировъ, Щербачевъ (пріѣхалъ изъ Румыніи), Романовскій и др.; 2) со стороны Дона — атаманъ Красновъ, ген. Денисовъ, Поляковъ и др.

[2]) «Архивъ Рус. Рев.», т. V. «Всевеликое войско Донское».

Генералъ Май-Маевскій.

чество съ недовѣріемъ относится къ «солдатскимъ» (не казачьимъ) генераламъ и офицерамъ и что «гласное признаніе подчиненія разложитъ Донъ...»

— Отчего же вы мнѣ предлагали постъ главнокомандующаго? — задалъ недоумѣнный вопросъ ген. Щербачевъ...

Собесѣдованіе открыло такую бездну накопившейся ненависти къ намъ со стороны донского командованія, что дальнѣйшія пренія казались безполезными. Дважды я прекращалъ переговоры и дважды атаманъ и ген. Щербачевъ просили меня продолжить ихъ: положеніе Донского фронта становилось трагичнымъ, донская оппозиція росла въ числѣ и въ силѣ, и вѣсть о разрывѣ могла отразиться дѣйствительно печально на судьбѣ фронта и атамана. Меня также заботила немало участь донского фронта и одолѣвало искреннее желаніе прекратить это постыдное единоборство какою угодно цѣною.

Въ силу этихъ побужденій появились на свѣтъ два акта:

1. Мой приказъ (26 декабря 1918 г., № 1):

> «По соглашенію съ атаманами Всевеликаго войска Донского и Кубанского, сего числа я вступилъ въ командованіе всѣми сухопутными и морскими силами, дѣйствующими на Югѣ Россіи».

2. Приказъ Донского атамана, отданный «во избѣжаніе кривотолковъ»:

> «Объявляя этотъ приказъ (мой, № 1) Донскимъ арміямъ, подтверждаю, что по соглашенію моему съ главнокомандующимъ в. с. на Югѣ Россіи, ген.-лейт. Деникинымъ, конституція Войска Донского, Большимъ войсковымъ кругомъ 15 сентября с. г. утвержденная, нарушена не будетъ. Достояніе донскихъ казаковъ, ихъ земли и нѣдра земельныя, условія быта и службы Донскихъ армій затронуты не будутъ. Единое командованіе есть своевременная и необходимая нынѣ мѣра для достиженія полной и быстрой побѣды въ борьбѣ съ большевиками».

Эти акты не опредѣляли совершенно правовыхъ взаимоотношеній между главнымъ командованіемъ и Донской арміей.

Ихъ должна была установить жизнь.

* * *

Пока происходили всѣ эти событія, Добровольческая Армія кровавыми боями приступала къ финальному акту освобожденія Сѣвернаго Кавказа и разгрома большевицкихъ силъ. Какъ только улучшилось положеніе подъ Ставрополемъ, я перебросилъ оттуда 6 декабря 3-ю дивизію ген. Май-Маевскаго съ бронепоѣздами, броневиками и авіаціонными отрядами, въ раіонъ Юзовки для прикрытія каменноугольнаго раіона и обезпеченія лѣваго фланга Донской арміи[1]). Май-Маевскій попалъ въ чревычайно сложную военную и политическую обстановку въ раіонѣ, гдѣ перемѣшались повстанческіе отряды Махно, Зубкова, Иванько и друг., петлюровскіе атаманы, совѣтскія войска группы Кожевникова и, наконецъ, застрявшіе нѣмецкіе эшелоны. Кубанскіе самостійники подымали сильную агитацію противъ «вторженія на территорію Украины»; донской атаманъ настойчиво добивался наступленія отряда на Харьковъ, взятый большевиками 21 декабря, и «занятія сѣверныхъ границъ Украины»; а Май-Маевскій въ теченіе двухъ мѣсяцевъ со своими 2½, потомъ 4½ тысячами штыковъ, съ огромнымъ напряженіемъ и упорствомъ едва отбивался отъ Махно, петлюровцевъ и двухъ дивизій большевиковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ ноября мѣсяца я непрестанно напоминалъ союзникамъ о необходимости скорѣйшаго направленія вооруженныхъ силъ, прежде всего, на Донъ, гдѣ помощь эта имѣла бы колоссальное значеніе для моральнаго подъема уставшаго духомъ казачества. «Цѣлымъ рядомъ телеграммъ я просилъ оказать содѣйствіе союзными войсками на донскомъ фронтѣ... Донскіе казаки въ тече-

[1]) Стратегическая задача — «обезпеченіе линіи Юзовка—Маріуполь, а затѣмъ... распространеніе на Бердянскъ—Синельниково—Нырковъ съ прочнымъ закрѣпленіемъ занятаго района».

ніе года героически сражались и сопротивлялись превосходнымъ силамъ врага, но теперь усталые начинаютъ терять вѣру въ поддержку союзниковъ... Если союзнымъ командованіемъ рѣшено помочь намъ въ борьбѣ съ большевиками, то эту помощь надо дать теперь же, чтобы поддержать духъ казаковъ и сохранить Донскую область...»[1]).

Былъ одинъ моментъ (21 ноября), когда французская миссія сообщила намъ о подходѣ двухъ дивизій къ Новороссійску, и штабъ мой отдавалъ уже спѣшное распоряженіе о подготовкѣ поѣздныхъ составовъ для перевозки головной французской дивизіи на Донъ... Твердой увѣренности, однако, въ ея прибытіи у меня не было. Поэтому, объ ожидаемомъ событіи штабъ никакихъ объявленій не дѣлалъ, а переписка о перевозкѣ велась въ «весьма секретномъ» порядкѣ. Дѣйствительно, десантъ въ Новороссійскѣ не появился, а взамѣнъ того, вскорѣ начали высаживаться небольшія части союзниковъ въ Одессѣ, Севастополѣ и Батумѣ.

На мои телеграммы генералу Франше д'Эспре отвѣтовъ не поступало.

Англичане были положительнѣе и откровеннѣе: на мою телеграфную просьбу въ Батумъ ген. Уоккеру о необходимости оказать «немедленную моральную помощь Дону, которая могла бы выразиться въ присылкѣ на Донской фронтъ (хотя бы) двухъ-трехъ англійскихъ батальоновъ»[2]), ген. Мильнъ выразилъ «крайнее сожалѣніе, что указанія, полученныя (имъ) отъ Великобританскаго правительства, не даютъ (ему) права выслать (мнѣ) войска...»[3]).

А совѣтскія прокламаціи, разбрасываемыя во множествѣ по Донскому фронту, злорадно утверждали, что никакой союзной помощи и не будетъ...

Французская военная миссія, между тѣмъ, продолжала поддерживать иллюзіи. Къ несчастью, во главѣ ея стоялъ нѣкто, капитанъ ген. штаба Фуке — человѣкъ мало соотвѣтствовавшій трудной роли представителя Франціи. И началъ-то онъ свою карьеру на Югѣ какъ-то странно — представленіемъ мнѣ на подпись дифирамба своимъ заслугамъ, для ходатайства передъ Франше д'Эспре о производствѣ его въ слѣдующій чинъ. Окончилъ же — совсѣмъ печально.

30 января я получилъ письмо ген. Краснова[4]), весьма меня поразившее. 27 числа къ нему явился капитанъ Фуке, заявивъ, что онъ дѣйствуетъ по порученію ген. Франше д'Эспре. Фуке сообщилъ, что немедленно же будетъ послана французская дивизія изъ Севастополя на помощь Дону въ раіонъ Луганска, если атаманъ подпишетъ два «соглашенія». Первое изъ нихъ, заключавшееся отъ имени французскаго правительства, гласило:

1. Событія, происшедшія въ раіонѣ Донецкаго бассейна, позволили совѣтскимъ войскамъ его занять и совершенно дезорганизовать и разрушить промышленную жизнь. Эти событія были вызваны недостаткомъ средствъ защиты и охраны, такъ какъ Донскія войска, которыя были бы необходимы, охваченныя большевицкой пропагандой, измѣнили, или не выполнили всего того, что при иныхъ обстоятельствахъ они могли бы сдѣлать.
2. Донское Правительство признавая, что, не будучи въ состояніи обезпечить охрану и защиту заводовъ, рудниковъ и другихъ промышленныхъ учрежденій, считаетъ обязательнымъ справедливое удовлетвореніе какъ за погибшія человѣческія жизни, такъ и — для полнаго возмѣщенія причиненныхъ убытковъ — возстановленіе, вознагражденіе за бездѣйствующія предпріятія и т. д.
3. Атаманъ Красновъ и Донскія власти, выше перечисленныя, настоящимъ принимаютъ на себя, какъ выборные и признанные представители настоящаго Донского Правительства, а также какъ представители одной изъ будущихъ частей Великой Россіи, — обязательство удовлетворить лицъ и общества французскихъ и союзныхъ подданныхъ Донецкаго бассейна, какъ на территоріи въ предѣлахъ Донского войска, такъ и сосѣднихъ раіоновъ, куда могли распространиться волненія, вслѣдствіе матеріаль-

[1]) Изъ телеграммы моей генералу Франше д'Эспре.
[2]) Телегр. 13 января 19 года, № 0735.
[3]) Телеграмма отъ 24 января 19 года.
[4]) Отъ 29 января, № 0109.

ныхъ затрудненій Дона. Право взысканія убытковъ съ Украинскихъ и другихъ властей предоставляется Войску Донскому.

. . . . . .

5. Возмѣщеніе убытковъ также, какъ и 5% доходовъ (проторей) со дня прекращенія работы вслѣдствіе событій, будутъ уплачены потерпѣвшимъ въ 10 сроковъ, считая со дня рѣшенія комиссіи. Способъ и правила уплаты будутъ совершенно тѣ же, какъ принятые для оплаты купоновъ русской 5% ренты 1906 года.

Другое соглашеніе, заключаемое отъ имени французскаго главнокомандующаго, ген. Франше д'Эспре состояло въ слѣдующемъ:

1. Соглашеніе, подписанное 26 декабря между генераломъ Деникинымъ, главнокомандующимъ арміями Юга Россіи и генераломъ Красновымъ, Донскимъ Атаманомъ и Всевеликой Донской Арміей, съ сегодняшняго дня будетъ имѣть полное примѣненіе.
2. Генералъ Красновъ, Донской Атаманъ, заявляетъ о признаніи полной власти ген. Деникина, а какъ высшаго командованія и власти по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго порядка, обусловленнымъ обстоятельствами — генерала Франше д'Эспре, командующаго Арміями союзниковъ, всѣ инструкціи котораго будутъ исполнены немедленно по передачѣ ихъ французской миссіей.

«Вы знаете, В. Б-ство — писалъ мнѣ ген. Красновъ — въ какомъ критическомъ, почти безвыходномъ положеніи находится Донское войско. Но при всемъ этомъ я не считаю возможнымъ взять на себя подписать такіе документы. Я прошу Вашихъ, какъ главнокомандующаго, указаній. Можете Вы помочь Донскому войску — сейчасъ послать двѣ или три дивизіи въ раіонъ Звѣрево, Морозовская, Царицынъ для выпрямленія фронта».

Я отвѣтилъ въ тотъ же день телеграммой[1]):

Письмо Ваше 109 получилъ. Вполнѣ раздѣляю Ваше негодованіе по поводу предложенія капитана Фуке и одобряю Вашъ отказъ подписать соглашеніе. Со своей стороны заявляю слѣдующее: 1) Какія бы ни бывали между нами несогласія и различіе во взглядахъ, я никогда не позволялъ себѣ какого-либо дѣйствія, направленнаго во вредъ интересамъ Донского казачества и которое могло бы затруднить героическую борьбу казаковъ противъ нашего общаго врага. Еще до нашего соглашенія объ единомъ командованіи, я настойчиво требовалъ отъ союзниковъ помощи живой силой и всегда совершенно опредѣленно указывалъ, что таковая должна быть дана прежде всего Дону, выдерживающему главный напоръ большевиковъ. 2) Поэтому, предложеніе капитана Фуке оказать Вамъ помощь только при условіи подписанія особаго соглашенія сдѣлано не только безъ моего вѣдома, но я считаю верхомъ цинизма подобное ультимативное требованіе въ ту тяжелую минуту, которую переживаетъ доблестное Донское казачество. Считаю также верхомъ безтактности предъявленіе капитаномъ Фуке подобнаго требованія Вамъ безъ предварительнаго испрошенія на то моего согласія. 3) При всѣхъ требованіяхъ помощи союзными войсками я всегда совершенно опредѣленно и настойчиво подчеркивалъ, что таковая ни подъ какимъ видомъ не должна носить характера оккупаціи, что никакое устраненіе или даже ограниченіе власти военной и гражданской не будетъ допущено. Между тѣмъ предложенное Вамъ соглашеніе предусматриваетъ подчиненіе ген. Франше д'Эспре по вопросамъ военнымъ, политическимъ и общаго порядка. На подобное подчиненіе я самъ никогда не пойду и не допущу, чтобы таковое было бы признано какою-либо изъ подчиненныхъ общему командованію частей. 4) Равнымъ образомъ никогда не допущу никакого вмѣшательства въ наши внутреннія дѣла и считаю, что вопросы общаго порядка, равно какъ и политическаго, должны рѣшаться только нами русскими по нашему усмотрѣнію, какъ мы ихъ понимаемъ, и никакія чужеземныя власти не смѣютъ даже претендовать на какое-либо руководство въ этомъ направленіи. 5) На Вашъ вопросъ отвѣчаю: Донской атаманъ не можетъ подписывать подобныхъ соглашеній, и Добровольческая Армія всецѣло станетъ на защиту достоинства и чести Донскихъ казаковъ, если бы то потребовалось, какъ послѣдствіе отказа дать подпись подъ такими позорными для русскаго имени документами. 6) Мною принимаются всѣ мѣры переброски частей Кавказской Добровольческой Арміи на помощь Донскимъ Арміямъ и послѣднимъ въ скоромъ времени будетъ оказана всяческая поддержка, которая, не

[1]) 30 января, № 157.

сомнѣваюсь, скоро поможетъ остановить продвиженіе красныхъ и съ Божьей помощью и вѣрой въ наше правое дѣло позволитъ обратить временный успѣхъ противника въ полное его пораженіе».

Вмѣстѣ съ тѣмъ я сообщилъ ген. Франше д'Эспре[1]) о дѣйствіяхъ капитана Фуке, выразилъ свою увѣренность, что «эти не соотвѣтствующіе достоинству русскаго имени документы... не были присланы французскимъ командованіемъ, а явились результатомъ неправильнаго пониманія капитаномъ Фуке всей отвѣтственности сдѣланнаго имъ по личной иниціативѣ выступленія»...

Фуке былъ отозванъ, но на вопросъ мой отвѣта не послѣдовало.

* * *

Донская армія откатывалась, и депутаты сѣверныхъ округовъ, собиравшіеся на Кругъ, который долженъ былъ открыться 1 февраля, приносили тяжелыя вѣсти о томъ полномъ развалѣ, который охватилъ сѣверный фронтъ. Росли растерянность, упадокъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недовольство властью и особенно командованіемъ.

Генералъ Красновъ въ рядѣ писемъ сообщалъ объ отчаянномъ положеніи Дона и просилъ помощи.

Еще до открытія Круга, по постановленію частнаго засѣданія его прибыла ко мнѣ въ Екатеринодаръ депутація членовъ Круга во главѣ съ ген. Поповымъ узнать, правда ли, что благодаря нежеланію Донского атамана подчиниться фактически единому командованію, Дону не будетъ оказана помощь. Я отвѣтилъ:

— Это вздоръ. Наши личныя отношенія ни въ малѣйшей степени не могутъ повліять на отношеніе къ Дону. Снабженіе, которое мнѣ дадутъ союзники, будетъ посылаться и Дону; всѣ иноземныя силы, которыя пришлютъ мнѣ, будутъ отправлены исключительно на Донъ. Все, что можно будетъ извлечь съ Кавказскаго театра, я перебрасываю на помощь Дону...

Не закончить операціи на сѣверномъ Кавказѣ — значило бы свести на нѣтъ всѣ огромныя наши усилія, допустить вновь залить многострадальную Кубань красной гвардіей, лишить себя и Донъ открытаго во внѣшній міръ окна (Черное море, Новороссійскъ) и поставить самую Донскую область подъ угрозу окруженія.

Только къ январю 1919 г. обозначился рѣшительный переломъ операціи въ нашу пользу. И въ январѣ была переброшена на усиленіе Май Маевскаго еще одна Добровольческая дивизія (1-я), жестоко пострадавшая въ бояхъ подъ Ставрополемъ и не имѣвшая отдыха. 23 января мы взяли Грозный, 29 — Владикавказъ, а уже 2 февраля ген. Поповъ телеграфировалъ Кругу, что кубанскія дивизіи для переброски на Донъ готовы, но мало подвижного состава, застрявшаго послѣ перевозки Добровольцевъ на Донъ, и необходимо... избрать членовъ Круга для сопровожденія поѣздовъ...

Ибо тотъ пріемъ, который практиковался Донскимъ атаманомъ для «успокоенія умовъ казаковъ» — объявленіе въ приказахъ и рѣчахъ о необходимости «заняться строительствомъ своей разоренной родины» и о невыводѣ ихъ поэтому за предѣлы Дона, вызвалъ подражаніе на Кубани: кубанцы также не хотѣли удаляться «отъ родныхъ хатъ» и не понимали, почему донцы могутъ не оставлять свои предѣлы, а они должны «бросать Кубань».

Поэтому, кромѣ непосредственнаго воздѣйствія на кубанцевъ, мнѣ пришлось просить Донской кругъ выслать на Кавказъ своихъ делегатовъ — уговаривать кубанскихъ казаковъ, во что бы то ни стало желавшихъ побывать въ своихъ станицахъ, ѣхать на помощь старшему брату.

Въ связи съ предстоящимъ открытіемъ Донского круга, часть екатеринодарской прессы вновь ополчилась въ чрезвычайно рѣзкомъ тонѣ противъ ген. Краснова. Я приказалъ закрыть газету «Истина», и въ офиціальномъ сообщеніи шта-

---

[1]) Телеграмма 3 февраля, № 188.

ба [1]) это распоряженіе мотивировано было недопустимостью «подрывать довѣріе къ атаману, подъ руководствомъ котораго доблестная Донская армія прилагаетъ величайшія усилія къ спасенію своей области». Надо было окончательно разсѣять недоразумѣнія, поддержать донцовъ морально и завѣрить ихъ въ помощи. И я рѣшилъ поѣхать на Кругъ, о чемъ увѣдомилъ атамана.

Атаманъ, чувствуя неблагопріятное для себя настроеніе съѣзжавшихся членовъ Круга, 20 января запрашивалъ меня, не считаю ли я «своевременнымъ, чтобы въ февральскую сессію онъ просилъ Кругъ освободить его отъ должности атамана». Я отвѣтилъ, что вмѣшиваться въ его отношенія съ Кругомъ не буду.

Генералъ Красновъ считалъ, что я въ союзѣ съ ген. Богаевскимъ и Харламовымъ готовлю его сверженіе и не вѣрилъ въ искренность моего «невмѣшательства» [2]). Письма этихъ лицъ ко мнѣ, относящіяся къ концу января, должны значительно ослабить возводимое обвиненіе... «Страшная усталость — писалъ мнѣ Богаевскій [3]) — паденіе духа, измѣна — все соединилось противъ насъ... Надежды на союзниковъ нѣтъ... Вѣрьте тому, что пишетъ Вамъ атаманъ. Я не завидую его положенію: онъ готовъ пасть духомъ подъ ударами судьбы... Блестящіе успѣхи Добровольческой Арміи даютъ всѣмъ надежду на быструю помощь. Вашъ пріѣздъ всѣхъ радуетъ»... То же писалъ и Харламовъ [4]): «Съ чувствомъ большой радости я услыхалъ о Вашемъ желаніи посѣтить Донъ и быть на Войсковомъ кругѣ... Узналъ объ этомъ отъ атамана Краснова... Проникавшія на фронтъ свѣдѣнія о треніяхъ по вопросу объ единомъ командованіи вселили въ казаковъ тревогу, что Вы изъ за этихъ треній не даете помощи и что наше командованіе не сдѣлало всего, чтобы устранить эти трепія... Сейчасъ Вашъ пріѣздъ психологически необходимъ».

* * *

Къ февралю мѣсяцу на сѣверѣ Донской фронтъ представлялъ изъ себя неопредѣленную прерывчатую линію, шедшую отъ Луганска черезъ Миллерово въ общемъ направленіи на Царицынъ. Еще въ серединѣ января насчитывавшая до 40 тыс. Донская армія таяла съ каждымъ днемъ. У Луганска отбивалъ успѣшно наступленіе противника ген. Коноваловъ съ 1½ дивизіями «молодой Донской арміи»... У Миллерово медленно отходилъ вдоль ж. д. на югъ восьми, десяти тысячный отрядъ ген. Фицхелаурова... Далѣе на разстояніи 100—150 в. фронта не было, и только гдѣ-то, у п. Петровскаго, храбрый ген. Гусельщиковъ, затерянный съ тысячнымъ отрядомъ среди мятущихся или переходившихъ на сторону врага станицъ, атаковалъ еще и билъ большевиковъ, бралъ плѣнныхъ и оружіе... За Чиромъ поспѣшно отходили на юго-западъ растявшіе отряды Саватѣева, Сутулова, Старикова и къ февралю приблизились на полъ перехода къ ж. д. линіи Лихая-Царицынъ, поставивъ тѣмъ подъ угрозу коммуникаціонную линію ген. Мамонтова, который все еще дрался подъ самымъ Царицынымъ.

Въ такое тревожное время собрался 1 февраля Войсковой кругъ.

Донской атаманъ въ длинной волнующей рѣчи нарисовалъ исторію 10 мѣсячной борьбы Дона, его героическихъ подвиговъ и паденія. Очертилъ безъ утайки тяжелое, но не безвыходное положеніе фронта, и призывалъ Донцовъ бросить колебанія и робость и воспрянуть духомъ. Помощь близка. «Мы живемъ въ сказкѣ великой... Царевна съ нами, господа. Русская красавица. Это Добровольческая Армія. Покончивъ покореніе Кавказа, освободивши Терское войско, помогши кубанцамъ, она пришла къ павшему духомъ Донскому богатырю и вспрыснула его живой водой... А лѣвѣе, уступомъ медленно и грозно поднимается французская армія ген. Бертело. Она заняла Раздѣльную и идетъ дальше на сѣверъ отъ Одес-

[1]) 28 января.
[2]) «Всевеликое войско Донское», «Архивъ Рус. Рев.», т. V.
[3]) Отъ 26 января 19 года.
[4]) Отъ 26 января 19 года.

сы... Великая борьба за Россію вступила въ новый и послѣдній періодъ. Единое командованіе осуществлено. И вашими болями, вашими неудачами болѣетъ вся Россія и спѣшитъ вамъ на помощь»...

Кругъ отнесся отзывчиво къ рѣчи атамана, но въ тотъ-же день въ вечернемъ засѣданіи встрѣтилъ враждебно докладъ командующаго арміей, ген. Денисова. Въ засѣданіи 2 февраля всѣ округа выразили единодушно недовѣріе ему и начальнику штаба арміи ген. Полякову. Три округа[1]) предоставляли рѣшеніе вопроса объ ихъ замѣнѣ главнокомандующему В. с. Ю. Россіи. Атаманъ Красновъ заявилъ[2]): «недовѣріе, выраженное ген-амъ Денисову и Полякову, принимаю на себя, какъ верховный вождь Донской Арміи. Да, я знаю — горе побѣжденнымъ! Мы побѣждены болѣзнью, которая разъѣла нашу армію... Вы теперь отрубаете у меня сразу и правую, и лѣвую руку... Я прошу... выбрать мнѣ замѣстителя». Послѣ баллотировки отставка атамана была принята и по донской конституціи временная власть перешла къ предсѣдателю правительства, ген. Богаевскому.

Если въ вотумѣ Круга въ отношеніи ген. Краснова можно было видѣть прежде всего осужденіе его общей политики, то враждебность, проявленная всѣмъ Кругомъ чрезвычайно остро и ярко къ Денисову, была основана въ значительной мѣрѣ на личныхъ его качествахъ: этотъ человѣкъ обладалъ исключительной злобностью и самомнѣніемъ, вооружавшимъ противъ него людей. Даже нѣсколько лѣтъ спустя, послѣ жестокихъ уроковъ, заставляющихъ, казалось бы, осторожнѣе относиться къ прошлому, онъ остался неизмѣннымъ и въ такихъ словахъ свидѣтельствуетъ передъ лицомъ исторіи о самомъ себѣ въ третьемъ лицѣ: «подъ его командованіемъ Донская армія не видала пораженій, а военное управленіе не вѣдало разрухи...» И противополагаетъ «правленію донской власти, воцарившейся со 2-го февраля 1919 г.» — «выдающійся по мудрости, красотѣ и дѣятельности періодъ ихъ предшественниковъ»[3])...

Рано утромъ 3 февраля мой поѣздъ подходилъ къ Кущевкѣ. Здѣсь на границѣ Донской области встрѣтилъ меня бывшій атаманъ, ген. Красновъ, предупредившій лидеровъ донской оппозиціи, также желавшихъ побесѣдовать со мной до выступленія моего на Кругѣ... Въ третій разъ за время борьбы на Югѣ я встрѣчался съ человѣкомъ, съ которымъ судьба такъ рѣзко столкнула меня на широкой, казалось, русской дорогѣ. Передо мной былъ уже не гордый своими и Донского казачества заслугами атаманъ, а человѣкъ, жестоко придавленный судьбой за свои и чужія вины. Человѣкъ несомнѣнно одаренный, но не владѣвшій своимъ словомъ и чувствами, создавшій себѣ повсюду противниковъ и враговъ и неразсчетливо расточавшій свои силы на борьбу съ ними. И никакой горечи противъ него въ душѣ моей тогда не было. Я выразилъ Краснову сожалѣніе объ его уходѣ. Онъ отвѣтилъ: «Кругъ подчинится всякому вашему слову»...

Послѣ привѣтствій по моему адресу Круга, я сказалъ:

> Господа члены Войскового круга, я такъ взволнованъ вашимъ пріемомъ, такъ овѣянъ вашей лаской, что врядъ ли сумѣю сказать все, что хотѣлъ сказать, и такъ сказать, какъ хотѣлъ...
>
> Съ чувствомъ душевнаго волненія, послѣ года отсутствія, я вновь пріѣхалъ въ Новочеркасскъ. Въ тотъ городъ, гдѣ съ огромнымъ трудомъ, окруженные слѣпою стѣной злобы, предательства и непониманія, три великихъ русскихъ патріота — Калединъ, Корниловъ и Алексѣевъ начали строить заново русскую государственность.
>
> Я пріѣхалъ исполнить свой долгъ: поклониться праху мертвыхъ и привѣтствовать живыхъ, чьими трудами и подвигами держится Донская земля. Я пріѣхалъ привѣтствовать Войсковой кругъ, олицетворяющій разумъ, совѣсть и волю Всевеликаго войска Донского.
>
> Перенеся вмѣстѣ съ Добровольческой Арміей черезъ ея крестный путь неугасшую и непоколебленную вѣру въ великое будущее единой и недѣлимой Россіи, я не отдѣляю отъ блага и пользы Россіи интересовъ Дона. Я знаю, что

[1]) Черкасскій, Таганрогскій и Ростовскій.
[2]) Изъ отчета о засѣданіи.
[3]) Ген. Денисовъ. «Записки».

силы, благоденствіе и процвѣтаніе Донского войска служатъ залогомъ спасенія Россіи.

Вотъ почему годъ тому назадъ, защищая подступы къ Таганрогу и Ростову, я болѣлъ душой, видя полное наше одиночество. Въ февралѣ я съ тяжелымъ чувствомъ покидалъ Донскую землю; въ апрѣлѣ я съ великой радостью узналъ, что Донъ очнулся отъ навожденія и всталъ на защиту поруганной свободы своей. Лѣтомъ соединенными силами Добровольцевъ, кубанцевъ и донцовъ боролся въ Задоньѣ. И въ героической борьбѣ Дона, вмѣстѣ съ Добровольческой и Кубанской арміями, радовался вашимъ успѣхамъ и скорбѣлъ при вашихъ неудачахъ.

То, что сдѣлано Дономъ въ безпримѣрной борьбѣ его съ разрушителями Родины, никогда ею не будетъ забыто.

Теперь опять стряслась бѣда надъ Дономъ. Неужели же вся огромная созидательная работа цѣлаго года должна пропасть даромъ? Нѣтъ. Донское свободолюбивое войско не можетъ пойти въ кабалу къ грязному, безумному, проклятому большевизму. А тѣ, кто предалъ Донъ, забывъ честь и совѣсть, пусть знаютъ, что «отдыхать» имъ не придется. Если «новоявленные друзья» - красноармейцы не пошлютъ ихъ на востокъ проливать братскую кровь сибирскихъ, оренбургскихъ и уральскихъ казаковъ, то здѣсь они встрѣтятся въ смертномъ безпощадномъ бою съ нами.

Въ помощь Дону я развернулъ уже самый крѣпкій корпусъ Добровольцевъ и посылаю все, что можно оттянуть съ Кавказскаго фронта и что могутъ перевезти растроенныя нѣсколько желѣзныя дороги.

Доблестные кубанскіе казаки, которымъ посчастливилось освободить уже всю землю и которые, самоотверженно сражаясь въ Терско - Дагестанскомъ краѣ, докончили его освобожденіе, поспѣшатъ на помощь Дону — я въ этомъ глубоко увѣренъ. Идутъ и Терцы. Союзники пока не пришли къ намъ. Трудно сказать, какія техническія и политическія условія тормозятъ прибытіе союзныхъ войскъ, но, очевидно, имѣются на это свои причины. Во всякомъ случаѣ, живая сила, которую пошлютъ они мнѣ въ помощь, будетъ направлена на Донской фронтъ.

Въ конечной побѣдѣ не сомнѣваюсь, ибо дѣло наше правое.

Я знаю, что Донъ можетъ колебаться, что отъ перенесенныхъ лишеній, невзгодъ, тяжкихъ потерь у малодушныхъ упало сердце. Положеніе грозное — нѣтъ сомнѣнія. И не потому, что врагъ силенъ, а отъ усталости, унынія и, можетъ быть, предательства нѣкоторыхъ станицъ и Донскихъ частей. Но вѣдь было еще хуже. Вѣдь годъ тому назадъ весь Донъ заполненъ былъ большевиками, которые нагло издѣвались надъ всѣмъ укладомъ казачьей жизни, надъ вашими вольностями, которые завладѣли казачьимъ добромъ, убивали лучшихъ людей вашихъ.

Однако, Донъ всталъ. Всталъ во весь ростъ. Также будетъ и теперь.

Не могутъ же донцы допустить, чтобы наглые пришельцы - красноармейцы сѣли на ихъ землю, лишили ихъ свободы, обобрали ихъ до нитки и посылали въ братоубійственный бой противъ своихъ же казаковъ, какъ это дѣлаютъ уже въ сѣверныхъ округахъ.

Я вѣрю въ здоровый разумъ, русское сердце и любовь къ Родинѣ донского казака.

Вѣрю, что ваша внутренняя распря, въ которой я не могу и не хочу быть судьей, не отразится въ борьбѣ съ врагами Дона и Россіи, на общей дружной работѣ.

И Донъ будетъ спасенъ.

Но на этомъ путь нашъ не кончится. Путь тяжкій, но славный. Настанетъ день, когда, устроивъ родной край, обезпечивъ его въ полной мѣрѣ вооруженной силой и всѣмъ необходимымъ, казаки и горцы вмѣстѣ съ Добровольцами пойдутъ на сѣверъ — спасать Россію отъ распада и гибели. Ибо не можетъ быть ни счастья, ни мира, ни сколько - нибудь сноснаго человѣческаго существованія на Дону и на Кавказѣ, если рядомъ съ ними будутъ гибнуть прочія русскія земли. Пойдемъ мы туда не для того, чтобы вернуться къ старымъ порядкамъ, не для защиты сословныхъ и классовыхъ интересовъ, а чтобы создать новую, свѣтлую жизнь всѣмъ: и правымъ, и лѣвымъ, и казаку, и крестьянину, и рабочему...

Много терній на этомъ пути. Но при добромъ желаніи, при общемъ и искреннемъ стремленіи всѣхъ новыхъ образованій къ государственному объединенію онъ приведетъ насъ къ желанной цѣли — къ счастью Родины.

И я отъ души желаю силъ, мужества и удачи Кругу, Атаману и Правительству въ ихъ непомѣрно тяжкой, но благодарной работѣ. Въ тѣсномъ единеніи съ Добровольческой Арміей, съ кубанцами, терцами и горцами Сѣвернаго Кавказа, опираясь на всѣ государственно мыслящіе круги, донская власть приме-

ритъ интересы разнороднаго населенія, внесетъ начала справедливости и внутренняго мира, дастъ побѣду надъ врагомъ и счастье родной области. Въ этомъ — залогъ нашего общаго благополучія, въ этомъ — важный этапъ въ строительствѣ Великодержавной Россіи, которой мы безъ сомнѣній, безъ колебаній, отдадимъ всѣ свои желанія, всѣ помыслы, и даже жизнь.

Рѣчь отвѣчала тому, чего хотѣлъ Кругъ, и по свидѣтельству офиціальнаго отчета [1]) «влила бодрость въ удрученныя сомнѣніями души членовъ Круга, дала имъ увѣренность, что Донъ не будетъ одинокъ въ борьбѣ»...

Но того слова, котораго хотѣлъ услышать ген. Красновъ, я по совѣсти сказать не могъ.

— «Въ вашей внутренней распрѣ я не могу и не хочу быть судьей»...

Вотъ все, что я считалъ себя вправѣ сказать атаману и Кругу наканунѣ атаманскихъ выборовъ, рѣшившихъ судьбу ген. Краснова... «Невмѣшательство» мое пошло нѣсколько далѣе: я не считалъ возможнымъ въ эти тяжелые для Дона дни предъявлять Кругу требованія, которыя обезпечивали бы реальное содержаніе «договору» въ Торговой и реальную власть главнокомандующему — требованія, которыя были бы выполнены несомнѣнно.

Кавказская добровольческая армія, овѣянная столькими побѣдами, была уже свободна, и эшелонъ за эшелономъ текли на сѣверъ безъ всякихъ кондицій, просто — для спасенія Дона и обще-русскаго противобольшевицкаго фронта.

* * *

Ввиду ухода Денисова и Полякова, Донское правительство въ выборѣ командующаго остановилось на ген. Абрамовѣ и въ качествѣ начальника штаба арміи — на ген. Райскомъ. Я согласился на эти назначенія, уѣхалъ на фронтъ, а черезъ три дня телеграфъ принесъ извѣстіе объ избраніи атаманомъ ген. А. П. Богаевскаго и одновременно—ходатайство новаго атамана о назначеніи командующимъ арміей ген. Сидорина и начальникомъ штаба — ген. Кельчевскаго. Перваго — очевидно по соображеніямъ политическимъ [2]), второго по военнымъ. Такъ какъ военныя познанія и опытъ Кельчевскаго компенсировали отсутствіе командnаго стажа у Сидорина, я согласился и на эти назначенія.

Обращеніе ко мнѣ по этому вопросу новаго атамана было большимъ шагомъ впередъ, ибо «договоръ» въ Торговой не предусматривалъ даже такого «вмѣшательства» моего въ управленіе автономной Донской арміей.

Новая Донская власть вступала въ исполненіе своихъ обязанностей въ моментъ исключительно тяжелый. Кромѣ возстановленія разложившагося фронта, ей предстояла задача умиротворенія сильно замутившейся внутренней жизни Дона.

ГЛАВА X.

Добровольческая Армія и флотъ. Силы, организація и снабженіе.

Добровольческая армія къ началу 1919 года имѣла въ своемъ составѣ: 5 дивизій пѣхоты [3]), 4 пластунскихъ бригады, 6 конныхъ дивизій, 2 отд. кон. бригады, армейскую группу артиллеріи, запасныя, техническія части и гарнизоны городовъ. Численность арміи простиралась до 40 тыс. штыковъ и сабель, при 193 оруд., 621 пулем., 8 брон. автомоб., 7 бронепоѣзд. и 29 самолетахъ.

---

[1]) «Краткое сообщеніе о засѣданіяхъ 1—8 февраля 1919 года».
[2]) Видный членъ оппозиціи.
[3]) Изъ нихъ двѣ въ періодѣ формированія.

Командующій Донской арміей
ген. Сидоринъ.

Нач. шт. Донской арміи
ген. Кельчевскій.

Кап. Фукэ, Полк. Шапронъ,
Ген. Деникинъ, Ген. Лукомскій, Ген. Драгомировъ, Ген. Романовскій.

Въ кабинетѣ начальника штаба вооруж. силъ Юга Россіи.

Ген.-кварт. Плющевскій-Плющикъ. | Начальникъ штаба ген. Романовскій. | Штабъ-оф. для поруч. полковн. Колтышевъ.

Главная масса войскъ сведена была въ пять корпусовъ: I, II и III армейскіе, Крымско-азовскій и I конный [1]) (генералы Казановичъ, Май-Маевскій, Ляховъ, Боровскій и баронъ Врангель), позднѣе въ февралѣ былъ сформированъ и II куб. корпусъ ген. Улагая. Въ составъ I-го и II корпусовъ въ февралѣ вошли переданныя донскимъ атаманомъ части бывшихъ Астраханской и Южной армій, на которыя возлагалось столько надеждъ нѣмцефильскими кругами и которыя были тогда уже, къ сожалѣнію, въ стадіи полнаго развала.

Въ началѣ декабря 1918 года Добровольческая дѣйствующая армія располагалась въ четырехъ главныхъ группахъ [2]):

1. Кавказская группа (I, III, I кон. позднѣе II кон. корпуса, съ приданными частями), силами въ 25 000 и 75 орудій, располагалась между Манычемъ и Кавказскими предгорьями у Минеральныхъ водъ. Она имѣла общей задачей — окончательное освобожденіе Сѣвернаго Кавказа до Кавказскаго хребта, овладѣніе зап. берегомъ Каспійскаго моря и низовьевъ Волги, что давало возможность войти въ связь съ англичанами у Энзели и съ уральцами у Гурьева и отрѣзать совѣтскую Россію отъ бакинской и грозненской нефти.
2. Донецкій отрядъ (ген. Май-Маевскаго), силою въ 2½—3½ тыс. и 13 оруд., въ раіонѣ Юзовки прикрывалъ Донецкій каменноугольный раіонъ и Ростовское направленіе.
3. Крымскій отрядъ ген. Барона Боде (потомъ Боровскаго), первоначально только 1½—2 тыс. и 5—10 оруд., прикрывалъ Перекопъ и Крымъ, базы и стоянки Черноморскаго флота; онъ долженъ былъ служить кадромъ для формированія на мѣстѣ — Крымскаго корпуса.
4. Туапсинскій отрядъ ген. Черепова (2-я дивиз. съ приданными частями), силою въ 3000 и 4 оруд., имѣлъ задачей прикрывать нашу главную базу — Новороссійскъ со стороны Грузіи.

Такимъ образомъ, всѣхъ дѣйствующихъ силъ мы имѣли 32—34 тыс. и около 100 орудій, изъ которыхъ на главномъ театрѣ сосредоточено было 76%.

Противъ насъ противникъ располагалъ слѣдующими силами:

1. На Сѣверо-Кавказскомъ театрѣ — XI и XII (формирующаяся) совѣтскія арміи, насчитывавшія до 72 тыс. и около 100 оруд.
2. На Ростовскомъ и Крымскомъ направленіяхъ въ теченіе декабря дѣйствовали объединенныя шайки «батьки» Махно силою въ 5—6 тыс. и въ низовьяхъ Днѣпра 2—3 тыс. передавшагося на сторону совѣтовъ петлюровскаго атамана Григорьева. Кромѣ того, вся сѣверная Таврія была наводнена неорганизованными, «аполитичными» шайками, занимавшимися грабежомъ и разбоями. Только съ конца декабря, послѣ овладѣнія Харьковомъ, большевики направили черезъ Лозовую на юго-востокъ, противъ Май-Маевскаго, и на югъ, въ направленіи Александровска, первыя регулярныя дивизіи изъ группы Кожевникова.
3. На Сочинскомъ направленіи стояло, эшелонируясь отъ Лазаревки до Сухума, три, четыре тысячи грузинскихъ войскъ, подъ начальствомъ ген. Коніева.

Всего, слѣдовательно, на фронтахъ Добровольческой Арміи въ соприкосновеніи съ нами совѣтскихъ войскъ было около 80 тыс. и грузинъ 3—4 тыс.

Когда 26 декабря 1918 г. состоялось объединеніе Добровольческой и Донской армій, и театръ войны расширился новыми обширными территоріями, явилась необходимость выдѣленія Добровольческой Арміи и созданія при мнѣ объединяющаго штабного органа. Я принялъ званіе «главнокомандующаго вооруженными силами на Югѣ Россіи», прежній армейскій штабъ сталъ штабомъ главнокоман-

---

[1]) Въ февралѣ переименованъ въ «1 Кубанскій».

[2]) Кромѣ гарнизоновъ городовъ, запасныхъ, учебныхъ и формирующихся частей, составлявшихъ въ общемъ еще 13—14 тыс.

дующаго, а для Добровольческой арміи приступлено было къ формированію новаго штаба.

Предстоялъ весьма важный вопросъ о назначеніи командующаго Добровольческой арміи.

Я считалъ наиболѣе достойнымъ кандидатомъ на этотъ постъ — по широтѣ военнаго кругозора и по личной доблести — участника Добровольческаго движенія съ первыхъ же шаговъ его, генерала Романовскаго. Однажды, послѣ очереднаго доклада я предложилъ ему на выборъ — армію или штабъ главнокомандующаго. Не скрылъ, что его уходъ будетъ тяжелъ для меня: нѣтъ подходящаго замѣстителя, придется назначить случайнаго человѣка, и я останусь въ своей большой работѣ и въ своихъ переживаніяхъ одинокимъ. Съ другой стороны (передъ глазами у насъ былъ примѣръ незабвеннаго Маркова), я не сомнѣвался, что и Романовскій, ставъ въ строй, выйдетъ изъ удушливой атмосферы политики, быстро пріобрѣтетъ признаніе войскъ, развернетъ свои боевыя способности и покроетъ славой себя и армію.

Иванъ Павловичъ думалъ день и на другое утро сказалъ, что останется со мной... Принесъ въ жертву нашей дружбѣ свое будущее.

Непроницаемымъ покровомъ завѣшаны отъ глазъ нашихъ пути Господни. Кто знаетъ, какъ сложилась бы тогда судьба арміи и Романовскаго... Вынесла ли бы его на гребень волны или похоронила въ пучинѣ... Мы знаемъ только одно: это рѣшеніе стоило ему впослѣдствіи жизни.

Обсудивъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба вопросъ о командующемъ, остановились на ген. баронѣ Врангелѣ. Онъ былъ моложе другихъ корпусныхъ командировъ и только недавно вступилъ въ ряды Добровольческой Арміи — это должно было вызвать обиды. Но въ послѣднихъ славныхъ бояхъ на Урупѣ, Кубани, подъ Ставрополемъ онъ проявилъ большую энергію, порывъ и искусство маневра. Назначеніе барона Врангеля состоялось [1]). Одинъ изъ достойныхъ корпусныхъ командировъ, первопоходникъ, ген. Казановичъ благодаря этому ушелъ въ отставку [2]), другіе поворчали, но подчинились. Начальникомъ штаба арміи сталъ ген. Юзефовичъ.

Въ виду послѣдующаго развертыванія Крымско-азовскаго корпуса въ армію, войска, подчиненныя ген. Врангелю, получили наименованіе Кавказской Добровольческой Арміи. Съ 27 дек. по 10 января, чтобы дать закончить ген. Врангелю операцію 1 кон. корпуса на путяхъ отъ Петровскаго до линіи Св. Крестъ — Минеральныя воды, арміей временно командовалъ ген. Романовскій.

1 января 1919 г. я отдалъ приказъ [3]):

«Четырнадцать мѣсяцевъ тяжкой борьбы. Четырнадцать мѣсяцевъ высокаго подвига Добровольческой Арміи. Начавъ борьбу одиноко — тогда, когда рушилась государственность и все кругомъ безсильное, безвольное спряталось и опустило руки, горсть смѣлыхъ людей бросила вызовъ разрушителямъ родной земли.

Съ тѣхъ поръ льется кровь, гибнутъ вожди и рядовые Добровольцы, усѣявъ своими могилами поля Ставрополя, Дона и Кубани.

Но сквозь ужасы войны, сквозь злобу и недовѣріе ничему не научившихся тайныхъ враговъ своихъ, Армія пронесла чистой и незапятнанной идею Единой Великодержавной Россіи.

Подвиги Арміи безмѣрны.

И я, дѣлившій съ нею долгіе, тяжкіе дни и горе, и радость, горжусь тѣмъ, что стоялъ во главѣ ея.

Я не имѣю возможности теперь непосредственно руководить Добровольческой Арміей, но до конца дней моихъ она останется родной и близкой моему сердцу.

Сердечно благодарю всѣхъ моихъ дорогихъ соратниковъ, чьими безпримѣрными подвигами живетъ и крѣпнетъ надежда на спасеніе Россіи

* * *

---

[1]) На его мѣсто командиромъ 1 коннаго корпуса былъ назначенъ ген. Покровскій.
[2]) Замѣненъ Черноморскимъ военнымъ губернаторомъ ген. Кутеповымъ.
[3]) № 7.

Названіе «добровольческихъ» — арміи сохраняли уже только по традиціи. Ибо къ правильной мобилизаціи было приступлено въ кубанскихъ казачьихъ частяхъ съ весны, а въ регулярныхъ — со 2 августа 1918 г. Три послѣдовательныхъ мобилизаціи этого года подняли на Сѣверномъ Кавказѣ десять возрастныхъ классовъ (призывн. возр. 1910—1920 г.), въ Пріазовскомъ краѣ — пока два (1917, 1918 и частью 1915, 1916 г.г.), въ Крыму одинъ (1918 г.). Ввиду того, что революція повсемѣстно разгромила органы учета, установить точно процентъ уклонившихся штабъ мой не могъ. По приблизительнымъ его подсчетамъ цифра эта для Сѣвернаго Кавказа опредѣлялась въ 20—30%. Мобилизованные поступали въ запасныя части, гдѣ подвергались краткому обученію или — въ силу самоуправства войсковыхъ частей — въ большомъ числѣ непосредственно въ ихъ ряды. Число прошедшихъ черезъ армейскій пріемникъ въ 1918 г. опредѣлялось въ 33 тыс. человѣкъ. Къ концу 1918 г. былъ использованъ широко другой источникъ пополненія — плѣнные красноармейцы, уже многими тысячами начавшіе поступать въ армію обоими этими путями.

Весь этотъ новый элементъ, вливавшійся въ Добровольческіе кадры, давалъ имъ и силу, и слабость. Увеличивались ряды, но тускнѣлъ обликъ и разслаивались монолитные ряды стараго Добровольчества. Лихорадочно быстрый темпъ событій среди непрекращавшагося пожара общей гражданской войны, если и допускалъ поверхностное обученіе, то исключалъ возможность воспитанія. Масса мобилизованныхъ во время пребыванія въ тылу, въ мирной обстановкѣ запасныхъ батальоновъ, была совершенно пассивной и послушной. За вторую половину 1918 г. изъ запасныхъ батальоновъ дезертировало только 5%. Но, выйдя на фронтъ, они попадали въ крайне сложную психологически обстановку: сражаясь въ рядахъ Добровольцевъ, они имѣли противъ себя своихъ односельчанъ, отцовъ и братьевъ, взятыхъ также по мобилизаціи Красной арміей; боевое счастье мѣнялось, ихъ села переходили изъ руки въ руки, мѣняя вмѣстѣ съ властью свое настроеніе. И дезертирство на фронтѣ значительно увеличивалось. Тѣмъ не менѣе, основныя Добровольческія части умѣли переплавить весь разнородный элементъ въ горнилѣ своихъ боевыхъ традицій и по общему отзыву начальниковъ мобилизованные солдаты в н ѣ с в о и х ъ г у б е р н і й въ большинствѣ дрались доблестно.

Что касается кубанскаго казачества, оно несло тяготы значительно большія: выставляло десять возрастныхъ класовъ въ составъ дѣйствующей арміи и во время борьбы на территоріи Кубани — почти поголовно становилось въ ряды въ качествѣ гарнизоновъ станицъ и отдѣльныхъ, партизанскаго типа, отрядовъ. Природные конники — кубанцы неохотно шли въ пластунскіе батальоны; пѣхота ихъ была поэтому слаба и малочисленна, но конныя дивизіи попрежнему составляли всю массу Добровольческой конницы, оказывая неоцѣнимыя услуги арміи.

Въ отношеніи старыхъ Добровольцевъ мы были связаны еще формально четырехмѣсячнымъ «контрактомъ». Первый періодъ для главной массы кончился въ маѣ, второй въ сентябрѣ, третій кончался въ декабрѣ. Еще въ августѣ я хотѣлъ покончить съ этимъ пережиткомъ первыхъ дней Добровольчества, но начальники дали заключеніе, что психологически это п р е ж д е в р е м е н н о... Мнѣ кажется, что и тогда уже они ошибались. 25 октября я отдалъ приказъ[1]) о призывѣ въ ряды всѣхъ офицеровъ до 40 лѣтъ, предоставивъ тѣмъ изъ нихъ, кто освобождался изъ арміи, или покинуть территорію ея въ семидневный срокъ, или подвергнуться вновь обязательному уже призыву... А черезъ полтора мѣсяца состоялся приказъ[2]) объ отмѣнѣ четырехмѣсячныхъ сроковъ службы, которая стала окончательно о б щ е - о б я з а т е л ь н о й. Къ чести нашего Добровольческаго офицерства надо сказать, что приказы эти не только не встрѣтили какого либо протеста, но даже не привлекли къ себѣ въ арміи вниманія—такъ твердо сложилось убѣжденіе въ необходимости и обязательности службы.

[1]) № 64.
[2]) 7 декабря, № 246.

Итакъ, съ конца 1918 г. институтъ добровольчества окончательно уходилъ въ область исторіи, и добровольческія арміи Юга становятся народными, поскольку интеллектуальное преобладаніе казачьяго и служилаго офицерскаго элемента не наложило на нихъ внѣшне классоваго отпечатка.

* * *

Съ января 1919 г. въ штабѣ учрежденъ былъ отдѣлъ, вѣдавшій формированіями. Войска спеціальныхъ родовъ оружія организовывались обыкновенно въ тылу и уже готовыми поступали на фронтъ; также было и съ кубанскими полками, которые комплектовались территоріально въ своихъ округахъ. Съ формированіемъ пѣхоты дѣло обстояло иначе: необыкновенно трудно было поставить матеріальную часть полковъ средствами нашего немощнаго армейскаго интендантства, и штабъ мирился съ формированіями на фронтѣ, гдѣ заинтересованные непосредственно въ своемъ усиленіи начальники находили возможность, съ грѣхомъ пополамъ, обуть, одѣть, вооружить и снарядить новыя части. Но бои кипѣли непрерывно, фронтъ ввиду большого неравенства силъ, всегда нуждался въ подкрѣпленіяхъ, резервовъ въ тылу не было, и новыя части бросались въ бой задолго до своей готовности. Противникъ не давалъ намъ времени на организацію. У насъ не было такой предохранительной завѣсы, которую для Украины представлялъ нѣмецкій кордонъ, для Сибири фронтъ Народной арміи, для Грузіи — Добровольческая Армія. Добровольческія части формировались, вооружались, учились, воспитывались, таяли и вновь пополнялись подъ огнемъ, въ непрестанныхъ бояхъ. Тѣмъ не менѣе войсковыя части, рожденныя и воспитанныя на фронтѣ при такой обстановкѣ, иногда за счетъ ослабленія кадровыхъ полковъ, являлись болѣе боеспособными, чѣмъ тыловыя формированія.

Другимъ крупнымъ зломъ въ организаціи арміи было стихійное стремленіе къ формированіямъ — подъ лозунгомъ «возрожденія историческихъ частей Россійской арміи». «Ячейки» старыхъ полковъ, въ особенности въ кавалеріи, возникали, обособлялись, стремились къ отдѣленію, обращая боевую единицу — полкъ — въ мозаичный коллективъ десятковъ старыхъ полковъ, ослабляя ряды, единство и силу его. Такія формированія возникали и въ тылу, существовали негласно по цѣлымъ мѣсяцамъ, добывая частныя средства или пользуясь попустительствомъ властей разныхъ ранговъ, ослабляя фронтъ и превращая иной разъ идейный лозунгъ «подъ родные штандарты» — въ прикрытіе шкурничества.

Также велико было стремленіе начальниковъ къ формированію частей «особаго назначенія». Таковы, напримѣръ, «Летучій отрядъ особаго назначенія Кавказской Добровольческой арміи» (у ген. Врангеля), во главѣ съ ротмистромъ Барановымъ, имѣвшій довольно темное назначеніе — борьбы съ крамолой... «Волчьи сотни» ген. Шкуро — его личная гвардія, постепенно терявшая боевое значеніе, обремененная добычей... «Карательные отряды», формировавшіеся ставропольскимъ военнымъ губернаторомъ ген. Глазенапомъ, превратившіеся въ лейбъ-охрану богатыхъ мѣстныхъ овцеводовъ и т. д. ...

Со всѣми этими бытовыми явленіями мы боролись, но, очевидно, не достаточно сурово, такъ какъ, мѣняя внѣшнія формы, они продолжали существовать.

* * *

На Севастопольскомъ рейдѣ ко времени прихода союзниковъ находились остатки нашего Черноморскаго флота, уцѣлѣвшіе послѣ новороссійской катастрофы [1]). Среди нихъ линейный корабль (дредноутъ) «Воля» [2]), крейсеръ «Кагулъ», болѣе десятка миноносцевъ, нѣсколько подводныхъ лодокъ, старые линейные ко-

[1]) Потопленіе половины флота весною 1918 года.
[2]) Бывшій «Императоръ Александръ III».

рабли и много мелкихъ судовъ вспомогательнаго назначенія. Большинство боевыхъ судовъ требовало капитальнаго ремонта.

Какъ я уже говорилъ, съ приходомъ въ Севастополь, союзники подняли на нашихъ судахъ свои флаги и заняли ихъ своими командами. Только на «Кагулѣ», трехъ находившихся въ ремонтѣ миноносцахъ и на старыхъ линейныхъ корабляхъ оставались еще русскіе флаги.

Необходимо было кому нибудь взять на себя охрану андреевскаго флага и безпризорнаго русскаго достоянія. Центрами притяженія были только Украинская держава и Добровольческая Армія. Первая обосновывала свое право на русское наслѣдство «историческими границами Великой Украины», включавшими весь сѣверный черноморскій берегъ, и обѣщаніемъ германцевъ передать Украинѣ къ ноябрю весь Черноморскій флотъ. Вторая выступала какъ общє-русскій военный центръ Юга. Основанія Украины къ тому времени были настолько одіозны въ глазахъ русской общественности и морского офицерства, что вопросъ о подчиненіи флота былъ предрѣшенъ и не потребовалъ ни малѣйшей борьбы.

Вся трудность заключалась въ выборѣ лица, которое могло бы возглавить флотъ и успѣшно повести дѣло его возрожденія. Я совершенно не имѣлъ никакихъ знакомствъ въ морскихъ кругахъ и вынужденъ былъ руководствоваться мнѣніемъ моряковъ, находившихся въ сношеніяхъ со ставкой. Получалась картина полнаго безлюдія. Мнѣ называли только два имени: одинъ — контръ-адмиралъ князь Черкасскій, который оставался гдѣ-то въ совѣтской Россіи и котораго намъ такъ и не удалось розыскать; другой — вице-адмиралъ Саблинъ; дѣятельность послѣдняго въ качествѣ командующаго совѣтскимъ флотомъ передъ новороссійской катастрофой требовала еще выясненія, и самъ онъ жилъ тогда за границей. Пришлось остановиться на адмиралѣ Канинѣ, который пользовался извѣстной популярностью въ морской средѣ и авторитетомъ въ морскихъ вопросахъ, но не отличался качествами боевого вождя...

13 ноября я отдалъ приказъ о назначеніи адм. Канина и. д. командующаго Черноморскимъ флотомъ. Канинъ, подъ вліяніемъ «украинскихъ» адмираловъ Покровскаго, Клочковскаго и др., нѣкоторое время колебался, потомъ вступилъ въ должность, и присоединеніе Черноморскаго флота къ Добровольческой Арміи совершилось автоматически и безболѣзненно. Присоединеніе номинальное, такъ какъ былъ командный составъ, но не было въ его распоряженіи боевыхъ судовъ. Началась длительная, нелѣпая и глубоко обидная борьба съ союзнымъ морскимъ командованіемъ за право существованія русскаго флота.

Только въ началѣ января старшій въ то время французскій адмиралъ Аметъ предложилъ Канину укомплектовать два находившихся еще въ ремонтѣ миноносца; въ то-же время союзнымъ командованіемъ дано было разрѣшеніе подготовить крейсеръ «Кагулъ» для отправки въ Новороссійскъ съ цѣлью... поднятія затопленнаго парохода «Эльборуса».

А между тѣмъ, вскорѣ по побережью Чернаго и Азовскаго морей начались бои, и помощь флота стала необходимой. Снова, какъ въ первые дни Добровольчества— въ дни деревянныхъ бронепоѣздовъ и краденыхъ пушекъ — офицерская молодежь снаряжала старые пароходы и баржи, съ тихимъ ходомъ и неправильнымъ механизмомъ, вооружала ихъ орудіями и ходила вдоль береговъ, вступая въ бой съ большевиками, рискуя ежечасно стать жертвой стихіи или попасть въ руки врага.

А боевыя суда наши въ это время томились въ плѣну у союзниковъ...

Между тѣмъ, штаты морскихъ учрежденій росли непомѣрно, собравшееся въ большомъ числѣ въ Севастополѣ морское офицерство томилось бездѣльемъ, а боевая готовность даже ничтожнаго числа судовъ, которое было предоставлено намъ, подвигалось плохо. Въ мартѣ пріѣхалъ Саблинъ и смѣнилъ Канина. Саблину пришлось уже попасть въ волну первой эвакуаціи Крыма и быть свидѣтелемъ тяжелой картины, какъ союзники, при общемъ паническомъ настроеніи, топили лучшія наши подводныя лодки, взрывали цилиндры машинъ на оставляемыхъ въ Севастополѣ судахъ, топили и увозили запасы. Было невыразимо больно видѣть,

какъ росъ синодикъ остатковъ русскаго флота, избѣгнувшихъ гибели отъ рукъ нѣмцевъ, большевиковъ и матросской опричнины...

«Кагулъ»[1]), подводную лодку «Тюлень» и еще 5 миноносцевъ и 2 подводныхъ лодки на буксирахъ удалось, съ огромнымъ трудомъ, вывезти въ Новороссійскъ, гдѣ приступлено было къ ремонту, вооруженію и укомплектованію ихъ. Наши рѣшительные протесты, возмущеніе, съ которымъ русская общественность отнеслась къ факту бездѣятельности войскъ и флота союзниковъ въ трагическихъ одесскихъ и крымскихъ событіяхъ, а можетъ быть, и возросшее довѣріе къ силамъ Юга, заставили союзниковъ прекратить противодѣйствіе: лѣтомъ 1919 года во время операціи по вторичному овладѣнію Крымомъ и Новороссіей, въ составѣ флота числились уже 1 крейсеръ, 5 миноносцевъ, 4 подводныхъ лодки и десятка два вооруженныхъ пароходовъ, лодокъ и баржъ.

Къ осени союзники возвратили намъ всѣ остальныя захваченныя суда, въ томъ числѣ дредноутъ «Воля», получившій наименованіе «Генералъ Алексѣевъ».

* * *

Снабженіе армій находилось въ рукахъ главнаго начальника снабженій[2]), непосредственно подчиненнаго начальнику военнаго управленія[3]).

Главнымъ источникомъ снабженій до февраля 1919 года были захватываемые нами большевицкіе запасы. При этомъ войска, не довѣряя реквизиціоннымъ комиссіямъ, старались использовать захваченное для своихъ нуждъ безъ плана и системы. Часть запасовъ получалась съ бывшаго Румынскаго фронта. Все это было случайно и крайне недостаточно. Въ ноябрѣ, къ приходу союзниковъ, официальный отчетъ штаба рисовалъ такую картину нашего снабженія:

Недостатокъ ружейныхъ патроновъ принималъ не разъ катастрофическіе размѣры. «Бывали періоды, когда на всю Армію оставалось нѣсколько десятковъ тысячъ патроновъ, и, если пулеметъ въ началѣ боя имѣлъ 2—3 ленты, то это считалось очень и очень благополучнымъ...» Такое же положеніе было съ артиллерійскими патронами: «къ 1 ноябрю весь запасъ армейскаго склада состоялъ изъ 7 200 легкихъ, 1 520 горныхъ, 2 770 гаубичныхъ и 220 тяжелыхъ снарядовъ. Обмундированіе — одни обноски...» Санитарное снабженіе... «можно считать несуществующимъ. Нѣтъ медикаментовъ, нѣтъ перевязочныхъ средствъ, нѣтъ бѣлья. Имѣются только врачи, которые безсильны бороться съ болѣзнями. Индивидуальныхъ пакетовъ не имѣется вовсе. Часто бываютъ случаи, когда полное отсутствіе перевязочныхъ матеріаловъ заставляетъ примѣнять грязное бѣлье самихъ же раненыхъ...» Грозность нашего положенія была тѣмъ больше, что къ веснѣ, благодаря непрерывнымъ кровопролитнымъ боямъ и эпидеміямъ, число раненыхъ и больныхъ въ лѣчебныхъ заведеніяхъ армій доходило до 25 тысячъ.

Съ начала 1919 года, послѣ ухода нѣмцевъ изъ Закавказья, намъ удалось получить нѣсколько транспортовъ артиллерійскихъ и инженерныхъ грузовъ изъ складовъ Батума, Карса, Трапезунда. А съ февраля начался подвозъ англійскаго снабженія. Недостатокъ въ боевомъ снабженіи съ тѣхъ поръ мы испытывали рѣдко[4]). Санитарная часть улучшилась. Обмундированіе же и снаряженіе, хотя и поступало въ размѣрахъ большихъ, но далеко не удовлетворявшихъ потребности фронтовъ[5]). Оно, кромѣ того, понемногу расхищалось на базѣ, невзирая на установленіе смертной казни «за кражу предметовъ казеннаго вооруженія и обмундированія». Таяло въ пути и, поступивъ, наконецъ, на фронтъ, пропадало во множествѣ, уносимое больными, ранеными, плѣнными, дезертирами... Замѣчательно, что всякаго рода хищенія военнаго имущества и распродажа его на сторону

---

[1]) Переименованъ въ «Генералъ Корниловъ».
[2]) Ген. Санниковъ; съ января 1919 г. ген. Картаци.
[3]) Ген. Лукомскій.
[4]) Съ марта по сентябрь 1919 г. мы получили отъ англичанъ 558 орудій, 12 танковъ, 1 685 522 снаряда и 160 милл. руж. патроновъ.
[5]) Въ тотъ же періодъ мы получили 250 тыс. комплектовъ.

встрѣчали въ обществѣ безразличное, часто покровительственное отношеніе. Рынокъ имѣетъ свои законы: предѣльное сжатіе его вызываетъ противодѣйствіе, чуждое моральныхъ побужденій. Обмундированіе, поступавшее на Донъ, послѣ раздачи казакамъ, отправлялось обыкновенно въ станицы и пряталось на дно все еще не опустошенныхъ казачьихъ скрынь.

Собственнымъ попеченіемъ наши органы снабженія заготовляли совершенно ничтожную часть потребности. Причинъ много. Были и общія, вытекавшія изъ финансовыхъ затрудненій арміи, недостаточнаго развитія въ промышленномъ отношеніи Сѣвернаго Кавказа, общаго развала торговли и промышленности; были и частныя—шаблоны нормальной войны и нормальнаго полевого положенія, отсутствіе у насъ системы и творчества, властно требуемыхъ обстановкой, совершенно новой и исключительной; наконецъ—всеобщая деморализація нравовъ.

Одинъ изъ видныхъ армейскихъ интендантовъ по поводу гоненія, воздвигаемаго обществомъ и печатью на интендантство, писалъ въ то время:

> «Промышленность разрушена; сырья въ арміи нѣтъ, техническихъ и транспортныхъ средствъ почти нѣтъ, опытныхъ спеціалистовъ мало, конъюнктура рынка, не регулируемая никакими финансово-промышленными органами, своевольно стремится въ безпредѣльную высь. Тылъ, органы снабженія должны напрячь всѣ свои творческія, административныя и изобрѣтательныя способности, чтобы при такихъ условіяхъ, дать арміи хотя бы малое, необходимое. Условія работы неизмѣримо труднѣе, чѣмъ во время австро-германской войны и требуютъ исключительныхъ спеціальныхъ знаній, опыта и энергіи.
>
> Между тѣмъ, вмѣсто компетентныхъ работниковъ, спеціалистовъ, школой и большимъ опытомъ подготовленныхъ къ работѣ снабженія арміи, хорошо знакомыхъ съ организаціей снабженія, промышленнымъ міромъ и рынкомъ, дѣло снабженія находится въ рукахъ исключительно офицеровъ генеральнаго штаба, не знакомыхъ ни съ рынкомъ, ни съ торгово-промышленнымъ міромъ, ни съ политической экономіей, ни съ квалификаціей товаровъ и продуктовъ.
>
> Законы нормы отстали отъ жизни, а новыхъ еще не создано. Каждый активный исполнитель-заготовитель вынужденъ на свой рискъ и страхъ во много разъ превышать тѣ права, которыя даны ему закономъ. Событія совершаются съ невѣроятной быстротой, и жизнь не терпитъ промедленія. Чтобы не отставать отъ жизни, приходится отбрасывать въ сторону всякія бумажныя нормы и преступать всякіе законы, для чего нужны компетентные, честные исполнители, свобода дѣйствій и полное довѣріе».

«Честные исполнители, полное довѣріе»,—конечно, это первооснова успѣха работы. Но гдѣ ихъ взять! Когда на Дону, на Кубани, не переставая, одна за другой выплывали на свѣтъ панамы... Когда нѣсколько мѣсяцевъ главное интендантство вооруженныхъ силъ находилось подъ воздѣйствіемъ назначенной мною сенаторской ревизіи Таганцева... Ревизія добросовѣстно искала «виновныхъ», привлекала къ отвѣтственности крупныхъ и мелкихъ нарушителей закона, но не умѣла найти грѣхи системы, не умѣла и не могла измѣнить общихъ условій, питавшихъ преступность.

Отъ общественности, такъ дружно отозвавшейся на нужды арміи въ 1916 году, мы, въ этомъ отношеніи, помощи видѣли мало: военно-промышленный комитетъ, земгоръ, красный крестъ были разрушены и только начинали проявлять свою дѣятельность. Отъ «демократіи»? Одинъ изъ органовъ Шрейдера «Родная Земля», описывая вопіющія нужды арміи, говорилъ: «нуждалась ли бы армія въ чемъ-нибудь, если бы была окружена горячей и любовной заботливостью русской демократіи? Конечно нѣтъ: русскій народъ умѣетъ самоотверженно отдавать послѣднюю свою рубаху, послѣдній свой кусокъ хлѣба тому, кому онъ вѣритъ, въ комъ онъ видитъ борца за святое и правое народное дѣло. Очевидно, есть что-то въ атмосферѣ, окружающей Добровольческую армію, что расхолаживаетъ нашу демократію...»[1]). Русскій народъ и демократія господина Шрейдера это далеко не одно и то же. Народъ отвергъ эту «демократію» на Волгѣ, на Востокѣ, на Югѣ, по всей Россіи. Но онъ не усыновилъ также въ родительской

[1]) Октябрь, 1918 года.

любви своей ни красной, ни бѣлой арміи: не несъ имъ въ жертву добровольно ни достатка своего, ни жизни.

Пресловутый частный торговый аппаратъ претерпѣлъ, очевидно, съ революціей серьезное перерожденіе: я не помню крупныхъ сдѣлокъ нашихъ органовъ снабженія съ солидными торговыми фирмами, но за то въ памяти моей запечатлѣлись ярко типы спекулянтовъ-хищниковъ, развращавшихъ администрацію, обиравшихъ населеніе и казну и наживавшихъ милліоны: М. — на Кубани, Ч. — на Дону и въ Крыму, Т. Ш. — въ Черноморьи и проч. и проч.

Но все это были партизаны, рожденные безвременьемъ и чуждые традиціи промышленнаго класса.

Крупная торгово-промышленная знать появилась на территоріи Арміи, главнымъ образомъ, послѣ паденія Одессы и Харькова въ началѣ 1919 года. Многія лица изъ ея рядовъ успѣли вынести съ пожарища русской храмины часть своихъ достатковъ, сохранили еще кредитъ, а главное — организаціонный опытъ, въ широкомъ государственномъ масштабѣ. Мы ожидали отъ нихъ помощи и, прежде всего, въ отношеніи армій. Эта помощь была предложена дѣйствительно, но въ такой своеобразной формѣ, что на ней стоитъ остановиться...

14 сентября 1919 г. между донскимъ правительствомъ въ лицѣ начальника отдѣла торговли и промышленности Бондырева и «Товариществомъ Мопитъ»[1]) былъ заключенъ договоръ на поставку Донской арміи и населенію заграничной мануфактуры. «Мопитъ» являлся комиссіонеромъ казны, взявъ на себя «при всемѣрномъ содѣйствіи войска Донского»[2]) на территоріи Дона — и, безъ вѣдома командованія — на территоріи Добровольческой Арміи (§ 2) — скупку сырья, отправленіе и продажу его за границей, покупку тамъ и доставку на Донъ мануфактуры. Основной капиталъ для оборота, въ общемъ до милліарда рублей, долженъ былъ выдаваться донской казной по частямъ авансомъ; всѣ рѣшительно расходы, какъ-то провозъ, храненіе, пошлины и т. п., ложились на казну. «Мопитъ» за услугу Донской арміи бралъ себѣ въ качествѣ «организаціонныхъ расходовъ» и предпринимательской прибыли за покупку сырья 19% и за операцію съ мануфактурой 18%. Весь договоръ былъ полонъ неясностей и недомолвокъ, позволявшихъ при желаніи значительно расширять размѣры прибыли. Но самое странное было то, что статьи договора ставили выполненіе его въ зависимость отъ доброй воли «Мопита», предоставляя ему возможность воспользоваться самому всѣми выгодами реализаціи драгоцѣннаго и купленнаго сравнительно за безцѣнокъ донского сырья. Статья 9-я гласила:

«Если полученные товариществомъ авансы не будутъ по вывозѣ сырья за границу и его реализаціи покрыты поставками товаровъ или вырученной отъ продажи сырья валюты въ обусловленный срокъ, то Товарищество обязуется возвратить войску полученные авансы, съ начисленіемъ процентовъ со дня просрочки въ размѣрѣ взимаемыхъ Государственнымъ банкомъ по учету векселей...»

И только.

Съ договоромъ этимъ я ознакомился изъ газетъ. Я не имѣлъ права вмѣшиваться во внутреннія дѣла суверенного Дона, но, такъ какъ весь экспортъ регулировался Особымъ Совѣщаніемъ и выполненіе поставокъ на Донскую армію договоромъ обезпечено не было, я приказалъ выдачу Товариществу разрѣшенія на вывозъ сырья и хлѣба за границу прекратить. Особая комиссія разсмотрѣла затѣмъ договоръ и, послѣ разъясненій его статей учредителями и видоизмѣненія, Особое Совѣщаніе сочло возможнымъ допустить дѣятельность «Мопита».

А. В. Кривошеинъ, объясняя свое участіе въ «Мопитѣ», жаловался мнѣ[3]) на «газетныя инсинуаціи» и утверждалъ, что учредители его преслѣдовали цѣли

---

[1]) «Товарищество московской объединенной промышленности и торговли». Во главѣ стояли братья Рябушинскіе. Предсѣдатель совѣта — А. В. Кривошеинъ.

[2]) Въ томъ числѣ причисленіе предпріятія къ работающимъ на оборону (§ 10).

[3]) Письмо отъ 4 дек. 1919 г.

Войска 2-й дивизіи Добров. Арміи въ Сочи.

Кубанцы за чтеніемъ.

Броневики Кавказск. Добр. арміи.

исключительно государственныя, а лично онъ «съ содержаніемъ злополучнаго договора познакомился впервые, когда начался уже газетный походъ». «Учредители Мопита, — писалъ онъ, — обширная группа издавна пользующихся уваженіемъ и всероссійской извѣстностью москвичей обратилась ко мнѣ съ предложеніемъ избрать меня предсѣдателемъ совѣта, придавая этому политическое значеніе, какъ лишней возможности объединить ихъ на общей платформѣ сейчасъ и особенно въ виду предстоявшаго прихода въ Москву. Мысль — основать здѣсь крупное московское дѣло и, такимъ образомъ, тѣснѣе сплотить черноземный югъ съ промышленной Москвой казалась правильной и своевременной...»

Но, общество, взволнованное этимъ дѣломъ, видѣло въ немъ только коммерцію, а не политику. Часть прессы чрезвычайно рѣзко ополчилась противъ «мопитянъ», которыхъ вины наиболѣе умѣренный въ своихъ заключеніяхъ «Пріазовскій Край»[1])опредѣлялъ такими словами: «... Въ договорѣ пѣтъ элементовъ завѣдомаго обмана или завѣдомаго введенія въ невыгодную сдѣлку... Тяжелая сторона ея заключается въ томъ, что и именитые москвичи также являются одними изъ многихъ, наживающихся на арміи, на гражданской войнѣ...»

Какъ бы то ни было, и печать, и общество, и армія постепенно пришли къ одинаковому заключенію.

Нѣтъ больше Мининыхъ!

И армія дралась въ условіяхъ тяжелыхъ и роптала только тогда, когда врагъ одолѣвалъ и приходилось отступать.

* * *

Казна наша пустовала попрежнему, и содержаніе Добровольцевъ, поэтому, было положительно нищенскимъ. Установленное еще въ февралѣ 1918 г., оно составляло въ мѣсяцъ для солдатъ (мобилизованныхъ) 30 руб., для офицеровъ отъ прапорщика до главнокомандующаго, въ предѣлахъ отъ 270 до 1 000 руб.[2]). Для того, чтобы представить себѣ реальную цѣнность этихъ цифръ, нужно принять во вниманіе, что прожиточный минимумъ для рабочаго въ ноябрѣ 1918 г. былъ опредѣленъ совѣтомъ екатеринодарскихъ профессіональныхъ союзовъ въ 660 — 780 рублей. Дважды потомъ, въ концѣ 1918 и въ концѣ 1919 года, путемъ крайняго напряженія, шкала основного офицерскаго содержанія подымалась, соотвѣтственно на 450—3 000 руб. и 700—5 000 руб., никогда не достигая соотвѣтствія съ быстро растущей дороговизной жизни. Каждый разъ, когда отдавался приказъ объ увеличеніи содержанія[3]), на другой же день рынокъ отвѣчалъ такимъ повышеніемъ цѣнъ, которое поглощало всѣ прибавки. Одинокій офицеръ и солдатъ на фронтѣ ѣли изъ общаго котла и, хоть плохо, но были одѣты. Всѣ же офицерскія семьи и большая не фронтовая часть офицерства штабовъ и учрежденій бѣдствовали. Рядомъ приказовъ устанавливались прибавки на семью и дороговизну, но все это были лишь палліативы. Единственнымъ радикальнымъ средствомъ помочь семьямъ и тѣмъ поднять моральное состояніе ихъ главъ на фронтѣ, былъ бы переходъ на натуральное довольствіе. Но то, что могла сдѣлать совѣтская власть большевицкими пріемами соціализаціи, продразверстки и повальныхъ реквизицій, было для насъ невозможно, тѣмъ болѣе, въ областяхъ автономныхъ.

Только въ маѣ 1919 г. удалось провести пенсіонное обезпеченіе чиновъ военнаго вѣдомства и семействъ умершихъ и убитыхъ офицеровъ и солдатъ. До этого выдавалось лишь ничтожное единовременное пособіе въ 1½ тыс. рублей...

Отъ союзниковъ, вопреки установившемуся мнѣнію, мы не получили ни копѣйки.

Богатая Кубань и владѣвшій печатнымъ станкомъ Донъ, были въ нѣсколько лучшихъ условіяхъ.

---

[1]) № отъ 24 ноября 1919 года.

[2]) Кромѣ пайка — общаго для всѣхъ ранговъ.

[3]) Шкала основного содержанія была одинакова въ воен. вѣдомствѣ и во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ.

«По политическимъ соображеніямъ», безъ сношенія съ главнымъ командованіемъ, они устанавливали содержаніе своихъ военнослужащихъ всегда по нормамъ выше нашихъ, вызывая тѣмъ неудовольствіе въ Добровольцахъ[1]). Тѣмъ болѣе, что донцы и кубанцы были у себя дома, связанные съ нимъ тысячью нитей — кровно, морально, матеріально, хозяйственно. Россійскіе же Добровольцы, покидая предѣлы совѣтской досягаемости, въ большинствѣ становились бездомными и нищими.

ГЛАВА XI.

Моральный обликъ Арміи. «Черныя страницы».

Ряды старыхъ Добровольцевъ рѣдѣли отъ постоянныхъ боевъ, отъ сыпного тифа, косившаго нещадно. Каждый день росли новыя могилы у безвѣстныхъ станцій и поселковъ Кавказа; каждый день подъ звуки похороннаго марша на екатеринодарскомъ кладбищѣ опускали въ могилу по нѣсколько гробовъ съ тѣлами навшихъ воиновъ... Палъ въ бою командиръ 1-го арт. дивизіона, полк. Міончинскій, извѣстный всей арміи своимъ искусствомъ и доблестью... Умеръ отъ тифа начальникъ 1-й дивизіи ген. Станкевичъ, выдержавшій во главѣ сборнаго отряда всю тяжесть борьбы на степномъ Манычскомъ фронтѣ, и много, много другихъ.

Въ началѣ января мы похоронили умершаго отъ зараженія крови, вслѣдствіе раны, полученной подъ Ставрополемъ, ген. Дроздовскаго. Одного изъ основоположниковъ Арміи — человѣка высокаго патріотизма и твердаго духомъ. Два мѣсяца длилась борьба между жизнью и смертью. Навѣщая Дроздовскаго въ лазаретѣ, я видѣлъ, какъ томился онъ своимъ вынужденнымъ покоемъ, какъ весь онъ уходилъ въ интересы Арміи и своей дивизіи и рвался къ ней.

Судьба не судила ему повести опять въ бой свои полки.

Для увѣковѣченія памяти почившаго, его именемъ названъ былъ созданный имъ 2-й Офицерскій полкъ, впослѣдствіи дивизія, развернутая изъ этого полка. Приказъ, сообщавшій Арміи о смерти ген. Дроздовскаго, заканчивался словами:

« ... Высокое безкорыстіе, преданность идеѣ, полное презрѣніе къ опасности по отношенію къ себѣ — соединились въ немъ съ сердечной заботой о подчиненныхъ, жизнь которыхъ всегда онъ ставилъ выше своей.

Миръ праху твоему — рыцарь безъ страха и упрека».

* * *

Составъ Добровольческихъ армій становился все болѣе пестрымъ. Рядъ эвакуацій, вызванныхъ петлюровскими и совѣтскими успѣхами (Украина), и занятіе нами новыхъ территорій (Крымъ, Одесса, Терекъ) дали притокъ офицерскихъ пополненій. Многіе шли по убѣжденію, но еще больше по принужденію. Они вливались въ коренныя Добровольческія части или шли на формированіе новыхъ дивизій. Коренныя части[2]) ревниво относились къ своему первородству и нѣсколько пренебрежительно къ послѣдующимъ формированіямъ. Это было нескромно, но имѣло основанія: рѣдко какія новыя части могли соперничать въ доблести съ ними. Это обстоятельство побудило меня развернуть впослѣдствіи, къ лѣту 1919 года, четыре именныхъ полка[3]) въ трехполковыя дивизіи.

---

[1]) Къ декабрю 1918 г. высшіе чины получали содержаніе въ мѣсяцъ: главнокомандующій—1 000 руб. Кубанскій атаманъ—4 000. Члены Особаго Совѣщанія—800 руб. Чл. куб. прав-ства — 2000. Донцы получали больше кубанцевъ.

[2]) «Цвѣтныя войска», какъ ихъ называли острословы по пестротѣ красокъ форменныхъ отличій.

[3]) Корниловскій, Марковскій, Дроздовскій, Алексѣевскій съ соотвѣтствующими артиллерійскими дивизіонами.

Вливаніе въ части младшаго офицерства другихъ армій и новаго призыва и ихъ ассимиляція происходили быстро и безболѣзненно. Но со старшими чинами было гораздо труднѣе. Предубѣжденіе противъ Украинской, Южной армій, озлобленіе противъ начальниковъ, въ первый періодъ революціи, проявившихъ чрезмѣрный оппортунизмъ и искательство, или только обвиненныхъ въ этихъ грѣхахъ по недоразумѣнію — все это заставляло меня осторожно относиться къ назначеніямъ, чтобы не вызвать крупныхъ нарушеній дисциплины. Трудно было винить офицерство, что оно не желало подчиниться храбрѣйшему генералу, который, командуя арміей въ 1917 году, бросилъ морально офицерство въ тяжелые дни, ушелъ къ буйной солдатчинѣ и искалъ популярности демагогіей... Или генералу, который нѣкогда, не вѣря въ бѣлое движеніе, отдалъ приказъ о роспускѣ добровольческаго отряда, а впослѣдствіи получилъ по недоразумѣнію въ командованіе тотъ же, выросшій въ крупную добровольческую часть, отрядъ. Или генералу, безобиднѣйшему человѣку, который имѣлъ слабость и несчастье на украинской службѣ подписать приказъ, задѣвавшій достоинство русскаго офицера. И т. д., и т. д.

Для пріема старшихъ чиновъ на службу была учреждена особая комиссія подъ предсѣдательствомъ ген. Дорошевскаго, позднѣе Болотова. Эта комиссія, прозванная въ обществѣ «генеральской чрезвычайкой», выясняла curriculum vitae пореволюціоннаго періода старшихъ чиновъ и опредѣляла возможность или невозможность пріема на службу даннаго лица или необходимость слѣдствія надъ нимъ. Процедура эта была обидной для генералитета, бюрократическая волокита озлобляла его, создавая легкую фронду. Но я не могъ поступить иначе: въ виду тогдашняго настроенія фронтового офицерства, эта очистительная жертва предохраняла отъ многихъ нравственныхъ испытаній, нѣкоторыхъ — отъ болѣе серьезныхъ послѣдствій... Вообще же, «старыя» части весьма неохотно мирились съ назначеніями начальниковъ со стороны, выдвигая своихъ молодыхъ — всегда высоко доблестныхъ командировъ, но часто мало опытныхъ въ руководствѣ боемъ, и въ хозяйствѣ, и плохихъ воспитателей части. Тѣмъ не менѣе, жизнь понемногу стирала острыя грани, и на всѣхъ ступеняхъ служебной іерархіи появились лица самаго разнообразнаго служебнаго прошлаго...

Труднѣе обстоялъ вопросъ съ военными, состоявшими ранѣе на совѣтской службѣ.

Къ осени 1918 г. жестокій періодъ гражданской войны «на истребленіе» былъ уже изжитъ. Самочинные разстрѣлы плѣнныхъ красноармейцевъ были исключеніемъ и преслѣдовались начальниками. Плѣнные многими тысячами поступали въ ряды Добровольческой Арміи. Борьбу, и при томъ не всегда успѣшную, приходилось вести противъ варварскаго пріема раздѣванія плѣнныхъ. Наша пѣхота вскорѣ перестала грѣшить въ этомъ отношеніи, заинтересованная постановкой плѣнныхъ въ строй. Казаки же долго не могли отрѣшиться отъ этого жестокаго пріема, отталкивавшаго отъ насъ многихъ, желавшихъ перейти на нашу сторону. Помню, какое тяжелое впечатлѣніе произвело на меня поле подъ Армавиромъ въ холодный октябрьскій день, послѣ урупскихъ боевъ, все усѣянное бѣлыми фигурами (раздѣли до бѣлья) плѣнныхъ, взятыхъ 1-й конной и 1-й кубанской дивизіями...

Въ ноябрѣ я отдалъ приказъ, обращенный къ офицерству, оставшемуся на службѣ у большевиковъ, осуждая ихъ непротивленіе и заканчивая угрозой: « ... Всѣхъ, кто не оставитъ безотлагательно ряды красной арміи, ждетъ проклятіе народное и полевой судъ Русской Арміи — суровый и безпощадный». Приказъ былъ широко распространенъ по совѣтской Россіи нами, и еще шире... совѣтской властью, послуживъ темой для агитаціи противъ Добровольческой Арміи. Онъ произвелъ гнетущее впечатлѣніе на тѣхъ, кто, служа въ рядахъ красныхъ, былъ душою съ нами. Отражая настроеніе Добровольчества, приказъ не считался съ тѣмъ, что самопожертвованіе, героизмъ, есть удѣлъ лишь отдѣльныхъ личностей, а не массы. Что мы идемъ не мстителями, а освободителями... Приказъ

былъ только угрозой для понужденія офицеровъ оставить ряды красной арміи и не соотвѣтствовалъ фактическому положенію вещей: той же Болотовской комиссіи было указано мною не вмѣнять въ вину службу въ войскахъ совѣтской Россіи, «если данное лицо не имѣло возможности вступить въ противобольшевицкія арміи, или если направляло свою дѣятельность во вредъ совѣтской власти»[1]). Такой же осторожности въ обвиненіи, такой же гуманности и забвенія требовали всѣ приказы Добровольческимъ войскамъ, распоряженія, бесѣды съ ними.

Въ отношеніи генераловъ, дѣла которыхъ доходили до главнокомандующаго, цифровыя данныя даютъ слѣдующую картину: за періодъ съ сентября 1918 г. по мартъ 20-го суду было предано около 25 лицъ. Судъ присудилъ одного къ смертной казни, четырехъ къ аресту на гауптвахтѣ и 10 оправдалъ. О трехъ, четырехъ, справки не имѣю. По моей конфирмаціи — смертной казни, каторжнымъ работамъ и арестантскимъ отдѣленіямъ не былъ подвергнутъ никто изъ нихъ. Наказаніе замѣнялось арестомъ на гауптвахтѣ, и въ важныхъ случаяхъ, разжалованіемъ въ рядовые, причемъ къ декабрю 1919 г. всѣ разжалованные были возстановлены въ чинахъ.

Судьба младшаго офицерства разрѣшалась въ инстанціяхъ низшихъ; я приведу здѣсь результатъ маленькой анкеты, рисующей и психологію, и практику разрѣшенія этого вопроса самими войсками.

«Не будучи долго поддержаны другими, первые добровольцы вмѣстѣ съ тяжкими испытаніями, выпавшими на ихъ долю, впитывали въ себя презрѣніе и ненависть ко всѣмъ тѣмъ, кто не шелъ рука объ руку съ ними.

Въ Кубанскихъ походахъ, поэтому, какъ явленіе постоянное, имѣли мѣсто разстрѣлы офицеровъ, служившихъ ранѣе въ красной арміи...

Съ развитіемъ наступленія къ центру Россіи измѣнились условія борьбы: обширность театра, ростъ нашихъ силъ, ослабленіе сопротивленія противника, ослабленіе его жестокости въ отношеніи Добровольцевъ, необходимость пополнять рѣдѣющіе офицерскіе ряды — измѣнили и отношеніе: разстрѣлы становятся рѣдкими и распространяются лишь на офицеровъ-коммунистовъ.

Поступленіе въ полки офицеровъ, ранѣе служившихъ въ красной арміи, никакими особенными формальностями не сопровождалось. Офицеры, переходившіе фронтъ, большею частью отправлялись въ высшіе штабы, для дачи показаній. Такихъ офицеровъ было не такъ много. Главное пополненіе шло въ большихъ городахъ. Часть офицеровъ являлась добровольно и сразу, а часть послѣ объявленнаго призыва офицеровъ. Большинство и тѣхъ, и другихъ имѣли документы о томъ, что они въ красной арміи не служили. Всѣ они зачислялись въ строй, преимущественно въ офицерскія роты, безъ всякихъ разбирательствъ, кромѣ тѣхъ рѣдкихъ случаевъ, когда о тѣхъ или иныхъ поступали опредѣленныя свѣдѣнія. Часть «запаздывающихъ» офицеровъ, главнымъ образомъ высшихъ чиновъ, проходили черезъ особо учрежденныя слѣдственныя комиссіи (судныя).

Отношеніе къ офицерамъ, назначеннымъ въ офицерскія роты, было довольно ровное. Многіе изъ этихъ офицеровъ быстро выдѣлялись изъ массы и назначались даже на командныя должности, что въ частяхъ Дроздовской дивизіи было явленіемъ довольно частымъ. Въ Корниловской дивизіи плѣнные направлялись въ запасные батальоны, гдѣ офицеры отдѣлялись отъ солдатъ. Пробывъ тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, эти офицеры назначались въ строй также въ офицерскія роты. Иногда ввиду большихъ потерь, процентъ плѣнныхъ въ строю доходилъ до 60. Большая часть изъ нихъ (до 70%) сражались хорошо, 10% пользовались первыми же боями, чтобы перейти къ большевикамъ, и 20% составляли элементъ, подъ разными предлогами уклоняющійся отъ боевъ. При формированіи 2 и 3 Корниловскихъ полковъ составъ ихъ состоялъ, главнымъ образомъ, изъ плѣнныхъ. Во 2-мъ полку былъ офицерскій батальонъ въ 700 штыковъ, который по своей доблести выдѣлялся въ бояхъ и всегда составлялъ послѣдній резервъ командира полка.

Въ частяхъ Дроздовской дивизіи плѣнные офицеры большею частью также миловались, частично подвергаясь худшей участи — разстрѣлу. Бывали случаи, что плѣнные офицеры перебѣгали обратно на сторону красныхъ.

Что касается отношенія къ красному молодому офицерству, т. е. къ командирамъ изъ красныхъ курсантовъ, то они знали, что ожидаетъ ихъ, и боялись

[1]) Приказъ 16 апр. 1919 г. № 693.

попасться въ плѣнъ, предпочитая ожесточенную борьбу до послѣдняго патрона или самоубійство. Взятыхъ въ плѣнъ, нерѣдко по просьбѣ самихъ же красноармейцевъ — разстрѣливали».

Этотъ больной вопросъ возникъ и въ красной арміи и былъ разрѣшенъ какъ разъ въ обратномъ направленіи.

Для агитаціи среди бѣлыхъ, Бронштейнъ составилъ лично и выпустилъ воззваніе:

«... Милосердіе по отношеніи къ врагу, который поверженъ и проситъ пощады. Именемъ высшей военной власти въ Совѣтской республикѣ заявляю: каждый офицеръ, который въ одиночку или во главѣ своей части добровольно придетъ къ намъ, будетъ освобожденъ отъ наказанія. Если онъ дѣломъ докажетъ, что готовъ честно служить народу на гражданскомъ или военномъ поприщѣ, онъ найдетъ мѣсто въ нашихъ рядахъ...»

Для красной арміи приказъ Бронштейна звучалъ уже иначе:

«... Подъ страхомъ строжайшаго наказанія запрещаю разстрѣлы плѣнныхъ рядовыхъ казаковъ и непріятельскихъ солдатъ. Близокъ часъ, когда трудовое казачество, расправившись со своими контръ-революціонными офицерами, объединится подъ знаменемъ совѣтской власти...»[1]).

Мы грозили, но были гуманнѣе. Они звали, но были жестоки.

Совѣтская пропаганда имѣла успѣхъ не одинаковый: во время нашихъ боевыхъ удачъ — никакого; во время перелома боевого счатья ей поддавались казаки и добровольческіе солдаты, но офицерская среда — почти вся оставалась совершенно недоступной совѣтскому вліянію.

* * *

Арміи преодолѣвали невѣроятныя препятствія, геройски сражались, безропотно несли тягчайшія потери и освобождали шагъ за шагомъ отъ власти совѣтовъ огромныя территоріи. Это была лицевая сторона борьбы, ея героическій эпосъ.

Арміи понемногу погрязали въ большихъ и малыхъ грѣхахъ, набросившихъ густую тѣнь на свѣтлый ликъ освободительнаго движенія. Это была оборотная сторона борьбы, ея трагедія. Нѣкоторыя явленія разъѣдали душу арміи и подтачивали ея мощь. На нихъ я долженъ остановиться.

Войска были плохо обезпечены снабженіемъ и деньгами. Отсюда — стихійное стремленіе къ самоснабженію, къ использованію военной добычи. Непріятельскіе склады, магазины, обозы, имущество красноармейцевъ, разбирались безпорядочно, безъ системы. Арміи скрывали запасы отъ центральнаго органа снабженій, корпуса отъ армій, дивизіи отъ корпусовъ, полки отъ дивизій... Тылъ не могъ подвезти фронту необходимаго довольствія, и фронтъ долженъ былъ примѣнять широко реквизиціи въ прифронтовой полосѣ — способъ естественный и практикуемый всѣми арміями всѣхъ временъ, но требующій строжайшей регламентаціи и дисциплины.

Предѣлы удовлетворенія жизненныхъ потребностей армій, юридическія нормы, опредѣляющія понятіе «военная добыча», законные пріемы реквизицій — все это раздвигалось, получало скользкія очертанія, преломлялось въ сознаніи военной массы, тронутой общенародными недугами. Все это извращалось въ горнилѣ гражданской войны, превосходящей во враждѣ и жестокости всякую войну международную.

Военная добыча стала для нѣкоторыхъ снизу — однимъ изъ двигателей, для другихъ сверху — однимъ изъ демагогическихъ способовъ привести въ движеніе, иногда инертную, колеблющуюся массу.

О войскахъ, сформированныхъ изъ горцевъ Кавказа, не хочется и говорить. Десятки лѣтъ культурной работы нужны еще для того, чтобы измѣнить ихъ бы-

[1]) 24 ноября 1918 г. № 64.

товые навыки... Если для регулярныхъ частей погоня за добычей была явленіемъ благопріобрѣтеннымъ, то для казачьихъ войскъ — исторической традиціей, восходящей ко временамъ Дикаго поля и Запорожья, прошедшей красной нитью черезъ послѣдующую исторію войнъ и модернизованную временемъ въ формахъ, но не въ духѣ. Знаменательно, что въ самомъ началѣ противобольшевицкой борьбы представители Юго-Восточнаго союза казачьихъ войскъ, въ числѣ условій помощи, предложенной Временному правительству, включили и оставленіе за казаками всей «военной добычи» (!), которая будетъ взята въ предстоящей междоусобной войнѣ...[1]).

Соблазну сыграть на этой стрункѣ поддавались и люди лично безкорыстные. Такъ атаманъ Красновъ, въ одномъ изъ своихъ воззваній-приказовъ, учитывая психологію войскъ, атаковавшихъ Царицынъ, не двусмысленно говорилъ о богатой добычѣ, которая ихъ ждетъ тамъ... Его пріемъ повторилъ впослѣдствіи, въ іюнѣ 1919 года ген. Врангель. При нашей встрѣчѣ, послѣ взятія Царицына онъ предупредилъ мой вопросъ по этому поводу:

— Надо было подбодрить кубанцевъ. Но я въ послѣдній моментъ принялъ надлежащія мѣры...

Побѣдитель большевиковъ подъ Харьковомъ, ген. Май-Маевскій, широкимъ жестомъ «дарилъ» добровольческому полку, ворвавшемуся въ городъ, поѣздъ съ каменнымъ угломъ и оправдывался потомъ:

— Виноватъ! Но такое радостное настроеніе охватило тогда...

Можно было сказать a priori, что этотъ печальный ингредіентъ «обычнаго права» — военная добыча — неминуемо перейдетъ отъ коллективнаго начала къ индивидуальному и не ограничится предѣлами жизненно необходимаго.

Послѣ славныхъ побѣдъ подъ Харьковомъ и Курскомъ 1-го Добровольческаго корпуса, тылы его были забиты составами поѣздовъ, которые полки нагрузили всякимъ скарбомъ, до предметовъ городского комфорта включительно...

Когда въ февралѣ 1919 г. кубанскіе эшелоны текли на помощь Дону, то задержка ихъ обусловливалась не только разстройствомъ транспорта и желаніемъ ограничить борьбу въ предѣлахъ «защиты родныхъ хатъ...» На попутныхъ станціяхъ останавливались перегруженные эшелоны и занимались отправкой въ свои станицы «заводныхъ лошадокъ и всякаго барахла...»

Я помню разсказъ предсѣдателя Терскаго круга Губарева, который въ перерывѣ сессіи ушелъ въ полкъ рядовымъ казакомъ, чтобы ознакомиться съ подлинной боевой жизнью терской дивизіи.

— Конечно, посылать обмундированіе не стоитъ. Они десять разъ уже переодѣлись. Возвращается казакъ съ похода нагруженный такъ, что ни его, ни лошади не видать. А на другой день идетъ въ походъ опять въ одной рваной черкескѣ...

И совсѣмъ уже похороннымъ звономъ прозвучала, вызвавшая на Дону ликованіе, телеграмма ген. Мамонтова, возвращавшагося изъ Тамбовскаго рейда:

«Посылаю привѣтъ. Веземъ роднымъ и друзьямъ богатые подарки, донской казнѣ 60 милліоновъ рублей, на украшеніе церквей — дорогія иконы и церковную утварь...»

* * *

За гранью, гдѣ кончается «военная добыча» и «реквизиція», открывается мрачная бездна моральнаго паденія:

Насилія и грабежа.

Они пронеслись по Сѣверному Кавказу, по всему Югу, по всему россійскому театру гражданской войны — творимые красными, бѣлыми, зелеными — наполняя новыми слезами и кровью чашу страданій народа, путая въ его сознаніи всѣ

[1]) Осень 1917 г. Миссія Молдавскаго и подполк. Грузинова.

«цвѣта» военно-политическаго спектра и не разъ стирая черты, отдѣляющія образъ спасителя отъ врага.

Много написано, еще больше напишутъ объ этой язвѣ, разъѣдавшей арміи гражданской войны всѣхъ противниковъ на всѣхъ фронтахъ. Правды и лжи.

И жалки оправданія, что тамъ, у красныхъ, было несравненно хуже. Но вѣдь, мы, бѣлые, выступали на борьбу именно противъ насилія и насильниковъ!.. Что многіе тяжелые эксцессы являлись неизбѣжной реакціей на поруганіе страны и семьи, на растлѣніе души народа, на разореніе имуществъ, на кровь родныхъ и близкихъ — это не удивительно. Да, месть чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мѣрѣ. Но была и корысть. Корысть же — только гнусность. Пусть правда вскрываетъ наши зловонныя раны, не давая заснуть совѣсти, и тѣмъ побудитъ насъ къ раскаянію, болѣе глубокому, и къ внутреннему перерожденію, болѣе полному и искреннему.

Боролись ли съ недугомъ?

Мы писали суровые законы, въ которыхъ смертная казнь была обычнымъ наказаніемъ. Мы посылали вслѣдъ за арміями генераловъ, облеченныхъ чрезвычайными полномочіями, съ комиссіями, для разбора на мѣстѣ совершаемыхъ войсками преступленій. Мы — и я, и военачальники — отдавали приказы о борьбѣ съ насиліями, грабежами, обираніемъ плѣнныхъ и т. д. Но эти законы и приказы встрѣчали иной разъ упорное сопротивленіе среды, не воспріявшей ихъ духа, ихъ вопіющей необходимости. Надо было рубить съ головъ, а мы били по хвостамъ. А Рада, Круги, казачество, общество, печать въ то же время поднимали не разъ на головокружительную высоту начальниковъ храбрыхъ и удачливыхъ, но далекихъ отъ моральной чистоты ризъ, создавая имъ ореолъ и иммунитетъ народныхъ героевъ.

* * *

За войсками слѣдомъ шла контръ-развѣдка. Никогда еще этотъ институтъ не получалъ такого широкаго примѣненія, какъ въ минувшій періодъ гражданской войны. Его создавали у себя не только высшіе штабы, военные губернаторы, почти каждая воинская часть, политическія организаціи, донское, кубанское и терское правительства, наконецъ, даже... отдѣлъ пропаганды... Это было какое-то повѣтріе, болѣзненная манія, созданная разлитымъ по странѣ взаимнымъ недовѣріемъ и подозрительностью.

Я не хотѣлъ бы обидѣть многихъ праведниковъ, изнывавшихъ морально въ тяжелой атмосферѣ контръ-развѣдывательныхъ учрежденій, но долженъ сказать, что эти органы, покрывъ густою сѣтью территорію Юга, были иногда очагами провокаціи и организованнаго грабежа. Особенно прославились въ этомъ отношеніи контръ-развѣдки Кіева, Харькова, Одессы, Ростова (донская). Борьба съ ними шла одновременно по двумъ направленіямъ — противъ самозванныхъ учрежденій и противъ отдѣльныхъ лицъ. Послѣдняя была мало результатна, тѣмъ болѣе, что они умѣли скрывать свои преступленія и зачастую пользовались защитой своихъ, довѣрявшихъ имъ начальниковъ. Надо было или упразднить весь институтъ, оставивъ власть слѣпой и беззащитной въ атмосферѣ, насыщенной шпіонствомъ, броженіемъ, измѣной, большевицкой агитаціей и организованной работой разложенія, или же совершенно измѣнить бытовой матеріалъ, комплектовавшій контръ-развѣдку. Генералъ-квартирмейстеръ штаба, вѣдавшій въ порядкѣ надзора контръ-развѣдывательными органами армій, настоятельно совѣтывалъ привлечь на эту службу бывшій жандармскій корпусъ. Я на это не пошелъ и рѣшилъ оздоровить больной институтъ, вливъ въ него новую струю, въ лицѣ чиновъ судебнаго вѣдомства. Къ сожалѣнію, практически это можно было осуществить только тогда, когда отступленіе армій подняло волны бѣженства и вызвало наплывъ «безработныхъ» юристовъ. Тогда, когда было уже поздно...

Наконецъ, огромныя разстоянія, на которыхъ были разбросаны арміи — отъ Орла до Владикавказа, отъ Царицына до Кіева — и разобщенность театра войны въ значительной мѣрѣ ослабляли вліяніе центра на бытъ и всю службу войскъ.

* * *

Я прочелъ эти черныя страницы лѣтописи и чувствую, что общая картина не закончена, что она нуждается въ нѣкоторыхъ существенныхъ деталяхъ. Въ разные періоды борьбы вооруженныхъ силъ Юга, моральное состояніе войскъ было различнымъ. Различна была также степень грѣховности отдѣльныхъ войсковыхъ частей. Десятки тысячъ офицеровъ и солдатъ — павшихъ и уцѣлѣвшихъ — сохраняли незапятнанную совѣсть. Многія тысячи даже и грѣшниковъ, не будучи въ состояніи устоять противъ искушенія и соблазновъ развратнаго времени, умѣли все же жертвовать другимъ — они отдавали свою жизнь. Боролись и умирали. Быть можетъ за это судъ Божій и приговоръ исторіи будетъ менѣе суровъ:

— Виновны, но заслуживаютъ снисхожденія!

Черныя страницы Арміи, какъ и свѣтлыя, принадлежатъ уже исторіи. Исторія подведетъ итоги нашимъ дѣяніямъ. Въ своемъ обвинительномъ актѣ она изслѣдуетъ причины стихійныя, вытекавшія изъ разоренія, обнищанія страны и общаго упадка нравовъ, и укажетъ вины: правительства, не сумѣвшаго обезпечить Армію; командованія, не справившагося съ иными начальниками; начальниковъ, не смогшихъ (одни) или не хотѣвшихъ (другіе) обуздать войска; войскъ, не устоявшихъ противъ соблазна; общества, не хотѣвшаго жертвовать своимъ трудомъ и достояніемъ; ханжей и лицемѣровъ, цинично смаковавшихъ остроуміе армейской фразы — отъ благодарнаго населенія — и потомъ забросавшихъ Армію каменьями...

Поистинѣ нуженъ былъ громъ небесный, чтобы заставить в с ѣ х ъ оглянуться на себя и свои пути.

ГЛАВА XII.

Борьба на Сѣверномъ Кавказѣ лѣтомъ и осенью 1918 года.

Добровольческая Армія, по мѣрѣ своего продвиженія въ глубь Кавказа, попадала въ обстановку сложныхъ и запутанныхъ взаимоотношеній.

Чрезвычайно разнообразны тѣ историческія, національныя, соціальныя, религіозныя и бытовыя условія, которыя создали удивительную кавказскую мозаику и приводили въ движеніе событія тамъ въ первый годъ революціи.

Мы видѣли, что конецъ 1917 и начало 1918 годовъ ознаменованы были разложеніемъ русскаго элемента въ краѣ (иногордніе, казаки), разложеніемъ терскаго казачества и обособленіемъ въ этнографическихъ предѣлахъ мелкихъ народностей Сѣвернаго Кавказа — обособленіемъ, болѣзненно отозвавшимся на судьбахъ казачества.

Съ весны 1918 года эти процессы углубляются, и кавказскіе народы подпадаютъ, въ большей или меньшей степени, подъ вліяніе совѣтской власти; оно оспаривается, впрочемъ, Турціей, съ конца 1917 г. усиленно привлекавшей горцевъ, при посредствѣ своихъ и туземныхъ эмиссаровъ, пантурецкой и панисламистской пропагандой. Вначалѣ эти два вліянія рѣзко враждебны, потомъ, послѣ заключенія мира, они временно теряютъ свою остроту. Эти внѣшнія воздѣйствія запутываютъ еще больше внутриплеменную рознь, которая сдерживалась нѣкогда сильной центральной властью, а теперь положительно раздирала кавказ-

Осенью 1918 г. Чечня установила близкія сношенія съ турецкимъ командованіемъ въ Баку, которое черезъ Дагестанъ оказывало чеченцамъ помощь оружіемъ.

Наиболѣе стойкою въ борьбѣ съ большевиками оказалась Дагестанская область. Вся весна и лѣто 1918 г. прошли въ мелкихъ стычкахъ дагестанцевъ съ красногвардейскими отрядами, стремившимися проникнуть по астраханскому тракту въ Баку, и съ плоскостными кумыками (на сѣв. области), примкнувшими всецѣло къ большевикамъ. Исходъ борьбы былъ неблагопріятенъ для дагестанцевъ: Петровскъ, Темиръ-ханъ-Шура, Дербентъ были заняты мѣстными и пришлыми красногвардейцами, овладѣвшими желѣзнодорожной линіей и приморской дорогой. Борьба въ нагорной части, однако, продолжалась. Турецкая пропаганда въ Дагестанѣ раздувала всемѣрно религіозный фанатизмъ и возбуждала туркофильскія симпатіи; въ край ввозилось въ довольно большомъ количествѣ оружіе и боевые припасы, и съ середины мая въ него проникали турецкіе инструктора и аскеры; со 2 сентября 1918 г., когда турки заняли Баку, эта связь значительно упрочилась, въ Дагестанѣ появились турецкіе отряды и, въ результатѣ соглашенія, турки обѣщали двинуть туда дивизію.

«Всѣ дороги, ведущія изъ Россіи въ Азербейджанъ и Анатолію, проходятъ черезъ Сѣверный Кавказъ, который долженъ, поэтому, находиться въ надежныхъ рукахъ» — таковъ былъ лозунгъ пантурецкаго движенія, воспринятый, по преимуществу, мѣстной политиканствующей интеллигенціей. Но въ народѣ это движеніе, повидимому, не имѣло глубокихъ корней. Потому ли, что турецкая оккупація Азербейджана наглядно показала свою темную изнанку, потому ли, что связь съ Россіей была еще достаточно сильна. Дагестанцы расцѣнивали приходящія извнѣ разноплеменныя войска, прежде всего, какъ помощь противъ большевиковъ, какъ средство водворенія порядка. Кинематографическая лента прикаспійской жизни въ 1918 году мѣняла, поэтому, быстро и почти безболѣзненно свои картины. Лѣтомъ турецкіе инструктора и отряды... Въ началѣ сентября — появленіе войскъ Л. Бичерахова, въ составъ которыхъ входило много ненавистныхъ мусульманамъ армянъ; Бичераховъ занялъ Петровскъ и заключилъ договоръ съ полк. кн. Тарковскимъ [1]), «командующимъ Дагестанскими войсками», о выводѣ турокъ въ двухъ-дневный срокъ въ Гунибъ и объ удаленіи ихъ затѣмъ въ двухъ-недѣльный срокъ изъ предѣловъ Дагестана... Въ октябрѣ къ Петровску подходитъ турецкая бригада, Бичераховъ на судахъ уходитъ въ море, турки совмѣстно съ дагестанцами рѣжутъ несчастныхъ армянъ и возстановляютъ взаимный альянсъ... Въ ноябрѣ турецкіе эшелоны спѣшно уходятъ на Баку и Тифлисъ, ихъ смѣняетъ полковникъ Роуленсонъ и небольшой англійскій отрядъ: туркофильское настроеніе быстро блѣднѣетъ, а имамъ Дагестана Нажмудинъ Гойтинскій, вмѣсто газавата, проповѣдуетъ связь съ единой Россіей...

Такова была та національно-политическая канва, на которой кавказская совѣтская власть, не блиставшая ни умомъ, ни талантами, рисовала свои кровавые узоры, не заглядывая въ будущее, не стѣсняясь государственными интересами, ей чуждыми, исходя только лишь изъ чувства самосохраненія.

* * *

9 марта 1918 г., послѣ добровольнаго устраненія «Терско-Дагестанскаго правительства» [2]), на Терекѣ установилась совѣтская власть. Номинально Терская область объявлена была составной частью Россійской совѣтской республики, связь съ которой поддерживалась, впрочемъ, лишь присутствіемъ во Владикавказѣ

---

[1]) Одновременно кн. Тарковскій, бывшій членомъ Дагестанскаго правительства, принялъ диктаторскую власть.

[2]) Начало см. Т. II, гл. XV. «Терско-Дагест. пр-ство» возникло въ декабрѣ 1917 г. въ результатѣ соглашенія Терск. каз. пр-ства, Союза горцевъ Кавказа и Союза городовъ Терск. и Дагест. областей.

представителя всероссійскаго ц. и. к. «чрезвычайнаго комиссара» Ордженикидзе. Верховною властью края считался «Терскій народный съѣздъ»[1]), органомъ управленія и законодательства — выдѣленный имъ «Народный совѣтъ»[2]) и — какъ власть исполнительная — «Совѣтъ народныхъ комиссаровъ». Эта трехъ-степенная власть имѣла соотвѣтственныя подраздѣленія въ казачьихъ отдѣлахъ и горскихъ округахъ. Независимо отъ этихъ органовъ, въ краѣ продолжали свое существованіе полунезависимые мѣстные совѣты и исполн. комитеты рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ, сохранившіеся въ Кизлярскомъ и Моздокскомъ отдѣлахъ органы терскаго казачьяго самоуправленія, а во Владикавказѣ, Моздокѣ и другихъ городахъ нѣкоторое время и соціалистическія городскія думы. Такое нагроможденіе властей усиливало лишь безвластіе и анархію[3]).

Во главѣ совѣта народныхъ комиссаровъ сталъ эмигрантъ Ной-Мойше-Баучидзе[4]), грузинскій еврей, начавшій свою революціонную дѣятельность еще въ 1905 г. ограбленіемъ Квирильскаго казначейства; въ составъ совѣта вошли люди по преимуществу съ уголовнымъ прошлымъ — Пашковскій (землед.), Фигатнеръ (вн. дѣлъ), Бутыринъ (воен.) и друг.; почти всѣ совершенно чуждые краю.

Новая власть не имѣла надежной опоры въ краѣ, въ которомъ почти не было промышленности и, слѣдовательно, фабричнаго пролетаріата, основной ея силы. Красногвардейскіе отряды, формировавшіеся изъ солдатчины и мѣстныхъ иногороднихъ, обслуживали преимущественно мѣстные совдепы, плохо подчинявшіеся центру. Поэтому, наряду съ попытками созданія собственной арміи изъ подонковъ Владикавказскихъ окраинъ и пришлаго бездомнаго, бродячаго люда, вся политика власти, всѣ декреты, постановленія съѣздовъ, агитація — направлены были къ раздѣленію мѣстныхъ элементовъ и къ привлеченію благопріятствующей военной силы, связанной съ совѣтами, если не идеологіей, то матеріальными обоюдными выгодами.

Поперекъ пути совѣта стояло терское казачество, хотя и сильно тронутое внѣшними проявленіями большевизма, но цѣпко державшееся еще за свои привилегіи, преимущественно экономическаго характера. Совѣтъ считалъ, поэтому, необходимымъ разрушить военную и экономическую силу казачества. Это рѣшеніе было обосновано первоначально не столько на реальномъ противодѣйствіи терцевъ, сколько на инстинктивномъ страхѣ новаго правящаго класса передъ «страшной силой казачества» и его «реакціонной ролью» въ прошломъ. Объ этомъ большевицкіе ораторы говорили на всѣхъ съѣздахъ, сопровождая свои рѣчи личными красочными воспоминаніями о «казачьей плети». Происходило большое недоразумѣніе, такъ какъ казаки наиболѣе склонны были опереться на совѣтскую власть въ своей борьбѣ противъ чеченцевъ, ингушей и притѣснявшихъ ихъ непокорныхъ центру мѣстныхъ совдеповъ.

Насаждая и поддерживая матеріально горскіе національные совѣты, большевики начали тщательно вытравлять остатки казачьяго самоуправленія. Особымъ декретомъ всѣ существовавшія до того времени войсковыя части объявлены были распущенными, но исполненіе декрета послѣдовало только въ отношеніи казачьихъ частей, такъ какъ въ то же время по предложенію комиссара воен. дѣлъ Бутырина, собраніе горскихъ фракцій Народнаго совѣта постановляло организовать сводный отрядъ «для борьбы съ контръ-революціей...» Совдепами наряжались цѣлыя экспедиціи для поголовнаго разоруженія станицъ. За разоруженіемъ слѣдовало полное истощеніе реквизиціями и грабежомъ, насиліями и убійствами. Весьма примитивный «аграрный законъ», принятый на «3-мъ Терскомъ народномъ

---

[1]) Собраніе представ. совѣтовъ и всѣхъ соціалист. партій, отъ с. р. до большевиковъ включительно.

[2]) Въ немъ участвовали горская и казачья фракціи.

[3]) Въ одномъ селеніи бывало до 30 правившихъ «народныхъ избранниковъ», получавшихъ содержаніе въ 15—20 тыс.

[4]) Убитъ 20 іюля 1918 г. Его смѣнилъ Пашковскій, вернувшійся по амнистіи съ каторжныхъ работъ, къ которымъ былъ приговоренъ за грабежъ.

съѣздѣ», отнималъ у казаковъ земли въ пользу крестьянъ и «исправлялъ историческія ошибки» въ пользу чеченцевъ и ингушей мѣрами крайне элементарными по замыслу и крайне жестокими по выполненію. Такъ, напримѣръ, соединенными силами ингушей и красной гвардіи были разгромлены 4 станицы Сунженской линіи, стоявшія поперекъ пути между горной и плоскостной Чечней[1]); казаки изъ нихъ выселены поголовно (до 10 тыс.) и съ остатками своего добра безоружные потянулись на сѣверъ, безъ какихъ-либо опредѣленныхъ перспективъ; гибли и мерзли по дорогѣ, подвергаясь вновь нападенію и ограбленію со стороны горцевъ. Положеніе этихъ острыхъ черезполосныхъ клиньевъ историческаго казачьяго разселенія по Тереку и Сунжѣ было особенно тяжело.

Подъ ударами со всѣхъ сторонъ воля къ сопротивленію начала падать въ казачествѣ. Многія станицы Волжскаго и Сунженскаго отдѣловъ разоружались по первому окрику большевиковъ и выдавали небольшимъ красногвардейскимъ частямъ и ингушамъ припрятанное оружіе, пушки, боевые припасы. Ибо вопросъ шелъ уже не объ сохраненіи «вольностей», а только о самосохраненіи.

На 7-мъ казачьемъ съѣздѣ, подъ давленіемъ совѣта комиссаровъ и большевиствующихъ казаковъ, терцы постановили отказаться отъ всѣхъ своихъ привилегій и «вольностей». Но и это самоотреченіе не измѣнило положенія, и преслѣдованіе казачества продолжалось съ прежней силой.

* * *

Политика и практика совѣтской власти на Кавказѣ неизбѣжно должна была привести къ возстанію наиболѣе угнетаемыхъ элементовъ, какими являлось русское офицерство вообще и терское казачество.

По Кавказу и особенно на минераловодской группѣ сосредоточилось много тысячъ офицеровъ (на одной группѣ не менѣе десятка тысячъ), проживавшихъ остатки своего достоянія или бѣдствовавшихъ, обезоруженныхъ совдепами и находившихся подъ ихъ моральнымъ гнетомъ и усиленнымъ надзоромъ. Подъ вліяніемъ требованій Москвы, совѣтъ Владикавказскихъ комиссаровъ въ апрѣлѣ рѣшилъ приступить къ формированію красной арміи, для чего обратился къ офицерамъ съ патріотическимъ воззваніемъ — помочь родинѣ, угрожаемой нѣмецко-турецкимъ нашествіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, совѣтъ обратился съ предложеніемъ стать во главѣ формированій «народной арміи» къ генераламъ Рузскому, Радко-Дмитріеву и Мадритову. Первые два отклонили предложеніе и были убиты; генералъ Мадритовъ вошелъ въ сношенія съ Ноемъ Баучидзе. По распоряженію совѣтской власти, въ маѣ состоялся офицерскій митингъ въ Пятигорскѣ, съ участіемъ не менѣе тысячи человѣкъ, который послѣ долгихъ преній вынесъ резолюцію: «принимая во вниманіе крайне тяжелое положеніе родины, необходимо создать для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ народную армію, построенную на самой суровой дисциплинѣ, принятой въ одной изъ лучшихъ республиканскихъ армій. При этомъ всѣ боеспособные офицеры обязаны вступить въ таковую, не сводя личныхъ счетовъ и не предъявляя никакихъ личныхъ требованій. Что касается поступленія офицеровъ въ красную гвардію, то это предоставляется доброй волѣ каждаго». Эта резолюція, повидимому, удовлетворила совѣтъ комиссаровъ, который вначалѣ іюня обратился къ выдѣленной митингомъ комиссіи съ предложеніемъ рекомендовать ему генерала въ качествѣ командующаго войсками Терской области. Предназначенъ былъ ген. Мадритовъ, который, сформировавъ себѣ штабъ, переѣхалъ во Владикавказъ въ распоряженіе совѣта комиссаровъ.

Руководители всей этой сложной комбинаціи увѣряли, что цѣлью ихъ было «сформировать Терскую армію, совершить переворотъ и присоединиться къ Добровольческой Арміи...»[2]). Вѣроятно, такія иллюзіи поддерживали многихъ офицеровъ въ совѣтской Россіи, успокаивали совѣсть и оправдывали бездѣятель-

[1]) Сунженская, Аки-Юртовская, Тарская и Тарскій хуторъ.
[2]) Изъ записки ген. Мадритова.

ность. Фактически у кавказскаго офицерства [1]) ни желанія, ни смѣлости, ни малѣйшей работы мы не видѣли. Штабъ Мандритова не проявлялъ никакихъ признаковъ жизни, а вскорѣ всякая связь его съ минераловодской группой порвалась: въ іюнѣ временно захватилъ Кисловодскъ партизанъ, полк. Шкуро и оставилъ его, а изъ Петрограда вернулся на Кавказъ жестокій пятигорскій сатрапъ Анджіевскій [2]); всякія мѣстныя организаціи распались, начались казни... Офицерство безпомощно подставляло свои головы подъ удары большевицкихъ палачей или распылялось по станицамъ и ауламъ; очень немногіе ушли со Шкуро и въ послѣдовавшей лѣтомъ и осенью 1918 г. вооруженной борьбѣ изъ двухъ, по крайней мѣрѣ, десятковъ тысячъ офицеровъ, приняли участіе лишь отдѣльныя лица, небольшой отрядъ въ 300—500 человѣкъ полковника Литвинова и два, три болѣе мелкихъ.

Обще-русскаго бѣлаго центра на Кавказѣ такъ и не создалось; терскіе же казаки въ этотъ періодъ жили еще фронтовыми настроеніями и относились холодно къ своему офицерству и недружелюбно къ пришлому. По крайней мѣрѣ отрядъ Литвинова, ставши на Владикавказскій фронтъ, испытывалъ большую нужду: «продовольствіе отъ казаковъ было самое недостаточное, даже воду офицеры возили себѣ — въ станицахъ не нашлось для этого быковъ или лошадей. При этомъ... никакого содержанія офицеры не получали, были совершенно раздѣты и босы». Элементъ этотъ былъ, однако, наиболѣе послушнымъ и боеспособнымъ, и терское командованіе охотно использовало его на опаснѣйшихъ участкахъ фронта, гдѣ многіе «пришельцы» сложили свои головы, защищая терскія станицы...

* * *

Подготовка Терскаго казачества къ возстанію велась съ конца мая — на Минеральной группѣ, въ Моздокѣ, въ Кизлярѣ и Владикавказѣ (казачья фракція Народнаго совѣта). Выступленіе предполагалось въ августѣ, послѣ окончанія полевыхъ работъ, но захватъ полк. Шкуро Кисловодска въ серединѣ іюня далъ сигналъ къ преждевременному возстанію Волжскаго отдѣла, наиболѣе пострадавшаго (минеральн. группа), быстро перекинувшемуся и въ отдѣлъ Моздокскій, который большевики не успѣли обезоружить. Большевики спѣшно направили противъ возставшихъ отряды красной гвардіи изъ Пятигорска, Владикавказа и Минеральныхъ водъ. Георгіевскъ былъ скоро ими взятъ, но подъ Прохладной казаки нанесли большевикамъ тяжелое пораженіе. Съ тѣхъ поръ въ теченіе пяти мѣсяцевъ шла упорная борьба возставшихъ терцевъ, заключенныхъ въ тѣсномъ раіонѣ между Прохладной и Кизляромъ и окруженныхъ со всѣхъ сторонъ врагами.

Военно-политическимъ центромъ сталъ Моздокъ. Туда же переѣхала казачья фракція Народнаго совѣта изъ Владикавказа. 20 іюня въ Моздокѣ состоялся съѣздъ казаковъ и крестьянъ (юртовыхъ) Терскаго войска, который избралъ въ качествѣ исполнительнаго органа «Казаче-крестьянскій совѣтъ», во главѣ съ соц.-рев., инжен. Бичераховымъ [3]). Этотъ совѣтъ и сталъ во главѣ движенія, признавъ командующимъ войсками, вмѣсто ген. Мистулова, раненнаго подъ Прохладной, полк. Федюшкина.

Политическое возглавленіе наложило свой отпечатокъ на весь ходъ борьбы. Въ теченіе іюля шли длительные переговоры между Казаче-крестьянскимъ совѣтомъ и комиссарами, потомъ между совѣтомъ и 4-мъ «Съѣздомъ трудовыхъ народовъ», собравшимся во Владикавказѣ. Казаче-крестьянскій совѣтъ, признавая совѣтскую власть, требовалъ только измѣненія политики совѣтовъ комиссаровъ въ отношеніи терцевъ, прекращенія репрессій, возвращенія вооруженія и

---

[1]) Т. е. жившихъ въ то время на Кавказѣ.
[2]) Предсѣдатель пятигорскаго совѣта.
[3]) Братъ партизана.

отставки наиболѣе одіозныхъ комиссаровъ. «Съѣздъ народовъ» требовалъ «полнаго подчиненія и выдачи зачинщиковъ мятежа». Переговоры прервались неожиданно возстаніемъ во Владикавказѣ, поднятымъ полк. Бѣликовымъ и Соколовымъ, которые опирались на нѣсколько осетинскихъ сотенъ, стоявшихъ въ пригородной слободѣ, на городскую самооборону и на казаковъ трехъ ближайшихъ суперенскихъ станицъ. Въ ночь на 25 іюля полк. Соколовъ съ 80 казаками ворвался въ центръ города, завладѣлъ Апшеронскими казармами и разоружилъ часть красноармейцевъ, но никѣмъ поддержанъ не былъ. Сотни то подходили къ городу и вступали въ бой съ засѣвшими въ немъ большевиками, то вновь расходились по домамъ, не проявляя никакого подъема, никакой связи съ организаціей.

Тѣмъ временемъ часть комиссаровъ во главѣ съ Пашковскимъ была схвачена, но отпущена на свободу по просьбѣ «Народнаго съѣзда». Самъ «съѣздъ» вскорѣ разбѣжался, а оставшіеся члены его, преимущественно соц.-рев., въ виду паденія «совнаркома», выдѣлили изъ своего состава «Исполнительный комитетъ», который возглавилъ собою «Терскую республику» и владикавказское возстаніе и назначилъ «командующимъ всѣми вооруженными силами республики» ген. Мадритова»[1]). Такъ какъ, однако, ближайшія «вооруженныя силы», въ виду угрозы ингушей ихъ станицамъ, драться не хотѣли, то на 12-й день полной и безпросвѣтной путаницы комитетъ и командующій покинули Владикавказъ. Злополучный городъ грабили сначала уходящіе осетины, потомъ оставшіеся красноармейцы и, наконецъ, вошедшіе въ него ингуши. Совнаркомъ былъ возстановленъ, а исполнительный комитетъ, прибывъ въ Моздокъ, при содѣйствіи Бичерахова, объявилъ себя тамъ «Временнымъ народнымъ правительствомъ Терскаго края», подчинивъ своей власти Казаче-крестьянскій совѣтъ и возставшихъ терцевъ[2]). Одновременно въ Моздокѣ открылъ дѣйствія «областной комитетъ соц.-рев.», ставъ фактически третьей надстройкой многостепенной и чужеродной казачеству власти.

Всѣ эти сцены политической чехарды сильно напоминали бы сатиры Щедрина или пародіи Вампуки, если бы не были густо окрашены человѣческой кровью, если бы не ставили на карту судьбы терскаго войска, Кавказа и бѣлаго движенія.

Въ серединѣ сентября въ Моздокѣ созванъ былъ новый казаче-крестьянскій съѣздъ Терскаго края (края — въ предѣлахъ полосы Прохладная — Кизляръ!), который долженъ былъ разрѣшить капитальнѣйшіе вопросы: о построеніи власти въ Терской республикѣ, о томъ мѣстѣ, которое должна занять она въ федеративной Россіи, и объ отношеніи къ надвигающейся на большевиковъ съ сѣвера Добровольческой Арміи...[3]). Въ то время, когда фронтъ изнывалъ уже отъ боевыхъ тяготъ и неустройства, поистинѣ недугъ словоблудія поразилъ глубоко россійскихъ гражданъ, извративъ масштабъ и перспективы, отвлекая ихъ отъ простыхъ и ясныхъ цѣлей борьбы.

Связь съ Добровольческой Арміей установилась только въ сентябрѣ посылкой аэропланов черезъ фронтъ XI совѣтской арміи. 9 сентября на аэропланѣ былъ посланъ на Терекъ ген. Колесниковъ и небольшая сумма денегъ для офицерскихъ формированій, въ распоряженіе ген. Левшина[4]), которому, вмѣстѣ съ

---

[1]) Предписаніе 1 (14) августа, подписанное предсѣдателемъ комитета И. Семеновымъ.

[2]) Оригинально «происхожденіе» членовъ этого правительства:

Предсѣдатель Семеновъ — представитель городского населенія Владикавказа; Орловъ — отъ самоуправленія Пятигорска; Полесюкъ — отъ слобожанъ Грознаго, т. е. отъ тѣхъ группъ, которыя были въ борьбѣ нейтральны, или даже выступали за большевиковъ... Въ составъ пр-ства входилъ и «военный министръ» Овчаренко, имѣвшій свой особый штабъ.

[3]) На съѣздѣ правительство было частично переизбрано. Предсѣдателемъ сталъ Бичераховъ, а въ должности предсѣд. Казаче-крестьянскаго совѣта его замѣнилъ Букановскій.

[4]) Раньше никакой связи съ нимъ у насъ не было.

тѣмъ, предписано было добиваться установленія на Терекѣ единоличной атаманской власти. Штабъ мой послалъ терцамъ общую оріентировку и сообщилъ ближайшія задачи и цѣли Добровольческой Арміи, а именно: движеніе къ предѣламъ Терека и освобожденіе отъ большевиковъ Сѣвернаго Кавказа. Это извѣстіе о близкой помощи подняло значительно настроеніе командная состава и казаковъ, но встрѣчено было холодно революціонной демократіей. Бичераховъ по этому поводу говорилъ ген. Мадритову: «неизвѣстно, что намъ несетъ Добровольческая Армія — быть можетъ, намъ (терцамъ) придется и съ ней сражаться...»[1]).

Въ результатѣ, на Терекѣ образовались двѣ вліятельныя группы. Одна — въ Прохладной, вокругъ командующаго войсками полк. Федюшкина, бывш. предсѣдателя войскового круга Губарева и Левшина. Другая — въ Моздокѣ — вокругъ Бичерахова, Семенова и соц.-рев. комитета.

Всѣ начинанія терскаго командованія разбивались о противодѣйствіе правительства. Командованіе желало ввести всеобщую мобилизацію, полковую организацію и нормальную дисциплину... Правительство объявляло о формированіи «добровольческихъ отрядовъ имени учредительнаго собранія, на основахъ добровольной сознательной дисциплины», съ митингами, часто съ выборами начальниковъ. Командованіе стремилось на западъ, чтобы черезъ Пятигорскъ войти въ боевую связь съ Добровольческой Арміей... Правительство тянуло на востокъ, къ Петровску, гдѣ обосновалось соц.-рев. Каспійское правительство Бичерахова — брата, мечтавшее также подчинить своему вліянію весь Сѣверный Кавказъ, Черноморье, Кубань[2]), и гдѣ сосредоточился въ началѣ сентября его отрядъ. А казачество не разбиралось, конечно, въ стратегіи, не имѣло большого желанія итти ни на востокъ, ни на западъ, наивно думая побороть большевиковъ о б о р о н о й родныхъ станицъ и зная опредѣленно, что ослабленіе ихъ гарнизоновъ повлечетъ неминуемо чеченское или ингушское нашествіе... «Родныя хаты» — стимулъ большого моральнаго значенія, но почти всегда гибельный для стратегіи.

Армія такъ и не сложилась. Бились отдѣльные отряды, чисто ополченскаго характера. Казаки служили п о с м ѣ н н о, появляясь на фронтѣ на основаніи «сознательной дисциплины», на одну, потомъ на двѣ недѣли и не разъ, не дожидаясь запаздывающей смѣны, расходились по станицамъ, обнажая фронтъ. Боевые припасы были на исходѣ, помощь ни откуда не приходила...

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ условій, при содѣйствіи большевицкой агитаціи и болѣе чѣмъ странной правительственной пропаганды, падалъ духъ казачій. Нѣкоторыя станицы цѣликомъ или частью приняли сторону большевиковъ. «Происходила невиданная война — говоритъ Е. Бунаковскій — населеніе дѣлилось на части и недѣлями сражалось другъ съ другомъ на улицахъ родной станицы. Сторонникамъ совѣтской власти помогали красноармейцы. И когда борьба дѣлалась невозможной, нежелавшіе подчиняться большевикамъ уходили въ сторону Грознаго. Образовался новый казаче-казачій фронтъ...»

Достойно удивленія, какъ при этихъ условіяхъ, безъ дисциплины, безъ денегъ, безъ боевыхъ припасовъ, почти въ полномъ окруженіи — въ теченіе пяти мѣсяцевъ командный составъ и лучшая часть казачества находила силы продолжать борьбу. Дрались и умирали, не теряя вѣры въ свое дѣло и въ конечный его успѣхъ.

* * *

Ведя бой съ перемѣннымъ счастьемъ, казачьи отряды постоянно мѣняли свой составъ, доходившій въ среднемъ до 12 тыс. при 40 оруд., и къ осени 1918 г. за-

[1]) Такое же отношеніе къ Арміи Бичераховъ проявилъ на «народномъ съѣздѣ», но онъ и его единомышленники встрѣтили бурный протестъ собранія. (Бюллетень засѣданія 14 сентября).

[2]) Отъ него получена была помощь въ 2 милл. руб. и боевые припасы.

Комисс. фин. Андреевъ, Военн. комисс. Бутуринъ, комисс. вн. д. Фигатнеръ.

Предсѣд. 1-го „народн. съѣзда“ Богдановъ.

Предсѣд. совѣта комиссаровъ Буачидзе.

Сѣверо-Кавказскіе совѣтскіе правители.

нимали слѣдующее расположеніе: полк. Агоевъ стоялъ у ст. Зольской, въ переходѣ отъ Пятигорска; полк. Вдовенко — въ переходѣ къ юго-востоку отъ Георгіевска. Это были лучшія по стойкости и дисциплинѣ войска. Отдѣльные терскіе отряды прикрывали казачій «островъ» съ сѣвера у Курской, съ юга — отъ Владикавказа — у Котляревской. Бои шли и у Грознаго — съ мѣстными большевиками, и у Кизляра, къ которому подошли красноармейскія части изъ Астрахани; при этомъ оба города переходили изъ рукъ въ руки.

Большую Кабарду и г. Нальчикъ занимали осетинскіе и кабардинскіе отряды Кибирова и Серебрякова, а противъ Владикавказа стояли осетинскія сотни полк. Хабаева.

Подъ давленіемъ Добровольческой Арміи, сѣверо-кавказскій фронтъ большевиковъ становился все въ болѣе угрожаемое положеніе, имѣя въ своемъ распоряженіи только одну коммуникаціонную линію — безводный Астраханскій трактъ. Очевидно, съ цѣлью пробить себѣ путь черезъ Моздокъ и Кизляръ, большевики предприняли въ началѣ ноября серьезную операцію въ этомъ направленіи, поведя наступленіе двумя главными колоннами: отъ Георгіевска на Моздокъ и отъ Пятигорска на Прохладную.

21 октября большевики заняли ст. Зольскую и 28-го Прохладную. Одновременно сильная колонна ихъ подошла къ Моздоку. Терцы отступали безъ серьезнаго сопротивленія... Палъ Грозный вслѣдствіе отсутствія подкрѣпленій, отвлеченныхъ къ Моздоку, и благодаря самовольному оставленію казаками важнѣйшаго участка позиціи. Снята была блокада Кизляра, и казаки, атаковавшіе городъ, разошлись по станицамъ, гдѣ началась уже веселая пора давки винограда.

Командующій войсками, полк. Федюшкинъ былъ къ тому времени смѣщенъ правительствомъ и на его мѣсто назначенъ выздоровѣвшій отъ ранъ ген. Мистуловъ — человѣкъ высоко доблестный и честный, но еще менѣе самостоятельный. На соединенномъ засѣданіи Временнаго правительства и Казаче-крестьянскаго съѣзда рѣшено было «объявить всеобщую мобилизацію и командировать особую комиссію въ отдѣлы для ознакомленія населенія съ критическимъ положеніемъ всего казачества, необходимостью новыхъ жертвъ».

Но было уже поздно.

На важнѣйшихъ направленіяхъ выбыли изъ строя начальники: полк. Агоевъ былъ раненъ, Вдовенко заболѣлъ; боевыхъ припасовъ почти не оставалось; все чаще стали случаи самовольнаго оставленія позицій и митинги. На всѣхъ направленіяхъ шло полное отступленіе, и ген. Мистуловъ подъ вліяніемъ непрекращавшихся ссоръ и интригъ въ правительствѣ и совѣтѣ, не будучи въ состояніи остановить развалъ фронта, покончилъ жизнь самоубійствомъ.

Еще одна искупительная жертва за чужіе грѣхи.

Между тѣмъ, большевики заняли и Моздокъ, раздѣливъ терскіе отряды, дѣйствовавшіе къ западу и востоку отъ него. Правительства передали власть «тріумвирату» изъ Бичерахова, Букановскаго и вновь избраннаго командующаго войсками ген. Колесникова и разсѣялись. Терскій фронтъ рухнулъ. Часть войскъ, тысячи двѣ, съ командующимъ, новымъ правительствомъ и соц.-рев. комитетомъ направилась къ Петровску; отряды Литвинова, Агоева, Серебрякова и Кибирова общимъ числомъ около 4 тыс. человѣкъ, кружнымъ путемъ, черезъ горы, южнѣе Пятигорска, вышли къ Баталпашинску на соединеніе съ Добровольческой Арміей; часть казаковъ «Владикавказскаго фронта» вмѣстѣ съ отрядами Хабаева пробилась къ Военно-Осетинской дорогѣ... Остальные казаки разошлись по станицамъ.

Весь терскій край вновь попалъ во власть большевиковъ, начавшихъ кровавую расправу.

ГЛАВА XIII.

Сѣверо-Кавказская операція Добровольческой арміи.

Послѣ пораженія, понесеннаго 7 ноября подъ Ставрополемъ [1]), XI совѣтская армія отступала въ двухъ главныхъ направленіяхъ: Таманская группа на сѣверо-востокъ, къ с. Петровскому и группа Гудкова — на востокъ, къ Бешпагиру. 11 ноября 1-й конный корпусъ ген. Врангеля, форсировавъ рѣку Калаусъ и преодолѣвъ сопротивленіе Таманской группы, соединившейся уже съ частями красныхъ, дѣйствовавшихъ сѣвернѣе, взялъ село Петровское, узелъ дорогъ, ближайшую базу противника. Въ теченіе четырехъ дней въ этомъ раіонѣ происходили тяжелые бои, и село дважды переходило изъ рукъ въ руки. Корпусъ понесъ большія потери, особенно въ офицерскомъ составѣ, причемъ едва не попалъ въ руки противника штабъ корпуса, расположившійся въ с. Константиновкѣ. Только 15-го ген. Врангель овладѣлъ окончательно Петровскимъ. Измотанные до послѣдней степени многомѣсячными непрерывными боями кони отказывались уже работать, и кубанцы преслѣдовали противника шагомъ, атаковали рысью... Большевики нѣсколько разъ переходили въ контръ-наступленіе противъ с. Петровскаго, но были отражаемы съ большимъ урономъ.

1-й армейскій корпусъ ген. Казановича, преслѣдовавшій Гудкова, встрѣтилъ также серьезное сопротивленіе на линіи р. Бешпагирки, и въ теченіе девяти дней дрался съ перемѣннымъ успѣхомъ въ раіонѣ Бешпагира. Только 20 ноября обозначился успѣхъ и на этомъ направленіи: ген. Врангель, оставивъ небольшой заслонъ у Петровскаго, бросилъ 1-ю конную дивизію къ юго-западу на Спицевку, въ тылъ войскамъ Гудкова. Застигнутая врасплохъ этимъ неожиданнымъ ударомъ, атакованная одновременно съ фронта 1 дивизіей и обойденная кубанцами полк. Науменко долиной рѣки Горькой съ юга, группа Гудкова была смята и, теряя плѣнныхъ (болѣе 3-хъ тысячъ) и орудія, бросилась на востокъ. Ген. Казановичъ преслѣдовалъ большевиковъ за Калаусъ на разстояніи двухъ переходовъ и только къ 24-му былъ остановленъ ими на параллели с. Медвѣдскаго. Въ то же время ген. Врангель, искусно дѣйствуя по внутреннимъ операціоннымъ линіямъ, къ вечеру 21-го спѣшно сосредоточилъ свои силы вновь къ Петровскому, и на другой день таманскіе и ставропольскіе полки, успѣвшіе обложить село съ сѣвера и юга и даже ворваться въ южную его окраину, были разбиты и спѣшно отошли къ востоку.

* * *

Къ концу ноября общее стратегическое положеніе на Сѣверо-Кавказскомъ фронтѣ было таково:

1. На крайнемъ правомъ крылѣ въ направленіи Минеральныхъ водъ дѣйствовалъ третій армейскій корпусъ ген. Ляхова [2]), силою въ 10 тыс. при 30 оруд. и четырехъ бронепоѣздахъ. Онъ занималъ фронтъ по обѣ стороны Владикавказской жел. дор. противъ ст. Курсавки, а правымъ флангомъ своимъ подходилъ на переходъ къ жел.-дор. линіи Кисловодскъ — Минеральныя воды. Корпусъ былъ недавно сформированъ и главную массу его составляли войска ополченскаго типа.
2. Въ центрѣ, въ раіонѣ Ставрополя расположено было два корпуса: а) 1-й армейскій ген. Казановича [3]) — силою въ 6800 шт. и саб., 21 оруд., стоялъ у

---

[1]) См. т. III, гл. XXXII.

[2]) 1-я (ген. Слащевъ) и 2-я (ген. Геймапъ) пласт. бригады, 1-я Кавказ. каз. див. (ген. Шкуро), Черкесская див. (ген. Султанъ-Келечъ-Гирей), Терскій отрядъ и Баталпашинскія ополченія.

[3]) 1-я див. (врем. ген. Колосовскій) и 1-я Кубанск. (ген. Покровскій, врем. ген. Науменко).

Сергіевки, выдвинувъ передовыя части противъ Медвѣдскаго и Александровскаго; б) 1-й кон. корпусъ ген. барона Врангеля[1]), силою до 6 200 саб. и шт., 20 оруд. — въ раіонѣ Петровскаго.

3. Въ Приманычскихъ степяхъ дѣйствовалъ отрядъ ген. Станкевича[2]) — двѣ, три тыс., 4 оруд., держа связь съ Донской арміей и прикрывая лѣвый флангъ нашего расположенія.

Всего въ Кавказской группѣ Добровольческой Арміи было около 25 000 при 75 орудіяхъ.

Противъ нашихъ войскъ располагалась XI армія красныхъ, подъ командой нѣмца Крузе. Составъ, командованіе и организація ея непрестанно мѣнялись, какъ мѣнялась и человѣческая волна, переливавшаяся черезъ ея кадры. Въ составъ ея входило 12 пѣх. дивизій трехъ-пяти полкового состава и 7½ кав. дивизій. Въ рядахъ ихъ числилось огромное количество людей, не менѣе 150 тыс., изъ которыхъ около половины дѣйствительно сражавшихся. Въ теченіе декабря предполагалось произвести полную реорганизацію арміи, путемъ очистки ея отъ небоевого элемента и сведенія многочисленныхъ колоннъ, отрядовъ въ 5 стрѣлковыхъ и 5 конныхъ дивизій. Въ ноябрѣ армія усилилась частями, освободившимися послѣ паденія Терскаго фронта, въ томъ числѣ Терской дивизіей и Кабардинской бригадой.

Къ концу ноября войска XI арміи располагались слѣдующимъ образомъ:

1. Манычская группа («ставропольскія» дивизіи), 15 тыс., противъ ген. Станкевича и къ востоку отъ Петровска, между Манычемъ и с. Овощи.
2. Благодарненская группа («таманскія» дивизіи), 10 тыс., противъ прав. фланга ген. Врангеля и противъ лѣв. крыла ген. Казановича, впереди Благодарнаго.

---

[1]) 1-я кон. див. (ген. Шатиловъ), 2-я Куб. каз. див. (ген. Улагай), Сводная конная бригада (ген. Чайковскій), 3-я пласт. бриг. (ген. Ходкевичъ).

[2]) Сборныя части 3 Куб. див., 3 пласт. бриг., 1 див. и друг.

3. Александровская группа (бывш. Гудкова), 10 тыс., противъ прав. крыла ген. Казановича, впереди с. Александровскаго.
4. Терская группа, до 25 тыс., противъ ген. Ляхова, отъ Курсавки до Кисловодска. Ближайшимъ резервомъ этимъ силамъ могла служить XII армія, подъ командой Дьякова, силою до 12 тыс. человѣкъ, образовавшаяся послѣ паденія Терскаго фронта въ раіонѣ Кизляръ — Моздокъ — Грозный изъ трехъ красныхъ полковъ сильнаго состава, пришедшихъ изъ Астрахани, и мѣстныхъ формированій.

Всего противъ нашей Сѣверо-Кавказской группы стояло 72 тыс., при 80—100 орудіяхъ. Войска эти базировались на Астрахань, а передовой базой для XI арміи служилъ обильно снабженный всякими запасами Св. Крестъ.

* * *

24 ноября части Добровольческой Арміи получили ближайшую задачу: ген. Врангель, съ подчиненіемъ ему отряда Станкевича — разбить группу противника, сосредоточившагося къ сѣверу отъ Петровскаго [1]), тѣснившую донцовъ (по Манычу) и Станкевича и угрожавшую выдвинутому впередъ положенію 1 кон. корпуса.

Ген. Казановичу — наступленіемъ на Благодарное обезпечить операцію Врангеля.

Ген. Ляхову — перейти въ наступленіе на фронтъ Кисловодскъ — Минеральныя воды, для овладѣнія Минераловодской группой.

Во исполненіе этой директивы съ 25 ноября по 20 декабря шли тяжелые бои, съ перемѣннымъ успѣхомъ, изнурительные для обѣихъ сторонъ.

Ген. Врангель, наступая главными силами по обоимъ берегамъ Калауса на сѣверъ и отрядомъ Станкевича на востокъ, на Стар. Бурукшунъ, въ теченіе 26 ноября — 1 декабря, рядомъ удачныхъ боевъ очистилъ сѣверный раіонъ; большевики, неся большія потери, бѣжали на Рагули. Мелкіе бои, однако, въ этомъ раіонѣ не прекращались; 5 декабря большевики атаковали вновь на фронтѣ Кистенское — Дербетовское, но были отброшены. Атаки противника повторились 11-го отъ Овощи на Камбулатъ бригадой пѣхоты и кавалеріи и 13-го болѣе крупными силами — всей Манычской группой, до 15 тыс. — на фронтъ Кистенское — Предтеча, въ охватъ Петровскаго съ сѣвера... Направленный ген. Врангелемъ во флангъ наступающихъ, ген. Улагай, къ вечеру того же дня, разбилъ южный отрядъ большевиковъ въ раіонѣ Барханчака и затѣмъ, дѣйствуя быстро и искусно, въ теченіе трехъ дней нанесъ рядъ сильныхъ ударовъ и средней колоннѣ у Винодѣльнаго, Дербетовскаго, отбросивъ большевиковъ далеко за Дивное.

Но упорство большевиковъ сломлено не было. Новыя мобилизаціи и подкрѣпленія, прибывшія изъ Астрахани и съ Терека, усилили XI армію, которая не только стойко оборонялась, но временами переходила въ общее наступленіе по всему фронту (10—11 декабря).

Былъ сильный морозъ. Бушевала страшная вьюга. И люди и кони работали изъ послѣднихъ силъ.

Наступленіе ген. Казановича, имѣвшаго противъ себя въ центрѣ наиболѣе сильную Таманскую группу, подвигалось медленно. Только на правомъ флангѣ его 1-я дивизія ген. Колосовскаго имѣла успѣхъ, разбивъ 6-го у Александровскаго двѣ бригады большевиковъ. Всѣ усилія свои Казановичъ направлялъ для фронтальнаго прорыва въ направленіи на Медвѣдское, которое, послѣ перегруппировки, атаковалъ и взялъ 15-го; но уже черезъ два дня таманцы перешли большими силами въ контръ-наступленіе со стороны Благодарнаго, и ген. Казановичъ, неся большія потери, сталъ отходить къ р. Калаусу.

Когда было взято Медвѣдовское, я полагалъ использовать успѣхъ Казановича движеніемъ съ сѣвера во флангъ и тылъ противнику частей 1-го кон. корпуса.

---

[1]) Раіонъ Предтече - Софіевскій - Старый Бурукшунъ.

Людской и конный составъ его, однако, былъ измотанъ до крайности и ген. Врангель считалъ необходимымъ для возстановленія боеспособности корпуса по крайней мѣрѣ двухнедѣльный отдыхъ. Но черезъ нѣсколько дней, въ виду серьезнаго положенія группы Казановича, онъ самъ предложилъ ударить по тыламъ противника на фронтъ Медвѣдское — Шишкино. На крайнемъ лѣвомъ флангѣ группы — отрядъ ген. Станкевича утвердился въ Б.-Джалгѣ, одна бригада прикрывала Петровское съ востока; прочія силы 1-го кон. корпуса начали сосредоточеніе въ раіонѣ къ юго-востоку отъ Петровскаго.

На Минераловодскомъ направленіи — гололедица, большіе морозы и снѣжные бураны, свирѣпствовавшіе съ особой силой въ предгоріяхъ Кавказа, до крайности затрудняли операціи. 28 ноября ген. Ляховъ занялъ ст. Барсуки; къ 3 декабря дивизія ген. Шкуро, слѣдуя на соединеніе съ корпусомъ, вышла на фронтъ его сѣвернѣе ст. Курсавка, которая и была взята 14-го, послѣ горячаго боя соединенными усиліями бронированныхъ поѣздовъ, пластуновъ и ударомъ въ тылъ дивизіи Шкуро. На всемъ фронтѣ корпуса изо дня въ день шли бои, типичные для «малой войны», причемъ, оперативныя сводки, отмѣчали перемежающіеся успѣхи и неудачи — переходъ изъ рукъ въ руки станицъ Боргустанской, Суворовской, Воровсколѣской, станціи Курсавки... 16 и 17-го одновременно съ наступленіемъ въ центрѣ на Казановича, Терская группа красныхъ повела общее наступленіе и на корпусъ Ляхова, развивая небывалой силы артиллерійскій огонь. Въ направленіи Владикавказской жел. дор. линіи наступленіе это было сдержано бронепоѣздами и атаками кубанцевъ Шкуро и горцевъ Бековича Черкасскаго[1]). На правомъ флангѣ нашемъ противникъ имѣлъ, однако, успѣхъ и, сбивъ Черкесскую дивизію, быстро двигался къ Баталпашинску. Ген. Шкуро направился туда, чтобы личнымъ своимъ вліяніемъ на казаковъ Баталпашинскаго отдѣла поднять тамъ поголовное ополченіе.

* * *

Наступленіе въ центрѣ Сѣверо-Кавказскаго Добровольческаго фронта назначено было на 21 декабря. Въ этотъ день на разсвѣтѣ я съ Романовскимъ и англійскимъ представителемъ ген. Пулъ прибыли на сборный пунктъ конницы генерала Врангеля, верстахъ въ 20 къ юго-востоку отъ Петровскаго. На нашихъ глазахъ происходило развертываніе и движеніе въ атаку славныхъ полковъ 1-го кон. корпуса, сыгравшихъ рѣшительную роль въ послѣдовавшемъ генеральномъ сраженіи.

Для прикрытія лѣваго фланга отъ Маныча (Кіевское) до Овощи оставлены были отряды ген. Станкевича и ген. Бабіева. Остальныя войска корпуса ген. Врангель бросилъ на фронтъ Медвѣдское — Шишкино — въ тылъ Таманской группѣ противника. Стремительной атакой кубанцевъ большевики, занимавшіе этотъ раіонъ, были разбиты, и главныя силы Таманской группы, потерявъ пути отхода на Св. Крестъ, въ безпорядкѣ бросились на югъ и юго-востокъ. Въ то же время войска Казановича, наступая съ фронта, на лѣвомъ своемъ флангѣ взяли 21-го Орѣховку и Высоцкое, а на правомъ, въ ближайшіе дни, овладѣли послѣдовательно Грушевской, Калиновкой и Александровскимъ... sic!

Вслѣдъ за тѣмъ, 24-го, ген. Врангель овладѣлъ Благодарнымъ, ведя преслѣдованіе на югъ и востокъ, послѣ чего сосредоточилъ свой корпусъ въ раіонѣ этого села. Дважды еще большевики переходили въ контръ-наступленіе — 25-го на Благодарное и 26-го противъ Казановича, но были обращены въ бѣгство. Число плѣнныхъ, оружія, обозовъ, попадавшихъ въ наши руки, все болѣе увеличивалось. И 27 декабря штабъ имѣлъ основаніе сообщить печати, что «Таманская армія противника приведена въ полное разстройство и управленіе ею потеряно».

Въ виду общности фронта и задачи, я объединилъ командованіе надъ войсками генераловъ Казановича и Врангеля въ рукахъ послѣдняго. Эта армейская

[1]) Черкесы и Кабардинцы.

группа должна была докончить пораженіе центра XI совѣтской арміи, наступая на Святой Крестъ — Георгіевскъ, въ то время. какъ корпусъ Ляхова выполнялъ прежнюю задачу — овладѣть линіей Кисловодскъ — Минеральныя воды.

24 декабря сборный отрядъ ген. Шкуро отразилъ противника, обстрѣливавшаго уже орудійнымъ огнемъ Баталпашинскую, и погналъ его въ направленіи Есентуковъ; къ 29-му наши части атаковали Курсавку, Есентуки и Кисловодскъ...

Ген. Врангель, между тѣмъ, направилъ дивизію Улагая на Святой Крестъ, главными же силами продолжалъ тѣснить Таманскую и Александровскую группы противника на югѣ. Шагъ за шагомъ, разбивая еще сопротивлявшіеся отряды, забирая много плѣнныхъ и орудій, войска его въ началѣ января продвинулись въ раіонъ Новоселицы — Александровское.

Къ этому времени разстроенная и деморализованная XI армія красныхъ, насчитывавшая еще въ своихъ рядахъ до 40 тыс. при 50—80 оруд., сбилась въ двѣ группы: въ раіонѣ ст. Нагутская — Кисловодскъ — Минеральныя воды — около 20—25 тыс. и въ раіонѣ Св. Креста — до 10 тыс.; оторванная отъ главныхъ силъ Манычск. группа (ставропольскій корпусъ) противника, силою до 10 тыс., дѣлала попытки облегчить положеніе всей арміи наступленіемъ въ охватъ нашего лѣваго крыла, но въ бояхъ въ долинѣ Маныча и въ раіонѣ Овощи и Рагули ген. Станкевичъ и полк. Бабіевъ нанесли ей рядъ пораженій и вскорѣ вытѣснили большевиковъ въ Астраханскія степи.

Къ вечеру 4 декабря дивизія ген. Улагая, наступая по Благодарненск. дорогѣ, послѣ жестокаго боя овладѣла Св. Крестомъ, и одновременно другая колонна ген. Топоркова, направленная Врангелемъ изъ главныхъ силъ, взяла Преображенское (южнѣе), прервала тамъ ж. д. сообщеніе, не допустивъ эвакуаціи Св. Креста.

Овладѣніе нами Св. Крестомъ, помимо огромной военной добычи, которую представляла эта передовая база всего Сѣверо-Кавказскаго совѣтскаго фронта, окончательно лишало остатки XI арміи сѣверо-восточныхъ путей отступленія. Передъ нею лежало двѣ дороги — одна черезъ Владикавказъ на Грузію, другая — на Моздокъ — Кизляръ къ Астрахани. Первая сулила ей темное будущее въ странѣ, враждебной большевизму, вторая — спасеніе; но была она страшно длинной и трудной, и огромному большинству принесла гибель...

6 января, продолжая наступленіе по всему фронту, войска ген. Врангеля заняли Георгіевскъ и тѣмъ предрѣшили участь Минеральной группы. Корпусъ Ляхова на другой день овладѣлъ Ессентуками, Кисловодскомъ и Минеральными водами, а 8-го Пятигорскомъ. 12 января ген. Шкуро послѣ горячаго боя взялъ Нальчикъ и, бросившись затѣмъ на сѣверъ, 14-го занялъ Прохладненскій узелъ [1]), отрѣзавъ тѣмъ большевикамъ путь отступленія на Владикавказъ. Безостановочно преслѣдуя противника, наши войска къ 14 января вышли на линію Нальчикъ — Прохладная — Эдессія — Правокумское — Арзгиръ — Дивное.

Это былъ полный разгромъ противника — тактическій и моральный, требовавшій лишь неотступнаго преслѣдованія, невзирая на страшное утомленіе Добровольческихъ войскъ. Эта сводившаяся къ освобожденію Терской области и къ выходу къ Каспійскому морю задача возложена была мною на ген. Врангеля, сыгравшаго такую блестящую роль въ истекшей операціи. 10 января онъ сталъ фактически во главѣ Кавказской Добровольческой арміи, въ составъ которой я включилъ всѣ войска, стоявшія на фронтѣ отъ Дивнаго до Нальчика [2]).

Въ концѣ января ген. Врангель заболѣлъ сыпнымъ тифомъ и не могъ руководить операціей. Это обстоятельство поставило меня въ большое затрудненіе, такъ какъ передавать командованіе старшему (ген. Ляхову) я не хотѣлъ — его стратегія не раздѣлялась мною, а начальникъ штаба арміи ген. Юзефовичъ только что поступилъ въ наши ряды и не могъ поэтому пріобрѣсти авторитета въ глазахъ

---

[1]) Тамъ же захваченъ весь спасавшійся Кисловодскій совдепъ.
[2]) Въ командованіе 1 кон. корпусомъ вступилъ ген. Покровскій.

Бронепоѣздъ „Генералъ Алексѣевъ“.

Погруженные танки.

Плѣнные большевики.

скіе народы, давая возможность ничтожной совѣтской силѣ утвердиться на Сѣверномъ Кавказѣ.

Составъ населенія Терской области опредѣлялся въ 1917 г. слѣдующей примѣрной таблицей:

Все населеніе — 1 450 712

Въ томъ числѣ русскихъ:

а) казаковъ	20%
б) иногородныхъ	20%
	40%

Горцевъ:

а) осетинъ	17%
б) чеченцевъ	16%
в) кабардинцевъ	12%
г) ингушей	4%
	49%

Кочевниковъ	4½%
Прочихъ (арм., груз., перс., нѣмц. и т. д.)	6½%

Участіе этихъ народовъ въ политической жизни края далеко не соотвѣтствовало ихъ численному составу.

Ингуши — наименѣе численный и наиболѣе спаянный и сильный военной организаціей народъ оказался, по существу, вершителемъ судебъ Сѣвернаго Кавказа. Моральный его обликъ опредѣленъ былъ давно уже учебниками географіи: «главный родъ занятій — скотоводство и грабежъ...» Послѣднее занятіе здѣсь достигло особеннаго искусства. Политическія стремленія исходили изъ той же тенденціи. Ингуши стали ландскнехтами совѣтской власти, ея опорой, не допуская, однако же, проявленія ея въ своемъ краѣ. Одновременно они старались завязать сношенія съ Турціей и искали турецкой помощи изъ Елисаветполя, нѣмецкой изъ Тифлиса. Въ августѣ, когда казаки и осетины овладѣли Владикавказомъ, ингуши своимъ вмѣшательствомъ спасли терскій совѣтъ ко-

миссаровъ, но при этомъ жестоко разграбили городъ и захватили государственный банкъ и монетный дворъ. Они грабили всѣхъ сосѣдей: казаковъ и осетинъ во имя «исправленія историческихъ ошибокъ», своего малоземелья и чрезполосицы; большевиковъ — въ уплату за свои труды и службу; кабардинцевъ — просто по привычкѣ, и владикавказскихъ гражданъ — за ихъ безпомощность и непротивленіе.

Ихъ ненавидѣли всѣ, а они занимались своимъ «ремесломъ» дружно, широко, организованно, съ большимъ размахомъ, ставъ наиболѣе богатымъ племенемъ на всемъ Кавказѣ.

Осетины — помимо многихъ частныхъ взаимно враждебныхъ подраздѣленій, представляли два основныхъ лагеря — православныхъ и мусульманъ. Первые дружили съ казаками, вторые съ ингушами. Командованіе въ лицѣ ген. Фидарова[1]) тянуло къ объединенію съ Турціей и къ ингушамъ, національный совѣтъ и большая часть интеллигенціи поддерживали совѣтскую власть. Народъ же, ненавидя большевиковъ, оставался пассивнымъ и не слѣдовалъ ни за своими правителями, ни за командованіемъ; официально признавалъ совѣтскую власть и тайно, неорганизованно входилъ во всѣ комбинаціи для ея сверженія.

Въ концѣ іюня двѣ, три сотни осетинъ приняли участіе въ нападеніи на Владикавказъ. Послѣ неудачи этого выступленія, собравшійся Ардонскій совѣтъ, подъ вліяніемъ оплачиваемой большевиками партіи «Керменъ», вновь призналъ единогласно власть народныхъ комиссаровъ и даже высказался за вооруженную поддержку ея. Но народъ не откликнулся и тогда на постановленія своихъ представителей. Большинство осталось пассивнымъ, часть же осетинъ поступала въ ряды терцевъ или въ дерущіеся на ихъ сторонѣ отряды полковниковъ Хабаева и Кибирова. Эта приверженность Осетіи къ старымъ государственнымъ связямъ и полная несклонность ни къ большевизму, ни къ крайнимъ формамъ національной независимости, послужили источникомъ многихъ бѣдъ: и ингуши, и въ особенности большевики, разорили и уничтожили много осетинскихъ ауловъ и хуторовъ на Курпѣ, въ Моздокскомъ отдѣлѣ, возлѣ Владикавказа и на Военно-Грузинской дорогѣ.

Кабарда, занятая большевицкими гарнизонами и управляемая большевицкими комиссарами, смирилась сразу. Отношеніе края къ совѣтской власти опредѣлялось просто географическимъ положеніемъ его: Малая Кабарда, сдавленная между большевиками и ингушами, признала всецѣло совѣтскую власть, а Большая Кабарда (Нальчикскій округъ), примыкая къ фронту возставшихъ терскихъ казаковъ (Прохладненскому), выставила противъ большевиковъ отрядъ сначала въ двѣ сотни, потомъ разросшійся до бригады конницы, подъ начальствомъ ротмистра Серебрякова — представителя кабардинскихъ узденей (дворянства). Въ то же время представитель «кабардинскаго пролетаріата» пастухъ Катохановъ на совѣтскія средства сформировалъ отрядъ изъ кабардинцевъ-большевиковъ, понесшій вскорѣ пораженіе въ бою съ Серебряковымъ.

Чеченцы, помимо сложной внутренней своей распри, раздѣлились и по признакамъ внѣшней политики, образовавъ одновременно два національныхъ совѣта: Грозненскій округъ, имѣвшій старые счеты съ терцами, по постановленію Гойтинскаго съѣзда шелъ съ большевиками и получалъ отъ нихъ деньги, оружіе и боевые припасы. Другая часть чеченцевъ — Веденскій округъ, подчиняясь рѣшенію Атагинскаго съѣзда, стоялъ на сторонѣ казаковъ, хотя и не оказывалъ имъ непосредственной помощи, и былъ противъ большевиковъ. Первые были связаны поэтому тѣснѣе съ Ингушетіей, вторые съ Дагестаномъ. Между обѣими группами разгоралась сильнѣйшая вражда, приводившая иногда къ многодневнымъ кровопролитнымъ боямъ, чѣмъ до нѣкоторой степени смягчалась опасность положенія терскихъ казаковъ.

---

[1]) Быв. начальникъ Туркест. каз. дивизіи.

доблестныхъ, но своенравныхъ начальниковъ Кавказской арміи. Рѣшено было офиціальнаго приказа о замѣщеніи не отдавать, а ген. Юзефовичу руководить арміей отъ имени ея командующаго.

* * *

Къ серединѣ января Сѣверо-Кавказскаго совѣтскаго фронта уже не существовало, оставались только разрозненные отряды: остатки разбитой XI арміи (до 20 тыс.) группировались въ раіонѣ Прохладной и по путямъ отъ нея, частью къ Владикавказу, преимущественно же къ Моздоку; другая группа (около 5 тыс.), оторванная отъ главныхъ силъ и стремившаяся соединиться съ X арміей, сосредоточилась у Пріютнаго, сѣвернѣе оз. Манычскаго; на всемъ огромномъ протяженіи между этими пунктами — по воздушной линіи свыше 250 верстъ, только въ кумскомъ раіонѣ собирались остатки, до 3 тыс. красныхъ, разбитыхъ у Св. Креста. Восточнѣе — XII армія, силою около 12 тыс., занимала Грозный, Кизляръ и Старотеречную, прикрывая единственный путь отхода — прикаспійскій Астраханскій трактъ. Наконецъ, въ раіонѣ Владикавказа сосредоточились крупные мѣстные отряды «Сѣверо-Кавказской республики», и неизвѣстно было — дружественная или враждебная сила — войска Ингушетіи.

Такимъ образомъ, Кавказская добровольческая армія имѣла передъ собой еще до 50 тыс., хотя и разрозненныхъ, лишенныхъ управленія и деморализованныхъ совѣтскихъ войскъ.

14 января командующій арміей, оставивъ для прикрытія Астраханскихъ направленій и Ставропольской губ. отрядъ ген. Станкевича на Манычѣ и дивизію ген. Улагая у Св. Креста, двинулъ для преслѣдованія противника два корпуса: ген. Ляхова (3 арм. к.-с.) — на Владикавказъ и Грозный, ген. Покровскаго (1 кон. к.-с.) на Моздокъ — Гудермесъ — Кизляръ къ Каспійскому морю.

Человѣческая волна катилась бурно и неудержимо на востокъ, покрывая всѣ дороги на много десятковъ верстъ, запрудивъ ихъ обломками повозокъ, брошеннымъ скарбомъ, трупами людей и животныхъ. Кому удавалось спастись отъ пули и шашечнаго удара, тотъ находилъ смерть отъ сыпного тифа, косившаго нещадно. Многіе участники похода, свыкшіеся, казалось, съ ужасами войны, не могли потомъ безъ содроганія вспоминать эти кошмарныя картины: мечущіяся толпы, брошенные на произволъ судьбы поѣзда съ больными и ранеными, тысячи изнемогающихъ людей въ жару и бреду, ползущихъ по рельсамъ и откосамъ полотна и давимыхъ немилосердно уходящими поѣздами...

Иногда толпы большевиковъ останавливались и, побуждаемыя страхомъ и чувствомъ самосохраненія, принимали вновь обликъ воинской силы и вступали въ бой съ преслѣдовавшими — бой жестокій, упорный, безнадежный...

Ген. Покровскій двигался нѣсколькими колоннами съ сѣв. зап. къ Моздоку на перерѣзъ пути противника, отходившаго лѣвымъ берегомъ Терека. На разсвѣтѣ 15-го Покровскій обрушился на большевиковъ на широкомъ 25 верстномъ фронтѣ, прижалъ ихъ къ рѣкѣ и въ упорномъ бою, въ которомъ со стороны большевиковъ принимало участіе и 8 бронированныхъ поѣздовъ, разбилъ ихъ на голову, взялъ до 10 тыс. плѣнныхъ и занялъ Моздокъ. Бѣгущіе пытались переправиться на правый берегъ, но единственный деревянный мостъ рухнулъ, и много людей, спасаясь вплавь, утонуло въ Терекѣ.

Еще разъ у станицы Мекенской корпусъ встрѣтилъ сопротивленіе, но послѣ двухъ-дневнаго боя опрокинулъ противника и, сбивая его короткими ударами, шелъ безостановочно впередъ, занявъ 24 января Кизляръ, достигнувъ разъѣздами Брянской пристани и войдя въ связь у Хасавъ Юрта съ Терскимъ отрядомъ ген. Колесникова, стоявшаго въ Петровскѣ. Остатки большевицкихъ войскъ частью разсѣялись по Чечнѣ, частью (3—4 тыс.) были настигнуты и порублены сѣвернѣе Кизляра. Весьма немногимъ удалось уйти на Астрахань.

Этотъ безпримѣрный маршъ — 350 верстъ съ боями — 1-й конный корпусъ ген. Покровскаго совершилъ въ 14 дней!

Ген. Ляховъ, оставивъ часть силъ для обезпеченія Прохладненскаго узла, двинулъ войска генераловъ Шкуро и Геймана обоими берегами Терека къ Владикавказу, а Черкесскую дивизію ген. Келечъ-Гирея — въ долину Сунжи на Грозный.

Пройдя до Ахлово, черкесы встрѣтили неожиданное сопротивленіе со стороны ингушей, которые, выставивъ хорошо вооруженный двухтысячный конный отрядъ, прикрыли отступленіе большевиковъ и отказались пропустить наши войска до рѣшенія ингушскаго національнаго совѣта, засѣдавшаго въ Назранѣ. Ген. Келечъ-Гирей вступилъ въ бой съ ингушами, но потерпѣлъ неудачу и, не разсчитывая на свои силы, свернулъ кружнымъ путемъ на станицу Слѣпцовскую и взялъ ее съ боя. Но попалъ въ трудное тактическое положеніе между ингушами и большевиками. Ген. Ляховъ направилъ крупныя части изъ своего резерва — Прохладной для ликвидаціи сопротивленія непокорныхъ ауловъ и одновременно предъявилъ ингушскому народу ультимативное требованіе — сдать оружіе, очистить Владикавказъ и окрестныя селенія, возстановить снесенныя терскія станицы. Переговоры намѣренно затягивались ингушами и наступленіе Черкесской дивизіи на Грозный задержалось. Между тѣмъ до свѣдѣнія моего дошло, что какіе-то сборные отряды подъ англійскимъ командованіемъ направлены изъ Петровска къ Грозному[1]... Во избѣжаніе нежелательныхъ послѣдствій иностранной оккупаціи огромной важности нефтеноснаго раіона, я приказалъ возложить задачу овладѣнія Грознымъ на ген. Покровскаго. Съ лѣваго берега Терека онъ свернулъ отъ ст. Калиновской на югъ части 1-й кон. дивиз. ген. Шатилова и 23-го, послѣ двухдневнаго жестокаго боя, городъ былъ взятъ.

На Владикавказскомъ направленіи шло наступленіе отрядовъ Шкуро и Геймана, которые, преодолѣвъ сопротивленіе противника на линіи Ардонъ — Эльхотово, къ 19 января подошли къ ст. Бесланъ, въ двухдневномъ бою опрокинули большевиковъ, безпорядочно отступившихъ къ Владикавказу, и 21-го ген. Шкуро ворвался уже въ зарѣчную часть города, занявъ кадетскій корпусъ; 24 въ его рукахъ было сѣверное предмѣстье — Курская слобода, а южнѣе города — гора Лысая, чѣмъ отрѣзанъ былъ противнику путь отхода и по Военно-Грузинской дорогѣ. Многіе комиссары и совдепы кавказскихъ городовъ успѣли, однако, бѣжать въ первые дни осады въ гостепріимную Грузію.

Большевики совмѣстно съ ингушами оборонялись съ большимъ ожесточеніемъ[2]). Части ген. Геймана, наступавшія съ сѣвера, находились подъ ударомъ съ фланга и тыла, со стороны ингушскихъ ауловъ, съ населеніемъ поголовно вооруженнымъ, поднявшимся въ защиту большевиковъ. Потребовалось 6 дней упорной борьбы, ряда послѣдовательныхъ ударовъ по ингушскимъ ауламъ, въ которыхъ большевики совмѣстно съ ингушами отчаянно защищали каждую саклю. И только 27-го ингушскій національный совѣтъ выразилъ отъ имени народа полную покорность, принявъ всѣ наши условія, а 28-го послѣ десяти-часоваго уличнаго боя, наши войска овладѣли Владикавказомъ.

Въ послѣдующіе дни происходила только ликвидація остатковъ противника, разсѣявшагося въ окрестностяхъ Владикавказа и зажатаго нашими войсками въ тѣсномъ раіонѣ Сунженской долины между Владикавказомъ и Грознымъ. Въ Грузію бѣжало свыше 3-хъ тыс. красноармейцевъ, которыхъ, по моему настоянію передъ англійскимъ командованіемъ, грузинское правительство обязалось интернировать въ Мцхетѣ[3]).

Сѣверо-Кавказская операція закончилась. Вся Ставропольская губ. и Терская область были освобождены отъ совѣтской власти. Въ предѣлахъ Сѣвернаго

---

[1]) Нѣкоторое основаніе было. См. главу XV.

[2]) Городъ обороняли Владикавказскій полкъ, дружина самообороны, отряды коммунистовъ и ингуши — съ сильной артиллеріей и броневиками.

[3]) Это исполнено не было. Многіе большевики появились въ Тифлисѣ, поступали въ Грузинскую нац. гвардію или выпускались къ намъ на Черноморское побережье. О неисполненіи грузинами условій сообщало моему штабу и англійское командованіе (23 марта № 77).

Генералъ Улагай.

Кавказа не оставалось болѣе ни одной организованной большевицкой части. Много крови, много жизней стоила и огромныхъ усилій потребовала эта борьба, давшая чудесныя страницы Добровольческаго эпоса, богатая яркими примѣрами высокой доблести и искусства многихъ вождей и воиновъ.

Стотысячная армія Сѣверо-Кавказскаго большевицкаго фронта перестала существовать. Она оставила въ нашихъ рукахъ 50 000 плѣнныхъ, не считая больныхъ и раненыхъ, 150 орудій, 350 пулеметовъ и огромное количество всякаго военнаго имущества. Она усѣяла своими трупами Ставропольскія поля и предгорья Кавказа во имя чуждыхъ ей идей и непонятныхъ цѣлей. Въ теченіе 7½ мѣсяцевъ она отвлекала на себя почти всѣ Добровольческія силы Юга и хоть за это должна бы получить нѣкоторое признаніе со стороны московскихъ правителей. Но они вбили въ могилу ея осиновый колъ и написали на немъ бранную надпись. И мнѣ — врагу, приходится заступиться за память погибшей арміи передъ исторіей.

Бронштейнъ о причинахъ неудачъ на Южномъ фронтѣ говорилъ[1]):

> «... за спиной Краснова, на югѣ, стояли Деникинскія бѣлогвардейскія войска. Знали мы о нихъ? Конечно, знали. Но за спиной Деникинскихъ войскъ стояли сѣверо-кавказскія совѣтскія арміи. Эти двѣ арміи насчитывали чуть не 150 000 или даже 200 000 человѣкъ. По крайней мѣрѣ, снабженіе они требовали на такое число. Но это не были правильно организованныя войска, а партизанскіе отряды, за которыми тащилось много бѣженцевъ и просто дармоѣдовъ и мародеровъ. Никакой правильной организаціи снабженія, управленія и командованія не было и въ поминѣ. Самодѣльные командиры не желали никому подчиняться и боролись другъ съ другомъ. Какъ всегда водится у партизановъ, страшно преувеличивали свои силы, съ презрѣніемъ относились ко всѣмъ предостереженіямъ центра, а потомъ, послѣ перваго серьезнаго удара со стороны Деникинцевъ, стали разсыпаться на части. При этомъ сдали врагу множество военнаго имущества и погубили при отступленіи неисчислимое количество человѣческихъ силъ. Нигдѣ, можетъ быть, партизанщина не обошлась такъ дорого рабочимъ и крестьянамъ, какъ на Сѣверномъ Кавказѣ.
>
> Такимъ образомъ, основною причиной нашихъ южныхъ неудачъ являются не недостатки организаціи армій южнаго фронта, а предательская, въ полномъ смыслѣ слова, роль пережившей себя партизанщины.

Нѣтъ сомнѣнія, что много язвъ разъѣдало Сѣверо-Кавказскую армію — вѣроятно не въ меньшей степени, чѣмъ прочія красныя арміи. Но, очевидно, воинскій духъ ея, невзирая на отсутствіе непосредственнаго управленія центра и плодотворнаго вліянія «московскихъ и петроградскихъ сознательныхъ товарищей», влитыхъ во множествѣ на другіе фронты (или, быть можетъ, благодаря отсутствію этого вліянія?), былъ неизмѣримо выше, чѣмъ въ другихъ красныхъ арміяхъ. Потому что справляться съ нею намъ было труднѣе, чѣмъ съ другими, потому что борьба съ нею стоила намъ относительно большихъ потерь. И не разъ, разбитая, казалось, до основанія, она возрождалась вновь и вновь, давая твердый отпоръ Добровольцамъ.

* * *

Въ началѣ февраля Кавказская добровольческая армія, имѣя обезпеченный и относительно замиренный тылъ, получила, наконецъ, возможность повернуть на сѣверъ для выполненія своей основной задачи.

ГЛАВА XIV.

Терекъ въ 1919 году.

Когда войска Добровольческой Арміи овладѣли Минеральной группой и опредѣлился ясно исходъ операціи, я назначилъ командира 3 арм. корпуса ген. Ля-

[1]) 8 іюня 1919 г. Городъ Козловъ.

хова «главноначальствующимъ и командующимъ войсками Терско-Дагестанскаго края». Одновременно письмомъ на имя начальника края я опредѣлялъ общія основанія той политики, которой надлежало придерживаться русской власти:

«Милостивый государь
Владимиръ Платоновичъ,

Героическими подвигами Кавказской добровольческой арміи, въ которой слились въ одномъ беззавѣтномъ порывѣ славные кубанскіе казаки, Добровольцы, терцы и горскіе воины, освобождается весь Сѣверный Кавказъ отъ власти большевиковъ.

Кончаются дни безпросвѣтной тьмы, хулиганскаго разгула и безправія. Народная жизнь потрясена до основанія, тѣмъ болѣе, что смута еще болѣе обострила взаимоотношенія, существовавшія между народностями Сѣвернаго Кавказа.

Вамъ предстоитъ тяжелая, но благодарная задача умиротворить Терско-Дагестанскій край. Ввести начала законности и порядка. Съ высокой справедливостью и безпристрастіемъ примирить интересы подчасъ враждующихъ сосѣднихъ народностей. Возстановить правильную экономическую жизнь, чему всемѣрно будутъ содѣйствовать органы управленія, при мнѣ состоящіе. Помочь свободному развитію мѣстныхъ установленій. Создать вооруженныя силы для защиты родныхъ очаговъ и для участія въ борьбѣ за освобожденіе Россіи. Наконецъ, вновь пріобщить край къ русской государственности.

Отъ всей души желаю скорѣйшаго прекращенія междуусобій, счастья и мира многострадальному краю.

Уважающій Васъ А. Деникинъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, «въ цѣляхъ возсозданія Терскаго казачьяго войска», ген. Ляхову приказано было собрать кругъ для выбора войскового атамана, поручивъ эту работу находившемуся въ раіонѣ Добровольческой Арміи, бывшему предсѣдателю Терскаго округа, И. Д. Губареву.

Если во взаимоотношеніяхъ съ Дономъ и Кубанью вопросъ о необходимости единой государственной власти ставился нами, какъ необходимость подчиненія общимъ интересамъ частныхъ, то для Терека, при его крайней черезполосности, при страшно запутанныхъ межплеменныхъ отношеніяхъ, острой враждѣ къ нему чеченцевъ и ингушей и далеко не соразмѣрныхъ силахъ сторонъ, установленіе обще-россійской власти являлось вопросомъ физическаго существованія казачества, вопросомъ жизни и смерти. Только такая власть, чуждая областныхъ интересовъ, могла имѣть извѣстный авторитетъ въ глазахъ горцевъ, примирить враждующіе элементы и остановить или, по крайней мѣрѣ, не дать разгорѣться на Сѣверномъ Кавказѣ новому пожару, открывающему путь для новой волны большевизма — пожару, въ пламени котораго, прежде всего, сгорѣло бы Терское войско. Наконецъ, только русская власть могла обезпечить Сѣверный Кавказъ, какъ тылъ наступающихъ на сѣверъ противобольшевицкихъ армій и, ослабивъ развитіе панисламистскихъ и центробѣжныхъ теченій, сохранить край для Россіи. Это сознавала ясно россійская общественность Юга, такъ думали тогда, въ періодъ начальной борьбы терскіе дѣятели — будущіе законодатели и правители, въ томъ числѣ ген. Вдовенко[1]) и Губаревъ. Пониманіе положенія не чуждо было и горской интеллигенціи. Представители наиболѣе культурнаго племени — осетины имѣли смѣлость высказать его открыто[2]): «Не располагая умственными и матеріальными силами даже для совмѣстной автономности, не говоря уже о государственной независимости, горцы по пути къ своей независимости стали добычей какъ авантюристовъ изъ своей собственной среды, такъ и большевиковъ. Это было неизбѣжно. Вѣдь въ прошломъ Кавказъ представлялъ изъ себя арену непрерывной войны его народовъ, и только сильная русская власть въ состояніи была отчасти умиротворить ихъ, отчасти заставить ихъ приступить къ мирнымъ видамъ труда».

---

[1]) Будущій атаманъ.

[2]) «Протестъ Осетіи», подписанный правителемъ Хабаевымъ и 9 членами совѣта. Осень 1919 года.

Даже яркій проповѣдникъ горской независимости, предсѣдатель горскаго правительства Коцевъ на одномъ изъ засѣданій, въ порывѣ интимной откровенности, заявилъ: «слабыя наши стороны намъ не давали жить. Это — грабежи и разбои, кои не даютъ намъ ходу. Вотъ почему насъ хотятъ умиротворять, вотъ почему хотятъ назначить генералъ-губернаторовъ... Это и есть наше слабое мѣсто — «если хотите самоопредѣляться, то обезпечьте свободное проживаніе гражданамъ» — вотъ что намъ могутъ сказать...»[1]).

Ляхову даны были указанія относительно организаціи мѣстной власти, которыя онъ сталъ осуществлять практически съ середины января. Само же «положеніе» вырабатывалось детально въ нѣдрахъ комиссій Особаго Совѣщанія очень долго, претерпѣвало частичныя видоизмѣненія и только къ концу мая появился официально проектъ его.

Въ общемъ, система управленія намѣчалась слѣдующая:

Высшая гражданская и военная власть въ краѣ принадлежитъ главноначальствующему и командующему войсками, который по второй своей должности подчинялся непосредственно главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи, а по первой — Особому Совѣщанію. При главноначальствующемъ состояли помощники, изъ которыхъ одинъ — по горскимъ дѣламъ, выбираемый, какъ и члены совѣта при немъ, на общемъ горскомъ съѣздѣ.

Территорію края составляютъ области Терскаго войска и Дагестанская, четыре горскихъ округа — Кабарда, Осетія, Ингушетія, Чечня и выдѣленныя въ особыя административныя единицы градоначальства: Владикавказское[2]), Грозненское[3]) и Минераловодскій раіонъ[4]).

Терекъ получалъ широкую автономію, аналогичную той, которая была составлена для Кубани[5]). «Терское войско—говорилось въ «Основныхъ положеніяхъ»— пользуется правами автономіи во внутреннихъ своихъ дѣлахъ и управляется, въ этомъ отношеніи, на основаніи законодательныхъ постановленій, издаваемыхъ войсковымъ кругомъ, при посредствѣ Круга, выборнаго Войскового атамана, правительства и другихъ органовъ, которые будутъ учреждены войсковымъ кругомъ...» «Дѣла общегосударственныя (перечень тотъ же, что для Кубани[5]), разрѣщаются въ порядкѣ законодательства и верховнаго управленія Главнокомандующимъ вооруженными силами Юга Россіи, въ порядкѣ же управленія подчиненнаго вѣдаются главноначальствующимъ Терско-Дагестанскаго края и иными подлежащими органами...» «Въ порядкѣ военнаго управленія Терское войско и его войсковое начальство подчиняются Главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи. Распоряженія Главнокомандующаго приводятся въ исполненіе черезъ командующаго войсками въ краѣ...»

Во главѣ каждой горской народности стоитъ правитель по выбору народа и при немъ совѣтъ, также изъ выборныхъ. Они вѣдаютъ дѣлами мѣстнаго управленія, хозяйства и вопросами культурно-бытовыми; сохраняются и шаріатскіе суды. Правители подчиняются непосредственно главноначальствующему.

Кругъ дѣятельности этихъ органовъ точно установленъ не былъ, и фактически горскія племена пользовались полнѣйшей самостоятельностью. Единственной государственной тяготой была для нихъ платная поставка продовольствія расположеннымъ въ нихъ раіонахъ войскамъ и обязанность выставить въ дѣйствующую армію боевыя части, сообразно численности своего населенія. Требованіе это диктовалось мотивами не военными, а исключительно политическими: не было иныхъ средствъ, чтобы выкачать изъ ауловъ массу накопленнаго тамъ оружія и безпокойные элементы и тѣмъ хоть до нѣкоторой степени обезпечить

---

[1]) Изъ протокола засѣданія. Февраль 1919 г.

[2]) Владикавказъ — спорный пунктъ между тремя племенами.

[3]) Общегосударственное значеніе нефтеноснаго раіона, находящагося въ предѣлахъ Терека и Чечни.

[4]) Общероссійская здравница, созданная на государственныя средства.

[5]) См. Т. III, гл. XXXVII.

общій внутренній миръ въ краѣ и, въ частности, Терское войско, ослабленное посылкой своихъ полковъ на сѣверъ. Численность всѣхъ горскихъ контингентовъ въ рядахъ Арміи до конца мая не превышало 3—4 тыс.

* * *

Терскій большой войсковой кругъ открылся 22 февраля.

Кругъ выслушалъ докладъ ген. Ляхова о конструкціи власти въ Терско-Дагестанскомъ краѣ, рѣшенія по этому вопросу не вынесъ, но выказалъ готовность всемѣрно поддерживать Добровольческую Армію. Призналъ необходимымъ тѣсное объединеніе съ Кубанью; избралъ малый кругъ въ качествѣ «комиссіи законодательныхъ предположеній» для будущей сессіи войскового круга; утвердилъ временную конституцію края; и избралъ атаманомъ ген. Вдовенко, вручивъ ему полную военную и исполнительную власть, обязавъ лишь атамана и поставленное послѣднимъ правительство «по вопросамъ законодательнаго характера, не терпящимъ отлагательствъ (займы, налоги и т. п.), обращаться за утвержденіемъ къ Малому кругу». Вслѣдъ за симъ, черезъ 9 дней Большой кругъ разошелся на неопредѣленное время, предоставивъ инициативу своего созыва Малому кругу и атаману.

При такихъ условіяхъ началось соправленіе двухъ властей — казачьей и Добровольческой, обосновавшихся въ Пятигорскѣ. Недоговоренность взаимоотношеній, рядъ спорныхъ вопросовъ, восходившихъ еще къ періоду дореволюціонному, происки кубанскихъ самостійниковъ, чрезвычайно чуткое, прямо болѣзненное отношеніе новыхъ терскихъ властей къ своему престижу, чтобы онъ не былъ ничѣмъ умаленъ «противъ старшихъ братьевъ — Дона и Кубани» — все это не могло не породить треній. Къ тому же ген. Ляховъ былъ человѣкъ властный, крутой, съ характеромъ тяжелымъ и обращеніемъ рѣзкимъ, обламывавшій, а не сглаживавшій острые углы взаимныхъ отношеній. Въ результатѣ, послѣ двухмѣсячнаго управленія, главноначальствующій въ своемъ отчетѣ[1]) свидѣтельствовалъ:

> «Приходится отмѣтить постоянныя неофиціальныя сношенія (моего) управленія съ новой образовавшейся въ краѣ властью въ лицѣ Войскового правительства Терскаго казачьяго войска. Непрерывно возникающія тренія на почвѣ рѣзкихъ выступленій указаннаго правительства по предметамъ явно не подлежащимъ его компетенціи, какъ напримѣръ, распоряженія въ предѣлахъ минераловодскаго раіона, въ области государственныхъ финансовъ, передвиженія грузовъ, закрытія границъ Терской области, попытки захватить учрежденія бывшаго правительственнаго продовольственнаго аппарата, постоянно заставляютъ Управленіе относиться съ особой бдительностью къ распоряженіямъ Войскового правительства — при чемъ до послѣдняго времени удавалось полуофиціальнымъ путемъ и переговорами съ Войсковымъ атаманомъ и его правительствомъ улаживать всѣ недоразумѣнія. При этомъ Войсковымъ правительствомъ отмѣнены всѣ изданныя имъ распоряженія, несогласныя съ общей конституціей власти, установленной Добровольческой Арміей.
>
> Управленіе однако отмѣчаетъ, что тренія увеличиваются и могутъ быть весьма серьезными, въ особенности въ области земельнаго вопроса, который, повидимому, предполагается казачествомъ къ разрѣшенію въ благопріятномъ только для казаковъ смыслѣ»

Ляховъ правилъ этнографической мозаикой Сѣвернаго Кавказа съ большой энергіей, въ условіяхъ крайне трудныхъ. Возстановилъ судъ, администрацію, правительственныя учрежденія. Создавалъ примирительныя комиссіи, формировалъ войска и съ февраля велъ самостоятельно операціи противъ большевиковъ и горцевъ[2]). Центръ нашъ медлилъ, отставая отъ быстро текущей жизни, и главноначальствующій вводилъ, по собственной инициативѣ, законодательныя новеллы въ области земельныхъ отношеній, акциза и т. д., иногда расходившіяся съ политикой центра. Такъ, управленіе его взяло на себя самочинно разрѣшеніе въ административномъ порядкѣ ходатайствъ о возстановленіи владѣльцевъ зем-

[1]) Отъ 31 марта 1919 г. № 1276.

[2]) Кавказская добровольческая армія перебрасывалась на сѣверъ.

ли и движимыхъ имуществъ въ ихъ правахъ — мѣра, создавшая почву для недовольства и обвиненій власти.

Правленіе ген. Ляхова продолжалось только три мѣсяца, такъ какъ въ мартѣ произошелъ печальный случай, прервавшій его служебную дѣятельность. Начальникомъ конвоя главнонач.альствующаго (или комендантомъ его штабъ-квартиры), лицомъ пользовавшимся его неограниченнымъ довѣріемъ былъ нѣкто капитанъ Чайдоянцъ, состоявшій ранѣе комендантскимъ адъютантомъ штаба Арміи и удаленный съ этой должности. Ляхова предупреждали не разъ о сомнительной репутаціи Чайдоянца, но онъ не обращалъ на это вниманія. Противодѣйствовалъ даже задержанію Чайдоянца, когда тотъ былъ уже обличенъ. Слѣдствіе раскрыло такія картины провокаціи, арестовъ и садическихъ убійствъ съ корыстной цѣлью, связанныхъ съ дѣятельностью Чайдоянца, что косвенно репутація самого главнонач.альствующаго была скомпрометирована, и онъ вынужденъ былъ оставить постъ. Ген. Ляховъ удалился отъ всякой дѣятельности и жилъ въ глухомъ углу въ окрестностяхъ Батума, гдѣ было крайне не спокойно. Человѣкъ лично мужественный, Ляховъ пренебрегалъ опасностью, не принималъ никакихъ мѣръ и, при вторичномъ покушеніи на его жизнь, былъ убитъ злоумышленниками.

* * *

На должность главнонач.альствующаго 16 апрѣля былъ назначенъ ген. Эрдели. Хотя новый главнонач.альствующій отличался большимъ тактомъ и извѣстными дипломатическими способностями, но тренія съ терскими властями продолжались и у него; въ особенности послѣ того, какъ въ маѣ донское правительство одностороннимъ распоряженіемъ отпустило изъ ростовской экспедиціи 80 милл. Тереку и тѣмъ уменьшило зависимость терскаго правительства отъ командованія. Проектъ организаціи Терско-Дагестанскаго края, данный генераломъ Эрдели на заключеніе терскому правительству въ серединѣ мая, вызвалъ рѣшительный протестъ послѣдняго даже по основному вопросу о самомъ бытіи «Терско-Дагестанской» власти... Въ «чрезвычайномъ» засѣданіи по этому поводу терское правительство вынесло резолюцію[1]):

> «Область войска Терскаго должна быть исключена изъ состава Терско-Дагестанскаго края съ непосредственнымъ подчиненіемъ войскового атамана Терскаго войска Главнокомандующему в. с. Юга Россіи генералу Деникину на равныхъ основаніяхъ съ атаманами Донскимъ и Кубанскимъ. Поэтому проектъ закона объ управленіи Терско-Дагестанскимъ краемъ къ управленію территоріей Терскаго казачьяго войска не долженъ относиться. Это и должно лечь въ основу переработки означеннаго закона во всей его совокупности, — о чемъ и представить главнон-у Терско-Дагест. края».

Терскіе правители и Кругъ желали, чтобы общерусская власть желѣзнымъ обручемъ сковала горскіе народы и требовали особенно рѣшительныхъ военныхъ мѣръ противъ ингушей и чеченцевъ, угрожавшихъ предѣламъ области. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, настаивали, чтобы эта власть отнюдь не вмѣшивалась въ суверенное существованіе Терека. Въ этомъ отношеніи, они нашли полную поддержку въ кубанскихъ политическихъ кругахъ, и первое чествованіе терскихъ правителей въ Екатеринодарѣ (27 мая) было ознаменовано рѣчами, направленными противъ Добровольческой Арміи — «врага казачества», противъ командованія и, въ особенности, противъ Особаго Совѣщанія...

Такое однобокое рѣшеніе вопроса о построеніи кавказской власти было и несправедливо и неосуществимо... Въ запискѣ, приложенной къ приведенной выше резолюціи и составленной по предложенію Эрдели, терцы сообщали и рядъ конкретныхъ пожеланій: отдачу имъ Минераловодской группы, потому что съ нею «политически тѣсно связаны казачьи станицы»; упраздненіе грозненскаго градоначальства, существованіе котораго «со включеніемъ туда нефтяныхъ казачьихъ земель создаетъ у широкихъ казачьихъ массъ впечатлѣніе, что казачье

[1]) Письмо предс. правительства отъ 13-го мая 1919 г., № 2757.

достояніе — промысла — власть хочетъ оттянуть у Войска»; передачу «всего горнаго дѣла, въ частности, нефтянаго, на территоріи войска, какъ со стороны горно-техническаго надзора, такъ и съ хозяйственной... исключительно въ вѣдѣніе терскаго правительства...»[1]). Къ этимъ чисто экономическимъ требованіямъ присоединялось и военное — чтобы атаманъ являлся «прямымъ начальникомъ всѣхъ терскихъ войсковыхъ частей, внѣ зависимости отъ мѣста ихъ нахожденія, и ему принадлежало право инспектированія и всѣхъ назначеній...»

Терское правительство обосновывало свои «претензіи на нѣкоторую долю государственной власти... революціонной неустойчивостью момента» и выражало даже нѣкоторую угрозу: «если этого не учитывать и не считаться съ этими взглядами широкихъ казачьихъ демократическихъ и общественныхъ слоевъ войска, то возможно серьезное коренное расхожденіе во взглядахъ и пагубный для обѣихъ сторонъ разрывъ... Дѣло въ томъ, что процессъ революціоннаго строительства еще продолжается...»

Если отбросить всю обязательную въ то время «революціонную» терминологію, камень преткновенія лежалъ, главнымъ образомъ, въ нѣкоторыхъ экономическихъ вопросахъ, къ которымъ и Особое Совѣщаніе, оберегая обще-русскіе интересы, относились, быть можетъ, слишкомъ ригористически. Все остальное — было только декораціей. Угроза была неумѣстна по адресу Арміи — освободительницы и безсильна по существу. Ибо частичный даже уводъ весною частей арміи съ Кавказа на сѣверъ, для отраженія большевиковъ, обрушившихся на насъ съ Царицынскаго направленія, вызвалъ совмѣстное представленіе и атамана, и главнокомандующаго[2]), рисовавшее такую картину:

> «При наличіи возстанія «керменитовъ» въ Осетіи... при взаимной кровной ненависти терцевъ съ одной стороны и чеченцевъ и ингушей съ другой, (при) ясно обнаруженныхъ намѣреніяхъ (большевиковъ) наступать на Кизляръ и Св. Крестъ, уводъ первой конной дивизіи неизбѣжно приведетъ къ отдачѣ (большевикамъ) Владикавказа... Грознаго и Кизляра, что вызоветъ возстаніе всѣхъ горскихъ народовъ и полный распадъ всего Терскаго казачьяго войска, которое разбредется по станицамъ защищать свои пепелища...»

Трепія создавала, въ сущности, только небольшая, но вліятельная часть псевдо-радикальной и самостійной терской интеллигенціи въ правительствѣ и Кругѣ[3]), тогда какъ казачество было совершенно инертно, глубоко чуждо политической борьбѣ и сердечно расположено къ Добровольческой Арміи; города же всемѣрно вырывались изъ подчиненія отдѣльской (уѣздной) казачьей власти, и городскія самоуправленія, въ конечномъ результатѣ, настояли на проведеніи выборнаго производства, на основаніи закона Особаго Совѣщанія. Даже революціонная демократія, во образѣ «Сѣвкагора»[4]), въ поискахъ выхода между «стремленіемъ сословно-казачьихъ круговъ растворить городъ въ сельской казачьей

---

[1]) Въ нашемъ проектѣ «основныхъ положеній» вопросъ о нѣдрахъ трактовался слѣдующимъ образомъ:

IV. Нѣдра земли въ предѣлахъ Терскаго казачьяго войска принадлежатъ ихъ собственникамъ, на основаніи прежде изданныхъ по сему предмету законовъ. Пользованіе доходами съ нефтеносныхъ земель, принадлежащихъ войску Терскому, сохраняется за нимъ на существующихъ основаніяхъ.

V. Управленіе Грозненскими нефтяными, а также всѣми другими горными промыслами на территоріи Войска Терскаго въ техническомъ отношеніи, независимо отъ того, кто состоитъ владѣльцемъ ихъ, принадлежитъ общегосударственной власти и осуществляется мѣстнымъ горнымъ надзоромъ, а черезъ его посредство центральнымъ горнымъ вѣдомствомъ.

VI. Регулированіе добычи нефти и правильнаго распредѣленія ея въ соотвѣтствіи съ интересами всей страны принадлежитъ общегосударственной власти.

[2]) Телеграфный докладъ по поводу переброски 1 кон. дивизіи.

[3]) Не малую роль игралъ въ этомъ дѣлѣ и извѣстный ген. Комиссаровъ, приписавшійся къ одной изъ станицъ и выбранный казаками членомъ Круга. Въ это время Комиссаровъ носилъ личину крайне праваго и пользовался поддержкой этихъ круговъ, враждебныхъ одновременно и самостійности и командованію Добров. Арміи.

[4]) Сѣверо-кавказскій союзъ городовъ.

массѣ, враждебной городской культурѣ», и «недовѣріемъ власть имущихъ круговъ въ Особомъ Совѣщаніи, установившихъ опеку надъ цѣлесообразностью дѣйствій городскихъ самоуправленій»[1], — склоняясь явно на сторону второй комбинаціи...

Терскій кругъ, собравшійся на вторую сессію въ концѣ іюня, просилъ меня прибыть на свое совѣщаніе, встрѣтилъ и принималъ чрезвычайно тепло. Говорили, что мой пріѣздъ уравновѣсилъ вліяніе кубанской делегаціи, работавшей весьма энергично противъ объединенія Терека съ командованіемъ Добр. Арміи. Но въ постановленіи Круга о построеніи власти — это отношеніе не проявилось. Кругъ сталъ на точку зрѣнія правительства и отнесся отрицательно къ предъявленной ему конституціи Терско-Дагестанскаго края, подчеркнувъ особенно свое несогласіе по вопросу о Грозномъ, Минеральной группѣ и о правахъ на нѣдра. Территорія Терской области управлялась, поэтому, до конца двумя властями: ген. Эрдели правилъ на основаніи положенія о Терско-Дагестанскомъ краѣ, атаманъ Вдовенко — примѣнительно къ Терской конституціи — со всѣми отрицательными послѣдствіями такой сепаратной дѣятельности.

Было бы долго и затруднительно перечислять всѣ тѣ разногласія, которыя возникали между терскимъ правительствомъ и командованіемъ. Я приведу одинъ лишь эпизодъ, характеризующій траги-комическое положеніе Владикавказской жел. дор., имѣвшей несчастье пересѣкать одиннадцать разъ суверенныя государства. Въ этомъ эпизодѣ, какъ въ кривомъ зеркалѣ, отражается вся лоскутная государственность Юга.

Въ іюнѣ — августѣ 1919 г. имѣла мѣсто слѣдующая переписка:

1. Отъ начальника управленія торговли и промышленности Терскаго войска — Управленію Владикавказской ж. д., телеграмма 29 іюня:

«Терское войсковое правительство, являясь высшимъ органомъ правленія въ Терской области, сохраняетъ за собой всю полноту власти и вмѣстѣ съ нею неотъемлемое законное право, какъ такового, въ изданіи законовъ и распоряженій въ области. Отмѣна и запретъ на провозъ товаровъ, какъ по области такъ и за предѣлы ея по разрѣшеніямъ на то Терскаго правительства лицами, неимѣющими къ нему никакого касательства[2], является незаконной, претендующей ограничить власть Войскового правительства. А потому Терское правительство требуетъ въ предѣлахъ Терской области исполнять распоряженія только Войскового правительства. Производить отправки грузовъ за предѣлы области — по разрѣшеніямъ на то правительства, а по области — безъ всякихъ разрѣшеній. 806.

Уторгпромъ Орлушинъ.

2. Отъ правителя Кабарды — управленію Владикавказской дороги, сношеніе 3 іюля, № 3799:

«Управленіемъ дороги сдѣлано распоряженіе начальникамъ станцій Нальчикъ, Докшукино, Котляревская, Прохладная, Солдатская и Муртазово..., находящимся на территоріи Кабарды, не принимать никакихъ грузовъ безъ разрѣшительныхъ свидѣтельствъ Терскаго правительства.

...Настоящимъ ставлю Васъ въ извѣстность, что... Кабарда есть самостоятельное административное управленіе, въ своихъ правахъ равное Терскому правительству, и одно лишь можетъ запрещать или разрѣшать ввозъ и вывозъ въ предѣлы и за предѣлы Кабарды. А потому, означенное распоряженіе прошу отмѣнить, поставивъ въ извѣстность г.г. начальниковъ вышеупомянутыхъ станцій и предписать имъ принимать товары къ отправленію лишь по моимъ разрѣшеніямъ и окружныхъ Нальчикскихъ управленій.

Ген. маіоръ князь

Бековичъ Черкасскій».

3. Отъ помощника правителя Кабарды — Управленію Владикавказской ж. д., сношеніе 10 іюля, № 4999:

«Совѣтомъ при правителѣ Кабарды установленъ самый минимальный налогъ съ вывозимыхъ изъ Нальчикскаго округа и ввозимыхъ въ таковой разныхъ

---

[1]) Резолюція пленума Сѣвкагора. Май 17 г.

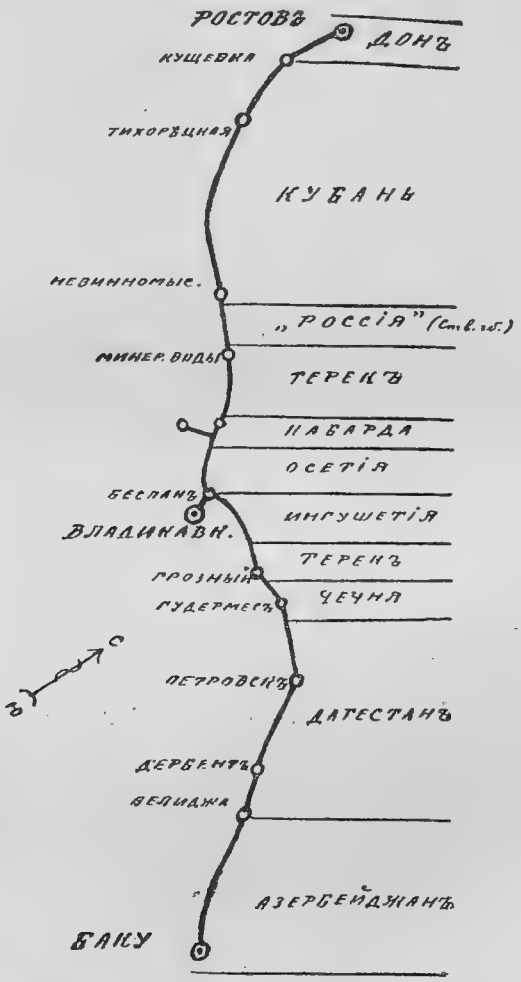
[2]) Надо понимать — органы Особаго Совѣщанія... Авт.

грузовъ... Вслѣдствіе этого прошу сдѣлать распоряженіе, чтобы вывозимые изъ Нальчикскаго округа и ввозимые грузы принимались для отправки и выдавались получателямъ по разрѣшеніямъ Нальчикской окружной администраціи.

За помощника по гражданской части N. N.

4. Отъ ген. Эрдели — предсѣдателю Особаго Совѣщанія, телеграмма 5 августа, № 4648, съ просьбой

«... сдѣлать распоряженіе и указать управленію Владикавказской ж. д., что оно должно исполнять приказанія общегосударственныхъ властей, каковымъ Терское войсковое правительство не является».



„Интернаціональная" Владикавказская ж. д.

5. Главному начальнику военныхъ сообщеній отправлена предыдущая телеграмма, съ резолюціей ген. Лукомскаго:

«Что это за безобразіе? Срочно прошу разслѣдовать, отмѣнить распоряженіе и доложить. 7/VII.

6. Отъ предсѣдателя Особаго Совѣщанія — главноначальствующему Терско-Дагестанскаго края, сношеніе 8 августа, № 1011:

«... Мною сего числа сдѣлано соотвѣтствующее распоряженіе главному начальнику военныхъ сообщеній.

Атаманы:

Терскій
Ген. Вдовенко.

Донской
Ген. Богаевскій.

Кубанскій
Ген. Филимоновъ.

Астраханскій
Ляховъ.

Препровождая въ копіяхъ всю относящуюся къ дѣлу переписку, прошу распоряженій о безпрепятственномъ слѣдованіи грузовъ въ предѣлахъ и изъ предѣловъ ввѣреннаго Вамъ края.

Ген. Лукомскій».

Такъ жили и правили власти Юга.

И только благодаря сознанію смертельной опасности, въ случаѣ разрыва, отсутствію въ массѣ Терскаго казачества всякихъ самостійныхъ тенденцій, личнымъ отношеніямъ ген. Эрдели съ нѣкоторыми терскими дѣятелями, въ томъ числѣ съ атаманомъ Вдовенко и предсѣдателемъ Круга Губаревымъ, наконецъ, умѣренности и обще-россійскимъ тенденціямъ атамана, государственный механизмъ на Кавказѣ могъ работать въ теченіе года, правда, съ перебоями, но безъ потрясеній, которыя имѣли мѣсто на Кубани.

Но, стремясь къ возможной независимости отъ власти вооруженныхъ силъ Юга, Терекъ считалъ себя всегда неразрывной частью Единой Россіи, не велъ по крайней мѣрѣ съ нею заблаговременно торга о предѣлахъ своихъ вольностей и не обезпечивалъ ихъ требованіемъ «федераціи» или «конфедераціи» — понятій столь ярко выдвинутыхъ русской смутой и столь чуждыхъ въ устахъ коренной русской области, по отношенію къ своей странѣ. Это значительно умѣряло остроту терской фронды. А терское правительство, пройдя нѣсколько мѣсяцевъ горькимъ, тернистымъ путемъ власти, пришло къ заключенію:

«При такой обстановкѣ (большевизма и возстанія горцевъ) мысль о созданіи новыхъ формъ государственной и общественной жизни, въ соотвѣтствіи съ выдвинутыми идеями мѣстнаго самоуправленія, замираетъ, такъ какъ приходится думать больше не о гражданскомъ устроеніи жизни, а о защитѣ свободы и физической безопасности гражданъ. Правильная сознательная работа возможна только въ нормальныхъ условіяхъ спокойной, мирной жизни» [1]).

ГЛАВА XV.

Терско-Дагестанскій край въ 1919 году. Междуусобная борьба. Меджилисъ и англичане.

Умиротвореніе горскихъ народовъ шло своимъ чередомъ, встрѣчая большія трудности.

Еще въ мирное время, жизнь на Кавказѣ мѣстами была неспокойной, и кавказскіе пути требовали усиленной военной охраны. Съ выводомъ войскъ на фронтъ міровой войны, потомъ съ началомъ революціи и ослабленіемъ центральной и мѣстной властей, положеніе стало еще хуже. Наконецъ, гражданская война, безчисленные фронты, разрушеніе желѣзныхъ дорогъ, общее разореніе и кровавые счеты — все это произвело въ краѣ небывалый хаосъ. Грабежъ, какъ занятіе, пользовавшееся почетомъ на Кавказѣ, сталъ теперь обычнымъ ремесломъ, значительно усовершенствованнымъ въ пріемахъ и «орудіяхъ производства» — до пулеметовъ включительно. Грабили всѣ «народы», на всѣхъ дорогахъ и всѣхъ путниковъ — безъ различія происхожденія, вѣрованій и политическихъ убѣжденій. Иногда сквозь внѣшній обликъ религіознаго или національнаго подъема хищнымъ оскаломъ проглядывало все то же обнаженное стремленіе. Дороги въ краѣ стали доступными только для вооруженныхъ отрядовъ, сообщеніе замерло, и жизнь замкнулась въ порочномъ кругѣ страха, подозрительности и злобы.

Осетія и Кабарда присоединились къ намъ сразу и добровольно, созвали вскорѣ національные съѣзды, избрали правителей и совѣты, установили вполнѣ благопріятныя отношенія съ главноначальствующимъ и Особымъ Совѣщаніемъ. Роль послѣдняго первое время ограничивалась почти исключительно денежными

[1]) «Программа Терскаго правительства» 10 ноября 19 г.

ассигнованіями на многообразныя нужды этихъ округовъ и поддержку ихъ культурно-просвѣтительныхъ начинаній. Внутренній миръ и въ нихъ наладился не скоро: пришлось имъ подавлять оружіемъ, подчасъ весьма жестоко, вспышки экстремистовъ [1]), не утратившихъ еще связей и симпатій къ большевикамъ, и бороться съ разбоями. Въ Осетіи, повидимому, самоуправленіе налаживалось, и устанавливались хорошія отношенія къ мѣстной выборной власти; а изъ Кабарды не разъ приходили жалобы на произволъ старшинъ, взяточничество аульной администраціи и самовольныя взысканія съ населенія узденями убытковъ, понесенныхъ во время господства большевиковъ.

Подчинившаяся офиціально Ингушетія жила фактически почти внѣ связи съ русской властью. Не проявляясь активно, не прекращалось въ ней броженіе, подогрѣваемое извнѣ постоянными сношеніями съ такъ называемымъ «горскимъ правительствомъ» и укрытыми въ аулахъ, послѣ паденія Владикавказа, коммунистами, комиссарами, среди которыхъ называли и «чрезвычайнаго комиссара» московскаго совнаркома Орджекинидзе. Формированіе ингушскихъ полковъ для Добровольческой Арміи не подвигалось, а вмѣсто этого шло тайное формированіе мѣстныхъ отрядовъ. Ингушетія по прежнему представляла изъ себя враждебный вооруженный станъ, который считался съ однимъ лишь аргументомъ — силой.

Иначе обстояло дѣло въ Чечнѣ и Дагестанѣ, гдѣ мы встрѣтили неожиданно противодѣйствіе со стороны одного изъ кочующихъ правительствъ (характерное порожденіе русской революціи) — «республики горскихъ народовъ Кавказа» и... англичанъ. Избранный на 2-мъ горскомъ съѣздѣ «центральный комитетъ союза горцевъ» имѣлъ вначалѣ узкую задачу — отстаиванія обще-горскихъ интересовъ. Но, послѣ паденія Россійскаго временнаго правительства, «горскій союзъ, подъ вліяніемъ фанатизма однихъ и честолюбивыхъ замысловъ другихъ, перешелъ сначала къ чисто горской автономности, а позже къ независимому государственному образованію, требуя отъ всѣхъ признанія своего суверенитета надъ территоріей и надъ народами, населяющими во многихъ мѣстахъ чрезполосно съ русскими и казаками Сѣверный Кавказъ. Эти политическія стремленія дали горскимъ народамъ только междуплеменную вражду и иго большевиковъ въ Терскомъ краѣ». Такъ опредѣляли впослѣдствіи правитель и совѣтъ Осетіи роль горскаго правительства, протестуя противъ домогательствъ послѣдняго на власть [2]).

Послѣ январскихъ событій во Владикавказѣ, горское правительство бѣжало въ Тифлисъ и, оторванное отъ событій на Кавказѣ, частью разсѣялось, частью — въ лицѣ кабардинца Пшемаха Коцева [3]), чеченца Топы Чермоева [4]) и др. — продолжало еще выступать въ центрахъ восточной политики. Они побывали въ Константинополѣ, призывая единовѣрныхъ турокъ помочь имъ освободиться отъ «русскаго владычества» [5]) они, явившись на Батумскую мирную конференцію въ качествѣ «полномочныхъ» представителей Сѣв. Кавказа, всемѣрно поддерживали германо-турецкую дипломатію въ ея захватныхъ стремленіяхъ противъ закавказской делегаціи... Въ Тифлисѣ они добивались у германскаго командованія помощи ингушамъ (?), но осторожные нѣмцы, кромѣ посылки во Владикавказъ грузовиковъ съ милліономъ патроновъ и 3 тыс. винтовокъ, воздержались отъ прямого вмѣшательства въ горскія дѣла.

Вся дипломатическая, декларативная, публицистическая дѣятельность этого кружка носитъ слѣды специфически восточной хитрости и наивной хлестаков-

[1]) Балкарцы — въ Кабардѣ, Керменисты — въ Осетіи.

[2]) Цитированный выше «Протестъ Осетіи».

[3]) Человѣкъ съ университетскимъ образованіемъ. Находился при кубанскомъ правительствѣ во время 1-го Кубанскаго похода.

[4]) Ротмистръ конвоя Его Величества, владѣлецъ нефтяныхъ промысловъ въ Грозномъ.

[5]) При предсѣдателѣ Чермоевѣ состоялъ секретаремъ турецкій офицеръ Терикъ-Джерилъ-Сазаръ, получавшій инструкціи изъ Константинополя.

щины, производившей, однако, извѣстное впечатлѣніе на несвѣдущихъ иностранныхъ представителей. Всѣ, напримѣръ, сложные эпизоды борьбы въ Чечнѣ и Дагестанѣ, осложненные соревнованіемъ совѣтской власти, турокъ и англичанъ и ихъ вооруженнымъ воздѣйствіемъ, изображались горскимъ правительствомъ въ такомъ видѣ: «къ осени 1918 г. Правительствомъ горскимъ были очищены отъ большевиковъ вся Дагестанская область, Хасавъ-Юртовскій и Чеченскій раіоны Терской области, кромѣ Грознаго. Правительство обосновалось тогда въ Темиръ-ханъ-Шурѣ» [1]).

Въ серединѣ ноября пала Турція, на Каспіи появились англичане, и роль горскаго правительства, крѣпко связавшаго свою судьбу съ Турціей — безъ средствъ, безъ арміи и безъ вліянія — казалось, должна была окончиться. Но 26 ноября горская делегація посѣтила въ Баку англійскаго генерала Томсона, обратилась къ нему за помощью, и Томсонъ счелъ полезнымъ для англійскихъ интересовъ поддержать существованіе горскаго правительства. Вотъ какъ объ этомъ повѣствуетъ Пшемахо Коцевъ [2]):

> «Когда анархія и развалъ коснулись и нашей окраины, то для меня стало ясно, что собственными силами и авторитетомъ мы не можемъ водворить у себя порядка. И вотъ все это время прошло въ хлопотахъ за поисками этой внѣшней силы.
>
> Эти внѣшнія силы были заняты собственными дѣлами, все же онѣ намъ помогли, какъ могли, и снабдили военнымъ снаряженіемъ. Но однѣ силы ушли, а другія пришли. Въ тотъ самый моментъ, когда я собирался пробраться въ залитую кровью Кабарду, я былъ приглашенъ въ Баку главнымъ англійскимъ командованіемъ для переговоровъ.
>
> Англійское командованіе, признавъ, впредь до всемірной конференціи, существованіе Горской республики и правительства, предложило мнѣ организовать новое коалиціонное правительство, которое дѣйствовало бы въ единеніи съ союзниками.
>
> Согласившись въ принципѣ, я отказался сдѣлать это безъ народнаго довѣрія горскихъ племенъ. Съ 18 по 22 н. ст. декабря происходилъ въ Темиръ-ханъ-Шурѣ съѣздъ представителей Дагестана, Чечни, Осетіи и нѣсколькихъ кабардинцевъ. Это совѣщаніе вручило мнѣ всю полноту власти, какъ отъ горскаго, такъ и отъ казаче-русскаго населенія (!). Послѣ этого англійское главное командованіе назначило при моемъ правительствѣ военную миссію во главѣ съ полковникомъ Роулинсономъ, который уже пріѣхалъ въ Темиръ-ханъ-Шуру...»

Этими фактами опредѣляется генезисъ новой власти «всего Сѣвернаго Кавказа», восходящей, слѣдовательно, къ генералу Томсону и собранію случайныхъ людей, проживающихъ вблизи Дагестана, такъ какъ въ началѣ декабря вся Кабарда, Осетія, Ингушетія и половина Чечни находились во власти совѣтовъ и фактически были отрѣзаны отъ Дагестана. Распространеніе этой власти на Терекъ обусловливалось договоромъ, заключеннымъ горскимъ правительствомъ съ бѣженцами съ Терека, проживавшими въ Петровскѣ и именовавшимися еще «Временнымъ военнымъ правительствомъ казаковъ и крестьянъ Терскаго края». Въ силу договора, область Терскаго войска должна была войти въ составъ союза горскихъ народовъ, причемъ «командованіе вооруженными силами договаривающихся сторонъ ввѣрялось представителю державъ Согласія на все время операціи противъ большевиковъ» [3]).

Въ письмѣ своемъ къ «горскому правительству Сѣвернаго Кавказа», посланномъ 27 ноября и подтверждавшемъ данное горцамъ обѣщаніе признанія de facto, Томсонъ говорилъ: «Васъ больше всего интересуетъ стать самостоятельной рес-

---

[1]) То есть, послѣ занятія Дагестана турками. Изъ офиц. «заявленія», обращеннаго ко мнѣ горской делегаціей 10 февр. 19 г.

[2]) Изъ посланія Коцева Кабардинскому національному совѣту отъ 10 дек 18 г.

[3]) Договоръ, заключенный 10 дек. 18 г. и подписанный Чермоевымъ, Коцевымъ и Сапроновымъ, Кирѣевымъ. Подобный же договоръ по военной части былъ заключенъ и подписанъ 14 янв. бывшимъ диктаторомъ Дагестана и военнымъ министромъ горской республики полк. кн. Тарковскимъ и командующимъ Терскимъ отрядомъ ген. Колесниковымъ.

публикой... Эти вопросы будутъ разрѣшены мирной конференціей союзниковъ... До этого времени у Васъ есть полная возможность проявить Вашу способность къ самоуправленію...» Въ числѣ предъявленныхъ Томсономъ требованій, между прочимъ, были: удалить турокъ съ территоріи республики, устранить турецкую и германскую пропаганду и помочь союзникамъ въ установленіи связи «съ арміей ген. Деникина». Со своей стороны Томсонъ обѣщалъ «помочь всѣми средствами народамъ Кавказа въ ихъ стараніяхъ превозмочь тѣ трудности, которыя стоятъ передъ ними».

Пока горское правительство, организовавъ безчисленныя министерства, заключало международныя соглашенія и собирало силы, на Сѣверномъ Кавказѣ наступили извѣстныя событія, и войска Кавказской Добровольческой арміи 23 января овладѣли Грознымъ и 28-го Владикавказомъ. Послѣ этихъ событій 10 февраля ген. Томсона посѣтила делегація въ составѣ горскаго министра Малачихана и «представителя ингушскаго народа» Пліева, сообщила официально «о взятіи горскими войсками Владикавказа и Грознаго» и просила «содѣйствія въ прекращеніи наступательной операціи Добровольческихъ частей[1]). Генералъ Томсонъ выразилъ живѣйшую радость по поводу такихъ успѣховъ горскаго правительства въ борьбѣ съ большевиками, особенно трогательно — по адресу ингушей: «Я былъ весьма радъ — писалъ онъ Пліеву[2]) — встрѣтить сегодня и поздравить Васъ, какъ представителя ингушей, съ тѣми большими успѣхами, которые достигнуты послѣдними въ очищеніи своей родины отъ большевиковъ. Ингуши были очень лояльными друзьями союзниковъ...» (!) Томсонъ выражалъ также увѣренность, что у ингушей не будетъ никакихъ затрудненій съ войсками ген. Деникина...

Одновременно Коцевъ обратился черезъ ген. Эрдели, находившагося въ то время, по моему порученію, въ командировкѣ въ Закавказьи (Баку), съ ультимативнымъ требованіемъ «отвода частей Добровольческой арміи съ Владикавказскаго и другихъ горскихъ раіоновъ... въ противномъ случаѣ, горское правительство снимаетъ съ себя отвѣтственность, за могущія произойти тяжелыя послѣдствія...»

* * *

Пока происходила вся эта буффонада, горское правительство приступило и къ прямымъ дѣйствіямъ. Въ Грозный, занятый войсками ген. Шатилова, 1 февраля явились «губернаторъ» и «командующій войсками» по назначенію отъ меджилиса и пожелали вступить въ управленіе городомъ и краемъ. Имъ было отвѣчено, что горское правительство не признано ни Добровольческой Арміей, ни большинствомъ горскихъ народовъ и что весь Терскій край находится подъ управленіемъ главноначальствующаго ген. Ляхова. Послѣ того горское правительство вступило съ нами въ длительные и безрезультатные переговоры,ославъ делегацію во главѣ съ «предсѣдателемъ союзнаго совѣта» Темирхановымъ въ Екатеринодаръ[3]) и предсѣдателя правительства Коцева — въ Пятигорскъ, къ ген. Ляхову. Вопросъ стоялъ на мертвой точкѣ, такъ какъ обѣ стороны ставили непримиримыя условія: меджилисъ добивался очищенія Добровольческой Арміей «территоріи союза горцевъ Сѣвернаго Кавказа»[4]), причемъ Коцевъ предполагалъ созвать обще-горскій съѣздъ, который долженъ былъ опредѣлить дальнѣйшую судьбу края... Командованіе во избѣжаніе кровопролитія черезъ ген. Ляхова требовало прекращенія агитаціи и сложенія съ себя власти горскимъ правитель-

[1]) Официозъ «Азербейджанъ», № 32.

[2]) Письмо отъ 10 февр. н. с. 19 г.

[3]) Делегація демонстративно отказалась бесѣдовать съ ген. Ляховымъ, которому поручены были всѣ сношенія съ горскими народами, потому и не была мною принята.

[4]) Теоретически въ нее входили этнографическіе предѣлы Абхазіи (Сухумскій округъ, занятый Грузіей), земля черкесовъ (Куб. области), Осетія, Кабарда, Чечня, Ингушетія и Дагестанъ.

ствомъ, послѣ чего будетъ созванъ ген. Ляховымъ съѣздъ, передъ которымъ членамъ «правительства» будетъ предоставлена возможность дать отчетъ въ своей дѣятельности; съѣздъ изберетъ помощника главноначальствующему по горскимъ дѣламъ и членовъ совѣта, и горскимъ племенамъ будетъ предоставлено широкое внутреннее самоуправленіе.

Всѣ посланія горскаго правительства кончались неизмѣнно угрозами, подкрѣпленными ссылками на единомысліе съ ними Англіи и на ея помощь, и на содѣйствіе Азербейджана. Коцевъ прислалъ намъ и копію ноты «союзнаго» правительства Азербейджана, адресованной Томсону [1]).

> ... Народы Кавказа имѣютъ полное основаніе думать, что цѣлью и задачей Добрарміи является борьба съ анархіей и большевизмомъ въ Россіи, а не дерзкія посягательства на стремленіе народовъ къ свободѣ и попраніе ихъ правъ къ самоопредѣленію, признанныхъ за ними всѣми великими державами въ Европѣ и Америкѣ. Съ этой точки зрѣнія вышеуказанные акты вопіющаго насилія надъ волей и суверенными правами дружественныхъ Азербейджану горскихъ народовъ Кавказа не могутъ не вызывать самаго горячаго протеста со стороны Азербейджанскаго правительства... Правительство, конечно, сочтетъ себя обязаннымъ всѣми доступными ему средствами притти на помощь горскимъ народамъ».

Нота заканчивалась настоятельной просьбой «принять рѣшительныя мѣры къ быстрѣйшему удаленію войскъ Добрарміи изъ предѣловъ республики».

Одновременно послана была спеціальная миссія въ Грузію, и первымъ результатомъ ея была нота Гегечкори англійскому командованію, въ которой также былъ выраженъ «категорическій протестъ» противъ нарушенія Добр. Арміей «принципа самоопредѣленія народовъ и покушенія на независимость Горской республики, признаніе или непризнаніе коей всецѣло зависитъ отъ рѣшенія всемірнаго конгресса».

По примѣру другихъ потентатовъ и Коцевское правительство послало «делегацію на мирную конференцію» [2]), и вскорѣ въ европейской прессѣ появились удивительные разсказы изъ «офиціальныхъ» источниковъ объ исторіи кавказской борьбы и жизни горскихъ народовъ.

Тѣмъ временемъ горское правительство продолжало развивать на Сѣверномъ Кавказѣ сильнѣйшую агитацію, нашедшую откликъ въ сопредѣльной съ Дагестаномъ Чечнѣ и отчасти въ Ингушетіи.

Не имѣя своей вооруженной силы (дагестанскія формированія были ничтожны), правительство обратилось къ системѣ подкупа шейховъ и главарей Чечни, сообразно ихъ вліятельности, снабжало деньгами, оружіемъ и боевыми припасами чеченскіе аулы, въ которыхъ начали организовываться и красногвардейскіе отряды (аулы Гойты и Шали) изъ большевиковъ, укрывшихся въ Чечнѣ послѣ разгрома фронта. Въ союзномъ совѣтѣ (парламентѣ) въ Темиръ-ханъ-Шурѣ раздавались рѣчи, дышавшія ненавистью къ Россіи, «подъ гнетомъ которой изнывали горскіе народы», къ Добровольческой Арміи, исторія, цѣли и образъ дѣйствій которой подвергались полному искаженію, и въ частности — къ «генераламъ, бывшимъ царскимъ сатрапамъ, которые будутъ скоро разбиты и будутъ валяться въ прахѣ» [3]). Эти рѣчи распространялись по Чечнѣ и Ингушетіи вмѣстѣ съ личными призывами членовъ совѣта и правительства, посѣщавшихъ аулы и чеченскіе съѣзды и обѣщавшихъ вооруженную помощь Дагестана и Азербейджана.

Интересно, что стремленія горскаго правительства всецѣло поддерживались кубанскими самостійниками. И однажды въ органѣ Кубанскаго краевого правительства «Вольной Кубани» [4]) мы прочли обстоятельную статью о томъ, какъ

---

[1]) Нота отъ 6-го марта 19 г., подписанная «министромъ предсѣдателемъ Ханомъ Хойскимъ».

[2]) Въ составѣ Парижской делегаціи (мартъ) были Чермоевъ, Гайдаровъ, Хадзаровъ и Бамматъ («министръ иностр. дѣлъ»).

[3]) Изъ рѣчи предсѣдателя совѣта Темирханова.

[4]) 20 іюня 19 г. № 133.

большевицкая анархія была занесена на Терекъ «самимъ терскимъ казачествомъ еще въ 1918 году съ Моздокскаго народнаго съѣзда, устроеннаго нѣкоторыми безотвѣтственными кругами терскаго казачества съ явной цѣлью борьбы съ ингушами и чеченцами...» И какъ это нехорошо, что Добровольческая Армія, « не ограничиваясь своей задачей наказанія казаче-осетинскихъ большевицкихъ элементовъ, внесшихъ разруху въ Терскую область, повела борьбу въ сторону уничтоженія горскаго союза и горской объединенности...»

Такое отношеніе не мѣшало, однако, кубанскимъ самостійникамъ пользоваться вліяніемъ среди терскаго правительства и Круга.

Дважды назначенный въ Грозномъ съѣздъ чеченскихъ представителей не состоялся, въ виду отказа большевицкихъ органовъ прислать своихъ повѣренныхъ. Чечня волновалась, раіонъ Грознаго становился непроѣзжимъ, повсемѣстно участились нападенія и обстрѣлы; вмѣстѣ съ тѣмъ чеченцы прервали жел.-дор. сообщеніе съ Петровскомъ, произведя крушеніе двухъ рабочихъ поѣздовъ. Начиналось серьезное возстаніе, центромъ котораго сталъ аулъ Гойты, верстахъ въ 25 отъ Грознаго.

Наше почти двухъ-мѣсячное выжиданіе было понято горцами, какъ слабость. Между тѣмъ стратегическая обстановка на Дону и Манычѣ требовала спѣшной переброски возможно большихъ силъ на сѣверъ. Медлить дольше не представлялось возможнымъ. Переговоры были прерваны, и рѣшеніе вопроса предоставлено силѣ оружія.

16-го—23 марта сильный отрядъ, въ составѣ кубанскихъ и терскихъ казаковъ, подъ начальствомъ ген. Драценко, нанесъ пораженіе чеченцамъ особенно тяжкое у аула Алханъ-Юрта, гдѣ они потеряли до 1 000 человѣкъ. Бои сопровождались жестокостями съ обѣихъ сторонъ и разрушеніемъ нѣсколькихъ ауловъ. Потрясенные этой неудачей чеченцы грозненскаго округа начали присылать со всѣхъ сторонъ депутаціи съ изъявленіемъ покорности, и ген. Ляховъ въ третій разъ назначилъ на 28 марта чеченскій съѣздъ, пригласивъ присутствовать на немъ и Коцева. Къ назначенному дню я пріѣхалъ въ Грозный совмѣстно съ англійскимъ представителемъ, ген. Бриггсомъ. Коцевъ не пріѣхалъ. Повидимому, онъ считался въ своей средѣ слишкомъ умѣреннымъ. Горскій совѣтъ командировалъ въ Грозный трехъ лицъ во главѣ съ яркимъ руссофобомъ и полубольшевикомъ, предсѣдателемъ своимъ Капланомъ, для переговоровъ съ командованіемъ. Но делегація, узнавъ о событіяхъ въ Чечнѣ, задержалась въ аулѣ Шали, не рѣшаясь проѣхать въ Грозный. Изъ Шали Каплановъ сообщилъ мнѣ въ Грозный, что, «никакіе переговоры съ отдѣльными племенами или селеніями не имѣютъ въ глазахъ Горскаго союза никакой опредѣленной силы». Не признавая вовсе правъ горскаго правительства, командованіе въ свою очередь не могло входить съ нимъ въ обсужденіе участи кавказскихъ племенъ. Да и дальнѣйшіе разговоры, какъ оказалось, были бы совершенно безполезными: инструкція, данная делегаціи на секретномъ засѣданіи совѣта, гласила: «1) Потребовать отъ Добр. Арміи очищенія всей горской территоріи; 2) никакого сотрудничества съ арміей ген. Деникина; 3) роспускъ всѣхъ мобилизованныхъ горцевъ»[1]).

Среди народныхъ избранниковъ—вѣроятно лучшихъ представителей ауловъ[2]) царила безпросвѣтная тьма. Никакими политическими, ни религіозными побужденіями нельзя было объяснить народнаго броженія: оно питалось исключительно самыми нелѣпыми слухами, извращеніями фактовъ. Чеченцы съ одинаковымъ недовѣріемъ относились и къ меджилису, и къ Добровольческой власти, и совершенно не шли дальше прикладныхъ интересовъ своихъ ауловъ; пожалуй, бо́льшую симпатію они питали къ большевикамъ, которыхъ укрывали въ своихъ сакляхъ и которые не препятствовали, когда были въ силѣ, ихъ расправамъ съ мѣст-

[1]) Это мы прочли позднѣе въ офиціозѣ «Вѣстникъ горской республики» отъ 12—16 апрѣля н. с. 19 г.

[2]) Собрались уполномоченные всего Грозненскаго округа и пяти ауловъ Веденскаго.

нымъ русскимъ населеніемъ и терскими казаками. Они боялись мести. И теперь, когда въ разосланномъ по ауламъ оттискѣ рѣчи Коцева они прочли, что «въ Терскую область назначается генералъ-губернаторъ изъ казаковъ»[1] — это извѣстіе повліяло на нихъ больше, нежели призывы меджилиса къ построенію горской республики. Велика р ча крайне немногочисленной туземной интеллигенціи, которая въ большинствѣ своемъ во всѣхъ стадіяхъ русской смуты не работала въ реальныхъ интересахъ своего народа, а народъ этотъ—темный, совершенно инертный въ политическомъ смыслѣ, не вышедшій изъ рамокъ средневѣковья по культурѣ, обратила въ орудіе с в о и х ъ политическихъ или лично честолюбивыхъ цѣлей.

Я говорилъ чеченцамъ о мирѣ, о томъ, что никто не посягаетъ на ихъ земли и промысла. Что если порвать съ Россіей и допустить, что всѣ народы Кавказа будутъ жить своей собственной жизнью, не считаясь со своими сосѣдями, то кромѣ рѣзни ничего не выйдетъ. Повторилъ требованія, предъявленныя ген. Ляховымъ, невыполненіе которыхъ вызвало тяжелыя репрессіи...[2]). Генералъ Бриггсъ говорилъ о содѣйствіи, оказываемомъ Англіей Добровольческой Арміи, и совѣтовалъ «дать возможность исправить желѣзную дорогу, прекратить междоусобицу и помочь ген. Деникину въ борьбѣ противъ большевиковъ».

Собраніе послѣ краткаго совѣщанія вынесло постановленіе—выполнить предъявленныя условія.

Но миръ долго еще не устанавливался.

Подъ вліяніемъ темныхъ слуховъ и не разъ благодаря насиліямъ, чинимымъ казачьими отрядами во время усмиреній, началось усиленное движеніе чеченцевъ съ семьями и имуществомъ изъ плоскостной Чечни на югъ въ горы. Тамъ собрался весь безпокойный элементъ, образовались крупныя шайки абрековъ, державшія подъ постоянной угрозой наши малочисленные гарнизоны. Горское правительство продолжало агитацію и посылало въ нагорную Чечню мелкіе дагестанскіе отряды и азербейджанскихъ добровольцевъ. Правда, окончились эти попытки неудачно: аулъ Шали, гдѣ собрались дегестанцы, былъ обложенъ нами, и жителямъ было предложено разоружить и удалить иноплеменную помощь подъ угрозой разрушенія аула. Требованіе было выполнено. А возлѣ Гудермеса произошло даже 13 апрѣля кровавое столкновеніе между чеченцами и ихъ непрошенными защитниками, когда дагестанскій отрядъ отказался покинуть чеченскій аулъ. Не разъ происходили также междоусобные бои между чеченцами — одними, желавшими мира, и другими — насильственно поднимавшими аулы къ возстанію.

Возстанія смѣнялись усмиреніями, усмиренія возстаніями, всѣ эти событія сопровождались неизбѣжными актами жестокости и произвола, поддерживая психологію мести и раздраженія. Бороться съ произволомъ можно было только — поборовъ сопротивленіе и достигнувъ искренняго примиренія.

А его не было.

* * *

На пути нашемъ къ Каспійскому морю лежалъ Д а г е с т а н ъ, край наиболѣе бѣдный по природнымъ условіямъ, наиболѣе мирный по характеру своего

---

[1]) Этотъ пунктъ Коцевъ прибавилъ отъ себя въ перечнѣ ультимативныхъ требованій, предъявленныхъ ген. Гейманомъ ингушскому народу. Ни Ляховъ, ни Эрдели не принадлежали къ казачьему сословію.

[2]) 1. Подчиниться управленію Добрарміи, сохраняя внутреннее самоуправленіе.
2. Выдать красноармейцевъ — главарей большевиковъ и абрековъ.
3. Выдать артиллерію и пулеметы.
4. Выдать все награбленное и увезенное въ Чечню красноармейцами. Возвратить всѣ похищенные желѣзнодорожные матеріалы.
5. Доставить въ ближайшія станціи и въ аулъ Алды продовольствіе для войскъ за справедливую плату.
6. Возвратить разграбленное имущество Ново-Грозненскихъ промысловъ.
7. Возвратить жителямъ Грознаго все свезенное въ Чечню на храненіе ихъ собственное имущество.

населенія (лезгины) и почти не имѣющій своей интеллигенціи [1]). Въ краѣ, лишенномъ совершенно экономическихъ предпосылокъ отдѣльнаго существованія, наступилъ экономическій кризисъ и полное бюджетное банкротство — обстоятельства, осложненныя воинствующей и безпочвенной политикой меджилиса.

Положеніе меджилиса становилось все болѣе и болѣе безнадежнымъ. Горское правительство мѣняло своихъ министровъ, писало отчаянныя ноты «своимъ народамъ», союзникамъ и англичанамъ и постановляло всеобщую мобилизацію (18—30 лѣтнихъ) для борьбы противъ Добровольческой Арміи, «посягающей на нашу свободу и завоеванія революціи». Но созданіе серьезной вооруженной силы рѣшительно не удавалось [2]). Англичане принимали участіе въ командованіи «союзными силами республики», но свои силы считали совершенно нейтральными, призванными только «охранять порядокъ». Терскій отрядъ Колесникова, расположенный въ Петровскѣ, при первомъ же соприкосновеніи съ частями Добровольческой Арміи былъ двинутъ на соединеніе съ нею въ направленіи Кизляра. «Союзники» дали денегъ (Азербейджанъ 12 милл.), боевые припасы (Грузія), но войскъ прислать не могли. Мобилизація не прошла совершенно; формированіе красноармейскихъ частей изъ большевиковъ, осѣвшихъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ, и вообще широкое покровительство большевикамъ возстановило противъ горскаго правительства всю буржуазію и туземное офицерство. Въ концѣ апрѣля мѣстная военная партія произвела аресты въ Темиръ-ханъ-Шурѣ 36 видныхъ большевиковъ и препроводила ихъ въ тюрьмы Петровска при безсильныхъ протестахъ правительства и совѣта.

* * *

Въ Петровскѣ находился еще въ весьма оригинальномъ положеніи отрядъ изъ трехъ родовъ оружія ген. Пржевальскаго, числившійся въ Добровольческой Арміи. Исторія его интересна для характеристики англо-русскихъ отношеній.

Командующій англійскимъ флотомъ Чернаго моря — адмиралъ Сеймуръ, признавая русскія силы въ Баку подчиненными командованію Юга, въ началѣ января обратился ко мнѣ съ просьбой «отдать ген. Бичерахову приказъ снять съ судовъ Каспійскаго моря русскія команды, сплошь зараженныя большевизмомъ и угрожающія связи англичанъ съ Петровскомъ». Я послалъ телеграмму ген. Эрдели, бывшему тогда въ Закавказьи, на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ дѣла и принять надлежащія мѣры. Связь Баку (черезъ Грузію) была очень затруднительна, и только 6 марта, post-factum, мы узнали о происшедшихъ тамъ событіяхъ.

Пріѣхавъ въ Баку 22 января, ген. Эрдели засталъ слѣдующее положеніе: Томсонъ, въ виду полнаго разложенія отряда Бичерахова, и тѣхъ осложненій, которыя вызывала его дѣятельность, полу-принудительно заставилъ его покинуть Баку подъ предлогомъ почетной командировки въ Англію и назначилъ его замѣстителемъ ген. Пржевальскаго. Одновременно Томсонъ закрылъ кредиты на содержаніе отряда, обходившагося англичанамъ ½ милл. руб. въ день, отпустивъ только три милліона на его ликвидацію. Эрдели, считая желательнымъ сохраненіе на Каспіи хоть небольшой русской силы, рѣшилъ использовать этотъ отрядъ, принявъ его въ составъ Добровольческой Арміи, и утвердилъ ген. Пржевальскаго въ должности начальника войскъ Прикаспійскаго раіона, съ подчиненіемъ его Ляхову.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ Томсонъ заявилъ, что ни стоянка, ни формированіе русскихъ добровольческихъ частей въ зонѣ оккупаціи англичанъ не допускается... Эрдели протестовалъ, и вопросъ поступилъ на разрѣшеніе ген. Мильна.

---

[1]) Одно время на должность областного комиссара былъ приглашенъ осетинъ Шахановъ.

[2]) Подъ командой полк. Хабаева — Дагестанскій кон. полкъ, Чеченскій и Кумыкскій дивизіоны.

Тѣмъ временемъ ген. Пржевальскій приступилъ къ реорганизаціи отряда: большая часть его числилась только на бумагѣ (10 тыс.) и фактически дезертировала; негодный элементъ былъ уволенъ; часть была направлена на службу въ Закаспій. Изъ остального состава начаты формированія въ Баку и Петровскѣ.

Труднѣе обстояло дѣло съ флотиліей[1]), которая послѣ ликвидаціи «Каспійскаго правительства» и отказа подчиниться Пржевальскому оказалась, фактически, никому не подчиненной, не имѣющей ни средствъ, ни кредитовъ. Комитетъ флотиліи «Центрокаспій» послѣ долгихъ переговоровъ съ ген. Эрдели заявилъ, что флотъ согласенъ подчиниться Добровольческому командованію, но лишь въ тактическомъ отношеніи, оставляя свой внутренній распорядокъ — съ совѣтами, комитетами и прочими аттрибутами «революціонной дисциплины». Ген. Эрдели требовалъ полнаго подчиненія и полной реорганизаціи личнаго состава. Предстояла, поэтому, неизбѣжно, тѣмъ или инымъ путемъ, насильственная ликвидація строптивой флотиліи.

Бакинскій революціонный пролетаріатъ, находившійся въ полномъ единеніи съ судовыми командами, волновался. На засѣданіи Бакинской рабочей конференціи при обсужденіи судебъ флотиліи поставленъ былъ вопросъ: «Къ Деникину, въ Астрахань или къ Азербейджану?» Первое — невозможно, такъ какъ «Деникинъ борется съ демократіей всей Россіи и есть зло во всероссійскомъ масштабѣ»; второе невозможно технически, такъ какъ всѣ Каспійскіе порты въ рукахъ англичанъ, а астраханскій рейдъ замерзъ... И конференція склонилась къ третьему рѣшенію, полагая, что «Азербейджанъ — болѣзнь мѣстная, въ немъ можетъ взять власть въ свои руки демократія... и добиться признанія необходимости возсоединенія съ Россіей и согласія на нейтрализацію флота»[2]).

Англичане, однако, думали иначе. Томсонъ требовалъ отъ Эрдели скорѣйшаго разоруженія флотиліи русскими руками, чтобы отвести отъ себя одіумъ этого мѣропріятія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждалъ, что суда послѣ спуска командъ, оставаясь русской собственностью, укомплектованы не будутъ «до болѣе благопріятнаго времени», въ виду отсутствія гарантіи въ благонадежности новаго состава.

Эрдели для сохраненія за нами судовъ до присылки укомплектованія отъ Черноморскаго флота, рѣшился на насильственное разоруженіе; но встрѣтилъ неодобреніе со стороны всѣхъ войсковыхъ начальниковъ, указывавшихъ на небоеспособность своихъ частей, невыполнимость задачи безъ участія англичанъ, и безполезности этого шага, въ виду полученныхъ отъ развѣдки свѣдѣній, что англичане по настоянію азербейджанскаго правительства рѣшили удалить изъ Баку безотлагательно русскія войска.

Послѣ ряда безплодныхъ переговоровъ былъ полученъ отъ Томсона ультиматумъ[3]): «къ 12 часамъ слѣдующаго дня разоружить флотъ; въ противномъ случаѣ всѣмъ русскимъ Добровольческимъ частямъ къ 16 часамъ того же дня покинуть г. Баку, а къ 24 часамъ и предѣлы Бакинскаго генералъ-губернаторства».

Генералы Эрдели и Пржевальскій сочли себя вынужденными подчиниться послѣднему требованію, заявивъ протестъ противъ самого факта вывода русскихъ войскъ и ничѣмъ не оправдываемой краткости срока, указывая, что «такія дѣйствія принесутъ неисчислимый моральный и матеріальный ущербъ для дѣла борьбы вооруженныхъ силъ Юга Россіи противъ большевиковъ».

Генералъ Пржевальскій съ войсковыми частями перешелъ въ Петровскъ, не успѣвъ захватить всего войскового имущества и обозовъ, большинство которыхъ попало въ руки азербейджанскихъ властей. А 16 марта послѣдовало отъ ген. Томсона новое требованіе — петровскому отряду въ кратчайшій срокъ покинуть Да-

---

[1]) Двѣ канонерки «Карсъ» и «Ардаганъ» и 5 вооруженныхъ пароходовъ.
[2]) Отчетъ изъ с.-д. газеты «Искра».
[3]) № 474.

гестанскую область. Ген. Пржевальскій отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, заявивъ, что онъ исполнитъ приказъ только своего начальства.

Каспійская флотилія, между тѣмъ, была разоружена англичанами безъ кровопролитія, одной лишь угрозой потопленія судовъ англійскими истребителями. И въ то время, когда уходили изъ Баку русскія войска и покорно разоружались уже буйныя матросскія команды, къ ген. Томсону обратились делегаты революціонной демократіи [1]) съ изъявленіемъ своего запоздалаго патріотизма: «всякое дѣйствіе, — говорили они, — противъ россійской арміи, хотя бы и Добровольческой, и Каспійскаго флота бакинскимъ пролетаріатомъ разсматривается, какъ дѣйствіе противъ Россіи!» Делегаты, предполагая, что флотъ стоитъ еще въ боевомъ порядкѣ — по словамъ отчета — «говорили съ Томсономъ твердымъ революціоннымъ языкомъ», а онъ въ отвѣтъ имъ «улыбался»...

Всѣ эти событія произвели въ Екатеринодарѣ удручающее впечатлѣніе. Дѣло было уже непоправимо. Я предписалъ ген. Пржевальскому отнюдь не уводить войскъ изъ Петровска, обратился съ протестомъ къ англійскому правительству, указавъ, что «отдача распоряженія, касающагося вооруженныхъ силъ, находящихся въ моемъ вѣдѣніи, безъ моего согласія, является актомъ враждебнымъ Добровольческой Арміи». Вмѣстѣ съ тѣмъ, я сталъ еще болѣе настойчиво добиваться возсозданія русской каспійской флотиліи, что при содѣйствіи ген. Бриггса и личнаго воздѣйствія на адм. Сеймура, удалось выполнить только въ іюнѣ...

Такимъ образомъ, въ Петровскѣ, на территоріи враждебнаго намъ горскаго правительства, при молчаливомъ непротивленіи англичанъ, находился русскій отрядъ, непосредственно подчиненный полк. Плотникову [2]), силою до 2½ тыс., имѣвшій задачей — возстановленіе жел.-дор. сообщенія по линіи Петровскъ — Грозный.

* * *

Въ апрѣлѣ положеніе горскаго правительства окончательно пошатнулось. Началась желѣзнодорожная забастовка на экономической почвѣ, съ предъявленіемъ требованія къ правительству объ уплатѣ 12 милл. руб. Участились крупныя трещія, интриги, борьба самолюбій и честолюбій внутри самого правительства и союза, особенно съ дагестанской фракціей его, тяготившейся все больше пришлой и слишкомъ дорого обходившейся народу властью. По существу власть эта не распространялась далѣе Темиръ-ханъ-Шуры. Дагестанъ жилъ своей жизнью, объединяясь вокругъ своихъ шейховъ и муллъ, попадая не разъ подъ вліяніе натуръ неуравновѣшенныхъ, фанатиковъ и авантюристовъ. И, тѣмъ не менѣе, населеніе Дагестана не теряло тяготѣнія къ русской власти.

Въ поискахъ выхода горскій парламентъ сталъ стремиться къ политическому объединенію съ Азербейджаномъ, «во имя защиты религіи и самобытности Дагестана».

Къ маю сознаніе невозможности продолжать такое существованіе стало всеобщимъ. 26 апрѣля въ с. Ишкары собрались старшины и судьи Верхняго Дагестана для обсужденія вопроса о помощи чеченцамъ и объявленія газавата. На бурномъ засѣданіи этомъ была внесена резолюція: «1) Не объявлять войны Добровольческой Арміи; 2) войска, города и берегъ моря передать Добр. Арміи, съ тѣмъ, чтобы Дагестанцамъ остался ихъ законъ; 3) послать въ Шуру представителей отъ бековъ и духовенства и предложить правительству присоединиться къ (этому) постановленію или сложить власть, передавъ ее новымъ выборнымъ лицамъ».

---

[1]) Президіумы рабочей конференціи, профессіональныхъ союзовъ и соціалистическихъ партій. Изъ отчета с.-д. газеты «Искра».

[2]) Ген. Пржевальскій объединялъ командованіе надъ отрядами ген. Колесникова, полк. Плотникова и даже, до полнаго разрыва съ Меджилисомъ, ему подчинялся горскій отрядъ Хабаева.

Подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ обстоятельствъ, горское правительство 2 мая въ полномъ составѣ вышло въ отставку. Формированіе новаго было поручено ген. Халилову [1]), который и приступилъ къ составленію «военнаго кабинета».

* * *

Всѣ эти событія находили весьма серьезное отраженіе въ дипломатическихъ сношеніяхъ нашихъ съ Англіей.

Въ Екатеринодарѣ имѣлъ пребываніе представитель при Добровольческой Арміи ген. Пуль; въ Тифлисѣ — ген. Форестье-Уоккеръ, начальникъ экспедиціоннаго корпуса (27-я и части 13 и 39 дивизій), оккупировавшаго Закавказье и Закаспій и считавшаго въ своихъ рядахъ 15—20 тыс.; въ подчиненіи Уоккера находились начальники войскъ — генералы Моллисонъ [2]), Томсонъ и Коллисъ — въ Закаспіи, Баку и Батумѣ. Надъ Пулемъ и Уоккеромъ стоялъ ген. Мильнъ, главнокомандующій англійскими войсками на Востокѣ, пребывавшій въ Константинополѣ. Смѣнившій Пуля ген. Бриггсъ, находившійся въ извѣстной связи съ ген. Мильномъ, подчинялся непосредственно англійскому военному министру Черчиллю. Въ этой сложной схемѣ явственно различались двѣ совершенно несхожія линіи англійской политики — екатеринодарская и тифлисская, руссофильская и руссофобская. Несомнѣнно, это расхожденіе инсценировано было Лондономъ для проведенія двойственной политики — задачи прегражденія большевицкаго потока, угрожающаго Европѣ, и закрѣпленія британскаго экономическаго вліянія въ Закавказьѣ. Для меня, однако, также несомнѣнно, что тѣ лица, которыя послѣдовательно представляли Англію въ Екатеринодарѣ — генералы Пуль, Бриггсъ и Хольманъ — люди большого благородства и солдатской прямоты — не были причастны къ кривымъ путямъ дипломатіи, и дѣятельность ихъ вытекала изъ искренняго доброжелательства къ Россіи, находясь въ то же время въ полномъ соотвѣтствіи съ правильно понимаемыми интересами ихъ отечества.

Расхожденіе началось съ первыхъ же дней. Ген. Томсонъ издавалъ обращеніе «Къ народамъ Сѣвернаго Кавказа», обѣщая имъ вооруженную помощь отъ Англіи и устроеніе судьбы отъ союзной конференціи [3]); возрождалъ изъ пепла горское правительство, на знамени котораго написано было «самостоятельная республика», назначилъ полк. Роуленсона командующимъ горско-терскими формированіями, и отъ имени своего правительства устанавливалъ зону англійскаго вліянія къ югу отъ линіи, проходящей черезъ Петровскъ по сѣверо-западной границѣ Дагестана и далѣе по Кавказскому хребту. Наименованіе, поэтому, Ляхова главноначальствующимъ Терско-Дагестанскаго края онъ считалъ вмѣшательствомъ въ сферу англійскаго вліянія... [4]). Я протестовалъ, и Пуль, всецѣло поддерживая меня, «просилъ пересмотрѣть рѣшеніе о поддержкѣ искусственнаго образованія, предоставивъ формированія въ Дагестанѣ единому командованію Добровольческой Арміи», и т. д. [5]).

3 февраля пріѣхалъ въ Екатеринодаръ ген. Бриггсъ, смѣнившій Пуля, и привезъ отвѣтъ, что командировка генерала Добровольческой Арміи на Каспій для формированія противобольшевицкихъ войскъ не встрѣчаетъ препятствій, такъ какъ «это дѣйствіе на Сѣверномъ Кавказѣ не входитъ въ задачи англійскихъ войскъ и должно быть передано ген. Деникину. Но послѣдній не долженъ вмѣшиваться въ раіонъ къ югу отъ линіи Кизилъ-Бурунъ — Закаталы — Кавказскій горный хребетъ — Туапсе» [6]).

---

[1]) Принадлежалъ къ группѣ, проводившей идею самостоятельности Дагестана.

[2]) Лѣтомъ 19 г. части Моллисона находились въ Мешедѣ, Асхабадѣ и Красноводскѣ.

[3]) Прокламація отъ 8 декабря 18 г.

[4]) Докладъ ген. Эрдели о бесѣдѣ съ Томсономъ 24 янв.

[5]) Сношеніе отъ 7 декабря (Пуля) и телеграммы 31 декабря («Бритфорсъ») и 4 января (Пуля).

[6]) Телеграмма военной миссіи 1 февраля 19 г. № 74791, письмо ген. Бритса 6 февраля и выборка изъ перечня сношеній англійской миссіи. Эта линія проходила по южной границѣ Дагестана.

Такимъ образомъ, устанавливалась англійская оккупація всего Закавказья.

Въ виду того, что Англія, вопреки первоначальнымъ заявленіямъ, отказалась двинуть свои войска противъ большевиковъ, а территорія Закавказья была уже свободна отъ турокъ и германцевъ, такое рѣшеніе лишено было всякихъ стратегическихъ обоснованій. Оно могло быть продиктовано мотивами только политико-экономическими: грузинскій марганецъ, бакинская нефть и нефтепроводъ Баку — Тифлисъ — Батумъ сами по себѣ опредѣляли вѣхи англійской политики и англійскаго распространенія. Но этимъ обстоятельствомъ далеко еще не исчерпывалось значеніе и цѣнность Закавказья. На очереди стояло объявленіе англійскаго протектората надъ Персіей, и Закавказье являлось естественной преградой противъ Россіи и территоріей, по которой пролегаютъ пути, идущіе изъ сѣверной Персіи къ открытому морю черезъ главный выходъ — Батумъ [1]).

Закавказскихъ англійскихъ представителей рѣшеніе это, очевидно, не вполнѣ удовлетворило. Ген. Томсонъ, запявъ однимъ батальономъ Петровскъ, продолжалъ оказывать моральную поддержку горскому правительству и принималъ реальныя мѣры къ вытѣсненію русскаго вліянія и русскихъ формированій съ Прикаспія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ сообщилъ мнѣ черезъ ген. Эрдели [2]), что согласно полученнымъ инструкціямъ «всѣ русскіе заводы, желѣзныя дороги и учрежденія перешли къ Азербейджану» и что «смотрѣть на Баку и Дагестанъ, какъ на нашу (русскую) базу мы не можемъ». Это обстоятельство вызвало вновь представленіе ген. Бриггса своему правительству о необходимости соблюдать установленную разграничительную линію [3]) и мой протестъ:

«Такая постановка вопроса, — писалъ я [4]), — приводитъ не къ объединенію Россіи, а къ ея расчлененію, лишаетъ меня базы для противодѣйствія наступленію со стороны Астрахани и связи съ Уральскимъ фронтомъ и Закаспійской областью. Если бы на такую точку зрѣнія въ отношеніи русскаго государственнаго добра и, въ частности, желѣзныхъ дорогъ, стали всѣ мелкія случайныя правительства, образовавшіяся на территоріи Русскаго государства, борьба Добровольческой Арміи была бы безцѣльна и немыслима...»

Вслѣдъ за симъ, 11 марта пришелъ телеграфный отвѣтъ изъ Лондона, всецѣло подтверждавшій точку зрѣнія Уоккера — Томсона и притомъ въ формѣ угрожающей. Въ немъ говорилось [5]):

Генералъ Бриггсъ долженъ объяснить ген. Деникину, что:

1. Въ отвѣтъ на полное сочувствіе, которое питается къ нему въ его усиліяхъ освободить Россію отъ большевиковъ, и которое проявляется не только на словахъ, но и на дѣлѣ присылкой оружія, снаряженія и обмундированія въ большомъ количествѣ въ Новороссійскъ, отъ него ожидается, что онъ будетъ лояльно придерживаться общей политики союзниковъ по отношенію къ маленькимъ государствамъ. Великобританія не намѣрена оставить свои войска на Кавказѣ. Ея войска были посланы туда для приведенія въ исполненіе условій перемирія и сохраненія мира. Часть этой задачи уже исполнена съ изгнаніемъ нѣмцевъ и турокъ. Что касается до второй, то ген. Деникинъ долженъ понять, что временное присутствіе союзныхъ войскъ въ Закавказьи обезпечиваетъ его отъ нападенія съ тыла и даетъ въ руки союзникамъ Каспійское море. Эти факты должны бы повліять на него сосредоточить всѣ возможныя силы противъ большевиковъ въ Россіи. Вопросъ объ окончательномъ устройствѣ Кавказа во всякомъ случаѣ не можетъ быть рѣшенъ до возстановленія порядка въ Россіи, и Деникину слѣдовало бы избѣгать всякое дѣйствіе, предрѣшающее этотъ вопросъ.

2. Поэтому его войска не должны были бы вступать въ Дагестанъ, кромѣ какъ въ случаѣ дѣйствительныхъ военныхъ операцій противъ большевиковъ, и его надо очень просить серьезно пересмотрѣть вопросъ о назначеніи ген. Ляхова губернаторомъ этого края; правительство Его Величества смотритъ на это назначеніе съ большимъ неудовольствіемъ. Линія, указанная въ телеграммѣ

[1]) Джульфа—Батумъ, Энзели—Баку—Батумъ.
[2]) Телеграмма отъ 25 января № 85.
[3]) 13 февраля 19 года.
[4]) 22 февраля 19 года, № 293.
[5]) Копія телеграммы, присланной ген. Драгомирову при спошеніи британской миссіи отъ 11 марта № 154.

Военнаго Министерства за № 74 791 отъ 1 февраля с. г., относилась всецѣло къ дѣйствіямъ противъ большевиковъ.

Важно, чтобы ген. Деникинъ избѣгалъ всякое дѣйствіе, военное или другое, могущее увеличить существующее треніе между его приверженцами и грузинами и другими кавказцами. Съ другой стороны будутъ приложены всѣ усилія, дабы эти народы сохранили нейтральное положеніе.

4. Полагаютъ, что теперь блестящая побѣда его войскъ на Терекѣ отстранила большевицкую опасность въ этомъ направленіи. Ген. Деникинъ имѣетъ возможность, если онъ будетъ снабженъ необходимымъ военнымъ матеріаломъ, нанести совмѣстно съ адмираломъ Колчакомъ рѣшительный ударъ большевизму и было бы весьма прискорбно, если бы своимъ нетерпѣніемъ и беря направленіе ни въ какомъ случаѣ не пріемлемое для Великобританіи, онъ принудилъ Правительство Его Величества отказать ему въ своей поддержкѣ и остановить отправку нынѣ посылаемыхъ запасовъ.

Изъ этого ультиматума, устраняющаго насъ отъ Каспійскаго моря, мы могли заключить, что вѣхи англійскаго распространенія намѣчены гораздо далѣе Закавказья: Петровскъ — Баку — Энзели — это уже ключи къ обладанію средней Азіей, Красноводскъ — путь къ Закаспійскому хлопку...

Ген. Романовскій по этому поводу бесѣдовалъ съ ген. Бриггсомъ, изложивъ ему вновь причины, побуждающія насъ стремиться къ Каспійскому морю и не допускающія мириться съ существованіемъ въ Дагестанѣ очага броженія всего Сѣвернаго Кавказа — горскаго совѣта и правительства. Указывалъ на то, что особой нужды въ «обезпеченіи отъ нападенія съ тыла» нѣтъ, ибо закавказскія образованія и горское правительство безъ содѣйствія Англіи для насъ не представляются опасными.

Изъ послѣдующихъ бесѣдъ своихъ съ ген. Бриггсомъ и пріѣхавшимъ въ Екатеринодаръ 10 апрѣля главнокомандующимъ, ген. Мильномъ, отнесшимся съ большимъ вниманіемъ къ нуждамъ Арміи и нашему военно-политическому положенію, я вынесъ впечатлѣніе, что оба они раздѣляютъ стратегическіе мотивы нашего стремленія къ Каспію. Во время совмѣстной съ ген. Бриггсомъ поѣздки въ Чечню, я сообщилъ ему довѣрительно, что отказаться отъ занятія Дагестана я не могу, однако же, избѣгая осложненій съ англійскимъ командованіемъ въ Дагестанѣ, я займу эту область только тогда, когда обстановка будетъ благопріятствовать мирному разрѣшенію вопроса.

Но 11 апрѣля старшій англійскій начальникъ въ Петровскѣ обратился къ предсѣдателю горскаго правительства съ письмомъ, которое проникло скоро въ кавказскую печать и привело насъ въ полное изумленіе.

Я получилъ приказаніе передать слѣдующее правительству Горской республики. На британское предложеніе Деникинъ согласился не продолжать операцію, и не будетъ наступать на Дагестанъ. Ген. Ляховъ будетъ смѣщенъ[1]). Ген. Деникинъ самъ устроилъ modus vivendi съ чеченцами, ингушами, балкарцами и осетинами, и миръ возстановленъ въ ожиданіи мирной конференціи, которая рѣшитъ вопросъ о независимости и границахъ горскаго государства. Въ отвѣтъ на это горское правительство должно позволить Добровольческой Арміи пользоваться Петровскъ-портомъ, какъ средствомъ для укрѣпленія Гурьева...»

Въ заключеніе говорилось, что «всякое нападеніе на ген. Пржевальскаго (въ Петровскѣ) будетъ объяснено британскимъ командованіемъ, какъ враждебный противъ него актъ».

Это искаженіе нашихъ цѣлей и намѣреній, посящее, какъ будто, слѣды доброжелательства, укрѣпляло пошатнувшееся окончательно положеніе горскаго правительства, вызвало съ нашей стороны новые протесты и побудило ген. Бриггса послать въ газеты опроверженіе, въ которомъ онъ удостовѣрялъ, что «командующій британскими войсками въ Петровскѣ не имѣлъ никакого права дѣлать заявленія, подобныя опубликованнымъ, такъ какъ таковыя лишены всякаго основанія»[2]).

* * *

[1]) Отставка Ляхова, вызванная причинами, о которыхъ я писалъ выше, досадно совпала съ этимъ письмомъ.

[2]) Сношеніе ген. Бриггса 2 мая 19 года, № 758.

Невзирая на всѣ противодѣйствія, стратегическая директива вооруженныхъ силъ Юга ставила командующему войска Терско-Дагестанскаго края задачу ясную и опредѣленную: «продолжать очищеніе Сѣвернаго Кавказа до линіи Кизилъ-Бурунъ — Закаталы — Кавказскій хребетъ, прикрывать пути отъ Астрахани вдоль побережья Каспійскаго моря и на Св. Крестъ и имѣть наблюденіе за побережьемъ Каспійскаго моря, не допуская десанта противника».

Необходимо было лишь дождаться подходящаго момента.

Въ началѣ мая обстановка сложилась окончательно въ нашу пользу: Верхній Дагестанъ высказался за приходъ въ область Добровольческой Арміи, весь Хасавъ-Юртовскій округъ заявилъ о своемъ подчиненіи, и горское правительство Коцева-Капланова пало. Грозненская колонна ген. Драценко продвигалась впередъ безъ единаго выстрѣла со стороны дагестанцевъ и 8 мая, совершивъ послѣдній переходъ по желѣзной дорогѣ, появилась неожиданно въ Петровскѣ, привѣтствуемая восторженно всѣмъ русскимъ населеніемъ города. 10-го ген. Драценко занялъ мирно и Дербентъ.

Появленіе русскихъ произвело огромное впечатлѣніе въ области и вызвало рядъ важныхъ событій. Прежде всего — политическій переворотъ. 10 мая предсѣдатель горскаго правительства ген. Халиловъ обратился къ ген. Драценко со слѣдующей телеграммой:

> «Правительство Горской республики во главѣ ген. Халилова, освѣдомившись о цѣляхъ прибытія въ Шамилъ-Калу (Петровскъ) Добровольческой Арміи, взглядами ея командованія на независимость означеннаго Государственнаго образованія, и не желая, чтобы на этой почвѣ между населеніемъ Дагестана и Добрарміей происходили вооруженныя столкновенія, 23 мая въ 10 часовъ вечера сложило свои полномочія. Дагестанская фракція парламента совмѣстно съ исполнявшимъ должность шейхъ-ислама и группой дагестанской интеллигенціи, обсудивъ создавшееся положеніе и учитывая безцѣльность взаимнаго кровопролитія, постановила предложить парламенту: 1) отставку кабинета принять; 2) Союзный Совѣтъ республики горцевъ Кавказа закрыть. Вмѣстѣ съ тѣмъ принимая во вниманіе, что впредь до созыва дагестанскаго областного совѣта, страна не можетъ оставаться безъ власти, дагестанская фракція, представители народа и духовенство единогласно избрали временное дагестанское правительство въ лицѣ генералъ-маіора Халилова, предоставивъ ему самому создать временный совѣтъ изъ двухъ или трехъ лицъ. Извѣщая о вышеизложенномъ, прошу Ваше Превосходительство не отказать сообщить, когда и гдѣ Вамъ будетъ угодно переговорить о взаимныхъ отношеніяхъ Дагестана и Добрарміи».

Переговоры съ Халиловымъ привели къ признанію Дагестаномъ власти Добровольческой Арміи, съ предоставленіемъ области автономіи на тѣхъ же началахъ, какъ и прочимъ горскимъ народамъ. Прибывшій въ Темиръ-ханъ-Шуру 21 мая главноначальствующій, ген. Эрдели, встрѣченный съ большимъ почетомъ, закрѣпилъ актъ присоединенія, и ген. Халиловъ впредь до созыва народнаго совѣта назначенъ былъ временнымъ правителемъ Дагестана.

Не меньшее впечатлѣніе произвело занятіе Дагестана на англичанъ. 28 мая англійская миссія сообщила мнѣ телеграмму военнаго министра Черчилля: «Занятіе Дербента генераломъ Деникинымъ не способствуетъ установленію мира на Кавказѣ и потому противно его же интересамъ»[1]). Одновременно, минуя екатеринодарскую миссію и меня, министерство отдало распоряженіе англійскому закавказскому командованію, въ результатѣ котораго 3 іюня нашъ начальникъ петровскаго отряда получилъ требованіе отъ имени «правительства Его Величества» отвести войска сѣвернѣе «линіи, которая начинается въ 5 миляхъ къ югу отъ Петровска и идетъ параллельно Грозненской желѣзной дорогѣ». Вскорѣ разъяснилось основаніе этого требованія: ген. Корри, смѣнившій Уоккера въ должности «командующаго британскими силами Закавказья», 29 мая сообщалъ предсѣдателямъ грузинскаго и азербейджанскаго правительствъ:

---

[1]) Сношеніе 11 іюня 19 года, № 1210.

«Отъ имени правительства Его Величества, въ Лондонѣ рѣшено, что демаркаціонная линія между ген. Деникинымъ и кавказскими государствами должна быть слѣдующая: отъ устья рѣки Бзыби къ сѣверу по этой рѣкѣ до границы Сухумскаго округа, дальше восточнѣе по границамъ Кутаисской и Тифлисской губ. и Дагестанской области до пункта въ 5 миляхъ къ югу отъ ж. д. Петровскъ—Владикавказъ, оттуда къ юго-востоку параллельно ж. д. до точки на побережьи Каспійскаго моря въ 5 верстахъ къ югу отъ Петровска.

Генералъ Деникинъ получилъ указанія, чтобы войска его не переходили къ югу отъ указанной линіи, Закавказскія государства не должны переходить къ сѣверу отъ нея. Согласно вышеизложенному, грузинскія войска должны отойти къ югу отъ Бзыби. Закавказскія государства должны воздержаться отъ всякихъ агтрессивныхъ дѣйствій противъ Добровольческой Арміи, кооперировать съ ген. Деникинымъ доставкой ему нефти и другихъ припасовъ и недопущеніемъ проникновенія этихъ запасовъ большевикамъ. Неисполненіе этихъ условій повлечетъ за собой въ будущемъ полное прекращеніе британскаго расположенія и поставитъ правительство Его Величества въ невозможность воспрепятствовать ген. Деникину перейти къ Югу отъ этой линіи».

Это письмо было напечатано въ Азербейджанскомъ офиціозѣ[1]) и сопровождено правительственнымъ сообщеніемъ о безпочвенности нападокъ прессы на англичанъ, вполнѣ благожелательныхъ къ республикѣ; при этомъ впредь за враждебныя выступленія противъ англичанъ правительство грозило суровой отвѣтственностью...

Представлялось чрезвычайно страннымъ, что о такомъ важномъ рѣшеніи я узналъ только черезъ мѣсяцъ и то изъ ноты Азербейджанскаго правительства, требовавшей исполненія «предписаній» англійскаго правительства...[2]).

Генералу Эрдели я далъ приказаніе — требованій англичанъ не исполнять и войскъ изъ Дербента не уводить. Азербейджанскому правительству черезъ нашего представителя въ Баку разъяснено было, что главнокомандующій осуществляетъ верховную власть на территоріи, занимаемой арміями Юга Россіи, и потому ему никто не вправѣ давать предписанія и что Дагестанъ, добровольно подчинившійся, покинутъ не будетъ. Одновременно и Азербейджану, и англичанамъ разослано было вновь подтвержденіе, что Азербейджану съ нашей стороны никакая опасность не угрожаетъ. Наконецъ, англійской миссіи была послана новая нота протеста о недопустимости умалять престижъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи, рѣзать Дагестанъ по живому тѣлу въ угоду кавказскимъ республикамъ и создавать на нашемъ флангѣ и въ тылу раіонъ свободный для большевицкихъ и противо-добровольческихъ организацій[3]).

На этотъ разъ протестъ, поддержанный вновь екатеринодарской англійской миссіей, имѣлъ успѣхъ, и новый англійскій командующій въ Баку ген. Шательвортъ въ началѣ іюля сообщилъ азербейджанскому правительству объ отмѣнѣ послѣдней демаркаціонной линіи и включеніи въ зону Добровольческой Арміи всего Дагестана.

Этимъ эпизодомъ закончились наши столкновенія съ Англіей по вопросамъ Сѣвернаго Кавказа. Англійская политика становится здѣсь отнынѣ или нейтральной, или благожелательной къ интересамъ вооруженныхъ силъ Юга Россіи. Придетъ время, и тотъ самый полк. Роулинсонъ, который руководилъ «военными силами горскаго правительства» и потворствовалъ его политикѣ, обратится съ воззваніемъ къ народамъ Сѣв. Кавказа: «Правительство Англіи поддерживаетъ ген. Деникина и его цѣли... Англійская миссія хорошо знаетъ, что возстаніе горцевъ не есть національное движеніе, а большевицкое, и вызвано отдѣльными лицами, преслѣдующими личныя цѣли... Противодѣйствіе ген. Деникину будетъ разсматриваться, какъ актъ недоброжелательства къ союзникамъ».

---

[1]) При этомъ азерб. прав-во скрыло отъ печати и отъ насъ фразу въ письмѣ Корри, заключавшую англійское требованіе, чтобы «закавказскіе штаты способствовали провозу черезъ ихъ территорію боевого снабженія, какъ для Добровольческой Арміи, такъ и для Закаспія и Урала».

[2]) Нота отъ 9 іюня, № 45, получена въ Екатеринодарѣ 24 іюня.

[3]) Предсѣдателя Ос. Сов. 2 іюля, № 922 и нач. воен. упр. 27 іюня № 2523.

Эти позднія увѣщанія не имѣли, впрочемъ, значенія, такъ какъ въ это время (сентябрь) англійскія войска покидали уже Баку и Тифлисъ...

* * *

Сѣверный Кавказъ былъ присоединенъ, но не замиренъ. Слишкомъ много горючаго матеріала накопилось въ краѣ, чтобы разбушевавшаяся съ началомъ революціи стихія вошла такъ скоро въ спокойные, мирные берега. Отзвуки расцвѣтшаго было, но вскорѣ поблекшаго воинствующаго панисламизма; обострившіеся межплеменные счеты; упадокъ народнаго хозяйства и развившіеся, какъ никогда, абречество и мюридизмъ; темнота массъ, жившихъ нелѣпѣйшими представленіями и слухами; дѣятельность мѣстныхъ народныхъ вождей — фанатиковъ и авантюристовъ, подымавшихъ народъ жестокими расправами съ непокорными аулами — все это подогрѣвало броженіе изнутри. Извнѣ съ большой энергіей и слѣпою ненавистью поддерживали его бѣжавшіе за предѣлы нашей досягаемости члены бывшаго меджилиса, все еще рядившіеся въ аттрибуты власти и народнаго избранничества, заключавшіе союзы, подписывавшіе договоры, раздававшіе закавказскія земли[1]), наводнявшіе территорію Кавказа своими агентами и пропагандой. Они находили средства и дѣятельную, совершенно открытую поддержку въ новообразованіяхъ Грузіи и Азербейджана, питавшихъ возстанія деньгами, оружіемъ, даже живой силой — офицерами и инструкторами. И пока, такимъ образомъ, фактическія и мнимыя правительства Кавказа подготовляли пришествіе третьей силы съ сѣвера, ихъ заграничныя делегаціи подрывали всемѣрно въ общественномъ мнѣніи Европы авторитетъ вооруженныхъ силъ Юга, стремясь лишить ихъ моральной и матеріальной помощи.

На сѣверномъ Кавказѣ возстанія не прекратятся. Во второй половинѣ іюня они пронесутся по Ингушетіи, горному Дагестану (Али-Хаджа), нагорной Чечнѣ (Узунъ-Хаджи и Шериповъ); затихнувъ въ іюлѣ, они повторятся въ августѣ съ новой силой въ Чечнѣ и Дагестанѣ подъ руководствомъ турецкихъ и азербейджанскихъ офицеровъ и при сильномъ вліяніи совѣтскихъ денегъ и большевицкой агитаціи, направляемой изъ Астрахани... И хотя возстанія эти неизмѣнно будутъ подавляться русской властью, хотя они никогда не разгорятся до степени, угрожающей жизненно нашему тылу, но все же создадутъ вѣчно первирующую политическую обстановку, отвлекая вниманіе, силы и средства отъ главнаго направленія всѣхъ нашихъ стремленій и помысловъ.

ГЛАВА XVI.

Наша и англійская политика въ Закавказьи. Батумское ген.-губернаторство. Юго-западная республика.

Закавказская проблема стояла передъ нами не менѣе остро, чѣмъ вопросъ о Сѣверномъ Кавказѣ. Главной цѣлью моей было удержаніе въ государственной связи съ Россіей закавказской окраины или, по крайней мѣрѣ, территоріальное ограниченіе распада. Въ этомъ стремленіи своемъ я встрѣтилъ противодѣйствіе и новообразованій, и Англіи.

Съ осени 1918 г. въ Батумѣ, Тифлисѣ, Баку и Эривани въ полуофиціальномъ положеніи находились представители Добровольческой Арміи[2]), связь съ кото-

[1]) Такъ, напримѣръ, осенью 19 г. состоялось «единогласное постановленіе» меджилиса отъ имени Аджаріи о присоединеніи Батумской области къ Грузіи...

[2]) «Тифлисскій центръ» негласно возглавлялся ген. отъ инф. Шатиловымъ; полк. Лазаревъ состоялъ при англійскомъ командованіи въ Баку и сносился съ азербейджанскимъ правительствомъ; полк. Лесли состоялъ при армянскомъ правительствѣ. Съ марта 19 г. въ Батумѣ находился при англійскомъ командованіи ген. Романько-Романовскій.

Генералъ Мильнъ.

рыми была всегда до крайности затруднительной. Полученныя ими лично и письменно указанія отъ меня и военнаго управленія, относительно направленія Добровольческой политики, сведены были позднѣе въ общую инструкцію, данную мною ген. Баратову, когда въ іюлѣ онъ былъ посланъ официально въ Тифлисъ, въ качествѣ главнаго представителя моего въ Закавказьи. Эта секретная ин-

струкція, помѣченная датой 2 іюля 1919 г., является, такимъ образомъ, истиннымъ отраженіемъ всей нашей политики въ Закавказьи — отъ начала и до конца — и ключомъ къ уразумѣнію послѣдовавшихъ тамъ событій.

ИНСТРУКЦІЯ

Главному представителю въ Закавказьи Главнокомандующаго вооруж. сил. Юга Россіи.

Вамъ надлежитъ осуществить слѣдующія задачи и руководствоваться слѣдующими основаніями:

А) По части военной.

1. Принять всѣ мѣры для скорѣйшаго и полнаго вывоза изъ Закавказья въ распоряженіе Главнаго Начальника снабженія всѣхъ видовъ военнаго россійскаго имущества, принадлежащаго бывшему Кавказскому фронту.

2. Предложить всѣмъ русскимъ офицерамъ, находящимся въ Закавказьи, прибыть въ распоряженіе Дежурнаго генерала штаба главнокомандующаго.

3. Принять мѣры къ обезпеченію остающихся въ Закавказьи семействъ офицеровъ, отправляемыхъ и находящихся въ составѣ Вооруж. силъ Юга Россіи.

4. Принять всѣ мѣры къ обезпеченію связи съ Тифлисомъ.

Б) По части политической.

Имѣя въ виду, что все Закавказье въ предѣлахъ границъ до начала войны 1914 г., должно быть разсматриваемо какъ неотдѣлимая часть Россійскаго Государства, Вамъ надлежитъ подготавливать почву для безболѣзненнаго возсоединенія этихъ областей въ одно цѣлое съ Россіей подъ верховнымъ управленіемъ обще-россійской государственной власти.

Что касается будущаго государственнаго устройства, то, не предрѣшая частностей его до волеизъявленія всего населенія россійскаго государства, необходимо имѣть въ виду, что въ рѣшеніи этихъ вопросовъ примутъ участіе представители всѣхъ областей и народовъ Россіи и что широкая внутренняя автономія въ дѣлахъ мѣстной, краевой и народной жизни составляетъ одно изъ основаній будущей государственной жизни Россіи.

Одновременно съ тѣмъ, впредь до окончательнаго установленія обще-государственной россійской власти, допускается самостоятельное управленіе этихъ областей, нынѣ въ нихъ образовавшееся и существующее.

Въ частности: а) по отношенію Грузіи:

Главное командованіе вооруж. силъ Юга Россіи требуетъ полнаго очищенія грузинскими войсками Сочинскаго округа, съ отводомъ ихъ за рѣку Бзыбь.

По выполненіи этого непремѣннаго условія, возможны два положенія во взаимоотношеніяхъ съ Грузіей: 1) если ею будетъ признана принадлежность Грузіи къ Россійской государственности и прекращены гоненія на русскихъ людей, силою обстоятельствъ находящихся въ Грузіи, — то возможно установленіе вполнѣ дружелюбныхъ отношеній, съ возстановленіемъ свободнаго товарообмѣна и со снятіемъ таможенныхъ ограниченій; 2) если же указанныя выше въ п. 1 условія Грузіей осуществлены не будутъ, то, сохраняя нынѣшнее состояніе товарообмѣна и таможенныхъ ограниченій, возможно лишь обоюдное обязательство на прекращеніе военныхъ дѣйствій.

До отвода же войскъ изъ Сочинскаго округа за р. Бзыбь, какія либо иныя взаимоотношенія, кромѣ готовности къ боевому противодѣйствію противъ этого покушенія на цѣлость Россійской Государственности, не представляются возможными.

б) По отношенію къ Азербейджану:

Главное командованіе вооруж. силъ Юга Россіи, считая Азейберджанъ неотдѣлимой частью Россіи, допускаетъ временное самостоятельное управленіе Азербейджана впредь до окончательнаго установленія обще-россійской государственной власти и не имѣетъ никакихъ намѣреній къ переходу въ наступленіе южнѣе границъ Дагестанской области, если со стороны Азербейджана не будутъ проявлены какія-либо попытки къ агрессивнымъ дѣйствіямъ.

в) Въ отношеніи Арменіи:

Вполнѣ сочувствуя стремленіямъ Армянской народности къ ея объединенію въ этнографическихъ границахъ и считая армянъ тѣсно связанными въ ихъ историческихъ и экономическихъ интересахъ съ Единою, Недѣлимою Россіей, въ предѣлы которой входитъ наиболѣе цвѣтущая часть Арменіи, главное командованіе вооруж. силъ Юга Россіи, такъ же какъ и въ отношеніи Грузіи и Азербейджана, допускаетъ временное самостоятельное управленіе Армянскихъ областей, впредь до окончательнаго установленія обще-россійской государственной власти, не имѣя никакихъ агрессивныхъ въ отношеніи Арменіи намѣреній, но всемѣрно стоя на стражѣ Единства Россійской Государственности

Въ связи съ этимъ на Вашей обязанности лежитъ:

1. Охраненіе и защита интересовъ всего постояннаго русскаго населенія въ Закавказьи и православной русской Церкви.

2. Забота о русскихъ бѣженцахъ, нынѣ водворенныхъ на мѣста своихъ постоянныхъ жительствъ въ Закавказьи;

и 3) Періодическое освѣдомленіе Военнаго управленія о военно-политическомъ состояніи края.

В) По части экономической на Васъ возлагается:

а) Содѣйствіе и обезпеченіе свободнаго хожденія по всему Закавказью денежныхъ знаковъ, устанавливаемыхъ къ обязательному обращенію на всей территоріи вооруж. силъ Юга Россіи и

б) въ зависимости отъ выполненія временными властями Грузіи и Азербейджана основъ взаимоотношеній, указанныхъ выше въ инструкціи по части политической, подготовка соглашеній по снятію таможенныхъ границъ и по установленію товарообмѣна, а также защита интересовъ гражданскихъ управленій при главнокомандующемъ въ полученіи различныхъ предметовъ и оборудованій, принадлежащихъ Россійскому Государству, оставшихся въ предѣлахъ Закавказья [1]).

Въ Сочинскомъ и Сухумскомъ округахъ, насильственно захваченныхъ грузинами — безправное положеніе аборигеновъ и русскаго элемента, гнетъ грузинской власти, неумѣренная грузинизація и разорительная экономическая политика создавали очагъ недовольства и броженія, готовыхъ ежеминутно вылиться въ возстаніе. Помимо принципіальнаго непризнанія захвата, Добровольческая власть не могла оставаться равнодушной къ тѣмъ расправамъ, которыя чинились надъ русскимъ, армянскимъ, абхазскимъ населеніемъ, не желавшимъ мириться съ фактомъ захвата, къ тѣмъ постояннымъ жалобамъ и призывамъ, которые раздавались оттуда. Не могла, не входя въ слишкомъ очевидную колизію съ провозглашенной идеей единства Россіи, съ традиціей заступничества за элементы, тяготѣющіе къ русской государственности. Въ эту распрю мы вовлекались невольно и неиз-

[1]) Подписано нач. воен. управ. ген. Лукомскимъ, и нач. отдѣла ген. Вязьмитиновымъ, утверждено главнокомандующимъ.

бѣжно — не только въ силу побужденій государственныхъ, но и подъ напоромъ единодушнаго въ этомъ вопросѣ общественнаго мнѣнія.

Было, впрочемъ, и исключеніе... Когда собравшійся въ Тифлисѣ 1—7 іюня «2-й закавказскій съѣздъ русскихъ гражданъ», искусственно подобранный, раскололся[1]), большая часть его членовъ покинула съѣздъ, а оставшійся соціалистическій блокъ, совмѣстно съ представителями сектантскихъ общинъ, получивъ крупную субсидію отъ грузинскаго правительства, отдалъ себя подъ покровительство его и грузинскаго совѣта рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Въ вынесенной ими резолюціи говорилось о «лояльномъ отношеніи ко всѣмъ Закавказскимъ республикамъ», о федеративномъ объединеніи ихъ «съ революціонно-демократической Россіей» — и о томъ, что «въ стремленіи Добровольческой арміи, исполняющей волю реакціонныхъ черносотенныхъ силъ, завоевать Закавказье, кроется смертельная опасность для всѣхъ закавказскихъ народовъ и россійской трудовой революціонной демократіи»... Это заявленіе, впрочемъ, не воспрепятствовало совѣту просить и у главнаго командованія крупное денежное пособіе...

Я требовалъ отъ Грузіи очищенія Черноморской губ. до ея южныхъ границъ по р. Бзыби и, чтобы создать столь желательный для нея «буферъ», допускалъ нейтрализацію Сухумскаго округа — съ введеніемъ въ немъ мѣстнаго абхазскаго управленія.

Отъ Азербейджана я требовалъ свободы сообщеній по Каспійскому морю и приморской вѣтви Владикавказ. ж. д., урегулированія торговыхъ сношеній (нефть) и недопущенія снабженія совѣтской Россіи.

И только.

Насильственный захватъ территорій Грузіи и Азербейджана не входилъ въ мои планы и былъ политически нецѣлесообразенъ. Но правительства этихъ новообразованій не могли, или по тактическимъ соображеніямъ не хотѣли, отнестись съ довѣріемъ къ нашей политикѣ. Офиціальная печать ихъ съ необыкновеннымъ жаромъ подогрѣвала ненависть къ намъ, возбуждала страсти, искажала до самоочевидной нелѣпости наши намѣренія и планы, облекая свою хулу не только противъ Арміи и ея вождей, но и противъ Россіи въ формы, по грубости и оскорбительности превосходящія даже большевицкіе плакаты. Такой же былъ нерѣдко тонъ рѣчей въ парламентахъ.

И хотя при этихъ условіяхъ все болѣе нарастало въ русскомъ обществѣ и Арміи враждебное настроеніе противъ грузинскаго и азербейджанскаго правительствъ, и лицамъ, стоявшимъ у власти, необыкновенно трудно было сохранять самообладаніе, попытки примиренія интересовъ нашихъ съ закавказскими новообразованіями продолжались, и военно-политическая работа командованія — явная и тайная — не выходила изъ рамокъ, начертанныхъ въ наказѣ Баратову.

Въ концѣ концовъ главной, вѣрнѣе, единственной причиной борьбы на Кавказѣ являлось противоположеніе идеи Единой Россіи — идеѣ полной независимости Кавказскихъ новообразованій. Все остальное было лишь крупными или мелкими, важными или маловажными поводами.

* * *

Какія тайныя инструкціи давало англійское правительство своимъ представителямъ въ Константинополѣ и Закавказьи, и въ какой мѣрѣ послѣдніе вносили въ свои заявленія и дѣятельность элементъ личнаго усмотрѣнія, это мы узнаемъ не скоро, если вообще когда либо узнаемъ. Но сопоставленіе того обильнаго, хотя зачастую противорѣчиваго матеріала, которымъ располагало правительство Юга, опредѣляло безошибочно основныя вѣхи англійской политики.

---

[1]) Причиной было исключеніе бакинск. представителей — несоціалистовъ. Откололвшаяся несоціалистическая часть съѣзда образовала «Закавказ. рус. нац. комитетъ», поддерживавшій попрежнему связь съ главнымъ командов. Добрарміи.

Осень и зима 18 г. прошли подъ знакомъ продолженія міровой войны. Поэтому военная экспедиція англичанъ въ Закавказье не вызвала большого противодѣйствія въ соціалистическихъ кругахъ парламента и страны. Но къ концу года, когда задача вытѣсненія германскихъ и турецкихъ войскъ и вліянія была выполнена, давленіе тредъ-юніоновъ и лѣвой общественности, находившихся подъ сильнымъ вліяніемъ Москвы, значительно возросло, и англійское правительство вынуждено было измѣнить официальные мотивы помощи противобольшевицкимъ организаціямъ. Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ объясненій въ парламентѣ Ллойдъ Джоржъ излагалъ эти мотивы слѣдующимъ образомъ:

«Вопросъ о признаніи большевицкаго правительства никогда не подымался и никогда не обсуждался. Большевицкое правительство совершило тяжкія преступленія противъ союзныхъ подданныхъ, что дѣлаетъ невозможнымъ признаніе его, даже если бы оно было цивилизованнымъ правительствомъ. Другая причина заключается въ томъ, что въ этотъ самый моментъ они атакуютъ нашихъ друзей въ Россіи.

Я чувствую отвращеніе ко всѣмъ большевицкимъ ученіямъ, мы оплакиваемъ ихъ ужасающія послѣдствія — голодъ, кровопролитіе, разрушеніе, разореніе и ужасъ, но военная интервенція все же была бы поступкомъ величайшей глупости.

Но меня спросятъ, въ такомъ случаѣ почему мы поддерживаемъ Колчака, Деникина и Харькова (?)[1]). Я буду совершенно откровененъ. Когда былъ подписанъ Брестъ-Литовскій договоръ, обширныя области и многочисленное населеніе въ Россіи возстали противъ поднисавшаго этотъ договоръ правительства и по нашему побужденію образовали арміи. Большевизмъ угрожалъ распространить свое господство на возставшее противъ него населеніе, которое было организовано по нашему требованію. Если бы мы сейчасъ же по достиженіи поставленной нами цѣли сказали бы: «Спасибо, Вы намъ больше не нужны. Пускай большевики рѣжутъ вамъ горло» — мы были бы недостойны считать себя великой страной. Это наше дѣло помогать нашимъ друзьямъ и потому мы ихъ снабжаемъ матеріалами. Всякій, кто знаетъ Россію, понимаетъ, что она должна быть спасена ея собственными сынами. Единственное, что они просятъ, это чтобы ихъ снабжали необходимымъ вооруженіемъ, дабы дать имъ возможность сражаться для своей защиты и освобожденія. Поэтому я считаю, что помощь Колчаку, Деникину и Харькову вовсе не есть отклоненіе отъ основной политики Великобританіи — невмѣшательства во внутреннія дѣла другого государства.

Слѣдующая задача нашей политики состоитъ въ томъ, чтобы не допустить проявленія вооруженнаго большевизма въ союзныхъ странахъ. Вслѣдствіе этого мы организуемъ силы всѣхъ союзныхъ странъ, окружающихъ Россію отъ Балтійскаго до Чернаго моря, и снабжаемъ эти страны необходимымъ снаряженіемъ для установленія преградъ противъ большевицкаго вторженія».

Заявленіе Ллойдъ Джорджа, повторенное не разъ потомъ имъ самимъ, Черчилемъ и Бонаръ Лоу, въ части, касавшейся роли Англіи въ созданіи бѣлыхъ армій, получило большое распространеніе въ міровой прессѣ и было надлежаще использовано большевицкой пропагандой. Широкое національное и патріотическое движеніе, возникшее самостоятельно по всей Россіи, низводилось до степени служебнаго начала англійскимъ интересамъ.

Но пусть будетъ неправда, если она во спасеніе.

Итакъ, главною цѣлью англійскаго правительства, по словамъ его представителей, была «поддержка своихъ друзей»...

Нѣкоторый диссонансъ въ эти заявленія вносили болѣе откровенныя рѣчи представителей могущественнаго англійскаго капитала... Такъ въ декабрѣ 1918 г. предсѣдатель 4-хъ кавказскихъ нефтяныхъ компаній[2]) на годовомъ собраніи въ Лондонѣ говорилъ:

«На Кавказѣ — отъ Батума до Баку и отъ Владикавказа до Тифлиса, Малой Азіи, Мессопотаміи, Персіи британскія войска появились и были привѣтствуемы народами почти всѣхъ національностей и вѣрованій, которые взираютъ на насъ,

[1]) Эпизодъ съ «ген. Харьковымъ» служилъ долго предметомъ острословія южныхъ газетъ.

[2]) „Bibi-Eibat Oil Company Ltd."

какъ на освободителей — однихъ отъ турецкаго, другихъ отъ большевистскаго ига. Никогда еще въ исторіи нашихъ острововъ не было такого благопріятнаго случая для мирнаго проникновенія британскаго вліянія и британской торговли, для созданія второй Индіи или Египта. Но слабые голоса нашихъ политическихъ дѣятелей подъ пятой демократіи глушатъ всѣ эти стремленія. Русская нефтяная промышленность, широко финансируемая и правильно организованная подъ британскимъ началомъ была бы цѣннѣйшимъ пріобрѣтеніемъ исторіи...»

Официально англичане пришли въ Закавказье съ программой Верховнаго союзнаго совѣта: самоопредѣленія народовъ по Вильсону, сохраненія status quo въ отношеніи границъ до рѣшенія мирной конференціи и невмѣшательства во внутреннія дѣла новообразованій. Поскольку и какъ проводились эти идеи въ жизнь, мы видѣли и увидимъ въ главахъ, посвященныхъ жизни Кавказа. Однажды на одинъ изъ моихъ безчисленныхъ протестовъ по поводу закавказской политики англичанъ екатеринодарская миссія прислала объясненіе[1]):

«Во время заключенія перемирія съ Германіей, когда главные принципы, руководящіе Мирной конференціей, должны были быть выработаны заранѣе, ни въ одной части Россіи не было правительства, которое могло бы считаться правительствомъ Объединенной Россіи, и не было никакой связи между различными силами, борющимися противъ большевиковъ. Даже въ раіонѣ, занятомъ теперь В. С. Ю. Р., Донъ тогда притязалъ на самостоятельность, и власть главнокомандующаго Добр. Арміей была очень ограничена на Кубани. Россія, кромѣ какъ черезъ Мурманъ и Владивостокъ, была оторвана отъ сношеній съ союзниками. Принципъ самоопредѣленія мелкихъ народностей былъ преобладающимъ; Грузія, Азербейджанъ, Арменія и такъ называемое горское правительство имѣли своихъ представителей въ Парижѣ и Лондонѣ, которые требовали полнаго отдѣленія отъ Россіи. При такихъ обстоятельствахъ общія указанія, даваемыя британскимъ войскамъ, первоначальная задача которыхъ была принудить непріятеля къ эвакуаціи Закавказья, заключались въ томъ, чтобы въ ожиданіи рѣшенія Мирной конференціи охранять порядокъ и поддерживать правительство, находящееся у власти, пока оно будетъ вести себя подобающимъ образомъ.

Русскіе представители въ Закавказьи и даже командованіе В. С. Ю. Р., не сумѣвъ оцѣнить этихъ основныхъ принциповъ, часто обращались къ британскимъ военнымъ властямъ въ Закавказьи съ требованіями, которыя шли въ разрѣзъ съ полученными ими распоряженіями и неминуемо бы ввели насъ въ войну съ упомянутыми республиками, что было бы противно принципамъ, одушевляющимъ Мирную конференцію».

Фактическая обстановка вызывала, однако, сомнѣніе въ такой объективности.

Желая войти въ непосредственныя сношенія съ закавказскими англійскими властями, я командировалъ въ январѣ 1919 г. ген. Эрдели въ Батумъ, Тифлисъ, Баку и Закаспій. Его поѣздка дала много интереснаго матеріала, тѣмъ болѣе, что англійскіе генералы, не искушенные въ дипломатіи и политикѣ, были въ достаточной мѣрѣ откровенны.

Прежде всего англійскій главнокомандующій ген. Милнъ, посѣтившій въ это время Закавказье, уклонился отъ встрѣчи съ ген. Эрдели подъ тѣмъ предлогомъ, что «при назначеніи главнокомандующимъ войскъ Восточнаго фронта онъ не получилъ инструкцій входить въ сношенія и переговоры съ Добровольческой Арміей. На его обязанности было имѣть переговоры съ представителями закавказскихъ народностей и областей, по ихъ вопросамъ и нуждамъ, и потому на территоріи Закавказья вести переговоры съ Добровольческой Арміей онъ не можетъ». Точно также ген. Эрдели было сообщено, что «пріѣздъ его въ Тифлисъ не желателенъ, и посему англійское командованіе не можетъ взять на себя заботу объ его пріѣздѣ»[2]).

---

[1]) Нота отъ 1 августа № 1293 на имя начальника штаба главнокомандующаго.

[2]) Донесенія Эрдели 12 и 18 янв. № 3 и 5. Позднѣе на протестъ мой противъ такого оскорбительнаго отношенія къ представителю главнаго командованія ген. Милнъ выразилъ «сожалѣніе по поводу происшедшаго недоразумѣнія», объяснивъ, что онъ не былъ увѣренъ въ полномочіяхъ Эрдели... Сношеніе британской миссіи 25 марта № 134.

Ген.-губернаторъ Батума Коллисъ объяснилъ послѣднее обстоятельство «происходящими сейчасъ важными событіями...» По его свѣдѣніямъ «грузинская республика будетъ признана союзниками, какъ самостоятельное государство, и можетъ быть, съ полнымъ отдѣленіемъ отъ Россіи; на очереди стоитъ даже вопросъ о томъ — присоединить или нѣтъ Батумскую область къ Грузіи». По этому вопросу ген. Милнъ запрашивалъ мнѣнія Коллиса, и послѣдній былъ въ большомъ затрудненіи, откровенно сознаваясь въ своей полной неосвѣдомленности въ исторіи Аджаріи и Батума.

Рамки status quo, повидимому, нѣсколько раздвигались...

Прождавъ разрѣшенія на дальнѣйшую поѣздку цѣлыхъ двѣ недѣли, Эрдели проѣздомъ черезъ Тифлисъ былъ неожиданно приглашенъ Уоккеромъ, съ которымъ имѣлъ продолжительную бесѣду. Уоккеръ сообщилъ о существованіи трехъ проектовъ разрѣшенія судебъ Закавказья:

«1. Присоединеніе его къ Россіи въ границахъ 1914 г., съ автономнымъ управленіемъ въ различныхъ областяхъ.
2. Признаніе самостоятельности образовавшихся республикъ, съ полнымъ отдѣленіемъ ихъ отъ Россіи.
3. Образованіе соединенныхъ штатовъ на Кавказѣ — въ отдѣлѣ отъ Россіи или въ конфедераціи съ ней...»

И Уоккеръ, и Томсонъ (въ Батумѣ) были въ высокой степени любезны, но высказались совершенно опредѣленно, что поддержаніе идеи общей русской государственности не входитъ въ ихъ задачу, что на Добровольческую Армію они смотрятъ только, какъ на одно изъ противобольшевицкихъ образованій и никакого русскаго вліянія въ ущербъ самостоятельному развитію мѣстныхъ «государствъ» въ оккупированной зонѣ, впредь до рѣшенія Мирной конференціи, не потерпятъ.

Эта идея могущественной и цѣлебной силы «мирной конференціи» и ея компетенціи разрѣшать самостоятельно, безъ самой Россіи, ея судьбы — проводилась чрезвычайно настойчиво всѣми союзными представителями на Югѣ. Она встрѣчала признаніе среди кавказскихъ новообразованій и казачьихъ самостійныхъ группъ и вызывала глубочайшее негодованіе среди всѣхъ національно мыслящихъ элементовъ русскаго общества. Протестъ и противодѣйствіе этому международному насилію были, поэтому, нашимъ правомъ и обязанностью.

Зима 1918—1919 года пройдетъ въ острыхъ столкновеніяхъ на этой почвѣ съ англійскимъ правительствомъ и командованіемъ.

Останутся ли англійскія войска въ Закавказьи и надолго ли, это зависѣло, очевидно, отъ теченія переговоровъ на Версальской конференціи, отъ настроенія парламента и рабочей партіи, наконецъ, отъ хода событій въ самомъ Закавказьи. Во всякомъ случаѣ, до весны 1919 года, надежды англичанъ на длительность и прочность ихъ оккупаціи были еще велики. Въ этотъ періодъ мы увидѣли наибольшее развитіе ихъ политики вытѣсненія русскаго вліянія въ краѣ, поддержанія его раздробленности и созданія почвы для перманентныхъ конфликтовъ межплеменныхъ и межправительственныхъ, какъ будто для того, чтобы наличіемъ ихъ оправдать необходимость британской оккупаціи. Первое и второе достигались внушеніемъ закавказскимъ новообразованіямъ мысли о неизбѣжности признанія ихъ самостоятельности и поддержкой ихъ въ столкновеніяхъ съ Добровольческой Арміей; третье не требовало ни труда, ни искусства: горючаго матеріала было слишкомъ много и стоило лишь поднести спичку, чтобы вызвать пожаръ.

* * *

Въ связи и въ большой зависимости отъ направленія англійской политики протекала жизнь Закавказья.

Въ серединѣ ноября англичане заняли Батумъ. Турецкая оккупація, длившаяся девять мѣсяцевъ, оставила извѣстные слѣды въ политическихъ настроеніяхъ города и области.

Во-первыхъ — пестрое интернаціональное населеніе города-порта измѣнило свой составъ, благодаря бѣгству весною 1918 г. значительнаго числа русскихъ и грузинъ, боявшихся турецкой расправы. Въ волнѣ русскаго бѣженства уходилъ, главнымъ образомъ, пролетаріатъ и революціонная демократія, и потому, оставшееся населеніе представляло довольно однородное и сплоченное ядро буржуазнаго и служилаго элемента. Русскій національный совѣтъ въ Батумѣ возглавлялся вначалѣ ген. Терменомъ, а съ ноября 1919 г. прис. повѣреннымъ, лидеромъ мѣстныхъ кадетъ П. М. Масловымъ — фактическимъ основателемъ и душою совѣта. Въ городѣ существовали также малодѣятельные національные совѣты грузинскій, греческій, еврейскій, польскій и мусульманскій.

Во-вторыхъ — временное турецкое владычество, съ сопровождавшими его реквизиціями, поборами, воинской и трудовой повинностью и жестокими мѣрами административнаго воздѣйствія, вызвало большое разочарованіе въ мѣстномъ аджарскомъ населеніи, покончивъ надолго, если не навсегда, съ основаннымъ на историческихъ легендахъ тяготѣніи его къ Турціи. Сообразно съ этимъ усилились симпатіи аджарцевъ къ Россіи. Мѣстнаго «аджарскаго» сепаратизма въ области не существовало вовсе [1]), если не считать одного эпизода: потомокъ владѣтельнаго бека, полковникъ русской службы Джемалъ-бекъ подымалъ народъ, организовывалъ вооруженныя четы и предлагалъ городъ Батумъ и свои услуги сначала Грузіи, потомъ Турціи, съ тѣмъ, чтобы остальная территорія Аджаріи стала автономной областью подъ его наслѣдственнымъ правленіемъ. Затѣя эта не имѣла никакого успѣха, кромѣ пожалованія Джемалъ-беку ордена и чина паши правительствомъ султана. Картвелы по происхожденію, мусульмане по вѣрѣ — аджарцы сохраняли привитую имъ турками ненависть къ грузинамъ.

Еще во время турецкаго господства Русскій національный совѣтъ вошелъ въ связь съ командованіемъ Добровольческой Арміи, признавая ее объединяющимъ центромъ и запрашивая директивы. Когда въ Батумѣ появился ген. Уоккеръ, Совѣтъ представилъ ему меморандумъ о положеніи края, громадной культурной роли русскаго населенія въ области въ теченіе 40 лѣтъ и проектъ-схему административнаго ея устройства. Ген. Уоккеръ призвалъ предсѣдателя совѣта Маслова и предложилъ ему организовать «Совѣтъ по управленію Батумской областью», подъ руководствомъ англійскаго генералъ-губернатора. По взаимному соглашенію въ составъ совѣта, для приданія ему надлежащаго авторитета въ глазахъ смѣшаннаго населенія города, были назначены представители различныхъ національностей [2]), во главѣ съ русскимъ предсѣдателемъ (Масловъ) и его замѣстителемъ (С. А. Анисимовъ). Всѣ постановленія совѣта подлежали утвержденію военнаго губернатора, бригаднаго генерала Кукъ-Коллиса.

«Совѣтъ по управленію», находясь въ полномъ согласіи съ Національнымъ комитетомъ, такъ же какъ и онъ, считалъ себя въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ главному командованію Юга и просилъ руководящихъ указаній. Въ основной цѣли, которую поставилъ себѣ совѣтъ, мы сходились вполнѣ: «необходимо отстоять Батумскую область съ Батумомъ и сохранить этотъ первостепенной важности портъ и единственный въ своемъ родѣ по красотѣ и богатству дарами природы край за Россіей...» Масловъ запрашивалъ, «какъ поступать въ тѣхъ случаяхъ, когда англійское командованіе отдаетъ распоряженіе, идущее въ ущербъ русскимъ интересамъ? Проявлять ли уступчивость въ предвидѣніи лучшаго будущаго или категорически отстаивать свое мнѣніе, не останавливаясь передъ постановкой вопроса объ отказѣ отъ власти». Я отвѣчалъ: «не задираясь по мелочамъ, въ основ-

---

[1]) Такіе «удивительные» факты приходится оговаривать, въ виду того повѣтрія самоопредѣленія, которое охватило россійскіе народы. Не многимъ вѣроятно извѣстно о кратковременномъ существованіи суверенной «Ингерманландіи», въ юго-западн. уголкѣ Петроград. губ., серьезно протежируемой сосѣдки. ъ сувереномъ — Эстоніей.

[2]) 2 грузина, 1 грекъ, 1 мусульманинъ, 1 еврей, 1 полякъ и 1 армянинъ, позднѣе еще 2 аджарца. По опредѣленію Маслова только одинъ грузинъ сепаратистъ, прочіе всѣ руссофилы.

ныхъ вопросахъ русской государственности прямо, открыто и рѣзко защищать русскую идею, не останавливаясь ни передъ чѣмъ».

Также категорически и безапелляціонны были притязанія на Батумъ Грузіи. Вся грузинская печать съ необыкновенной страстностью относилась къ батумскому вопросу, разжигая національный шовинизмъ въ своей странѣ, впадая не разъ въ истерику и, по обычаю, допуская бульварное сквернословіе въ отношеніи своихъ «враговъ — русскихъ». «Батумъ и мусульманская Грузія — наши — писала «Сахалко Сакке»[1]). Они — мы. Они должны быть наши. Мы должны быть вмѣстѣ, непремѣнно вмѣстѣ, иначе невозможна наша жизнь, наша независимость, наша національность, это — неизбѣжно, это — главный очередной вопросъ нынѣшняго дня... Мы должны осуществить это объединеніе, ничего для него не жалѣть и принести въ жертву все... Мы должны вернуть себѣ Батумъ...» Грузинское правительство наводняло городъ и область грузинами во главѣ съ агитаторами и террористами; по области ходила безвозбранно шайка Асламъ-бека, проповѣдуя вражду противъ Россіи, побуждая аджарскія селенія къ принятію грузинскаго подданства; отряды грузинскихъ войскъ сосредоточивались къ Нотанеби, возлѣ Батума, брящая оружіемъ и нервируя батумскій совѣтъ.

Такимъ образомъ, въ Батумскомъ вопросѣ столкнулись три стороны: Россія, Грузія и Англія. За кулисами стояла еще временно вышедшая изъ игры, побѣжденная, но не оставившая своихъ притязаній на Батумъ — Турція. Территоріально къ первой группировкѣ примыкали верхняя и нижняя Аджарія, сохранявшія привязанность къ своей метрополіи, посылавшія съ такимъ заявленіемъ делегацію къ англичанамъ; ко второй — Кобулетскій раіонъ и аджарцы города, поддававшіеся нѣсколько грузинской пропагандѣ — въ общемъ около 10% коренного населенія. Политически — къ русской группѣ примыкали всѣ прочіе, кромѣ грузинъ.

Третья сторона — англичане — хранили въ тайнѣ свои намѣренія и цѣли, а видимая непослѣдовательность ихъ заявленій и дѣйствій приводила въ раздраженіе и насъ, и грузинъ. Неопредѣленность положенія «русскаго вопроса» на мирной конференціи служила покровомъ этой непослѣдовательности. Такъ, англійскіе представители высказывали не разъ предположеніе, что Батумъ перейдетъ то къ Грузіи, то даже къ Арменіи, питая тѣмъ грузинскій шовинизмъ и создавая натянутыя отношенія къ русскому направленію со стороны мѣстнаго армянскаго совѣта. Англійскій губернаторъ устранялъ русскую администрацію въ Артвинскомъ округѣ и передавалъ ее темнымъ туркофильскимъ элементамъ, находившимся въ связи съ такъ наз. Юго-Западной республикой[2]). Въ началѣ апрѣля онъ распустилъ «Совѣтъ по управленію», обвинивъ его въ веденіи «личной политики» и въ неудачныхъ финансовыхъ мѣропріятіяхъ, замѣстивъ всѣ должности англійскими офицерами, причемъ во главѣ гражданскаго управленія былъ поставленъ еврей Харрисъ — до войны маклеръ Лондонской биржи. Одновременно распоряженіемъ губернатора спускался «съ почестями» русскій флагъ, развѣвавшійся на батумо-грузинской границѣ, и замѣнялся британскимъ, а въ пограничномъ раіонѣ расклеивались объявленія, что слухи о присоединеніи Батума къ Грузіи ложны и «Батумъ всегда останется Батумской провинціей...» (?)[3]).

Англичане реквизировали богатые запасы нефти, бензина и друг. въ качествѣ приза, взятаго «у нѣмцевъ», большіе русскіе военные запасы — въ качествѣ военной добычи, захваченной «у турокъ»; брали подъ свой «протекторатъ» Артвинскую опытную станцію и богатѣйшее Чаквинское имѣніе, устанавливали произвольный курсъ фунта, понизивъ вдвое мѣстную валюту; сравняли рубль съ грузинской боной, уронивъ почти вдвое курсъ рубля. Одновременно они отдавали В. С. Ю. Р. большое количество ненужнаго имъ боевого имущества крѣпости, до нѣкоторой степени принимали мѣры къ облегченію населенію продовольственнаго вопроса и къ помощи россійскимъ пенсіонерамъ.

---

[1]) Органъ груз. соц.-федералистовъ.
[2]) См. ниже.
[3]) Объявленіе за подписью капитана Крейна снято въ раіонѣ Чаквы.

Чеченскій съѣздъ

Сидятъ слѣва на право: 1) Правитель Чечни, ген. Аліевъ, 2) Главнонач. Терско-Даг. Края, ген. Ляховъ, 3) Ген. Бриггсъ, 4) Ген. Деникинъ, 5) Ген. Романовскій, 6) Терскій атаманъ, ген. Вдовенко.

Граница съ Грузіей была свободна для въѣзда всѣхъ агитаторовъ и членовъ грузинской маффіи, тогда какъ въ отношеніи лицъ, слѣдовавшихъ съ территоріи Юга Россіи въ Батумъ, англичане установили требованіе персональнаго разрѣшенія изъ Константинополя отъ штаба Мильна [1]), норму — не болѣе 150 человѣкъ въ одинъ пароходный рейсъ, притомъ только и м у щ и х ъ. Въ Новороссійскѣ и другихъ портахъ скопились, поэтому, толпы бѣженцевъ — въ обстановкѣ грязи, тифа и голода.

Англичане отдали Грузіи «по техническимъ соображеніямъ» участокъ жел. дор. Батумъ — Нотанеби, и первымъ слѣдствіемъ этого было удаленіе всего русскаго жел.-дор. персонала и появленіе въ Батумѣ грузинскаго агитаціоннаго поѣзда съ знаменательнымъ девизомъ: «Кто не съ нами, тотъ противъ насъ». Шовинистическая литература на русскомъ и мѣстныхъ языкахъ наводнила край. Опытные грузинскіе агенты терроризировали русское населеніе, преимущественно видныхъ общественныхъ дѣятелей, примѣняя угрозу подметными письмами, разбойныя нападенія и убійства, и русскій національный совѣтъ вотще взывалъ къ англійской власти о принятіи болѣе дѣйствительныхъ мѣръ охраны отъ злоумышленниковъ. На ряду съ этимъ англійскимъ губернаторомъ разрѣшались повсемѣстно митинги, устраиваемые грузинами съ призывомъ присоединенія къ Грузіи и выступленія противъ Добровольческой Арміи. На мой протестъ по этому поводу англійская миссія дала весьма оригинальное разъясненіе [2]): «Британскій губернаторъ, будучи увѣренъ, что область настроена враждебно по отношенію къ грузинамъ, разрѣшилъ организовать собранія въ Батумѣ, Артвинѣ и друг., чтобы дать возможность населенію проявить свое недоброжелательное отношеніе къ Грузіи. Его политика увѣнчалась полнымъ успѣхомъ... [3]). Губернаторъ, установивъ, такимъ образомъ, публично анти-грузинскую оріентацію населенія, запретилъ дальнѣйшія собранія».

Русское правленіе и Русскій совѣтъ Батума неоднократно просили меня поставить въ городѣ небольшой Добровольческій гарнизонъ для охраны порядка и символическаго изображенія государственной связи Батума съ Россіей. Англичане воспрепятствовали этому, но разрѣшили открыть въ Батумѣ вербовочное бюро для комплектованія Добровольческой Арміи. Взявшій на себя эту работу ген. Натіевъ — аджарецъ по происхожденію — возбудилъ противъ себя сильно и англичанъ, и грузинъ. Опасности для Грузіи ген. Натіевъ не представлялъ никакой. Весь итогъ его работы выразился въ привлеченіи 40 офицеровъ и 300 солдатъ — армянскихъ бѣженцевъ, мало пригоднаго элемента. Въ маѣ ген. Натіеву запрещены были всякія формированія и предположено было замѣнить его другимъ лицомъ. Но грузинская развѣдка приписывала Натіеву формированіе «Закавказскаго корпуса», предназначеннаго для покоренія Грузіи, и грузины рѣшили убрать его со своего пути. 15 іюня Натіевъ и его адъютантъ, проходившіе по людной улицѣ города, были убиты наповалъ шайкой грузинъ, во главѣ съ офицеромъ. Это событіе возмутило глубоко русскіе круги и въ отвѣтъ на мой протестъ вызвало весьма уклончивый отвѣтъ англійской миссіи: «Британскому военному губернатору извѣстны тѣ лица, которыя убили генерала Натіева. Попытка задержать ихъ была сдѣлана, но они скрылись въ Грузію. Не имѣетъ смысла доносить объ нихъ грузинскому правительству, которое будетъ защищать своихъ агентовъ; но если они, какъ то ожидается, вернутся, то ихъ арестуютъ» [4]).

Такъ шли дѣла, писались ноты, заявлялись протесты — мною, батумскимъ русскимъ правленіемъ, потомъ русскимъ національнымъ совѣтомъ, далеко не всегда достигавшіе практическихъ результатовъ. Но иныя средства, болѣе активныя, намъ были недоступны: по бѣдности, матеріальной зависимости отъ англичанъ, по

---

[1]) Нота отъ 22 февраля, подписанная полк. Кизомъ.
[2]) Нота отъ 1 августа 19 г.
[3]) Собранія проходили не вездѣ такъ благополучно, какъ увѣряли англичане.
[4]) Нота 1 авг. № 1293 полковника Киза.

недостатку вооруженныхъ силъ и несклонности къ методамъ, практиковавшимся грузинами... Во всякомъ случаѣ, наша борьба оказывала, безъ сомнѣнія, сдерживающее вліяніе на темпъ сложнаго процесса — отрыва отъ метрополіи русской окраины, не оставляя ее въ конецъ безпризорной.

Въ конечномъ результатѣ, англійская политика въ Батумѣ вооружила противъ себя всѣхъ. Я просилъ англійскую миссію разъяснить — «имѣю ли я въ лицѣ англійскаго командованія въ Закавказьи друзей или враговъ?» Русскій національный совѣтъ констатировалъ, что, «къ сожалѣнію, ожиданія и надежды русскихъ людей, связанныя съ прибытіемъ союзниковъ — англичанъ, не оправдались, ибо, повидимому, они являлись сюда не для выполненія союзническихъ обязательствъ и помощи изстрадавшейся Россіи, а для преслѣдованія своекорыстныхъ—не только экономическихъ, но и политическихъ интересовъ»[1]). Наконецъ, грузинское правительство и печать, въ свою очередь, ополчились противъ англичанъ. «Здѣсь, въ Тифлисѣ — писалъ офиціозъ правительства «Борьба» — произошло наше взаимное пониманіе (съ англійскими властями) и были изысканы одинъ общій языкъ, одни общіе пути. Въ Батумѣ имѣетъ мѣсто діаметрально противоположная политика». Органъ грузинскихъ соц.-рев. «Шорма» изливалъ свою злобу: «грузинское общество съ радостью встрѣтило вѣсть о переходѣ Батума въ руки англичанъ, такъ какъ оно надѣялось, что благородное британское командованіе пойметъ, что Батумъ является сердцемъ Грузіи, и послѣдняя никому его не уступитъ, пока въ ней будетъ жить чувство собственнаго достоинства. Добровольцы и Деникинъ поняли это, и поэтому Батумъ они превратили въ гнѣздо интригъ, подкупа и шпіонажа. Не проходитъ дня, чтобы они не бросали въ насъ отравленныя стрѣлы. И Грузія вынуждена переносить это униженіе только потому, что этотъ безсовѣстный и продажный народъ опирается на престижъ и авторитетъ Британіи».

Такіе изо дня въ день повторяющіеся выпады некультурной, лишенной традицій и чувства мѣры грузинской прессы, поощряемой правительствомъ[2]), сыграли, безъ сомнѣнія, не маловажную роль въ нашихъ взаимоотношеніяхъ.

* * *

Англичане потребовали отъ турецкаго командованія — очищенія русскаго Закавказья до границъ 1914 г. къ половинѣ января. Въ связи съ этимъ, въ Карсской области на мѣсто турецкаго военнаго управленія образовалась «Юго-Западная республика»[3]). Правительство ея («Шуро»), исключительно изъ мусульманъ, было поставлено турками и находилось всецѣло въ рукахъ видныхъ дѣятелей партіи «Единеніе и прогрессъ» — Нури-паши (братъ Энвера) и Халилъ-паши. «Республика» имѣла свои «войска» — тысячъ 5—6 плохо организованныхъ бандъ, въ изобиліи снабженныхъ турками оружіемъ и боевыми припасами; въ составѣ ихъ были турецкіе офицеры и не мало аскеровъ.

Англичане отнеслись съ большимъ интересомъ къ новообразованію, но хранили полное молчаніе относительно его будущей судьбы, приводя тѣмъ въ крайнее безпокойство претендентовъ на Карсское наслѣдіе—Грузію и Арменію. Со времени турецкаго нашествія большая часть русскаго населенія и почти все армянское населеніе бѣжало изъ Карсской области, въ которой образовалось фактическое преобладаніе турецкаго элемента. Всѣ земли, скотъ, сельско-хозяйственный инвентарь, всякое добро бѣженцевъ попало въ руки турокъ, и теперь «Юго-Западное правительство» противилось всѣми способами возвращенію бѣженцевъ.

Политическое положеніе «республики» къ концу декабря было весьма сложное. Въ Карсѣ сосредоточились три власти: англійскій губернаторъ полк. Тимперлей, турецкій — начальникъ 12-й дивизіи и «Шуро»; тамъ же находились и

---

[1]) Особое постановленіе 28 апрѣля 19 г.

[2]) Пресса находилась всецѣло въ рукахъ мин. вн. дѣлъ Рамишвили.

[3]) Территорія ея включала, кромѣ того, Артвинскій округъ (условно), Зачорохск. край и Ахалцикскій уѣздъ Тифлисской губ.

войска трехъ армій: англійскій гарнизонъ, турецкая дивизія и мѣстныя формированія. Турки, впрочемъ, вскорѣ ушли.

Политическія настроенія правительства и населенія опредѣлялись неизбѣжностью предстоящей ликвидаціи, разсчетовъ и расплаты и выражались совершенно опредѣленно: «если не турецкая, то только русская власть». Делегація, встрѣчавшая въ Карсѣ первыхъ англійскихъ представителей, привѣтствовала ихъ непривычными для англійскаго уха словами: «мы рады васъ видѣть, какъ союзниковъ, побѣдителей и какъ дорогихъ гостей на русской территоріи...» Мой представитель въ Арменіи полк. Лесли, прибывшій въ Карсъ 31 декабря, былъ встрѣченъ на границѣ области депутаціей отъ населенія, въ Карсѣ представителями «Шуро» и турецкаго командованія. Всѣ они выражали пожеланія о скорѣйшемъ присоединеніи области къ Россіи и назначеніи русскаго губернатора, какъ единственный безкровный выходъ изъ запутаннаго положенія межплеменной распри. Съ такимъ же заявленіемъ дважды впослѣдствіи правительство обращалось къ англичанамъ и посылало делегацію въ Америку и Европу.

Англійское командованіе не имѣло вовсе своей политики въ Карсскомъ вопросѣ или она была черезчуръ маккіавелистической, во всякомъ случаѣ, по отношенію къ Россіи — вполнѣ опредѣленной: ген. Уоккеръ ставилъ непремѣннымъ условіемъ возвращенія русскихъ бѣженцевъ въ Карсскую и Батумскую область, чтобы они «не вели пропаганды большевицкой и за возсоединеніе этихъ областей съ Россіей»[1]). Такіе же приказы въ Карсѣ отдавалъ англійскій губернаторъ. Въ то же время полк. Тимперлей, покровительствовавшій полу-турецкому правительству «Юго-Западной республики», тормазилъ возвращеніе въ край армянскихъ бѣженцевъ, и ген. Бичъ[2]) заявлялъ армянскому правительству твердо и рѣшительно, что Карсская область Арменіи не принадлежитъ»[3]); ген. Уоккеръ «не видѣлъ препятствій» къ занятію грузинами Посхова[4]), а когда грузинскіе войска Квинитадзе приступили къ занятію этого участка, это вызвало вооруженное сопротивленіе мусульманъ и заявленіе Карсскаго губернатора, что наступленіе грузинъ «будетъ считаться направленнымъ противъ Великобританіи...»

Въ концѣ марта обстановка круто мѣняется: туркофильскія тенденціи англичанъ исчезаютъ окончательно, смѣнившій Тимперлея новый губернаторъ Карса, ген. Ассеръ свергаетъ «Юго-Западное правительство», заключаетъ въ тюрьму его членовъ и видныхъ турецкихъ дѣятелей, и власть переходитъ единолично къ губернатору и образованному имъ смѣшаннаго національнаго состава Совѣту. Совѣтъ правитъ только три недѣли. Пользуясь произошедшимъ замѣшательствомъ, грузинскія войска вторгаются въ сѣверную часть «республики» и занимаютъ Ахалцыкъ и Ардаганъ, но по требованію англичанъ очищаютъ послѣдній. Въ свою очередь армянскія войска съ согласія англичанъ занимаютъ всю Карсскую область, которая входитъ въ составъ Арменіи, и въ Карсѣ водворяется армянскій губернаторъ.

Жизнь области, въ которой причудливой мозаикой переплелись взаимно враждебныя народности, гдѣ даже въ наиболѣе благопріятныхъ раіонахъ армяне составляли лишь относительное большинство населенія[5]), приняла послѣ этого иной колоритъ: тамъ, гдѣ турко-татары давили армянъ, армяне стали давить турко-татаръ, и атмосфера ненависти становилась все напряженнѣе, все гуще...

Среди этой обстановки не мѣнялись лишь судьбы русскаго населенія, небольшими оазисами вкрапленнаго въ область[6]): не проявляя въ отношеніи русскихъ

---

[1]) 13 янв. 19 г. Изъ отвѣтной рѣчи Уоккера на привѣтствіе Закавказск. рус. нац. совѣта.

[2]) Изъ штаба ген. Мильна, вѣдавшій въ Тифлисѣ развѣд. и политическ. отдѣломъ.

[3]) Докладъ ген. Томилова отъ 11 февраля 19 года и свидѣтельство военнаго министра Арменіи ген. Карганова.

[4]) Сѣверо-западная часть Карсской области, спорная между турками, армянами и грузинами.

[5]) Въ двухъ уѣздахъ — Карсскомъ и Кагызманскомъ — 35—37%.

[6]) 32 селенія, не болѣе, чѣмъ 12 тыс. оставшихся на мѣстахъ жителей.

ни особенной вражды, ни племенной и религіозной нетерпимости, просто пользуясь безвременьемъ, ихъ грабили и притѣсняли и турки, и татары, и армяне. Карсскій національный совѣтъ обращалъ постоянно свои взоры на Екатеринодаръ, посылалъ туда горькія жалобы и искалъ тамъ заступничества и экономической помощи...

ГЛАВА XVII.

Грузія.

Своеобразную картину представляла изъ себя жизнь Грузинской республики.

Для европейскаго общественнаго мнѣнія, благодаря усиліямъ грузинской заграничной делегаціи — это была маленькая культурная страна, окруженная недругами и героически борющаяся за свое существованіе, имѣющая свободно избранное соціалистическое правительство, пользующееся народнымъ довѣріемъ; страна — текущая млекомъ и медомъ и нуждающаяся только въ признаніи «de jure» и въ надлежащихъ границахъ, чтобы явить міру «чрезвычайно интересный примѣръ новаго демократическаго типа организаціи государства».

Дѣйствительность далеко не соотвѣтствовала этому идиллическому представленію.

Власть (правительство, парламентъ и Учредительное собраніе) находилась въ рукахъ небольшой тѣсно сплоченной группы, члены которой обладали большимъ опытомъ революціонной дѣятельности. Ихъ связывало и племенное (большинство имеретины), и зачастую кровное родство, партійная принадлежность (с.-д. меньшевики) [1]) и общая работа по разрушенію — вначалѣ изъ подполья, потомъ съ вершинъ — россійской государственности [2]). Въ ихъ однородности и узкомъ кастовомъ составѣ была и сила, и слабость: внутренняя дисциплина съ одной стороны и оторванность отъ населенія, отсутствіе технически подготовленныхъ силъ — съ другой. Грузинское крестьянство, составлявшее до 90% населенія, получивъ добавочную землю за дорогую плату, не считало себя вовсе облагодѣтельствованнымъ. При первобытныхъ способахъ землепользованія, крайней бѣдности въ сельско-хозяйственныхъ орудіяхъ и инвентарѣ, оно и не могло почувствовать сколько-нибудь замѣтнаго улучшенія своего быта. Между тѣмъ, общія условія жизни съ каждымъ днемъ становились все тяжелѣе. Падали «боны», росла дороговизна, усиливался товарный и продовольственный голодъ. Грузинскія газеты отмѣчали новое растущее зло — непотизмъ, кумовство, землячество — наложившее отпечатокъ на всѣ правительственныя учрежденія и приведшее къ небывалому взяточничеству, спекуляціи и хищеніямъ.

Не устанавливался и правопорядокъ. «Высокіе фразы и лозунги — писалъ органъ національ-демократовъ «Сакартвело» — щедро бросаются правительствомъ въ народъ, а послѣдній жаждетъ мира и спокойствія и испытываетъ то тяжелое положеніе, когда личность человѣка не ограждена правосудіемъ закона и самой администраціи. Къ несчастью, дѣятельность нашей правящей партіи всегда измѣряется партійными разсчетами, и только этимъ объясняется безконечная анархія и безпорядки, существующіе въ нашей странѣ». Извѣстная пристрастность въ осужденіяхъ политическихъ противниковъ, видѣвшихъ причину зла въ одномъ лишь правительствѣ, не исключаетъ, вѣроятно, большой доли и его отвѣтственности.

---

[1]) Въ правительствѣ — всѣ с.-д., кромѣ одного; въ учред. собраніи — 109 с.-д. изъ общаго числа членовъ 130.

[2]) Главнѣйшіе посты занимали: Ной Жорданія — предсѣдатель правительства; Георгадзе — военный министръ; Рамишвили — министръ внутреннихъ дѣлъ; Гегечкори — министръ иностранныхъ дѣлъ; Лордкипанидзе (акушеръ по спеціальности) — министръ путей сообщенія...

Грузія не выходила изъ финансово-экономическаго кризиса. Первое полугодіе показало наглядно, что она живетъ исключительно русскимъ наслѣдствомъ, бюджета свести нельзя и что это обусловливается не только лихолѣтіемъ, что было бы естественно и непредотвратимо, но и природной бѣдностью страны [1]). Поэтому, не только по мотивамъ политическимъ, грузинскіе правители тянулись къ Сухумскому табаку, къ Батумскимъ суб-тропическимъ культурамъ и къ богатымъ Закаталамъ. Министръ финансовъ Журули сводилъ государственную роспись теоретически съ превышеніемъ въ четыре раза расходовъ надъ доходами (600 милл. и 150 милл.), практически ожидалъ восьмикратнаго превышенія расходовъ и представлялъ, поэтому, одинъ за другимъ законы объ усиленіи налогового обложенія. Но такъ какъ населеніе городовъ было ничтожно численно и очень бѣдно, налоговый прессъ долженъ былъ прижать исключительно крестьянское населеніе. А это было политически не безопасно и практически неосуществимо: деревня, какъ и вездѣ, замкнулась въ свой укладъ, не платила налоговъ и не хотѣла нести государственныхъ повинностей. Надежды на экономическую помощь Англіи также не сбылись: англичане, въ виду непрочности положенія, уклонялись отъ участія своимъ кредитомъ и капиталомъ въ хозяйственномъ возстановленіи Грузинской республики. Въ грузинской общественности англійская экономическая политика производила такое впечатлѣніе, какъ будто «англичане хотятъ поставить Грузію передъ собою на колѣни...»

Въ Тифлисѣ на ряду съ правительственными учрежденіями возсѣдалъ совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ — «полномочный органъ» почти несуществующаго, и во всякомъ случаѣ ничтожнаго численно, пролетаріата Грузіи. Этотъ тяжелый привѣсокъ составлялъ традицію соц.-дем. правительства, съ которой нельзя было рвать, не вступая въ слишкомъ большія противорѣчія со своей партійной идеологіей, и который къ тому же опирался на «національную гвардію». Оттуда предъявлялись неимовѣрныя экономическія требованія, съ трудомъ удовлетворяемыя правительствомъ въ ущербъ вопіющимъ государственнымъ нуждамъ. Туда грузинскіе правители несли еще свои утопіи, свой дѣланный пафосъ и революціонное словоблудіе, которымъ послѣ ихъ русскаго опыта не могло быть болѣе мѣста ни на кафедрѣ парламента, ни въ практической дѣятельности правительства.

Вообще, положеніе соц.-дем. интернаціоналистовъ, ведущихъ шовинистическую политику, было необыкновенно труднымъ, и вождь грузинскихъ соц.-дем. Жорданія оправдывался передъ русскою соціалъ-демократіей, изъ состава которой вышли грузины, классической по своей изворотливости фразой: «соц.-дем. партія Грузіи является организаціей не національной, а территоріальной, съ призывомъ поддерживать независимость Грузіи» [2]). Достойно вниманія, что даже такая позиція правящей партіи была непріемлема для грузинскихъ націоналъ-демократовъ, которые жестоко нападали на правительство за его пристрастіе къ русскимъ меньшевикамъ — «къ злосчастной русской демократіи», которая «не является уже никакой политической силой въ Россіи...» «Думать и заботиться нынѣ о возстановленіи дружбы съ Россіей — это было бы не только осмѣяніемъ великаго историческаго акта, но и безпримѣрнымъ политическимъ шантажемъ... Всѣ счеты со всѣмъ, что является русскимъ, должны быть покончены...» [3]).

Совдепъ являлся связующимъ звеномъ съ совѣтской Россіей, отношенія съ которой официальной Грузіи никогда не прерывались; тѣмъ болѣе, что, кромѣ

---

[1]) Хлѣба Кахетіи и Карталиніи не хватало на всю республику; садоводство и винодѣліе встрѣчали конкуренцію раіоновъ, болѣе близкихъ къ рынкамъ сбыта; угли имѣли лишь мѣстное значеніе; лѣсъ по бездорожью не вывозился вовсе; фабрикъ и заводовъ не было; главный предметъ экспорта, далеко не покрывавшій ввоза — марганецъ (добыча до 50 мил. пудовъ въ годъ).

[2]) Изъ рѣчи 4 декабря на объединенномъ засѣданіи с.-д. организацій.

[3]) Органъ н. д. «Питало Клдэ».

столкновенія лѣтомъ и осенью 1918 г. въ раіонѣ Сочи — Сухумъ, грузины вооруженной борьбы съ большевиками не вели. Чхеидзе въ Парижѣ усиленно подчеркивалъ, что «Грузія никогда и не вступитъ въ борьбу съ совѣтской Россіей... Мы не согласны съ большевизмомъ, но мы являемся противниками того, чтобы внѣшнія силы препятствовали развитію совѣтской республики...»[1]). Гегечкори въ тифлисскомъ совдепѣ долженъ былъ оправдываться противъ обвиненія въ «двусмысленной и соглашательской политикѣ по отношенію къ Добровольческой Арміи въ сентябрѣ 1918 г.»: «правительство являлось врагомъ совѣтской Россіи — говорилъ онъ — изъ за анархическаго характера совѣтской власти»; теперь же выяснилось, что «совѣтская власть все болѣе эволюціонируетъ въ сторону соціализма и, поэтому, возможно и необходимо выровнять единый фронтъ...» Въ Москвѣ находилась не признаваемая официально, но исполняющая нѣкоторыя консульскія обязанности грузинская дипломатическая миссія; Москва и Тифлисъ обмѣнивались какими-то подозрительными радіограммами; большевицкіе комиссары, бѣжавшіе съ сѣвернаго Кавказа, пользовались въ Тифлисѣ полной свободой, вниманіемъ и были въ тѣсномъ содружествѣ съ тифлисскимъ совдепомъ, снабжая его литературой и деньгами. Уже post factum, осенью 1919 г. по поводу большевицкихъ возстаній мин. иностр. дѣлъ Рамишвили докладывалъ Учредительному собранію давно извѣстныя истины: «Кавказскій областной комитетъ большевиковъ дѣйствовалъ по директивамъ Москвы и, прежде всего, выполнялъ стратегическія порученія московскаго правительства. Въ Грузіи на организацію возстанія большевиками было израсходовано 12 милл. руб.»[2]).

Это культивированіе грузинскими соц.-дем. большевизма велось отнюдь не для внутренняго потребленія, а исключительно для экспорта: въ глубокомъ нашемъ тылу образовался форпостъ большевизма, который имѣлъ въ Тифлисѣ свой печатный органъ, работалъ пропагандой, деньгами, формированіемъ и посылкой агитаторовъ и интернированныхъ красноармейцевъ на Черноморское побережье, въ южную Осетію и, вообще, повсюду сѣялъ вражду противъ Добровольческой Арміи. Это было для Грузіи, хотя и нѣсколько опасно, но вмѣстѣ съ тѣмъ полезно. И грузинское правительство не прочь было расширить рамки противодобровольческаго фронта привлеченіемъ въ орбиту своего вліянія другого сильнаго и вліятельнаго въ Закавказьи центра россійскаго большевизма — бакинской рабочей конференціи. На призывъ Тифлисскаго совдепа къ объединенію для вооруженной борьбы съ арміями Юга Россіи (май — іюнь) конференція откликнулась горячимъ сочувствіемъ и предложеніемъ немедленнаго, не позже половины іюня, созыва всѣхъ совдеповъ Закавказья въ Тифлисѣ.

Это предложеніе было неожиданнымъ и слишкомъ опаснымъ, возбуждая мысль о Троянскомъ конѣ, такъ какъ ни бакинскія организаціи, ни большевицкіе комиссары, принимавшіе участіе въ засѣданіяхъ тифлисскаго совдепа, неслишкомъ скрывали свои истинныя намѣренія — водворенія въ Закавказьи московской совѣтской власти. Правительство Жорданія согласилось вначалѣ на созывъ съѣзда, но подъ условіемъ, чтобы темою его была исключительно «Деникинская опасность»; потомъ предъявлены были новыя условія, чтобы «бакинскіе рабочіе предварительно признали руководство въ борьбѣ съ генераломъ Деникинымъ за правительствомъ Грузіи». Всѣ эти требованія подозрительно быстро и охотно принимались бакинцами... Разговоры, тѣмъ не менѣе, все затягивались и, наконецъ, правительство взяло обратно данное на созывъ съѣзда разрѣшеніе. Произошло это не безъ серьезной борьбы. Меньшевицкимъ лидерамъ пришлось самоотверженно тушить раздутый ими самими пожаръ: въ бурномъ засѣданіи тифлисскаго совдепа бакинскіе делегаты скорбѣли, что «рука бакинскаго пролетаріата повисла въ воздухѣ», и называли грузинскихъ меньшевиковъ соціалъ-преда-

[1]) Апрѣль 19 года.

[2]) «Колоссальность этой суммы — говорилъ Рамишвили — будетъ очевидна, если ее сравнить съ расходами, произведенными всѣми политическими партіями на выборахъ въ учредительное собраніе — 500 тысячъ рублей».

телями; послѣдніе заявили, что «рука, протянутая большевиками, тянется къ горлу грузинскихъ меньшевиковъ» и что «Зурабовъ[1]) и большевицкіе комиссары — тайные и явные агенты генерала Деникина». Такъ говорилъ командующій народной гвардіей, грузинскій большевикъ Джугели, отрекаясь отъ русскаго большевизма. Въ результатѣ тифлисскій совдепъ принялъ резолюцію, гласившую: переговоры выяснили коренныя разногласія между пролетаріатомъ Грузіи и Баку: «коммунисты передъ лицомъ деникинской опасности пытаются использовать моментъ для того, чтобы навязать демократіи Грузіи свою тактику, направленную къ полному разрушенію Грузинской республики; при такихъ условіяхъ созывъ Закавказскаго рабочаго съѣзда въ данный моментъ нецѣлесообразенъ». Тѣмъ не менѣе засѣданіе выразило увѣренность, что «независимо отъ всякихъ политическихъ разногласій, въ борьбѣ съ деникинской контръ-революціей весь пролетаріатъ Азербейджана и Арменіи выступитъ также сплоченно, какъ и пролетаріатъ Грузіи...»

Этотъ эпизодъ вызвалъ охлажденіе, но разрыва не произошло. Большевицкіе организаціи и дѣятели приберегались для разрушительной работы внѣ предѣловъ Грузіи. Грузины пользовались ими, они пользовались грузинами... Ихъ не хотѣли трогать, быть можетъ не смѣли — въ предвидѣніи всякихъ политическихъ возможностей... Даже въ ноябрѣ, послѣ ряда большевицкихъ возстаній, когда Рамишвили испросилъ у учр. собр.[2]) декретъ противъ пришлыхъ большевиковъ, онъ облекъ его въ такую тонкую и туманную форму: «Временно для борьбы съ анархіей предоставить мин. вн. дѣлъ право запретить существованіе на территоріи Грузіи такой партіи, которая представляетъ часть иностранной партіи и подчиняется руководству главныхъ партійныхъ органовъ, находящихся въ иностранномъ государствѣ, если она дѣйствуетъ противъ независимости Грузіи или вмѣшивается въ ея внутреннія дѣла; и вмѣстѣ съ тѣмъ закрыть печатный органъ подобной партіи...» Конечно, никакихъ санкцій для арестовъ и изгнанія цѣлыхъ категорій русскихъ гражданъ и закрытія русскихъ газетъ, если онѣ были не большевицкаго толка, отъ собранія не требовалось. Великъ былъ страхъ грузинскихъ правителей передъ Москвой и не напрасенъ.

Для характеристики специфическихъ пріемовъ грузинской дипломатіи не лишне замѣтить, что информированный ею начальникъ штаба Уоккера серьезно увѣрялъ полковника Зинкевича о существованіи «документальныхъ данныхъ, что русское главнокомандованіе ведетъ въ Грузіи пропаганду большевизма...»[3]).

Культивируя очаги броженія противъ Добровольческой Арміи, Грузія съ равнымъ вниманіемъ относилась къ комитету бѣжавшихъ изъ Темиръ-ханъ-Шуры бывшихъ горскихъ правителей, возглавленному Цаликовымъ, Джабагіевымъ и Богдановымъ, игравшими ранѣе видную роль въ дѣлѣ подчиненія Сѣв. Кавказа совѣтской власти. На грузинскія деньги они издавали свой печатный органъ, вели агитацію и находились въ тѣсномъ контактѣ одновременно съ тифлисскимъ совдепомъ и съ эрзерумскимъ штабомъ.

* * *

Партійная диктатура, непотизмъ, злоупотребленія, голодъ, безденежье, бандитизмъ и прочіе недуги, разъѣдавшіе страну, ставились — правильно или неправильно — въ вину правительству и подрывали довѣріе къ нему въ народѣ. Правительство Жорданія не имѣло сторонниковъ въ партіяхъ меньшинства[4]) и тяготилось дорого стоящей, иногда слишкомъ опасной поддержкой пролетаріата (совдепъ). Необходимо было отвлечь общественность и партіи отъ внутреннихъ

---

[1]) Лидеръ большевиковъ въ совдепѣ.

[2]) Открылось 27 февраля, 13 марта имъ былъ санкціонированъ единогласно актъ бывш. «Національнаго совѣта» о самостоятельности Грузіи.

[3]) Докладъ начальника ген. штаба Арменіи, полк. Зинкевича отъ 17 августа 19 года.

[4]) Соц.-федер., нац.-дем. и соц.-рев.

больныхъ вопросовъ и объединить вокругъ себя и націоналистическіе, и большевицкіе элементы одной общей идеей, выполненіемъ одной общей задачи.

Такимъ громоотводомъ, сулившимъ къ тому же неограниченныя и вѣроятно неповторяемыя возможности, благодаря замутившейся политической жизни Россіи, стали внѣшнія завоеванія и въ обратномъ преломленіи — опять таки препятствующая имъ «Деникинская опасность».

Грузинскіе меньшевики-интернаціоналисты простирали свои руки къ Закатальскому округу[1]), населенному лезгинами; они подавляли вооруженной силой сопротивленіе южной Осетіи[2]), стремившейся къ національному объединенію съ Сѣверной; устремлялись къ Сочи, Батуму, Ардагану, къ сѣвернымъ уѣздамъ Арменіи. Результатомъ такого національнаго шовинизма и имперіалистическихъ стремленій былъ цѣлый рядъ мѣстныхъ возстаній, грузино-армянская война и то хроническое состояніе «вооруженнаго нейтралитета», прерываемаго вспышками локальной войны на Черноморскомъ побережьи, которое въ равной мѣрѣ ослабляло и насъ, и грузинъ и доставляло торжество третьей сторонѣ — московской власти.

Для веденія такой политики нужна была армія. Серьезнаго боевого испытанія грузинская армія не имѣла и потому отъ оцѣнки ея боевыхъ качествъ я воздержусь. Численно въ началѣ 1919 г. она составляла около 8—10 тыс., сведенныхъ въ двѣ пѣхотныхъ дивизіи и одну кавалерійскую бригаду, съ большимъ количествомъ артиллеріи — до 100 орудій. Командный составъ состоялъ исключительно изъ офицеровъ грузинъ русской службы, во главѣ съ ген. Гедевановымъ, Квинитадзе и Эристовымъ. Независимо отъ этой регулярной арміи, имѣлась еще «національная гвардія», подъ начальствомъ Джугели, находившаяся въ большей зависимости отъ совдепа, чѣмъ отъ правительства. Численность ея простиралась до 10—12 тыс., хотя болѣе половины состава распускалось обыкновенно по домамъ. Комплектовалась она исключительно добровольцами по рекомендаціи с.-д. партіи, совдепа и профес. организацій, относилась пренебрежительно къ регулярной арміи и враждебно къ грузинскому офицерству и отличалась отсутствіемъ дисциплины, безчинствами, — и не высокими боевыми качествами. Правительство, тяготясь своими преторіанцами, не рѣшалось, однако, разстаться съ ними и лишь въ іюнѣ вошло съ представленіемъ въ учред. соб. о реорганизаціи арміи, которая должна была впредь состоять изъ 4-хъ отд. бригадъ, изъ которыхъ только одна національной гвардіи.

Грузинская армія была очень бѣдна денежными рессурсами, но за то богаче всѣхъ армій Кавказа, не исключая и Добровольческой, артиллеріей, боевыми запасами и военнымъ снабженіемъ, захваченными съ быв. Кавказскаго русскаго фронта. Настолько богаче, что все это въ изобиліи посылалось грузинскимъ правительствомъ сочинскимъ повстанцамъ, ингушскимъ, чеченскимъ и дагестанскимъ сепаратистамъ, поднявшимся лѣтомъ 1919 г. противъ власти Добровольческой арміи.

* * *

27 ноября 1918 г. радіограмма изъ Тифлиса, составленная въ специфическихъ тонахъ грузинскаго пафоса, повѣдала «всѣмъ» «о предательскомъ нападеніи на станціи Воронцово на грузинскую пограничную стражу... армянскихъ войсковыхъ частей». Министръ Гегечкори, свидѣтельствуя объ исключительномъ миролюбіи Грузіи, заявлялъ «протестъ передъ лицомъ всего міра» противъ «вѣроломныхъ дѣйствій» армянскаго правительства...

Дѣло обстояло нѣсколько иначе.

Въ III томѣ «Очерковъ» я говорилъ о томъ, какъ лѣтомъ 1918 г. Грузія при содѣйствіи германцевъ одностороннимъ актомъ — вторженіемъ своихъ войскъ — разрѣшила спорный вопросъ владѣнія Борчалинскимъ уѣздомъ, съ относитель-

[1]) Въ составѣ Азербейджана.
[2]) Нагорныя части Горійскаго и Душетскаго уѣздовъ Тифлисской губ.

нымъ большинствомъ армянскаго населенія[1]), и объявила о включеніи въ составъ своихъ границъ армянскихъ территорій, оккупированныхъ тогда турками[2]). Въ октябрѣ, въ виду частичнаго очищенія турками Лори, армяне заняли его, вступивъ въ вооруженное столкновеніе съ грузинами, быстро улаженное.

Вскорѣ послѣ этого грузинское правительство предложило армянскому разрѣшить спорные вопросы на Кавказской конференціи въ Тифлисѣ, созываемой къ 27 ноября. Опасаясь, что армяне останутся тамъ въ меньшинствѣ, Эриванскій парламентъ потребовалъ первоначально договориться о спорной границѣ между собой (т. е. грузины съ армянами). Грузины согласились, пославъ въ Эривань съ надлежащими полномочіями своего дипломатическаго представителя Мдивани.

Тѣмъ временемъ началась эвакуація турецкихъ войскъ, и турецкое командованіе въ послѣдній разъ передъ уходомъ своимъ сыграло злую шутку надъ обоими своими историческими врагами: армянское правительство было извѣщено, что турки очистятъ занятые раіоны 23 ноября, послѣ чего армяне могутъ вступить въ него; такое же сообщеніе сдѣлано было грузинамъ, но срокъ былъ указанъ 21 ноября... Когда двинулись армяне, они встрѣтили въ спорныхъ раіонахъ грузинъ. 22-го грузинскій ген. Макаевъ, вступивъ безъ боя въ Ахалкалаки[3]), доносилъ своему правительству: «населеніе встрѣтило радостно съ хлѣбомъ солью»... Войска его двинулись дальше на югъ, вытѣсняя армянскія части — согласно приказа, не вступавшія въ бой.

Между тѣмъ, въ Борчалинскомъ уѣздѣ вдоль ж. д. линіи Тифлисъ — Александрополь армянскія селенія, не вышеся безчинствъ и реквизицій грузинскихъ гарнизоновъ, начиная съ 27 ноября, начали возставать поголовно и во многихъ мѣстахъ прогнали грузинъ. Для усмиренія возставшихъ двинулись грузинскія войска съ бронепоѣздами и приступили къ расправѣ, въ которой мѣстами приняло участіе и татарское населеніе.

Армянское правительство дважды обращалось съ протестомъ въ ультимативной формѣ въ Тифлисъ[4]) и, не получая отвѣта, по единогласному рѣшенію парламента, 30 ноября предписало своимъ войскамъ «занять армянскую часть Борчалинскаго уѣзда, до рѣки Храмъ безъ объявленія войны».

Только 4 дек. полученъ былъ отвѣтъ грузинъ. Возлагая всю отвѣтственность «за братоубійственное столкновеніе» на армянское правительство, не приславшее въ Тифлисъ своихъ делегатовъ, гдѣ ихъ тщетно ждали[5]) Грузія предлагала «прекратить враждебныя дѣйствія, занять старыя границы и созвать армяно-грузинскую конференцію»[6]). Въ тотъ же день послѣдовалъ отвѣтъ армянскаго правительства, требовавшаго вновь предварительнаго вывода грузинскихъ войскъ изъ армянской части Борчалинскаго уѣзда, такъ какъ «правительство Арменіи не можетъ оставаться безучастнымъ зрителемъ того, какъ войска сосѣдняго государства безчинствуютъ въ принадлежащей Арменіи территоріи и разстрѣливаютъ гражданъ Арменіи». Вмѣшательство англичанъ[7]), предложившихъ перемиріе съ тѣмъ, чтобы до заключенія мира обѣ стороны оставили спорныя области (Лори и

---

[1]) По даннымъ 16 года 43,5% армянъ, 1,5% грузинъ.

[2]) Ахалкалакскій уѣздъ Тифлисской губ., Казахскій — Елизаветпольской и часть Александропольскаго — Эриванской губ.

[3]) Въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ, по даннымъ 16 года, армянъ 76,4%, грузинъ 7,3%.

[4]) Телеграммы отъ 26 и 29 ноября, мин. ин. дѣлъ и мин.-предсѣд.

[5]) Это заявленіе находилось въ противорѣчіи съ нотой отъ 17 ноября грузинскаго дипломатическаго представителя Мдивани, который между прочимъ писалъ, что онъ уполномоченъ грузинскимъ правительствомъ на окончательное разрѣшеніе вопроса о границахъ, соглашеніе по каковому вопросу онъ представитъ на утвержденіе правительства. Офиціозъ грузинскаго правительства «Борьба» (18 дек.) увѣрялъ, впрочемъ, что соглашеніе съ Мдивани было достигнуто и онъ возвращался съ проектомъ его въ Тифлисъ, когда армянское правительство послало свой ультиматумъ.

[6]) Радіограмма Гегечкори.

[7]) Капитанъ Гринъ, посланный ген. Томсономъ. Уоккеръ прибылъ въ Тифлисъ позднѣе.

Ахалкалаки), также не увѣнчалось успѣхомъ: армянскій парламентъ принялъ предложеніе, но грузины не отвѣтили и не прислали своихъ делегатовъ въ назначенный день и пунктъ[1]). И война продолжалась. Одновременно по всей Грузіи подъ предлогомъ, что «армяне производятъ повсюду тайную мобилизацію», были предприняты репрессіи противъ армянъ. А всѣ лица «подданные Эриванской республики призывного возраста, т. е. отъ 18 до 45 лѣтъ», были объявлены военно-плѣнными и направлены въ концентраціонные лагери въ Кутаисъ[2]). Войска ген. Силикова въ теченіе двухъ недѣль нанесли грузинамъ рядъ серьезныхъ пораженій, захватили три бронированныхъ поѣзда, 28 орудій, до 75 пулеметовъ, нѣсколько сотъ плѣнныхъ и военные склады, и въ серединѣ декабря подошли на переходъ къ Тифлису. Но 16-го они потерпѣли неудачу у Шулавера и отошли на 10 верстъ къ Садахло. Въ это время вторично, уже въ ультимативной формѣ, англичане потребовали прекращенія военныхъ дѣйствій, назначивъ срокъ — полночь на 19-е. Въ этотъ день противники, торопясь каждый создать болѣе благопріятное для себя стратегическое положеніе, вели встрѣчный жестокій бой, къ полночи явно склонившійся на сторону армянъ.

Условія, предписанныя воюющимъ сторонамъ, были тяжелы и несправедливы по отношенію къ Арменіи: войска ея отводились въ исходное положеніе, существовавшее до начала военныхъ дѣйствій, тогда какъ грузины оставались на занятой линіи; въ Борчалинскомъ уѣздѣ введена была смѣшанная армяно-грузинская администрація, а въ Ахалкалакскомъ, сплошь населенномъ армянами, грузинская — подъ контролемъ англичанъ.

Какъ будто нарочно создавались очаги броженія и недовольства.

Хотя сношенія наши съ Арменіей, даже дипломатическія, совершенно не налаживались, но грузинское правительство считало само или, можетъ быть, съ умысломъ внушало англичанамъ, что совпавшее по времени частичное продвиженіе Добровольцевъ въ Сочинскомъ округѣ къ ст. Лоо и армянское наступленіе въ Тифлисскомъ направленіи являлись «общимъ широко-задуманнымъ планомъ противъ Грузинской республики». И ген. Уоккеръ открыто грозилъ мин. ин. дѣлъ Арменіи Тигратяну, что «если армяне совмѣстно съ Добровольческой Арміей нападутъ на Грузію, онъ со своими войсками выступитъ на ея защиту...»[3]).

* * *

Съ осени 1918 г., послѣ разрыва переговоровъ съ Грузіей[4]), войска Добровольческой Арміи на Черноморскомъ побережьи занимали передовыми частями с. Лазаревское, между Туапсе и Сочи, имѣя передъ собой у станціи Лоо грузинскую націон. гвардію ген. Коніева.

Положеніе русскихъ войскъ было ненормальнымъ въ военномъ отношеніи — «ни мира, ни войны», и весьма тягостнымъ въ морально-политическомъ. Въ Сочинскомъ округѣ продолжалось спѣшное расхищеніе грузинами русскаго казеннаго и частнаго имущества, всевозможныя притѣсненія, аресты и высылки элементовъ, тяготѣвшихъ къ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, покровительство большевикамъ и вооруженіе ихъ. Шли повальные грабежи и разбои. Десятипроцентный сборъ натурой со всѣхъ продуктовъ сельскаго хозяйства и товаровъ вызвалъ прекращеніе подвоза и торговли и усилилъ еще больше голодъ... Населеніе Сочинскаго округа цѣлымъ рядомъ депутацій и письменныхъ постановленій обращалось въ Екатеринодаръ съ просьбой объ избавленіи отъ грузинъ; съ той стороны фронта слышна была часто ружейная пальба, временами артиллерійская; прорывавшіеся черезъ грузинскій кордонъ русскіе и особенно армяне — жители

---

[1]) 6 декабря на ст. Самаинъ ожидали кап. Гринъ и армянскіе делегаты.

[2]) Грузинское правит. сообщеніе отъ 16 декабря. Въ одномъ изъ засѣданій армянскаго парламента подсчитывали потомъ громадныя деньги, нажитыя съ богатыхъ армянъ на этомъ предпріятіи грузинской администраціей.

[3]) Свидѣтельство военнаго министра Арменіи — ген. Карганова.

[4]) См. Т. III, гл. XXXIII.

окрестныхъ селеній приносили на наши передовые посты разсказы о творимыхъ надъ ними расправахъ и просьбы о помощи. Въ то же время изъ Сочи приходили воззванія и газеты россійской революціонной демократіи («Свободная Мысль»[1]) Цвангера и Гагринскія «Телеграммы»), жалкія по содержанію, отъ имени «всего населенія» поддерживавшія грузинскую оккупаціонную власть и одновременно съ приведеніемъ демагогическихъ посуловъ грузинскихъ комиссаровъ обливавшія потоками грязи Добровольческую Армію.

9 декабря, въ связи со вспыхнувшей армяно-грузинской войной, неожиданно для насъ началась эвакуація грузинскими войсками Сочинскаго округа. Я приказалъ войскамъ продвигаться впередъ и, не вступая въ бой съ грузинами, занимать оставляемую ими территорію Черноморской губ. 16 дек. грузины оставили ст. Лоо, которая и была занята нашимъ полкомъ. Дальнѣйшій отходъ грузинскихъ войскъ пріостановился, и противники стояли на р. Лоо въ теченіе цѣлаго мѣсяца, не вступая въ бой.

Черезъ нѣсколько дней перехваченные документы разъяснили нѣсколько обстановку: 15 декабря «командующій Приморскимъ фронтомъ» — ген. Коніевъ сооб-

[1]) «Органъ сочинскаго комитета с.-д. рабочей партіи».

щилъ населенію [1]), что «правительствомъ приказано освободить Сочинскій округъ отъ войскъ республики Грузіи», но что «всѣмъ административнымъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ (надлежитъ) оставаться на своихъ мѣстахъ и продолжать исполненіе служебныхъ обязанностей». 16 дек. Коніевъ пояснилъ мотивы этого распоряженія: «Сочинскій округъ по соглашенію съ англичанами признается нейтральнымъ. Въ силу этого соглашенія вступленіе вооруженныхъ войскъ какой бы то ни было арміи или государства на территорію округа не можетъ имѣть мѣста... Управленіе въ округѣ остается грузинскимъ»...

Такое вмѣшательство англичанъ, безъ предварительнаго согласія главнаго командованія и даже безъ увѣдомленія его, вызвало протестъ нашъ, обращенный къ ген. Пуль. Ввиду того, что Сочинскій округъ составляетъ искони неотъемлемую часть русской Черноморской губ., ген. Драгомировъ отъ моего имени просилъ содѣйствія Пуля къ немедленному введенію русскихъ войскъ и русской администраціи во всемъ округѣ. Это обращеніе, равно какъ и рядъ другихъ — по вопросамъ о расхищеніи грузинами имущества и притѣсненіяхъ русскихъ людей въ Сочинскомъ округѣ — оставлялись Лондономъ и Константинополемъ безъ отвѣта. Вмѣстѣ съ тѣмъ 9 января мы получили черезъ англійскую миссію сообщеніе ген. Уоккера [2]) о томъ, что онъ «получилъ инструкціи поддерживать грузинъ, пока ихъ поведеніе (?) удовлетворительно» и что поэтому «дальнѣйшее продвиженіе войскъ Д. А. въ Сочинскомъ округѣ, безъ предварительнаго сношенія съ ген. Уоккеромъ не должно имѣть мѣста». Это требованіе англійскаго начальника дивизіи, о существованіи котораго мы тогда узнали впервые, вызвало вновь мое обращеніе къ Мильну [3]), въ которомъ я подтверждалъ, что «въ этомъ краѣ должна быть немедленно водворена русская власть» и что я «не могу допустить съ его стороны подобное несправедливое отношеніе къ русскимъ интересамъ».

Между тѣмъ, на почвѣ притѣсненій грузинами вспыхнуло возстаніе армянскихъ селеній [4]), охватившее весь прифронтовый и адлерскій раіоны. Въ наши руки попала телеграмма комиссара Хочолава, послѣ засѣданія съ участіемъ ген. Коніева доносившаго правительству выяснившіяся причины возстанія, которое легко было бы предотвратить, «если бы мѣстныя власти въ лицѣ комиссаровъ, а также регулярныя войсковыя части стояли на должной высотѣ». «Мнѣ самому — писалъ онъ — пришлось лично видѣть результаты ряда недопустимыхъ дѣяній, хищеній и грубаго отношенія къ населенію со стороны солдатъ». Хочолава, въ виду грозныхъ событій, 17 янв. требовалъ «или уходить, или закрѣпить положеніе» и получилъ отвѣтъ правительства, что оно «въ ночномъ засѣданіи (на 18-е) постановило Сочинскій округъ не очищать». Грузинскія войска предприняли широкую карательную экспедицію; въ теченіе нѣсколькихъ дней шли бои, грузинская артиллерія громила армянскія села; къ намъ доходили вопли о помощи. Дабы положить конецъ этому кровопролитію, я приказалъ войскамъ Приморскаго отряда занять Сочинскій округъ.

24 января войска наши съ боемъ перешли р. Лоо и заняли Сочи, гдѣ были встрѣчены съ большою радостью населеніемъ; въ теченіе ближайшихъ четырехъ дней Добровольцы очистили отъ грузинъ весь Сочинскій округъ, и начальникъ дивизіи, ген. Череповъ, дойдя до р. Бзыби, послалъ грузинамъ телеграмму о прекращеніи имъ военныхъ дѣйствій, ввиду окончанія возложенной на него задачи. Генералъ Коніевъ и его начальникъ штаба, полк. Церетели были взяты въ плѣнъ; въ Сочи интернировано 43 офицера и 700 солдатъ, причемъ офицерамъ оставлено оружіе, а солдаты были обезоружены. Всѣ воинскіе чины и оружіе были отправлены моремъ въ Грузію. Тѣмъ временемъ начались репрессіи со стороны грузинъ: старикъ — ген. Шатиловъ и другіе наши представители въ Тифлисѣ, многіе рус-

[1]) Приказы №№ 11 и 12.
[2]) Письмо, подписанное полк. Кизомъ № 129.
[3]) Письмо отъ 14 января № 45.
[4]) Въ Сочинскомъ округѣ 36,7% сельскаго населенія — армяне.

скіе офицеры, даже изъ числа не имѣвшихъ отношенія къ Добр. Арміи, въ Сухумѣ, Поти, повсемѣстно были арестованы и ввергнуты въ тюрьмы; грузины арестовали также и выслали президіумъ заступившагося за русскихъ офицеровъ русскаго національнаго совѣта (Лебедева и Шубинскаго), вообще усилили репрессіи въ отношеніи русскихъ гражданъ [1]) и въ моральномъ, и матеріальномъ отношеніи. Такъ, въ четвергъ на страстной седьмицѣ грузинская милиція вторгнулась въ Тифлисскій кафедральный соборъ во время богослуженія и потребовала прекращенія службы. Ввиду единодушнаго протеста клира и молящихся, служба была закончена, послѣ чего грузины опечатали соборъ и отняли его у русскаго прихода. 24 февраля грузинское правительство обнародовало законъ, по которому были конфискованы земли русскихъ земледѣльцевъ, бѣжавшихъ въ свое время отъ турецкаго нашествія и не успѣвшихъ къ сроку, указанному въ законѣ, именно къ 1 февраля, т. е. на 23 дня ранѣе опубликованія самого закона, вернуться въ мѣста своей осѣдлости. Это было уже прямо надругательствомъ и надъ русскими людьми, и надъ правомъ.

Подъ вліяніемъ нашего наступленія начались возстанія абхазцевъ и армянъ въ Сухумскомъ округѣ, и представители его вновь обратились ко мнѣ съ просьбой избавить абхазскій народъ отъ насилій, могущихъ вызвать кровавую смуту. 1 февраля я отправилъ телеграмму ген. Мильну и Уоккеру (№ 176), указывая необходимыя и неотложныя мѣры для умиротворенія Абхазіи и устраненія поводовъ взаимныхъ столкновеній нашихъ съ Грузіей: «1) объявить Сухумскій округъ нейтральнымъ, 2) немедленно вывести оттуда грузинскія войска и администрацію, 3) возложить поддержаніе порядка на абхазскія власти, свободно ими самими выбранныя, и на военные отряды, сформированные изъ абхазцевъ»...

Сочинскій эпизодъ принялъ совершенно неожиданный для насъ оборотъ. 3 февраля нашей радіостанціей принята была телеграмма «всѣмъ, всѣмъ» изъ Тифлиса, подписанная воен. мин. Георгадзе. Въ ней обычнымъ стилемъ грузинской дипломатіи наше наступленіе названо было «актомъ самочинно-грубаго насилія и вѣроломства». «Сочинскій округъ занимался нами — писалъ министръ — по соглашенію и настоянію (!) англійскаго командованія... 31 января (н. ст.) грузинскимъ правительствомъ было получено отъ англійскаго командованія въ Константинополѣ письменное заявленіе, что со стороны ген. Деникина не будетъ предпринято никакихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Грузинской республики»... Вслѣдъ за симъ ген. Уоккеръ сообщилъ грузинскому правительству телеграмму «верховнаго союзнаго командованія», что «Британское правительство приказало (!) ген. Деникину вывести свои войска изъ Сочи». При посѣщеніи Уоккера 8 февраля делегаціей парламента, принесшей ему благодарность по поводу этого рѣшенія, Уоккеръ заявилъ: «послѣднее время отношеніе грузинской печати къ Великобританіи очень часто мѣняется... Несмотря на это, великобританское правительство, если и имѣются какія либо нарушенія его политики къ Грузіи, всегда готово исправить таковыя къ выгодѣ грузинскаго народа»... Посланный Уоккеромъ полк. Уайтъ прибылъ въ Сочи и предъявилъ требованіе о немедленномъ выводѣ войскъ Добровольческой Арміи изъ Сочинскаго округа, въ которомъ «будетъ установленъ англійскій контроль». Получилъ отвѣтъ, что «Сочинскій округъ очищенъ не будетъ» [2]).

* * *

Англійская миссія ген. Пуля, которую очевидно не информировали ни Константинополь, ни Тифлисъ, находилась въ весьма неловкомъ положеніи. Ген.

[1]) Заявленіе Уайта 8 февраля, письмо его 7 февраля и телеграмма начальника штаба Романовскаго 10 февраля, № 02 072.

[2]) Нужно замѣтить, что и «грузинскіе граждане», и просто грузины, пребывавшіе на территоріи В. С. Ю. Р., никогда не подвергались никакимъ ограниченіямъ и тѣмъ изъ нихъ, которые состояли на государственной службѣ, предоставлено было продолжать ее.

Уоккеръ выразилъ крайнее возмущеніе противъ дѣятельности екатеринодарскаго представителя, ген. Пуля, не предотвратившаго этотъ эпизодъ, и въ бесѣдѣ съ однимъ изъ чиновъ Добровольческой Арміи заявилъ, что Пуль, очевидно, совершенно не освѣдомленъ о направленіи «политики Его Величества» и долженъ получить указаніе въ Константинополѣ. Ген. Пуль былъ вызванъ въ Константинополь и къ намъ не вернулся.

Смѣнившій его 3 февраля ген. Бриггсъ, къ нашему удовлетворенію, оказался истиннымъ и благороднымъ другомъ Россіи. Проявляя исключительную заботливость въ дѣлѣ снабженія русскихъ армій, относясь горячо и искренне къ нашимъ нуждамъ, невзгодамъ и успѣхамъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, оказывалъ неизмѣнно большую моральную поддержку и командованію, и русской идеѣ. Вездѣ, гдѣ ему приходилось выступать — на Донскомъ кругу, среди кубанскихъ самостійниковъ, на Чеченскомъ съѣздѣ — мы слышали отъ него полныя достоинства и спокойствія призывы къ единству, къ поддержанію государственной связи съ Россіей. Онъ былъ добрый англичанинъ и исполнительный подчиненный. Но не разъ, исполнивъ свой долгъ — предъявивъ мнѣ въ сухой и настойчивой формѣ непріятныя для насъ требованія Лондона, въ тотъ же день, — мнѣ это стало извѣстно впослѣдствіи документально — кромѣ моего отказа, посылалъ и свой личный обоснованный протестъ противъ распоряженій Лондона.

Только съ пріѣздомъ ген. Бриггса пришли запоздалые отвѣты на мои обращенія къ ген. Мильну [1]). Мильнъ писалъ, что письма мои препровождены «правительству Его Величества». Британія «не имѣетъ намѣренія вмѣшиваться въ дѣла образованныхъ въ Закавказьи правительствъ». Мильнъ охотно поддерживалъ бы русскіе интересы въ Грузіи, но это невозможно, ввиду позиціи, занятой русскими въ Сочинскомъ вопросѣ; просилъ «придти къ дружелюбному соглашенію съ Грузіей». Но одновременно я получилъ черезъ ген. Бриггса ноту ультимативнаго характера [2]):

«Я получилъ указаніе Военнаго Министерства предложить Вамъ немедленно прекратить операціи противъ Сочи. Затѣмъ обратить Ваше вниманіе на постановленіе мирной конференціи отъ 24 января, въ силу котораго захватъ силою спорной территоріи будетъ серьезно вмѣненъ въ вину захватчику.

Если генералъ Деникинъ не согласится ожидать рѣшенія изъ Парижа и не воздержится отъ перехода въ раіонъ южнѣе линіи Кизилъ - Бурунъ—Закаталы и далѣе по Кавказскому хребту до Туапсе на Черномъ морѣ, то правительство Его Величества можетъ оказаться вынужденнымъ задержать (или отмѣнить) помощь оружіемъ, снаряженіемъ и одеждой».

Все это было уже слишкомъ поздно. Запоздалое вмѣшательство англичанъ не соотвѣтствовало ни русскимъ интересамъ, ни достоинству русской арміи, ни просто справедливости. Путемъ личныхъ бесѣдъ съ ген. Бриггсомъ и предъявленіемъ ряда документовъ, относящихся къ Сочинскому вопросу, я пріобрѣлъ въ немъ фактическаго защитника нашихъ интересовъ. При этомъ установлено было, что главное командованіе никогда не давало никому завѣренія или обѣщанія не занимать Сочинскаго округа. Такое ложное убѣжденіе, повлекшее за собой приведенную выше ноту Мильна грузинскому правительству, создалось въ Константинополѣ, благодаря докладу Уоккера, который post - factum оправдывалъ его тѣмъ выводомъ, который былъ имъ сдѣланъ изъ словъ, сказанныхъ якобы ген. Эрдели во время ихъ бесѣды 20 января: «ген. Деникинъ не имѣетъ никакихъ агрессивныхъ намѣреній относительно Грузіи и, болѣе того, не могъ бы осуществить ихъ, если бы хотѣлъ ...» Донесеніе ген. Эрдели отъ 20 янв. (№ 6) и послѣдующій докладъ категорически опровергали и фактъ произнесенія имъ этой фразы [3]) и возможность ошибочнаго толкованія Уоккеромъ нашей позиціи въ Сочинскомъ вопросѣ. Эрде-

---

[1]) Письмо отъ 29 января 19 года, полученное 3 февраля.

[2]) Отъ 6 февраля.

[3]) По смыслу фраза была бы правильной — въ отношеніи этнографической Грузіи, но не Черноморской губ.

ли заявилъ тогда вполнѣ опредѣленно: «мы не думаемъ о завоеваніи, а о возвращеніи принадлежащаго намъ по праву», и на вопросъ Уоккера — «удовлетворило ли бы насъ установленіе русской администраціи въ Сочинскомъ округѣ, но съ грузинскими войсками», — Эрдели отвѣтилъ категорически: «нѣтъ, войска должны быть выведены, и округъ занятъ нами...»[1]).

Результатомъ всѣхъ этихъ событій было слѣдующее: ген. Уоккеръ вскорѣ покинулъ свой постъ; въ Гаграхъ появилась рота англичанъ во главѣ съ полк. Файнсомъ, ставшая по р. Бзыби, между расположеніемъ обѣихъ сторонъ, съ которыхъ взято было обѣщаніе не возобновлять военныхъ дѣйствій и не переходить рѣку; англичане признали status quo, не облекая признанія въ декларативныя формы, чтобы не подчеркивать нѣкоторый уронъ, понесенный британскимъ престижемъ[2]).

Непосредственныя отношенія съ грузинскимъ правительствомъ у насъ рѣшительно не налаживались. Грузины внушали англичанамъ, что я «отказываюсь принять грузинскихъ представителей»[3]). Это было совершенно невѣрно. Гегечкори въ январѣ 1919 г. сообщалъ довѣрительно нѣкоторымъ лицамъ, не безъ намѣренія освѣдомить Екатеринодаръ, что имъ посылается дипломатическая миссія въ составѣ «политическихъ враговъ правительства» (?)[4]) къ кубанскому правительству, но съ главной цѣлью «завязать конфиденціальныя сношенія съ Добров. Арміей»[5]). Попытки сближенія сдѣланы были и путемъ посылки въ серединѣ февраля къ ген. Эрдели, находившемуся въ то время въ Баку, кн. Амилахвари, который отъ имени Жорданія и Гегечкори зондировалъ почву относительно вступленія въ сношенія съ Добровольческой Арміей. Эрдели, обобщая свои впечатлѣнія, объяснялъ эту перемѣну тѣмъ, что «въ Грузіи замѣчается поворотъ къ намъ, сильное недовольство англичанами и тревога за будущее; боязнь, что англичане съѣдятъ Грузію и весь Кавказъ и что единственная опора — это мы и Россія». Если извѣстные круги и поддерживаютъ непримиримость, сепаратизмъ и ненависть къ Деникину, Колчаку, то «въ массѣ все больше и больше наблюдается поворотъ къ намъ, (который) повидимому начинаетъ учитываться руководящими кругами...»[6]). Не безъ вліянія на измѣненіе настроенія было, конечно, и тяжелое экономическое положеніе Грузіи, отрѣзанной отъ производительныхъ раіоновъ Сѣв. Кавказа.

Какіе бы ни были мотивы, руководившіе грузинскими правителями, этотъ поворотъ былъ встрѣченъ у насъ съ полнымъ удовлетвореніемъ. И прибывшій 10 февр. въ Екатеринодаръ грузинскій «уполномоченный» на Кубани Вачейшвили телеграфировалъ своему правительству о полученной гарантіи непродвиженія Добровольцевъ дальше Бзыби, о прекращеніи военныхъ дѣйствій и о возможности

---

[1]) Въ нотѣ отъ 25 января ген. Уокеру Гегечкори излагалъ этотъ эпизодъ слѣдующимъ образомъ: «... Нотой отъ 31 января—1 февраля (н о в. с т.) за № 124-5, Ваше Превосходительство сообщили мнѣ по порученію высшаго британскаго командованія, что Великобританское правительство предложило ген. Деникину соблюдать цѣлость грузинскаго правительства (республики?) и воздержаться отъ вмѣшательства въ его внутреннія дѣла. Грузинское правительство считало, что эта нота является для насъ достаточной гарантіей...»

Такимъ образомъ, гарантіи Грузіи даны были Уокеромъ за два дня до встрѣчи и разговора съ Эрдели.

[2]) Офиціальное признаніе границы по р. Бзыби было сдѣлано впервые въ нотѣ ген. Корк грузинскому правительству 29 мая 19 года, т. е. два мѣсяца спустя послѣ того, какъ грузины перешли ее (см. ниже).

[3]) Изъ письма ген. Мильна 29 января 19 года.

[4]) Первоначально предположено было послать А. В. Мдивани (соц.-фед.), ген. Имнадзе и полк. кн. Амилахвари (оба правые). Первый грузинскій посланецъ на Кубань Чхенкели еще въ ноябрѣ добивался отъ грузинскаго правительства «мандатовъ и присылки делегаціи на основахъ взаимности» (радіограмма его отъ 4 ноября № 22/340).

[5]) Докладъ зам. предсѣдателя Закавказскаго русскаго націон. совѣта Семенова отъ 16 января и докладъ пор. Полунина отъ 26 марта, № 62.

[6]) Письмо къ ген. Драгомирову отъ 15 февраля 19 года.

начать переговоры; просилъ «срочно, по радіо мандата правительства на имя Чичинадзе, Вачейшвили и Кикнадзе для веденія переговоровъ со штабомъ Добр. Арміи...»[1]).

Проходили недѣли, а Тифлисъ молчалъ.

Первая пора растерянности прошла, благоразуміе смолкло вновь, и грузинскіе меньшевики не рисковали не только примиреніемъ съ главнымъ командованіемъ, но даже вступленіемъ съ нимъ въ офиціальныя дипломатическія отношенія дать оружіе въ руки своимъ политическимъ противникамъ — соц.-федер. и нац.-демокр. и «скомпрометировать» себя въ глазахъ грузинскаго совдепа, русской революціонной демократіи и, главное..., Москвы.

На Сочинскомъ фронтѣ возобновилось прежнее, чреватое опасностями положеніе: ни мира, ни войны.

* * *

Весна 1919 г. была періодомъ тяжелыхъ боевыхъ испытаній для армій Юга: оставленіе французами Одессы, потеря почти всего Крыма, критическое положеніе Донского фронта и угроза Тихорѣцкой со стороны Царицына требовали сосредоточенія всѣхъ силъ на угрожаемыя направленія. Получивъ письменное ручательство ген. Бригтса, что «въ виду занятія британскими войсками линіи р. Бзыби, исключается всякая возможность какихъ бы то ни было наступательныхъ дѣйствій со стороны грузинъ противъ Добровольческой Арміи»[2]), я ослабилъ значительно Сочинскій фронтъ. Между тѣмъ, вскорѣ оттуда начали приходить тревожныя свѣдѣнія: грузины мобилизовали два возраста, вооружили интернированныхъ въ Веро большевиковъ и отправляли ихъ въ Сухумскій округъ, подвозили къ Бзыби тяжелую артиллерію и понтоны. Во второй половинѣ марта грузины сосредоточили за Бзыбью 5—6 тыс. шт. и до 20 орудій, явно готовясь къ нападенію. На глазахъ у англійской роты грузины строили второй мость черезъ Бзыбь и на протестъ по этому поводу начальника нашего отряда ген. Бурневича полк. Файнсъ отвѣтилъ, что «это къ военному дѣлу не относится» (?)... Англійскіе посты пропускали безпрепятственно съ грузинскаго на нашъ берегъ всѣхъ желающихъ, не исключая и грузинскихъ солдатъ требуя только, чтобы они были безоружны... Былъ даже случай, что на глазахъ у англійскаго офицера и караула грузинскіе солдаты на нашемъ берегу захватили Добровольца — поручика Бенуа — абхазца по происхожденію — и увели его черезъ мостъ въ свое расположеніе...

Вновь начинались какія то странныя недоразумѣнія, которыя англійская миссія при всемъ желаніи предотвратить не могла, такъ какъ части 27 англ. дивизіи подчинялись командованію въ Тифлисѣ.

Въ то же время при содѣйствіи грузинъ въ Сочинскомъ округѣ подымалось возстаніе з е л е н ы х ъ.

Это движеніе имѣетъ свою сложную исторію, на которой я остановлюсь въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же ограничусь лишь указаніемъ на спеціально мѣстныя черты его характера. Революціонныя организаціи обосновавшихся въ Черноморьи россійскихъ соціалистовъ, совмѣстно съ покровительствующими имъ грузинскими властями, усиленно внушали крестьянамъ мысль, что при содѣйствіи англичанъ округъ можетъ быть «нейтрализованъ», и это избавитъ ихъ отъ реквизицій, податей, налоговъ, вообще отъ несенія всякихъ государственныхъ повинностей, въ томъ числѣ и отъ набора. И потому, когда объявлена была въ серединѣ марта мобилизація 4-хъ призывныхъ классовъ, военно-обязанные стали уходить поголовно въ лѣса, тамъ организовались въ отряды, снабжаемые въ изобиліи оружіемъ и

---

[1]) Вачейшвили имѣлъ еще съ декабря полномочія отъ правительства «на заключеніе экономическаго договора по принципу товарообмѣна, не связывая заключеніе договора съ вопросомъ о Сочинскомъ округѣ». (Телегр. воен. мин. Геаргадзе). Такая постановка вопроса встрѣтила категорическій отказъ главнаго командованія.

[2]) Нота отъ 18 февраля 19 года.

Генералъ Бриггсъ.

патронами отъ грузинъ. И 26 марта поднялось вооруженное возстаніе въ д. Пластунской, распространившееся вскорѣ на весь раіонъ Сочи-Красная Поляна-Адлеръ. А 31-го были закончены и приготовленія грузинъ къ переходу въ наступленіе.

Ему предшествовали два странныхъ обстоятельства. 24 марта полковникъ Файнсъ обратился къ начальнику нашего передового отряда съ запросомъ — «Получены ли имъ приказанія о выводѣ русскихъ войскъ изъ Гагринскаго раіона» и, если нѣтъ, то просилъ «обратиться къ ген. Деникину за соотвѣтствующимъ приказаніемъ». А 3 апрѣля, т. е. наканунѣ наступленія грузинъ, получена была телеграмма ген. Мильна, извѣщающая о томъ, что «грузины предполагаютъ атаковать (Добровольцевъ), несмотря на то, что имъ извѣстно, что это явится актомъ враждебнымъ по отношенію къ (англичанамъ)». Миссія добавляла [1]), что ген. Мильнъ предпринимаетъ шаги, дабы этому воспрепятствовать, и совѣтовала удержать наши черноморскіе отряды «отъ враждебныхъ дѣйствій и отвести войска къ сѣверу какъ можно дальше».

4 апрѣля получена была мною телеграмма грузинскаго главнокомандующаго, ген. Гедеванова [2]):

> «Во избѣжаніе возможности кровопролитнаго столкновенія между Грузинской и Добровольческой арміями, необходимо немедленно разрѣшить вопросъ объ установленіи пограничной линіи, которою по нашему мнѣнію является рѣка (нерасшифровано) [3]).
>
> Для того чтобы я имѣлъ возможность совмѣстно съ Вами дѣйствовать противъ общаго врага — большевиковъ и для сглаженія существующихъ между русскими и грузинами непріятныхъ недоразумѣній нужно Ваше срочное согласіе по этому вопросу. Ваше согласіе дастъ мнѣ возможность обезпечить Вашъ тылъ такъ, какъ Вамъ будетъ желательно и убѣдить нашъ народъ въ Вашемъ дружественномъ отношеніи къ нему» [4]).

Изъ протокола засѣданія 8 мая 19 года, въ присутствіи ген. Бриггса.

И словно въ разъясненіе истиннаго смысла происходящаго черезъ нѣсколько дней мы прочли воззваніе отъ «Штаба національной гвардіи» Джугели —всѣмъ сочинскимъ «товарищамъ»:

> «... Цѣль предательскаго врага выбить изъ нашихъ рукъ доблестное красное знамя, возстановить деспотизмъ, торжество темныхъ силъ и раздавить нашу свободу и демократію.
>
> ... Объединившись и тѣсно сомкнувшись вокругъ краснаго знамени съ оружіемъ въ рукахъ, будемъ биться на смерть съ силами реакціи, наступающими (!) на революціонную Грузію.
>
> Долой черную реакцію!
> Да здравствуетъ революціонная демократія!
> Да здравствуетъ соціализмъ!» [5]).

Въ тотъ же день, когда получена была телеграмма Гедеванова, съ разсвѣтомъ грузинскія войска, перейдя безпрепятственно линію англійскихъ постовъ и рѣку Бзыбь, ударили на слабый нашъ передовой отрядъ — Кавказскій офиц. полкъ ген. Ушака. Ушакъ отбилъ атаку; но вскорѣ обнаружилось, что всѣ высоты въ тылу заняты зелеными, и отряду почти въ полномъ окруженіи пришлось отходить за р. Мзымту, пробиваясь съ большими потерями. Сухопутное сообщеніе съ Сочи

---

[1]) Нота № 344 отъ 3 апрѣля.
[2]) Отправлена п е р в а г о апрѣля по телеграфу черезъ англичанъ.
[3]) Оказалась — Мехадырь.
[4]) Самый фактъ перехода грузинъ въ наступленіе ген. Гедевановъ объяснялъ впослѣдствіи слѣдующимъ оригинальнымъ образомъ: «Когда мы стояли на рѣкѣ Бзыби, въ Сочинскомъ округѣ произошли волненія. Причины ихъ мы не знали (!) и думали, что тамъ имѣетъ мѣсто большевицкая пропаганда. Чтобы остановить распространеніе возстанія, мы рѣшили перейти въ наступленіе...»
[5]) Воззваніе датировано 7 апрѣля. По поводу его ген. Гедевановъ заявилъ впослѣдствіи, что національная гвардія «подчинена непосредственно правительству», а ему лишь «въ тактическомъ отношеніи... и многіе вопросы она рѣшаетъ самостоятельно». Изъ того же протокола.

было отрѣзано. Только 7 апрѣля высланныя изъ Сочи подкрѣпленія расчистили тылъ отряда отъ повстанческихъ бандъ и овладѣли Адлеромъ и Пластунскимъ — центромъ возстанія, послѣ чего оно пошло на убыль и вскорѣ замерло. Грузины продвинулись до Мзымты, но вскорѣ отошли, остановившись за р. Мехадырь, и начали расправу съ армянскими селами...

Ввиду открытія военныхъ дѣйствій грузинами, я приказалъ закрыть границу, выслать всѣхъ грузинскихъ официальныхъ представителей за предѣлы вооруж. силъ Юга и воспретить заходъ нашихъ судовъ въ грузинскіе порты. Войскамъ Черноморья приказано было перейти въ наступленіе и выбить грузинъ изъ Сочинскаго и Сухумскаго округовъ.

Начались приготовленія по сбору силъ и подготовкѣ десанта [1]). Тѣмъ временемъ ген. Бриггсъ, принимавшій горячее участіе въ нашихъ дѣлахъ, снесясь съ Константинополемъ, сообщилъ мнѣ, что главнокомандующій (ген. Мильнъ) считаетъ дѣйствія грузинъ «прямымъ нарушеніемъ данныхъ британскими властями указаній» и «посылаетъ британскія войска для предотвращенія дальнѣйшихъ продвиженій...» [2]) Ввиду этого ген. Бриггсъ просилъ меня не предпринимать наступленія, выражая твердую увѣренность въ мирномъ разрѣшеніи вопроса.

Англо-грузинскіе переговоры затянулись. Грузинское правительство опять, какъ въ началѣ года, выразило пожеланіе начать переговоры съ главнымъ командованіемъ при посредствѣ англійскаго представительства. Генералъ Бриггсъ взялъ на себя лично эту миссію и въ началѣ мая поѣхалъ въ Тифлисъ, ознакомившись предварительно съ моими требованіями [3]). Послѣ двухъ засѣданій 8 и 10 мая (въ Батумѣ и Тифлисѣ), выяснившихъ, между прочимъ, что иниціаторомъ приглашенія былъ ген. Гедевановъ, повидимому искренно стремившійся къ примиренію съ Добр. Арміей, ген. Бриггсъ пришелъ къ заключенію, что онъ «напрасно потерялъ время, такъ какъ у грузинъ не было желанія идти на уступки».

Основное требованіе объ очищеніи грузинами Черноморской губ. отводомъ войскъ за Бзыбь было отвергнуто [4]); о нейтрализаціи Сухумскаго округа, тѣмъ болѣе, они не хотѣли и слушать, и потому дальнѣйшія пренія имѣли чисто академическій характеръ, выясняя лишь общіе взгляды грузинскаго правительства на отношенія къ Россіи вообще. Вѣроятно съ большимъ удивленіемъ и впервые грузинскіе правители услышали изъ устъ англійскаго генерала такія фразы: «Англичане и итальянцы уйдутъ, но Россія останется навсегда; и дружескія отношенія съ нею, это лучшее, что можетъ быть... Лига націй еще не вылилась въ опредѣленную форму... Мирная конференція закончится, Россія же будетъ великой и могущественной, и вы подготовляете себѣ не особенно благопріятную будущность... Генералъ Деникинъ (считаетъ, что) не имѣетъ права и полномочій измѣнять границы областей Россіи до Всероссійскаго народнаго собранія, которое одно можетъ разрѣшить этотъ вопросъ...» Къ сожалѣнію, позиція ген. Бриггса была не особенно прочной, когда Гегечкори не безъ ироніи предложилъ ему вопросъ: «мы желали бы слышать — личное ли это мнѣніе ген. Бриггса или ... британскаго коман-

---

[1]) Къ 20 апрѣля въ Сочинскомъ раіонѣ удалось стянуть всего до 2 800 тыс. штыковъ при 13 орудіяхъ. Ослаблять главные фронты не представлялось возможнымъ, а слабый въ то время Черноморскій флотъ былъ занятъ у Акманайскихъ позицій (Крымъ).

[2]) Нота 8 апрѣля, № 66387.

[3]) Не повторяю ихъ, такъ какъ они были изложены въ инструкціи Баратову; прибавилъ пожеланіе нейтрализаціи Сухумскаго округа, не ставя, однако, вопросъ этотъ ультимативно.

[4]) Ген. Гедевановъ мотивировалъ необходимость границы по Мехадыри тѣмъ, что тогда «мы (грузины) будемъ владѣть узкимъ коридоромъ, удобнымъ для прикрытія Грузіи отъ находящихся съ нами въ войнѣ или недружелюбно настроенныхъ къ намъ армій» (!).

Гегечкори: «мы хотимъ имѣть такую границу, которая насъ вполнѣ обезпечитъ отъ проникновенія большевизма».

Рамишвили: «линія эта — естественная граница Абхазіи...»

Протоколъ засѣданія 10 мая 1919 г.

дованія...» Такъ какъ «мы имѣемъ свѣдѣнія, что вопросъ о границахъ будетъ разрѣшенъ не на Всероссійскомъ собраніи, а на Парижской мирной конференціи... Мы имѣемъ увѣреніе, что Британское правительство поддержитъ нашу независимость отъ Россіи...»

Эта увѣренность во всемогуществѣ Мирной конференціи была у грузинскихъ правителей очень прочной, а перспектива рѣшить вопросъ своего суверениаго существованія и территоріальнаго распространенія при отсутствіи Россіи слишкомъ заманчивой... Этимъ обстоятельствомъ, въ гораздо большей степени, чѣмъ стратегическими соображеніями, обоснована была та торопливость, съ которой велись грузинскіе захваты, та цѣпкость, съ которою отстаивались пріобрѣтаемыя ими границы «Великой Грузіи». Поставить Мирную конференцію передъ свершившимся фактомъ — это казалось самымъ главнымъ. Вопросъ же о «народномъ волеизъявленіи» представлялся уже болѣе легкимъ: для этого существовали такіе вліятельные факторы, какъ усиленная колонизація, національная гвардія и... Мцхетскій замокъ.

* * *

12 мая ген. Бриггсъ вернулся изъ поѣздки, а 23-го прибылъ изъ Лондона въ Новороссійскъ... его замѣститель ген. Хольманъ. Пріѣздъ послѣдняго былъ полной неожиданностью для ген. Бриггса, котораго Британское правительство не извѣстило о предстоящей смѣнѣ. 30-го мы провожали съ душевнымъ сожалѣніемъ «друга Россіи и нашего друга», заслужившаго глубокое уваженіе въ русскомъ обществѣ и въ Арміи.

Роль ген. Бриггса на этомъ не кончилась. Онъ защищалъ интересы Россіи и Арміи Юга въ Лондонѣ — въ военномъ министерствѣ и парламентѣ, ѣздилъ въ Бухарестъ и Варшаву — убѣждать Братіано и Пилсудскаго въ необходимости общихъ усилій для освобожденія Европы отъ міровой угрозы русскаго большевизма, въ необходимости кооперацiи съ вооруженными силами Юга[1]). Осенью 1919 г. онъ вновь посѣтилъ Ростовъ, Харьковъ, Кіевъ, желая возобновить связь съ русскими арміями для наиболѣе цѣлесообразной помощи имъ.

Удаленіе ген. Бриггса казалось страннымъ и необоснованнымъ, такъ какъ преемникъ его, ген. Хольманъ, съ первыхъ же шаговъ своихъ сталъ вести ту же дружественную намъ политику.

* * *

Все на Черноморскомъ побережьи осталось по прежнему. Ген. Мильнъ, будучи у меня 9 апр., заявилъ, что онъ потребовалъ отхода грузинъ за Бзыбь, то же повторила англійская миссія 12 іюня. Но, видимо, британскій авторитетъ былъ уже недостаточенъ ни для предупрежденія, ни для ликвидаціи столкновенія. Или вѣрнѣе, Лондонъ не желалъ подкрѣпить его аргументомъ болѣе вѣскимъ, чѣмъ бумажныя ноты.

Грузины остались на Мехадыри. Между правительствами В.С.Ю.Р. и Грузіи по прежнему не существовало официальныхъ отношеній. Граница была закрыта. А войска двухъ армій стояли на побережьи другъ противъ друга въ постоянной боевой готовности, рискуя каждую минуту тѣмъ, что въ силу какого либо непредвидѣннаго случая «заговорятъ сами» ружья и пушки.

ГЛАВА XVIII.

Азербейджанъ.

Взаимоотношенія наши съ другой закавказской «державой» — Азербейджаномъ носили еще болѣе оригинальный характеръ. Между нами не было никакихъ

[1]) При нѣкоторомъ противодѣйствіи со стороны мин. ин. дѣлъ Керзона.

территоріальныхъ споровъ, никакихъ посягательствъ на ту границу, за которой самоопредѣлился Азербейджанъ. «Самостоятельность» его правительства до Всероссійскаго учредительнаго собранія была признана мною съ самаго начала... Армія Юга ни разу не угрожала границамъ Азербейджана. Въ отвѣтъ на это мы встрѣтили злобу и ненависть правительства и правящей партіи, такъ сказать a priori, тягчайшія оскорбленія по адресу командованія, правительства и Арміи — въ офиціальной печати, въ офиціальныхъ рѣчахъ и актахъ, наконецъ, безсильное бряцаніе оружіемъ и открытую поддержку — матеріальную, финансовую, вооруженіемъ и формированіями — нашихъ недруговъ. Эта «глава» нашей исторіи, когда она творилась, была распылена во времени и въ массѣ событій и впечатлѣній. Теперь, когда она пишется, и появилась возможность сосредоточиться на ея содержаніи, становится еще болѣе яснымъ долготерпѣніе и миролюбіе командованія и правительства Юга и выдержка Арміи. Бывали неоднократно моменты, когда занятіе всей территоріи Азербейджана въ военномъ отношеніи не представляло затрудненій, и этимъ положенъ былъ бы безъ сомнѣнія конецъ волненіямъ на Сѣверномъ Кавказѣ... Политика Азербейджана являлась какъ будто сплошной провокаціей въ этомъ отношеніи главнаго командованія. Но за этимъ актомъ явно видѣлась перспектива всеобщаго закавказскаго пожара, въ которомъ легко было опалить зарождающуюся мощь Армій Юга. На чашки вѣсовъ поставлено было — на одну достоинство вождей и Арміи, на другую успѣхъ бѣлаго движенія.

Естественно, что вторая перетянула.

* * *

Все въ Азербейджанской республикѣ было искусственнымъ, «не настоящимъ», начиная съ названія, взятаго заимообразно у одной изъ провинцій Персіи. Искусственная территорія, обнимавшая лезгинскіе Закаталы, армяно-татарскія Бакинскую и Елисаветпольскую губерніи и русскую Мугань и объединенная турецкой политикой въ качествѣ форпоста пан-тюркизма и пан-исламизма на Кавказѣ... Искусственная государственность, такъ какъ на этихъ земляхъ, лежавшихъ на пути великаго переселенія народовъ и подвергавшихся воздѣйствію разнообразныхъ культуръ смѣнявшихся завоевателей, жили всегда разрозненныя мелкія племена[1]), враждовавшія другъ съ другомъ и донынѣ еще сохранившія черты кочевого быта. Наконецъ, искусственно держалось и Азербейджанское правительство — первоначально волею Нури-паши, потомъ ген. Томсона и въ дальнѣйшемъ — просто по инерціи.

Когда въ Баку появились англичане, туркофильское правительство хана Хойскаго, не имѣвшее рѣшительно никакой опоры въ странѣ и почти никакой вооруженной силы, покорно ждало рѣшенія своей участи. Ген. Томсонъ, не получивъ повидимому указаній изъ Лондона, сталъ первоначально на точку зрѣнія «россійской державности» и стремился къ построенію временной коалиціонной власти чисто административнаго характера въ составѣ представителей трехъ главныхъ національностей, населяющихъ край — русскихъ, татаръ и армянъ[2]). Томсонъ обратился прежде всего за содѣйствіемъ къ русской общественности, но встрѣтилъ тамъ такой непримиримый антагонизмъ, что соглашеніе оказалось невозможнымъ.

Русская организованная общественность представлена была въ то время въ Баку слѣдующими группами: 1. Русскій національный комитетъ, возникшій инициативнымъ порядкомъ и потомъ пополнившій свой составъ кооптa-

[1]) Въ XVIII и XIX вѣкахъ на предгоріяхъ располагались мелкія ханства: Дербентское, Кубинское, Шемахинское, Бакинское, Талышинское, Шушинское, Нухинское, Ганжинское и Елисуйское въ Закаталахъ.

[2]) Въ Бакинской и Елисаветпольской губ. по даннымъ 1917 г. числилось русскихъ 96 тыс., армянъ 344 тыс., татаръ 1 019 тыс.

ціей различныхъ общественныхъ организацій (союзъ офицеровъ, учителей, «русскаго демократическаго общества» и т. д.). Возглавлялся комитетъ[1]) лидеромъ мѣстныхъ к. д. Подшибякинымъ, именовалъ себя безпартійнымъ, но въ цѣломъ раздѣлялъ кадетскую идеологію и всецѣло поддерживалъ Добровольческую Армію. Комитетъ считалъ возможнымъ войти въ составъ правительства лишь при условіи «признанія принципа Единой Россіи и разрѣшенія вопроса о самостоятельности Азербейджана (только) Всероссійскимъ учредительнымъ собраніемъ». 2. Совѣтъ славяно-русскаго общества — организація, созданная лицами, прибывшими изъ Тифлиса[2]), находившимися въ близкихъ отношеніяхъ къ азербейджанскому министру внутрен. дѣлъ и получавшими субсидіи отъ правительства. Политическая физіономія его была крайне неопредѣленна (съ уклономъ вправо), тактика — соглашательская. Комитетъ «откликнулся съ чувствомъ глубокаго удовлетворенія на призывъ мусульманскихъ руководящихъ круговъ принять участіе въ политической жизни Азербейджана», надѣясь тѣмъ «еще болѣе укрѣпить русское вліяніе и сознаніе необходимости единенія съ Великой Россіей»[3]). 3. «Прикаспійское правительство», созданное Бичераховымъ, въ составѣ русскихъ и армянскихъ соц.-рев., переѣхавшее изъ Петровска и претендовавшее на управленіе Сѣвернымъ Кавказомъ и Прикаспіемъ, включая Бакинскую губ. и «Закаспійскую республику». «Правительство» считало себя въ духовной связи съ «Комучемъ» и Уфимской директоріей и полагало необходимымъ свергнуть азербейджанское правительство и установить свою власть. 4. Наконецъ, лѣвыя организаціи — партія «с. р.-интернаціоналистовъ», рабочіе, профессіональные союзы, объединенные въ «рабочей конференціи», не говоря уже о чисто большевицкихъ, проповѣдывали и работали дѣятельно въ пользу установленія совѣтской власти.

Соглашеніе между русскими небольшевицкими организаціями не состоялось. Точно также безрезультатными оказались совѣщанія, устроенныя Рус. нац. комитетомъ съ представителями татаръ и армянъ, вслѣдствіе рѣшительной непримиримости татаръ.

При такихъ условіяхъ Томсонъ рѣшилъ опереться на существующее азербейджанское правительство. Въ составѣ его дано было два мѣста русскимъ и одно или два армянамъ; точно также въ созываемомъ парламентѣ русскимъ было предоставлено 10 мѣстъ, нѣсколько мѣстъ армянамъ и евреямъ и по одному грузинамъ и полякамъ. Представителей этихъ «національныхъ меньшинствъ» предложено было избрать соотвѣтственнымъ національнымъ совѣтамъ. Въ составъ правительства и парламента отъ русскаго населенія пошли только члены «Славяно-русскаго общества»[4]).

Правительство хана Хойскаго въ большинствѣ своемъ состояло изъ членовъ партіи «Муссаватъ» и путемъ административнаго воздѣйствія такое же большинство получилось въ парламентѣ.

13 декабря, на торжественномъ засѣданіи парламента, предсѣдатель его объявилъ, что онъ «остановился на ханѣ-Хойскомъ, какъ на лицѣ, наиболѣе достойномъ формировать новое правительство». Ханъ-Хойскій прочелъ декларацію, въ которой опредѣлена была «первая и важнѣйшая задача» правительства: «единодушное желаніе, которое было высказано здѣсь (въ парламентѣ) представителями всѣхъ фракцій, а именно—о независимости Азербейджана—правительство всемѣрно будетъ стараться разрѣшить окончательно», что, однако, не исключаетъ возможности «свободному Азербейджану вступить въ тѣснѣйшую связь съ

---

[1]) Позднѣе назвалъ себя «Совѣтомъ».

[2]) Докладъ мнѣ комитета отъ 12 августа, № 354, такъ говоритъ о его происхожденіи: «Въ Баку былъ командированъ инженеръ Виноградовъ, который, завязавъ связи съ приходами и найдя поддержку въ лицѣ настоятелей двухъ наиболѣе значительныхъ церквей... приступилъ къ организаціи общества, что ему и удалось съ успѣхомъ выполнить».

[3]) Idem.

[4]) Пять — въ парламентъ и двое въ правительство: министр. фин. Протасьевъ и мин. продов. — предсѣдатель общества, полякъ Лизгаръ.

другими государствами, образовавшимися на территоріи Россіи, а также и самой центральной Россіей». А черезъ два дня ген. Томсонъ октроировалъ рожденную имъ власть особой «Прокламаціей»: «Ввиду образованія коалиціоннаго азербейджанскаго правительства подъ предсѣдательствомъ хана Хойскаго, симъ объявляю, что союзное командованіе будетъ оказывать полную поддержку этому правительству, какъ единственной мѣстной законной власти въ предѣлахъ Азербейджана».

* * *

И политическія партіи въ Азербейджанѣ, пришедшія на свѣтъ только въ 1918 году, были какими то ненастоящими. Ихъ было три: Муссаватъ, Иттихадъ и Гюмметъ. Совершенно невозможно опредѣлить программы и идеологіи первыхъ двухъ. По составу своему правящая партія Муссаватъ включала среднюю буржуазію и третій элементъ, многіе представители котораго недавно вышли изъ рядовъ россійской к. д. партіи. Иттихадъ комплектовался крупной тюркской буржуазіей, помѣщиками и духовенствомъ. Если первыхъ по русской терминологіи можно назвать «кадетами» съ соціалистической личиной, не мѣшавшей имъ поддерживать феодальный земельный строй, то вторымъ приличествуетъ имя «октябристовъ». Партія Муссаватъ проявляла исключительную враждебность по отношенію къ Россіи, перенесенную всецѣло на Добр. Армію, панъ-исламизмъ и тяготѣніе къ Турціи. Партія Иттихадъ весьма сочувственно отнеслась къ туркамъ во время ихъ кратковременной оккупаціи, перенесла свое благоволеніе на англичанъ, когда они были въ силѣ, не оставляя въ то же время сношеній съ русскимъ національнымъ комитетомъ и мысли о возвращеніи къ Россіи. Обѣ партіи раздѣляли со всѣмъ тюркскимъ населеніемъ ненависть къ армянамъ, проявляя ее широко и въ административной практикѣ.

Самой малочисленной и наименѣе вліятельной была партія Гюмметъ — откровенно большевицкая. Вся остальная крайне немногочисленная вообще тюркская интеллигенція оставалась пассивной политически, именовалась «безпартійной», составляла лойяльную оппозицію правительству въ парламентѣ и склонялась скорѣе къ русской оріентаціи.

Во внутренней жизни политика правительства сводилась къ возстановленію русскаго права, суда и русскихъ учрежденій, такъ какъ народъ безъ культуры и правительство безъ идеологіи не могли и приступить къ созданію новыхъ формъ жизни. Неудержимое стремленіе къ націонализаціи перевернуло только вверхъ ногами іерархическую лѣстницу: изъ низовъ безъ всякихъ стажей и цензовъ, не исключая и моральнаго, всплыли на поверхность татары-муссаватисты, захвативъ всѣ видные и выгодные матеріально посты, а русскіе — люди науки, техники и административнаго опыта скатились внизъ, въ силу тяжелыхъ матеріальныхъ условій мирясь съ подчиненнымъ положеніемъ. Ими, однако, держался весь механизмъ административнаго управленія. Неоднократные приказы правительства о замѣщеніи должностей лицами тюркскаго происхожденія или владѣющими, по крайней мѣрѣ, тюркскимъ языкомъ оставались мертвой буквой, за неимѣніемъ своихъ служилыхъ кадровъ и даже попросту образованныхъ людей. И русскій языкъ оставался по прежнему языкомъ государственнымъ. Не прошелъ и выработанный правительствомъ законъ о подданствѣ — юридически безграмотный — имѣвшій въ своей основѣ нелѣпое положеніе, что азербейджанскими подданными признаются всѣ тѣ лица, которые сами или ихъ родители родились въ Бакинской и Елисаветпольской губерніяхъ. Единственная область, въ которой націонализація имѣла извѣстный, весьма печальный успѣхъ, это была школа, гдѣ бывшіе россійскіе к. д.-ты начали съ установленія въ младшихъ классахъ обученія на тюркскомъ языкѣ и изъятія преподаванія русской исторіи и географіи. Парламентъ, по примѣру Грузіи, вотировалъ учрежденіе въ Баку университета. Но т. к. весь ученый персоналъ его поневолѣ оказался русскимъ, то «Союзъ трудовой интеллигенціи» протестовалъ противъ его открытія на томъ основаніи, что университетъ

станетъ орудіемъ русснфикаціи и что открытіе его возможно только послѣ полной національзаціи средней школы.

Національзація административнаго аппарата привела къ тому, что въ глазахъ населенія «старый полицейско-бюрократическій режимъ» оказался гуманнѣйшимъ. Насиліе, произволъ и повальное взяточничество превзошли всякія ожиданія, а въ раіонахъ съ преобладающимъ населеніемъ «національныхъ меньшинствъ», особенно армянскаго и русскаго, создали невозможныя условія существованія. Къ правительству Арменіи, въ Русскій нац. комитетъ, въ Ос. Совѣщаніе стекались жалобы порабощенныхъ «меньшинствъ». Дома, поля, инвентарь, имущество людей, бѣжавшихъ отъ турецкаго нашествія и теперь вернувшихся, были захвачены татарами, и положеніе бѣженцевъ оказалось безвыходнымъ. «Мы обили всѣ пороги — писали мнѣ молокане Шемахинскаго уѣзда — нагайки и тюрьма единственный отвѣтъ, который получаютъ потерпѣвшіе... Насъ грабятъ въ деревняхъ, грабятъ по дорогамъ, грабятъ на работахъ, грабятъ и въ столицѣ — въ гор. Баку, доводя до отчаянія»[1]...

Губерніи Бакинская и Елисаветпольская находятся въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ по своимъ колоссальнымъ природнымъ богатствамъ[2] и поэтому правительству Азербейджана было легче, чѣмъ другимъ, справиться съ финансово-экономическимъ вопросомъ. Но поставить раціонально бюджетъ правительство не могло или не сумѣло, и базой его, какъ и во всѣхъ новообразованіяхъ, служилъ печатный станокъ. Въ 1918 г. Азербейджанъ находился въ этомъ отношеніи въ зависимости отъ Грузіи, пользуясь общими Закавказскими бонами, печатавшимися въ Тифлисѣ[3], а въ 1919 г. сталъ печатать свои, въ неограниченномъ количествѣ, свободно субсидируя и меджилисъ горскихъ народовъ. Эти боны имѣли, впрочемъ, хожденіе только въ самомъ Азербейджанѣ и отчасти въ Дагестанѣ. Но по мѣрѣ переполненія нефтяныхъ пріемниковъ и застоя въ вывозѣ нефти, благодаря блокадѣ Астрахани, падала цѣнность жидкаго золота, падалъ и курсъ азербейджанскихъ бонъ, вызывая усиленіе дороговизны, невзирая на наличіе другихъ богатѣйшихъ рессурсовъ края.

Англичане проявили исключительное вниманіе къ Каспійскому судоходству и къ Бакинской нефти, взявъ въ свои руки управленіе судоходствомъ, нефтяное дѣло и Бакинск. отд. гос. банка. Весьма характерно, что, удаливъ съ территоріи Азербейджана русскія войска и лишивъ насъ военной флотиліи, Томсонъ неоднократно обращался къ ген. Эрдели, предлагая принять въ вѣдѣніе главнаго командованія Юга военный портъ въ Баку и всѣ морскія учрежденія, а также принять на средства русской казны содержаніе командъ судовъ и личнаго состава Бакинскаго портоваго правленія. При явномъ недружелюбіи англійскаго командованія, враждебности азербейджанскаго правительства, невозможности имѣть свою портовую администрацію и какую-либо вооруженную силу, на которую можно было опереться, такое предложеніе имѣло видъ злой иронія.

* * *

И армія Азербейджанская была ненастоящей. Тѣ формированія, преимущественно изъ турецкихъ добровольцевъ, которыя вмѣстѣ съ войсками Марсала-паши брали Баку, подъ давленіемъ англичанъ были распущены, и правительство приступило къ формированію новыхъ частей подъ руководствомъ генераловъ русской службы Мехмандарова (воен. мин.), Сулькевича (бывш. крымскій правитель),

[1]) Прошеніе повѣренныхъ молоканъ на основаніи приговоровъ, выданныхъ обществами 18—22 іюня 1919 года.

[2]) Провенансы Азербейджана видны изъ слѣдующаго неполнаго перечня: хлопокъ, масла, нефть, рыбные промысла, цинкъ, свинецъ, сѣра и т. д.

[3]) Правительство бѣдной и зависимой отъ азербейджанскаго ввоза Грузіи стремилось удержать въ своихъ рукахъ эмиссію, дававшую ей большія выгоды. По первое мая 1919 г. на долю Грузіи пришлось 380 милл. руб., Арменіи—240 милл. руб. и Азербейджана — 160 милл. рублей.

Али - Ага - Шахлинскаго (нач. артил.) [1]) и др. Къ веснѣ 1919 г. была сформирована одна пѣх. дивиз., одна кон. бриг. и три батареи, общимъ числомъ номинально 12—15 тыс., фактически не болѣе 3—5 тыс. Въ виду того, что мусульмане Закавказья не несли никогда воинской повинности, эта армія не имѣла никакихъ кадровъ и строилась совершенно заново. Кромѣ высшихъ командныхъ постовъ, всѣ офицерскія должности занимались русскими офицерами (90%), а изъ числа остальныхъ — тюркскаго происхожденія — большинство сохраняло традиціи русской арміи и симпатіи къ Россіи.

Въ силу крайняго нерасположенія Закавказскихъ татаръ къ регулярной службѣ, формированіе арміи рѣшительно не удавалось, а повальное дезертирство разстраивало окончательно ея ряды. И ген. Мехмандаровъ однажды въ парламентѣ вынужденъ былъ заявить, что его армія не боеспособна и не въ состояніи противостоять Арміи Добровольческой [2]).

Положеніе русскихъ офицеровъ, ввиду шовинистической политики правительства, было тягостнымъ и весьма щекотливымъ. Еще въ концѣ декабря 1918 г. возгорѣлся споръ между Закав. рус. нац. сов. и ген. Лебединскимъ [3]), поощрявшимъ поступленіе русскихъ офицеровъ въ азербейджанскія войска, «дабы вывести офицеровъ изъ тяжелаго матеріальнаго положенія». Споръ поступилъ на мое разрѣшеніе. Принимая во вниманіе, что пути въ Добровольческую Армію не были заказаны никому, и съ другой стороны — что русскому офицерству невмѣстно было вооруженной рукою создавать враждебную Россіи азербейджанскую государственность, я высказался противъ поступленія русскихъ офицеровъ въ азербейджанскую армію. Позднѣе, въ іюнѣ, когда Азербейджанъ готовился къ войнѣ съ нами, положеніе тамъ русскаго офицерства стало въ конецъ невозможнымъ. При посредствѣ моего представителя въ Баку, офицерству отдано было секретное распоряженіе о переходѣ въ Добровольческую Армію. Оно было исполнено не только большимъ числомъ русскихъ офицеровъ, но и частью грузинъ и мусульманъ, что еще болѣе разстроило ряды азербейджанскихъ войскъ.

Въ конечномъ итогѣ положеніе азербейджанскаго правительства опредѣлялось четырьмя факторами: присутствіемъ англійскихъ войскъ; лойяльной оппозиціей Иттихада и безпартійныхъ; враждебностью армянскаго народа; полною аполитичностью, темнотой и инертностью тюркскаго народа, въ которомъ революція не произвела тогда еще никакихъ соціальныхъ сдвиговъ; она усилила только бытовое явленіе — абречество — попросту разбой, лишенное соціальныхъ мотивовъ и искусно направляемое правительствомъ въ сторону національной нетерпимости, религіознаго фанатизма и территоріальныхъ захватовъ. Наконецъ, большое давленіе оказывалъ на власть многочисленный и организованный бакинскій пролетаріатъ, который былъ рѣзко враждебенъ «реакціонному правительству тюркскихъ феодаловъ, буржуазіи и паразитическаго духовенства» и подъ интернаціональными лозунгами проводилъ идею единства всероссійской совѣтской власти. И только въ одномъ интересы обоихъ противниковъ сходились вполнѣ — въ противодѣйствіи «Деникинской опасности». При этомъ пролетаріатъ откровенно заявлялъ, что онъ готовъ въ этомъ вопросѣ итти вмѣстѣ съ «реакціоннымъ правительствомъ», въ расчетѣ, что «потомъ мы справимся сами съ ханами — Хойскими и Усуббековыми ...» [4]) Вѣроятно въ силу этой общности настроеній, правительство терпѣло большевицкія организаціи, прессу [5]) и пропаганду, выступая

---

[1]) Послѣдніе двое оказались крайними руссофобами. Шахлинскій успѣлъ даже послужить туркамъ и участвовалъ во взятіи ими Баку.

[2]) Развѣдка опредѣляла силы, могущія быть выставленными противъ Добр. Арміи, за выдѣленіемъ войскъ на армянскій и ленкоранскій театры, въ двѣ съ половиной тысячи.

[3]) Предсѣдатель ликвидаціонной комиссіи бывш. Кавказскаго фронта.

[4]) Бакинская рабочая конференція Азербейджана, Дагестана и Закаспія. Май 1919 г.

[5]) «Земля и Воля» — лѣвый соц.-рев. органъ, «Набатъ» — органъ проф. союз. большев., «Заря» — тюркск. и русск. большев., «Искра» — соц.-дем.

противъ нихъ активно при помощи англичанъ только во время всеобщихъ забастовокъ, имѣвшихъ мѣсто въ декабрѣ и въ маѣ.

* * *

Въ мартѣ, на почвѣ казнокрадства двухъ министровъ (одинъ изъ нихъ Лизгаръ), пало правительство хана-Хойскаго и образовалось новое, подъ предсѣдательствомъ Усуббекова, изъ состава той же партіи — Муссаватъ, но съ участіемъ соціалистовъ. Въ декларацiи новаго правительства (апрѣль 1919 г.) говорилось о предстоящемъ признаніи республики державами Согласія и «вступленіи ея въ семью культурныхъ народовъ». Угрозой ея самостоятельности — по словамъ декларацiи — является «Добровольческая Армія, нахлынувшая уже на сѣверный Кавказъ и залившая кровью снѣговыя вершины Дагестана, намѣреваясь вновь поработить какъ горцевъ, такъ и насъ». Но поглощеніе Азербейджана не удастся: «кровавый урокъ (?), данный горными орлами насильникамъ Добровольческой Арміи, подтверждаетъ это». Декларація выражала желаніе установить мирныя отношенія съ сосѣдями, въ томъ числѣ и съ совѣтскимъ Россійскимъ правительствомъ, и разрѣшить полюбовно острые пограничные вопросы съ Грузіей и Арменіей. Особенное благоволеніе было проявлено по отношенію къ Дагестану — «второй родинѣ Азербейджана», и особенный гнѣвъ — противъ самоопредѣлившейся русской «Ленкоранской республики» [1]).

Завести товарообмѣнъ съ совѣтской Россіей не удалось: англійская флотилія продолжала тѣсную блокаду Астрахани. Пограничные споры съ болѣе сильной въ военномъ отношеніи Грузіей окончились соглашеніемъ. Ленкоранской республики, пока она находилась во власти большевицкаго совѣта [2]), тѣсно связаннаго съ бакинскими рабочими организаціями, правительство не трогало. Безучастно отнеслись къ этому вопросу и англичане. Но, когда въ концѣ іюля, совѣтское правленіе было свергнуто народнымъ ополченіемъ подъ начальствомъ полк. Ильяшевича, въ Ленкорань посланы были азербейджанскія войска и... англійскіе офицеры; первыя силой, вторые своимъ авторитетомъ и угрозами принудили ленкоранцевъ подчиниться Азербейджану [3]).

Такую же энергичную дѣятельность проявляло правительство въ Карабахѣ, Зангезурѣ и Нахичеванi, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ шла рѣзня армянъ татарами и бои между армянскими четами и татарскими, которыя снабжались деньгами и оружіемъ изъ Баку [4]), добровольцами и патронами изъ Турціи.

Это былъ одинъ изъ этаповъ широко задуманнаго и настойчиво проводимаго движенія, руководимаго Кемаль-пашой. Высокая Порта и «непокорный» Кемаль находились въ полной связи и единеніи съ Азербейджанскимъ правительствомъ. Къ нашему изумленію, какія то тайныя нити шли изъ Эрзерума и въ Тифлисъ... По крайней мѣрѣ армянское правительство и англійское командованіе убѣжденно

---

[1]) Ленкоранскій и Джеватскій уѣзды Бакинской губерніи (русская Мугань).

[2]) Отъ середины мая до конца іюля 1919 г. И при совѣтскомъ, и при несовѣтскомъ правленіи Ленкорань признавала себя «неотъемлемой частью единой Россіи».

[3]) Въ инструкціи, данной англійскимъ командованіемъ своему уполномоченному, капитану Роанъ, были, между прочимъ, и такіе параграфы:

§ 2. Вы объясните мусульманскому народу, что всѣ законныя дѣйствія Азербейджанскаго прав-ства пользуются поддержкой британскихъ властей.

§ 4. Что касается русскихъ, офицеровъ и другихъ лицъ, не являющихся постоянными жителями Мугани, то вамъ надлежитъ содѣйствовать азербейджанскимъ властямъ, на предметъ водворенія ихъ въ Петровскъ или другое мѣсто...»

Заключеніе Роана: «Я просилъ бы вопросъ этотъ разрѣшить миролюбиво. Въ противномъ случаѣ пострадаетъ много невинныхъ... Я вынужденъ слѣдить за выполненіемъ законныхъ требованій азербейджанскихъ властей...»

Изъ протокола засѣданія.

[4]) Участіе въ этомъ движеніи азербейджанскаго правительства было установлено перехваченной армянами перепиской официальныхъ лицъ.

говорили о существованіи переговоровъ и даже договора между Гегечкори и прибывшимъ въ Тифлисъ виднымъ дѣятелемъ Энверовской партіи Кіазимъ-беемъ, котораго англичане арестовали... Грузины и турки за счетъ армянскаго народа искали путей ко взаимному соглашенію и даже въ острому вопросѣ о Батумѣ находили, якобы, компромиссный выходъ: грузинское управленіе и турецкіе гарнизоны...

Съ возникновеніемъ предположеній на мирной конференціи объ аннексіи турецкихъ вилайетовъ въ пользу Греціи и Армянской республики, пантурецкое движеніе на Кавказѣ пріобрѣло еще болѣе интенсивный характеръ и организованныя формы. Созванный въ началѣ іюня въ Эрзерумѣ съѣздъ делегатовъ анатолійскихъ вилайетовъ, въ которомъ приняли участіе и представители грузинскихъ раіоновъ, создалъ новое правительство съ Кемалемъ во главѣ и вынесъ резолюцію, призывавшую къ борьбѣ противъ отторженія турецкихъ областей, дышавшую ненавистью къ грекамъ и армянамъ и злобой противъ англичанъ. Уже въ концѣ 1918 г. турецкіе штабы (XV-го корпуса) въ Эрзерумѣ, Ванѣ, Баязетѣ и Хопа организовали широкое снабженіе населенія оружіемъ; турецкіе паши, сотни офицеровъ, тысячи аскеровъ «выходили въ отставку» и шли въ повстанческіе отряды, возникавшіе не только на территоріи Турціи, но и за ея предѣлами въ раіонахъ этнографическаго разселенія мусульманъ Арменіи и Азербейджана — въ Ольты, Кагызманъ, Нахичевань, Шушу и т. д.

Замѣчательно, что при всемъ этомъ наши представители отовсюду, гдѣ приходилось имѣть сношенія съ турецкими властями и командованіемъ, доносили о большихъ симпатіяхъ и предупредительномъ отношеніи, которое проявляютъ турки къ русскимъ и Россіи. Создавалось впечатлѣніе, что пантюркисты Азербейджана — plus royalistes, que le roi — черпаютъ свое вдохновеніе исключительно въ ненависти къ усыновившей ихъ Россіи, тогда какъ націонализмъ и религіозный фанатизмъ подлинной Турціи стали орудіями борьбы ея за свое существованіе, находившееся подъ дѣйствительной угрозой послѣ военнаго пораженія.

Къ веснѣ 1919 г. волненія въ Карабахѣ усилились, и англичане сочли нужнымъ выступить тамъ въ качествѣ миротворцевъ.

Командующій англійскими войсками въ Баку полк. Шательвортъ собралъ въ Шушѣ 23 апрѣля съѣздъ представителей четырехъ уѣздовъ и предложилъ ему подчиниться «впредь до рѣшенія мирной конференціи» Азербейджану, въ лицѣ назначеннаго правительствомъ губернатора Салтанова. Съѣздъ вынесъ резолюцію о недопустимости подчиненія Салтанову, «продолжавшему кровавую политику Турціи», и просилъ, ради физическаго сохраненія армянскаго населенія, о назначеніи англійскаго губернатора. Шательвортъ не согласился и отдалъ приказъ о признаніи «законной власти Салтанова». Іюнь, іюль, августъ въ Карабахѣ продолжались поэтому столкновенія, въ которыхъ особенно жестоко пострадало населеніе Шуши и ея окрестностей. Въ этихъ фактахъ армяне видѣли прямое попустительство англичанъ, азербейджанскаго правительства и парламента, который гласно сталъ на сторону насильниковъ, отвергнувъ предложеніе, внесенное армянской фракціей — выразить осужденіе участникамъ Шушинской рѣзни...

* * *

Съ главнымъ командованіемъ Юга у Азербейджана не было вначалѣ ни общей границы, ни официальныхъ сношеній. Мой представитель въ Баку, полковникъ Лазаревъ, состоялъ при англійскомъ командующемъ; представитель Азербейджана въ Екатеринодарѣ, Рустамбековъ — при кубанскомъ правительствѣ. Со времени продвиженія нашего къ Владикавказу и Грозному, отношеніе къ намъ азербейджанскаго правительства, парламента, печати, политическихъ организацій становилось все болѣе враждебнымъ, а реальная помощь возставшимъ горцамъ и горскому меджилису все болѣе явной и значительной. По иниціативѣ парламента

возникла «интерпартійная комиссія», которая 17 апр. обратилась къ народу съ воззваніемъ:

«Граждане, братья Азербейджана!

На сѣверномъ Кавказѣ свободолюбивые горцы, вѣрные завѣтамъ своихъ предковъ и принципамъ свободы и независимости малыхъ народовъ, истекаютъ кровью въ неравной схваткѣ съ реакціонными силами Деникина и К°. Геройская защита горцевъ своей независимости должна пробудить въ гражданахъ Азербейджана сознаніе, что ген. Деникинъ, представитель мрака и порабощенія, не пощадитъ самостоятельности и Азербейджана. Святой долгъ каждаго мусульманина своевременно придти на помощь братьямъ горцамъ.

Интерпартійная комиссія формируетъ на помощь горцамъ Азербейджанскій добровольческій отрядъ подъ руководствомъ опытныхъ офицеровъ.

Граждане, записывайтесь въ ряды добровольцевъ! Запись производится въ зданіи Парламента».

Занятіе Добровольческими войсками въ маѣ Петровска и Дербента вызвало и въ Азербейджанѣ, и въ Грузіи взрывъ новаго озлобленія, смѣшаннаго съ чувствомъ страха. Большевицкій «Набатъ» такъ опредѣлялъ произведенное этими событіями впечатлѣніе: «Деникинцы заняли Петровскъ и Дербентъ, они стучатся въ двери Баку. Воскресный номеръ «Азербейджана» вышелъ безъ единаго слова объ этихъ убійственныхъ для трудовыхъ массъ Азербейджана фактахъ. Усуббековское правительство потеряло голову передъ грозной опасностью и предалось, кажется, восточной апатіи. Стамбулъ заснулъ передъ грозой!..»

Считая задачу В.С.Ю.Р. съ занятіемъ Дагестана выполненной, я приказалъ полковнику Лазареву передать азербейджанскому правительству слѣдующее: «Мы считаемъ Азербейджанъ частью Россіи. До возстановленія въ Россіи Верховной власти, допускаемъ самостоятельное существованіе Азербейджана». Позднѣе, въ серединѣ мая я телеграфировалъ вновь, что «мои войска въ Азербейджанъ не вступятъ и не перейдутъ южнѣе линіи главный хребетъ — Кизилъ Бурунъ, если не будетъ враждебныхъ дѣйствій со стороны Азербейджанскаго правительства» [1]). Полковникъ Лазаревъ позволилъ себѣ проявить личную инициативу: передавая мою телеграмму Усуббекову, онъ выпустилъ первую фразу («Мы считаемъ Азербейджанъ частью Россіи») и въ препроводительномъ письмѣ отъ имени главнаго командованія развилъ теорію конфедераціи, признавъ безусловную самостоятельность Азербейджана и пояснивъ, что, «когда Россія будетъ освобождена отъ большевиковъ, то входить въ соглашеніе съ вновь образовавшимися государствами будетъ дѣломъ народнаго собранія или той верховной власти, которой всѣ вооруженныя силы, борющіяся противъ большевиковъ, передадутъ свои права» [2]).

Усуббековъ огласилъ въ парламентѣ двѣ моихъ телеграммы въ изложеніи Лазарева и заявилъ, что «парламентъ и онъ не вѣрятъ этимъ заявленіямъ. Что же касается взгляда Добровольческой Арміи на независимость Азербейджана, то онъ для республики непріемлемъ, т. к. въ конечномъ итогѣ сводится къ присоединенію ея къ Россіи»... Къ тому же вскорѣ послѣдовала извѣстная уже нота ген. Кори, требовавшая отвода Добровольческихъ войскъ до линіи въ 5 верстахъ южнѣе Петровска, и опредѣленное заявленіе бакинскаго англійскаго командованія, что пока мы «не исполнимъ требованія британскаго правительства, англичане (Добровольцамъ) ни въ чемъ помогать не будутъ» [3]). И правительство заняло вновь непримиримую позицію, парламентъ вотировалъ новые кредиты на армію и бряцалъ оружіемъ, печать еще рѣзче ополчилась противъ Добровольческой Арміи, а рабочая конференція протягивала руку правительству для борьбы съ общимъ врагомъ, требуя полномочій на формированіе «рабочихъ отрядовъ».

---

[1]) Телеграммы отъ 28 апрѣля, № 0124, 18 мая, № 07389 и 12 іюня, № 08637.

[2]) Письмо отъ 21 мая, № 98. Истинный текстъ моихъ телеграммъ не могъ вызвать никакихъ сомнѣній, такъ какъ онъ тотчасъ былъ данъ официально въ печать. Лазаревъ былъ замѣненъ полковникомъ Палицынымъ.

[3]) Докладъ полк. Лазарева 24 іюня 1919 г., № 210. Какъ извѣстно, это требованіе было отмѣнено.

Ввиду такого соотвѣтствія настроеній и задачъ, Закавказской конференціи, засѣдавшей въ Тифлисѣ для разрѣшенія территоріальныхъ споровъ, предложено было Грузіей заключить военный союзъ трехъ республикъ для борьбы противъ Добровольческой Арміи. 3 іюня между Грузіей и Азербейджаномъ заключенъ былъ договоръ [1]), обязующій «договаривающіяся государства выступить совмѣстно всѣми вооруженными силами и военными средствами противъ всякаго нападенія, угрожающаго независимости или территоріальной неприкосновенности... республикъ...» [2]). §-мъ 10 договора предусматривалось право Арменіи «въ двухнедѣльный срокъ присоединиться къ этому соглашенію». Но Арменія присоединиться не пожелала. Устами своего представителя на конференціи, мин. ин. дѣлъ Тиграняна, она заявила: «Едва ли у Добровольческой Арміи стоитъ вопросъ о занятіи всего Закавказья... Армяне видятъ другую для себя опасность — именно со стороны Турціи. Отъ этого соглашенія пахнетъ кровью. Такіе союзы крѣпки, когда сами союзники живутъ между собой въ мирѣ и согласіи. Этого армяне не видятъ. Въ Карабахѣ льется армянская кровь (Азербейджанъ)... Арменію стараются заморить голодомъ (Грузія), предоставивъ въ ея пользованіе всего 400 жел. дор. вагоновъ...»

Заключеніемъ этого договора окончательно закрѣпилась группировка дѣйствующихъ на Кавказѣ силъ.

ГЛАВА XIX.

Арменія. Результаты англійской политики.

Послѣ дипломатическаго пораженія, понесеннаго въ войнѣ съ Грузіей, положеніе Арменіи стало еще болѣе тяжелымъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ врагами [3]); связанная съ внѣшнимъ міромъ единственной вѣтвью ж. д. (Эривань—Александрополь—Тифлисъ), продолженіе которой находилось въ рукахъ грузинъ и которая, къ тому же, въ любой моментъ могла быть перерѣзана Борчалинскими татарами [4]); разоренная революціей и турецкимъ нашествіемъ; переполненная бѣженцами со всѣхъ областей Закавказья и изъ Турціи, непропускаемыми въ мѣста своего поселенія ни англичанами, ни турками, ни татарскими республиками — страна буквально задыхалась. Изъ русскаго наслѣдія, стоя въ сторонѣ отъ важнѣйшихъ стратегическихъ направленій и составляя по территоріи всего лишь 5% Закавказья, она получила очень немного. Организмъ ея изнурялъ недостатокъ, иногда полное отсутствіе, трехъ важнѣйшихъ элементовъ борьбы за существованіе: хлѣба, денегъ и оружія.

Такое катастрофическое положеніе страны обусловило дѣятельность парламента и правительства, сводившуюся къ изысканію способовъ удовлетворенія этихъ насущныхъ нуждъ ея и къ поискамъ той внѣшней силы, которая могла бы хоть временно обезпечить ея существованіе.

Въ періодъ турецко-германскаго нашествія стремленіе къ Россіи армянскихъ правящихъ круговъ было единодушнымъ. Оно сохранилось и въ первое время англійской оккупаціи, но вскорѣ поблекло подъ вліяніемъ настойчиваго и рѣзкаго воздѣйствія англичанъ. Англійскіе представители — Уоккеръ, Бичъ и другіе

---

[1]) Подписали со стороны грузинъ — Гегечкори, Рамишвили, ген. Гедевановъ и Одишелидзе; со стороны Азербейджана — Джафаровъ, ген Мехмендаровъ и Сулькевичъ.

[2]) Ген. русской службы, грузинъ Одишелидзе, былъ назначенъ общимъ главнокомандующимъ.

[3]) Территорію Арменіи до конца апрѣля 1919 г. составляла Эриванская губ., исключая Нахичеванскій и Шаруро-Даралагезскій уѣзды, образовавшіе татарскую «Аракскую республику».

[4]) Въ ноябрѣ 1918 г. у Арменіи было всего 4—5 паровозовъ и 60 вагоновъ. Остальной составъ былъ угнанъ грузинами.

ополчились противъ руссофильства армянъ, прибѣгая къ давленію и запугиванію и, съ другой стороны, рисуя армянамъ заманчивыя перспективы самостоятельнаго существованія соединенныхъ русской и турецкой частей Арменіи съ выходомъ къ Черному морю... Ген. Уоккеръ официально въ рѣзкой формѣ ставилъ въ упрекъ армянскому правительству его тяготѣніе къ Россіи, нахожденіе на службѣ Арменіи русскихъ офицеровъ и, въ частности, присутствіе въ Эривани Добровольческаго представителя[1]). Все это, по словамъ Пападжанова[2]), «создало у многихъ армянъ опасеніе — не потому ли англичане лучше относятся къ грузинамъ, что тѣ опредѣленно отвернулись отъ русскихъ».

Когда въ концѣ декабря парламентъ обсуждалъ наказъ делегаціи, посылаемой въ Парижъ, прежняго единства мыслей не оказалось. Правящая партія дашнакцакановъ раздѣлила свои голоса: часть стояла за автономію или федерацію обѣихъ Арменій съ Россіей; другая требовала «Великой и независимой Арменіи» съ Киликіей и выходами къ Черному и Средиземному морямъ. Это былъ американскій проектъ, рожденный фантазіей побѣдителей, жившихъ тогда еще иллюзіями своего могущества; онъ приводилъ бы къ соотношенію на новой территоріи мусульманскаго населенія къ армянскому, какъ четыре къ одному. Армянская «народная партія» (либер.) высказалась за возсоединеніе съ Россіей; къ ней присоединились соц.-рев., въ то время, какъ соц.-дем., связанные тѣсно съ грузинскими, поддерживали отдѣленіе отъ Россіи внѣ зависимости отъ того или другого рѣшенія судебъ страны[3]).

Наказа делегаціи я не знаю, но, по свидѣтельству одного изъ членовъ ея, настроеніе ихъ было далекимъ отъ утопій: «армянскій народъ достаточно истекъ кровью, онъ стремится къ спокойствію и мирному развитію... Правительство и народъ вполнѣ сознаютъ, что самостоятельно Арменія существовать не можетъ... Сознавая свою слабость, мы не думаемъ предъявлять никакихъ требованій и помиримся со всѣмъ, что рѣшитъ конференція»[4]). Безъ сомнѣнія это рѣшеніе находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ настроеніемъ армянскаго народа, который, сохраняя явное, даже усилившееся пережитыми несчастіями тяготѣніе къ Россіи, готовъ былъ, однако, признать надъ собой чей угодно протекторатъ — «хоть чорта», какъ говорили въ народѣ — какую угодно власть, лишь бы она избавила отъ голода и физическаго истребленія.

Официально никакихъ декларацій о разрывѣ съ Россіей правительство пока не объявляло.

Вскорѣ обнаружилось, что надежды на англичанъ не оправдались. Съ декабря до конца марта политика англичанъ была явно недружелюбна Арменіи. Ни финансовой, ни экономической помощи отъ нихъ Арменія не получила; боевого снабженія — также, подъ предлогомъ «строгаго нейтралитета Англіи»; сотни тысячъ бѣженцевъ по прежнему задыхались на площади не цѣлыхъ трехъ уѣздовъ. Армяно-грузинская распря была разрѣшена съ явнымъ пристрастіемъ въ пользу грузинъ. Росло разочарованіе и вмѣстѣ съ тѣмъ усиливались вновь два теченія общественной мысли и народныхъ симпатій, идущія — одно къ Россіи, другое — къ великой заатлантической республикѣ, о всесильномъ заступничествѣ которой появились и нѣкоторыя фактическія данныя, и еще больше легендъ.

Въ концѣ апрѣля, въ связи съ обострившимися англо-турецкими отношеніями и возросшимъ панисламистскимъ движеніемъ въ средней Азіи, англичане измѣнили свою тактику: при ихъ вооруженномъ содѣйствіи пали двѣ суверенныхъ татарскихъ республики — «Юго-западная» и «Аракская», занятыя затѣмъ армянами, и присоединена армянская «республика Андроника» — народнаго героя, официально «отступника», предвосхитившаго роль д'Аннунціо и Желиховскаго и обос-

[1]) Докладъ начальника ген. штаба Арменіи 17 августа 1919 г.
[2]) Лидеръ армянской народной партіи, членъ парижской делегаціи.
[3]) Послѣднія двѣ партіи были совсѣмъ малочисленны.
[4]) Докладъ ген. Томилова о бесѣдѣ съ Пападжановымъ.

новавшаго свою суверенную власть на офиціальной территоріи Азербейджана[1]). Такимъ образомъ, въ началѣ апрѣля Арменія занимала всю Карсскую область, всю Эриванскую и юго-западную часть Елисаветпольской губ.

Эти событія вернули вновь симпатіи армянъ къ англичанамъ, но не надолго: категорическій отказъ англичанъ въ дальнѣйшемъ отъ реальнаго заступничества за армянскій народъ во время кровавыхъ событій въ Карабахѣ и Зангезурѣ, когда англичане заявили, что вооруженной помощи не окажутъ, а «используютъ лишь свой моральный авторитетъ», окончательно подорвалъ довѣріе и симпатіи армянъ къ англичанамъ. Предсѣдатель правительства, Хатисовъ[2]) съ горечью и недоумѣніемъ говорилъ ген. Уоккеру: «мы удивляемся, что въ то время, какъ въ Лондонѣ насъ увѣряютъ въ любви къ армянамъ, здѣсь мы видимъ отношеніе обратнаго свойства. Мы ждали союзниковъ, какъ избавителей, теперь приходится разочароваться въ этомъ». А политическіе дѣятели Арменіи пришли понемногу къ безнадежному заключенію, что «англичане стараются создать буферъ противъ Россіи изъ Азербейджана и Грузіи и уничтожить Арменію — изъ тѣхъ соображеній, что послѣдняя будетъ служить проводникомъ русскаго вліянія, могущаго провести къ Средиземному морю ...»[3]).

Между тѣмъ въ Арменію прибыла Американская благотворительная миссія, которая вмѣстѣ съ идеей «Великой Грузіи», съ ранней весны принесла съ собой изстрадавшемуся отъ голода и эпидемій населенію болѣе реальныя цѣнности — хлѣбъ, рисъ, медикаменты и медицинскую помощь. Впечатлѣніе отъ этого филантропическаго шага было огромно, надежды не умѣренны, и поэтому въ парламентѣ и въ правительствѣ смолкли всякія тренія и колебанія, и установилось полное единство оріентаціи — «на Америку». 15-го мая глава правительства Хатисовъ, основываясь на постановленіяхъ состоявшагося въ концѣ марта въ Эривани съѣзда турецкихъ и русскихъ армянъ, объявилъ торжественно странѣ, что «согласно волѣ всего народа, правительство провозглашаетъ Арменію на вѣчныя времена объединенной (турецкая и русская) и независимой». «Правительство Арменіи въ Закавказьи — говорилось въ особомъ актѣ — въ настоящее время объявляетъ себя правительствомъ объединенной Арменіи — съ установленіемъ въ качествѣ формы правленія демократической республики». Парламентъ — бывшій «Національный совѣтъ», образованный въ свое время путемъ соглашенія политическихъ партій, былъ распущенъ, и новый, «всенародный», предположено было созвать въ іюлѣ.

Весьма интересны мотивы, приведенные на рѣшительномъ засѣданіи парламента, заставившіе дашнакцакановъ перемѣнить «русскую оріентацію на американскую»: «цѣль независимости — стремленіе собрать весь армянскій народъ, чтобы уберечь его отъ разсѣянія по всему свѣту, подобно евреямъ. Для этого нужна площадь, освобожденная отъ мусульманъ, и нуженъ покровитель, который защитилъ бы и поднялъ экономически будущую Арменію. Россія, какъ страна людей... равно относящихся ко всѣмъ націямъ, не позволитъ армянамъ выселить татаръ. Что же касается экономической помощи, то она можетъ быть оказана Россіей только черезъ 15 лѣтъ...»[4]).

Армянскіе дѣятели, не искушенные въ политической игрѣ міровой дипломатіи и плохо освѣдомленные, играли въ руку пантурецкому движенію, подогрѣвая фанатизмъ турокъ. Они не понимали, что среди Согласія нѣтъ ни одной державы, которая пожелала бы проливать кровь за армянъ, что появившійся вслѣдъ за благотворительной миссіей американскій полк. Хаскель — «Верховный комиссаръ

---

[1]) Зангезурскій и Шушинскій уѣзды Елисаветпольской губерніи.

[2]) Первымъ предсѣдателемъ былъ Качазнуни, командированный въ срединѣ января въ Америку за хлѣбомъ и протекторатомъ.

[3]) Изъ доклада нашего представителя въ Эривани, полк. Зинкевича, отъ 4 октября 1919 г., № 36.

[4]) Изъ доклада начальника ген. штаба Арменіи, полк. Зинкевича, отъ 17 августа 1919 года.

Антанты въ Арменіи» пріѣхалъ съ широкими полномочіями [1]) и... съ заранѣе предрѣшеннымъ постановленіемъ, «не посылать ни одного американскаго солдата въ Арменію». «Моральный авторитетъ Америки» долженъ былъ остановить кровопролитіе въ воинственныхъ странахъ ближняго Востока, гдѣ только сила внушала къ себѣ уваженіе, страхъ и покорность...

* * *

Увеличеніе территоріи Арменіи въ апрѣлѣ, устранивъ чрезмѣрную скученность населенія, имѣло, однако, два неблагопріятныхъ послѣдствія — увеличеніе числа голодныхъ ртовъ и введеніе въ организмъ страны новыхъ значительныхъ контингентовъ враждебнаго ей мусульманскаго населенія.

Американская помощь была спасительной, но далеко не достаточной. Въ финансовомъ отношеніи республика зависѣла отъ Грузіи, получая закавказскія боны изъ тифлисской экспедиціи. Это обстоятельство становилось критическимъ въ такіе моменты, какъ напримѣръ въ дни армяно-грузинскаго конфликта, когда у военнаго министра Арменіи (къ 30 дек.) оставалось въ казнѣ 220 тыс. рублей! Страна нищая, не имѣвшая экспорта, не могла рѣшиться на выпускъ своихъ денежныхъ знаковъ, заранѣе обреченныхъ на полное обезцѣненіе. Поэтому, когда въ іюлѣ были израсходованы закавказскія боны, правительство «независимой Арменіи» прибѣгло къ средству совсѣмъ незаконному, но весьма показательному: отъ имени Эриванскаго отдѣленія Россійскаго государственнаго банка было выпущено на нѣсколько сотъ милліоновъ «чековъ». Эти чеки, имѣвшіе подзаголовокъ «спеціальный текущій счетъ республики Арменіи», спасли страну отъ банкротства и имѣли обращеніе весь періодъ ея самостоятельнаго существованія [2]).

Недостатокъ вооруженія и, главнымъ образомъ, боевыхъ припасовъ былъ еще болѣе чувствителенъ и препятствовалъ надлежащему развитію «армянской арміи [3]). Она состояла изъ дивизіи пѣхоты (къ лѣту—изъ трехъ отдѣльныхъ бриг.), бригады артиллеріи, коннаго полка и небольшихъ техническихъ частей. Составъ ея, опредѣленный штатами для «мирнаго времени» въ 22 тыс. человѣкъ и для «военнаго» — въ 44 тыс., фактически терпѣлъ большія колебанія, не превышая никогда 10—15 тыс. Было одно время, непосредственно послѣ армяно-грузинской войны, когда за отсутствіемъ продовольствія и боевыхъ припасовъ, дивизію пришлось довести временно до 4 тыс.

Іюльскія событія застали армянскую армію въ безпомощномъ положеніи: полное отсутствіе запаса винтовокъ и наличность всего лишь 300 тыс. трехлинейныхъ патроновъ ограничили ея боеспособность и лишали всякаго смысла мобилизацію.

Между тѣмъ, весь югъ и юго-востокъ страны были объяты возстаніемъ мусульманъ. Оно подкатывалось съ юга къ Эривани, угрожало Карсу и Александрополю и въ нейтральной зонѣ у Садахло [4]) нависло грозной опасностью перерыва единственной питательной артеріи страны...

Армянъ рѣзали по всему Закавказью, по Анатоліи и Киликіи, а Верховный комиссаръ отвѣчалъ на обращенные къ нему недоумѣнные вопросы, что «вопросъ о мандатѣ на Арменію еще не рѣшенъ», и что въ настоящее время дѣлаются «глубокія изысканія», отъ которыхъ будетъ зависѣть рѣшеніе. Ген. Харбордъ съ огромной американской миссіей совершалъ въ это время путешествіе на Діарбекиръ —

---

[1]) Въ официальномъ увѣдомленіи меня о назначеніи «Верховнаго комиссара» было указано, что «на Киликію власть его не распространяется».

[2]) Этотъ «подлогъ» обратилъ на себя вниманіе Особаго Совѣщанія, но, въ виду безвыходности положенія Арменіи, рѣшено было не чинить ей препятствій, чтобы не обезцѣнивать чековъ.

[3]) Командовали ею послѣдовательно ген. русской службы Силиковъ и Назарбековъ; въ составѣ арміи было много русскихъ офицеровъ.

[4]) Станція жел.-дор. линіи Эривань — Тифлисъ.

Эрзерумъ — Мушъ — Карсъ — Эривань — Тифлисъ для «изученія армянскаго вопроса съ точекъ зрѣнія этнической, экономической, финансовой, военной и проч.»

Передъ несчастнымъ народомъ съ особенной яркостью встанетъ вопросъ объ его существованіи. Суровая дѣйствительность разсѣетъ всѣ иллюзіи объ иностранной помощи, и мы увидимъ вновь рѣзкій поворотъ общественнаго мнѣнія въ сторону Россіи.

* * *

Сообразно съ перемѣнами армянскимъ правительствомъ «оріентацій», мѣнялись взаимоотношенія его съ Добровольческой Арміей.

Во время германо-турецкой оккупаціи изъ Арменіи пріѣзжали негласно посланцы правительства, боявшагося «скомпрометировать» себя въ глазахъ завоевателей. Они свидѣтельствовали о вѣрности Арменіи русской государственности и просили помощи. Въ ноябрѣ въ Екатеринодаръ прибылъ уже офиціально полк. Власьевъ, имѣвшій титулъ «представителя Армянской арміи при Добровольческой Арміи». Онъ также описывалъ яркими красками руссофильское настроеніе Арменіи, въ частности, особенное расположеніе тамъ къ Добровольческой Арміи. Власьевъ просилъ о сформированіи и отправкѣ черезъ Батумъ армянскаго отряда, о помощи хлѣбомъ и боевыми припасами, о помощи армянскимъ бѣженцамъ и возвращавшимся съ запада бывшимъ военно-плѣннымъ. На основаніи этихъ данныхъ, въ концѣ ноября былъ посланъ ген. Драгомировымъ въ Эривань полк. Лесли съ полномочіями «войти въ сношенія съ представителями Армянской республики по вопросамъ политическимъ» и съ письмомъ ген. Драгомирова министру иностр. дѣлъ, въ которомъ указано было на желательность «делегированія представителей Армянской республики въ г. Екатеринодаръ, съ цѣлью информаціи о своихъ мѣстныхъ нуждахъ».

Лесли пришлось сильно разочароваться въ екатеринодарскихъ информаціяхъ. Прибывъ въ Эривань въ самый разгаръ надеждъ на спасительницу Англію, онъ былъ встрѣченъ чрезвычайно холодно, и доморощенные армянскіе дипломаты вовсе недвусмысленно дали ему понять, что «лучше подождать, не открывая свои карты, такъ какъ неизвѣстно, кто сильнѣе, кто настоящая Россія — вы, Колчакъ или большевики». Отъ Власьева армянское правительство отреклось, заявивъ, что онъ былъ только «развѣдчикомъ военнаго министерства, а не представителемъ...» Состоявшій въ то время начальникомъ штаба армянской дивизіи полк. Зинкевичъ передавалъ, что правительство не рѣшается послать своего представителя въ Добровольческую Армію, «боясь скомпрометировать себя въ глазахъ союзниковъ, на случай, если вопросъ о переходѣ Арменіи подъ протекторатъ другой державы является вопросомъ рѣшеннымъ или возможнымъ». Не послѣднимъ аргументомъ былъ, вѣроятно, и страхъ «скомпрометировать» себя и въ другомъ направленіи: весною парламентомъ принято было постановленіе, безъ всякаго видимаго повода, о «невмѣшательствѣ армянъ въ борьбу Добровольческой Арміи съ совѣтской Россіей...»

Хотя увлеченіе англійской оріентаціей прошло и, послѣ небольшого періода сомнѣній и колебаній, симпатіи Арменіи всецѣло перешли къ Америкѣ, но въ русскомъ вопросѣ ничего не измѣнилось: «Хаскель потребовалъ отъ правительства Арменіи — сообщалъ полк. Зинкевичъ — чтобы оно не сносилось съ главнокомандующимъ помимо него. Кромѣ того, въ тѣхъ случаяхъ, когда американцы видятъ проявленіе симпатій къ Россіи, они убѣждаютъ армянъ, что Россія никогда больше не будетъ великимъ государствомъ, и что, поэтому, на нее нельзя разсчитывать въ смыслѣ помощи»[1]).

Въ результатѣ, съ марта до августа, между Арменіей и главнымъ командованіемъ Юга никакихъ офиціальныхъ сношеній не было, хотя въ Екатеринодарѣ

[1]) Докладъ 30 сентября 1919 г., № 7.

находился посолъ Арменіи при кубанскомъ правительствѣ Сагателянъ[1]). Негласно, однако, онъ бывалъ у меня и у ген. Драгомирова, просилъ не ставить въ вину его правительству ту позицію, которую оно вынуждено было занять въ отношеніи вооруженныхъ силъ Юга, находясь въ полнѣйшей зависимости отъ внѣшнихъ силъ, и не желая раздражать Грузію, и безъ того «сдавившую армянамъ горло»[2]). Я отвѣтилъ, что сочувствую несчастному армянскому народу, понимаю щекотливое положеніе правительства и не придаю значенія задѣвающимъ насъ деклараціямъ.

Въ мѣрѣ нашихъ ограниченныхъ возможностей мы оказывали нѣкоторую помощь Арменіи, главнымъ образомъ, заботами объ ея бѣженцахъ и ихъ реэвакуаціи. Отправка хлѣба черезъ Грузію была невозможна, и транспортъ его, посланный въ январѣ 1919 г., былъ захваченъ или не пропущенъ грузинами. Впрочемъ, въ іюлѣ, въ самую тяжелую минуту, намъ удалось переправить въ Эривань съ огромными трудностями, минуя Грузію, черезъ Батумъ на Ардаганъ по сухопутью транспортъ съ нѣсколькими милліонами патроновъ.

Осенью измѣнилась вновь «оріентація» и въ связи съ этимъ — отношеніе къ намъ: въ августѣ пріѣхалъ въ Екатеринодаръ «нач. ген. шт. Арменіи», полк. Зинкевичъ, который вернулся въ Эривань уже въ качествѣ «Военнаго представителя Воор. Силъ Юга Россіи», встрѣченный тамъ «подчеркнуто торжественно, по высшему ритуалу».

Такимъ образомъ, нашъ «союзъ съ Арменіей», который такъ пугалъ грузинъ и не нравился англичанамъ, принадлежалъ къ одной изъ грузинскихъ легендъ. Но она сослужила намъ несомнѣнно большую службу, отвлекая силы и умѣряя въ значительной степени воинственный пылъ Азербейджана и Грузіи, считавшихъ свой тылъ при наступленіи на сѣверъ открытымъ для удара армянской арміи.

* * *

Первое полугодіе англійской оккупаціи Закавказья показало наглядно, что ни одна изъ тѣхъ задачъ, которыя провозгласили англичане, или которыя приписывались имъ общественнымъ мнѣніемъ Юга Россіи и Заказказскихъ новообразованій, выполнена не была. Край пылалъ въ огнѣ возстаній и межплеменной вражды, не могъ считаться ни «обезпеченнымъ тыломъ вооруженныхъ силъ Юга», ни «прочнымъ барьеромъ, прикрывающимъ Персію», ни — въ силу общаго разочарованія англійской политикой — «благопріятной ареной для англійской колонизаціи».

Къ веснѣ 1919 г. русская политика англичанъ нѣсколько измѣнилась: внутреннія политическія затрудненія въ Англіи, осложненія съ Турціей, тренія въ Верховномъ совѣтѣ и, повидимому, подозрительность и соревнованіе державъ Согласія поставили на очередь вопросъ объ уходѣ англичанъ изъ Закавказья и замѣнѣ ихъ итальянцами. Появились уже итальянскіе квартирьеры и военныя миссіи, посѣтившія Баку, Батумъ и Тифлисъ и очаровавшія закавказскихъ правителей своими взглядами и щедрыми обѣщаніями...

Къ этому времени отношенія наши съ англичанами начали нѣсколько налаживаться. Военное снабженіе шло въ широкихъ размѣрахъ; екатеринодарская миссія по прежнему поддерживала насъ въ спорныхъ вопросахъ; ген. Мильнъ, посѣтившій Екатеринодаръ 10 апрѣля, воспринялъ лично нашу точку зрѣнія на взаимоотношенія съ Закавказскими новообразованіями; адмиралъ Сеймуръ проявлялъ полное доброжелательство въ вопросахъ помощи намъ силами англійскаго флота, принимавшаго участіе въ оборонѣ Акманайскихъ позицій; наконецъ, высшее командованіе въ Тифлисѣ и Батумѣ было смѣнено, и екатеринодарская миссія ставила это обстоятельство въ связь съ предстоящимъ измѣненіемъ всей англійской политики въ Закавказьи.

---

[1]) Членъ Гос. Думы, к.-д.
[2]) Владѣніе выходомъ Эриванской вѣтви жел. дор.

Новый генералъ-губернаторъ Баку Шательворть — одинъ изъ крайнихъ руссофобовъ до того времени, пригласивъ моего представителя, довѣрительно развивалъ ему свои мысли[1]):

«Ваше общественное мнѣніе склонялось къ тому, что англичане, оккупировавъ Закавказье, хотятъ его удержать за собой, какъ путь въ Индію и мѣстонахожденіе нефти. Это невѣрно, такъ какъ здѣсь мы являемся отрѣзанными отъ всѣхъ нашихъ базъ и, если бы впослѣдствіи Россія атаковала насъ, мы не могли бы защищаться. Туркестанъ въ совершенно другомъ положеніи: онъ представляетъ для насъ большой интересъ, какъ преддверіе Индіи и плацдармъ противъ Афганистана. Но мы тамъ не хотимъ основаться, чтобы не увеличивать нашихъ владѣній и такъ какъ предпочитаемъ жить въ дружбѣ съ возстановленной Россіей. Доказательствомъ этого вамъ можетъ служить то обстоятельство, что мы вывели оттуда почти всѣ наши войска и, несмотря на просьбу Закаспійскаго правительства помочь имъ людьми въ борьбѣ съ большевиками, отказали. Что же касается Закавказья, мы отлично понимаемъ, что вся культура здѣсь — исключительно русская, и что оно ни экономически, ни политически безъ Россіи существовать не можетъ. Если бы мы остались здѣсь дольше, возможно, что народы Закавказья не захотѣли бы вернуться къ вамъ, а предпочли бы остаться подъ Британскимъ владычествомъ, такъ какъ мы постоянно балуемъ подвластные намъ народы, наводняя рынокъ деньгами и сравнительно дешевымъ, хорошимъ товаромъ, а также предоставляя имъ полное самоуправленіе, поддерживая вмѣстѣ съ тѣмъ порядокъ и справедливость. Этого не будетъ. Мы скоро уйдемъ отсюда, и насъ замѣнятъ итальянцы. Картина перемѣнится: ихъ главная цѣль будетъ эксплоатировать страну, такъ какъ Италія — страна бѣдная, и имъ нужно поправлять свои финансовыя дѣла. Не знаю навѣрное, но возможно, что она даже получитъ мандатъ на Закавказье. Въ такомъ случаѣ, очевидно, содержаніе оккупаціонныхъ войскъ будетъ отнесено на мѣстныя средства. Итальянцы будутъ усиленно вывозить нефть на льготныхъ условіяхъ. Вы сами понимаете, что это не привлечетъ ни правительствъ, ни населеніе на ихъ сторону; народъ начнетъ естественно тяготѣть къ Россіи, и всѣ Закавказскія республики сами вернутся къ вамъ».

Побужденія — по словамъ Шательворта, заставлявшія англичанъ покинуть Кавказъ — глубоко мудрыя и политически дальновидныя — вызывали у насъ рѣшительныя сомнѣнія. Мы видѣли причины въ другихъ явленіяхъ: на стражѣ русскихъ интересовъ стали неожиданно и независимо отъ своего отношенія къ Россіи тредъ-уніоны и міровая конкуренція... Во второй части своей бесѣды Шательворть былъ, однако, несомнѣнно правъ: итальянская оккупація сулила намъ новыя горшія бѣды. Мы не питали никакого довѣрія ни къ доброжелательности къ намъ политики Италіи, ни къ ея матеріальной незаинтересованности, ни къ политической устойчивости итальянской арміи. Въ перспективѣ рисовалось еще большее поощреніе центробѣжныхъ силъ, экономическая эксплоатація, хаосъ во внутренней жизни Закавказья, подготовляющій пришествіе большевизма и, на ряду со всѣмъ этимъ — прекращеніе матеріальной помощи вооруженнымъ силамъ Юга.

И потому, когда англійская миссія неофиціально освѣдомила насъ, что англичане могли бы задержать свой уходъ до осени, если бы поступило соотвѣтственное заявленіе отъ главнаго командованія, я, выбирая изъ двухъ золъ меньшее, послалъ ген. Бриггсу письмо, въ которомъ, отмѣтивъ со стороны англійскихъ представителей поддержку идеи русской государственности, просилъ увѣдомить его правительство, что замѣна англійскихъ войскъ будетъ встрѣчена (у насъ) съ сожалѣніемъ...

Не знаю, гдѣ и какъ использовано было это письмо и имѣло ли оно вообще какое-либо значеніе, но въ концѣ іюня мы получили телеграмму изъ Лондона[2]): «Черчиль проситъ предупредить о неизбѣжности, вслѣдствіе настроенія рабочихъ, постепеннаго отзыва войскъ со всѣхъ фронтовъ, начиная съ зимней кампаніи. Помощь всякимъ снабженіемъ обѣщалъ продолжать въ прежнемъ размѣрѣ». 12 іюля англійское военное министерство сообщило, что эвакуація начнется 15 ав-

[1]) Докладъ 5 іюня 1919 г.
[2]) Повѣреннаго въ дѣлахъ въ Лондонѣ К. Набокова.

густа; одновременно начальникъ итальянской миссіи въ Закавказьи увѣдомилъ, что отправка итальянскихъ войскъ взамѣнъ британскихъ не будетъ имѣть мѣста.

Мое письмо было только признаніемъ заслугъ мѣстныхъ англійскихъ представителей, но отнюдь не доброжелательства къ русскимъ интересамъ англійскаго правительства. Лѣтомъ и осенью 1919 г. мы увидимъ на ряду съ возрастающимъ руссофильствомъ англійскихъ военныхъ круговъ Екатеринодара и Константинополя, связанныхъ съ Черчилемъ, въ области высшей политики Лондона все то же хитросплетеніе помощи и противодѣйствія, все то же лавированіе между Россіей, совѣтской властью и «наслѣдниками Россіи»; все тѣ же «двѣ Англіи», «двѣ руки», изъ которыхъ, — по признанію Бьюкенена, — одна оказывала помощь бѣлому движенію, въ то время, какъ другая отрывала западные лимитрофы и Закавказскія республики, отталкивая тѣмъ патріотическіе элементы Россіи.

Разительнымъ и символическимъ диссонансомъ прозвучатъ слова двухъ англичанъ, сказанныя осенью на разныхъ концахъ стараго міра — въ Тифлисѣ и Лондонѣ.

Покидая Закавказье, командующій англійскими войсками ген. Корк далъ интервью журналистамъ, въ которомъ, протестуя противъ обвиненія англичанъ «въ разжиганіи самостійныхъ стремленій», заявилъ: «единственной цѣлью, преслѣдуемой англичанами, было всѣми силами удержать Грузію и Азербейджанъ отъ выступленія противъ Добровольческой Арміи. Прикрываясь принципами самоопредѣленія, англичане должны были охранять окраины до того момента, пока Россія, вставъ на ноги, могла бы шутя собрать все то, что отъ нея отпало...»

И словно въ насмѣшку надъ иллюзіями, покрывая «звонкіе дисканты» поборниковъ такого «политическаго сентиментализма», раздастся изъ Лондона «фундаментальный басъ» «реальной политики»:

«Адмиралъ Колчакъ и ген. Деникинъ ведутъ борьбу не только за уничтоженіе большевиковъ и возстановленіе законности и порядка, но и за Единую Россію. Этотъ лозунгъ непріемлемъ для многихъ народностей... Не мнѣ указывать — соотвѣтствуетъ ли этотъ лозунгъ политикѣ Великобританіи... Одинъ изъ нашихъ великихъ государственныхъ дѣятелей, лордъ Биконсфильдъ видѣлъ въ огромной, великой и могучей Россіи, катящейся подобно глетчеру по направленію къ Персіи, Афганистану и Индіи, самую грозную опасность для Великобританской имперіи...»[1]).

Чрезвычайно трудно опредѣлить извилистую раздѣльную линію «двухъ Англій», двухъ морально-политическихъ идеологій англійской общественности. Но опытъ полуторагодового правленія убѣдилъ меня въ томъ, что кромѣ ненависти Биконсфильда и безпринципности Ллойдъ-Джорджа, въ Англіи есть теченія, есть люди и народные слои, которымъ не чужды общечеловѣческія основы морали даже въ политикѣ, которые не относятся къ Россіи только какъ къ угрозѣ англійскому владычеству въ Азіи или къ объекту безпощадной колоніальной эксплоатаціи.

Съ этой Англіей у новой Россіи найдется еще общій языкъ.

ГЛАВА XX.

Украина: измѣненіе политики съ паденіемъ Германіи. Борьба партій. Вооруженная сила.

Послѣ опубликованія германскаго мирнаго предложенія (отъ 22 и 29 сентября), въ правящихъ кругахъ Украины наступило полное смятеніе и растерянность. Неизбѣжность и близость паденія центральныхъ державъ требовали спѣшныхъ мѣръ для закрѣпленія шаткаго положенія украинской государственности и существую-

[1]) Рѣчь Ллойдъ-Джорджа въ парламентѣ 17 ноября 1919 г.

щей власти и спѣшной политической перестраховки. Между тѣмъ, эти же предвидѣнія усилили напоръ на власть извнѣ со стороны всѣхъ силъ, ей враждебныхъ.

Украинскій національный союзъ (У. Н. С.) предъявилъ тотчасъ гетману требованіе объ образованіи новаго демократическаго правительства изъ состава членовъ союза, сводившееся къ фактическому возрожденію покойной директоріи. Этотъ шагъ нашелъ энергичную поддержку въ германской оккупаціонной власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, путемъ сношеній Винниченко съ Москвою, былъ обезпеченъ нѣкоторыми гарантіями со стороны совѣта комиссаровъ. У. Н. С. торопился захватить власть въ свои руки, чтобы поставить державы Согласія передъ совершившимся фактомъ.

Германцы, готовясь къ исходу, старались также создать себѣ обстановку, благопріятную въ ближайшемъ будущемъ. Интересы самой Украины, какъ и Россіи, были для нихъ глубоко чужды и безразличны; они поддерживали и насаждали тамъ тѣ силы, которыя могли быть союзны имъ и противопоставлены державамъ Согласія или, по крайней мѣрѣ, могли бы создать послѣднимъ большія затрудненія. Поэтому, ген. Гренеръ[1]), продолжая широкое покровительство большевицкимъ организаціямъ па Украинѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалъ отъ гетмана созданія «національнаго правительства», путемъ удаленія изъ кабинета «руссофильскихъ элементовъ» и включенія членовъ У. Н. С.

Эти домогательства встрѣтили противодѣйствіе: въ кабинетѣ, среди нѣкоторыхъ членовъ его — по мотивамъ самосохраненія, въ россійской общественности — въ силу побужденій національныхъ, въ союзѣ хлѣборобовъ, «Протофисѣ» — изъ-за опасенія прихода къ власти соціалистическаго правительства.

Подъ напоромъ всѣхъ этихъ вліяній, гетманъ колебался, и переговоры о реконструкціи кабинета затягивались. Но въ началѣ октября произошло событіе, вызвавшее министерскій кризисъ и ускорившее развязку вопроса.

На Украинѣ шла безвозбранно, на глазахъ у всѣхъ, большевицкая пропаганда и организація возстанія. Извнѣ ими руководила «девятка»[2]) во главѣ съ Пятаковымъ и Бубновымъ, которая обосновалась въ Курскѣ, формировала кадры «повстанческой арміи», организовывала новые повстанческіе отряды на территоріи Украины и помогала деньгами и оружіемъ уже существующимъ. Въ самомъ Кіевѣ такую же работу вела «мирная делегація» Раковскаго, совѣтское консульство и военный экспертъ делегаціи, бывшій полк. Егоровъ, а въ Одессѣ организующій центръ создалъ Дыбенко. Большевицкіе центры подготовляли повсемѣстно «революціонные комитеты», производили учетъ силъ и вербовку красноармейцевъ, якобы для Восточнаго фронта — настолько открыто, что адреса регистраціонныхъ бюро зачастую не были секретомъ, и объявленія объ ихъ функціяхъ появлялись иногда въ печати. Обезпокоенныя этимъ явленіемъ украинскія власти пробовали бороться съ нимъ, что удавалось отчасти въ Одесскомъ раіонѣ, занятомъ австрійцами, но въ зонѣ германской оккупаціи встрѣчало рѣшительное противодѣйствіе военной германской власти.

Неоднократныя представленія по этому поводу генералу Гренеру успѣха не имѣли. Украинскій совѣтъ министровъ телеграммой отъ 11 октября обратился къ германскому правительству «съ настойчивымъ указаніемъ и предостереженіемъ, что при такихъ условіяхъ (правительство) слагаетъ съ себя отвѣтственность за могущее произойти возстаніе большевиковъ и что въ значительной степени (оно) должно будетъ обвинить въ этомъ вредящую дѣятельность германскихъ властей на Украинѣ...»

Это обращеніе также никакого успѣха не имѣло.

Мин. вн. дѣлъ Кистяковскій счелъ себя вынужденнымъ, наконецъ, произвести арестъ Егорова, Дыбенко и обыскъ въ помѣщеніи делегаціи и консульства. Ре-

[1]) Начальникъ штаба оккупировавшей Украину германской группы.

[2]) Изъ состава бывш. въ началѣ года «рабоче-крестьянскаго прав-ства Украины».

зультатомъ былъ рядъ новыхъ арестовъ и изъятіе важныхъ документовъ, которые установили широкій организаціонный планъ большевицкаго возстанія, тѣсный контактъ делегаціи Раковскаго съ предсѣдателемъ У. Н. С. Винниченко и полную освѣдомленность, если не прямое соучастіе въ этомъ... нѣмецкаго штаба. Произошло крупное столкновеніе: временный замѣститель барона Мумма, совѣтникъ Тиль, въ крайне рѣзкой формѣ потребовалъ немедленнаго освобожденія арестованныхъ, возвращенія захваченной переписки и... удаленія съ поста министра Кистяковскаго.

Первымъ результатомъ этого эпизода былъ демонстративный выходъ въ отставку 9 министровъ, заступившихся за Кистяковскаго и подавшихъ гетману записку «о необходимости совмѣстной борьбы объединенными силами всѣхъ частей бывшей Россіи съ большевиками». Вторымъ — капитуляція гетмана и назначеніе по соглашенію съ Грепоромъ и Винниченко новаго министерства, въ составѣ котораго остались Лизогубъ (предсѣдатель) и самостійники прежняго кабинета и вошло пять кандидатовъ У.Н.С. изъ числа соц.-федералистовъ. Въ новомъ составѣ правительства было обезпечено вполнѣ преобладаніе рѣзко самостійнаго и нѣмцефильскаго теченія.

Лизогубъ отъ имени новаго правительства дѣлалъ боевыя заявленія о томъ, что отнынѣ онъ будетъ «стремиться къ болѣе рѣзкому выявленію лица Украинской державы». Но фактически, подъ гнетомъ грозной обстановки, дѣятельность правительства носила слѣды растерянности и нерѣшительности. Положеніе его было дѣйствительно необыкновенно труднымъ.

Мирные переговоры съ совѣтской Россіей прервались. Раковскій уѣхалъ въ Москву. Еще 10 октября ген. консулъ Украины Кривцовъ прислалъ изъ Москвы тревожную телеграмму о возможности «радикальнаго измѣненія политики совнаркома по отношенію къ Украинѣ», такъ какъ «съ аннулированіемъ Брестскаго договора всѣ обязательства совнаркома отпадаютъ, слѣдовательно, отпадаетъ и обязательство заключенія (съ ней) мирнаго договора». Совѣтъ комиссаровъ слалъ грозные ультиматумы по поводу оскорбленія своей делегаціи и грозилъ репрессіями. Въ «нейтральной зонѣ» сосредоточивались двѣ совѣтскія дивизіи; большевицкіе отряды появились въ сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской и Харьковской губерній... И хотя замѣститель Раковскаго — Мануильскій увѣрялъ, что это «сепаратные акты недисциплинированныхъ частей», и что совѣты не имѣютъ никакого желанія, «по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ», воевать съ Украиной, но положеніе сѣвернаго фронта, лишеннаго украинскихъ войскъ и прикрытаго только колеблющейся уже «стѣной» германскихъ штыковъ, становилось критическимъ.

Въ то же время внутри страны шла тайно и явно дѣятельная работа украинскихъ соціалистовъ, объединенныхъ въ У.Н.С., которые спѣшно (къ 4 ноябрю) созывали «Національный украинскій конгрессъ» изъ состава отдѣловъ союза, чтобы путемъ симуляціи воли народной принять окончательно падавшую изъ рукъ гетмана власть. Вѣроятно въ противовѣсъ, гетманъ также торопилъ правительство съ созывомъ «Державнаго сейма», чтобы закончить выборную кампанію до нѣмецкаго исхода... Сколько нибудь правильные выборы въ назначенные сроки были абсолютно невозможны, но къ прибытію — казавшемуся несомнѣннымъ — войскъ Согласія «голосъ народа» долженъ былъ сказать рѣшительное слово. При этомъ всѣ три группы (нѣмцы, гетманское прав-ство и У.Н.С.) по разнымъ побужденіямъ сходились въ одномъ — въ стремленіи «утвердить самостоятельность Украинской державы».

Международное положеніе Украины было не менѣе шаткимъ; перемѣна внѣшнихъ декорацій требовала поэтому исключительной осторожности.

2 окт. украинскій посолъ въ Берлинѣ бар. Штейнгель телеграфировалъ въ Кіевъ: положеніе безнадежно и «повелительно диктуетъ намъ необходимость войти въ сношеніе съ Согласіемъ, которое одно въ состояніи обезпечить державѣ ея интересы. Имѣю точныя свѣдѣнія, что Согласіе не встрѣтитъ препятствій для оккупаціи Украины, если объ этомъ просить».

Сообразно съ двойственнымъ притяженіемъ міровыхъ центровъ, и внѣшняя политика Украины пошла по расходящимся дорогамъ. Мин. ин. дѣлъ Дорошенко, не терявшій еще надежды на Германію, отправился въ Берлинъ, съ цѣлью добиться содѣйствія ея въ вопросѣ «допущенія представителей самостоятельной Украины на мирный конгрессъ». Туда же отправился товарищъ предсѣдателя У.Н.С. Никовскій... Гетманъ въ грамотѣ своей отъ 17 окт. «стоялъ на почвѣ независимости Украинской державы и на ея строжайшемъ дружественномъ нейтралитетѣ», выражалъ надежду, что и державы Согласія «признаютъ нашъ государственный суверенитетъ». Лизогубъ позволилъ себѣ даже нѣкоторую угрозу по адресу Согласія[1]): «украинское правительство заявляетъ, что оно будетъ всячески бороться со всѣми проявленіями извнѣ, которыя были бы направлены къ нарушенію нейтралитета Украины». Но въ то же время, съ согласія германскаго командованія, готовились уже посольства въ Парижъ (Н. М. Могилянскій), въ Америку (Коростовецъ) и въ Яссы (ген. Дашкевичъ-Горбатскій)[2]). Насколько сильны были тогда еще (конецъ октября) въ правительствѣ германофильскія теченія и иллюзорныя надежды на силу германскихъ штыковъ, можно видѣть изъ письма Н. М. Могилянскаго къ замѣстителю мин. ин. дѣлъ Палтову. Могилянскій просилъ «отложить отъѣздъ миссіи minimum на двѣ недѣли» — «къ этому времени, быть можетъ, выяснится международная конъюнктура...» Могилянскій опредѣлялъ и «свой идейный багажъ», какъ «глубокаго сторонника нѣмецкой общественности, солидарности и культуры». «Наибольшей угрозой будущему — писалъ онъ — я считаю «большевизмъ» Вильсона и зарывающихся въ упоеніи момента французовъ... Экономическій союзъ съ Англіей и Франціей считаю фантазіей... Наше будущее, какъ Украины, такъ и Россіи, въ добросовѣстныхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ Германіей — это опредѣлено географіей, исторіей и здравымъ смысломъ»[3]).

Быстро развивавшееся наступленіе союзниковъ на Балканахъ заставило правительство спѣшно командировать въ Яссы Коростовца, который, «не претендуя на признаніе Согласіемъ Украины», вступилъ въ дѣловыя сношенія съ его представителемъ въ лицѣ французскаго посланника, гр. Сентъ-Олера. Въ предъявленной послѣднему вербальной нотѣ[4]) правительство Украины, высказывая опасеніе, что военныя дѣйствія могутъ быть перенесены на ея территорію, просило избавить отъ этого новаго несчатья пострадавшее и безъ того населеніе; завѣряло державы Согласія въ своемъ строгомъ нейтралитетѣ и готовности «принять съ большимъ удовлетвореніемъ всякое предложеніе сотрудничества въ цѣляхъ сохраненія порядка и безопасности въ странѣ». Сентъ-Олеръ, не отказываясь отъ «частныхъ сношеній», отвѣтилъ, что «отношеніе державъ Согласія къ Украинѣ будетъ зависѣть отъ той помощи, которую украинское правительство окажетъ имъ (союзникамъ) въ возстановленіи порядка въ Россіи»...

* * *

Мирное предложеніе Германіи всколыхнуло, конечно, и общественную жизнь на Украинѣ, и въ особенности въ Кіевѣ. Оно вызвало громадный подъемъ въ политическихъ организаціяхъ и во многихъ произвело полный переворотъ «оріентацій» и тактики.

---

[1]) Бесѣда съ представителями печати, оглашенная въ газетахъ 16 октября.

[2]) Первый — товарищъ державнаго секретаря; второй — бывш. русскій посланникъ въ Китаѣ; третій — бывш. начальникъ штаба гетмана.

[3]) (Письмо отъ 24 октября 1918 г.). Это письмо небезынтересно сопоставить со статьей Н. М. Могилянскаго въ «Архивѣ Русск. Рев.» (т. XI, 1923 г.), въ которой онъ описываетъ «нашествіе иноплеменниковъ», политику хищной эксплоатаціи Украины и разложенія Россіи нѣмцами, свое предвидѣніе «близкаго и конечнаго разгрома нѣмцевъ», наконецъ, свое въ то время «глубокое одиночество» среди политическихъ дѣятелей Украины, сохранившихъ «иллюзорное сознаніе обезпеченнаго спокойствія за нѣмецкими штыками».

[4]) Отъ 2 ноября н. ст., 1918 г.

Прежде всего измѣнилось отношеніе къ существу гетманской власти тѣхъ группъ, которыя были ея опорой. «Союзъ хлѣборобовъ» на всѣхъ съѣздахъ — уѣздныхъ, губернскихъ, въ главномъ Совѣтѣ — спѣшилъ отречься отъ украинской самостійности. 1 октября гетмана посѣтила делегація Союза[1]), которая внушала гетману идеи о временномъ характерѣ самостійности Украины, о необходимости равноправія русскаго языка съ украинскимъ, недопустимости соціалистическаго правительства и — главное — объ единствѣ Россіи. Гетманъ бранилъ нѣмцевъ, со всѣмъ соглашался, призывалъ къ терпѣнію. На 1 ноября н. ст. въ Кіевѣ былъ назначенъ всеукраинскій съѣздъ хлѣборобовъ, но правительство — знаменіе времени — препятствовало созыву той организаціи, которая была воспріемницей рожденнаго нѣмцами гетманства... Только послѣ завѣренія руководителей съѣзда, что вопросъ объ единой Россіи подыматься не будетъ, засѣданія его были разрѣшены. Въ отношеніи соціальномъ съѣздъ раскололся, по существу распался, на почвѣ непримиримаго отношенія помѣщиковъ къ вопросу объ отчужденіи земель, невзирая на то, что крестьянство ставило требованія болѣе чѣмъ умѣренныя: сохраненіе частной собственности и выкупъ части помѣщичьей земли. Въ отношеніи политическомъ, хотя и косвеннымъ путемъ, съѣздъ проявилъ полное единодушіе: онъ горячо привѣтствовалъ гетмана, посѣтившаго засѣданіе, и въ тотъ же день еще болѣе бурными оваціями встрѣтилъ рѣчь Пуришкевича объ... единой Россіи.

Кіевскій «Протофисъ», съ его «интернаціонализмомъ», германофильствомъ и неизмѣнной поддержкой гетманской политики, потерявъ почву подъ ногами, переживалъ періодъ растерянности. Онъ присоединился официально къ позиціи Союза хлѣборобовъ, искалъ сближенія съ Національнымъ центромъ; дружилъ съ гетманомъ и будировалъ въ отношеніи соціалистическаго правительства; поддерживалъ близкія отношенія съ нѣмецкимъ штабомъ, въ надеждѣ, что не все еще потеряно, и дѣлалъ уже неудачныя попытки военныхъ формированій для защиты Кіева и Украины.

Такъ или иначе, гетманъ могъ убѣдиться въ лояльномъ отношеніи къ нему лично Союза хлѣборобовъ, «Протофиса», но ни на какую поддержку съ ихъ стороны ни самостійности, ни своему правительству разсчитывать болѣе не могъ. Одно еще сближало ихъ—это стремленіе сохранить германскую оккупацію. Въ серединѣ октября, послѣ переговоровъ съ германскимъ командованіемъ, веденныхъ профессоромъ Пиленко, отъ имени Союза и Протофиса послана была телеграмма Вильсону съ просьбой оставить германскія войска на Украинѣ. Это обстоятельство вызвало большое возмущеніе въ широкихъ кругахъ россійской общественности и еще болѣе уронило въ ихъ глазахъ престижъ обѣихъ организацій. Точно также выбита была временно изъ колеи дѣятельность «Монархическаго блока» и союза «Наша Родина», связанныхъ съ организаціей «Южной», «Астраханской» и «Сѣверной» армій: съ перемѣной германскаго правительства и новымъ курсомъ въ украинскомъ вопросѣ («націонализація и демократизація»), нѣмцы прекратили всякій денежный отпускъ и поддержку этихъ организацій. Первыя двѣ арміи, за полной невозможностью дальнѣйшаго самостоятельнаго существованія, перешли на иждивеніе Дона.

Монархическій блокъ сохранялъ близкое общеніе съ гетманомъ и находился въ контактѣ съ Красновымъ. Въ виду полной неудачи, постигшей правыхъ въ Кіевѣ, Замысловскій былъ отправленъ въ Ростовъ, гдѣ къ началу ноября онъ собиралъ монархическій съѣздъ, стараясь привлечь на него «представителей Добровольческой и Кубанской армій». Тамъ долженъ былъ образоваться «единый фронтъ», имѣющій лозунгомъ «великую, единую и недѣлимую Россію, на основѣ законопреемственной монархіи». Что касается ориентаціи, «то этотъ вопросъ — по словамъ Замысловскаго[2]) — при революціи, вспыхнувшей въ Германіи, должно

[1]) Графъ Гейденъ, Ненарокомовъ, Дуссанъ и другъ.
[2]) Изъ письма Замысловскаго къ генералу Лукомскому отъ 5 ноября.

признать утратившимъ свою остроту, ибо ориентироваться на государство, находящееся въ состояніи революціи, явно невозможно».

* * *

Кіевъ въ это время, осенью 1918 г., продолжалъ вбирать въ себя всю соль россійской буржуазіи и интеллигенціи. Сюда постепенно перекочевывали изъ Москвы и отдѣльные дѣятели, и цѣлыя организаціи. Здѣсь происходили сложеніе и дифференціація силъ, паденіе однихъ и нарожденіе другихъ группировокъ, которыя затѣмъ, перенеся свою дѣятельность на Югъ Россіи, играли извѣстную роль въ его судьбахъ.

«Совѣщаніе членовъ законодательныхъ палатъ», не разрывая окончательно съ германскими кругами, съ которыми велъ переговоры въ Берлинѣ посолъ Совѣщанія бар. Розенъ на тему объ «естественномъ союзѣ монархической Германіи и монархической Россіи противъ гегемоніи Англіи», рѣшило командировать своего представителя и къ союзникамъ, съ «выраженіемъ восторга по поводу близкаго окончанія войны... безпримѣрными подвигами героическихъ народовъ», и за помощью, которая должна была выразиться: «1. въ быстрой реальной поддержкѣ Добровольческой Арміи, 2. въ занятіи обѣихъ столицъ хорошо дисциплинированными и дружественно къ Россіи настроенными войсками, 3. въ сохраненіи въ оккупированныхъ Германіей областяхъ ея гарнизоновъ до замѣны таковыхъ союзническими или имѣющими быть образованными русскими». Изъ письма виднаго участника совѣщанія бар. В. Меллеръ-Закомельскаго я узналъ неожиданно, что «Совѣщаніе никогда не видѣло путей спасенія Россіи внѣ тѣсной связи съ союзниками»[1]).

Совѣщаніе значительно увеличилось численно поступленіемъ новыхъ членовъ — бѣженцевъ изъ совѣтской Россіи — и сильно клонилось вправо. Среди крайнихъ элементовъ парастало неудовольствіе по поводу присутствія въ составѣ «бюро» совѣщанія Милюкова, и шла сильная агитація за его устраненіе, не увѣнчавшаяся, однако, успѣхомъ: 3 октября въ собраніи членовъ законодательныхъ палатъ состоялось переизбраніе «бюро», составъ котораго остался прежнимъ, но пополненъ тремя членами изъ числа лидеровъ правыхъ[2]).

По мысли Милюкова — война была окончена, вопросъ ориентаціи отпалъ и не было поэтому болѣе препятствій къ объединенію широкаго фронта русской общественности. На томъ же засѣданіи 3 октября было одобрено составленное Милюковымъ обращеніе къ русскому обществу, въ которомъ указывалось на необходимость «скорѣйшаго созданія авторитетнаго общероссійскаго представительства, которое могло бы встать на мѣсто совѣтской власти». Главнѣйшими основами сведенія воедино разрозненныхъ усилій возрожденія Россіи ставилось: 1. «признаніе за Россіей того территоріальнаго состава и той независимости въ международныхъ отношеніяхъ, которые Россія имѣла до временной потери своей государственности»; 2. взаимное общеніе военныхъ организацій и мѣстныхъ правительствъ; «отказъ отъ преслѣдованія отдѣльными частями какихъ либо частныхъ или мѣстныхъ интересовъ» и, вмѣстѣ съ тѣмъ, «отказъ вновь образуемаго цѣлаго отъ вмѣшательства въ мѣстные интересы и въ дѣятельность мѣстной власти, неоправдываемаго интересами объединенія...» Нормальнымъ государственнымъ строемъ для будущаго обращеніе считало — конституціонно-монархическій.

Этими теоретическими предпосылками, далекими отъ вожделѣній не только южныхъ и западныхъ лимитрофовъ, но и казачьихъ областей, собраніе заранѣе ограничивало возможность широкаго въ территоріальномъ смыслѣ объединенія.

Совѣтъ законодательныхъ палатъ приступилъ къ созданію «широкаго общественнаго фронта», который на дѣлѣ оказался весьма узкимъ, включивъ по преи-

---

[1]) Письмо бар. В. Меллеръ-Закомельскаго отъ 31 октября 1918 г. и приложенный къ нему «проектъ» телеграммы на имя россійскаго посла въ Парижѣ Маклакова.

[2]) Вл. Гурко, Безакъ, Крыжановскій.

муществу правое крыло русской общественности, сановную бюрократію, крупныхъ аграріевъ и крупную буржуазію — элементы глубоко консервативные по своему прошлому, традиціямъ и идеологіи[1]). Для приданія реальнаго значенія и силы новому органу объединенія, Совѣтъ рѣшилъ сдѣлать попытку подчинить своему политическому руководству Добровольческую Армію. Съ этой цѣлью въ Екатеринодаръ въ серединѣ октября были командированы г. г. Вл. Гурко и Шебеко. Въ запискѣ, врученной ими отъ лица Совѣта, мысль о значеніи объединеннаго органа (власти?) была выражена слѣдующимъ образомъ:

> «Этотъ политическій органъ, состоящій въ тѣсномъ общеніи съ Добровольческой Арміей и притомъ могущій всесторонне, а потому правильно освѣтить предположенія и настроенія руководящихъ круговъ населенія страны и обладающій тѣмъ самымъ должнымъ авторитетомъ, явился бы не только мощнымъ сотрудникомъ Добровольческой Арміи въ дѣлѣ возсозданія единой государственной власти въ Россіи, но представлялъ бы и для другихъ культурныхъ государствъ тотъ голосъ страны, съ которымъ бы они считались и глашатаевъ котораго неминуемо бы допустили на мирный конгрессъ».

Я былъ въ то время на фронтѣ, руководя Ставропольской операціей, и послы Совѣта имѣли бесѣду съ ген. Лукомскимъ, который въ своемъ докладѣ настоятельно совѣтовалъ мнѣ «опереться» на создаваемое объединеніе, высказывая опасеніе, что иначе «мы можемъ остаться въ одиночествѣ». Не раздѣляя этихъ опасеній, я отвѣтилъ ему:

> «Добровольческая Армія отнюдь не можетъ стать орудіемъ политической партіи — особливо съ шаткой оріентаціей. Строить «Южное объединеніе» и бросить его на полпути, чтобы начать новую комбинацію, нельзя. То, что предлагаютъ они, было предложено Родзянко еще въ Мечеткѣ, строилось ими въ Кіевѣ, но неудачно. Противополагать сейчасъ эту комбинацію всѣмъ другимъ — не цѣлесообразно. Вооруженная сила никогда не «останется въ одиночествѣ». Ее всегда пожелаютъ!.. Во всякомъ случаѣ, до рѣшенія вопроса объ «Южномъ объединеніи» нельзя разрѣшать вопросъ о новой комбинаціи, которая можетъ только затруднить соглашенія.
>
> Если же эта комбинація возникнетъ сама собой безъ нашего участія; если она дѣйствительно будетъ имѣть нравственный авторитетъ въ странѣ и поддержитъ идеи и цѣли, преслѣдуемыя Добровольческой Арміей, то тѣмъ лучше для всѣхъ насъ и паче всего для Россіи».

Въ то же время государственные и общественные дѣятели, собравшіеся къ тому времени въ Екатеринодарѣ[2]), откликнулись на предложеніе образованія «Государственнаго объединенія» особой запиской, въ которой обусловили цѣлесообразность его тремя положеніями: 1. избрать мѣстомъ пребыванія организаціи пунктъ, находящійся внѣ воздѣйствія германскихъ силъ; 2. признать Добровольческую Армію «Всероссійскимъ государственнымъ центромъ»; 3. повести борьбу съ самостійностью Украины. Въ вопросѣ о «расширеніи фронта» организаціи мнѣнія раздѣлились меньшинство[3]) высказало пожеланіе привлечь въ него демократическіе круги и тѣ соціалистическіе, которые группируются вокругъ «Союза Возрожденія Россіи» и «Земско-городского объединенія», тогда какъ остальные участники совѣщанія считали привлеченіе этихъ группъ «неосуществимымъ и нецѣлесообразнымъ, ввиду того глубокаго различія во взглядахъ между ними и тѣми слоями населенія, изъ представителей коихъ образуется предположенный совѣтъ»; возможно — говорили они — привлеченіе лишь тѣхъ демократическихъ круговъ, которые «отстаиваютъ современный соціальный строй всѣхъ культурныхъ странъ и отвергаютъ принципъ борьбы классовъ... Соглашеніе съ организаціями соціалисти-

---

[1]) Въ составѣ Государственнаго объединенія были представители: 1) бюро совѣщаній законодательныхъ палатъ; 2) церковнаго собора; 3) группы сенаторовъ; 4) группы земскихъ и городскихъ дѣятелей до-революціоннаго состава; 5) группы торгово-промышленниковъ; 6) финансово-банковская группа; и 7) совѣтъ земельныхъ собственниковъ.

[2]) Н. И. Астровъ, М. М. Винаверъ, Н. Н. Львовъ, А. Н. Нератовъ, В. А. Степановъ, С. Д. Сазоновъ и В. В. Шульгинъ.

[3]) Первые два участника.

ческихъ партій быть можетъ и возможно и даже желательно, но исключительно лишь въ дѣлѣ общей борьбы съ большевизмомъ»[1]).

Къ концу октября образовался окончательно въ Кіевѣ «Совѣтъ государственнаго объединенія», во главѣ котораго сталъ бар. В. Меллеръ-Закомельскій; товарищами его были намѣчены А. В. Кривошеинъ, П. Н. Милюковъ и С. Н. Третьяковъ. Сообщая мнѣ 31 октября о созданіи и задачахъ новой организаціи, предсѣдатель ея писалъ:

«Приступая нынѣ къ своей работѣ, Совѣтъ государственнаго объединенія Россіи поручилъ мнѣ сообщить В. Прев—ству, что онъ предоставляетъ всѣ силы, знанія и опытъ объединившихся въ немъ лицъ въ распоряженіе Добровольческой Арміи и будетъ всемѣрно счастливъ, если онъ хоть въ небольшой долѣ сможетъ облегчить Арміи ея великій ратный подвигъ и ея славное служеніе нашему общему дѣлу возсозданія великой, единой и недѣлимой Россіи...»

Я отвѣтилъ благодарностью и пожеланіемъ успѣха и сообщилъ, что «не премину использовать живыя силы и государственный опытъ» членовъ Совѣта и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высказалъ пожеланіе, чтобы «кругъ политическихъ и общественныхъ группъ, обществъ и учрежденій, примкнувшихъ къ Совѣту, былъ расширенъ, дабы Добровольческая Армія могла опираться на возможно широкій, безпартійный блокъ всѣхъ государственно-мыслящихъ слоевъ русской общественности»[2]).

Въ отношеніи гетмана Совѣтъ Г. О. сохранилъ полную лойяльность, находился съ нимъ въ частомъ общеніи и старался также вліять на направленіе его политики, но безуспѣшно.

* * *

Наряду съ «Совѣщ. чл. закон. палатъ» и «Гос. об.», являвшимися прямыми наслѣдниками покойнаго «Праваго центра», проявлялъ оживленную дѣятельность «Кіевскій національный центръ», по идеологіи и задачамъ представлявшій какъ бы областной отдѣлъ центра Московскаго или «Всероссійскаго». Къ концу октября въ Кіевъ изъ Москвы прибыла группа московской организаціи — М. М. Федоровъ, проф. Новгородцевъ, Волковъ, Салазкинъ и друг. и, такимъ образомъ, установилось непосредственное общеніе между обоими центрами.

«Н. Ц.» опредѣлилъ свое лицо, какъ «общественно-политической организаціи, въ составъ которой входятъ представители всѣхъ несоціалистическихъ политическихъ партій, кромѣ крайнихъ правыхъ, всѣхъ общественныхъ группъ и проч., при условіи признанія ими необходимости возстановленія единой и недѣлимой Россіи, борьбы съ большевизмомъ, антинѣмецкой оріентаціи и вѣрности союзникамъ»[3]). Сохраняя московскія традиціи, кіевскій Н. Ц. находился въ «полномъ контактѣ» съ Союзомъ Возрожденія, перенесшимъ также центръ своей дѣятельности въ Кіевъ, и признавалъ «непріемлемымъ общеніе съ Совѣщаніемъ зак. палатъ, такъ какъ эта организація скомпрометировала себя соглашеніями съ нѣмцами». Такимъ образомъ, офиціально грань между двумя основными буржуазными группировками проходила какъ будто исключительно по «водораздѣлу» между Шпре и Сеной, тогда какъ фактически уже и въ то время ясно опредѣлилось ихъ крупное п о л и т и ч е с к о е расхожденіе, запутываемое еще больше такими видимыми несообразностями, какъ вхожденіе въ «Совѣщаніе» — Милюкова и содруженество съ «Центромъ» — Шульгина. Только въ екатеринодарскій періодъ, послѣ нѣкоторой дифференціаціи, эти два общественныхъ теченія проявятъ окончательно настоящее свое содержаніе, одно — консервативное, другое — либеральное.

---

[1]) Позиція «Нац. Центра».

[2]) Письмо отъ 26 ноября, № 834.

[3]) Изъ кіевскихъ организацій къ Нац. Центру примкнули: группа В. Шульгина (самъ Шульгинъ находился съ осени 1918 г. въ Екатеринодарѣ), Внѣпартійный блокъ русскихъ избирателей, Клубъ русскихъ націоналистовъ, Общество «Русь», оппозиціонное крыло кадетъ съ Ефимовскимъ и Левитскимъ и друг.

Кіевскій Н. Ц. ставилъ ближайшими своими задачами: 1) борьбу съ украинской самостійностью, 2) поддержку Добровольческой Арміи, какъ организующаго противобольшевицкаго россійскаго центра, и 3) освѣдомленіе союзниковъ «объ истинномъ положеніи дѣлъ на Украинѣ». Въ своемъ обращеніи «къ державамъ Согласія и руководителямъ Добровольческой Арміи»[1]), центръ развивалъ эти идеи: Украинскаго государства никогда не было: «украинцы» — не нація, а политическая партія, взрощенная Австро-Германіей; огромное большинство населенія Малороссіи считаетъ себя русскимъ народомъ... и свято неизмѣнно хранитъ вѣрность союзникамъ растерзанной Россіи; и Центральная Рада, и гетманское правительство совершенно оторваны отъ страны...» Въ заключеніе Центръ умолялъ союзниковъ и Добр. Армію «спасти Малороссію отъ ига и тиранiи германской оккупаціи», занявъ ее «одновременно съ уходомъ нѣмецкихъ и австрійскихъ войскъ Добр. Арміей и союзническими войсками... для спасенія края отъ украинско-большевицкой анархіи и рѣзни...»

Исходя изъ тѣхъ же взглядовъ, Н. Ц. велъ борьбу противъ созыва гетманомъ «Державнаго сейма», считая это «покушеніемъ на верховныя права русскаго народа», такъ какъ только «единая Россія въ цѣломъ можетъ рѣшить судьбу и опредѣлить объемъ правъ и обязанностей всѣхъ частей ея». Одновременно образована была смѣшанная комиссія изъ состава Московскаго («Всероссійскаго») и Кіевскаго центровъ, съ участіемъ представителей отъ Сов. гос. об., подъ предсѣдательствомъ проф. Новгородцева, для составленія проекта областной автономіи.

Къ гетману и украинскому правительству К. Н. Ц. относился съ величайшей враждебностью. Когда въ началѣ октября въ Кіевѣ распространились ложные слухи, что я веду переговоры о соглашеніи съ Украиной, этотъ вопросъ былъ поставленъ на совѣщаніи Центра, которое единогласно постановило: «съ измѣнникомъ Скоропадскимъ и съ возглавляемой имъ Украиной никакіе переговоры и соглашенія недопустимы; слухи и извѣстія о какихъ-то переговорахъ Добр. Арміи со Скоропадіей повергаютъ дѣятелей Н. Ц. въ уныніе и скорбь, ибо, если Добр. Армія признаетъ Скоропадскаго и Украину, то это поведетъ къ общему и окончательному признанію ихъ и утвержденію. Н. Ц. въ Кіевѣ рѣшилъ сосредоточить свои усилія исключительно на борьбѣ съ украинской самостійностью»[2]).

Такое же отношеніе было, конечно, къ Укр. нац. союзу. Назрѣвающая опасность переворота, подготовляемаго этимъ союзомъ во главѣ съ Винниченко и Петлюрой, была очевидна. Н. Ц. въ рядѣ своихъ засѣданій, обсуждая мѣры противодѣйствія, призналъ откровенно свое безсиліе и видѣлъ выходъ только въ прибытіи на Украину войскъ Добр. Арміи. Въ этомъ смыслѣ я получалъ оттуда постоянныя представленія. Также освѣщали вопросъ и сотрудники «Азбуки», и самъ Шульгинъ, который главную причину безпомощности Центра видѣлъ въ отсутствіи въ Кіевѣ лица, «способнаго властно и авторитетно руководить военными организаціями...» «Можетъ быть, — говорилъ онъ, — вооруженная сила и нашлась бы, если бы нашелся энергичный генералъ, снабженный отъ Добр. Арміи полной властью дѣйствовать по своему усмотрѣнію, въ зависимости отъ обстоятельствъ, и приказывать именемъ Добр. Арміи, обаяніе которой сейчасъ очень велико...». Шульгинъ считалъ негласнаго представителя нашего въ Кіевѣ ген. Ломновскаго[3]) не подходящимъ для этой роли и настаивалъ на назначеніи новаго лица, которое черезъ Н. Ц. «въ кратчайшій срокъ подчинитъ себѣ все, тяготѣющее къ Добр. Арміи» («Особый корпусъ», «дружины» и т. п.). То же рекомендовалось въ отношеніи Крыма[4]).

---

[1]) Резолюція «Центра» отъ 17 (30) октября 1918 г.

[2]) Вообще связь Кіева съ Екатеринодаромъ была затруднительна, чѣмъ объясняются частыя недоразумѣнія и несогласованность дѣйствій и въ военныхъ, и въ общественныхъ организаціяхъ.

[3]) Ген. Ломновскій былъ въ началѣ войны ген.-кварт. въ 8 арміи ген. Брусилова, потомъ доблестно командовалъ 15 див. 8 корпуса и 10 арміей.

[4]) Письмо отъ 28 октября генералу Драгомирову.

Подобныхъ обращеній ко мнѣ, и помимо этихъ организацій, было не мало — со стороны общественныхъ дѣятелей и просто обывателей, въ глазахъ которыхъ Украина Винниченки отличалась мало отъ Украины совѣтской. Меня настойчиво втягивали въ украинскій водоворотъ, тогда какъ я считалъ, что задача эта для Добр. Арміи совершенно непосильна. Въ томъ необыкновенно сложномъ военно-политическомъ положеніи, въ которомъ находилась Украина, одного престижа Д. А. было на мой взглядъ совершенно недостаточно. Необходима была крупная вооруженная сила, которая могла бы поддержать или свергнуть гетманскую власть, раздѣлаться съ движеніемъ, поднятымъ У. Н. С., и, главное, прикрыть сѣверные рубежи Украины отъ готовящагося вторженія «Повстанческой» красной арміи Антонова-Овсѣенко. Это могъ бы сдѣлать народный подъемъ, но его не было. Это могли выполнить легко союзники, но они не приходили. Что касается Добровольческой Арміи, то къ концу октября всѣ рѣшительно ея силы — 30—40 тыс. — были собраны на поляхъ Ставрополя, гдѣ въ жестокихъ бояхъ рѣшались судьбы кампаніи и самой Арміи...[1]).

Посылать на Украину было некого.

* * *

Наконецъ, въ Кіевѣ проявляла оживленную дѣятельность третья крупная организація «Союзъ возрожденія Россіи», стоявшій какъ-то въ сторонѣ отъ другихъ. Союзъ находился въ «контактѣ» съ Н. Ц. и въ плохомъ мирѣ съ партіями с. р. и с. д. м., не прощавшими ему сотрудничества съ буржуазными организаціями; поддерживалъ Д-А. «по стольку — по скольку» и рѣзко враждебно относился къ украинской самостійности, къ гетману и къ У. Н. С. Но методы дѣйствій Союза въ отношеніи послѣднихъ институцій были намѣчены болѣе рѣшительные. Освѣдомители Н. Ц. и «Азбуки», невзирая на «контактъ» съ Союз. Возрожд., не знали ничего о конспиративной дѣятельности его и только однажды въ очередномъ докладѣ промелькнули свѣдѣнія, что «въ случаѣ ухода нѣмцевъ и попытки украинцевъ усилиться (?), С. В. намѣренъ вклиниться и захватить власть по соглашенію съ Н. Ц.» Это намѣреніе звучало чрезвычайно странно, какъ въ силу «безкровно-мирнаго» настроенія руководителей С.В.Р., такъ и ввиду отсутствія тѣхъ активныхъ силъ, на которыя могъ бы опереться Союзъ. Только впослѣдствіи мы узнали отъ одного изъ руководителей[2]), что «группа радикальнаго офицерства въ Кіевѣ, опираясь на политическую поддержку лѣвыхъ организацій, рѣшила устроить переворотъ. Цѣлью его было сверженіе Скоропадскаго и передача власти кругамъ, группирующимся около Союза Возр., которые должны были координировать свою дѣятельность съ Уфимской директоріей...»

Тогдашній Кіевъ и Уфимская директорія! Нужно было обладать большой долей фантазіи, чтобы строить такія комбинаціи. Но С.В.Р. относился серьезно къ своей затѣѣ — настолько, что былъ даже намѣченъ составъ новаго правительства во главѣ съ Одинцомъ.

Станкевичъ, Одинецъ и другія лица вели какую то тайную организацію офицерскихъ дружинъ, вѣрнѣе, матеріально поддерживали возникавшія самостоятельно, на что тратились суммы изъ французской субсидіи. «Во мракѣ подполья и заговора — говоритъ Станкевичъ — политическіе контуры настолько терялись, что иногда послѣ долгаго разговора съ какимъ либо делегатомъ я вдругъ убѣждался, что передо мной стоитъ не мой единомышленникъ, а лѣвый с. р. или даже большевикъ»... Эти связующія нити Станкевичъ могъ бы легко обнаружить и въ другомъ направленіи — ведущія къ дружинѣ ген. Кирпичова[3]), полк. Винберга и даже къ союзу «Наша Родина». Ибо «радикальнаго офицерства» въ природѣ

---

[1]) Какъ извѣстно, только 7 ноября 1918 г. наступилъ полный переломъ въ нашу пользу, и только въ началѣ февраля окончилась Сѣверо-Кавказская операція.

[2]) В. Б. Станкевичъ. «Воспоминанія».

[3]) См. ниже.

не оказалось: были лишь отдѣльные офицеры — радикалы, соціалисты, даже большевики, были также люди, которымъ безразлично отъ кого получать деньги. Въ концѣ концовъ, вся военная мощь Союза покоилась въ большинствѣ случаевъ на тѣхъ самыхъ офицерскихъ дружинахъ, которыхъ гетманское правительство предназначало для защиты Украины отъ большевиковъ, Нац. Центръ — для противодѣйствія самостійной Украинѣ Винниченки — Петлюры, и Союзъ Возр. — для сверженія гетманской власти.

Когда настало время дѣйствовать, у Союза Воз. не оказалось никакихъ силъ.

* * *

19 сент., обсудивъ внѣшнее и внутреннее положеніе страны, украинскій совѣтъ министровъ призналъ, что «внезапно возникшія международныя событія угрожаютъ независимости, самостоятельности и самому существованію Украинской державы». И потому постановилъ «немедленно приступить къ формированію украинской національной гвардіи».

Формированіе вооруженной силы, на что получено было гетманомъ разрѣшеніе германскаго правительства еще въ бытность его въ Берлинѣ, представляло, однако, непреодолимыя трудности. Всеобщій наборъ, на которомъ настаивалъ воен. министръ Рагоза, не обѣщалъ никакого успѣха и, по мнѣнію гетманскихъ круговъ, могъ дать ярко большевицкій составъ. Формированіе классовой арміи — «вольнаго казачества» изъ добровольцевъ-хлѣборобовъ имѣло уже плачевный опытъ, въ видѣ почти разбѣжавшейся сердюцкой дивизіи. Составленный въ генеральн. штабѣ проектъ формированія національной гвардіи при сѣчевой дивизіи, съ ея инструкторами, готовилъ явно вооруженную силу не для гетмана, а для У.Н.Ц. и Петлюры... Вообще всѣ формированія на національномъ принципѣ встрѣчали рѣзкій, бурный протестъ въ россійскомъ офицерствѣ, которое отнюдь не желало драться ни за гетмана, ни за самостійную Украину.

Ввиду такихъ настроеній, въ началѣ октября гетманъ отдалъ приказъ о формированіи «Особаго корпуса», подчиненнаго непосредственно ему, минуя правительство. Корпусъ этотъ предназначался «для борьбы съ анархіей въ пограничной полосѣ»; во внутренней своей жизни онъ долженъ былъ руководствоваться «положеніемъ бывшей россійской арміи, дѣйствовавшимъ съ 1-го марта 1917 г.»; чинамъ корпуса присвоена была «форма бывшей россійской арміи». Одновременно объявлена была регистрація всѣхъ офицеровъ и предупрежденіе о предстоящей мобилизаціи офицеровъ и сверхсрочныхъ унтеръ-офицеровъ (до 35-лѣтняго возраста) по ихъ желанію въ украинскія войска или въ «Русскій корпусъ».

Первая комбинація — въ глазахъ офицерства — приводила къ утвержденію украинской самостійности внутри страны; вторая — къ немедленному выходу на фронтъ для защиты ея же отъ внѣшнихъ посягательствъ. И офицерство не пошло никуда. Идейное — по убѣжденію, безпринципное — по шкурничеству. Въ той и въ другой средѣ начался сильный отливъ изъ Украины — однихъ въ раіоны русскихъ добровольческихъ армій, другихъ — въ тѣ края, гдѣ еще не было принудительной мобилизаціи, гдѣ можно было жить покойно, служить въ ресторанахъ, зарабатывать «на лото» и спекулировать.

Ввиду полнаго провала правительственной организаціи и неудавшейся мобилизаціи, пришлось прибѣгнуть къ частной. По иниціативѣ «Протофиса», «хлѣборобовъ» и Кіевской городской думы, при дѣятельномъ участіи проф. Пиленко, гр. Гейдена и Дьякова, министръ внут. дѣлъ принялъ отвергнутое имъ ранѣе предложеніе — вступить въ соглашеніе съ существовавшими въ Кіевѣ офицерскими обществами самопомощи и дать имъ средства и полномочія для формированія «дружинъ»; эти части предназначались прежде всего для охраны спокойствія и порядка въ столицѣ. Такъ возникли дружины полк. Святополкъ-Мирскаго, ген. Кирпичова, Рубанова, Голембіовскаго и др.—частью чисто офицерскія, частью смѣшаннаго типа, съ добровольцами — преимущественно изъ учащейся молоде-

жи, которая вообще откликнулась на призывъ по разному: одни пошли въ офицерскія дружины, другіе искали «болѣе демократическихъ формированій», третьи — и ихъ было не мало — заявили, что предпочитаютъ совѣтскую власть украинскому самостійничеству, и выжидали развитія событій.

Численность офицерскихъ дружинъ была незначительна, врядъ ли превосходила 3—4 тыс.; организація далеко несовершенна: разбухшіе штабы, неизбѣжныя контръ-развѣдки и «отряды особаго назначенія» доминировали надъ «штыками». Расплодились также многочисленныя «вербовочныя бюро» съ громадными штатами, обширными реквизированными помѣщеніями и автомобилями. Каждое изъ нихъ формировало не менѣе, чѣмъ «армію», и имѣло въ наличности 100—150 бойцовъ.

Кромѣ этихъ организацій въ Кіевѣ существовало еще офицерское общество «Свивъ» [1]), стоявшее всецѣло на платформѣ Добр. Арміи и взявшее на себя на условіяхъ вольнаго найма охрану арсенала, артиллерійскихъ и интендантскихъ складовъ и полигоновъ.

Министерства военное и внутреннихъ дѣлъ конкурировали другъ съ другомъ, организуя вооруженныя силы, и оба не были твердо увѣрены, къ какую сторону повернуты будутъ ихъ штыки.

ГЛАВА XXI.

Украина: послѣдніе дни гетманства.

1 ноября я былъ пораженъ представленной мнѣ лентой телеграфнаго разговора: ген. Ломновскій изъ Кіева передавалъ начальнику моего штаба, ген. Романовскому:

> «Въ мѣстныхъ газетахъ объявленъ вашъ приказъ о подчиненіи всѣхъ войскъ на территоріи Россіи генералу Деникину и мобилизаціи всѣхъ офицеровъ [2]). Сейчасъ я былъ приглашенъ къ гетману, который просилъ передать: сегодня командиры дружинъ и мѣстныхъ полковъ являлись ему и доложили о своемъ переходѣ въ подчиненіе вамъ. Въ виду сложнаго и тревожнаго положенія въ Кіевѣ, осуществленіе этого можетъ вызвать неурядицы. Необходимо выждать нѣсколько дней до прихода сюда войскъ Согласія. Теперь здѣсь идутъ формированія дружинъ, и отливъ офицеровъ можетъ повредить дѣлу. Мы находимся въ области слуховъ, мало оріентированы».
>
> Ген. Романовскій: «Приказа такого главнокомандующій не издавалъ. Былъ приказъ о мобилизаціи офицеровъ только на территоріи, занятой Добровольческой Арміей. Само собой разумѣется, что войска на этой территоріи подчиняются главнокомандующему. Такимъ образомъ, приказъ, появившійся въ кіевскихъ газетахъ, результатъ какого-то недоразумѣнія».

Я до сихъ поръ не знаю автора этого приказа.

Черезъ два дня получена была телеграмма укр. мин. ин. дѣлъ Афанасьева по тому же поводу, въ которой онъ просилъ «разъяснить подлинный смыслъ («моего») приказа съ сохраненіемъ авторитета власти гетмана... во избѣжаніе разрушенія дисциплины въ Украинской арміи».

Положеніе мое было весьма затруднительнымъ. Нарождающаяся кіевская вооруженная сила рѣшительно отказывалась идти подъ знаменемъ гетмана самостійной Украины. Для поддержанія патріотическаго подъема офицерства и сохраненія края отъ вторженія большевиковъ до ожидаемаго прихода союзниковъ,

---

[1]) «Союзъ взаимопомощи интеллигентныхъ воиновъ».

[2]) Въ «Россіи» была перепечатана выдержка изъ этого приказа изъ «Голоса Кіева» (31 октября) въ такой редакціи: «Сего числа я вступилъ въ командованіе всѣми военными силами... Всѣ офицеры, находящіеся на территоріи бывшей (?) Россіи, объявляются мобилизованными». Въ томъ мѣстѣ, гдѣ многоточіе, по докладу «Азбуки», цензура выпустила фразу: «на Украинѣ и въ Крыму».

я рѣшилъ дать кіевскимъ формированіямъ флагъ Добровольческой Арміи. Поэтому я отвѣтилъ Афанасьеву: «Приказа въ редакціи, появившейся въ кіевскихъ газетахъ, я не отдавалъ. Генералу Ломновскому — представителю Д. А. въ Кіевѣ — приказано объединить управленіе всѣми русскими добровольческими отрядами Украины, причемъ ему вмѣняется въ обязанность всемѣрно согласовать свои дѣйствія съ интересами края, направляя всѣ силы къ борьбѣ съ большевиками и не вмѣшиваясь во внутреннія дѣла края...»[1]).

«Приказъ главнокомандующаго — сообщала «Азбука» — произвелъ потрясающее впечатлѣніе. Все моментально, какъ по щучьему велѣнію, словно картина въ кинематографѣ, перевернулось. Тысячи людей сразу осмѣлѣли. Съ другихъ тысячъ людей сразу отлетала украинская одурь, и они вновь почувствовали себя русскими людьми... За всѣмъ этимъ — за приказомъ вырисовывалась вся мощь поддержки союзниковъ и весь колоссальный престижъ ихъ... Всѣ помыслы огромнаго большинства Малороссіи устремились на встрѣчу союзникамъ и Добр. Арміи».

Если въ нарисованной картинѣ краски и сгущены, то нельзя отрицать, что весь этотъ эпизодъ далъ нѣкоторую опору и увѣренность русскимъ національнымъ элементамъ въ Кіевѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ послужилъ одною изъ причинъ дальнѣйшихъ серьезныхъ политическихъ событій.

* * *

29 октября Германія приняла тяжкія условія перемирія, продиктованныя побѣдителями, признавъ свое полное пораженіе.

26 октября французскій посланникъ въ Яссахъ гр. Сентъ-Олеръ высказалъ Коростовцу пожеланіе, чтобы гетманъ «чѣмъ нибудь проявилъ перемѣну германофильской политики и согласіе (свое) поддержать работу союзниковъ по возстановленію порядка въ Россіи».

1 ноября кіевскіе военные начальники заявили гетману, что войска ихъ выходятъ изъ его подчиненія, являясь поборниками обще-русскихъ интересовъ.

Эти событія произвели окончательный переворотъ въ гетманской политикѣ, результатомъ котораго была «грамота ко всѣмъ украинскимъ гражданамъ и казакамъ», опубликованная 2 ноября. Въ ней говорилось:

> « ... Послѣ пережитыхъ Россіей великихъ потрясеній, условія ея будущаго бытія должны несомнѣнно измѣниться. На иныхъ началахъ, на началахъ федеративныхъ должно быть возсоздано прежнее величіе и сила Всероссійской державы, и въ этой федераціи Украинѣ надлежитъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ.
>
> ... На этихъ началахъ, которыя — я вѣрю — раздѣляютъ и союзники Россіи — державы Согласія, которымъ и не могутъ не сочувствовать всѣ безъ исключенія остальные народы не только Европы, но и всего міра, должна быть построена будущая политика нашей Украины. Ей первой надлежитъ выступить въ дѣлѣ созданія всероссійской федераціи, конечной цѣлью которой явится какъ возстановленіе Великой Россіи, такъ и обезпеченіе экономическаго и культурнаго преуспѣванія всего украинскаго народа на прочныхъ основахъ національно-государственной самобытности.
>
> ... Вновь сформированному мною кабинету[2]) я поручаю ближайшее выполненіе этой великой, исторической задачи».

Объ этихъ событіяхъ гетманъ бесѣдовалъ на другой день послѣ опубликованія «грамоты» съ В. Маркозовымъ, явившимся за боевыми припасами для Добр. Арміи.

> «Въ грамотѣ я ясно высказалъ то, что давно хотѣлъ (высказать), но не могъ раньше — говорилъ гетманъ. — Вы знаете, что о н и — «щирые» — хотѣли меня на дняхъ арестовать, но я имъ сказалъ, что этого не стоитъ дѣлать, такъ какъ безпорядки отъ этого еще больше усилятся; они и оставили эту мысль. Вообще теперь очень тяжело. Я, собственно, не хотѣлъ еще перемѣны кабинета — хо-

[1]) Телеграмма 4 ноября 1918 г., № 446.

[2]) Министерство Гербеля изъ лицъ россійской оріентаціи или воспринявшихъ такую (Кистяковскій).

тѣлъ дождаться отвѣта отъ вел. кн. Николая Николаевича, но отвѣтъ задержался. А обстоятельства требовали на что-нибудь сейчасъ рѣшиться. Я ему писалъ [1]), что прошу и предлагаю принять верховное командованіе всѣми войсками бывшей Россіи и управленіе. И въ его лицѣ объединить всѣхъ насъ — генераловъ, а то мы только ссоримся. Когда онъ сдѣлается не только Верховнымъ главнокомандующимъ, но и Правителемъ, тогда я съ радостью немедленно передалъ бы ему всю власть. Къ полученію отвѣта хотѣлось пріурочить и новый кабинетъ» [2]).

Въ томъ же разговорѣ гетманъ съ горечью коснулся вопроса по поводу нежеланія моего «съ нимъ сообщаться»... Я рѣшительно не могъ, не могу и теперь стать на ту упрощенную точку зрѣнія, которая разительную противоположность идеологіи, стимуловъ и лозунговъ движенія претворяетъ въ «ссоры генераловъ». Гетманъ не желалъ понять, что между идеологіей «Единой, Великой и Недѣлимой Россіи» и той, которую до послѣднихъ дней исповѣдывалъ гласно онъ — гетманъ: «во всѣхъ взаимоотношеніяхъ, какъ съ нашими ближайшими сосѣдями, такъ и со всѣми другими міровыми государствами, мы стоимъ и будемъ стоять непоколебимо на почвѣ самостоятельной и независимой Украинской державы...» [3]). Что между этими идеологіями лежитъ непроходимая пропасть, черезъ которую не перекинуть мостика слухами, будто это — лишь политическая игра, обманъ, средство, чтобы сквозь узкую щель украинскаго шовинизма пролѣзть легче въ широкія ворота свободной россійской государственности.

До конца сентября гетманъ не дѣлалъ никакихъ шаговъ для сближенія. Только съ измѣненіемъ положенія центральныхъ державъ, 9 и 11 октября н. ст. гетманъ при посредствѣ своего адъютанта гр. Олсуфьева устроилъ встрѣчу съ представителемъ кіевскаго Добровольческаго центра, полк. Неймиркомъ [4]), причемъ увѣрялъ послѣдняго въ своей русской оріентаціи, въ необходимости личины самостійности, какъ «единственной оппозиціи большевизму», и въ расположеніи своемъ къ Добр. Арміи. Неймирокъ не получилъ никакихъ указаній отъ моего штаба и велъ бесѣду отъ себя лично. Въ началѣ октября въ Екатеринодаръ пріѣхалъ Шидловскій [5]) и отъ имени гетмана предложилъ помощь оружіемъ и снаряженіемъ на условіяхъ отказа моего отъ союзнической оріентаціи и признанія «нейтралитета» въ отношеніи Германіи... Наконецъ, 21 октября, послѣ свиданія своего съ гетманомъ на станц. Скороходово, атаманъ Красновъ писалъ ген. Лукомскому, что гетманъ «предполагаетъ на этихъ дняхъ обратиться къ Добр. Арміи, Дону и Кубани, если возможно — къ Тереку, Грузіи и Крыму... выслать депутатовъ на общій съѣздъ. Цѣль... выработка общаго плана борьбы съ большевиками и большевизмомъ въ Россіи».

Всѣ эти попытки гетмана самостоятельной и враждебной въ отношеніи Россіи Украины я считалъ безцѣльными. Но когда мин. ин. дѣлъ новаго украинскаго правительства Афанасьевъ въ телеграммѣ ко мнѣ (3 ноября) заявилъ, что «Украинскія силы въ согласіи съ Дономъ и параллельно съ Д. А. направляются на борьбу съ большевиками и на возстановленіе единства Россіи», я отвѣтилъ тотчасъ же: «Разъ Украина стала на путь русской государственности, представляется необходимымъ войти въ соглашеніе по вопросамъ единаго фронта, единаго командованія — для борьбы съ большевиками и единаго россійскаго представительства на международномъ конгрессѣ» [6]).

Въ серединѣ ноября отъ донского правительства получена была вторая телеграмма Афанасьева, повторяющая предложеніе гетмана о съѣздѣ въ Кіевѣ, причемъ цѣлью съѣзда ставилось: «установленіе общаго плана борьбы съ больше-

---

[1]) Или послалъ сказать — Маркозовъ точно не помнилъ.
[2]) Изъ письма В. Маркозова ген. Драгомирову отъ 18 ноября н. ст.
[3]) Изъ рѣчи, сказанной министрамъ 23 октября, т. е. за недѣлю до «грамоты» о федераціи съ Россіей.
[4]) См. т. III, гл. V.
[5]) Бывш. членъ Госуд. Совѣта, харьковскій губерніальный староста.
[6]) Телеграмма 4 ноября 1918 г., № 446.

визмомъ... разрѣшеніе вопросовъ, касающихся... отношеній къ нейтральнымъ странамъ, къ державамъ Согласія, къ Германіи и бывшимъ ея союзникамъ и установленіе прочной государственной власти въ Россіи». Ген. Драгомировъ послалъ отвѣтъ о нашемъ согласіи участвовать въ съѣздѣ, но съ указаніемъ 1. что ввиду военной обстановки (къ Кіеву подступалъ Петлюра), какъ мѣсто съѣзда предпочтительнѣе Екатеринодаръ или Симферополь; 2. что Д. А. не имѣетъ никакихъ основаній пересматривать свои отношенія къ союзникамъ; и 3. что участіе грузинскаго правительства, враждебнаго къ Россіи и къ Добр. Арміи, недопустимо.

Эта телеграмма въ Кіевѣ не была еще очевидно получена, когда Афанасьевъ разослалъ третью — съ указаніемъ срока съѣзда на 5 декабря.

На этомъ наши сношенія пресѣклись, такъ какъ одновременно радіо принесло извѣстіе, что гетманъ отрекся отъ власти, и бѣлый Кіевъ агонизируетъ.

* * *

Послѣдніе акты гетмана, знаменуя полный разрывъ съ У.Н.С.[1]), имѣли весьма важныя послѣдствія.

2 ноября въ Кіевѣ по городу было расклеено воззваніе, призывавшее «громадян до зброї и до порядку» и объявлявшее о сверженіи гетмана, который «останнім зрадницкім актом скасував самостійность Украиньскої Держави». Отъ имени «организованної украиньскої демократії, вид всього активного народнього громадянства, яке обрало нас» — было оповѣщено о переходѣ власти въ руки «Директорії Самостійної Украиньскої Народної Республікі» съ «головою» Винниченко и членами Петлюрой, Швецомъ и Андреевскимъ. Въ воззваніи предлагалось гетману и его министрамъ уйти «негайно, без пролитія крови», а офицерскимъ организаціямъ сдать оружіе и выѣхать «куды хто охоча». Въ воззваніи выражена была также увѣренность, что «солдати германського визволенного народу поставляться до боротьбы пригніченного украинського народу».

Директорія переѣхала тайно изъ Кіева въ Бѣлую Церковь, гдѣ находились галиційскія сѣчевыя части, собранныя тамъ для борьбы съ Польшей. Петлюра, посаженный въ свое время въ тюрьму Кистяковскимъ и выпущенный незадолго передъ тѣмъ «національнымъ» правительствомъ, принялъ званіе «головного отамана»; на лѣвобережной Украинѣ «главнокомандующимъ» войсками директорін сталъ Болбочанъ. Въ ночь на 5 ноября полкъ Болбочана арестовалъ въ Харьковѣ штабъ Украинскаго корпуса, обезоружилъ офицерскія дружины и при полномъ попустительствѣ нѣмецкихъ войскъ объявилъ тамъ власть Директорін.

Силы возставшихъ были не велики: два полка сѣчевыхъ стрѣльцовъ, остатки дивизіи сѣрожупанниковъ (б. нашихъ плѣнныхъ) и гайдамацкихъ кошей, нѣкоторыя измѣнившія части гетманскихъ войскъ (б. дивиз. Натіева), формируемыя наскоро крестьянскія банды — всего вначалѣ не болѣе четырехъ-пяти тысячъ. Не ожидая накопленія и сосредоточенія своихъ силъ, съ имѣющимися подъ рукой отрядами, Болбочанъ изъ Харькова двинулся на Полтаву, которую и занялъ 14-го, а Петлюра изъ Бѣлой Церкви черезъ Фастовъ — къ стольному Кіеву.

Навстрѣчу ему двинуты были изъ Кіева нѣсколько ротъ дружины Святополкъ-Мирскаго и сердюцкой дивизіи, которыя между станц. Мотовиловкой и Васильковъ были разбиты и отошли къ Жулянамъ, въ 10 верстахъ отъ Кіева. Здѣсь, получивъ подкрѣпленіе изъ состава другихъ дружинъ, они заняли оборонительную позицію. Петлюровскія войска, продвинувшись къ Бояркѣ, также пріостановились, очевидно ввиду недоразумѣній съ германскими войсками: захватъ Фастовскаго узла прекратилъ совершенно эвакуацію нѣмецкихъ эшелоновъ, и въ тылу у петлюровцевъ на этой почвѣ начались вооруженныя столкновенія съ нѣмцами.

---

[1]) Впрочемъ, по свѣдѣніямъ Кіевскаго Нац. Центра, гетманъ не бросалъ попытокъ примиренія съ У. Н. С. до самаго своего паденія.

Противники стояли другъ противъ друга — оба съ ничтожными силами, и оба неувѣренные въ своемъ успѣхѣ.

Германское правительство явно покровительствовало директоріи, хотя и объявило официально о своемъ нейтралитетѣ. «Мы сохраняемъ нейтральное положеніе — говорилъ приказъ нѣм. главнокомандующаго отъ 3 ноября — по отношенію къ внутреннимъ политическимъ событіямъ на Украинѣ; однако, спокойствіе и порядокъ въ странѣ неизбѣжно должны быть нами поддерживаемы силою оружія, дабы не было препятствія къ вывозу нашихъ войскъ. Надлежитъ особенно твердо сохранять за собой обладаніе путями сообщенія». Въ этомъ духѣ кіевская гл. квартира старалась повліять на солдатскіе совѣты, чтобы побудить войска къ оказанію сопротивленія. 14 ноября ей удалось двинуть противъ петлюровцевъ изъ состава кіевскаго гарнизона 3 батальона съ артиллеріей къ Фастову. Нѣмцы легко опрокинули передовыя части петлюровцевъ у С. Бѣлгородки, но вслѣдъ за симъ на другой день представители штаба и солдатскаго совѣта заключили съ ними перемиріе. По договору, подписанному 19 ноября, петлюровцы предоставляли безпрепятственно пользованіе жел. дорогами нѣмцамъ и, кромѣ того, обязались: «Войска Директоріи, впредь до прибытія представителей Антанты на Украину и впредь до заявленія объ отказѣ отъ этого соглашенія, прекращаютъ всякія оперативныя дѣйствія въ мѣстностяхъ, еще не занятыхъ ими ко времени вступленія въ силу настоящаго договора, главнымъ образомъ пріостанавливаютъ дальнѣйшее продвиженіе къ Кіеву».

Это постановленіе было обосновано отчасти и на рѣшительныхъ требованіяхъ Энно, вновь назначеннаго въ Кіевъ французскаго консула «съ особыми полномочіями». Энно изъ Яссъ прибылъ въ Одессу и оттуда, начиная съ 7 ноября обращался къ Кіевскому германскому штабу и гетманскому правительству съ рядомъ телеграммъ отъ имени Согласія[1]). Въ нихъ сообщалось во всеобщее свѣдѣніе: 1. «Державы Согласія признаютъ существующее сейчасъ украинское правительство, возглавляемое гетманомъ»[2]); 2. «Рѣшеніе всѣхъ спорныхъ политическихъ и соціальныхъ вопросовъ, въ особенности вопросъ о самоопредѣленіи національностей, будетъ детально разсмотрѣно послѣ того, какъ военныя силы державъ Согласія и ихъ политическіе представители прибудутъ въ Кіевъ»; 3. «всякое покушеніе противъ существующей власти будетъ строго подавлено»; 4. «Нѣмцы обязуются поддерживать и возстановить порядокъ въ Кіевѣ и во всемъ краѣ — до прихода союзниковъ»; 5. «Державы Согласія ни въ какомъ случаѣ не допустятъ вступленія войскъ Петлюры въ Кіевъ...»

Между тѣмъ, во всей Украинѣ развивалось съ необыкновенной быстротой движеніе — революціонное въ отношеніи гетманской власти, которую не хотѣлъ защищать никто, и безформенное въ своихъ политическихъ контурахъ: У.Н.С. шелъ съ молчаливаго согласія Москвы и при дружественномъ нейтралитетѣ германскаго командованія за самостійность Украины — противъ гетмана; крестьянство подымалось за обѣщанную директоріей «землю» — противъ помѣщиковъ и нѣмцевъ; сельская бѣднота («незаможні») и городской пролетаріатъ — противъ «буржуевъ» вообще, за совѣтскую власть; деревня шла на городъ съ цѣлью поживы... Наряду съ остатками гетманскаго «уряду» и органами, насаждавшимися петлюровскими отаманами, возникали, поэтому, повсемѣстно революціонные комитеты и совдепы, а мѣстами и новыя формы самодовлѣющихъ, ни отъ кого не зависимыхъ анархическихъ образованій.

Винниченко объявлялъ декреты совершенно большевицкаго характера о соціализаціи, націонализаціи, изъятіи буржуйскихъ цѣнностей; эти призывы находили отзывчивую почву въ краѣ, еще не прошедшемъ всего круга большевицкаго

---

[1]) 7, 9, 14, 20 ноября.

[2]) Сообщеніе это, въ связи съ § 2, имѣвшее по смыслу условное временное значеніе, въ официальномъ гетманскомъ органѣ «Видродження» отъ 7 ноября было передано какъ окончательное признаніе Согласіемъ «Украинской державы», которая войдетъ въ федеративную связь съ Россіей.

опыта, и претворялись въ жизнь погромами, пожарами, разбоями, убійствами. По прежнему, какъ и въ началѣ года, въ движеніи, поднятомъ на Украинѣ, рѣшительно не было національнаго момента. Директорія разжигала соціальный пожаръ въ цѣляхъ своего утвержденія, безсильная потомъ локализировать его въ цѣляхъ своего существованія. Полубольшевизмъ Директоріи не удовлетворялъ никого и естественно катился по инерціи въ сторону большевизма совѣтовъ. Люди, наблюдавшіе жизнь Украины того времени, всѣ наши освѣдомители — въ одинъ голосъ, задолго до переворота, предвѣщали правленію Директоріи участь краткаго и безславнаго этапа по пути къ большевизму, и по общему признанію этотъ этапъ, наконецъ осуществившись, носилъ наиболѣе анархическій характеръ изъ всѣхъ девяти «режимовъ», смѣнившихся на Украинѣ.

Тревога нѣмецкой главной квартиры оказалась не напрасной: повсюду подымалась волна ненависти противъ нѣмцевъ, съ которой Директорія совладать не могла; петлюровскія и крестьянскія банды нападали на нѣмецкіе эшелоны, грабили, оскорбляли и обезоруживали ихъ; мѣстами нѣмцы оказывали сопротивленіе, и тогда происходили вынужденныя кровавыя столкновенія.

Петлюровскіе атаманы не раздѣляли германофильства Директоріи. Григорьевъ, напримѣръ, говорилъ съ германскими властями такимъ языкомъ: «объявляю вамъ именемъ командуемыхъ мною рабочихъ войскъ, а также именемъ народа, возставшаго противъ буржуазіи, что вы не демократы, а предатели Россіи. Если въ теченіе четырехъ дней вы не покинете Николаева и Долинской, то ни одинъ изъ васъ не увидитъ своей родины: при первомъ же движеніи вы будете уничтожены безслѣдно, какъ мухи»[1]) ...

Стремясь стихійно домой и желая обезпечить себѣ свободный путь, нѣмцы, по частной иниціативѣ мѣстныхъ комитетовъ или сохранившихъ авторитетъ военныхъ начальниковъ, помогали и вооружали то одну, то другую сторону. Такъ въ Харьковѣ они допустили занятіе города Болбочаномъ, а къ концу ноября заставили его отряды очистить городъ и вооружили организацію Добровольческаго центра; въ Бердичевѣ они вооружали повстанцевъ; въ Полтавѣ они не позволили гетманскимъ частямъ прервать путь двигавшимся изъ Харькова повстанцамъ, но черезъ нѣсколько дней разоружили овладѣвшія уже городомъ петлюровскія банды «незаможняго селянства», принявшія явно большевицкій характеръ и угрожавшія ихъ безопасности. Солдатскіе комитеты продавали оружіе и петлюровцамъ, и большевикамъ, и гетманцамъ, и Добровольцамъ. Солдаты зачастую отказывали въ повиновеніи начальникамъ, бросали фронтъ и охрану ж. д. и уходили самовольно въ ближайшіе центры.

Нѣмецкихъ начальниковъ многіе обвиняли въ маккіавелизмѣ и предательствѣ, но обвиненіе это было нерѣдко несправедливымъ: поведеніе нѣмецкихъ войскъ обусловливалось, кромѣ политики, развалomъ и стихійной тягой на родину.

Россійское офицерство было сбито съ толку, разсѣяно, неорганизовано. Кой-гдѣ были отдѣльныя, иногда доблестныя, попытки сопротивленія, лишенныя однако общей идеи и растворившіяся безсильно въ картинѣ общаго хаоса. Такъ въ Харьковѣ, напримѣръ, въ теченіе одной недѣли произведено было три мобилизаціи: гетманская, петлюровская и Добровольческая... Въ Полтавѣ передъ приближеніемъ отрядовъ Болбочана состоялся многолюдный офицерскій митингъ, на которомъ громадное большинство участниковъ на призывъ гетманскаго военнаго начальства отвѣтило, что «готово сражаться исключительно съ большевиками, и только въ Полтавѣ, а противъ Болбочана не пойдутъ». Несомнѣнно на ряду съ «идеологіей» во всѣхъ такихъ выступленіяхъ не малую роль играло и «шкурничество».

Украинскій хаосъ какъ нельзя лучше характеризуется положеніемъ злосчастнаго Екатеринослава, о которомъ сводка къ серединѣ ноября сообщала: «Городъ

[1]) Телеграмма 18 декабря совѣту солдатскихъ депутатовъ г. Николаева и начальнику 15-й ландверной дивизіи.

раздѣленъ на пять раіоновъ. Въ верхней части укрѣпились Добровольческія дружины; въ раіонѣ городской думы — еврейская самооборона; далѣе — кольцомъ охватываютъ нѣмцы; Добровольцевъ, самооборону и нѣмцевъ окружаютъ петлюровцы и, наконецъ, весь городъ въ кольцѣ большевиковъ и махновцевъ».

Съ самаго начала на всемъ движеніи Винниченко - Петлюры легла печать анархіи, которая не оставляла его до окончательнаго крушенія.

* * *

Петлюровско - нѣмецкое соглашеніе не нарушалось до конца ноября, давая Кіеву нѣкоторую передышку и возможность собраться съ силами.

Одновременно съ обнародованіемъ послѣдняго акта гетманъ, порвавъ окончательно съ украинскими національными кругами, искалъ естественной опоры въ русскихъ организаціяхъ. На его попытки въ этомъ отношеніи откликнулись «Протофисъ», «хлѣборобы» и «монархическій блокъ». «Сов. гос. об.» не хотѣлъ себя, повидимому, связывать съ режимомъ, уже обреченнымъ, хотя устами Кривошеина доказывалъ, что «Скоропадскому можно все простить, даже оставить ему пожизненное гетманство, если онъ въ дальнѣйшемъ будетъ служить вѣрой и правдой единой Россіи». На соединенномъ засѣданіи бюро Московскаго («Всероссійскаго») и Кіевскаго Нац. центровъ, при участіи представителей Добров. организацій, 1 ноября подъ предсѣдательствомъ профессора Новгородцева было рѣшено единогласно, что какія либо сношенія съ «измѣнникомъ гетманомъ» недопустимы и аморальны. Еще непримиримѣе, какъ мы знаемъ, была позиція «Союза Возрож.», не оставлявшаго мысли о вооруженномъ переворотѣ, и лѣвѣе его стоящихъ организацій.

И гетманъ сдѣлалъ надлежащіе выводы: послѣдній мѣсяцъ его правленія прошелъ подъ исключительнымъ и полнымъ вліяніемъ блока крайнихъ правыхъ, раздѣляемымъ до извѣстной степени съ перемѣнившимъ оріентацію мин. вн. дѣлъ Игоремъ Кистяковскимъ.

Подъ вліяніемъ «монархическаго блока», 5 ноября была опубликована «грамота» гетмана:

> «Въ виду чрезвычайныхъ обстоятельствъ, общее командованіе всѣми вооруженными силами, дѣйствующими на территоріи Украины, я вручаю Генералу отъ-Кавалеріи графу Келлеру на правахъ Главнокомандующаго арміями фронта, съ предоставленіемъ ему сверхъ того правъ, опредѣленныхъ ст. 28 Положенія о полевомъ управленіи войскъ въ военное время [1]). Всю территорію Украины объявляю театромъ военныхъ дѣйствій, а потому всѣ гражданскія власти Украины подчиняются ген. графу Келлеру».

Этимъ актомъ устранялось неудобство непосредственнаго подчиненія «украинскому гетману» россійскихъ дружинъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднія косвенно выходили изъ распоряженія Добровольческаго командованія. Имя графа Келлера должно было привлечь новые контингенты монархическаго офицерства, а флагъ Добровольческой Арміи, который былъ весьма непріятенъ и гетману, и правому блоку, но сохранялся ими неукоснительно, долженъ былъ примирять съ фактомъ засилія правыхъ — умѣренную часть общественности и офицерства.

Но графъ Келлеръ понялъ свое назначеніе, какъ скрытую капитуляцію гетмана и передачу ему диктатуры — «всей полноты военной и гражданской власти на Украинѣ» [2]). Сообразно съ этимъ, онъ образовалъ при себѣ «Совѣтъ обороны» — по составу своему — бюро Монархическаго блока — съ Безакомъ во главѣ; начальникомъ своей канцеляріи назначилъ ген. Спиридовича.

Столь явный переходъ власти къ «правымъ большевикамъ», какъ называла «Азбука» дѣятелей Протофиса и Монархическаго блока, еще болѣе возбудилъ про-

---

[1]) Статья эта предусматриваетъ извѣстное подчиненіе мѣстныхъ органовъ исполнительной власти главнокомандующему на театрѣ войны.

[2]) Телеграмма его мнѣ отъ 5 ноября, № 1.

тивъ гетмана и украинскаго правительства прогрессивную и демократическую общественность.

Въ высокой степени достойный и храбрый генералъ, графъ Келлеръ, какъ политическій дѣятель, былъ прямо опасенъ: своими крайними убѣжденіями, вспыльчивостью и элементарной прямолинейностью. Уже на третій день по пришествіи къ власти онъ написалъ приказъ — призывъ о возстановленіи монархіи, отъ распространенія котораго его, однако, удержалъ «блокъ», считавшій такое обращеніе къ пылающей Украинѣ преждевременнымъ. Первые же шаги диктатора и «совѣта обороны» привели въ большое безпокойство украинское правительство. И 13-го ноября къ гр. Келлеру, по порученію правительства, явились министры Афанасьевъ и Рейнботъ и заявили ему, что онъ неправильно понимаетъ существо своей власти; ему не можетъ быть подчинена власть законодательная, какою до созыва Державнаго сейма является совѣтъ министровъ. Что графъ Келлеръ въ своихъ воззваніяхъ говоритъ только объ единой Россіи, игнорируя вовсе Украинскую державу, тогда какъ правительство «стремится къ созданію Украинскаго федеративнаго государства и отъ этой своей программы для возсозданія цѣлой и недѣлимой Россіи отказаться не можетъ» [1]). Графъ Келлеръ предъявилъ ультимативное требованіе полноты власти и въ тотъ же день получилъ гетманскій приказъ о своей отставкѣ и о назначеніи его замѣстителемъ ген. кн. Долгорукова. Въ своемъ прощальномъ приказѣ Келлеръ объяснялъ свой уходъ двумя причинами: «1. могу приложить свои силы и положить свою голову только для созданія Великой, нераздѣльной, единой Россіи, а не за отдѣленіе отъ Россіи федеративнаго государства и 2. считаю, что безъ единой власти въ настоящее время, когда возстаніе разгорается во всѣхъ губерніяхъ, установить спокойствіе въ странѣ невозможно» [1]).

И хотя по существу ничего не измѣнилось, такъ какъ у кормила власти остался тотъ же блокъ, возглавленный кн. Долгоруковымъ — предсѣдателемъ военной монархической партіи и товарищемъ предсѣдателя «блока», но политическая неразбериха усилилась еще болѣе: графъ Келлеръ ушелъ потому, что не хотѣлъ бороться «за отдѣленіе отъ Россіи федеративнаго государства...» А новое командованіе?..

* * *

Ввиду быстраго распространенія анархіи на Украинѣ и изолированнаго положенія Кіева, прямое сообщеніе съ нимъ Екатеринодара было нерегулярно, а съ 11 ноября прервалось вовсе; и мой штабъ получалъ только отрывочное и случайное освѣдомленіе кружными путями о происходящихъ тамъ событіяхъ. Взаимоотношенія моего представителя ген. Ломновскаго — номинальнаго начальника Добровольческихъ дружинъ — съ гетманскими властями было весьма неопредѣленнымъ. Какъ я уже говорилъ, гр. Келлеръ, въ качествѣ «главнокомандующаго Сѣверной псковской арміей», 2 ноября призналъ свое подчиненіе Добровольческому командованію. Ставъ черезъ три дня «главнокомандующимъ войсками Украины», онъ далъ неопредѣленное объясненіе Ломновскому: «по вопросу объ установленіи общаго фронта и единаго командованія онъ держится своего прежняго взгляда; однако, Украина столь тѣсно связана съ Дономъ и столь зависитъ отъ него, что единое командованіе возможно только включая и Донъ». По плану, одобренному гетманомъ и Келлеромъ, предполагалось приступить къ формированію особой «Юго-западной арміи», безъ фактическаго участія Ломновскаго, для чего просили все же «флагъ Добровольческой Арміи». Ломновскій категорически отказалъ [2]).

Тѣмъ не менѣе взаимоотношенія его съ Келлеромъ не нарушались. Ген. Ломновскій, имѣя отъ меня общее указаніе предоставить Добровольческіе отряды въ

[1]) Изъ приказа гр. Келлера отъ 14 ноября.
[2]) Докладъ ген. Ломновскаго по прямому проводу 11 ноября.

оперативномъ отношеніи высшей украинской военной власти, въ интересахъ борьбы и спасенія Малороссіи отъ большевизма, исполнялъ эту директиву съ большой выдержкой, тактомъ и иногда самопожертвованіемъ. Эта позиція Ломновскаго подвергалась суровому осужденію кіевск. Нац. центра, который считалъ, что при сложившихся обстоятельствахъ человѣкъ, обладающій большей волей, дерзаніемъ и авторитетомъ могъ бы недопустить экспериментовъ гетмана и взять у него падающую власть и все руководство обороной. На мѣсто Долгорукова и «монархическаго блока», по ихъ мысли, долженъ былъ стать Ломновскій и «кіевскій Нац. центръ». Центръ явно преувеличивалъ свое значеніе и возможности, особенно принявъ во вниманіе, что полное непріятіе имъ гетмана ставило вопросъ о власти въ прямую зависимость отъ внутренняго переворота.

Новый главнокомандующій, кн. Долгоруковъ съ первыхъ же шаговъ проявилъ враждебное отношеніе къ Добровольческому центру, стремясь устранить всякое вмѣшательство его въ дѣло формированія вооруженной силы. Его усилія были направлены не по надлежащему адресу. Военный Кіевъ дѣйствительно представлялъ изъ себя крайне неприглядное зрѣлище: всевозможные штабы и бюро комплектованій Южной, Сѣверной, Астраханской армій, Особаго корпуса, тайныхъ и явныхъ организацій политическихъ партій — пухли, разрастались, конкурировали и враждовали другъ съ другомъ, способствуя распыленію силъ и легальному дезертирству. Ненормальность этого положенія была настолько очевидной, что въ осужденіи его объединились, казалось бы, совершенные антиподы: въ первый разъ во второй половинѣ ноября явилась возможность устроить въ Кіевѣ рядъ совѣщаній изъ представителей 1. Добровольческаго центра, 2. Монархическаго блока [1]), 3. Сов. гсо. об. [2]), 4. Нац. центра [3]) и 5. Союза Возрожд. Россіи [4]). На этихъ засѣданіяхъ вопросу объ упорядоченіи комплектованія въ однѣхъ рукахъ предпосланъ былъ вопросъ объединенія командованія всѣми русскими вооруженными силами. Монарх. блокъ и Сов. гос. об. высказались за главнокомандующаго силами Украины, Нац. центръ и Союзъ Воз. Рос. — за главноком. Добров. Арміей. Соглашенія не состоялось.

Ген. Долгоруковъ рѣшилъ идти напроломъ: въ ночь на 23 ноября онъ вызвалъ къ себѣ ген. Ломновскаго и заявилъ ему:

— Въ дружинахъ Святополкъ-Мирскаго и Рубанова бунтъ. Тамъ чуть ли не открыто говорятъ, что меня надо арестовать. Долгъ службы вынуждаетъ меня арестовать васъ. Я человѣкъ рѣшительный.

Дальнѣйшій ходъ этого дѣла такъ излагается генераломъ Ломновскимъ [5]):

«Этотъ разговоръ происходилъ на ходу въ назначенную мнѣ комнату, гдѣ я былъ арестованъ съ приставленіемъ часового.

Спустя часъ ко мнѣ въ комнату вошелъ Пиленко, повидимому, крайне разстроенный. Онъ сталъ говорить о своихъ патріотическихъ чувствахъ и просилъ меня быть вполнѣ откровеннымъ. Я завѣрилъ его, что на откровенность мою онъ можетъ вполнѣ положиться, но сказать я ничего не могу, такъ какъ рѣшительно ничего не понимаю.

Тогда Пиленко сталъ говорить, что причиною всего — двойственное подчиненіе дружинъ и во имя общаго дѣла необходимо найти выходъ изъ создавшагося положенія. Я объяснилъ Пиленко, что суть дѣла совершенно не въ двойственномъ подчиненіи, такъ какъ дружины въ оперативномъ отношеніи всецѣло подчиняются мѣстному командованію... а исключительно въ личностяхъ.

Пиленко сталъ опять говорить о крайне тягостномъ положеніи Кіева, что во имя общаго русскаго дѣла необходимо найти все же выходъ, разъ связь съ ген. Деникинымъ прервана. На это я возразилъ, что теперь, съ моимъ арестомъ, выходъ самъ собою найденъ и для меня вопросъ не въ двойственномъ подчиненіи дружинъ, а въ недопустимомъ, неслыханномъ фактѣ ареста представителя главнокомандующаго русской Добровольческой Арміи».

---

[1]) Безакъ, Скаржинскій и другіе.
[2]) Шлиппе, Хрипуновъ и другіе.
[3]) Демидовъ, Ефимовскій и другіе.
[4]) Одинецъ.
[5]) Рапортъ отъ 24 ноября, № 182.

Между тѣмъ, въ домъ князя Долгорукова прибыли приглашенные имъ общественные дѣятели — графъ Гейденъ, кн. Голицынъ, Масленниковъ и ген. Шиллингъ. Возмущенные случившимся, они потребовали отъ Долгорукова немедленнаго освобожденія ген. Ломновскаго. На вопросъ зашедшаго къ нему Шиллинга, какъ онъ думаетъ поступить дальше, Ломновскій отвѣтилъ, что покинетъ Кіевъ вмѣстѣ съ чинами своего штаба. На это Шиллингъ сказалъ, что кн. Долгоруковъ не видитъ препятствій къ выѣзду. Но черезъ нѣкоторое время въ комнату Ломновскаго вошли всѣ перечисленные выше лица...

«Гр. Гейденъ, очень взволнованный, обратился ко мнѣ отъ имени общественныхъ дѣятелей, умоляя меня, ради спасенія въ Кіевѣ общаго русскаго дѣла, въ которое вложена громадная работа, не становиться въ непримиримую позицію и согласиться аннулировать происшедшее; что отъѣздъ представительства Добр. Арміи изъ Кіева можетъ повести къ ужаснымъ послѣдствіямъ — къ тому, что русскіе офицеры уйдутъ съ занимаемыхъ ими позицій, и Кіевъ вновь будетъ отданъ во власть Петлюры и украинцевъ. Я отвѣтилъ, что общее русское дѣло мнѣ столь же дорого, какъ и имъ, я отдаю себѣ совершенно ясный отчетъ, къ какимъ чреватымъ послѣдствіямъ можетъ повести выѣздъ изъ Кіева представительства Добр. Арміи, но не знаю, отдаетъ ли себѣ ясный отчетъ князь Долгоруковъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести фактъ ареста представителя главнокомандующаго и отъѣздъ представительства.

На это гр. Гейденъ сказалъ, что кн. Долгоруковъ глубоко сожалѣетъ о случившемся; что онъ погорячился, сказавъ, что не видитъ препятствій къ выѣзду, и считаетъ это совершенно невозможнымъ».

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ ген. Ломновскій заявилъ общественнымъ дѣятелямъ:

«Въ виду крайне неустойчиваго положенія въ Кіевѣ и возможности перенесенія гражданской войны внутрь города; въ виду того, что вопросъ о недопущеніи повстанцевъ въ городъ ставится чуть ли не всецѣло въ зависимость отъ полнаго подчиненія дружинъ, я рѣшилъ подчинить ихъ во всѣхъ отношеніяхъ мѣстному командованію съ тѣмъ, чтобы я былъ своевременно освѣдомляемъ о всѣхъ мѣропріятіяхъ, касающихся этихъ дружинъ».

Всѣ эти нелѣпыя тренія на верхахъ правленія и командованія становились немедленно достояніемъ широкой публики и производили глубоко деморализующее впечатлѣніе среди защитниковъ Кіева.

— Какая же въ сущности идея борьбы?

Консулъ Энно чуть не ежедневно присылалъ телеграммы, что союзныя войска идутъ, они уже близко, не сегодня — завтра будутъ въ Кіевѣ. Тогда положеніе ясно: продержаться нѣсколько дней, а тамъ вопросъ разрѣшится союзниками — несомнѣнно въ пользу единой Россіи... Стоявшіе въ совершенно непримиримой оппозиціи къ гетману «Нац. центры», подъ вліяніемъ смертельной опасности, угрожавшей Кіеву, измѣнили нѣсколько свою позицію: «Всероссійскій центръ» соглашался, что «до прихода русскихъ и союзныхъ силъ — самое выгодное, если сохранится та власть, которая пока существуетъ, ибо всякій переворотъ явился бы новымъ условіемъ для усиленія большевицкихъ настроеній»; «Кіевск. центръ» 7 ноября обратился къ русскимъ людямъ съ призывомъ — защищать порядокъ противъ бандъ Петлюры...

Но тотъ же Энно говорилъ о признаніи существующей власти гетмана. Добровольческое командованіе, отдавая дружины въ распоряженіе гетманскаго командованія, какъ будто присоединялось къ этому рѣшенію...

— Слѣдовательно защищать власть гетмана и Украинской державы?

Къ тому же въ первой телеграммѣ главнокомандующаго Добров. Арміи къ мин. Афанасьеву говорилось о «борьбѣ съ большевиками» и «невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла края». И хотя Ломновскій пояснилъ, что обстановка съ тѣхъ поръ измѣнилась, что Директорія — это предтеча большевизма, но его понимали плохо:

— Слѣдовательно защищать гетмана отъ Петлюры?

Въ болѣе радикальныхъ кругахъ ставили вопросъ въ другой плоскости:

— Тамъ — «вся власть совѣтамъ»; здѣсь — «вся власть Протофису». Что лучше?

Эти и многіе другіе вопросы вызывали смуту въ умахъ и приводили въ уныніе офицерство и учащуюся молодежь — почти единственный контингентъ защитниковъ Кіева. Да и мудрено было имъ разобраться въ украинской проблемѣ, когда въ средѣ значительно большаго политическаго кругозора — въ самомъ, напримѣръ, ядрѣ Союза Воз. Рос. — возникали такіе недоумѣнные вопросы: «Кому помогать? Или соціальной реакціи, воплощаемой Скоропадскимъ и защищаемой нѣмцами, или демократическому движенію украинцевъ, идущихъ съ максимализмомъ не только соціальнымъ, но и національнымъ, и открывающему дорогу максимализму настоящему (совѣтскому)?»[1]). Въ результатѣ Союзъ выпустилъ воззваніе противъ гетмана, требуя созданія «демократической объединенной власти на Украинѣ» и предостерегая отъ оказанія помощи гетману.

Среди защитниковъ Кіева эти вопросы для однихъ были, дѣйствительно, вопросами совѣсти и долга, для другихъ — вѣроятно большинства — благовиднымъ прикрытіемъ своему оппортунизму или малодушію.

И въ кіевскихъ казармахъ — общежитіяхъ, и на позиціяхъ у Жулянъ царило подавленное унылое настроеніе; люди жили въ области фантастики и нервирующихъ слуховъ. Это настроеніе усугублялось еще потрясающимъ неустройствомъ въ организаціи, снабженіи, довольствіи, особенно на позиціяхъ. Тамъ люди приходили къ сознанію своей полной заброшенности и безпомощности.

* * *

Вопросъ рѣшили нѣмцы.

30 ноября въ Казатинѣ между германскимъ командованіемъ и петлюровскимъ штабомъ былъ заключенъ второй договоръ, въ силу котораго нѣмцы обязались не препятствовать вступленію въ Кіевъ войскъ «Украинской народной республики»; взамѣнъ этого имъ была обѣщана «взаимная дружественная работа», содѣйствіе ихъ эвакуаціи, въ частности 10 транспортныхъ поѣздовъ по тремъ направленіямъ — черезъ Пинскъ, Сарны и Казатинъ.

Удѣльный вѣсъ Директоріи, послѣ многихъ мѣсяцевъ сотрудничества, былъ хорошо извѣстенъ нѣмцамъ. Но этотъ исходъ обѣщалъ облегчить трудное положеніе нѣмецкихъ оккупаціонныхъ войскъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, создать большія затрудненія державамъ Согласія...

Когда нѣмецкіе батальоны, прикрывавшіе Кіевъ, прошли сквозь расположеніе кіевскихъ дружинъ, всѣ поняли, что наступилъ конецъ.

По иниціативѣ Нац. центра общественныя организаціи, считая дѣло проиграннымъ, обратились къ предсѣдателю правительства Гербелю съ предложеніемъ «поднять открыто надъ защитниками Кіева флагъ Добровольческой Арміи», передать командованіе ген. Ломновскому и разработать тотчасъ же вопросъ объ отходѣ изъ Кіева Добровольческихъ дружинъ. Гербель отвѣтилъ, что у него «все готово», что «Директорія пойдетъ вѣроятно на условія — разрѣшить выѣздъ всего правительства, всѣхъ желающихъ и Добровольческихъ частей на Донъ»...

— У меня все готово — не мѣшайте только довести дѣло до благополучнаго конца[2]).

Теченіе событій не соотвѣтствовало офиціальному оптимизму.

Перваго декабря галиційскіе сѣчевики Коновальца сбили кіевскія дружины и въ тотъ же день къ вечеру вошли въ городъ.

Гетманъ 1 декабря подписалъ актъ отреченія и скрылся въ Германію.

Правительство разсѣялось[3]).

---

[1]) Станкевичъ. «Воспоминанія».

[2]) Изъ доклада Московскаго Нац. Центра отъ 3 декабря.

[3]) Въ Кіевѣ остался предсѣдатель Гербель и мин. юстиціи Рейнботъ, которыхъ Директорія три мѣсяца держала въ тюрьмѣ, предъявивъ имъ обвиненіе въ «покушеніи на ниспроверженіе существующаго строя».

Кн. Долгоруковъ сдалъ войска на капитуляцію безъ всякихъ условій и отбылъ въ Одессу.

Трагически палъ на улицахъ Кіева генералъ графъ Келлеръ, заколотый петлюровскими солдатами.

Дружинники разсѣялись по городу, и значительная часть ихъ, болѣе тысячи, засѣла въ зданіи педагогическаго музея подъ охраной германскихъ карауловъ. Благодаря заступничеству кіевскихъ организацій, консуловъ, телеграммамъ Энно — Директоріи и моимъ — главнокомандующимъ союзными арміями, правительство Винниченки приняло мѣры къ освобожденію части интернированныхъ и къ выѣзду остальныхъ въ Германію.

Поѣзда, слѣдовавшіе на югъ, увозили цвѣтъ россійской эмиграціи и политическихъ партій на новый, третій по счету, этапъ, предназначенный имъ судьбою — въ Одессу.

Вся Украина была объята анархіей.

ГЛАВА XXII.

Національная диктатура. Особое Совѣщаніе: составъ и общее направленіе политики.

На югѣ Россіи, на территоріи, освобождаемой Добровольческой Арміей, безъ какой либо прокламаціи, самимъ ходомъ событій установилась диктатура, въ лицѣ главнокомандующаго.

Основною цѣлью ея было свергнуть большевиковъ, возстановить основы государственности и соціальнаго мира, чтобы создать тѣмъ необходимыя условія для строительства земли соборной волею народа. Жизнь стихійнымъ напоромъ выбивала насъ изъ этого русла, требуя немедленнаго разрѣшенія такихъ коренныхъ государственныхъ вопросовъ, какъ національный, аграрный и другіе, окончательное разрѣшеніе которыхъ я считалъ выходящими за предѣлы нашей компетенціи. Худо ли, хорошо ли и что цѣлесообразнѣе — это вопросъ другой — по диктатурѣ національной, къ осуществленію которой стремились на Югѣ, свойственны иныя задачи и иные методы, чѣмъ диктатурѣ бонапартистской.

«Непредрѣшеніе» и «уклоненіе» отъ декларированія принциповъ будущаго государственнаго устройства, которые до сихъ поръ вызываютъ столько споровъ, были не «теоретическими измышленіями», не «маской», а требованіемъ жизни. Вопросъ этотъ чрезвычайно простъ, если подойти къ нему безъ предвзятости: всѣ три политическія группировки противобольшевицкаго фронта — правые, либералы и умѣренные соціалисты — порознь были слишкомъ слабы, чтобы нести бремя борьбы на своихъ плечахъ. «Непредрѣшеніе» давало имъ возможность сохранять плохой миръ и идти одной дорогой, хотя и въ перебой, подозрительно оглядываясь другъ на друга, враждуя и тая въ сердцѣ — одни республику, другіе монархію; одни Учредительное собраніе, другіе Земскій соборъ, третьи «законопреемственность».

Неужели спасеніе Россіи не стоило того, чтобы на время отложить эти споры?

Что касается лично меня, то такая постановка вопроса нисколько не смущала мою совѣсть и была вполнѣ искренна уже потому, что я рѣшилъ твердо и говорилъ объ этомъ не разъ — что за формы правленія я вести борьбы не буду.

Личный элементъ въ вопросѣ о диктатурѣ — тема для меня вообще слишкомъ деликатная. Я коснусь одной только стороны ея.

Въ концѣ 18-го и въ началѣ 19 годовъ на роль диктатора и Верховнаго главнокомандующаго выдвигался, какъ извѣстно, опредѣленными кругами, преимущественно правыми, вел. кн. Николай Николаевичъ. Живя въ Крыму, въ Дюльберѣ, онъ оставался центромъ вниманія этихъ круговъ, изъ которыхъ къ нему обращались не разъ, первоначально — съ просьбой о возглавленіи армій Украинской, Юж-

ной и Астраханской[1]). Всѣ эти предложенія великій князь отвергалъ, справедливо видя въ этомъ явную авантюру. Другія группы правыхъ, въ томъ числѣ «Государств. объединеніе», признавая въ принципѣ верховное возглавленіе вел. князя весьма желательнымъ, считали выступленіе его тогда на политическую арену несвоевременнымъ и въ мѣстномъ масштабѣ не соотвѣтствующимъ. Его авторитетъ приберегался ими до того момента, когда всѣ четыре фронта — Колчака, Деникина, Юденича и Миллера — приблизятся къ Москвѣ... Оттого подчиненіе мое адм. Колчаку въ концѣ мая 1919 г., укрѣплявшее позицію всероссійскаго масштаба, занятую Верховнымъ правителемъ, встрѣчено было правыми кругами несочувственно. Что касается прочихъ политическихъ группъ, лѣвѣе стоящихъ, тамъ къ возглавленію движенія великимъ княземъ относились отрицательно.

Я лично въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ великимъ княземъ не состоялъ. Въ Дюльберѣ его посѣтилъ офиціально ген. Лукомскій и встрѣтилъ тамъ весьма радушный пріемъ. Вообще вел. князь держалъ себя въ отношеніи Южной власти съ величайшимъ тактомъ, стремясь не давать ни малѣйшаго повода къ какимъ либо политическимъ осложненіямъ.

Весною 1919 г., когда обозначилась прямая угроза Крыму со стороны наступавшихъ съ сѣвера большевиковъ, мѣстопребываніе тамъ императорской семьи сдѣлалось невозможнымъ, о чемъ мною было сообщено въ Крымъ. Незадолго до отступленія нашихъ войскъ къ Акманаю всѣ лица императорскаго дома на англ. военномъ суднѣ выѣхали за границу. Вел. кн. Николай Николаевичъ поселился въ С. Маргерита, въ Италіи. Вскорѣ послѣ вторичнаго овладѣнія нами Крымомъ до моего свѣдѣнія дошло, что онъ томится на чужбинѣ и сожалѣетъ, что не можетъ жить въ Россіи... По моему порученію ген. Лукомскій 7 іюля сообщилъ вел. князю, что въ данное время для него представляется полная возможность безопаснаго пребыванія на южномъ берегу Крыма. Въ началѣ сентября былъ полученъ отвѣтъ, что велик. князь «отказываетъ себѣ въ счастьи вернуться на Родину, т. к. пріѣздъ его въ Россію неминуемо повлечетъ за собой всевозможные толки о выступленіи его, какъ политическаго дѣятеля, чѣмъ еще больше осложнится общее положеніе дѣлъ». Впрочемъ, имъ не исключалась возможность жить въ Крыму «частнымъ лицомъ на общихъ основаніяхъ по водвореніи полнаго порядка». Но въѣздъ въ Россію былъ обусловленъ «совмѣстнымъ рѣшеніемъ этого вопроса адм. Колчакомъ, ген. Деникинымъ и союзниками»... Мы получили отвѣтъ этотъ въ октябрѣ, когда на южномъ фронтѣ назрѣвала опасность, а на Восточномъ уже созрѣла, и вопросъ о переѣздѣ затихъ.

Прочія лица императорской фамиліи[2]), находившіяся на Югѣ, въ политической жизни никакого участія не принимали. Вел. князь Андрей Владимировичъ обращался ко мнѣ въ ноябрѣ 1919 г., выражая желаніе «вступить въ ряды войскъ, борющихся за освобожденіе Россіи». Я вынужденъ былъ отвѣтить, что «политическая обстановка въ данное время препятствуетъ осуществленію его патріотическаго желанія». На службѣ состоялъ только герцогъ Лейхтенбергскій (младшій) въ Черноморскомъ флотѣ, въ чинѣ капитана II ранга; былъ друженъ со Слащевымъ, который хотѣлъ использовать его для своихъ особыхъ цѣлей, до военнаго переворота включительно. Но безуспѣшно.

* * *

Особое Совѣщаніе функціонировало первоначально примѣнительно къ утвержденному 18 авг. ген. Алексѣевымъ положенію и проекту нашей «конституціи», выработанной для установленія взаимоотношеній съ казачьими войска-

[1]) «Монархическій блокъ», «Союзъ Наша Родина», гетманъ—наканунѣ паденія и др.

[2]) Вдовствующая императрица жила въ Крыму до первой эвакуаціи его. Вел. князья Борисъ и Андрей Владимировичи, вырученные полковн. Шкуро изъ Кисловодска, и мать ихъ вел. княгиня Марія Павловна жили въ Анапѣ. Вел. княгиня Ольга Александровна жила также на Кубани въ одной изъ станицъ.

ми [1]). Жизнь раздвигала эти узкія рамки, облекая Особое Совѣщаніе всѣми функціями власти исполнительной и законодательной. Только 2 февр. 1919 г. было утверждено и опубликовано «Положеніе объ Особомъ Совѣщаніи при главнокомандующемъ В. С. Ю. Р», въ основу котораго положено, въ извѣстной степени, совмѣщеніе круга дѣятельности совѣта министровъ и стараго Гос. Совѣта [2]).

Ни этимъ положеніемъ, ни какимъ либо другимъ государственнымъ актомъ не опредѣлялось существо власти главнокомандующаго, и только косвенно неограниченность ея вытекала изъ сопоставленія отдѣльныхъ статей законоположеній. Точно также не предусматривался въ законодательномъ порядкѣ вопросъ преемства власти — ни гласно, ни тайно. Только осенью 1919 г., подъ вліяніемъ постоянныхъ настойчивыхъ свѣдѣній о готовящихся на мою жизнь покушеніяхъ, я счелъ себя обязаннымъ указать своего преемника. Я составилъ «завѣщаніе-приказъ» вооруженнымъ силамъ Юга о назначеніи главнокомандующимъ — моего начальника штаба, генералъ-лейтенанта Романовскаго. Этимъ актомъ я готовилъ ему тяжкую долю. Но его я считалъ прямымъ продолжателемъ моего дѣла и вѣрилъ, что Армія, хотя въ средѣ ея и было предвзятое, мѣстами даже враждебное отношеніе къ Романовскому, послушается послѣдняго приказа своего главнокомандующаго. А признаніе Арміи — все. Приказъ этотъ въ запечатанномъ конвертѣ лежалъ въ моемъ несгораемомъ шкафу и о существованіи его знали, кромѣ меня, только два человѣка: самъ И. П. Романовскій и генералъ-квартирмейстеръ Плющевскій-Плющикъ. Когда я сказалъ имъ объ этомъ обстоятельствѣ, Романовскій не проронилъ ни слова, и только на лицѣ его появилась скорбная улыбка. Словно подумалъ:

— Кто знаетъ, кому уходить первымъ...

Я вполнѣ увѣренъ, что оба они сохранили тайну. Но нѣкоторые изощренные умы проникали интуитивно за ея покровы. Такъ, когда въ концѣ октября былъ отданъ приказъ о назначеніи на должность одного изъ двухъ «помощниковъ главнокомандующаго» — генерала Романовскаго, неофиціальная контръ-развѣдка отдѣла пропаганды, установившая тайное наблюденіе за главнокомандующимъ [3]),

[1]) См. гл. XXXVI и XXXVII, томъ III.

[2]) Важнѣшія статьи «Положенія»:

1. При главнокомандующемъ, для содѣйствія въ дѣлахъ законодательныхъ и административныхъ, состоятъ Особое Совѣщаніе и нижеслѣдующія вѣдомства (перечень ихъ ниже).
3. Въ области управленія подчиненнаго Начальники Управленій, Управляющіе Отдѣлами Законовъ и Пропаганды пользуются правами Министровъ, примѣнительно къ Учрежденіямъ Министерствъ (св. Зак., т. I., ч. 2, изд. 1892 г.).
9. Въ области законодательства и Верховнаго Управленія, Особое Совѣщаніе является совѣщательнымъ органомъ при Главнокомандующемъ.
10. На обсужденіе Особаго Совѣщанія поступаютъ: 1) всѣ законодательныя предположенія, за исключеніемъ касающихся тѣхъ предметовъ, кои предусматриваются статьями 96 и 97 Основныхъ Законовъ; 2) всѣ правительственныя мѣропріятія общаго государственнаго значенія; 3) всѣ предположенія о замѣщеніи высшихъ гражданскихъ должностей центральнаго и мѣстнаго управленія, за исключеніемъ должностей Начальниковъ Управленій...

   Дѣла, подлежащія разсмотрѣнію Особаго Совѣщанія, вносятся въ оное Главнокомандующимъ, Предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, начальниками Управленій...

   На внесеніе въ Особое Совѣщаніе законодательныхъ предположеній, Начальники Управленій... испрашиваютъ предварительно разрѣшеніе Главнокомандующаго.
11. Постановленія Особаго Совѣщанія представляются Предсѣдателемъ его на утвержденіе Главнокомандующему.

    Въ составъ Особаго Совѣщанія входили еще по должности: 1) нач. штаба Главнокомандующаго; 2) Главный начальникъ снабженій; и 3) Главный начальникъ военныхъ сообщеній. Кромѣ того — безъ портфеля — нѣсколько государственныхъ и общественныхъ дѣятелей.

    Для разгрузки отъ маловажныхъ дѣлъ было образовано малое присутствіе, состоявшее изъ помощниковъ начальниковъ вѣдомствъ.

[3]) Выяснилось впослѣдствіи. Объ этомъ позже.

требовала отъ своего агента въ Таганрогѣ «развѣдать и быть все время au courant: какъ относятся къ назначенію ген. Романовскаго и какъ расцѣнивается этотъ шагъ въ политическомъ отношеніи въ кругахъ Ставки? Значитъ ли это, что ген. Р. будетъ замѣстителемъ Главкома?»

Слухъ пошелъ, и борьба, веденная противъ Романовскаго, усилилась.

* * *

Совмѣщеніе законодательныхъ[1]) и правительственныхъ функцій въ лицѣ Ос. Совѣщанія, напоминавшее до извѣстной степени конструкцію Временнаго правительства, отвѣчая духу чистой диктатуры, имѣло и свои большія неудобства. Помимо естественнаго переплетенія закона и правительственнаго распоряженія — переплетенія, ослаблявшаго силу и устойчивость закона, это совмѣщеніе заключало всю законодательную работу въ четыре стѣны Совѣщанія, ослабляя связи ея съ общественностью, замѣняя трибуну «Освагомъ» и лишая Совѣщаніе должнаго авторитета. Зачастую необходимость мѣропріятія и причины его вызвавшія оставались неяснымп для массы, вызывая безпричинную подозрительность, искажая его смыслъ и цѣли. Даже мѣры, уже принятыя и осуществляемыя, ввиду техническихъ затрудненій, не скоро становились извѣстными въ странѣ. Та политическая борьба, которая свойственна парламенту и которая велась среди политическихъ организацій Юга, невольно врывалась сквозь стѣны Особаго Совѣщанія, вмѣстѣ съ преніями по законодательству, претворяясь тамъ въ борьбу внутреннюю и поселяя рознь. А эту рознь въ преувеличенномъ и извращенномъ видѣ разносила стоустая молва, возбуждая глухое недовольство въ обществѣ и въ Арміи. Наконецъ, работа законодательная и административная — въ общихъ и частныхъ засѣданіяхъ Совѣщанія, въ безчисленныхъ комиссіяхъ и въ вѣдомственныхъ управленіяхъ — была непосильна для членовъ Совѣщанія. Она утомляла ихъ и терзала нервы, приковывала къ мѣсту нахожденія правительства и отрывала отъ дѣйствительной жизни въ краѣ, отъ непосредственной освѣдомленности въ дѣлахъ подчиненныхъ органовъ.

Чтобы услышать «гласъ народа», приходилось не разъ важнѣйшія законодательныя предположенія, раньше утвержденія ихъ, давать въ печать. Насущная потребность связи со страной чувствовалась многими и вызывала въ свое время различныя предложенія[2]). Я говорилъ уже о первой негласной попыткѣ Родзянко, еще въ маѣ 1918 г., воскресить 4-ю Государственную Думу, съ присоединеніемъ къ ней трехъ предшествовавшихъ составовъ. Въ ноябрѣ того же года онъ выступилъ уже гласно съ призывомъ «къ русскимъ людямъ» — создать «Національный совѣтъ» въ составѣ всѣхъ четырехъ Думъ, Всероссійскаго церковнаго собора и Совѣта республики при Временномъ правительствѣ, какъ «носящихъ символъ законнонзбранныхъ государственныхъ учрежденій». Въ качествѣ Національнаго собранія предлагалъ свою организацію въ концѣ октября 1918 г. Совѣтъ государственнаго объединенія... Было и вовсе странное для настроеній Юга стремленіе «Юго-Восточнаго комитета членовъ учредительнаго собранія» подъ главенствомъ Шрейдера провести въ качествѣ верховной власти и, вмѣстѣ съ тѣмъ, законодательнаго органа — Уфимскій «Комучъ» (конецъ окт. 1918 г.).

---

[1]) По существу Особое Совѣщаніе было органомъ законосовѣщательнымъ.

[2]) Любопытна историческая справка, данная проф. Новгородцевымъ: «Въ апрѣлѣ 1612 года, по прибытіи въ Ярославль, князь Пожарскій и всѣхъ чиновъ люди, съ нимъ бывшіе, отправили грамоты по городамъ, прося прислать ополченцевъ и средства для казны, а также «изо всякихъ чиновъ людей человѣка по два, по три» для «земскаго совѣта». Въ грамотахъ выражается просьба, чтобы города высказали мнѣніе, какъ бы въ такое трудное время не остаться безгосударнымъ, какъ стоять противъ враговъ русской земли, какъ ссылаться безъ царя съ иностранными государями и какъ устраивать впредь государственный порядокъ.

Согласно изслѣдованіямъ проф. Платонова, такой «земскій совѣтъ» или «земскій соборъ» дѣйствительно состоялся въ Ярославлѣ, и земскіе люди принимали участіе въ дѣлахъ государственныхъ, какъ по внѣшней, такъ и по внутренней политикѣ».

Всѣ эти комбинаціи были совершенно искусственны или носили узко политический характеръ, не могли имѣть почвы и авторитета въ странѣ и не отражали бы ея мнѣнія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, принятіе какой-либо изъ нихъ еще болѣе затрудняло бы возможность нашего объединенія съ казачьими областями, на которое еще не была потеряна надежда.

Идея созданія особаго законосовѣщательнаго учрежденія имѣла своихъ послѣдователей и въ Ос. Сов. Такъ Н. И. Астровъ въ мартѣ 1919 г. сдѣлалъ заявленіе объ образованіи Совѣта изъ представителей мѣстныхъ самоуправленій; управляющій отдѣломъ законовъ, К. Н. Соколовъ въ маѣ представилъ мнѣ записку объ учрежденіи такого же органа, но «изъ лицъ по назначенію главнокомандующаго», причемъ Ос. Совѣщанію въ обоихъ случаяхъ оставлялись бы функціи совѣта министровъ.

Раздѣляя взглядъ на необходимость представительнаго законосовѣщательнаго органа, я предполагалъ создать его изъ выборныхъ представителей казачьихъ областей, горскихъ округовъ и освобожденныхъ отъ большевиковъ губерній; составъ его предполагалось дополнить членами по назначенію — изъ числа людей науки и практики, включая широко и видныхъ представителей такихъ демократическихъ учрежденій, какъ кооперативы, профессіональные союзы и т. д. Но до лѣта 1919 г. казачьи области не шли на государственное объединеніе; земское положеніе, могущее дать базу для выборовъ, все еще вырабатывалось, возбуждая безконечные споры; территорія, подчиненная командованію, была невелика и могла бы дать представительный органъ интеллектуально не выше губернскаго земскаго собранія... Когда же съ іюня наши предѣлы расширились до Днѣстра, Десны и Волги и, съ другой стороны, когда «конференція южно-русскаго союза»[1]) выходила какъ будто на путь соглашенія, въ духѣ моихъ предположеній былъ выработанъ комиссіей проектъ «Высшаго совѣта», созывъ котораго зависѣлъ только отъ срока окончанія конференціи. А она затягивалась безнадежно. Я хотѣлъ было назначить созывъ, не дожидаясь соглашенія съ казаками; посовѣтовался съ Особымъ Совѣщаніемъ, которое отнеслось къ этому предположенію отрицательно.

Конференція спорила о духѣ, о формѣ, о словахъ — главнымъ образомъ саботировали ее кубанскіе делегаты во главѣ съ И. Макаренко — до тѣхъ поръ, пока арміи не покатились отъ Орла къ Дону и далѣе къ Кубани, когда весь вопросъ потерялъ свое значеніе.

Что далъ бы памъ «Высшій совѣтъ» въ области устроенія страны, не вѣдомо. Считая и нынѣ образованіе его для того времени психологически и политически необходимымъ, я, однако, не увѣренъ — не прибавилъ ли бы онъ только лишняго звена въ той цѣпи соборныхъ опытовъ, которая началась «Демократическимъ совѣщаніемъ» и «Совѣтомъ республики»... Тѣмъ болѣе, что три главнѣйшія теченія общественной мысли, представленныя на Югѣ — Сов. госуд. объед., Нац. центромъ, и Союзомъ возрожд. Россіи[2]), невзирая на усилія многихъ своихъ членовъ, не находили обыкновенно ни общаго языка, ни общаго пути[3]).

* * *

---

[1]) Въ составѣ представителей командованія, Дона, Кубани и Терека. Исторія попытокъ созданія южно-русскаго союза — въ слѣдующемъ томѣ.

[2]) Общество «Государств. объединенія Россіи» возникло въ Екатеринодарѣ въ мартѣ 1919 г. Предсѣдателемъ совѣта его былъ вначалѣ Н. Н. Львовъ, потомъ Кривошеинъ. Общество явилось какъ бы областнымъ отдѣломъ образовавшагося въ Кіевѣ «Всероссійскаго». Всѣ члены «Всероссійскаго сов. государств. объединенія», во время своего пребыванія въ Екатеринодарѣ, входили въ составъ мѣстнаго Совѣта.

«Всероссійскій нац. центръ» изъ Москвы перенесъ свою дѣятельность въ Кіевъ, а въ началѣ 1919 г. — въ Екатеринодаръ. Во главѣ стоялъ М. М. Федоровъ.

«Союзъ возрожденія Россіи» переходилъ послѣдовательно изъ Москвы въ Кіевъ, Одессу и Екатеринодаръ. Послѣ Одессы первое время организація эта разстроилась, представляя лишь немногочисленное общество отдѣльныхъ видныхъ членовъ Союза — Мякотинъ, Титовъ, Рудневъ, Пѣшехоновъ и друг.

[3]) Для характеристики политическихъ группъ: Нац. центръ и Сов. госуд. объединенія прислали мнѣ списки лицъ, желательныхъ для назначенія въ Высшій со-

Особое Совѣщаніе никогда не пользовалось расположеніемъ русской общественности и навлекало на себя суровую критику и тогда, и теперь. При этомъ оно находилось всегда подъ двойнымъ обстрѣломъ — по обвиненію, съ одной стороны, въ «черносотенствѣ», съ другой — въ «кадетизмѣ». Формулы одинаково сакраментальныя и «вины» одинаково непростительныя въ глазахъ разныхъ политическихъ группировокъ. Прежде всего было бы справедливымъ разложить историческую отвѣтственность Особаго Совѣщанія. Давая въ свое время опредѣленныя указанія по кардинальнымъ вопросамъ законодательства и управленія и утверждая всѣ законоположенія, прежде всего раздѣляю эту отвѣтственность въ полной мѣрѣ я. Во вторыхъ, невзирая на отсутствіе парламентаризма, общественное начало было далеко не чуждо Особому Совѣщанію: всѣ важнѣйшія законоположенія, прежде чѣмъ попасть на разсмотрѣніе Совѣщанія, вынашивались въ нѣдрахъ двухъ основныхъ политическихъ организацій и въ группѣ кадетской партіи, по существу, впрочемъ, растворившейся въ Нац. центрѣ. Ихъ мнѣнія преломлялись въ преніяхъ Совѣщанія, въ которомъ участвовали и видные представители организацій. Только Союзъ воз. не имѣлъ тамъ своего голоса, хотя косвенно принималъ извѣстное участіе въ обсужденіи дѣлъ путемъ рѣдкихъ, правда, собесѣдованій со мной и личныхъ отношеній съ руководителями Нац. Центра. И если въ общемъ направленіи политики Юга — въ той с р е д н е й л и н і и — равно дѣйствующей политическихъ теченій, къ которой стремился я и которую, въ концѣ концовъ, съ уклономъ вправо, проводило Ос. Сов., организованная общественность не повинна, то во многихъ важныхъ мѣропріятіяхъ и отвѣтственныхъ назначеніяхъ есть не малая доля ея участія. Теперь, послѣ всяческихъ переоцѣнокъ и превращеній соблюдается часто библейскій обрядъ умовенія рукъ, и прошлое какъ то забывается...

Личный составъ Особаго Совѣщанія[1]) слагался по признакамъ дѣловымъ, а не политическимъ, поскольку это зависѣло отъ меня: по условіямъ своей жизни и военной службы, главнымъ образомъ на окраинахъ, я имѣлъ ранѣе очень мало соприкосновенія съ міромъ государственныхъ, политическихъ и общественныхъ дѣятелей и поэтому испытывалъ большое затрудненіе въ выборѣ людей на высшіе посты управленія. Вначалѣ мною практиковалась такого рода провѣрка: когда предлагали кандидатуру «справа», я наводилъ справки «слѣва» и наоборотъ. Потомъ этотъ порядокъ оформился, и всѣ предположенія о замѣщеніи своего состава и высшихъ постовъ были возложены мною на Ос. Сов., предсѣдатель котораго представлялъ мнѣ результаты выбора. Иногда мнѣнія раздѣлялись и мнѣ пред-

---

вѣтъ. Въ списокъ Нац. центра были включены, кромѣ дѣятелей, примыкавшихъ къ нему, представители торгово-промышленныхъ группъ и Союза возрожденія Россіи. Вообще, въ спискѣ преобладалъ общественно—третій элементъ, политически—кадеты и умѣренные соціалисты.

Въ спискѣ Государственнаго объединенія были исключительно государственные и общественные дѣятели праваго направленія. Въ о б о и х ъ спискахъ фигурировали имена слѣдующихъ лицъ: Н. Н. Львова, П. Б. Струве и В. В. Шульгина.

[1]) Къ іюля 1919 г. составъ Особаго Совѣщанія былъ слѣдующій:

1. Предсѣд. ген. А. М. Драгомировъ — безпартійный, правый.
2. Нач. военнаго управл., ген. Лукомскій — безпарт., правый.
3. Нач. морск. управл., вице-адм. Герасимовъ — безпарт., правый.
4. Нач. штаба, ген. Романовскій — безпарт., либералъ.
5. Главный нач. снабж., ген. Санниковъ — безпарт., правый.
6. Главн. нач. воен. сообщ., ген. Тихменевъ — правый, членъ Сов. гос. объед.
7. Испр. должн. нач. управл. иностр. дѣлъ, А. А. Нератовъ — правый, членъ Сов. государств. объединенія.
8. Нач. управл. вн. дѣлъ, Н. Н. Чебышевъ — правый, членъ Нац. Центра, впослѣдствіи перешелъ въ Сов. государств. объединенія.
9. Нач. управл. юстиціи В. Н. Челищевъ — либералъ, чл. Нац. Центра.
10. » » земледѣлія В. Н. Колокольцовъ — правый.
11. » » финансовъ М. В. Бернацкій — безпарт., бывш. р. д.
12. » » торг. и пром. В. А. Лебедевъ — безпарт.
13. » » прод. С. Н. Масловъ — правый, окт.
14. » » путей сообщ. Э. П. Шуберскій — безп., членъ Нац. Центра.

лагали двухъ кандидатовъ. Я останавливалъ свой выборъ на томъ, который казался мнѣ выше по своему удѣльному вѣсу, а ближайшіе отчеты политическихъ организацій коментировали этотъ фактъ — одни съ удовлетвореніемъ, другіе съ неудовольствіемъ — какъ результатъ вліянія одной изъ группъ и «перемѣны правительственнаго курса». Существовало, однако, и ограниченіе круга лицъ, допускаемыхъ въ составъ Совѣщанія и на высшія должности — оно относилось къ крайнимъ правымъ и ко всѣмъ соціалистамъ. Я считалъ, что эти фланги могутъ быть въ Совѣтѣ, но не въ правительствѣ. Этотъ взглядъ раздѣляло и Ос. Совѣщаніе. Впрочемъ, нѣкоторые члены Совѣщанія предлагали мнѣ включить въ составъ его безъ портфелей, для созданія извѣстнаго декорума, «безобидныхъ соціалистовъ». Я считалъ, что этотъ шагъ не поможетъ дѣлу, не прибавитъ популярности Совѣщанію въ лѣвыхъ кругахъ, а въ правыхъ вызоветъ только озлобленіе. Рѣшеніе это находилось въ полномъ соотвѣтствіи съ позиціей соціалистовъ: цен. комитеты с. д. и с. р. объявили Добровольческую армію силой враждебной, а с. р-ы готовили даже террористическіе акты противъ вождей бѣлаго движенія. Что касается самой умѣренной организаціи — Союза Возр., то и онъ оставался непримиримымъ въ отношеніи военной диктатуры и въ силу этого обстоятельства весною 1919 г. призналъ невозможнымъ вхожденіе своихъ членовъ даже въ составъ Нац. Центра.

Ос. Сов., по своему общему облику, дѣлилось на три группы: 1. безпартійную, но опредѣленно правую группу генераловъ[1]); 2. политическихъ дѣятелей праваго направленія; 3. либеральную группу — въ составѣ четырехъ кадетовъ и примыкавшихъ къ нимъ — Бернацкаго, Челищева, Малинина, Носовича, отчасти и ген. Романовскаго[2]). Существовали различныя оттѣнки въ умонастроеніяхъ членовъ каждой изъ этихъ группъ; при рѣшеніи различныхъ вопросовъ указанныя рамки то раздвигались, то суживались, но общее теченіе политической жизни Ос. Сов. вылилось ярко въ два русла — правое и либеральное. Если первое («большинство») представляло изъ себя довольно однородное цѣлое, связанное общностью міровоззрѣнія и психологіи, то во второмъ (меньшинствѣ) наоборотъ — даже небольшая кадетская группа не отличалась обычнымъ до того времени единствомъ. Довольно распространенная версія справа о «кадетскомъ засиліи» лишена основанія. «У насъ не было ни лидера[3]) — говоритъ одинъ изъ к. д. — ни цент. комитета. Внутренняя спайка подъ давленіемъ событій стала слабѣть. Намѣча-

---

15. » » народн. просв., и. д., И. И. Малининъ, либ., чл. Нац. Центра.
16. » » испов. (назн. позже) кн. Г. Н. Трубецкой — правый, членъ Сов. государств. объединенія.
17. Государств. контролеръ В. А. Степановъ — кадетъ, чл. Нац. Центра.
18. Управл. отд. зак. и пропаганды К. Н. Соколовъ — кадетъ, чл. Нац. Центра.
19. Управл. дѣлами Особаго Совѣщанія С. В. Безобразовъ — безпарт., правый.
20. Членъ Особ. Сов. безъ портфеля Н. И. Астровъ — кадетъ, чл. Нац. Центра.
21. » » » » » М. М. Федоровъ, кад., предс. Нац. Центра.
22. » » » » » И. П. Шиповъ — правый
23. » » » » » Д. И. Никифоровъ — правый.
24. » » » » » Н. В. Савичъ — окт., чл. Сов. гос. объед.

Къ этому времени вышелъ изъ состава членъ Особаго Совѣщанія В. В. Шульгинъ. Ген. Санникова смѣнилъ позже ген. Картаци; Чебышева—В. П. Носовичъ, Колокольцова — А. Д. Билимовичъ, Лебедева — А. И. Фенинъ, Шуберскаго — В. П. Юрченко.

Въ работахъ Особаго Совѣщанія принималъ участіе П. И. Новгородцевъ — по причинамъ личнаго свойства не включенный официально въ его составъ, бывавшій въ немъ рѣдко и работавшій, главнымъ образомъ, въ Нац. Центрѣ и кадетской группѣ.

[1]) Чтобы пояснить политическій обликъ двухъ генераловъ, послѣдовательно занимавшихъ постъ предсѣдателя Ос. Сов. — Драгомирова и Лукомскаго, можно указать, что до извѣстной степени первый былъ близокъ по взглядамъ къ В. В. Шульгину, а второй къ А. В. Кривошеину.

[2]) По условіямъ своей прямой должности въ Ос. Сов. участвовалъ рѣдко.

[3]) Кадеты предлагали мнѣ вызвать П. Н. Милюкова, но армейскія настроенія не допускали участія его въ правительствѣ.

лись различныя теченія, которыя смущали и разойтись по которымъ мы не хотѣли. Партійная дисциплина при бывшихъ условіяхъ конечно не могла существовать. У насъ состоялось соглашеніе о томъ, что въ Ос. Сов. мы не можемъ быть связаны мнѣніемъ маленькой группы к. д., собравшейся въ Екатеринодарѣ. Отдѣльные члены партіи въ Ос. Сов. и другихъ учрежденіяхъ (напр. Донск. кругъ) дѣйствовали за свой страхъ и рискъ, за счетъ своего пониманія слагавшихся условій и собственной совѣсти».

Какъ бы то ни было, въ Ос. Сов. осуществилась та коалиція двухъ политическихъ направленій, къ созданію которой послѣ октябрьскихъ дней стремились многіе, въ томъ числѣ Милюковъ въ кіевскій періодъ его дѣятельности. Эта коалиція соотвѣтствовала, какъ будто, соотношенію слагаемыхъ элементовъ бѣлаго движенія на Югѣ и, во всякомъ случаѣ, представляла предѣльный уклонъ «влѣво», допускаемый настроеніемъ Арміи и близкихъ ей круговъ. Внѣ этой комбинаціи представлялись двѣ возможности: однородное правое или однородное либеральное правительство. Первое было бы спокойно принято Арміей, но еще болѣе недоброжелательно въ странѣ, въ особенности въ казачьихъ областяхъ; оно имѣло бы въ своемъ распоряженіи вѣроятно элементы волевые и признанное возглавленіе въ лицѣ Кривошеина. Но успѣхъ такого правительства и прочность его были весьма сомнительны, особенно принимая во вниманіе ту психологію и то игнорированіе огромнаго соціальнаго сдвига, которыя проявляли до крушенія Юга даже умѣренно-правые круги. Созданіе правительства второго типа было просто неосуществимымъ: въ силу настроенія офицерства, того натиска изъ правыхъ круговъ, который подрывалъ бы его существованіе и которому мирный, по природѣ своей, русскій либерализмъ противустоять не могъ.

Я долженъ, однако, оговориться. Собственно офицерство политикой и классовой борьбой интересовалось мало. Въ основной массѣ своей въ классовомъ отношеніи оно являлось элементомъ чисто служилымъ, типичнымъ «интеллигентскимъ пролетаріатомъ». Но связанное съ прошлымъ русской исторіи крѣпкими военными традиціями и представляя по природѣ своей элементъ охранительный, оно легче поддавалось вліянію правыхъ круговъ и своего сохранившаго авторитетъ, также праваго по преимуществу, старшаго команднаго состава. Не малую роль въ этомъ сыграло и отношеніе къ офицерству соціалистическихъ и либеральныхъ круговъ въ наиболѣе трагическіе для офицеровъ дни — 1917 года и особенно Корниловскаго выступленія[1]). Эти вліянія въ извѣстные моменты выводили изъ равновѣсія въ общемъ аполитичное наше офицерство.

Таковы предпосылки появленія на свѣтъ «коалиціи» и «средней линіи» въ политикѣ Юга.

Политика эта потерпѣла крушеніе.

Помимо личныхъ ошибокъ правительства и правителя, въ этомъ печальномъ исходѣ ясно обозначилась одна изъ причинъ его: возможная для мирнаго строительства въ условіяхъ нормальной жизни страны, полезная безъ сомнѣнія для организаціи противобольшевицкаго движенія и расширенія фронта его участниковъ, коалиція, въ качествѣ силы дѣйственной, правящей, оказалась трудно примѣнимой въ дни революціи, въ дни борьбы.

Особое Совѣщаніе, состоявшее изъ лицъ, преданныхъ Родинѣ, но по разному понимавшихъ ея интересы, не могло работать съ должнымъ единодушіемъ.

Послѣ крушенія Воор. с. Юга, одинъ изъ правыхъ членовъ Особаго Совѣщанія подѣлился со мной своими мыслями о причинахъ неудачи, постигшей нашу политику, «своей критикой и самокритикой»:

> «По составу Ос. Сов. дѣлилось на два политическихъ лагеря, въ немъ боролись два міросозерцанія.
>
> Эта борьба прежде всего вліяла на подборъ лицъ, когда считались не только съ технической подготовкой, но главнымъ образомъ съ политическимъ тяготѣ-

[1]) Объ этомъ я писалъ во II томѣ «Очерковъ».

Генералъ А. Драгомировъ, Предсѣдатель Особаго Совѣщанія.

Особое совѣщаніе.

ніемъ. Наружно для Васъ все было прикрыто государственными лозунгами, большинство знало закулисную сторону. Обѣ стороны (Совѣщанія) не свободны отъ грѣха.

Политика, проводимая аппаратомъ, заключавшимъ элементы для внутренняго тренія, могла быть только компромиссной. Каждая изъ составныхъ частей Ос. Сов. при обсужденіи любого законопроекта соціальнаго значенія стремилась отстоять свое міросозерцаніе и, сознавая, что не въ силахъ провести его цѣликомъ, пыталась убѣдить другую на извѣстныя уступки.

Наша политика была поэтому осторожна, но лишена творческаго авантюризма, рѣшительности и напора. Она казалась недостаточно демократичной однимъ и слишкомъ слабой противъ непомѣрныхъ домогательствъ черни — другимъ. Она не удовлетворила ни одно изъ теченій, боровшихся съ оружіемъ въ рукахъ.

Даже военная диктатура, для того, чтобы быть сильной и устойчивой, нуждается въ поддержкѣ могущественнаго класса, притомъ активнаго, способнаго за себя постоять, бороться. Наша же средняя линія вызвала опасеніе однихъ классовъ, недовѣріе другихъ и создала пустоту въ смыслѣ соціальной опоры вокругъ.

Въ результатѣ — диктатурѣ пролетаріата и выпущенной изъ тюрьмы братіи мы не смогли противопоставить диктатуры здороваго и достаточно сильнаго класса, а масса была еще апатична, не подготовлена, чтобы активно съ оружіемъ въ рукахъ встать на защиту своихъ идеаловъ.

Правда, надъ всѣмъ доминировала идея диктатуры, которая теоретически должна давать общую линію поведенія и направленія. Но ясно, что Ос. Сов. могло эти указанія усилять или ослаблять при проведеніи въ жизнь, мало того оно могло вліять и вліяло».

Дѣйствительно, «диктатура», проводя однѣ направляющія линіи прямо и непреклонно, въ другихъ — считалась съ мнѣніемъ Ос. Сов., самоограничивая путемъ такой «внутренней» конституціи свои неограниченныя права. Постановленія Совѣщанія служили, во всякомъ случаѣ, въ моихъ глазахъ мѣриломъ того, что можно было провести въ жизнь безъ потрясеній при тогдашнихъ условіяхъ и тогдашнихъ исполнителяхъ, при чемъ необходимо замѣтить, что ни одно особое мнѣніе либеральной группы не было оставляемо безъ вниманія. Впрочемъ, въ постановленіяхъ Ос. Сов. такіе эпизоды офиціальнаго протеста, заявляемаго лишь частью группы, бывали не часто — обыкновенно находился компромиссъ. Иногда либеральная группа доводила до моего свѣдѣнія въ частномъ порядкѣ черезъ начальника штаба[1]) о спорныхъ сторонахъ принятаго уже Ос. Сов. рѣшенія. Только нѣсколько лѣтъ спустя я узналъ о мотивахъ такой постановки вопроса, для меня совершенно неожиданныхъ:

«Мы избѣгали навязываемаго намъ положенія офиціальной оппозиціи и, лояльно поддерживая диктатуру, не хотѣли разводить около нея внутреннюю распрю. Первоначально мы дѣйствительно практиковали пріемъ подачи «особыхъ мнѣній». Эти особыя мнѣнія оказались, однако, весьма опасными и возымѣли довольно неожиданныя послѣдствія. Часть ихъ была поддержана главнокомандующимъ. Въ результатѣ по всей правой линіи вспыхнуло рѣзкое раздраженіе. Положеніе оказалось опаснымъ — не для насъ, а для главнокомандующаго. Разлетѣлись слухи о томъ, что главнокомандующій идетъ по указкѣ кадетъ и въ частности двухъ кадетъ Ос. Сов. До насъ это злобное раздраженіе дошло въ видѣ зловѣщихъ слуховъ о возможныхъ покушеніяхъ на главнокомандующаго... Мы рѣшили прекратить систему особыхъ мнѣній и прибѣгать къ нимъ только въ экстренныхъ случаяхъ, что и дѣлалось».

Конструкція Ос. Сов. и соотношеніе въ немъ силъ дѣлали положеніе оппозиціи весьма труднымъ.

«Развивать въ немъ большую работу — пишетъ одинъ изъ членовъ оппозиціи — въ духѣ, не отвѣчающемъ правымъ устремленіямъ, было довольно празднымъ занятіемъ... Были ли мы, однако, безучастны къ этому явленію? Искали ли выхода? Утверждаю, что выхода искали, положеніемъ чрезвычайно тяготились...» Прежде всего «мы стремились внести нѣкоторое равновѣсіе въ Ос. Сов. и усилить въ немъ гражданскій элементъ, усилить нашу группу въ

[1]) Такъ какъ стѣны имѣли глаза и уши, то эти посѣщенія становились достояніемъ молвы и въ глазахъ извѣстныхъ круговъ ставились въ большую вину ген. Романовскому.

Совѣщаніи съ цѣлью выправленія его, какъ говорилось, «праваго крена»... Помню, какъ послѣ одного изъ засѣданій, изведенный прекаціями по одному изъ очередныхъ спорныхъ вопросовъ и видя, что прекаціи проистекаютъ изъ исключающихъ другъ друга политическихъ жизнепониманій, я обратился къ... (двумъ правымъ членамъ Совѣщанія) съ заявленіемъ: «кончимъ же это безцѣльное и вредное топтаніе на мѣстѣ. Берите на себя отвѣтственность, мы отойдемъ и не будемъ больше прекаться. Нужно, чтобы дѣло двигалось. Въ застоѣ его гибель. Нужно выбирать курсъ и дѣйствовать». Мои собесѣдники согласились, что положеніе тягостно, но отвергли мысль о томъ, что мы должны разойтись. Становилось все яснѣе, что для праваго большинства мы были нужны, какъ нѣкоторое прикрытіе...»

Въ концѣ концовъ, авторъ письма пришелъ къ рѣшенію: «мы не можемъ повліять на ходъ правой политики, которая все болѣе укрѣпляется въ Добрармін. Это для меня ясно. Ставлю себѣ, однако, задачу хотя бы нѣсколько смягчать неизбѣжныя рѣзкости въ условіяхъ военнаго окруженія военной диктатуры въ пору гражданской войны. Знаю, что эта задача весьма неблагодарная. Но уходить изъ Добрармін не буду».

Коалиція была необходима, а элементы, ее составлявшіе — органически несродны. Въ этомъ былъ глубокій трагизмъ положенія.

И, наконецъ, отметая первенство причинъ соціальнаго и политическаго характера въ неудачѣ движенія, третій весьма видный участникъ Ос. Сов. — правый, военный — говоритъ:

«Что касается того, какія теченія преобладали въ утвержденныхъ главнокомандующимъ рѣшеніяхъ Особ. Совѣщанія — это вопросъ спорный. Впрочемъ это и несущественно. Дѣло не въ правой или лѣвой политикѣ, а въ томъ, что мы совершенно не справились съ тыломъ».

Какъ бы то ни было, тяжелый возъ правленія шелъ въ гору по ухабистой дорогѣ и притомъ на тугихъ тормазахъ. Обѣ стороны винили въ этомъ другъ друга.

* * *

Программа правительства не объявлялась. Двѣ рѣчи, сказанныя мною въ Ставрополѣ и на открытіи Кубанской рады, исчерпывали официальное изъявленіе нашей идеологіи и политическаго курса; онѣ служили темой для пропаганды, политическихъ дискуссій и экспорта за границу [1]).

Въ ихъ неопредѣленности и «непредрѣшеніяхъ» различные секторы русской общественности, одни съ тревогой и подозрительностью, другіе съ признаніемъ и надеждой — видѣли маскировку, скрывающую «истинныя» побужденія и намѣренія. Изъ круговъ умѣренно соціалистическихъ и либеральныхъ, изъ Крыма, Кіева, Одессы, отъ «русскаго политическаго совѣщанія» изъ Парижа шли все болѣе настойчивыя предложенія «раскрыть лицо Добровольческой Арміи». Между тѣмъ, «непредрѣшенія» являлись результатомъ столько же моего убѣжденія, сколько и прямой необходимости.

Въ самомъ дѣлѣ: «Борьба съ большевизмомъ до конца», «Великая, Единая и Недѣлимая», «автономіи и самоуправленія», «политическія свободы» — вся эта цѣнная кладь могла быть погружена на государственный возъ явно при общемъ или почти общемъ (кромѣ федералистовъ и самостійниковъ) сочувствіи. Казалось, что съ одной этой кладью, подъ трехцвѣтнымъ національнымъ флагомъ можно будетъ довезти его до Москвы, а если тамъ при разгрузкѣ произошло бы столкновеніе разномыслящихъ элементовъ, даже кровавое, то оно было бы, во всякомъ случаѣ, менѣе длительнымъ и изнурительнымъ для страны, чѣмъ большевицкая неволя... Но идти дальше этого было уже труднѣе: въ нѣкоторыхъ случаяхъ пришлось бы вскрывать разъѣдавшее насъ разномыслiе.

---

[1]) Въ телеграммѣ Сазонову отъ 2 янв. 19 г. я писалъ: «Мы боремся за самое бытіе Россіи, не преслѣдуемъ никакихъ реакціонныхъ цѣлей, не поддерживаемъ интересовъ какой-либо одной политической партіи и не покровительствуемъ никакому отдѣльному сословію. Мы не предрѣшаемъ ни будущаго государственнаго устройства, ни путей и способовъ, коими русскій народъ объявитъ свою волю».

Однажды, осенью 1918 г. по поводу толковъ о необходимости декларации мои оба ближайшіе помощники сказали мнѣ, что работать подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія они считаютъ для себя невозможнымъ. Это было убѣжденіе, широко распространенное въ военной средѣ и правыхъ кругахъ, гдѣ понятія «учредилка» и «учредиловцы» встрѣчали презрительное отношеніе. Но и въ либеральныхъ кругахъ въ то время признаніе Учред. собр. было далеко не безоговорочнымъ. На кадетскомъ съѣздѣ въ Екатеринодарѣ мы слышали, напримѣръ, изъ устъ Милюкова такія слова: «Я противъ предрѣшенія какъ формъ, такъ и способовъ созданія новой власти. Идея народовластія и свободнаго волеизъявленія народовъ болѣе чѣмъ поколеблена... Необходима крайняя осторожность по отношенію къ Учред. собранію»...

Оставляя въ сторонѣ другія палліативныя рѣшенія, оставалось декларировать кому-либо «самозарожденіе» или «законопреемственность», чтобы въ минуту порвать слагавшееся съ такимъ трудомъ, весьма непрочно сшитое единство военно-общественнаго фронта.

Это отношеніе къ идеѣ Учред. собр. подъ вліяніемъ разнообразныхъ причинъ современемъ начинаетъ вновь мѣняться, вѣроятно не столько по убѣжденію, сколько по тактическимъ соображеніямъ. Такъ, на засѣданіи представителей Гос. об., Нац. центра, Союза возр. и бюро «Совѣтовъ объед. земствъ и городовъ Юга Россіи»[1]), представлявшемъ первую попытку объединенія болѣе широкаго общественнаго фронта, возбужденъ былъ и этотъ вопросъ; протоколъ засѣданія говоритъ:

«Учредительное собраніе, какъ суверенный органъ государственнаго строительства, возникающее на основѣ народнаго волеизъявленія — признано пріемлемымъ въ принципѣ, но *непоименованію* членами всѣхъ представленныхъ организацій. Члены Земско-городск. объединенія, Союза Воз., и Госуд. об. въ лицѣ Е. Н. Трубецкого[2]) признаютъ его категорически, оставляя и названіе. Членъ Гос. об. Масленниковъ считаетъ неизбѣжнымъ установленіе самаго органа народнаго волеизъявленія, не предрѣшая его названія. Членъ Нац. Цен. М. Федоровъ считаетъ вопросъ о наименованіи несущественнымъ, но предпочитаетъ названіе «Народнаго Собранія», настаивая при этомъ, главнымъ образомъ, на установленіи того момента выборовъ, который далъ бы увѣренность въ разумномъ исходѣ голосованія»[3]).

Пока мужи совѣта, такимъ образомъ, искали путей, чтобы обойти не то острые углы взаимныхъ отношеній, не то другъ друга, въ Арміи эти тренія находили также откликъ, но гораздо болѣе элементарный: одни проливали кровь, не мудрствуя лукаво, другіе заявляли:

— Мы за «учредилку» умирать не будемъ...

Поэтому я призывалъ Армію бороться просто *за Россію*.

* * *

Съ бо́льшими еще трудностями проходилъ другой важный вопросъ — *аграрный*. Послѣ долгихъ мукъ, споровъ, взаимныхъ уступокъ Ос. Сов. подошло, наконецъ, къ основнымъ его положеніямъ. Въ двадцатыхъ числахъ марта 1919 г. состоялись засѣданія подъ моимъ предсѣдательствомъ, окончательно установившія руководящія основанія. Это было еще очень немного, но, по крайней мѣрѣ, дѣло сдвигалось съ мертвой точки. Когда возникъ вопросъ — въ какой формѣ

---

[1]) Бюро выдѣлилось на Симферопольскомъ съѣздѣ.

[2]) Только его лично. Въ собраніи присутствовали еще члены Сов. Гос. об. В. Бобринскій, А. Хрипуновъ, Л. Масленниковъ.

[3]) Изъ протокола засѣданія 3 января 1919 г. — Харьковское совѣщаніе партіи Народной Свободы въ ноябрѣ 1919 года высказалось за «доведеніе страны до Всероссійскаго *Представительнаго собранія*», противъ «попытокъ немедленнаго объявленія постоянной формы государственнаго устройства» и противъ немедленнаго по свержении большевиковъ созыва Учредительнаго собранія.

объявить о принятомъ рѣшеніи во всеобщее свѣдѣніе, одинъ изъ членовъ Совѣщанія высказалъ взглядъ, что объявлять не слѣдуетъ вовсе; къ нему присоединилась большая часть правыхъ членовъ Совѣщанія. Я выразилъ свое удивленіе и заявилъ, что принятыя положенія считаю обязательными, и они будутъ опубликованы въ ближайшій день. «Декларація», какъ результатъ этого обсужденія, составлялась въ Нац. центрѣ и принадлежитъ перу Н. И. Астрова. Я измѣнилъ ея редакцію, оставивъ сущность, и придалъ форму предписанія на имя предсѣдателя Ос. Сов.[1]). Оно гласило:

«Государственная польза Россіи властно требуетъ возрожденія и подъема сельскаго хозяйства.

Полное разрѣшеніе земельнаго вопроса для всей страны и составленіе общаго для всей необъятной Россіи земельнаго закона будетъ принадлежать законодательнымъ учрежденіямъ, черезъ которыя русскій народъ выразитъ свою волю.

Но жизнь не ждетъ. Необходимо избавить страну отъ голода и принять неотложныя мѣры, которыя должны быть осуществлены незамедлительно. Поэтому Особому Совѣщанію надлежитъ теперь же приступить къ разработкѣ и составленію положеній и правилъ для мѣстностей, находящихся подъ управленіемъ главнокомандующаго вооруженными силами Юга Россіи.

Считаю необходимымъ указать тѣ начала, которыя должны быть положены въ основу этихъ правилъ и положеній:

1. Обезпеченіе интересовъ трудящагося населенія.

2. Созданіе и укрѣпленіе прочныхъ мелкихъ и среднихъ хозяйствъ за счетъ казенныхъ и частновладѣльческихъ земель.

3. Сохраненіе за собственниками ихъ правъ на земли. При этомъ въ каждой отдѣльной мѣстности долженъ быть опредѣленъ размѣръ земли, которая можетъ быть сохранена въ рукахъ прежнихъ владѣльцевъ и установленъ порядокъ перехода остальной частновладѣльческой земли къ малоземельнымъ. Переходы эти могутъ совершаться путемъ добровольныхъ соглашеній или путемъ принудительнаго отчужденія, но обязательно за плату. За новыми владѣльцами земля, не превышающая установленныхъ размѣровъ, укрѣпляется на правахъ незыблемой собственности.

4. Отчужденію не подлежатъ земли казачьи, надѣльныя, лѣса, земли высокопроизводительныхъ сельско-хозяйственныхъ предпріятій, а также земли, не имѣющія сельско-хозяйственнаго назначенія, но составляющія необходимую принадлежность горнозаводскихъ и иныхъ промышленныхъ предпріятій; въ послѣднихъ двухъ случаяхъ — въ установленныхъ для каждой мѣстности повышенныхъ размѣрахъ.

5. Всемѣрное содѣйствіе земледѣльцамъ путемъ техническихъ улучшеній земли (меліорація), агрономической помощи, кредита, средствъ производства, снабженія сѣменами, живымъ и мертвымъ инвентаремъ и проч.

Не ожидая окончательной разработки земельнаго положенія, надлежитъ принять теперь же мѣры къ облегченію перехода земель къ малоземельнымъ и поднятію производительности сельско-хозяйственнаго труда. При этомъ власть должна не допускать мести и классовой вражды, подчиняя частные интересы благу Государства».

Въ день отдачи предписанія ген. Драгомировъ передалъ мнѣ просьбу предсѣдателя Сов. Гос. об. Кривошеина — повременить съ выпускомъ его до представленія проекта Гос. об., такъ какъ «такой государственной важности актъ требуетъ особливаго, подобающаго случаю изложенія». Ждать дольше я не хотѣлъ, и предписанію данъ былъ ходъ. Въ полученномъ post-factum проектѣ Кривошеина пунктъ, касавшійся непосредственно аграрнаго вопроса, былъ изложенъ въ такой формѣ:

«6. Безотлагательная разработка мѣропріятій, имѣющихъ главнѣйшею цѣлью обезпечить интересы широкихъ народныхъ массъ и быстрый ростъ производительныхъ силъ страны. Въ этихъ видахъ, между прочимъ:

а) въ области аграрныхъ задачъ — постановка земельнаго дѣла въ началахъ децентрализаціи въ соотвѣтствіи съ особыми хозяйственными условіями отдѣльныхъ раіоновъ; всемѣрное содѣйствіе образованію и скорѣйшему развитію мелкой земельной собственности; отмѣны ограниченій въ правѣ распоряженія крестьянскими надѣльными землями; широкое поощреніе добровольныхъ со-

[1]) Отъ 23 марта 19 г. № 45.

глашеній о переходѣ земли въ крестьянскія руки; созданіе примирительныхъ земельныхъ комиссій и принудительное, за справедливый выкупъ, отчужденіе земли во всѣхъ случаяхъ, когда государственный интересъ этого требуетъ».

Такъ или иначе, провозглашенъ былъ столь страшный для многихъ принципъ принудительнаго отчужденія.

Первымъ послѣдствіемъ изданія аграрной декларацiи было крупное столкновеніе между Гос. об. и Нац. центромъ. Я уѣхалъ въ Чечню, а декларація не появлялась въ печати цѣлую недѣлю. Задержка, повидимому, произошла потому, что въ это время въ совмѣстномъ засѣданіи обѣихъ группъ шелъ горячій споръ о цѣлесообразности и своевременности изданія декларацiи. Сов. гос. об. устами, главнымъ образомъ, Кривошеина доказывалъ: «неправильно усиливать вновь рознь въ антибольшевицкомъ лагерѣ, гдѣ и безъ того элементы мщенія играютъ большую и фатальную роль... Одни будутъ обвинять власть въ демагогіи, въ стремленіи ихъ ущемить въ угоду демократическимъ теченіямъ, будутъ доказывать антигосударственность и экономическую нецѣлесообразность мѣры, которую будутъ считать направленной противъ ихъ классовыхъ и личныхъ интересовъ. А такъ какъ вліяніе этихъ элементовъ въ Арміи и чиновничествѣ значительно, то послѣдствіемъ будетъ будированіе противъ власти среди лагеря, на который она вынуждена опираться... Съ другой стороны офиціальный документъ, который не можетъ обѣщать больше, чѣмъ уже дано большевицкимъ декретомъ о землѣ, даетъ оружіе для агитаціи и пропаганды съ лѣвой стороны — соц.-рев. и тайныхъ агентовъ большевиковъ»... Представители Нац. центра возражали, что «съ одними офицерами воевать больше нельзя, что нужно привлечь на свою сторону солдата или сдѣлать его, по крайней мѣрѣ, не враждебнымъ... Необходимо немедленно парализовать агитацію, которую ведутъ большевики, будто новая власть идетъ возстанавливать старый режимъ, возвращать земли помѣщикамъ, мстить и наказывать... Наконецъ, что нужны довѣріе и поддержка европейскихъ демократій»...

Обѣ стороны не пришли къ соглашенію и разстались еще большими врагами.

Появленіе аграрной декларацiи усилило тѣ настроенія, которыя были созданы подготовительной борьбой. Такъ напримѣръ, газета «Великая Россія», руководимая тогда Н. Н. Львовымъ, послѣ бурнаго засѣданія редакціонной коллегіи, на которомъ обсуждалось отношеніе къ декларацiи, въ концѣ концовъ напечатала ее въ рубрикѣ текущихъ дѣлъ («Въ Ос. Совѣщаніи») безъ всякихъ сопроводительныхъ комментаріевъ. Сильно и убѣжденно высказался тогда М. В. Родзянко, остерегавшій меня «отъ опаснаго шага изданія земельнаго закона (моей) единоличной властью»:

> «Я отлично отдаю себѣ отчетъ — писалъ онъ мнѣ — что земледѣльческій крестьянскій классъ въ Россіи долженъ быть надѣленъ землей за счетъ крупнаго землевладѣнія... Но нельзя признать права за случайно собраннымъ Ос. Совѣщаніемъ предвосхищать права неизбѣжнаго будущаго Учредит. Собранія, которое одно только вправѣ коснуться наиважнѣйшаго права каждаго гражданина — права собственности... Связанныя съ законопроектомъ сложныя финансовыя мѣры могутъ вызвать окончательное разстройство въ нашихъ поколебленныхъ финансахъ... Наконецъ, если законодательство, касающееся земельной реформы, пойдетъ по такому пути, то неизбѣжно окажется, что Армія Ваша, адм. Колчака, ген. Юденича, Сѣверная и др. могутъ его разрѣшить на различныхъ основаніяхъ, и тогда въ этомъ жгучемъ, наболѣвшемъ вопросѣ страна будетъ заведена въ такой тупикъ, изъ котораго ее не выведетъ никакое Учредительное Собраніе...»

Эти взгляды, не слишкомъ, впрочемъ, противорѣчившіе духу декларацiи, раздѣлялись и Союз. возр., который также считалъ, что «окончательное разрѣшеніе аграрнаго вопроса можетъ послѣдовать лишь по возсоединеніи Россіи и только властью Учредит. Собр.», и что «нынѣ возможны только временныя мѣры для урегулированія земельныхъ отношеній». Но при этомъ Союзъ считалъ необходимымъ «предоставить крестьянамъ пользованіе той землей, которая находится въ ихъ фактическомъ владѣніи». Этотъ же взглядъ правительствомъ адм. Колчака былъ

проведенъ фактически въ жизнь въ Сибири, гдѣ, правда, земельныя отношенія не имѣли вовсе той остроты, какъ въ Европ. Россіи [1]).

Не лишнимъ будетъ привести и тотъ взглядъ, который высказывало въ тѣ дни лицо, шедшее на смѣну власти. Въ концѣ марта ген. Врангель говорилъ: «полагаю, что требованія части общества, обращенныя къ Арміи, о провозглашеніи ея программы, ошибочны. Армія по самой природѣ своей внѣ политики. Политической программы у Арміи не можетъ быть. Мы должны завоевать порядокъ, при которомъ народъ, освобожденный отъ гнета и произвола, свободно выскажетъ свою волю».

* * *

Несравненно легче проходилъ рабочій вопросъ, не вызывая ни такой страстности, ни такого разномыслія, какъ аграрный. Въ тотъ же день, 23 марта на имя предсѣдателя Ос. Сов. было мною послано предписаніе:

«Русская промышленность разрушена совершенно, чѣмъ подорвана государственная мощь Россіи, разорены предпріятія и лишены работы и хлѣба милліоны рабочаго люда.

Предлагаю Особому Совѣщанію приступить немедленно къ обсужденію мѣръ для возможнаго возстановленія промышленности и къ разработкѣ рабочаго законодательства, принявъ въ основу его слѣдующія положенія:

1. Возстановленіе законныхъ правъ владѣльцевъ фабрично-заводскихъ предпріятій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпеченіе рабочему классу защиты его профессіональныхъ интересовъ.

2. Установленіе государственнаго контроля за производствомъ въ интересахъ народнаго хозяйства.

3. Повышеніе всѣми средствами производительности труда.

4. Установленіе 8-часоваго рабочаго дня въ фабрично-заводскихъ предпріятіяхъ.

5. Примиреніе интересовъ работодателя и рабочаго и безпристрастное рѣшеніе возникающихъ между ними споровъ (примирительныя камеры, промысловые суды).

6. Дальнѣйшее развитіе страхованія рабочихъ.

7. Организованное представительство рабочихъ въ связи съ нормальнымъ развитіемъ профессіональныхъ обществъ и союзовъ.

8. Надежная охрана здоровья трудящихся, охрана женскаго и дѣтскаго труда, устройство санитарнаго надзора на фабрикахъ и заводахъ и въ мастерскихъ; улучшеніе жилищныхъ и иныхъ условій жизни рабочаго класса.

9. Всемѣрное содѣйствіе возстановленію предпріятій и созданію новыхъ въ цѣляхъ прекращенія безработицы, а также принятіе другихъ мѣръ для достиженія той же цѣли (посреднические конторы по найму и проч.).

Къ обсужденію рабочаго законопроекта надлежитъ привлечь представителей какъ отъ предпринимателей, такъ и отъ рабочихъ. Не ожидая окончательной разработки и осуществленія рабочаго законодательства, во всѣхъ случаяхъ текущей жизни и административной практики, въ мѣрѣ возможности примѣнять эти основныя положенія и, въ частности, оказать государственное содѣйствіе къ обезпеченію рабочихъ и ихъ семействъ предметами первой необходимости за счетъ части заработка».

«Рабочая декларація» была принята обществомъ и печатью также безъ особой страстности. Въ Екатеринодарскій періодъ борьбы торгово-промышленный классъ не имѣлъ въ кругахъ, близкихъ къ Арміи и Ос. Сов., такихъ сторонниковъ своихъ интересовъ, какъ аграріи.

Въ результатѣ обѣихъ декларацій образованы были двѣ комиссіи: для разработки земельнаго вопроса — подъ предсѣдательствомъ нач. управ. земл. Коло-

---

[1]) «Всѣ, въ чьемъ пользованіи земля сейчасъ находится, всѣ кто ее засѣялъ и обработалъ, хотя бы не былъ ни собственникомъ, ни арендаторомъ, имѣютъ право собрать урожай. Вмѣстѣ съ тѣмъ правительство принимаетъ мѣры для обезпеченія безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ и на будущее время, воспользовавшись въ первую очередь частновладѣльческой и казенной землей, уже перешедшей въ фактическое обладаніе крестьянъ. Въ окончательномъ же видѣ вѣковой земельный вопросъ будетъ рѣшенъ Національнымъ собраніемъ». Изъ декларації Россійскаго правительства, изданной 8 апрѣля 19 года.

кольцова, и для разрѣшенія рабочаго вопроса — подъ предсѣдательствомъ М. М. Федорова.

* * *

Настойчивыя пожеланія о необходимости общей политической декларации правительства Юга для западной Европы приходили отъ русскаго политическаго совѣщанія изъ Парижа и отъ Екатеринодарскихъ иностранныхъ представителей. В. Маклаковъ подсказывалъ и общія основныя начала ея: «временный характеръ военной власти, имѣющей цѣлью по возстановленіи единства и порядка обезпечить свободное выраженіе народнаго суверенитета (?)... Въ земельномъ вопросѣ — правовое урегулированіе совершающагося стихійнаго процесса... Утвержденіе самобытнаго устроенія и развитія народностей въ предѣлахъ органически единой Россіи въ формахъ автономій или федерации» и т. д.

Въ началѣ апрѣля предсѣд. Ос. Сов. ген. Драгомировъ доложилъ мнѣ, что ген. Бриггсъ настойчиво проситъ объявить декларацію, которая могла бы разсѣять предубѣжденіе о реакціонности Южной власти, создавшееся въ демократическихъ кругахъ Европы, и дала бы возможность искреннимъ друзьямъ Добровольческой Арміи оказывать ей болѣе серьезную помощь. Ген. Бриггсъ предложилъ и проектъ декларации, которая могла бы, по его словамъ, удовлетворить англійскую рабочую партію [1]). По существу почти всѣ положенія этого проекта были пріемлемы и въ той или другой формѣ объявлялись командованіемъ; но внесеніе въ проектъ «Національнаго Собранія» шло значительно дальше «непредрѣшенія»... И то обстоятельство, что оно не возбудило протеста въ правомъ секторѣ Ос. Сов., означало уже большой сдвигъ.

10 апрѣля была составлена въ нѣсколько измѣненной мною редакціи и послана англійскому, французскому и американскому представителямъ нота, подписанная мною и всѣми членами Особаго Совѣщанія [2]).

Врядъ ли эта декларація имѣла какое либо вліяніе на измѣненіе международнаго положенія Юга. Въ отечественныхъ же политическихъ кругахъ она не удовлетворила никого. Органы важнѣйшихъ противобольшевицкихъ группировокъ

---

[1]) Проектъ Декларации.

1. Наши враги утверждаютъ, что мы реакціонная сила, ведущая борьбу для возстановленія стараго режима.

Это неправда.

Мы, главнокомандующій вооруженными силами Юга Россіи и члены Особаго при немъ Совѣщанія, имѣя въ виду опроверженіе возводимаго на насъ обвиненія въ реакціонности, торжественно объявляемъ, что мы преслѣдуемъ нижеслѣдующія цѣли.

1. Уничтоженіе большевицкой тиранiи и возстановленіе порядка.
2. Возстановленіе могущественной единой и недѣлимой Россіи.
3. Созывъ Національнаго Собранія на основахъ всеобщаго и тайнаго голосованія.
4. Установленіе широкаго мѣстнаго самоуправленія въ областяхъ, которыя того пожелаютъ.
5. Немедленныя земельныя реформы въ соотвѣтствіи съ нуждами каждой мѣстности.
6. Гарантіи полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія.
7. Рабочее законодательство, обезпечивающее трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ капиталомъ или Государствомъ.

(Текстъ въ переводѣ съ англійскаго).

Повидимому этотъ проектъ былъ извѣстенъ заблаговременно французскимъ и американскимъ представителямъ. Въ англійскомъ текстѣ фраза «Народное собраніе» имѣла начертаніе «National Assembly»; во французскомъ — «Assemblée Nationale — понятіе, имѣвшее совершенно опредѣленный смыслъ — Учредительнаго Собранія (1789 и 1871).

[2]) О послѣднемъ просилъ усиленно Бриггсъ.

«Прошу Васъ довести до свѣдѣнія Вашего Правительства о томъ, какія цѣли преслѣдуетъ Командованіе вооруженныхъ силъ Юга Россіи въ вооруженной борьбѣ съ совѣтской властью и въ государственномъ строительствѣ.

высказались сдержанно, но явно несочувственно. «Великая Россія» нашла, что обѣщаній дано слишкомъ много, и «исполненіе ихъ принадлежитъ самой жизни русской — такой бурной, такой взбаламученной, что нѣтъ никакой возможности предвидѣть, въ какомъ реальномъ размѣрѣ будетъ осуществлена эта декларація»... «Утро Юга» находило, что сказано слишкомъ мало и слишкомъ неопредѣленно, въ особенности, въ части, касающейся Народнаго Собранія, въ рамки котораго «можетъ вмѣститься даже Булыгинская дума»... А «Свободная Рѣчь» въ изысканныхъ, но туманныхъ выраженіяхъ отдала преимущество «простымъ, но исполненнымъ патріотическаго одушевленія и не отравленнымъ партійнымъ буквоѣдствомъ» словамъ, сказаннымъ ранѣе [1]), въ сравненіи съ декларацією, «вызванной дружественной любознательностью союзниковъ». И успокаивала умы взыскующіе: «не приспѣло еще время, не сложилась еще та обстановка, при которыхъ можно пустить въ обращеніе новыя, отлитыя пытливымъ проникновеніемъ въ туманную даль — отчетливыя представленія».

Можно было подумать, что и тѣ, и другіе являются обладателями вѣрнаго средства спасенія страны, но таятъ его до времени подъ спудомъ, не желая открыть своей тайны непосвященнымъ.

Создавался понемногу политическій тупикъ, изъ котораго могли вывести только побѣды Арміи.

ГЛАВА XXIII.

Особое Совѣщаніе: гражданское управленіе и самоуправленіе; рабочее и аграрное законодательство.

Вопросъ о національностяхъ и связанный съ нимъ — о территоріальномъ устройствѣ Россійскаго государства разрѣшались въ полномъ единомысліи мною и всѣми членами Ос. Сов.: единство Россіи, областная автономія и широкая децентрализація. Наши отношенія къ западнымъ лимитрофамъ выражались только въ декларативныхъ заявленіяхъ; съ Украйной, Крымомъ, Закавказскими республиками и казачьими областями насъ связывали многочисленныя нити во всѣхъ областяхъ жизни, борьбы и управленія. Объ нихъ я говорю въ соотвѣтствующихъ главахъ. Эти взаимоотношенія были очень трудны и отвѣтственны, а среди управленій Ос. Сов. не было органа, который могъ бы руководить ими: управ. ин. дѣлъ старалось всемѣрно устраниться отъ этого дѣла, полагая, что принятіе въ свое вѣдѣніе сношеній съ новообразованіями послужитъ косвеннымъ признаніемъ ихъ суверенитета; управ. внут. дѣлъ по всей своей структурѣ и психологіи было неприспособлено къ такого рода работѣ. Въ концѣ концовъ сношенія съ новообразованіями велъ лично я, совмѣстно съ предсѣдателемъ Особаго Сов. при посредствѣ его канцеляріи и при содѣйствіи начальника штаба и нач. воен. управ. — въ части, касающейся военныхъ обстоятельствъ и военнаго представительства [2]). На

---

1. Уничтоженіе большевицкой анархіи и водвореніе въ странѣ правового порядка.
2. Возстановленіе могущественной единой, недѣлимой Россіи.
3. Созывъ Народнаго Собранія на основахъ всеобщаго избирательнаго права.
4. Проведеніе децентрализаціи власти путемъ установленія областной автономіи и широкаго мѣстнаго самоуправленія.
5. Гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданія.
6. Немедленный приступъ къ земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія.
7. Немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ государствомъ и капиталомъ».

[1]) «Непредрѣшенія» — рѣчь моя на открытіи Кубанской рады.

[2]) Любопытно, что въ правительствѣ адм. Колчака этотъ вопросъ также вызывалъ сомнѣніе: онъ былъ разрѣшенъ вначалѣ возложеніемъ сношеній съ новообразованіями (въ томъ числѣ съ прав. Юга, Сѣвера и Юденичемъ) на мин. иностр. дѣлъ, а съ осени 1919 г. — на мин. вн. дѣлъ.

Предсѣдатель „Совѣта Госуд. объед.“ А. В. Кривошеинъ.

Предсѣдатель „Національнаго Центра“ М. М. Федоровъ.

еженедѣльныхъ засѣданіяхъ Ос. Сов., подъ моимъ предсѣдательствомъ, я знакомилъ членовъ его съ принятыми мѣрами и зачастую обращался за совѣтомъ, не встрѣчая никогда сколько нибудь серьезныхъ расхожденій [1]).

Областное автономное устройство предполагалось не только въ отношеніи территорій, населенныхъ инородцами, но и русскихъ. Въ январѣ 1919 г. по иниціативѣ В. В. Шульгина возникла «комиссія по національнымъ дѣламъ» [2]), бюджетъ которой былъ отнесенъ на счетъ В.С.Ю.Р. Цѣлью своей комиссія поставила сборъ и разработку матеріаловъ для защиты русскихъ интересовъ на мирной конференціи и для выясненія отношеній Россіи къ національнымъ движеніямъ, а также изслѣдованіе вопроса объ автономномъ устройствѣ ея, въ частности Юга. Работы комиссіи отразились на административномъ подраздѣленіи территоріи В.С.Ю.Р. на области [3]). Въ планѣ предстоявшаго устройства страны намъ представлялась послѣдовательная цѣпь самоуправленій отъ сельскаго схода до областныхъ думъ, снабженныхъ въ періодъ подготовительный расширенными значительно правами губернскихъ земскихъ собраній и получающихъ впослѣдствіи функціи мѣстнаго законодательства изъ рукъ будущаго Народнаго Собранія. Но линія фронта далеко еще не выражала предѣловъ фактическаго распространенія войны. Вся небольшая вначалѣ территорія Добровольческой Арміи являлась по существу театромъ военныхъ дѣйствій. Это обстоятельство побуждало къ принятію исключительныхъ мѣръ для временнаго усиленія и централизаціи власти на мѣстахъ. Временныя положенія «о гражданскомъ управленіи и о государственной стражѣ», выработанныя Ос. Сов. по схемамъ Нац. центра и выпущенныя въ мартѣ 1919 г., должны были считаться съ этимъ обстоятельствомъ и поневолѣ ограничивать общественную инициативу. Тремъ ступенямъ административной лѣстницы — главноначальствующему, губернатору и начальнику уѣзда по принадлежности былъ предоставленъ надзоръ за состояніемъ и дѣятельностью всѣхъ правительственныхъ установленій [4]) и мирныхъ самоуправленій. Гражданская стража, имѣя полувоенную организацію, находилась въ двойномъ подчиненіи — мѣстнымъ гражданскимъ начальникамъ и, черезъ командировъ губернскихъ бригадъ, «командующему государственной стражей» — помощнику нач. управл. вн. дѣлъ, на котораго возлагалось высшее руководство дѣятельностью стражи по предупрежденію и пресѣченію преступленій. Главноначальствующій, кромѣ высшаго надзора за управленіемъ нѣсколькихъ губерній или области, имѣлъ въ своемъ подчиненіи войска и долженъ былъ согласовать дѣйствія военныхъ и гражданскихъ властей. Ему предоставлялись исключительныя права и принятіе чрезвычайныхъ мѣръ въ случаяхъ, угрожающихъ государственному порядку.

Съ возстановленіемъ и утвержденіемъ порядка и полнаго успокоенія въ губерніяхъ, съ начальствующихъ должны были быть сложены всѣ чрезвычайныя полномочія, и отпадало дѣйствіе исключительнаго положенія.

Это устройство, удовлетворявшее правые и либеральные круги, вызвало жестокую критику въ революціонной демократіи. Она находила въ идеѣ такого управленія только «административное усмотрѣніе, полицейскую опеку и произволъ»; мы видѣли въ немъ необходимыя условія, обезпечивающія интересы борьбы и Арміи. Она считала это реставраціей; мы — временной мѣрой, долженствующей расчистить путь для утвержденія покоя и нормальныхъ формъ самоуправленія.

Въ концѣ концовъ центръ тяжести вопроса былъ не столько въ системѣ, сколько въ людяхъ...

---

[1]) События на Кубани осенью 1919 г., связанныя съ казнью Калабухова, какъ увидимъ позже, протекали безъ участія Особаго Совѣщанія.

[2]) Предсѣдателемъ былъ избранъ В. В. Шульгинъ. Въ трудахъ комиссіи принимали участіе проф. И. А. Линниченко, М. А. Ляпуновъ, А. Б. Билимовичъ, П. И. Новгородцевъ и друг.

[3]) Харьковская, Кіевская, Новороссійская и Сѣв. Кавказъ.

[4]) Для главнонач. и губ. — за исключеніемъ судебныхъ мѣстъ и Контроля; для нач. уѣздовъ — за исключеніемъ, кромѣ того, учебныхъ заведеній.

Но жизнь перевернула вверхъ дномъ всѣ наши умозаключенія, и не оправдала ожиданій: наше гражданское управленіе не внесло законности и порядка, возбудивъ большое разочарованіе въ населеніи.

На высшихъ ступеняхъ гражданской іерархіи въ должности главноначальствующихъ находились генералы, командовавшіе арміями въ данныхъ раіонахъ; это положеніе имѣло свои достоинства и недостатки, тождественные съ совмѣстительствомъ въ до-революціонное время должностей генералъ-губернатора и командующаго войсками округа. При нихъ были помощники по гражданской части и «совѣты» представителей вѣдомствъ. Имѣя функціи только высшаго надзора, дѣятельность главноначальствующаго проходила на виду и была доступна въ извѣстной мѣрѣ прямому воздѣйствію центра. Но дальше, въ области практическаго управленія дѣло обстояло хуже, нося внѣшніе признаки реставраціи. Управляющій вн. дѣлами Чебышевъ ставилъ губернаторовъ почти исключительно изъ числа лицъ, занимавшихъ эти должности до революціи, желая «использовать ихъ административный опытъ». Это были люди — нѣкоторые по крайней мѣрѣ — быть можетъ, вполнѣ подготовленные, но по психологіи и міровоззрѣнію, навыкамъ, привычкамъ столь далекіе, столь чуждые свершившемуся перевороту, что ни понять, ни подойти къ нему они не могли. Для нихъ все было въ прошломъ, и это прошлое они старались возродить и въ формахъ, и въ духѣ. За ними слѣдомъ потянулись низшіе агенты прежней власти — одни, испуганные революціей, другіе, озлобленные и мстящіе. Приходили они въ раіоны, для нихъ незнакомые, пережившіе уже не одинъ режимъ, съ населеніемъ, потерявшимъ уваженіе къ закону и власти и недовѣрчивымъ, съ жизнью, выбитой изъ колеи, насыщенной взаимными обидами и классовой враждой. Уѣзды кишѣли шайками «зеленыхъ», всевозможныхъ атамановъ и остатками разсѣявшихся красноармейцевъ, до крайности затруднявшими передвиженіе и общеніе губернскихъ и уѣздныхъ властей съ деревней. Управленіе вн. дѣлъ, какъ оказалось, централизовало въ своихъ рукахъ все формированіе отрядовъ государственной стражи, для особаго подбора ихъ, и даже назначенія низшихъ полицейскихъ агентовъ, благодаря чему по многимъ недѣлямъ губерніи оставались безъ полицейской охраны. Катившіяся по краю-театру войны или ближайшему ея тылу войсковыя части и своевольные начальники нарушали распоряженія гражданскихъ властей. Жизнь гражданской администраціи, какъ и всего служилаго элемента Юга, была неприглядной, благодаря нищенскому содержанію, и толкала на искушенія. Наконецъ, измѣнчивость боевого счастья бросала цѣлыя территоріи изъ рукъ въ руки, и многимъ администраторамъ не было зачастую времени устроить свой раіонъ. Только Ставропольская и Черноморская губерніи были въ нашихъ рукахъ болѣе года; въ нихъ правили часто смѣнявшіеся военные губернаторы, въ назначеніи которыхъ управ. вн. дѣлъ не было повинно; но и тамъ дѣло обстояло также плохо, если еще не хуже.

— Нѣтъ людей!

Эта жалоба не сходила съ устъ интеллигенціи и со страницъ печати. В. Шульгинъ съ горечью писалъ о томъ явленіи, что «въ гражданскомъ управленіи выявилось русское убожество, передъ которымъ цѣпенѣетъ мысль и опускаются руки... Ряды старыхъ работниковъ страшно порѣдѣли, а новыхъ нѣтъ какъ нѣтъ»... Съ нимъ соглашалась вполнѣ «Своб. Рѣчь», но при этомъ добавляла: «нѣтъ людей... Но тамъ ли ихъ ищутъ, гдѣ надо?.. Пока о мѣстахъ и вліяніяхъ спорятъ люди, зараженные прошлымъ, будь то сановники или «самовлюбленные Нарциссы общественности», ничего путнаго получиться не можетъ... Главное вниманіе должно быть обращено на болѣе молодыя поколѣнія... Надо хотѣть и умѣть искать»[1])...

Нельзя сказать, чтобы мы не искали.

Много разъ я обращался къ управл. вн. дѣл. съ требованіями — измѣнить систему комплектованія гражданской администраціи, привлечь общественныхъ дѣятелей — земскихъ и городскихъ, мѣстныхъ людей, пользующихся уваженіемъ и

[1]) Августъ 1919 г.

авторитетомъ... Однажды лѣтомъ, послѣ повторнаго рѣзкаго напоминанія, ко мнѣ пришелъ Пильцъ, временно замѣщавшій Чебышева, и доложилъ: ввиду моего приказанія онъ обратился съ письмомъ къ лидерамъ либеральныхъ организацій и къ нѣкоторымъ виднымъ общественнымъ дѣятелямъ, съ просьбой указать лицъ, могущихъ замѣстить открывающіеся посты начальниковъ губерній. Прошло 2—3 недѣли и... не отозвался никто. Это было тѣмъ болѣе страннымъ, что и Чебышевъ, и смѣнившій его въ должности начальника управл. вн. дѣлъ въ іюлѣ Носовичъ — оба были назначены по рекомендаціи либеральной группы, именно Нац. центра.

Положеніе создавалось довольно безотрадное.

Наши противники слѣва винили не только людей, но и систему. Въ противовѣсъ единоначалію выдвигалась децентрализація власти путемъ передачи ея мѣстнымъ самоуправленіямъ или «полубуржуазнымъ совѣтамъ». Это расхищеніе власти имѣло уже мѣсто въ опытѣ Временнаго правительства, когда самозародившіеся «общественные», «революціонные» комитеты и «совѣты р. и с. депутатовъ» произвели полный хаосъ въ управленіи, порвавъ всякія связи мѣстъ съ центромъ. Этотъ опытъ былъ повторенъ отчасти и съ такимъ же неуспѣхомъ самарскимъ «Комучемъ». Наконецъ, его же ввела въ широкихъ размѣрахъ совѣтская власть съ первыхъ дней своего существованія и съ первыхъ же дней начала упорную борьбу противъ «самовластія мѣстъ», пока путемъ давленія, подлоговъ, подтасовокъ не обратила выборное начало въ фикцію, посадивъ на мѣстахъ своихъ послушныхъ и всесильныхъ агентовъ.

Такой опытъ въ раіонахъ съ колеблющимся настроеніемъ, гдѣ даже сама идея борьбы не пользовалась всеобщимъ признаніемъ, представлялся невозможнымъ.

Положеніе на мѣстахъ и общее состояніе нашего тыла становилось, между тѣмъ, катастрофическимъ.

* * *

Въ силу указанныхъ раньше причинъ законы выходили изъ Ос. Сов. съ большимъ опозданіемъ.

Серію компромиссовъ между двумя крыльями Совѣщанія открыло Положеніе объ «упрощенномъ управленіи городскимъ хозяйствомъ» и такомъ же управленіи для земства. Впредь до новыхъ выборовъ дѣятельность земскихъ собраній и городскихъ думъ, изжившихъ себя и съ 1 января потерявшихъ юридическое право существованія, не возстанавливалась, и всѣ обязанности ихъ возложены были на управы въ составѣ послѣдне-дѣйствовавшихъ, избранныхъ по закону Временнаго правительства. Но губернаторамъ предоставлено было право устранять изъ состава ихъ тѣхъ лицъ, которыя будутъ признаны несоотвѣтствующими своему назначенію. Такъ какъ послѣднія управы были почти сплошь соціалистическаго состава, часто даже съ уклономъ въ сторону большевизма, то губернаторы довольно широко пользовались своею властью, переходя вѣроятно не разъ предѣлы государственной необходимости.

Законъ объ общественномъ управленіи городовъ, выработанный комиссіей Астрова, сохранялъ демократическіе принципы, былъ принятъ общественнымъ мнѣніемъ благожелательно и только въ средѣ лѣвыхъ соціалистовъ вызвалъ обвиненіе въ стремленіи власти «урѣзать права органовъ самоуправленія, стѣснить свободу общественной дѣятельности».

Законъ этотъ былъ утвержденъ мною въ мартѣ, опубликованъ только въ маѣ и, вслѣдствіе задержекъ, чинимыхъ управл. вн. дѣлъ, первые выборы въ городахъ происходили только въ сентябрѣ.

Земское положеніе постигла худшая участь. Никогда еще разница двухъ міросозерцаній не была столь велика, какъ въ этомъ вопросѣ. Съ самого начала разсмотрѣнія вопроса въ комиссіяхъ Ос. Сов. между двумя крыльями его начались сильнѣйшія тренія. «Мы тратили время и нервы — говоритъ либеральный членъ Совѣщанія — на споры и отраженіе ожесточенныхъ натисковъ справа въ вопросѣ о

томъ, какимъ можетъ быть теперь Земство. Исходя изъ положенія «о культурномъ значеніи для деревни просвѣщеннаго помѣщичьяго класса», они требовали построенія земскихъ учрежденій съ этимъ элементомъ въ основѣ. На заявленія наши, что этого класса уже нѣтъ, что онъ разбитъ въ процессѣ революціи, что земство въ новой эпохѣ должно быть неминуемо демократическимъ, наши оппоненты доходили до крайней степени раздраженія».

Волость являлась первоосновой государственнаго устройства новой Россіи, предрѣшающей составъ всѣхъ высшихъ представительныхъ органовъ страны, и тѣмъ соціальнымъ базисомъ, на который должна была опереться временная власть въ періодъ борьбы. Помѣщичій дворянскій классъ въ силу неизбѣжныхъ историческихъ причинъ уходилъ... На кого же опереться? Либеральное меньшинство требовало принятія законопроекта, близкаго къ созданному Временнымъ правительствомъ. Правое большинство остановилось на куріальной системѣ выборовъ [1]). «Одни намѣчали будущимъ правящимъ классомъ — говоритъ одинъ изъ правыхъ членовъ Ос. Сов. — хозяйственнаго мужика и откровенно исповѣдывали это. Другіе не говорили откровенно о своемъ идеалѣ, но прямая, тайная и всеобщая подача голосовъ ведетъ къ господству пролетаріата и «лицъ либеральныхъ профессій». Вопросъ ставился ясно и грубо: Колупаевъ или Тимошенко? [2]). И въ зависимости отъ всей старой психологіи, выработанной десятками лѣтъ предреволюціоннаго времени, отвѣтъ былъ ясенъ для каждой изъ сторонъ».

Ввиду полнаго расхожденія Ос. Сов. вопросъ былъ сданъ въ согласительную комиссію подъ предсѣдательствомъ Носовича и вышелъ изъ нея ввидѣ компромиснаго рѣшенія: куріальная система отвергалась, но вводился цензъ — уплаты минимальной ставки земск. сборовъ. Опасаясь, что введеніемъ прямого подушнаго обложенія земство можетъ расширить выборное право до всеобщности, правые категорически отклонили компромиссъ. Въ серединѣ августа я сдѣлалъ попытку примирить непримиримое и назначилъ засѣданіе подъ своимъ предсѣдательствомъ, предоставивъ обѣимъ сторонамъ пригласить на него стороннихъ лицъ, по ихъ усмотрѣнію. На этомъ засѣданіи правое крыло было значительно усилено Кривошеинымъ, всецѣло поддерживавшимъ куріальную систему. «Съ проведеніемъ аграрной реформы Россія дѣлаетъ прыжокъ съ пятаго этажа на мостовую. Надо подостлать соломы, чтобы не разбилась». Кривошеинъ коснулся и общаго направленія нашей политики, считая ея «лѣвый уклонъ» и непровозглашеніе въ свое время «единственно спасительныхъ лозунговъ», чреватымъ опасными послѣдствіями. Я отвѣтилъ болѣе рѣзко, чѣмъ полагалось для официальнаго засѣданія, что весною 1918 г. производилось сильное давленіе съ цѣлью провозглашенія этихъ лозунговъ и, еслибы это было сдѣлано тогда, то мы были бы побѣждены давно уже, а я не имѣлъ бы возможности бесѣдовать съ Кривошеинымъ въ Ростовѣ — о государственномъ устройствѣ Россіи.

Соглашеніе не состоялось. Споры продолжались. Я разрѣшилъ ихъ къ сожалѣнію слишкомъ поздно, утвердивъ законъ въ духѣ постановленія комиссіи Носовича:

— Ни Колупаевъ, ни Тимошенко, а нѣкто третій, чей обликъ не отразился еще ясно въ зерцалѣ бытія.

* * *

Съ апрѣля шли работы по составленію двухъ важнѣйшихъ соціальныхъ законопроектовъ.

Комиссія М. М. Федорова къ іюлю разработала рядъ либеральныхъ законопроектовъ о профессіональныхъ союзахъ, рабочихъ комитетахъ, объ органахъ

[1]) 1-я курія — платящіе минимальную ставку земск. сборовъ; 2-я — лица, владѣющія двойнымъ надѣломъ 1861 г. или уплачивающія соотвѣтствующую сумму сборовъ. Вторая курія облегчала возможность проведенія въ земство помѣщиковъ.

[2]) Тимошенко — извѣстный кубанскій демагогъ, соц.-рев., докатившійся до большевизма.

охраны труда, о 8-часовомъ рабочемъ днѣ, о примирительныхъ камерахъ и страхованіи рабочихъ. Въ концѣ августа въ Ростовѣ было созвано совѣщаніе съ участіемъ представителей отъ промышленниковъ и рабочихъ для разсмотрѣнія этихъ законопроектовъ. Рабочая делегація тотчасъ послѣ открытія засѣданія пожелала огласить резолюцію «Южн. сов. проф. союзовъ» — организаціи, всецѣло захваченной с. д. меньшевиками, отошедшими временно отъ чисто политической работы и перенесшими ее въ область профессіональнаго движенія. Резолюція гласила:

> «Лишь при режимѣ демократической республики, лишь при послѣдовательномъ проведеніи принципа всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго избирательнаго права для рабочаго класса и его организацій открывается возможность успѣшной борьбы какъ за ближайшіе, такъ и за конечныя цѣли рабочаго движенія, и создаются условія дѣйствительной охраны интересовъ трудящихся и защиты государственной властью интересовъ большинства населенія.
>
> Исходя изъ этихъ положеній, рабочая делегація считаетъ совершенно безнадежной всякую попытку сколько-нибудь удовлетворительно разрѣшить сложные вопросы соціальнаго законодательства въ обстановкѣ безпрерывной гражданской войны и полнаго отсутствія законодательныхъ учрежденій, признанныхъ свободной волей населенія».

На этой фразѣ Федоровъ прервалъ докладчика, лишивъ его слова, послѣ чего делегація рабочихъ покинула совѣщаніе. Состоявшійся черезъ нѣсколько дней съѣздъ профес. организацій Сѣв. Кавказа одобрилъ поведеніе делегатовъ — «товарищей, стойко стоявшихъ на своемъ отвѣтственномъ посту», и призывалъ всѣхъ «товарищей тѣснѣе сплотиться вокругъ своихъ классовыхъ организацій и не идти ни на какія ухищренія реакціи — разбить единство рабочаго класса путемъ подкупа части рабочихъ и фальсификаціи (?) ихъ общественнаго мнѣнія».

Было ясно участіе въ этихъ дѣйствіяхъ и постановленіяхъ Москвы. Оно подтвердилось впослѣдствіи попавшей къ намъ инструкціей коммунистическимъ организаціямъ Юга: «... Необходимо принять мѣры, чтобы соглашеніе между правительствомъ и рабочими не состоялось, учитывая всю важность послѣдствій для правительства Деникина, если бы этотъ первый шагъ увѣнчался успѣхомъ. Данный случай является благодарной почвой для продемонстрированія классоваго антагонизма...»

Пришлось комиссіи продолжать свои работы объ устройствѣ судьбы рабочихъ безъ ихъ участія. Работы эти протекали въ обстановкѣ вѣдомственныхъ треній. При чемъ, по словамъ Федорова, «обнаружилась тенденція членовъ комиссіи... къ пересмотру законопроектовъ по существу... и ко внесенію поправокъ, направленныхъ къ ограниченію правъ рабочихъ; и въ этомъ отношеніи замѣчанія представителей вѣдомствъ шли значительно дальше пожеланій промышленниковъ».

Въ результатѣ часть законопроектовъ была утверждена мною только въ концѣ ноября, другая не была закончена до эвакуаціи Ростова. Рабочее законодательство постигла та же участь, что и многія другія наши начинанія: они осуществились слишкомъ поздно.

* * *

Комиссія Колокольцова приступила къ разработкѣ земельнаго вопроса, привлекая многочисленныхъ свѣдущихъ людей и со стороны. Въ комиссіи намѣтились сразу три теченія: лѣвое с. р. типа, съ опредѣленнымъ стремленіемъ къ полной ликвидаціи помѣщичьяго хозяйства, крайне-правое, стремившееся выиграть время и отстоять интересы класса, наконецъ, среднее, искавшее путей для введенія стихійнаго процесса въ русло государственныхъ интересовъ. Повидимому, вѣдомство Колокольцева принадлежало ко второму теченію... Еще въ процессѣ подготовительной работы мнѣ приходилось обращать вниманіе на внесеніе проектовъ, въ корнѣ расходящихся съ духомъ декларацiи. «Правые — говоритъ одинъ изъ участниковъ комиссіи — были идеологами и страстными, убѣжденными защитниками возстановленія помѣщиковъ на ихъ земляхъ. Люди писали на бумагѣ свои чаянія и мечты, не считаясь съ тѣмъ, что можно было сдѣлать въ новыхъ усло-

віяхъ и чего сдѣлать было уже нельзя. Они представляли цифры и неопровержимыя данныя, касающіяся теоріи вопроса... Вотъ государственный интересъ — говорили они — и намъ нѣтъ никакого дѣла до того, что кто-то говоритъ о революціи. Революція пройдетъ. Россія останется. Наше рѣшеніе должно быть для Россіи, а не для революціи».

Колокольцовская комиссія закончила свои работы въ началѣ іюля. «Земельное положеніе», составленное ею, въ общихъ чертахъ имѣло слѣдующія основанія: помѣщичья земля свыше извѣстной нормы продается добровольно или отчуждается въ собственность крестьянъ — за выкупъ; норма не подлежащихъ отчужденію частновладѣльческихъ земель, въ зависимости отъ мѣстности, — отъ 300 до 500 десят.; цѣлый рядъ изъятій въ отношеніи культурныхъ и заводскихъ хозяйствъ еще больше уменьшалъ общую площадь переходящихъ къ крестьянамъ земель; отчужденію не подлежали земли городовъ, земствъ, монастырей, церковныя, духовныхъ учрежденій, ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. По мѣрѣ занятія отдѣльныхъ мѣстностей должны были немедленно вступать въ распоряженіе своими угодьями казна, банки, города, церкви, монастыри, перечисленныя выше учрежденія, а также, во многихъ случаяхъ, частные собственники — какъ, напримѣръ, землями неиспользованными захватчиками, или «находившимися въ чужомъ пользованіи въ теченіе времени не большаго, чѣмъ необходимо для одного озимаго и одного ярового урожая»...

Наконецъ Положеніе предусматривало, что земельные органы приступятъ къ отчужденію только по истеченіи трехъ лѣтъ со дня возстановленія гражданскаго мира во всей Россіи!..

Проектъ этотъ былъ мною отвергнутъ. Колокольцовъ оставилъ постъ. Проектъ переданъ на разсмотрѣніе новой комиссіи подъ предсѣдательствомъ нач. управ. юстиціи Челищева.

Замѣчательно, что даже это твореніе — актъ отчаянной самообороны класса — вызвало смятеніе въ правыхъ организаціяхъ. На проектъ Колокольцова, ставшій извѣстнымъ Совѣту Гос. Об., послѣдній отозвался немедленно письмомъ Кривошеина и постановленіемъ отъ 14 іюля: «... намѣчаемое законопроектомъ огульное принудительное перераспредѣленіе владѣнія возбуждаетъ серьезное опасеніе въ томъ, что проведеніе его въ жизнь породитъ тяжелыя продовольственныя послѣдствія для государства и экономическое обезсиленіе его». Совѣтъ успокаивалъ себя только тѣмъ, что въ теченіе трехлѣтняго срока «непреложные законы экономическаго развитія укажутъ на правильные пути для будущаго русскаго сельскаго хозяйства». И рекомендовалъ ограничиться возобновленіемъ дѣятельности Крестьянскаго банка и созданіемъ землеустроительной и землемѣрной организаціи, которыя «внесутъ въ деревню успокоеніе вѣрнѣе и скорѣе, чѣмъ самыя краснорѣчивыя обѣщанія!»... А Совѣтъ всероссійскаго союза земельныхъ собственниковъ утверждалъ даже, что «по свѣдѣніямъ, идущимъ изъ деревни, народъ сознаетъ нынѣ глубокую моральную разницу между своимъ и чужимъ, и относится къ захвату, какъ къ дѣйствію преступному и не могущему быть терпимымъ при возстановленіи законной власти».

Не видѣли или умышленно закрывали глаза?

Были впрочемъ и рѣдкія исключенія: въ Харьковѣ союзъ земельныхъ собственниковъ въ августѣ принялъ резолюцію о необходимости скорѣйшаго изданія земельнаго закона въ духѣ моей декларацiи, ввиду того, что дальнѣйшая проволочка можетъ вызвать опять броженіе среди крестьянъ.

Тѣмъ временемъ подходилъ сборъ урожая и необходимо было дать временныя нормы для надлежащаго его использованія. Злополучный «третій снопъ», введенный еще въ періодъ нашего походнаго законодательства на клочкѣ Ставропольской губ. для урожая 1918 г., сохранился въ неприкосновенности. Въ Ос. Сов. былъ составленъ и мною утвержденъ рядъ положеній, имѣвшихъ тройную цѣль: обезпеченіе сельско-хозяйственнаго производства, сохраненіе принципа собственности и по возможности меньшее нарушеніе сложившихся въ деревнѣ взаимоотношеній.

Законъ объ урожаѣ оставлялъ его за посѣявшимъ и требовалъ уплаты аренды владѣльцу въ размѣрѣ $^1/_3$ хлѣба, $^1/_2$ травъ и $^1/_6$ корнеплодовъ; законъ о посѣвахъ на 1919—1920 г.г. вмѣнялъ въ обязанность лицъ, «въ дѣйствительномъ пользованіи коихъ земля находится», пахать и сѣять, обѣщая «обезпечить интересы засѣвщиковъ при сборкѣ урожая»; законъ объ арендѣ предоставлялъ фактическимъ обладателямъ земли (захватчикамъ) продолжать пользованіе ею на 1920 г. по договору или безъ договора, ограничивая извѣстными предѣлами подесятинную арендную плату. Послѣдующими законоположеніями уменьшались нормы натуральнаго арендnаго взноса ($^1/_5$—$^1/_{10}$) и облегчалась возможность дальнѣйшаго пользованія землей, подводя подъ «право захвата» нѣкоторыя юридическія обоснованія.

Правый членъ Ос. Сов., одинаково уважаемый за прямоту и искренность обоими флангами, впослѣдствіи говорилъ: «изъ всѣхъ мѣръ Ос. Сов. наиболѣе неудачной, наибольшей ошибкой были законы о хлѣбномъ налогѣ [1]) и о «третьемъ снопѣ». Оба эти закона вышли изъ праваго крыла Ос. Сов. и вполнѣ на его совѣсти». Это вмѣшательство власти въ острыя аграрныя взаимоотношенія не встрѣтило тогда достаточно сильнаго отпора въ несоціалистической общественности Юга. «Третій снопъ» вызывалъ въ буржуазной печати горячіе споры о нормахъ, о деталяхъ, но за рѣдкими исключеніями эти споры не колебали принципа. Не разъ, когда я приносилъ въ Ос. Сов. свои мучительныя сомнѣнія о правильности такого нашего курса, я слышалъ не только справа, но иногда и слѣва совершенно безспорныя юридически истины, что отношеніе россійскихъ законовъ къ захватамъ гораздо суровѣе и что колебаніе принципа собственности грозитъ большими потрясеніями... Наконецъ «демократическій» Донъ и сугубо «демократическая» Кубань въ своемъ законодательствѣ объ использованіи урожая 1918—1919 г.г. придерживались тѣхъ же принциповъ, что и «реакціонное» Ос. Сов. [2])...

А тѣмъ временемъ за войсками слѣдовали владѣльцы имѣній, не разъ насильно возстанавливавшіе, иногда при поддержкѣ воинскихъ командъ, свои имущественныя права, сводя личные счеты и мстя. И мнѣ приходилось грозить насильникамъ судомъ и напоминать властямъ ихъ долгъ — предупреждать новые захваты правъ, но не допускать самочиннаго разрѣшенія вопроса о старыхъ. Въ мѣстностяхъ, гдѣ уже наступило нѣкоторое успокоеніе, нѣкоторые землевладѣльцы возвращались въ свои помѣстья и вносили вновь элементы броженія непомѣрнымъ вздутіемъ арендной платы...

Комиссія Челищева перерабатывала земельный проектъ при участіи новаго нач. управл. землед., проф. А. Билимовича, въ значительной степени подъ его вліяніемъ. Но со времени подчиненія моего адм. Колчаку самая возможность изданія земельнаго закона стала спорной по существу.

Телеграммой отъ 28 августа, опредѣлявшей предѣлы моей власти, Верховный правитель увѣдомилъ меня, что «общее руководство земельной политикой принадлежитъ Россійскому правительству». На этой почвѣ между Ос. Сов. и Омскимъ правительствомъ завязалась переписка, въ результатѣ которой послѣдовала на мое имя въ особо секретномъ порядкѣ телеграмма адм. Колчака отъ 23 окт. № 1005:

> «Телеграмма Нератова относительно предоставленія Вамъ самостоятельности въ земельномъ законодательствѣ заставляетъ меня съ полной искренностью высказать возникающія у меня опасенія. Я считаю недопустимой земельную политику, которая создастъ у крестьянства представленіе помѣщичьяго землевладѣнія. Наоборотъ, для устраненія наиболѣе сильнаго фактора русской революціи — крестьянскаго малоземелья и для созданія надежной опоры порядка въ малообезпеченныхъ землею крестьянахъ, необходимы мѣры, укрепляющія въ на-

[1]) См. ниже.

[2]) Приказъ донского атамана отъ 5 іюня 1918 г. и Кубанскаго краевого правительства отъ 13 іюня 1918 г. Согласно послѣднему, напримѣръ, въ случаѣ, если запашка владѣльца, а сѣмена посѣвщика, послѣдній получалъ полъ урожая. Если то и другое владѣльца, то урожай цѣликомъ переходилъ къ послѣднему, а незаконный посѣвщикъ получалъ оплату своего труда. Въ іюлѣ 1919 г. донскимъ правительствомъ издано постановленіе, въ силу котораго захватчикъ уплачивалъ владѣльцу земли «арендную плату, существовавшую осенью 1918 г.»

родѣ довѣріе и благожелательность къ новой власти. Поэтому, я одобряю всѣ мѣры, направленныя къ переходу земли въ собственность крестьянъ участками въ размѣрахъ опредѣленныхъ нормъ. Понимая сложность земельнаго вопроса и невозможность его разрѣшенія до окончанія гражданской войны, я считаю единственнымъ выходомъ для настоящаго момента по возможности охранять фактически создавшійся переходъ земли въ руки крестьянъ, допуская исключенія лишь при серьезной необходимости и въ самыхъ осторожныхъ формахъ. Глубоко убѣжденъ, что только такая политика обезпечитъ необходимое сочувствіе крестьянъ въ освободительной войнѣ, предупреждая возстанія, и устранитъ возможность разлагающей противоправительственной пропаганды въ войскахъ и населеніи. Основные принципы принимаемыхъ правительствомъ мѣръ одновременно Вамъ сообщаются. Конструкція изданныхъ здѣсь постановленій по земельному вопросу не всегда удачна и допускаетъ улучшенія и даже измѣненія, но я глубоко убѣжденъ въ необходимости твердаго соблюденія ихъ основныхъ принциповъ.

Обстановка, гдѣ нѣтъ остраго земельнаго вопроса, позволяетъ отнестись къ нему съ объективной спокойной стороны. Думаю, что ссылка на руководящія директивы, полученныя отъ меня, могла бы оградить Васъ отъ притязаній и совѣтовъ заинтересованныхъ круговъ.

Сердечно желаю Вамъ дальнѣйшихъ успѣховъ, какъ военныхъ, такъ и въ не менѣе важныхъ дѣлахъ гражданскаго и политическаго устройства.

Адмиралъ Колчакъ».

Съ тѣхъ поръ работа земельной комиссіи получила чисто академическое значеніе. Земельное положеніе было выработано въ началѣ ноября, и я приказалъ отдать его печати, чтобы подвергнуть критикѣ широкихъ общественныхъ круговъ. Положеніе отличалось отъ Колокольцовскаго лучшей юридической формулировкой, осторожностью и стираніемъ острыхъ угловъ, но основныя его мысли были тѣ же. Вотъ нѣкоторыя изъ его основъ: добровольныя сдѣлки въ теченіе двухъ лѣтъ; принудительное отчужденіе по истеченіи этого срока; оставленіе за частными владѣльцами усадебъ, лѣсовъ, открытыхъ нѣдръ и земли отъ 150 до 400 десятинъ — на основаніи твердыхъ максимумовъ или особой прогрессіи; отчужденныя земли могли быть проданы исключительно лицамъ, занимающимся земледѣльческимъ трудомъ, преимущественно мѣстнымъ; максимальныя нормы для покупающихъ землю были установлены отъ 9 до 45 (на сѣв.) десятинъ.

Проектъ Билимовича-Челищева, при всѣхъ его спорныхъ сторонахъ, представлялъ попытку проведенія грандіозной соціальной реформы и, если бы былъ осуществленъ до войны и революціи въ порядкѣ эволюціонномъ, законнымъ актомъ монарха, сталъ бы началомъ новой эры, безъ сомнѣнія предотвратилъ бы революцію, обезпечилъ бы побѣду и миръ и избавилъ бы страну отъ небывалаго разоренія. Но съ тѣхъ поръ маятникъ народныхъ вожделеній качнулся далеко въ сторону, и новый законъ не могъ бы уже оказать никакого вліянія на событія и, во всякомъ случаѣ, какъ орудіе борьбы, былъ совершенно непригоденъ.

Для характеристики общественныхъ настроеній могутъ послужить тѣ отзывы по поводу проекта, которыми полна была печать. Правые органы видѣли въ немъ «огульное уничтоженіе помѣщичьяго землевладѣнія», и Н. Н. Чебышевъ, б. членъ Ос. Сов., писалъ въ «Великой Россіи»: «отнять землю отъ хозяйственно-образованнаго человѣка, любовно удесятерившаго долгимъ трудомъ и затратами производительность земли, и отдать ее невѣждѣ, развращенному бездѣліемъ, сельскому хулигану — тяжкая несправедливость, ничѣмъ не оправдываемый грѣхъ»... И грозилъ, что «въ придачу къ Махно мы получимъ Дубровскихъ»...

«Свободная Рѣчь» признавала «общую схему», спорила о деталяхъ и рѣшительно уклонялась отъ моральной отвѣтственности: «намъ ясно, что силы будущей Россіи — это мелко-крестьянская буржуазія... Мы понимаемъ, что эти силы должны служить главной основой власти... Но... можно ли спасти хоть что-нибудь и что именно — это можетъ рѣшить только власть... Если она признаетъ, что во имя будущей Россіи нужно санкціонировать ликвидацію чуть не всего помѣщичьяго землевладѣнія — пусть будетъ такъ». Харьковскій съѣздъ партіи к. д. также уклонился отъ конкретнаго опредѣленія своихъ взглядовъ на земельную реформу.

Умѣренно соціалистическіе органы видѣли въ проектѣ «стремленіе сохранить помѣщичье землевладѣніе и притомъ не ввидѣ исключенія, а какъ общее правило». И стояли твердо противъ проведенія аграрной реформы до Учред. Собр.

Только группы, стоявшія еще лѣвѣе, требовали немедленнаго и полнаго чернаго передѣла. Но они находились внѣ фронта противобольшевицкой борьбы — въ станѣ нашихъ враговъ или сохраняли дружественный нейтралитетъ къ совѣтской власти.

Достойно удивленія, какъ мало вниманія удѣляла печать всѣхъ направленій, увлеченная этими теоретическими интеллигентскими спорами, настроеніямъ подлинной жизни деревни, крестьянства, какъ мало она стремилась проникнуть въ замкнутый кругъ мужицкой стихіи... Только офиціальные освѣдомители съ упорствомъ вѣрующихъ, или сильно хотящихъ, изо дня въ день твердили:

— Мужикъ хочетъ «хозяина» и «синюю бумажку» — нотаріальный актъ на купленную землю...

Такимъ образомъ, вся обстановка, создавшаяся на Югѣ Россіи въ 1919 г., психологія общественности, соотношеніе силъ и вліяній рѣшительно не способствовали проведенію въ жизнь въ молніеносномъ революціонномъ порядкѣ радикальной аграрной реформы. Не было ни идеологовъ, ни исполнителей. Все, что можно было — и вѣроятно должно — это соблюсти «непредрѣшеніе», отказаться вовсе отъ земельнаго законотворчества, принявъ колчаковскую программу —узаконенія безвозмезднаго пользованія захваченной землей впредь до рѣшенія Народ. Собр. — рискуя разрывомъ съ правыми кругами и, слѣдовательно, осложненіями въ Арміи.

Только Новороссійская катастрофа, нанеся оглушительный ударъ бѣлому движенію, открыла многимъ людямъ глаза на тотъ геологическій сдвигъ, который совершился въ Россіи. Только тогда стало слагаться впечатлѣніе, будто «у многихъ землевладѣльцевъ зрѣетъ сознаніе необходимости жертвеннаго подвига...» Возможно. У однихъ, быть можетъ, искреннее, у другихъ — продиктованное безнадежностью положенія и поисками новыхъ, хотя бы «демагогическихъ», средствъ для продолженія борьбы.

Только послѣ этого несчастья у многихъ разверзлись уста, и они свидѣтельствуютъ наперерывъ, что «знали», «предвидѣли», «предостерегали» — они, ничего не предвидѣвшіе, слѣпые и глухіе...

ГЛАВА XXIV.

Особое Совѣщаніе: дѣятельность финансово-экономическая, юстиціи, просвѣщенія; пропаганда. Церковь.

Одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ вопросовъ, составлявшій огромный тормазъ всѣмъ начинаніямъ Юга, отражавшійся безъ сомнѣнія на нравственномъ обликѣ войскъ и на неудачахъ фронта — былъ вопросъ финансовый.

Хаосъ въ денежномъ обращеніи противобольшевицкаго Юга слагался исторически, благодаря постояннымъ измѣненіямъ его политической карты. По мѣрѣ освобожденія новыхъ территорій, мы получали и новыя «наслѣдства», все болѣе усложнявшія вопросъ. Кромѣ кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ ростовской экспедиціей, имѣли хожденіе деньги общегосударственныя («царскія» и «керенскія»), совѣтскія («пятаковскія»), украинскія (карбованцы и гривны), крымскія; размѣнные денежные знаки, выпущенные городскими самоуправленіями и въ разныхъ мѣстахъ Кавказа — совѣтской властью; гарантированные чеки отдѣленій Гос. банка, облигаціи старыхъ займовъ, краткосрочныя обязательства гос. казначейства и т. д., и т. д., вплоть до векселей, учтенныхъ финансовой комиссіей, состоявшей при полк. Шкуро во время его партизанскихъ дѣйствій въ раіонѣ Минеральной группы.

Такое положеніе было явно нелѣпо и требовало тѣхъ мѣръ, о которыхъ говорили постоянно россійская печать, финансовыя совѣщанія, съѣзды торгово-промышленниковъ и т. д.: объединенія системы денежнаго обращенія на всей территоріи освобожденной Россіи, унификаціи денежныхъ знаковъ, возсозданія единаго Государств. банка и единаго эмиссіоннаго права.

Къ этому мы стремились всемѣрно, но по условіямъ политическимъ — суверенности областей — достигнуть этого не могли.

Управленіе финансовъ принимало мѣры къ упорядоченію денежнаго обращенія съ извѣстной осторожностью, такъ какъ онѣ отражались сильно на интересахъ населенія, вызывая всегда неудовольствіе въ массахъ. Деньги мѣстнаго хожденія замѣнялись постепенно. Но обмѣнъ совѣтскихъ денегъ оказался не раціональнымъ и совершенно непосильнымъ. Когда послѣ занятія Харькова, въ цѣляхъ облегченія положенія неимущаго люда, былъ произведенъ первый разъ частичный обмѣнъ «пятаковскихъ» денегъ, по 500 руб. на человѣка, это вызвало громаднѣйшія злоупотребленія. Деньги возили цѣлыми возами вслѣдъ за наступающей арміей даже изъ раіоновъ ранѣе освобожденныхъ. Управленіе финансовъ прекратило размѣнъ и аннулировало всѣ совѣтскіе денежные знаки, сдѣлавъ исключеніе лишь для нѣкоторыхъ выпусковъ мѣстнаго хожденія на Кавказѣ: въ отношеніи ихъ опредѣленъ былъ краткій срокъ и нормы обмѣна.

Наши денежные рессурсы долгое время находились въ полной и тягостной зависимости отъ Дона, такъ какъ добиться справедливаго распредѣленія эмиссіи ростовской экспедиціи управленіе финансовъ не могло. Какъ распоряжалось донское правительство выпускаемыми кредитными билетами, видно изъ слѣдующей справки:

Всего выпущено съ 1 января 1918 г. по 15 октября 1919 г. въ милліонахъ рублей	9 202
Изъ нихъ выдано:	
Крыму	45
Тереку	80
Кубани	601
Главн. командованію	3 982 [1]
Дону	4 493

Только къ осени 1919 г. управленіе финансовъ приступило къ выпуску своихъ денежныхъ знаковъ, оборудовавъ экспедицію въ Новороссійскѣ, потомъ — къ печатанію ихъ въ Кіевѣ, Одессѣ и Симферополѣ [2]). Но, отчасти не желая колебать привычные для населенія донскіе знаки, отчасти не справляясь съ техническими затрудненіями, финансовое вѣдомство выпускало свои знаки въ размѣрахъ ограниченныхъ и, во всякомъ случаѣ, совершенно не удовлетворявшихъ текущей потребности.

И «донскія», и «добровольческія» деньги не имѣли за собой никакого покрытія, и хожденіе ихъ основывалось исключительно на распоряженіи властей, инерціи и довѣріи населенія. Золотой запасъ Россіи находился въ то время въ рукахъ адм. Колчака — 652 милл. руб., у большевиковъ — 147 милл. и въ Парижѣ у союзниковъ — 320 милл. За границей намъ былъ открытъ адм. Колчакомъ небольшой кредитъ. Всѣ усилія получить заемъ или кредитъ у союзниковъ были безуспѣшны. Правительственные круги Согласія, связанные своей соціалистической демократіей, оказать намъ серьезную экономическую помощь не могли. Насколько можно было понять изъ частныхъ разговоровъ, иностранныя правительства, быть можетъ, и рискнули бы оказаніемъ намъ крупнаго кредита, но цѣною такихъ тяжелыхъ концессій, которыя, на мой взглядъ, сводились къ распродажѣ Россіи.. Финансовые круги странъ Согласія, независимые отъ политическихъ партій, не при-

[1]) На содержаніе всѣхъ армій, кромѣ Донской, и флота, и на 12 губерній и областей, находившихся къ осени въ составѣ нашей территоріи.

[2]) Всего выпущено правительствомъ Юга и Донской экспедиціи до марта 1920 г. около 30 милліардовъ рублей.

ходили на помощь, не довѣряя прочности положенія Юга, и еще по одной причинѣ, о которой одинъ изъ наиболѣе крупныхъ русскихъ финансистовъ и банковскихъ дѣятелей писалъ изъ Парижа[1]): «Представители русскихъ финансовъ, промышленности и торговли не имѣютъ не только общаго плана работы, но даже желанія принести минимальную жертву своихъ узко личныхъ интересовъ для блага родины... При такомъ положеніи руководящіе финансово-экономическіе круги Антанты предпочитали воздержаться отъ помощи, не имѣя увѣренности, будетъ ли она оказана, кому слѣдуетъ и какъ слѣдуетъ».

При всѣхъ этихъ условіяхъ оздоровленіе денежнаго обращенія могло быть достигнуто только мѣрами внутренняго характера.

Тѣмъ временемъ освобожденная территорія росла съ каждымъ днемъ, съ чрезвычайной быстротой росли и расходы. Вооруженныя силы поглощали огромныя средства; деньги нужны были и на содержаніе разоренныхъ совершенно городовъ и земствъ, и на возстановленіе промышленности. Станокъ выбрасывалъ все больше бумажныхъ знаковъ; въ странѣ, тѣмъ не менѣе, ощущался денежный голодъ, цѣны росли непомѣрно, а рубль все падалъ и падалъ.

Въ печати и спеціальной литературѣ, на совѣщаніяхъ и съѣздахъ шли горячіе споры по поводу необходимости денежной реформы. Существовали три главныхъ теченія въ этой области: 1. возстановленіе сдѣлокъ на золотую валюту съ сохраненіемъ обезцѣненнаго бумажнаго рубля, 2. девальвація и 3. повышеніе внутренней стоимости рубля путемъ изъятія изъ населенія излишнихъ денегъ мѣрами налогового обложенія. Начальникъ финансоваго управленія М. В. Бернацкій придерживался этой третьей системы, считая въ создавшихся условіяхъ невозможнымъ коренную реформу. Его поддерживали въ этомъ направленіи многіе ученые экономисты, въ томъ числѣ академикъ Струве, профес. Мануйловъ, Ельяшевичъ и друг.; расхожденіе было только въ вопросахъ о предѣлахъ эмиссіи. На этой-же точкѣ зрѣнія стояло дважды собираемое финансовое совѣщаніе и совѣщаніе торгово-промышленниковъ (октябрь 1919 г.), которое, «признавая въ будущемъ неизбѣжность общей денежной реформы», предостерегало «отъ всякихъ преждевременныхъ и частичныхъ опытовъ въ этомъ направленіи».

И правленіе нажимало налоговой прессъ: комиссія Астрова создавала законы по принципамъ демократизма, облагая прямыми налогами имущіе классы, приростъ прибыли и предпріятій, разницу старой и новой цѣнъ на недвижимости и т. д., законы — популярные среди демократіи, вызывавшіе острые споры между двумя крыльями Ос. Сов., но дававшіе мало дохода казнѣ по причинѣ общаго оскудѣнія, малой законопослушности населенія и разстройства налогового аппарата. Въ то же самое время Бернацкій проектировалъ косвенные налоги — весьма непопулярные, но сулившіе казнѣ существенныя выгоды. Бюджетъ 1920 г. исчислялъ доходныя статьи въ такихъ предположительныхъ цифрахъ: отъ прямыхъ налоговъ и пошлинъ по милліарду и отъ косвенныхъ налоговъ — 18 милліардовъ.

Тѣмъ не менѣе, все время и особенно съ осени 1919 г. мы не выходили изъ крайне тяжелаго финансоваго положенія.

Трудно рѣшить, какая система была бы лучше. Поправила ли бы дѣло неограниченная эмиссія или, наконецъ, вся совокупность военно-политической обстановки исключала возможность существованія иной финансовой политики и болѣе здороваго рубля. Но результаты нашего трагическаго безденежья — въ политическомъ и военномъ отношеніи играли роль поистинѣ роковую. Если еще въ раіонахъ, пользовавшихся болѣе продолжительное время миромъ, жизнь, вопреки всему, кое какъ приспособлялась къ такимъ условіямъ, то на территоріяхъ, вновь занимаемыхъ арміями, она становилась невыносимой.

Вотъ что телеграфировалъ мнѣ главноначальствующій Кіевской области, ген. Драгомировъ, черезъ два мѣсяца послѣ занятія нашими войсками Кіева:

---

[1]) Сентябрь 1919 г.

«Въ Государственномъ банкѣ ни копѣйки. Всѣ военные заводы, предпріятія сокращаютъ производство. Самыя неотложныя работы по заготовкѣ топлива для желѣзныхъ дорогъ прекращены, за отсутствіемъ денегъ и отказа рубщиковъ работать въ кредитъ. Задолженность войскъ громадная. Не получая денегъ, продовольствія, войска переходятъ на незаконныя реквизиціи... Посланныхъ мнѣ 150 милл. едва хватитъ на расплату со старой задолженностью... Если не получу до среды денегъ и не будетъ выслана новая порція въ 100—150 милл., буду вынужденъ объявить контрибуцію, что будетъ лучше, чѣмъ тотъ ужасъ, который мы переживаемъ отъ безденежья. Кіевъ, 27 октября».

Конечно, кіевскій эпизодъ былъ явленіемъ исключительнымъ, но безденежье насъ давило всегда и во всемъ. Что касается собственно о б е з ц ѣ н е н ь я рубля, то, сравнивая положеніе у насъ съ судьбой денежнаго обращенія центральныхъ державъ, пораженныхъ войной и революціей, и въ особенности — совѣтской Россіи, приходишь къ заключенію, что состояніе нашего рубля было еще не наихудшимъ. Если даже послѣ катастрофическаго отхода армій за Донъ, въ январѣ 1920 года, Новороссійская биржа опредѣляла курсъ франка въ 100—150 руб., а на внутреннемъ рынкѣ фунтъ хлѣба стоилъ тамъ 20 руб., то слѣдовательно инфляція далеко не достигла своихъ конечныхъ предѣловъ.

* * *

Струве высказывалъ взглядъ, что «никакая реформа денежнаго обращенія, взятая сама по себѣ, къ оздоровленію русскаго рубля не приведетъ»; что «лучшая денежная политика — это политика экономическая — возстановленіе нашей промышленности».

Эти двѣ области были тѣсно связаны между собой и съ общимъ политическимъ положеніемъ, взаимно вліяя и сковывая другъ друга, страдая общими недугами.

Лоскутность территоріи возродила порядки средневѣковья, отгородивъ таможенными заставами другъ отъ друга всѣ новообразованія, и только «Россія», во образѣ управляемыхъ главнымъ командованіемъ земель, держала открытыми свои границы. Новообразованія вводили строгій товарообмѣнъ, устанавливали запретительныя мѣры, регистраціонные и иные сборы, стремясь развить свою самостоятельную промышленность и торговлю, нарушивъ совершенно слагавшіяся многими годами торговыя и экономическія отношенія и естественный товарообмѣнъ. На этой почвѣ возросли въ большихъ размѣрахъ спекуляція, дороговизна и взяточничество. Бывали случаи, что проходившіе черезъ Екатеринодаръ въ Новороссійскъ грузы должна была сопровождать воинская команда, чтобы протолкнуть ихъ черезъ кубанскія заставы.

Въ теченіе цѣлаго года мы стремились къ экономическому объединенію Юга Россіи и къ снятію областныхъ рогатокъ, но безуспѣшно. Еще 14 дек. 1918 г. между представителями Добр. Арміи, Дона и Кубани былъ заключенъ договоръ о таможенномъ союзѣ, оставленный новообразованіями безъ исполненія; 27 апрѣля 1919 г. заключено было новое соглашеніе, съ присоединеніемъ къ нему Терека, о созданіи общаго совѣта для регулированія внѣшней торговли, но и оно не было одобрено Радой и Кругомъ; ввиду особенной непримиримости кубанскаго правительства, осенью 1919 г. управленіе торг. и пром. вело отдѣльные переговоры съ донскимъ правительствомъ и также безуспѣшно.

Между тѣмъ, изъ мѣстностей, находившихся подъ управленіемъ главнаго командованія, свободно уходили ихъ произведенія безъ всякаго товарнаго эквивалента; установленіе нами ввозныхъ пошлинъ теряло смыслъ, благодаря донскимъ и кубанскимъ «отдушинамъ» — Ейску и Таганрогу. Наше регулированіе вывоза не достигало цѣли, такъ какъ Донъ вывозилъ за границу не только свои товары, но и тѣ запрещенные для экспорта, которые онъ получалъ на территоріи Добровольческой Арміи. Донъ экспортировалъ антрацитъ въ Константинополь, когда Одесса оставалась безъ воды и свѣта; Кубань заключала договоръ съ враждебной

намъ Грузіей о поставкѣ ей хлѣба, когда рядомъ страдала отъ голода Черноморская губ.

Чтобы побудить казачьи правительства къ скорѣйшему упраздненію рогатокъ, осенью было отдано распоряженіе установить и у насъ таможенныя границы и поставить кордонъ въ Керченскомъ проливѣ. Эта мѣра, подчиняя экспортъ новообразованій вѣдѣнію распредѣлительныхъ органовъ Ос. Совѣщанія и воспроизводившая только практику новообразованій въ теченіе цѣлаго года, вызвала большое возбужденіе въ казачьихъ правительствахъ и получила тенденціозное названіе «блокады Дона и Кубани». Кругъ и правительство Дона однако-же пошли на объединеніе; южно-русская конференція 17 ноября рѣшила немедленно снять всѣ рогатки... Но законодательная рада и кубанское правительство послѣ страстныхъ дебатовъ, послѣ ожесточенныхъ нападокъ на Ос. Сов., вовлекавшихъ въ нашъ споръ станицы и кубанскія войсковыя части, заявило, что «запрещеніе вывоза и ввоза (ввозъ не ограничивался вовсе) заграничныхъ товаровъ оно считаетъ покушеніемъ на экономическую самостоятельность Кубанскаго края». И не считаетъ возможнымъ участвовать въ органѣ, регулирующемъ внѣшнюю торговлю, впредь до отмѣны всѣхъ запрещеній... Изнурительная экономическая борьба съ Кубанью продолжалась, и внутреннія рогатки ея были сняты фактически... только съ отступленіемъ армій за рѣку Кубань.

Политика управленія торг. и пром., возглавленнаго Лебедевымъ, въ области внутренней торговли являлась вначалѣ продолженіемъ политики россійскихъ правительствъ въ періодъ міровой войны, ограничивая свободу торговли предметами, необходимыми для снабженія арміи, въ интересахъ борьбы. Точно также вѣдомство продовольствія оставляло въ силѣ хлѣбную монополію и твердыя цѣны на хлѣбъ. Въ началѣ августа 1919 г. всѣ эти ограниченія были отмѣнены и возстановлена свободная торговля хлѣбомъ и всѣми продовольственными припасами. Для обезпеченія Арміи установлена была государственная хлѣбная повинность — по 5 пуд. съ десятины. Операція обставлена была весьма неудачно: установленныя цѣны ко дню ссыпокъ оказались низкими, а очередной денежный кризисъ понудилъ управленіе финансовъ ограничить выплату наличными деньгами только одной четверти поставленнаго населеніемъ хлѣба, остальную часть — квитанціями.

Эта мѣра встрѣчена была деревней весьма враждебно и послужила предлогомъ для агитаціи противъ Добров. Арміи.

Возстановленіе свободы торговли въ значительной мѣрѣ тормазилось крайнимъ разстройствомъ транспорта. Въ іюнѣ на освобожденной территоріи было 4475 верстъ ж. д. путей, въ сентябрѣ ихъ стало 15 678 в., почти ¼ всей русской ж. д. сѣти — дорогъ, разрушенныхъ большевицкимъ хозяйствомъ и гражданской войной. Для поднятія транспорта нужно было время, и въ тотъ срокъ, который давала стратегическая обстановка, вѣдомство путей сообщенія справиться съ этимъ не могло. Оттого, напримѣръ, къ августу на донскихъ копяхъ скопилось 90 милл. пуд. угля при наличіи общаго угольнаго голода въ странѣ; въ Батайскомъ узлѣ образовался заторъ во много сотъ цистернъ, парализовавшій большую добычу грозненской нефти и т. д.

Экспортная политика вѣдомства торг. и пром. покоилась на системѣ точнаго учета, регулированія и бронированія къ частному экспорту цѣлаго ряда предметовъ сырья[1]). Эта политика имѣла цѣлью удовлетворить прежде всего снабженіе Арміи и насущную потребность страны, предупредить выкачиваніе изъ нея необходимыхъ предметовъ внутренняго потребленія и избѣжать спекулятивнаго вывоза. Но въ осуществленіи этихъ идей мы вѣроятно переходили предѣлы необходимости, задерживая въ странѣ тѣ запасы, которые нашъ транспортъ передвинуть не могъ. Къ тому же вѣдомство стремилось, не ограничиваясь ролью регулирующаго начала, брать на себя скупку, извлеченіе и экспортъ забронированнаго сырья для созданія государственнаго валютнаго фонда. Кромѣ обвиненій въ

[1]) Хлѣбъ, шерсть, руда, желѣзо, сода, поташъ и друг.

крупныхъ злоупотребленіяхъ, ничего болѣе эта система не принесла. Только въ концѣ ноября, послѣ замѣны главы вѣдомства Лебедева инж. Фенинымъ, экспортъ разрѣшенныхъ къ вывозу предметовъ былъ переданъ частной торговлѣ, съ отчисленіемъ извѣстной части вырученной валюты въ казну.

Ввиду большихъ нареканій на управленіе торг. и пром. и видя, что съ дѣломъ мы не справляемся, я пригласилъ на совѣщаніе въ августѣ въ Ростовъ видныхъ дѣятелей пром. и торг. — экономистовъ и кооператоровъ, проживавшихъ на Югѣ. Я обратился къ присутствующимъ съ просьбой помочь правительству разрѣшить важный вопросъ возстановленія промышленной жизни страны. Но къ удивленію своему я услышалъ, что собраніе въ основныхъ чертахъ раздѣляетъ политику вѣдомства, а панацеей для поднятія промышленности и обезпеченія страны считаетъ льготы, казенныя субсидіи и широкій государственный кредитъ предпріятіямъ [1]). Эти положенія повторилъ съѣздъ торгово-промышленниковъ, собравшійся позднѣе въ Ростовѣ, выразивъ увѣренность, что «управленіе финансовъ приложитъ всѣ зависящія отъ него усилія, чтобы всѣ свободныя средства были направлены на финансированіе промышленности и торговли».

Что касается кооперацiи, эта форма хозяйственной организаціи не была надлежаще использована ни для совѣта, ни для дѣла. Нужно, однако, замѣтить, что нѣкоторое предубѣжденіе, сложившееся въ Ос. Сов. противъ кооперацiи, имѣло извѣстное основаніе: кооперативы все болѣе удалялись отъ прямого своего назначенія — хозяйственнаго обслуживанія населенія; дѣятельность многихъ изъ нихъ носила все болѣе спекулятивный характеръ, и въ то же время, захваченные соціалистическими партіями, кооперативы, обладая крупными средствами, становились нерѣдко сильными аппаратами ихъ пропаганды. Что же касается украинскихъ организацій, которыя подъ именемъ «спілок», «спожівчих товариств» и др. группировались вокругъ центральныхъ органовъ — «Днипрсоюза» и «Украинбанка» — онѣ являлись почти повсемѣстно очагами самостійной и петлюровской агитацiи.

Это засиліе политики надъ экономикой отмѣчено было трезвыми голосами самихъ кооператоровъ на съѣздѣ въ Харьковѣ (въ октябрѣ) акціонеровъ Московскаго народнаго банка. Но, во всякомъ случаѣ, кооперативы въ основу своей дѣятельности клали частную инiціативу и трудъ въ большей степени, нежели государственные кредиты.

Какъ бы то ни было, ни внутренній, ни заграничный рынки не дали сколько нибудь достаточныхъ средствъ для фронта, для борьбы, для созданія надлежащаго настроенія въ занимаемыхъ областяхъ.

Все наше финансово-экономическое положеніе, такимъ образомъ, было безотрадно — отчасти по винѣ людей, а еще болѣе — стихійныхъ условій жизни. Значило ли это, что успѣхъ борьбы безнадеженъ? Отнюдь: по ту сторону фронта было неизмѣримо хуже и тягостнѣе.

* * *

Въ условіяхъ меньшаго общественнаго вниманія, хотя и столь же трудныхъ духовно и матеріально, протекала дѣятельность тѣхъ вѣдомствъ, которыя или мало, или вовсе не вовлекались въ политическую и соціальную борьбу.

Управленіе юстиціи во главѣ съ Челищевымъ бережно собирало и возстановляло судебныя учрежденія. Личный составъ ихъ такъ же, какъ и въ военномъ вѣдомствѣ, подвергался провѣркѣ въ отношеніи его участія въ дѣятельности большевицкихъ органовъ — не столько въ невольномъ сотрудничествѣ, сколько въ пріятіи большевицкой идеологіи и практики. Обслѣдованіе, веденное безъ нарушенія принципа несмѣняемости судей, не возбудило такого озлобленія, какъ это было въ военной средѣ, и дало въ общемъ весьма благопріятные результаты въ отношеніи нравственной физіономіи служителей русскаго суда.

---

[1]) Голоса кооператоровъ я или не слышалъ, или не помню.

Благодаря болѣе развитому чувству государственности въ правительствахъ Дона и Терека, явилась возможность осуществить на освобожденной территоріи единство высшей кассаціонной власти и надзора за правительственнымъ аппаратомъ въ лицѣ «Донского» сената, преобразованнаго въ «Правительствующій»; точно также Новочеркасской судебной палатѣ были подчинены Ставропольскій, Владикавказскій и вновь образованный Черноморскій окружные суды. Только кубанское правительство и въ этомъ вопросѣ соблюло самостійныя начала, воспротивившись объединенію, дѣлая попытки создать всѣ элементы суда въ предѣлахъ области и, вслѣдствіе оппозиціи этому чиновъ судебнаго вѣдомства, оставивъ край до самаго своего паденія безсуднымъ.

Вѣдомство юстиціи возстановляло законъ, внося только необходимыя поправки въ нормы процессуальнаго и матеріальнаго права, вызванныя исключительной обстановкой. Не избѣгло оно все же вторженія «политики» въ вопросъ большой важности: «объ уголовной отвѣтственности участниковъ установленія совѣтской власти и лицъ, содѣйствовавшихъ ея распространенію и упроченію». Въ концѣ іюля состоялось постановленіе Ос. Сов. о введеніи указаннаго закона. Законъ предусматривалъ смертную казнь для лицъ, «виновныхъ въ подготовленіи захвата государственной власти совѣтомъ народныхъ комисаровъ», участниковъ и пособниковъ; прочихъ — «виновныхъ въ содѣйствіи и благопріятствованіи совѣтской власти» — въ мѣрѣ вины законъ каралъ въ предѣлахъ отъ каторжныхъ работъ до штрафа въ 300 руб.; лица, виновныя въ преступленіи «вслѣдствіе несчастно сложившихся обстоятельствъ, опасенія возможнаго принужденія или иной достойной уваженія причины», освобождались отъ отвѣтственности вовсе.

Законъ по духу выражалъ суровое осужденіе коммунизму и коммунистамъ, какъ разрушителямъ русскаго государства. Для нихъ онъ былъ безпощаденъ. Что касается массы населенія, такъ или иначе попадавшей въ круговоротъ вольнаго или невольнаго сотрудничества съ большевиками, законъ давалъ возможность широкой и безболѣзненной ликвидаціи вопроса, ибо почти всю не комунистическую часть населенія, почти весь милліонный кадръ «спецовъ» можно было подвести подъ третью категорію. И хотя практика судебно-слѣдственныхъ комиссій, руководствовавшихся ранѣе измѣненной 108 статьей Уложенія, и потомъ нормальныхъ судебныхъ учрежденій была весьма гуманна — во всякомъ случаѣ гуманнѣе общественнаго настроенія — самый фактъ выхода этого закона считается многими, въ особенности теперь, большой политической ошибкой. Одинъ изъ тогдашнихъ законодателей, вспоминая прошлое, пришелъ къ убѣжденію, что такимъ путемъ «былъ упроченъ станъ красныхъ: люди, которые играли въ поддавки и сочувствовали саботажу, начали вести игру въ крѣпкія, ибо въ игрѣ — они стали такъ думать — была ихъ голова»... Несомнѣнно редакція закона не правильна и давала пищу для кривотолковъ; впечатлѣніе онъ долженъ былъ произвести неблагопріятное. Мнѣ кажется только, что это настроеніе невольныхъ сотрудниковъ совѣтской власти нѣсколько сгущено: сомнительно, чтобы люди, привыкшіе къ юрисдикціи «народныхъ судовъ» и застѣнка «чрезвычайки», страшились очень нормальнаго русскаго суда. Особенно, если принять во вниманіе, что іюльскій законъ былъ опубликованъ во всеобщее свѣдѣніе только въ концѣ октября, когда наше наступленіе кончилось, и онъ не могъ уже получить широкаго распространенія.

Дѣятельность лицъ судебнаго вѣдомства проходила въ обстановкѣ исключительно трудной, не давшей возможности оказать надлежащее вліяніе на изнанку жизни, на оздоровленіе тыла. Во всякомъ случаѣ, въ то время, когда мораль считалась предразсудкомъ и преступленіе явленіемъ заурядным; когда преступники стали почти неуловимы изъ за разрушенія органовъ розыскныхъ и полицейскихъ, изъ за страха, сковывавшаго уста свидѣтелей, изъ за непроѣзжихъ дорогъ — въ силу бандитизма и повстанчества; когда вся страна стала территоріей гражданской войны, съ ея извращеніями закона и права; въ обстановкѣ нищеты и лишеній — дѣятельность судебнаго вѣдомства тѣмъ не менѣе стояла на должной высотѣ.

Вѣдомство народнаго просвѣщенія подъ управленіемъ Малинина и подъ руководствомъ проф. Новгородцева, не ломая основъ и уклада и не прокладывая новыхъ путей, работало упорно надъ возстановленіемъ русской школы и улучшеніемъ положенія учителя. Въ то бурное время оно почти не привлекало на себя общественнаго вниманія. Только однажды выступленіе управленія по украинскому вопросу, о чемъ будетъ изложено позже, вызвало большіе дебаты и пріобрѣло большое политическое значеніе.

* * *

Въ сторонѣ отъ другихъ вѣдомствъ стояло одно — по существу безкровно-мирное, но призванное играть огромную роль, какъ средство борьбы: отдѣлъ пропаганды.

Въ сентябрѣ 1918 г. ген. Алексѣевъ учредилъ «Освѣдомительное отдѣленіе» при предсѣдателѣ Ос. Сов., поставивъ во главѣ его Чахотина[1]). Задачи, поставленныя отдѣленію, заключались «въ освѣдомленіи командованія о политическомъ положеніи, освѣдомленіи населенія о работахъ и задачахъ Добровольческой Арміи и пропагандѣ ея идей». Первоначально отдѣленіе состояло изъ двухъ «бюро» — «печати» и «информаціоннаго». Свѣдѣнія добывались весьма примитивно — «путемъ опроса лицъ, учрежденій и пріѣзжихъ изъ разныхъ мѣстъ, привлекаемыхъ въ бюро особыми плакатами»... Съ первыхъ же шаговъ учрежденіе, разроставшееся неимовѣрно въ своемъ составѣ, приняло несерьезный характеръ, обратившись вскорѣ въ убѣжище для безработной интеллигенціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ новый органъ контръ-развѣдки — только мелкой, чисто обывательскаго масштаба. Во «внутренней информаціи» можно было, напримѣръ, прочесть о томъ, что «Лицо, не пожелавшее назвать себя, сообщило фамиліи слѣдующихъ лицъ, ведущихъ большевицкую агитацію въ станицѣ Смоленской (слѣдуетъ перечень)». Въ «информаціи внѣшней» встрѣчались довольно любопытныя свѣдѣнія о ходѣ мирныхъ переговоровъ (осень 1918 г.):

> «Лансингъ передалъ отвѣтъ Вильсона на ноту Германіи... что для веденія переговоровъ необходимо: 1) гарантія превосходства союзныхъ войскъ на фронтѣ, 2) прекращеніе Германіей своихъ дѣйствій на сушѣ и на морѣ, которыя названы «безчеловѣчными», и 3) сокращеніе до безсилія той власти, которая нарушила общій миръ и управляетъ Германіей...»

Что же касается агитаціи, то устная была въ то время до крайности элементарна, а графическая ограничивалась почти однимъ распространеніемъ листовокъ, которыя не разъ вызывали къ себѣ вмѣсто сочувственнаго отношенія насмѣшливое.

Къ началу 1919 г. Чахотинское учрежденіе успѣло проявить свою несостоятельность въ полной мѣрѣ, и Ос. Сов. постановило учредить новый отдѣлъ пропаганды, отпустивъ на него весьма крупныя средства, чтобы съ первыхъ же шаговъ поставить широко это важное дѣло. Главная задача, возлагавшаяся на отдѣлъ, состояла въ распространеніи по всей территоріи Россіи и за границей правдивыхъ свѣдѣній, какъ о большевизмѣ, такъ и о борьбѣ, которая велась противъ него на Югѣ.

Постъ управляющаго отдѣломъ былъ предложенъ Н. Е. Парамонову — к. д., донскому дѣятелю, который соединялъ въ себѣ опытъ политической и издательской работы. Послѣ большихъ дебатовъ внутри Совѣщанія и переписки съ донскимъ атаманомъ, центръ дѣятельности пропаганды былъ перенесенъ въ Ростовъ, какъ пунктъ, допускающій мощное техническое оборудованіе отдѣла.

Съ первыхъ же шаговъ дѣятельности новаго главы пропаганды начались его тренія съ Екатеринодаромъ, главнымъ образомъ, изъ за его желанія «повернуть руль влѣво».

«Мнѣ лѣвизна особенно необходима — писалъ онъ — и я очень огорченъ, что у меня туго подвигается наборъ видныхъ сотрудниковъ, стоящихъ теоретически

---

[1]) Впослѣдствіи сталъ смѣновѣховцемъ.

Группа отдѣла пропаганды,
(на молебнѣ).

въ рядахъ соціалистическихъ партій, но по своему настроенію и по кредиту въ широкихъ демократическихъ кругахъ могущихъ принести намъ большую пользу. Окруженіе себя сотрудниками изъ кадетовъ и направо будетъ коренной ошибкой. Привлеченіе видныхъ болѣе лѣвыхъ элементовъ — необходимое условіе успѣха».

Можно было говорить о необходимости «полѣвѣнія» политическаго курса, но самодовлѣющее полѣвѣніе пропаганды внесло бы еще большее расхожденіе между словомъ и дѣломъ и запутало бы окончательно и безъ того необыкновенно сложныя политическія взаимоотношенія, существовавшія на Югѣ.

Послѣ ряда треній, осложненныхъ раздѣльнымъ существованіемъ отдѣла пропаганды и центра управленія (Ростовъ — Екатеринодаръ), которое препятствовало личному общенію и взаимному пониманію, Парамоновъ оставилъ свой постъ. Управленіе его продолжалось всего мѣсяцъ, причемъ большую часть времени Парамоновъ вынужденъ былъ удѣлять засѣдавшему тогда Донскому кругу, въ составѣ котораго онъ игралъ видную роль, въ качествѣ лидера оппозиціи. И новый управляющій отдѣломъ К. Н. Соколовъ принялъ по существу наслѣдіе Чахотина.

Первыя же впечатлѣнія Соколова отъ знакомства съ «Освагомъ» были удручающія. Настолько, что возникалъ даже вопросъ — не лучше ли разрушить вовсе старое зданіе и построить новое... Соколову даны были большія средства и полномочія для реорганизаціи учрежденія.

Отдѣлъ пропаганды тѣмъ не менѣе не поднялся.

Я не могу не признать, что и техника, и внутренняя цѣнность работы много выросли по сравненію съ первыми опытами Чахотина; что дѣятельность нашей пропаганды, въ особенности освѣдомительная, своими тщательно обоснованными обзорами оказывала помощь правительству; что въ рядахъ вѣдомства было не мало лицъ съ установившейся высокой литературной репутаціей и честнымъ политическимъ стажемъ, что, наконецъ, не одинъ десятокъ смѣлыхъ сотрудниковъ пропаганды палъ на своемъ посту отъ руки большевиковъ...// Но въ конечномъ результатѣ работа отдѣла пропаганды принесла больше вреда, чѣмъ помощи, прежде всего благодаря самому факту всеобщаго отрицательнаго отношенія къ нему и недовѣрія ко всему, что носило печать «Освага».//

Я остановлюсь на важнѣйшихъ только органическихъ причинахъ неуспѣха этого учрежденія.

Прежде всего, проповѣдуя единство Россіи, оно нашло жесточайшихъ враговъ въ станѣ національнаго и областного сепаратизма и среди всѣхъ принципіальныхъ противниковъ правительства. Оно встрѣчало противодѣйствіе и осужденіе не только въ аналогичныхъ учрежденіяхъ новообразованій, но и въ нашихъ крупныхъ штабахъ и учрежденіяхъ, желавшихъ эмансипироваться отъ отдѣла пропаганды и вести свою агитацію, свое освѣдомленіе. Та офиціальная идеологія, съ которой шли за арміей органы пропаганды, вступала иногда въ большое противорѣчіе съ заявленіями войсковыхъ начальниковъ, вызывая разбродъ въ опредѣленіяхъ цѣлей борьбы и недовѣріе въ населеніи. Практика нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, проходившихъ съ карами и местью, не вязалась съ проповѣдью порядка и мира. Эти объективныя причины, не зависѣвшія отъ отдѣла пропаганды, далеко, однако, не исчерпывали вопросъ.

Личный составъ отдѣла часто не удовлетворялъ минимальнымъ условіямъ технической подготовки и полезности работы. Необходимость быстраго развитія сѣти учрежденій пропаганды, недостатокъ людей, часто полная невозможность для руководителей дѣла ознакомиться съ политическимъ и моральнымъ багажомъ привлекаемыхъ работниковъ — приводили къ тому, что на общемъ полѣ дѣятельности встрѣчались элементы совершенно разнородные: почитаемый писатель, честный журналистъ, серьезный ученый и на ряду съ ними — продавецъ пера и мысли, будирующій противъ власти соціалистъ-полубольшевикъ, крайній правый, неблагополучный по связямъ съ Распутинымъ, наконецъ шарлатанъ —«іогъ» и «провидецъ», начинавшій ткать новую паутину вокругъ членовъ династіи... Остовъ дѣйствующихъ лицъ пропаганды обрасталъ неимовѣрнымъ количествомъ вторыхъ

персонажей изъ ненаходившихъ другого примѣненія своему труду представителей интеллигенціи и бюрократіи, бронированныхъ отъ военной службы молодыхъ людей, дамъ и дѣвицъ, придававшихъ сумбурный характеръ всему учрежденію. Усилія мои расчистить его встрѣчали упорное сопротивленіе: штатныя должности упразднялись, но вырастали нештатныя — «секретныхъ сотрудниковъ».

Общая линія правительственной политики, если и выдерживалась внѣшне этимъ пестрымъ конгломератомъ работниковъ пропаганды, то во всѣхъ интимныхъ, трудно поддающихся оцѣнкѣ и контролю дѣйствіяхъ и отношеніяхъ ихъ — не разъ произвольно нарушалась и искажалась. Оттого дѣйствительность подносила такіе, напримѣръ, сюрпризы: въ одномъ изъ важнѣйшихъ узловъ нач. агит. отдѣла рекомендуетъ своимъ подчиненнымъ «проповѣдывать директорію», такъ какъ онъ «противъ диктатуры главнокомандующаго...» Изъ другого — по освобожденнымъ только что крупнымъ городамъ Малороссіи командируется для агитаціи адвокатъ Зарудный [1]), который, къ удивленію слушателей, ведетъ пропаганду въ пользу Керенскаго, возбуждавшаго тогда общественное мнѣніе Европы противъ бѣлыхъ армій и вождей, и почти въ оправданіе большевизма... Съ другой стороны, одинъ изъ секретныхъ отдѣловъ центральнаго вѣдомства пропаганды поддерживаетъ тѣсную связь и субсидируетъ негласными суммами «Союзъ русскихъ національныхъ общинъ» [2]) — правую организацію, враждебную политикѣ командованія...

Это былъ не сплоченный общностью взглядовъ и идеологій органъ, а «парламентъ мнѣній», не достаточно связанный внутренней дисциплиной и сознаніемъ нравственной отвѣтственности.

Къ «Освагу» въ обществѣ привыкли относиться съ легкимъ пренебреженіемъ еще со временъ Чахотина. «Освагъ» не любили и потому не хотѣли замѣчать и нѣкоторыхъ положительныхъ сторонъ его дѣятельности; не прощали ему и промаховъ, всегда возможныхъ въ нервной обстановкѣ гражданской войны — въ особенности, когда эти промахи носили комическій оттѣнокъ. И то, чего не могли сдѣлать справедливое возмущеніе или наоборотъ — злоба и зависть, то довершила н а с м ѣ ш к а — это отточенное и ядовитое оружіе общественнаго мнѣнія.

Насмѣшка доконала «Освагъ».

* * *

Я очертилъ вкратцѣ правительственную дѣятельность, касаясь, главнымъ образомъ, важнѣйшихъ сторонъ ея, преимущественно тѣхъ, которыя имѣли прямое и непосредственное вліяніе на теченіе и исходъ борьбы. Въ этой сжатой схемѣ поневолѣ опущены положительныя стороны, существенныя детали тяжелой большой и полезной работы правительства и подчиненныхъ органовъ въ обстановкѣ исключительно тяжелой морально и полной физическихъ лишеній. Власть тогда была не цѣлью, не удовлетвореніемъ, а подвигомъ.

И этотъ подвигъ очень многіе несли — по крайнему своему разумѣнію — честно и безкорыстно.

* * *

Пронесшаяся надъ русской землей буря, задѣвшая всѣ основы человѣческой жизни, не прошла безслѣдно и для православной церкви. Церковная жизнь настоятельно требовала устроенія. И передъ властью стали нѣкоторыя осложненія въ политическомъ (автокефалія украинской церкви) и бытовомъ отношеніи, выходившія далеко за предѣлы самой церковной жизни и не разрѣшимыя безъ нарушенія каноновъ. По иниціативѣ протопресвитера Шавельскаго, я обратился въ

[1]) Бывшій министръ юстиціи Времен. правительства, нынѣ совѣтскій служащій.
[2]) На средства союза издавался въ сентябрѣ 1919 г. въ Ростовѣ еженедѣльный погромный листокъ «Въ Москву», закрытый вскорѣ Донскимъ правительствомъ.

началѣ марта къ православнымъ іерархамъ, прося ихъ созвать совѣщаніе, съ цѣлью разрѣшить вопросъ о высшемъ церковномъ управленіи. Послѣ долгихъ треній и колебаній, 20 мая въ г. Ставрополѣ состоялся, наконецъ, Помѣстный Соборъ изъ епископовъ, выборнаго духовенства и мирянъ, который учредилъ «Временное высшее церковное управленіе»[1]), принявшее на себя высшую церковную власть на Юго-Востокѣ Россіи «до установленія правильныхъ сношеній со Святѣйшимъ Патріархомъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Особомъ Совѣщаніи учреждено было управленіе исповѣданій, во главѣ котораго сталъ князь Г. Трубецкой, и въ сентябрѣ опубликована была декларація о взаимоотношеніяхъ церкви и государства:

«Въ твердомъ убѣжденіи, что возрожденіе Россіи не можетъ совершиться безъ благословенія Божія, и что въ дѣлѣ этомъ Православной Церкви принадлежитъ первенствующее положеніе, подобающее ей, въ полномъ соотвѣтствіи съ исконными завѣтами исторіи, признаю необходимымъ установить нижеслѣдующее:

Въ согласіи съ новыми началами, на которыхъ создается государственная жизнь Россіи, и въ соотвѣтствіи съ постановленіями Всероссійскаго помѣстнаго собора, Православная Церковь свободна и независима въ дѣлахъ своего внутренняго распорядка и самоуправленія.

Впредь до выработки особыхъ по сему предмету законоположеній, учрежденному нынѣ временному управленію исповѣданій надлежитъ имѣть наблюденіе за соотвѣтствіемъ постановленій власти Православной Церкви въ дѣлахъ, соприкасающихся съ областью государственныхъ и гражданскихъ правоотношеній, съ существующими общими государственными узаконеніями. Черезъ его посредство осуществляется поддержка, оказываемая государственной властью Церкви въ ея матеріальныхъ и иныхъ нуждахъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, временное управленіе исповѣданій должно руководствоваться началами свободы совѣсти и вѣротерпимости, предоставляя каждому признанному въ государствѣ исповѣданію, въ полномъ соотвѣтствіи съ общими государственными началами, свободу самоуправленія въ дѣлахъ внутренняго, чисто религіознаго характера, не соприкасающихся съ областью государственныхъ и гражданскихъ правоотношеній. Въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, разрушающимъ начала государственности, всѣ эти исповѣданія призываются содѣйствовать среди своихъ послѣдователей общей задачѣ оздоровленія и возсоединенія Россіи».

Соборъ обратился съ бодрящимъ словомъ къ народу, вождямъ и Арміи и съ увѣщаніемъ къ красноармейцамъ.

Но и въ этотъ вопросъ не преминула вмѣшаться политика: крайнія правыя группы пытались придать этому начинанію специфическій политическій оттѣнокъ. Послѣ неудачи, постигшей Пуришкевича и Востокова, которыхъ не допустили выступить на Соборѣ съ весьма боевымъ «сыновнимъ обращеніемъ», эти группы охладѣли къ Собору и къ Высшему церк. управленію, огульно заподозрѣвъ его въ «кадетизмѣ». Что касается лѣвыхъ партій, онѣ отнеслись также съ большой подозрительностью къ «поповской мобилизаціи» и къ «втягиванію духовенства въ политическую жизнь». Обвиненія эти были не основательны. Духовенство вовлекалось иногда въ политику, но не властью, а своимъ участіемъ въ политическихъ организаціяхъ. Церковное управленіе не разъ предупреждало проповѣдниковъ «отъ скользкихъ путей политической пропаганды», не разумѣя подъ этимъ, конечно, выступленій противъ гонителей вѣры и церкви — большевиковъ.

Присутствуя при открытіи Собора, въ своей рѣчи я высказалъ и свой взглядъ на задачи его и духовенства:

«Въ эти страшные дни, одновременно съ напоромъ большевизма, разрушающимъ государственность и культуру, идетъ планомѣрная борьба извнѣ и изнутри противъ Христовой Церкви.

Храмъ оскверненъ. Рушатся устои вѣры. Разстроена жизнь церковная. Погасли свѣтильники у пастырей, и во тьмѣ бродитъ русская душа, опустошенная, оплеванная, охваченная смертельной тоской или тупымъ равнодушіемъ.

Церковь въ плѣну. Раньше у «приказныхъ», теперь у большевиковъ.

---

[1]) Изъ 7 членовъ, подъ предсѣдательствомъ архіепископа Донского — Митрофана.

И тихій голосъ ея тонетъ въ дикой свистопляскѣ вокругъ еле живого тѣла нашей Родины.

Необходима борьба.

И я отъ души привѣтствую помѣстный Соборъ Юга Россіи, поднимающій духовный мечъ противъ враговъ Родины и Церкви..

Работа большая и сложная.

Устроеніе церковнаго управленія и православнаго прихода. Борьба съ безвѣріемъ, унынiемъ и безпримѣрнымъ нравственнымъ паденіемъ, какого, кажется, еще не было въ исторіи русскаго народа... Борьба съ растлителями русской души — смѣлымъ пламеннымъ словомъ, мудрымъ дѣланіемъ и живымъ примѣромъ... Укрѣпленіе любви къ Родинѣ и къ ея святынямъ среди тѣхъ, кто въ кровавыхъ бояхъ творитъ свой жертвенный подвигъ».

Къ сожалѣнію, невзирая на усилія многихъ достойныхъ пастырей, церковная проповѣдь оказывала мало вліянія на массы: сѣятели были неискусны, или нива чрезмѣрно густо заросла плевелами...

ГЛАВА XXV.

Внѣшняя политика правительства Юга. Парижское военное и политическое представительство. «Русскій вопросъ».

Въ концѣ октября въ Екатеринодаръ прибылъ бывш. россійскій мин. иностр. дѣлъ Сазоновъ и занялъ постъ начальника управл. иностр. дѣлъ въ Особомъ Совѣщаніи. Назначеніе его принято было общественнымъ мнѣніемъ сочувственно. Самостійные круги, хотя и будировали нѣсколько, но признавали авторитетъ Сазонова; не протестовали и умѣренно лѣвые, а «Утро Юга» привѣтствовало даже назначеніе Сазонова — подъ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы онъ опирался на «всероссійскую демократическую власть».

Вопросъ замѣщенія этой должности имѣлъ большое значеніе для Юга, въ виду общаго стремленія къ объединенію россійскаго представительства на предстоящей мирной конференціи. Мы жили иллюзіями, что голосъ нашъ будетъ тамъ услышанъ...

Отраженіемъ взглядовъ южной россійской общественности на характеръ и задачи этого представительства является «Памятная записка», поданная правительствамъ державъ Согласія черезъ екатеринодарскихъ ихъ представителей[1]). Главнѣйшія положенія записки заключались въ слѣдующемъ:

«1. Совѣтское правительство не только не имѣетъ права представлять Россію... но само существованіе этой банды убійцъ и разбойниковъ... не должно быть терпимо.

2. Россія проситъ союзниковъ поспѣшно придти ей на помощь... Мы надѣемся, что въ этой войнѣ за гуманность и справедливость будутъ совмѣстно дѣйствовать союзныя и мѣстныя (русскія) войска.

3. Эфемерныя государственныя образованія..., пріобрѣвшія мнимую независимость... не могутъ принимать участія въ процессѣ освобожденія и объединенія Россіи, пока они не откажутся отъ своихъ притязаній на отдѣльное существованіе. Они не должны претендовать на отдѣльное національное представительство.

Необходимо осторожно относиться къ притязаніямъ отложившихся областей, въ родѣ Украины, Дона, Литвы, Прибалт. губ., Кавказск. республикъ и даже Финляндіи, независимость которой не была признана Временнымъ правительствомъ... Будучи представлены отдѣльно, они усилили бы только элементы разложенія и слабости.

4. Настоящая Россія можетъ быть представлена только единой делегаціей, объединяющей всѣ оставшіеся здоровыми, среди разрушенія, элементы.

Есть два центра объединенія ея силъ — на сѣв.-востокѣ и юго-востокѣ Россіи».

Преимущество записка отдавала второму — въ силу близости къ проливамъ, экономическихъ условій Юга, существованія тамъ Добровольч-

[1]) Записку подписали: Астровъ, Винаверъ, Милюковъ, Степановъ и Шульгинъ.

ческой Арміи и притока «опытныхъ и солидныхъ государственныхъ людей... которые начинаютъ уже образовывать составныя части будущаго правительства, способнаго сложиться въ будущемъ путемъ добровольнаго соединенія съ другими дѣйствующими центрами...»

5. Не ожидая конца этого сліянія, «наши бывшіе послы... могли бы представлять Россію и ея интересы... Нѣсколько другихъ, лучше освѣдомленныхъ о недавнихъ событіяхъ, присоединятся къ нимъ въ качествѣ представителей тѣхъ центровъ объединенія, о которыхъ упомянуто выше».

Такимъ образомъ, въ вопросахъ внѣшняго представительства сходился довольно широкій фронтъ правой и либеральной общественности, но было въ этомъ отношеніи и серьезнаго расхожденія съ умѣренно-лѣвыми, наконецъ, и правительство Юга раздѣляло эти взгляды.

Съ цѣлью разработки вопросовъ, связанныхъ съ предстоящей конференціей, въ ноябрѣ учрежденъ былъ при управл. ин. дѣлъ «Совѣтъ по дѣламъ внѣшней политики», подъ предсѣдательствомъ Сазонова. Въ Совѣтѣ должны были принять участіе А. А. Нератовъ, М. М. Винаверъ, П. И. Новгородцевъ, Г. Н. Трубецкой и Г. А. Казаковъ; предложено было включить въ составъ его по одному представителю отъ Дона и Кубани, но обѣ «державы» уклонились, причемъ бывшій въ то время атаманъ ген. Красновъ, отнесясь вообще отрицательно къ предложенію, требовалъ «паритета» для Дона и Кубани: «если бы я могъ согласиться на то, чтобы на шесть представителей Добровольческой Арміи явился одинъ представитель Донского войска, то Донскіе казаки (?) съ этимъ никогда не согласятся...»[1]). Времени для споровъ не было, и я поручилъ представительство Юга въ Парижѣ единолично Сазонову. По сообщеніи этого рѣшенія новообразованіямъ, къ нему присоединились Крымъ и Донъ, причемъ атаманъ настаивалъ лишь на включеніи въ составъ парижской делегаціи, въ качествѣ совѣтниковъ, назначенныхъ имъ лицъ, что не встрѣтило препятствій.

Съ Кубанью вышло сложнѣе. На основаніи постановленія Рады, правительство Быча наканунѣ своего ухода въ отставку избрало заграничную делегацію «для широкой информаціи и защиты интересовъ края». Въ составъ ея вошли — самъ Бычъ, Савицкій, Намитоковъ — всѣ члены «черноморской группы». Эта делегація пожелала взять на себя и представительство на мирной конференціи, независимо отъ правительства. Въ результатѣ препирательствъ и компромисса была послана въ Парижъ одна делегація «правительственная», но въ составъ ея были включены Бычъ и его спутники и добавлены еще два члена — докторъ Долгополовъ (отъ правительства) и Д. Филимоновъ (отъ атамана). И хотя въ наказѣ, данномъ делегаціи, было указано, что она посылается «для содѣйствія общему представителю государства Россійскаго С. Д. Сазонову», но предварительныя пренія о наказѣ выяснили полную непримиримость Быча и его единомышленниковъ съ такою точкой зрѣнія[2]).

Въ серединѣ декабря Сазоновъ уѣхалъ въ Парижъ, снабженный наказомъ, выработаннымъ въ Особомъ Совѣщаніи и утвержденнымъ мною. Этотъ наказъ касался исключительно внѣшняго положенія русскаго государства и основной задачей признавалъ возстановленіе status quo ante bellum въ отношеніи русскихъ владѣній, за исключеніемъ земель, имѣющихъ отойти къ независимой Польшѣ.

* * *

[1]) Письмо къ ген. Драгомирову, отъ 30 ноября, № 060.

[2]) Въ наказѣ были, между прочимъ, такіе пункты:

«3. Если, однако, вопросъ о государственномъ устройствѣ Россіи будетъ поставленъ на международной конференціи, то делегація должна настаивать на установленіи въ государствѣ Россійскомъ федеративной республики свободныхъ народовъ и земель, съ признаніемъ за Кубанскимъ краемъ правъ отдѣльнаго штата.

4. ... Если бы дѣло возсозданія Россіи и борьбы съ большевизмомъ было признано задачей, не допускающей международнаго вмѣшательства, то въ виду своеобразія культуры и соціальнаго уклада Кубанскаго края, настаивать на установленіи дѣйствительныхъ международныхъ гарантій противъ нападенія и распространенія на Кубанскій край совѣтской власти».

Внѣшне обстановка складывалась какъ будто благопріятно. Въ началѣ января 1919 г. адмиралъ Колчакъ назначилъ Сазонова министромъ иностранныхъ дѣлъ Омскаго правительства и, такимъ образомъ, въ его лицѣ объединено было представительство Юга и Востока. Но, пріѣхавъ въ Парижъ, Сазоновъ засталъ тамъ уже существующее представительство, говорящее отъ имени Россіи, не признанное въ этомъ качествѣ союзниками и, въ частности, французскимъ правительствомъ, но персонально находившееся съ нимъ въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ. Это было такъ называемое «Русское политическое совѣщаніе въ Парижѣ», во главѣ съ кн. Львовымъ [1]).

Пріѣздъ Сазонова былъ встрѣченъ весьма несочувственно: въ парижскихъ про-большевицкихъ газетахъ, подъ вліяніемъ русскихъ лѣвыхъ круговъ, появились статьи по адресу «недобитаго царскаго министра» и «нежеланнаго гостя»; Клемансо уклонился отъ пріема Сазонова; члены Политическаго совѣщанія стали настойчиво убѣждать его, что имя его одіозно для французской демократіи, что изолированное выступленіе его невозможно, такъ какъ съ нимъ никто изъ правящихъ круговъ разговаривать не станетъ... И Сазоновъ уступилъ безъ борьбы, войдя рядовымъ членомъ въ составъ Политическаго совѣщанія, о чемъ я узналъ много позднѣе.

Въ первыхъ числахъ января состоялся обмѣнъ телеграммами Сазонова и Маклакова съ Омскомъ, въ результатѣ котораго адм. Колчакъ писалъ мнѣ: «согласно этимъ телеграммамъ, я отъ себя и отъ имени правительства, образовавшагося на территоріи Сибири и Урала, уполномочилъ представительство Россіи (на мирной конференціи) въ составѣ: Кн. Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковскаго. Полагаю, что Вы не разойдетесь со мной въ этомъ важномъ вопросѣ» [2]). Я не противорѣчилъ.

Въ составъ Политическаго совѣщанія должно было войти также по одному представителю Дона и Кубани. Но, когда послѣ долгихъ блужданій появилась, наконецъ, въ Парижѣ делегація Быча, на соединенномъ засѣданіи донской и кубанской делегацій было рѣшено не входить въ составъ Совѣщанія по слѣдующимъ мотивамъ: «вступленіе въ составъ Совѣщанія связало бы делегаціи въ ихъ выступленіяхъ и переговорахъ съ союзниками или съ другими государственными образованіями; съ другой стороны — не дало бы практически полезныхъ результатовъ, ибо по собраннымъ свѣдѣніямъ къ Совѣщанію со стороны демократическихъ сферъ установилось отрицательное отношеніе, а въ сферахъ правительственныхъ къ голосу Совѣщанія совершенно не прислушиваются». Донцы вскорѣ вернулись на Донъ, изъ состава кубанской делегаціи вышелъ, подавъ протестъ противъ ея рѣшенія, Долгополовъ, а Бычъ со своими тремя товарищами [3]) остался надолго въ Парижѣ, примкнувъ къ наиболѣе непримиримымъ и враждебнымъ Россіи самостійнымъ организаціямъ. Въ первомъ же своемъ «меморандумѣ» державамъ Согласія делегація Быча заявила, что «наилучшей для себя помощью кубанцы считали бы прекращеніе гражданской войны, но это невозможно, ибо совѣтская власть добровольно не откажется отъ притязаній на Кубанскій край» и что «кубанцы ведутъ войну исключительно оборонительную». Делегація просила «всякой амуниціи для своей арміи», а «прежде всего, главнѣе всего, моральной поддержки въ борьбѣ съ большевизмомъ какъ слѣва, такъ и справа (черносотенствомъ)...»

Совѣщаніе имѣло совершенно неопредѣленныя функціи. Выдѣленные изъ состава его четыре члена (кн. Львовъ, Маклаковъ, Сазоновъ и Чайковскій) только и имѣли по существу право представительства сибирскаго и екатеринодарскаго

---

[1]) Въ составѣ его къ началу 1919 г. были: Маклаковъ (посолъ во Франціи), Гирсъ (посолъ въ Италіи), Бахметьевъ (посолъ въ Америкѣ), Извольскій (бывш. мин. иностр. дѣлъ), Чайковскій (предсѣдатель Архангельскаго правительства), Савинковъ, Коноваловъ, Ивановъ (соц.-рев.), Титовъ («Союзъ возрожд.»).

[2]) Письмо отъ 11 января 1919 г., полученное мною въ мартѣ или въ началѣ апрѣля.

[3]) Двое — Калабуховъ и Д. Филимоновъ вернулись также осенью.

правительствъ. Обращенія къ союзнымъ державамъ и Мирной конференціи подписывали иногда Сазоновъ и Чайковскій отъ имени трехъ объединенныхъ правительствъ, иногда всѣ четыре лица — отъ имени «Совѣщанія». Въ непосредственномъ вѣдѣніи его находились «Экономическое совѣщаніе» (Рафаловичъ), бюро прессы (Саблинъ), канцелярія и посольство.

Въ подвѣдомственныя отношенія и въ финансовую зависимость отъ Политическаго совѣщанія стали также учрежденія ген. Щербачева, который взялъ на себя представительство, кромѣ армій Юга, еще и Восточной и Западной (Юденича). Кромѣ штаба, его организація состояла изъ отдѣла заготовокъ и снабженій (ген. Гермоніусъ), отдѣла, вѣдавшаго личнымъ составомъ русскихъ военно-плѣнныхъ и бывш. во Франціи русскихъ бригадъ (адм. Погуляевъ), и военно-историческаго и статистическаго комитета (ген. Палицынъ). Содержаніе этихъ учрежденій стоило Совѣщанію 125 тыс. франковъ ежемѣсячно, дѣятельность же по многимъ причинамъ была весьма ограничена. Для Юга, по крайней мѣрѣ, мало ощутима. Главная задача, которую поставилъ себѣ ген. Щербачевъ — формированіе армій въ Чехіи и Сербіи изъ контингентовъ русскихъ военно-плѣнныхъ и мѣстныхъ добровольцевъ, вслѣдствіе общихъ политическихъ условій, психологическаго состоянія нашихъ военно-плѣнныхъ и отсутствія средствъ [1]), не имѣла никакихъ результатовъ.

Политическое совѣщаніе представляло изъ себя далеко не однородное цѣлое. Объ общемъ характерѣ его одинъ изъ видныхъ участниковъ Совѣщанія говоритъ:

> «Въ той работѣ, которая совершается здѣсь въ Парижѣ русскимъ центромъ, нужно различать двѣ стороны: 1) отстаиваніе единства, цѣлости и суверенитета Россіи, которые должны быть дороги всѣмъ русскимъ, независимо отъ ихъ политическаго направленія, и 2) тенденцію, при помощи сильныхъ внѣшнихъ покровителей, союзниковъ, спасти русскую «демократію» и русскую «революцію». Такъ какъ союзники требуютъ отъ насъ «демократизма», а нѣкоторые русскіе элементы здѣсь и всѣ инородцы только и дѣлаютъ, что доносятъ союзникамъ на «анти-демократизмъ» русскаго національнаго движенія и, въ частности, Парижскаго Политическаго Совѣщанія, то мы всѣ, каковы бы ни были наши политическія убѣжденія, вынуждены считаться съ этой атмосферой. Но для однихъ это — внѣшняя неотвратимая обстановка, въ которую въ силу историческаго несчастья вдвинуто дѣло возстановленія Россіи, для другихъ это — желанная поддержка ихъ собственныхъ «лѣвыхъ» аспирацій, которыя, какъ это они не могутъ не чувствовать, потерпѣли позорное фіаско».

Практически это столкновеніе взглядовъ давало такую картину работы (мартъ 1919 года):

> «Три четверти времени уходитъ на безполезную грызню между собой, заподазриваніе другъ друга въ злыхъ замыслахъ. Если это продлится еще нѣкоторое время и выйдетъ наружу, то мы совершенно погубимъ себя. И мы это здѣсь понимаемъ, и въ послѣднюю минуту самые, казалось бы, непримиримые останавливаются. Такъ, здѣсь назрѣвалъ и чуть не разразился большой конфликтъ между Сазоновымъ и представителями общественнаго мнѣнія, которые находили, что онъ слишкомъ отсталъ и недостаточно считается съ духомъ времени. Всѣмъ стало ясно, что если нѣчто подобное разразится, если ссора между русскими въ моментъ Мирнаго конгресса выйдетъ наружу, то всякое уваженіе къ намъ пропадетъ и, можетъ быть, надолго».

Впрочемъ, рѣшенія, — говоритъ участникъ — вырабатывались почти всегда «единодушныя, т. е.... компромиссныя».

* * *

Парижъ и Западная Европа жили, главнымъ образомъ, тѣми готовыми умозаключеніями, которыя имъ подсказывала русская эмиграція и, прежде всего, ея политическій центръ — Парижъ. По словамъ кн. Львова [2]), общественное мнѣніе

---

[1]) Ген. Щербачевъ, совмѣстно съ экономическимъ совѣщаніемъ Рафаловича, исчислили и представили французскому министерству финансовъ смѣту въ 69½ милл. франковъ въ мѣсяцъ на финансированіе этихъ предпріятій.

[2]) Письмо его ко мнѣ отъ 20 февраля 1919 г.

союзныхъ державъ «оцѣнивало наши правительства въ такой постепенности по демократизму»:

«Первымъ стоитъ Архангельское. Оно не возбуждаетъ сомнѣній въ реакціонности, главнымъ образомъ, благодаря Чайковскому и потому, что оно не сильно и не такъ существенно.

Затѣмъ Омское, которое послѣ переворота Колчака, вызвало бурю негодованія, но когда выяснилась позиція Колчака, опирающагося на демократическо-радикальные слои, все-таки съ нимъ мирятся. Здѣсь намъ въ этомъ дѣлѣ удалось разсѣять сомнѣнія.

Что же касается Южнаго, то оно прямо считается реакціоннымъ. Въ доказательство приводится все, что угодно: приглашеніе всѣхъ стараго режима министровъ (?), наличіе множества генераловъ, представительство Сазонова, отсутствіе въ составѣ правительства соц.-дем., отношеніе къ Донскому Кругу и Краснову, коего, какъ антитезу Добровольческой Арміи, выставляютъ, какъ истинно-демократическое начало и, наконецъ, самое офицерство, которое кутитъ и поетъ «Боже, царя храни».

Союзники терялись въ тѣхъ противорѣчивыхъ до крайности мнѣніяхъ, которыя исходили отъ русской эмиграціи. Среди той взаимной ненависти, непониманія, навѣтовъ и обличеній другъ друга въ самыхъ тяжелыхъ, не только политическихъ, но и уголовныхъ преступленіяхъ...

Парижъ сталъ сборищемъ политическихъ дѣятелей всѣхъ ранговъ и направленій, въ томъ числѣ людей особаго типа — коммивояжеровъ отъ политики, обивавшихъ всѣ пороги со своими жалобами и проектами, со своимъ вздутымъ ослѣпленнымъ самомнѣніемъ, своимъ «я», доминировавшимъ надъ интересами борьбы и Родины...[1]).

Революціонная демократія въ огромномъ большинствѣ вложила мечъ въ ножны и ополчилась противъ реакціи, которая «идетъ на штыкахъ колчаковскихъ и деникинскихъ армій...»[2]). Къ нимъ присоединились всецѣло представители многочисленныхъ лимитрофовъ — непримиримые и озлобленные. Весь этотъ лагерь велъ сильнѣйшую борьбу «противъ Колчака и Деникина», имѣя особенный успѣхъ среди соціалистовъ Запада. Если бы, все же, эта реакція могла быть донесена до Кремля, насколько свободнѣе вздохнулъ бы тогда русскій народъ!

Въ кругахъ, близкихъ къ Политическому совѣщанію, признавалась всецѣло идея «борьбы до конца». Но отношеніе ихъ къ борющимся силамъ было не одинаково. Въ немъ обозначилось теченіе, ослаблявшее не разъ позицію Юга и отозвавшееся, несомнѣнно, на настроеніяхъ французовъ, косвенно на событіяхъ въ Одессѣ и Крыму: «за Колчака, противъ Деникина». Къ нему примкнули, повидимому, и оба наши представителя — Сазоновъ и ген. Щербачевъ. Казалось въ высшей степени страннымъ это привнесеніе со стороны — элемента борьбы и соперничества въ отношенія двухъ людей, отличавшіяся глубокой искренностью, единомыслiемъ и стремленіемъ къ единенію...

Думаю, что не малую роль въ этомъ вопросѣ сыграли два обстоятельства: съ одной стороны, непризнаніе Екатеринодаромъ руководящей роли за Политическимъ совѣщаніемъ и, съ другой — большіе стратегическіе успѣхи Восточныхъ армій въ началѣ 1919 г., въ то время, какъ Армія Добровольческая, покончивъ съ Сѣвернымъ Кавказомъ, только еще поворачивала съ тяжелыми боями на сѣверъ. Во всякомъ случаѣ, лѣтомъ, съ выходомъ Воор. Силъ Юга Россіи на московскіе пути, измѣнится и отношеніе Совѣщанія, хотя общее направленіе политики Южнаго правительства не претерпитъ измѣненія.

Вообще, во внѣшнихъ и внутреннихъ взаимоотношеніяхъ главную роль игралъ успѣхъ.

Опираясь на представительство такихъ реальныхъ силъ, какъ Востокъ и Югъ Россіи, Совѣщаніе получало извѣстный вѣсъ въ общественномъ мнѣніи, но само

---

[1]) См. книжки Маргуліеса, Марголина, Кирдецова и друг.

[2]) Керенскій, Миноръ, Зензиновъ, Аргуновъ и друг. обратились даже съ «манифестомъ» къ демократическимъ правительствамъ Запада, приглашая ихъ не оказывать поддержки адм. Колчаку и мнѣ.

оно къ силамъ этимъ относилось съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, какъ къ правительствамъ «провинціальнаго масштаба». Считая себя органомъ всероссійскаго значенія, Совѣщаніе заняло самодовлѣющее положеніе и въ отношеніи иностранцевъ и въ отношеніи представляемыхъ имъ силъ, стараясь руководить дѣйствіями послѣднихъ. Не знаю, какъ отнеслось къ этому Омское правительство, но Южное отрицательно. Между прочимъ, въ самый разгаръ нашей борьбы съ кубанскими самостійниками, въ началѣ апрѣля, кн. Львовъ отъ имени Совѣщанія прислалъ мнѣ телеграмму съ рѣзкимъ осужденіемъ дѣятельности Южнаго правительства:

«Совѣщаніе считаетъ необходимымъ, учитывая критическое положеніе, создавшееся для дѣла спасенія Россіи, сообщить, что въ союзныхъ странахъ, какъ и вообще въ Европѣ, демократическія теченія чрезвычайно усилились, не считаться съ ними ни одно правительство не можетъ... Тѣ свѣдѣнія, которыя поступаютъ съ Юга отъ офиціальныхъ представителей мѣстныхъ правительствъ, отъ общественныхъ дѣятелей самой различной политической окраски, отъ агентовъ союзниковъ о взаимоотношеніяхъ между мѣстными правительствами и Добровольческой Арміей, усиливаютъ позицію тѣхъ, которые защищаютъ здѣсь большевиковъ, и ослабляютъ тѣхъ, кто можетъ и хочетъ намъ оказать помощь. Совѣщаніе безсильно чего-либо здѣсь добиться, если на мѣстахъ не будутъ учитывать указанной обстановки... Всякій слухъ о раздорахъ военныхъ властей съ мѣстными правительствами и выборными правительственными организаціями, внесеніе политическихъ соображеній въ военное дѣло, а тѣмъ болѣе обнаруженіе реакціонныхъ симпатій, стремленій къ политической реставраціи, отобранію земель отъ крестьянъ, хотя бы со стороны отдѣльныхъ лицъ, близкихъ къ Добровольческой Арміи, — убиваетъ сочувствіе и довѣріе къ національному движенію... Недостаточно только избѣгать подобныхъ ошибокъ, надо установить явно дружелюбныя отношенія къ Краевымъ правительствамъ, имѣть въ составѣ правительства популярныя имена, возстановить и поддержать широкій политическій фронтъ и сдѣлать такъ, чтобы большевики были изолированы въ своей борьбѣ со всей Россіей».

О содержаніи этой телеграммы одновременно съ нами была поставлена въ извѣстность Парижемъ и Кубанская законодательная рада, помѣстившая ее на страницахъ газетъ самостійнаго направленія. Это обстоятельство заставило меня предать гласности и мой отвѣтъ:

Парижъ. Министру Сазонову.

«По поводу телеграммы № 669 Маклакова, передайте кн. Львову, что я интересуюсь политической обстановкой и отношеніями къ Россіи, установившимися въ Парижѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, признаю совершенно безполезнымъ намѣреніе руководить дѣйствіями Екатеринодарскаго правительства со стороны лицъ, оторванныхъ отъ Россіи, не знающихъ и не понимающихъ вовсе той обстановки, въ которой совершается въ ней трудное дѣло государственнаго строительства».

Деникинъ.

Эта переписка ухудшила значительно отношенія русскаго Парижа къ Екатеринодару, но, во всякомъ случаѣ, привела ихъ въ полную ясность.

Мало по малу, стало выясняться, что правительство Юга, по существу, не имѣетъ въ Парижѣ никакого представительства. Ни въ смыслѣ защиты нашихъ интересовъ, ни въ освѣдомленіи Запада о дѣятельности и боевыхъ успѣхахъ армій Юга, ни даже простого опроверженія тѣхъ вздорныхъ слуховъ и небылицъ, которые распространялись нашими недругами.

Съ парижскимъ политическимъ совѣщаніемъ я не сносился. Офиціальныя отношенія между управленіемъ иностр. дѣлъ Юга и Сазоновымъ, хотя и продолжались, но существеннаго значенія не имѣли. Реальная политика, касавшаяся не только интересовъ Юга и борьбы его, но и нѣкоторыхъ вопросовъ общегосударственныхъ, велась непосредственно въ Екатеринодарѣ. И такъ какъ до осени 1919 г. иностранныя державы держали при командованіи Юга исключительно военныя миссіи, то, естественно, многіе вопросы проходили мимо нашей дипломатіи, разрѣшаясь, главнымъ образомъ, мною, совмѣстно съ предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія, и отчасти начальникомъ военнаго управленія. Общее направленіе внѣшней политики, съ которымъ Особое Совѣщаніе знакомилось еженедѣльно на

засѣданіяхъ, въ моемъ присутствіи, не вызывало никогда розни среди его членовъ.

* * *

Наши ожиданія не сбылись: русское представительство не было допущено на Мирную конференцію ни съ рѣшающимъ, ни съ совѣщательнымъ голосомъ. Политическое совѣщаніе и делегація («четверка») по собственной иниціативѣ, иногда по приглашенію столповъ конференціи, отзывались на животрепещущіе вопросы, связанные съ судьбами русской державы, декларацiями, записками, иногда личными неофиціальными бесѣдами, но выступленія ихъ встрѣчали вниманія не многимъ больше, чѣмъ «манифесты» Керенскаго и «меморандумы» державныхъ лимитрофовъ.

Было бы ошибочно и несправедливо, однако, отрицать значеніе этой «декларативной работы» русскаго парижскаго представительства: среди разноязычной толпы могильщиковъ Россіи, для которой они изобрѣли эпитетъ «бывшей», среди громкаго гомона «наслѣдниковъ», дѣлившихъ заживо ея ризы, нуженъ былъ голосъ національнаго сознанія, голосъ предостерегающій, возстанавливающій историческія перспективы, напоминающій о попранныхъ правахъ русскаго государства.

Это было важно психологически и не могло не оказать сдерживающаго вліянія на крутые уклоны руководителей мирной конференціи, на колеблющіяся общественныя настроенія Запада.

Объ этихъ настроеніяхъ русскій посолъ въ Парижѣ Маклаковъ писалъ на Югъ:

> «Пять лѣтъ войны и напряженія всѣхъ силъ вызвали реакцію... Когда было заключено перемиріе, всѣ бросились отдыхать по своему: люди состоятельные стали одѣваться, раздѣваться и танцовать, забывъ о всякихъ ограниченіяхъ; рабочій людъ сталъ требовать сокращенія рабочаго дня и повышенія заработной платы... Въ нѣкоторыхъ странахъ въ миніатюрѣ повторяется то, что происходитъ въ Россіи — рабочій трудъ не окупаетъ уже рабочей платы и рабочіе становятся пенсіонерами государства... Вмѣстѣ съ тѣмъ, политическія претензіи рабочаго класса и, вообще, широкихъ демократическихъ массъ, какъ принято у насъ выражаться, очень возрастаютъ. Вездѣ правительства, представляющія правящіе классы, чувствуютъ себя на вулканѣ, вездѣ противъ нихъ идутъ претензіи тѣхъ, кто хотѣлъ бы занять ихъ положеніе, смотрятъ съ завистью и предубѣжденіемъ на всякое соціальное неравенство и преимущество и, благодаря этому, къ нашему большевизму относятся съ нескрываемой симпатіей. «Конечно, — говорятъ они, — тамъ много дикости и глупости, но общая идея намъ нравится...»
>
> Вездѣ, гдѣ демократія начинаетъ чувствовать свою силу, находятся и демагоги; и вотъ здѣшніе демагоги, которые пока еще не побѣдили, но пріобрѣтаютъ сторонниковъ съ каждымъ днемъ, находятъ слишкомъ благодарную почву и въ медлительности мирныхъ переговоровъ, и въ безвыходномъ положеніи правящихъ классовъ передъ финансовыми затрудненіями и въ неумѣніи ихъ выйти изъ войны не поврежденными...
>
> Не въ этомъ настроеніи, не въ этой атмосферѣ можно создать что-нибудь прочное и итти водворять порядокъ въ Россіи.
>
> Заставить сейчасъ, послѣ заключенія перемирія ихъ войска (союзниковъ) сражаться за Россію — выше силъ какого бы то ни было правительства. А, главное, здѣсь сейчасъ начинается такая кампанія — демагогическая, взывающая къ желанію покоя и мира, изображающая всѣхъ анти-большевиковъ реакціонерами и реставраторами, что союзныя правительства боятся дать сраженіе своимъ большевикамъ на непопулярномъ сейчасъ лозунгѣ интервенціи» [1]).

Въ конечномъ результатѣ, все болѣе ясное пониманіе реальной опасности русскаго большевизма правящими классами и, съ другой стороны — равнодушіе или даже отчасти сочувствіе въ то время къ нему на Западѣ массъ привело къ непонятной, извилистой и гибельной для насъ политикѣ державъ Согласія въ русскомъ вопросѣ. Первымъ ея послѣдствіемъ былъ отказъ отъ всѣхъ торжественныхъ обѣщаній и декларацій, провозглашенныхъ подъ вліяніемъ военной психо-

[1]) Мартъ — апрѣль 1919 г.

логіи побѣдителей: по иниціативѣ Вильсона, съ одобренія Ллойдъ Джорджа и при отрицательномъ отношеніи Клемансо, состоялось постановленіе Мирной конференціи, переданное намъ по радіо 12 января:

> «Союзные представители подчеркиваютъ невозможность заключенія мира въ Европѣ, въ случаѣ продолженія борьбы въ Россіи. Поэтому, союзники приглашаютъ къ 15 февраля сего года всѣ организованныя политическія группы, находящіяся у власти или стремящіяся къ ней въ Европейской Россіи и въ Сибири, не болѣе трехъ представителей отъ каждой группы, на Принцевы острова въ Мраморномъ морѣ, для предварительныхъ переговоровъ, гдѣ будутъ присутствовать и представители союзниковъ. Финляндія и Польша, какъ автономныя единицы, въ переговорахъ не участвуютъ. Союзники считаютъ, однако, необходимымъ до переговоровъ — заключеніе перемирія между приглашенными группами и прекращеніе всякихъ наступательныхъ дѣйствій. Союзники увѣряютъ въ своихъ дружественныхъ чувствахъ къ Россіи и русской революціи».

Это былъ первый, серьезный ударъ національному русскому движенію, со стороны союзниковъ.

За посылку своихъ представителей на Принцевы острова высказались только совѣтъ комиссаровъ, Эстонія и... Одесса. Полагая, что терминъ «организованныя группы, стремящіяся къ власти», имѣетъ прямое къ нимъ отношеніе, одесскія буржуазныя и соціалистическія организаціи (Сов. гос. обороны, Союзъ Возрожденія, Отдѣлъ Нац. Центра [1]), Земско-городское объединеніе и друг.) послѣ обсужденія вопроса въ рядѣ засѣданій и послѣ споровъ о числѣ мѣстъ избирали уже своихъ кандидатовъ...

Почти всѣ остальныя группы отнеслись къ предложенію рѣзко отрицательно. Въ Екатеринодарѣ ему вначалѣ просто не повѣрили. Также было и въ Омскѣ, гдѣ адм. Колчакъ,—по словамъ Гинса,—заявилъ иностраннымъ представителямъ, что предложеніе «неясно по содержанію и искажено», а поэтому онъ, какъ правитель, «не будетъ вовсе на него отвѣчать», а въ качествѣ главнокомандующаго «отдастъ приказъ войскамъ, что разговоры о перемиріи съ большевиками распространяются врагами Россіи и что онъ готовится къ наступленію...» Съ осужденіемъ къ проекту отнеслась и большая часть англійской и французской печати. Наконецъ, перваго февраля Сазоновъ и Чайковскій отъ имени трехъ объединенныхъ правительствъ обратились къ Мирной конференціи съ меморандумомъ: «высоко цѣня побужденія, внушившія союзникамъ ихъ предложеніе», они вынуждены заявить, что «не можетъ быть рѣчи объ обмѣнѣ взглядами по сему поводу съ участіемъ большевиковъ, въ которыхъ совѣсть русскаго народа видитъ только предателей... Между ними и національными русскими группировками не возможны никакія соглашенія...»

Подъ вліяніемъ почти единодушнаго въ этомъ вопросѣ общественнаго мнѣнія, проектъ «Принкипо» былъ быстро похороненъ. Керзонъ въ палатѣ лордовъ проводилъ его надгробнымъ словомъ: «Правительство не можетъ объявить войну большевикамъ, такъ какъ это вызвало бы необходимость содержать большую оккупаціонную армію. Оставить же Россію мы также не можемъ — это была бы политика эгоистичная. Вотъ почему предложенъ на конференціи принципъ прекращенія военныхъ дѣйствій въ Россіи, но вовсе не признаніе большевицкаго правительства. Разговаривать съ разбойниками — не значитъ признать разбой...»

Идея интервенціи отпадаетъ. Послѣднія неудачныя и немощныя попытки ея въ Одессѣ и въ Крыму вызовутъ въ русскомъ обществѣ рѣзкую перемѣну во взглядахъ на спасительность интервенціи вообще, ксенофобію и — въ извѣстныхъ кругахъ — возвратъ германофильскихъ симпатій. Державы Согласія ограничиваются матеріальной помощью, но и въ этой области не достигнутъ единства: Америка отходитъ въ сторону, Франція оказываетъ помощь преимущественно лимитрофамъ, Англія — и лимитрофамъ, и бѣлымъ русскимъ арміямъ. Если пра-

---

[1]) Главный комитетъ Нац. Центра въ Екатеринодарѣ отнесся съ полнымъ осужденіемъ къ предложенію «Принкипо», о чемъ послалъ свое постановленіе союзному командованію.

вительства въ направленіи помощи руководствуются исключительно субъективно понимаемыми интересами своихъ странъ — спасеніемъ отъ распространенія воинствующаго большевизма, то западныя демократіи исходятъ изъ болѣе идиллическихъ соображеній: длиннымъ рядомъ лѣтъ инородцы и россійскіе либеральные и соціалистическіе круги заносили на Западъ свою психологію, свои обвиненія «царскаго» режима и возбуждали симпатіи къ «угнетеннымъ» имъ народамъ Россіи; теперь пресса, пропаганда, и личныя воздѣйствія представителей національныхъ образованій еще болѣе подогрѣваютъ симпатіи къ «угнетеннымъ».

> «Глубокая пропасть, — писалъ Маклаковъ, — образовалась между воззрѣніями той части русскихъ, которая, не ослабѣвая, продолжаетъ національную защиту Россіи, и настроеніями Запада — не только западныхъ враговъ, но и друзей Россіи. Если бы кто-нибудь здѣсь сталъ говорить, что Россія будетъ унитарна, что... мѣстная автономія отдѣльныхъ національныхъ территорій... будетъ дана сверху единымъ Учредительнымъ Собраніемъ и что предѣлы этой автономіи могутъ имъ измѣняться, то на него посмотрѣли бы, какъ на реакціонера и чудака».

Между тѣмъ, именно такъ смотрѣли на взаимоотношенія къ новообразованіямъ и Екатеринодарское, и Омское правительства. Парижское совѣщаніе пошло нѣсколько дальше, и отъ его имени, за подписью «четырехъ», представлена была Мирной конференціи декларація (май 1919 г.), въ которой державамъ предлагалось признать, что

> «всѣ вопросы, касающіеся территоріи Россійскаго государства въ его границахъ 1914 года, за исключеніемъ этнографической Польши, а также вопросы о будущемъ устройствѣ національностей, живущихъ въ этихъ предѣлахъ, не могутъ быть разрѣшены безъ согласія русскаго народа. Никакое окончательное рѣшеніе не могло бы, въ связи съ этимъ, состояться по этому предмету до тѣхъ поръ, пока русскій народъ не будетъ въ состояніи выявить свободно свою волю и принять участіе въ урегулированіи этихъ вопросовъ».

Что касается теоретическихъ взглядовъ «новой Россіи», декларація поясняла, что «она»

> «не разумѣетъ своего возстановленія иначе, какъ на основѣ свободнаго сосуществованія составляющихъ ее народовъ, на принципахъ автономіи и демократіи и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, на условіяхъ взаимнаго соглашенія между Россіей и этими народностями, основаннаго на ихъ самостоятельности».

И эта формула оказалась непріемлемой. Новообразованія требовали немедленной и полной самостоятельности. Частныя сношенія отдѣльныхъ членовъ Совѣщанія и инородческихъ делегацій были рѣшительно безрезультатны; официальныхъ не установилось вовсе, такъ какъ новообразованія соглашались признавать Совѣщаніе только за представительство «Великороссіи». Лишь однажды представители Литвы и Бѣлоруссіи (?) приняли помощь государствовѣдовъ Совѣщанія при опредѣленіи восточной границы Польши, оказанную имъ въ цѣляхъ огражденія Россійской территоріи отъ польскаго захвата.

Узнавъ объ обмѣнѣ мнѣній между адм. Колчакомъ и Верховнымъ совѣтомъ въ дни, когда предполагалось признаніе, шесть «государствъ» — Эстонія, Грузія, Латвія, Сѣверный Кавказъ, Бѣлоруссія и Украина тотчасъ же поспѣшили увѣдомить, что «всякія постановленія органовъ русской государственной власти не должны имѣть никакого отношенія къ нимъ». И кубанская делегація не преминула обратиться также съ просьбой признать Кубань «независимымъ государствомъ», допустить представителей ея къ участію въ работахъ Мирной конференціи и принять «Кубанскую республику» въ число членовъ Лиги Націй.

Мирная конференція не взяла на себя разрѣшенія русскаго вопроса. Она признала лишь «неотчуждаемую независимость всѣхъ территорій, входившихъ въ составъ бывшей Россійской имперіи» — въ смыслѣ отказа Германіи отъ всякихъ притязаній на нихъ.

* * *

Изъ Парижа намъ писали часто: помощь союзниковъ недостаточна потому, что борьба Юга и Востока не популярна среди европейскихъ демократій; что для пріобрѣтенія ихъ симпатій необходимо сказать д в а с л о в а:

— Республика и Федерація.

Этихъ словъ мы не сказали. Но, если бы другая власть допустила такое вмѣшательство извнѣ въ русскія дѣла и вышла изъ рамокъ непредрѣшенія коренныхъ вопросовъ государственнаго устройства Россіи до народнаго — въ той или другой формѣ — волеизъявленія, что измѣнилось бы въ исторіи прошлаго? Сомкнули бы съ нами свои ряды искренно и безкорыстно арміи новообразованій, отравленныхъ сладкимъ ядомъ мечты о полной своей независимости? Пошли бы полки генерала Уоккера на Царицынъ и стрѣлки генерала Анзельма на Кіевъ? Наконецъ, воспряли ли бы духомъ россійскія арміи, идя въ бой за «Федеративную республику?»

Конечно, нѣтъ.

Не деклараціямъ и формуламъ дано было повернуть колесо исторіи.

Balaton - Lelle
(Венгрія).
1924 г.

Содержаніе четвертаго тома

Вооруженныя силы Юга Россіи.

Главы		стр
I.	Крушеніе Германіи и его ближайшія послѣдствія для Россіи	3
II.	Внутреннее и военно-политическое положеніе совѣтской Россіи къ концу 1918 года	8
III.	Эвакуація австро-германскихъ войскъ. Измѣненіе политической карты Россіи и организація противобольшевицкихъ силъ на западѣ къ концу 1918 г. Финляндія. Сѣверо-западная область. Эстонія. «Сѣверный корпусъ». Ген. Юденичъ	17
IV.	Латвія. Группа ген. фонъ-деръ-Гольца. Литва. Польша. Идея объединеннаго «Сѣверо-западнаго фронта»	26
V.	Появленіе союзниковъ на Югѣ Россіи и ихъ первые шаги. Планы интервенціи	35
VI.	Кубань: правительство Быча и Чрезвычайная рада	42
VII.	Кубань: атаманъ Филимоновъ, правительство Сушкова и Законодательная рада	52
VIII.	Донъ: событія на Донскомъ фронтѣ въ концѣ 1918-го и въ началѣ 1919 г. Борьба за единство военнаго командованія на Югѣ	61
IX.	Донъ: трагедія Донского фронта. Объединеніе воор. силъ Юга Россіи. Уходъ атамана Краснова	71
X.	Добровольческая Армія и флотъ: силы, организація, снабженіе	80
XI.	Моральный обликъ Арміи. «Черныя страницы»	90
XII.	Борьба на Сѣверн. Кавказѣ лѣтомъ и осенью 1918 г.	96
XIII.	Сѣверо-Кавказская операція Добр. Арміи	106
XIV.	Терекъ въ 1919 году	113
XV.	Терско-Дагестанскій край въ 1919 году. Междуусобная борьба. Меджились и англичане	121
XVI.	Наша и англійская политика въ Закавказьи. Батумское генералъ-губернаторство. Юго-Западная республика	136
XVII.	Грузія	148
XVIII.	Азербейджанъ	163
XIX.	Арменія. Результаты англійской политики	172
XX.	Украина: измѣненіе политики съ паденіемъ Германіи. Борьба партій. Вооруженная сила	179
XXI.	Украина: послѣдніе дни гетманства	190
XXII.	Національная диктатура. Особое Совѣщаніе: составъ и общее направленіе политики	201
XXIII.	Особое Совѣщаніе: гражданское управленіе и самоуправленіе; рабочее и аграрное законодательство	216
XXIV.	Особое Совѣщаніе: дѣятельность финансово-экономическая, юстиціи, просвѣщенія; пропаганда. Церковь	225
XXV.	Внѣшняя политика правительства. Парижское военное и политическое представительство. «Русскій вопросъ»	236

Списокъ картъ и схемъ 4-го тома

Очерковъ Русской Смуты.

	Стр
Военное положеніе въ серединѣ ноября 1918 года	13
Военно-политическое положеніе на западѣ и югѣ Россіи	16
Сѣверный Кавказъ	97
Сѣверо-Кавказская операція, декабрь 1918 г.—февраль 1919 г.	107
«Интернаціональная» Владикавказская желѣзная дорога	120
Закавказье въ началѣ 1918 года	137
Черноморское побережье	155

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

РУССКІЕ КЛАССИКИ

Ам. дол.

А. С. Пушкинъ. Полное собраніе сочиненій, въ 6 томахъ. Цѣна каждаго тома 0.30
Всѣ 6 том., въ полухолщ. пер. 4.—
Въ полукожаныхъ перепл. .... 6.—

Н. В. Гоголь. Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 0.20
Всѣ 10 том., въ 5 полухолщ. пер. 2.50
Въ 5 полукожаныхъ перепл. .. 5.—

Н. В. Гоголь. Мертвыя души, въ полухолщ. перепл. 0.50

М. Ю. Лермонтовъ. Полное собраніе сочиненій, въ 4 томахъ. Цѣна каждаго тома 0.25
Въ 4 полухолщ. перепл. ..... 2.—
Въ 4 полукожаныхъ перепл. .. 4.—

И. С. Тургеневъ. Полное собраніе сочиненій, въ 10 томахъ. Цѣна каждаго тома 0.30
Въ полухолщ. перепл. 0.40

А. И. Герценъ. Былое и Думы. Въ 5 томахъ 1.50
Въ полухолщ. перепл. 2.50
Въ полукожан. перепл. ..... 5.—

Л. Н. Толстой. Собраніе сочиненій, съ рядомъ портретовъ Л. Н. Толстого. Т.т. I—XI. Цѣна каждаго тома 0.30
Въ полухолщ. перепл. 0.40

Л. Н. Толстой. Кругъ чтенія. Въ 2 томахъ. Цѣна каждаго тома .. 0.80
Въ полухолщ. перепл. 1.20
Въ холщ. перепл. ..... 2.—

А. П. Чеховъ. Полное собраніе сочиненій, въ 14 томахъ. Цѣна каждаго тома 0.20
Въ полухолщ. перепл. 0.30
Въ 7 полухолщ. перепл. 3.50
Въ 14 полукожаныхъ перепл. .. 7.—

А. П. Чеховъ. Три сестры 0.05

А. П. Чеховъ. Дядя Ваня 0.05

А. П. Чеховъ. Вишневый садъ 0.05

А. П. Чеховъ. Письма къ О. Л. Книпперъ 1.25

Ѳ. И. Тютчевъ. Полное собраніе стихотвореній 0.30
Въ полухолщ. перепл. 0.40
Въ полукожан. перепл. 0.60

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Александръ Блокъ. Стихотворенія. 3 тома. Цѣна за томъ 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Александръ Блокъ. Театръ. (Балаганчикъ. Король на площади. Незнакомка. Дѣйство о Теофилѣ. Роза и Крестъ) 0.50

Бальмонтъ. Изъ міровой поэзіи .. 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Бальмонтъ. Зовы древности 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Бальмонтъ. Подъ новымъ
Въ полухолщ. перепл. .

Буниnъ. Крикъ и другіе раз.
Въ переплетѣ .....

Буниnъ. Роза Іерихона .....

Зинаида Гиппіусъ. Дневникъ ....

М. Алдановъ. Девятое термидора 1.

Борисъ Зайцевъ. Дальній край .. 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Борисъ Зайцевъ. Улица Св. Николая 0.40

Сологубъ. Заклинательница змѣй 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Валентиновъ. Послѣдніе студенты 0.35

Л. Бакстъ. Сѣровъ и я въ Греціи .. 0.15

Замятинъ. Огни Св. Доминика 0.25

Собачья доля. Сборникъ разсказовъ А. Ремизова, Е. Замятина, Соколова-Микитова, В. Ирецкаго, В. Шишкова 0.25

Андрей Бѣлый. Первое свиданіе .. 0.25

Кузминъ. Нездѣшніе вечера 0.30

Юлій Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Томъ II и III. Цѣна за каждый томъ ..... 1.—

Степунъ. Основныя проблемы театра 0.35
Въ переплетѣ 0.45

СОВРЕМЕННАЯ ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Анатоль Франсъ. Петруша 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Ромэнъ Ролланъ. Николка Персикъ 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Келлерманъ. Девятое ноября 0.50
Въ переплетѣ 0.60

Скоттъ. Начало 0.25

Папини. Конченный человѣкъ 0.30

ИСТОРИКО-МЕМУАРНАЯ БИБЛІОТЕКА

Луи Мадлэнъ. Исторія французской революціи. Въ двухъ томахъ. Цѣна за оба тома ..... 1.—
Въ переплетѣ 1.30

И. О. Левинъ. Эмиграція французской революціи 0.50

Гр. С. Ю. Витте. Воспоминанія. Дѣтство. Царствованіе Александра II и Александра III. (Въ одномъ томѣ).
— Царствованіе Николая II. (Въ двухъ томахъ).
Цѣна за каждый томъ 1.25
Въ переплетѣ 1.50

Письма Императрицы Александры Феодоровны къ Императору Николаю II. Въ двухъ томахъ. Цѣна за каждый томъ 0.75
Въ переплетѣ ..... 1.—

	Ам. долл.
…иколай II. Дневникъ	1.—
…плетѣ	1.25
А. И. Деникинъ. Очерки …й Смуты. Томъ третій	2.—
…. Н. Даниловъ. Россія въ мі…вой войнѣ	2.—
…ронъ Н. Врангель. Воспоминанія. Отъ крѣпостного права до большевиковъ	1.—
М. Палеологъ. Романъ Императора. Александръ III и княгиня Юрьевская	0.50
Императоръ Вильгельмъ II. Событія и образы	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Кронпринцъ Вильгельмъ. Воспоминанія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Архивъ русской революціи. Т.т. I—XVI. Цѣна каждаго тома	1.25

Книга о современной Европѣ

Григорій Ландау. Сумерки Европы	0.75

НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА «СЛОВА»

Эйнштейнъ. Теорія относительности	0.35
Эйнштейнъ. О физической природѣ пространства	0.25
Эйнштейнъ. Математическія основы теоріи относительности	0.35
Фаянсъ. Радіоактивность	0.35
С. Метальниковъ. Проблема безсмертія и омоложенія въ современной біологіи	1.—
П. И. Новгородцевъ. Объ общественномъ идеалѣ	0.75
І. В. Гессенъ. Исканія общественнаго идеала	0.25
Е. Н. Трубецкой. Смыслъ жизни	0.50
А. И. Чупровъ. Мелкое земледѣліе и его основныя нужды. Съ предисловіемъ А. А. Чупрова	0.30
Туганъ-Барановскій. Соціальныя основы кооперації	0.75
С. Тотоміанцъ. Основы кооперації	0.60
С. Тотоміанцъ. Примиреніе труда съ капиталомъ	0.60
М. И. Ростовцевъ. Очеркъ исторіи древняго міра	2.—

	Ам. долл.
С. І. Гессенъ. Основы педагогики	1.25
Въ переплетѣ	1.75
Труды Русскихъ Ученыхъ Заграницей, подъ редакціей проф. А. Каминки.	
Томъ I: Сборникъ статей	0.40
Томъ II: Сборникъ статей	0.60
Томъ III: А. Н. Закъ. Разверстка государственныхъ долговъ	0.40
Томъ IV: Проф. Ѳ. В. Тарановскій. Энциклопедія права, изд. II	1.—

ДѢТСКАЯ БИБЛІОТЕКА «СЛОВО»

Афанасьевъ. Русскія дѣтскія сказки. Рисунки П. А. Хентовой	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Л. Толстой. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Жуковскій. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
И. С. Тургеневъ. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Ѳ. М. Достоевскій. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
А. П. Чеховъ. Избранныя произведенія	0.50
Въ переплетѣ	0.60
М. Первухинъ. Дьяволетто. Разсказы для маленькихъ	0.50
Въ переплетѣ	0.60
Саша Черный. Дѣтскій островъ. Съ иллюстраціями Бор. Григорьева, въ переплетѣ	1.50
Радуга. Русскіе поэты для дѣтей. Составилъ Саша Черный. Обложка и рисунки К. Л. Богуславской	0.50
Въ переплетѣ	0.60

НОВЫЯ КНИГИ

В. Альбановъ. Между жизнью и смертью. (Дневникъ участника экспедиціи Брусилова)	1.—
Уставъ Гражданскаго Судопроизводства и Положеніе о Нотаріальной Части	1.50
Въ мягкомъ холщевомъ перепл.	2.—
Уставъ Уголовнаго Судопроизводства	1.—
Въ мягкомъ холщевомъ перепл.	1.50
Н. Соколовъ. Убійство царской семьи	2.—

Въ Германію, Данію, Финляндію, Италію Латвію, Литву, Голландію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Чехословакію, Люксембургъ и Данцигъ книги, по желанію заказчика, высылаются **наложеннымъ платежомъ.** Въ другія страны — по полученіи стоимости заказа. **Деньги могутъ быть посылаемы въ любой котируемой на Берлинской биржѣ валютѣ.**

Въ предѣлахъ Германіи книги высылаются бандеролями, а внѣ предѣловъ Германіи — заказными бандеролями. Болѣе крупныя партіи могутъ быть, по желанію заказчика, высылаемы почтовыми посылками.

Пересылка считается **по себѣстоимости.**

Пересылка производится за страхъ и рискъ покупателя.

Розничная продажа въ книжномъ магазинѣ „СЛОВО" Berlin W., Wittenbergplatz 3 a, Tel. Steinplatz 11240.
Отдѣленіе въ Прагѣ: Ferd. Swoboda, Praha, Václavské nám. 57.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

BERLIN SW 68 — Telephon: Dönhoff 5563, 5364

LOGOS BÜCHERVERTRIEB A. G.

Markgrafenstr. 87 — Postschekkonto: Berlin 157 729